

Московский государственный областной университет
Факультет истории, политологии и права
Кафедра истории древнего мира и средних веков

Индоевропейская история в свете новых исследований

*(Сборник трудов конференции
памяти профессора В.А. Сафронова)*

Москва
2010

УДК 94(3) (063)
ББК 63.3(0)2
И-60

Редакционная коллегия:

Е.В. Яровой – ответственный редактор,
Сморчков А.М.,
Николаева Н.А.,
Клемешов А.С. – ответственный секретарь),
Сафронов А.В. – зам. ответственного редактора,

**И-60 Индоевропейская история в свете новых исследований:
сборник научных статей // М.: МГОУ, 2010. – 394 с.**

ISBN 978-5-7017-1653-5

В сборник включены материалы конференции «Индоевропейская история в свете новых исследований», посвященной памяти известного археолога и историка В.А. Сафронова. Для археологов, историков, специалистов в области гуманитарных наук и широкого круга читателей, интересующихся проблемами индоевропейской истории.

УДК 94(3)(063)

ISBN 978-5-7017-1653-5

© Коллектив авторов, 2010
© МГОУ, 2010

Содержание

От редколлегии	6
----------------------	---

Памяти Владимира Александровича Сафронова

Владимир Александрович Сафронов (1934–1999)	7
<i>Савинов Д. Г. (Санкт-Петербург)</i> . О начальном пути в археологии Владимира Александровича Сафронова	14
<i>Державин В. Л. (Москва)</i> . Памяти Владимира Александровича Сафронова	17
<i>Яровой Е. В. (Москва)</i> . Вспоминая В. Сафронова	20
<i>Красильников К. И. (Луганск)</i> . Слово о Владимире Александровиче	23
<i>Сморчков А. М. (Москва)</i> . В память друга	25
<i>Кожин П. М. (Москва)</i> . Объективные законы древнего производства	26
<i>Аннотация Николаевой Н. А.</i> Список печатных трудов Владимира Александровича Сафронова	34

Индоевропейская история в свете новых исследований

<i>Николаева Н. А. (Москва)</i> . О концепции четырех прародин индоевропейцев В. А. Сафронова	56
<i>Mallory J. P. (Belfast)</i> . The Indo-European Homeland and the Steppe Hypothesis: Research Agenda	71
<i>Моргунова Н. Л. (Оренбург)</i> . К вопросу о происхождении хвалынской культуры и о формировании хвалынского-среднеднепровской общности	81
<i>Роман Петре (Бухарест)</i> . Культуры Чернавода в европейском контексте	91
<i>Кузнецов П. Ф. (Самара)</i> . Население степного пояса в эпоху ранней бронзы от Приуралья до Поднепровья	96
<i>Яровой Е. В. (Москва)</i> . Некоторые вопросы изучения древних скотоводов Северо-Западного Причерноморья	99
<i>Ковалева И. Ф. (Днепропетровск)</i> . Изображение повозки из погребения раннебронзового века Надпорожья	112

<i>Иванова С.В. (Одесса). История населения Северо-Западного Причерноморья в бронзовом веке (инвайроментальный подход) ...</i>	122
<i>Попович С.С. (Кишинев). Погребение ямной культуры с обрядом демембрации в кургане 3 у с. Талмаза</i>	132
<i>Красильников К.И., Красильникова Л.И., Пробейголова А.С. (Луганск). Ямно-катакомбные традиции в степном Подонцовье (по материалам кургана-могильника на р. Красной).....</i>	136
<i>Мочалов О.Д. (Самара). Керамика эпохи ранней – средней бронзы Волго-Уралья в контексте Кавказско-Причерноморских связей: «взгляд» с востока.....</i>	153
<i>Отрощенко В.В. (Киев). К вопросу об этнической принадлежности населения срубно-андроновского блока культур.....</i>	165
<i>Агульников С.М. (Кишинев), Малюкевич А.Е (Одесса). Погребальные комплексы сабатиновской культуры в курганах Днестровского Правобережья</i>	173
<i>Агульников С.М. (Кишинев). Некоторые особенности погребального обряда Белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья.....</i>	183
<i>Григорьев С.А. (Челябинск). Мегалиты Урала в свете индоевропейской проблемы</i>	193
<i>Зданович Г.Б. (Челябинск). Некоторые определения «рйг» – крепостей «Ригведы» в контексте археологии укрепленных центров синташтинско-аркаимской культуры</i>	203
<i>Малютина Т.С. (Челябинск). Исследования Кизильского комплекса памятников эпохи бронзы на Южном Урале: перспективы и возможности</i>	219
<i>Напольских В.В. (Ижевск). Уральско-арийские взаимоотношения: история исследований, новые решения и проблемы</i>	229
<i>Чередниченко А.Г. (Белгород). К вопросу о происхождении носителей археологических культур Эгеиды эпохи неолита</i>	243
<i>Шапошников А.К. (Москва). Индоевропейский этногенез – свидетельствуют мифология, лингвистика, ономастика и ДНК-генеалогия</i>	251
<i>Сафронов А.В. (Москва). О раннем присутствии «народов моря» в Восточном Средиземноморье в 14 – первой половине 13 вв. до н.э.</i>	263
<i>Немировский А. А. (Москва). «Страна кедр», «Верх» и «Низ» в географических представлениях ранней Месопотамии</i>	272

<i>Авилова Л.И. (Москва)</i> . К вопросу о храмовой экономике на Ближнем Востоке в эпоху энеолита и бронзового века	281
<i>Шепард Генри (Филадельфия)</i> . К вопросу об истоках культа Диониса	295
<i>Сарианиди В. И. (Афины)</i> . К семантике некоторых изображений на медно-бронзовых амулетах Маргианы и Бактрии.....	309
<i>Коровчинский И.Н. (Москва)</i> . Резьба на ножнах из Тахти-Сангина в свете сравнительной индоевропейской мифологии	312
<i>Сморчков А. М. (Москва)</i> . Древнеримское жречество и сенат (по поводу концепции Р. Митчелла).....	319
<i>Демкин В.А., Борисов А.В., Удальцов С.Н., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Каширская Н.Н., Саламахин А.Ю. (Пушино)</i> . Палеоэкологические условия Волго-Донских степей в эпоху энеолита и бронзы (IV–II тыс. до н.э.).....	326
<i>Иванов И.В. (Пушино)</i> . Региональные изменения экологических условий жизни древних обществ в степях Евразии.....	343
<i>Песочина Л.С. (Пушино)</i> . Природные условия среды обитания древнего человека в степях Приазовья в эпоху бронзы	350
<i>Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Каширская Н.Н., Демкин В.А. (Пушино)</i> . Микробные сообщества степных подкурганов палеопочв как индикатор динамики климата в эпоху бронзы (III–II тыс. до н.э.).....	356
<i>Борисов А.В. (Пушино), Коробов Д.С. (Москва)</i> . Древнее террасное земледелие в Кисловодской котловине.....	369
<i>Державин В.Л. (Москва)</i> . Периодизация памятников ранней и средней бронзы степного Ставрополя (по материалам раскопок 70–80-х гг.)	381
Сведения об авторах	389
Список сокращений	392

От редколлегии

Настоящий сборник научных статей и воспоминаний посвящен памяти археолога, историка, преподавателя Владимира Александровича Сафронова (1934–1999), последние годы жизни которого были тесно связаны с Московским государственным областным университетом (бывшим МОПИ им. Н.К. Крупской). Сегодня его знают в основном по работам в области индоевропейской истории, но есть еще немало людей, которые помнят его лично. Вот уже более десяти лет прошло со дня кончины Владимира Александровича, но его по-прежнему с благодарностью и теплотой вспоминают коллеги и многочисленные ученики. Они неизменно отмечают его огромную и разностороннюю эрудицию, доброжелательность и работоспособность.

Круг научных интересов В.А. Сафронова не ограничивался лишь проблемами археологии. Он был существенно шире, поэтому вошедшие в сборник статьи освещают различный круг вопросов: от глобальных проблем древней истории, языкознания и палеоэкологии до результатов исследований конкретных археологических памятников.

Среди авторов сборника исследователи не только из России, Украины и Молдовы, где проводил широкие полевые исследования В.А. Сафронов, но и из Ирландии, США, Греции и Румынии, где его научные публикации хорошо известны и продолжают вызывать активный интерес. При работе с поступившими статьями мы старались сохранить авторский стиль и проводить минимальную редакторскую правку, убирая лишь явные ошибки и унифицируя научный аппарат. В конце концов, каждый автор имеет право на собственную точку зрения на те или иные события недавнего прошлого и на интерпретацию привлеченных к анализу источников. При этом считаем необходимым подчеркнуть, что каждый автор несет ответственность за свои публичные высказывания.

В данное издание включены материалы, освещающие жизнь и научную деятельность В.А. Сафронова. Воспоминания о нем подчас весьма эмоциональны – такой яркой личностью был В.А. Сафронов, передававший свою увлеченность и неравнодушие окружающим и пробуждавший стремление к творческому поиску у студентов исторического факультета МГОУ. До сих пор не прекращаются горячие дискуссии вокруг тем, разработкой которых занимался В.А. Сафронов. И это, на наш взгляд является свидетельством их значимости и актуальности.

Этот сборник – дань уважения как самому В.А. Сафронову, так и его безусловному вкладу в отечественную науку.

Владимир Александрович Сафронов (1934–1999)

Страницы научной биографии

Владимир Александрович Сафронов родился 19 октября 1934 года в Ленинграде. По обеим линиям он принадлежал к коренным петербуржцам, историю которых можно проследить до первой трети XIX века. Способность работать до получения конкретного результата, глубоко вникать в проблему, а также интегративное мышление,

Лето 1941 года. С отцом. Конец детства.

особый вид памяти достались В.А. Сафронову, вероятно, от родителей. Отец, Александр Тихонович Сафронов, был мастером «золотые руки». Осиротев в 14 лет, он вынужден был самостоятельно зарабатывать на жизнь. Сменив ряд профессий (электрика, музыканта, ветеринара), отец последние 25 лет своей жизни посвятил работе в Государственном оптическом институте (ГОИ) в Ленинграде, который в начале войны был эвакуирован в Йошкар-Олу. По рассказам, он был настолько незаменимой фигурой в ГОИ, что с его смертью остановились все трофейные станки в институте.

Мать, Екатерина Николаевна Сафронова, была настоящей подвижницей. В годы революции, оставшись полной сиротой, без родственников, 18-летняя девушка в течение 10 лет поднимала своих трех малолетних братьев. Она была гостеприимна и щедра. К ней тянулись люди. «Рука дающего не оскудеет», – часто говорила она. Готовность делиться последним, брать на себя непомерную ношу и ничего не просить – эти черты характера матери были унаследованы сыном в полной мере.

В археологию В.А. Сафронов пришел не сразу. Поначалу возник интерес к революционному движению в России, который, вероятно, не был случаен. Его дед, Тихон Сафронов, служил на флоте, жил в Кронштадте, но был сослан за революционную деятельность в 1905 году. Брат матери был участником Кронштадтского мятежа и погиб в 1921 году.

В годы учебы на филологическом факультете Ленинградского государственного университета В.А. Сафронов собрал уникальную библиотеку по народовольцам и боевикам-эсерам, которая почти полностью погибла при наводнении в Ленинграде. Знания по истории освободительного движения в России были столь обширны, что при поступлении уже на исторический факультет Ленинградского университета В.А. Сафронов представлял собой «готового» специалиста по этой проблеме: одного эпизода из истории народовольцев на вступительном экзамене хватило для зачисления его на дневное отделение исторического факультета ЛГУ в 1958 году. О народовольцах и спустя годы он рассказывал так захватывающе, как будто сам был на месте этих событий. Но он нигде и никогда не выступал перед широкой аудиторией и не упоминал о своих действительно энциклопедических знаниях в этой области истории. Занятия историей революционного движения в России сложили его как историка и ученого с ясной и твердой гражданской позицией. Несмотря на настойчивые уговоры специализироваться по истории России и истории «Народной воли», В.А. Сафронов поступил на кафедру археологии.

К концу 1950-х годов поле археологической науки было еще неосвоенной целиной. Постоянно пополняемая база археологических источников требовала слома старых моделей, не вмещающих новые факты. Любой решившийся разрабатывать эту «целину» широкими площадями был обречен на успех. В официальной науке не ждали революционеров, поэтому научная жизнь обещала борьбу, но это только вдохновляло. Точка приложения была выбрана – эпоха сложения цивилизаций, древнейших государств, эпоха первых миграций народов.

1958–1964 годы были «веком романтических ожиданий» в стране и «золотым веком» кафедры археологии ЛГУ. По счастливому стечению обстоятельств, руководителем кафедры археологии в то время был профессор Михаил Илларионович Артамонов (1898–1972), харизматичный и одаренный человек с неординарной биографией, в которой было и участие в гражданской войне, и Академия Художеств, и руководство Институтом истории материальной культуры (ИИМК), и управление Государственным Эрмитажем, и кафедра археологии, и масштабные раскопки.

М.И. Артамонов выделял немногих, но В.А. Сафронову симпатизировал, поэтому всегда оказывал начинающему исследователю моральную поддержку. В частности, он предлагал для публикации дипломной работы В.А. Сафронова целый сборник Сообщений Государственного Эрмитажа, опубликовал статью в Вестнике ЛГУ, ходатайствовал об аспирантуре, рекомендовал статью «Датировка Бородинского клада» к защите в качестве кандидатской диссертации, наконец, принял его на работу в библиотеку Эрмитажа на освободившееся место Л.Н. Гумилева. При своей занятости он присутствовал на всех докладах В.А. Сафронова в Институте археологии. Покровительство М.И. Артамонова не сказалось на карьере В.А. Сафронова, однако помогало ему сохранять человеческое достоинство и веру в собственные силы.

При М.И. Артамонове археологи получали разностороннее образование по сравнению с другими учебными центрами страны. Кроме препо-

1963 год. Окончание Университета. Юбилей зав.кафедры археологии и директора Эрмитажа М.И. Артамонова.

1 ряд стоят : 2-я слева – Н. Николаева , 4-я слева – В. Беляева;

5-й слева – А.Румянцев. 2 ряд стоят: К. Марченко, 4-й –В. Сафронов

давателей кафедры и Университета, им преподавали ученые Эрмитажа, а также сотрудники академических институтов – археологи, минералоги, антропологи, этнографы. Студенты-археологи специализировались уже с 1 курса, находились в экспедициях до ноября, где о них, правда, никто не заботился. Однажды из алтайской экспедиции возвращались оборванные, без копейки в кармане Володя Сафронов, Митя (Д.Г.) Савинов, Боб (Б.Н.) Пяткин. Они добирались до дома в течение месяца на товарных поездах, поскольку руководитель экспедиции, оказав им высокое доверие доставить раскопанное «скифское золото», забыл дать денег на дорогу. Потом это пересказывалось как анекдот. В таких перипетиях складывалось археологическое братство и светлый веселый мир, где царили свободная мысль, споры «по науке» и не было никаких ложных авторитетов.

Интерес к археологии сменился одержимостью после открытия студентом 2 курса ЛГУ В.А. Сафроновым уникального памятника – неолитического поселения Ракушечный Яр (станция Раздорская на острове Поречном, расположенном в 300 км вверх по Дону от Ростова-на-Дону). В течение 4 лет в экспедиции доцента кафедры археологии ЛГУ, Татьяны Дмитриевны Белановской (1918–2009), его университетской покровительницы, он раскапывал этот памятник вместе с друзьями – Александром Н. Румянцевым и Виктором П. Третьяковым. Этой команде студентов и цементирующему энтузиазму В.А. Сафронова археологическая наука обязана обретением высококлассного памятника неолита. Тем не менее, специализироваться по неолиту В.А. Сафронову не пришлось. Но занятия каменным веком не пропали даром и сыграли свою роль в работе над главным трудом его жизни, посвященном индоевропейской праистории.

После окончания ЛГУ В.А. Сафронова ожидали 56 рублей смотрителя в Эрмитажной библиотеке и 90 рублей в кочегарке Зоологического музея. Работа совмещалась, и часто зимой можно было видеть раздетого человека, перебегающего зимой Дворцовый мост из Эрмитажа в кочегарку и обратно. Но работу кочегаром В.А. Сафронов считал благом, поскольку, как он говорил, она не занимала голову и давала возможность заниматься наукой.

Первые статьи были связаны с разработкой темы диплома «К вопросу о происхождении и датировке Сейминского, Турбинского могильников и Бородинского клада». Статья же «Некоторые вопросы хронологии среднебронзового века Восточной Европы» вошла в число 30 докладов советских археологов на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков в Праге в 1966 году. Это была зрелая работа, в которой хронология была представлена как отдельное направление в археологии.

В 1966 году В.А. Сафронов поступил в Москве в дневную аспирантуру Ленинградского отделения Института археологии. Во время аспирантуры он ездит в сибирские, украинские, туркменские экспедиции; объезжает все археологические музеи Северного Кавказа. Однако институтские кавказоведы не одобряли его интереса к Кавказу, критически отнеслись к теме его диссертации «Хронология бронзового века Кавказа», поэтому вместо диссертации он опубликовал статью с малоговорящим названием «Датировка Бородинского клада» (1968), но в которой были изложены основы хронологии бронзового века Предкавказья и Северного Кавказа, а также горизонта конца среднебронзовой эпохи степей Евразии. Статья была рекомендована кафедрой археологии ЛГУ к защите в качестве кандидатской диссертации. Однако это мнение не было поддержано в Секторе Кавказа и Средней Азии ЛО ИА, и по окончании аспирантуры ЛОИА в 1969 году В.А. Сафронов был отчислен без предоставления места работы (возражали против этого только археологи П.Н. Третьяков, В.М. Массон, Н.Н. Гурина, Я.А. Шер). Тем не менее, диссертация «Хронология памятников II тыс. до н.э. юга Восточной Европы», которая представляла собой расширенный вариант статьи «Датировка Бородинского клада», была блестяще защищена уже в Москве в 1970 году.

Расставание с родным городом, вынужденный переезд в Москву в 1969 году в какой-то мере компенсировались устройством на работу «по специальности», хотя Научно-Методический Совет (НМС) по охране памятников культуры Министерства культуры СССР, где В.А. Сафронов проработал с 1970 по 1974 год, не соответствовал возлагаемым на это учреждение надеждам. За время работы в Совете В.А. Сафронов принял участие в разработке Закона об охране памятников, на основании которого развернулись новостроечные археологические экспедиции на всем пространстве СССР, и археология стала другой наукой. Но самым важным событием этого периода жизни стала публикация кандидатской диссертации в Сообщениях НМС. Появление в печати большой работы было исключительной удачей, но выводы автора шли вразрез с установившейся системой взглядов ряда сотрудников Института археологии на бронзовый век Кавказа и степей Евразии. Первоначально доброжелательные

отношения с коллегами в Институте археологии неожиданно стали прохладными. В те годы принцип «принадлежности к команде» пронизывал и страну, и науку. Но В.А. Сафронов так ни к какой команде и не примкнул. Не требуется много воображения, чтобы понять, каковы были последствия такой позиции. В результате началась новая жизнь и «трудовая миграция» по стране.

В этот период В.А. Сафронов работает на широком экспедиционном фронте – от Молдавии до Кавказа. В 1974 году ему предложили договор на раскопки курганов в Северной Молдавии, где за полгода было раскопано 20 курганов. В 1975 году Институт археологии УССР предложил исследовать курганы в Ворошиловградской (Луганской) области. За 5 месяцев было раскопано 20 курганов, и хотя приглашения к дальнейшему сотрудничеству не последовало, в Ворошиловграде В.А. Сафронов приобрел надежных друзей, помогавших ему в течение нескольких лет в экспедициях Осетии и Прикубанья. Это был Константин Иванович Красильников, преподаватель археологии в Ворошиловградском педагогическом институте, известный археолог, неутомимый краевед и полевой исследователь, энтузиаст, со своим «боевым отрядом» студентов.

В 1976 году появилась организация, от которой можно было заключать свои договоры на раскопки курганов – Институт реставрации (ранее ВЦНИЛКР). Здесь В.А. Сафронов работал с 1976 по 1983 год. Уже в первые два года (1976–1977) им были заключены и выполнены договоры на раскопки курганов в Северной Осетии. Но вновь возникли препятствия. Ненужная, ничего не обещающая начальству ВЦНИЛКР экспедиция стала для него головной болью, и оно потеряло к ней интерес. Снова пришлось искать организацию, которая взяла бы на себя основное финансирование договоров. Такой организацией стал Северо-Осетинский университет (СОГУ). От него В.А. Сафронов проводит раскопки в разных районах Прикубанья и Северной Осетии с 1978 по 1982 годы.

Параллельно с раскопками была решена задача публикации материалов, поскольку печататься в Институте археологии АН СССР было практически невозможно. Благодаря сверхусилиям В.А. Сафронова, вышли в свет четыре больших сборника по археологии, изданные СОГУ в 1980–1983 гг. В них были опубликованы самые яркие материалы из раскопок В.А. Сафронова и Н.А. Николаевой, а также их основные концепции

1973 год. Украина.
Раскопки курганов у с. Миновка.

и гипотезы. А монография В.А. Сафронова «Проблемы индоевропейской прародины» (Орджоникидзе, 1983) стала новым направлением в археологии. Информационная блокада была прорвана. Однако вопрос трудоустройства оставался открытым.

В 1984 году заместитель директора Института археологии В.П. Шилов протянул руку помощи и дал «добро» на участие В.А. Сафронова в раскопках курганов в Калмыкии сначала в роли землекопа, а затем начальника отряда. Раскопки в Калмыкии велись с 1984 по 1987 годы включительно. Несмотря на блестящие результаты – уникальные находки (в частности, зооморфный скипетр в виде головы лошади в стратифицированном погребении), данные курганной стратиграфии катакомб разных этапов, данные о семантике костяных молоточковидных булавок – вновь возникли сложности с публикациями. Не было возможности даже посылать заметки в «Археологические открытия». Калмыцкая эпопея закончилась, и вновь начались поиски работы.

Оптимизм и нестандартность мышления выручают всегда. После серии звонков в разные города «просто с улицы» В.А. Сафронов дозванивается до ректора Горьковского университета, и тот приглашает его приехать познакомиться. В этом ВУЗе он работает почти три года, издает книгу «Индоевропейские прародины» (1989 г.), которую защищает в качестве докторской диссертации уже в Киеве, в Институте археологии АН УССР в 1991 году. В этом же году при новом директоре Института археологии АН СССР В.П. Алексееве выходит и статья «Новые решения майкопской проблемы» в рамках дискуссии на страницах журнала «Советская археология».

И то, и другое, и третье не могло осуществиться годом раньше.

Последние семь лет жизни (1992–1999) В.А. Сафронова были связаны с кафедрой истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета (МГОУ). Это было первое место постоянной работы. Казалось бы, можно подводить итоги. Но на-

1980 год. Еще раз про науку.
Конференция по энеолиту в Оренбурге
(слева – В.А. Сафронов, справа – И.Б. Васильев).

чались поиски способа популяризировать курс археологии, сделать его нужным для будущих учителей истории, что привело к идее датировки мифов и связи мифологии с археологией и праисторией. В последний период своей жизни Владимир Александрович разрабатывает направление «Сравнительно-историческая мифология и ее хронологический аспект», результатом чего стала

книга «Истоки славянской и евразийской мифологии» (1999). Преподавание по разработанным им курсам «Археология», «Библейская хронология», «Сравнительно-историческая мифология» ведется и поныне.

Приходит и общественное признание. В.А. Сафронов становится академиком Международной Славянской Академии, Российской Академии естественных наук (РАЕН) и председателем Совета Русского Исторического общества. В том числе и по его инициативе начинает функционировать печатный орган РИО «Сборник Русского исторического общества», который издается и поныне издательством «Русская панорама» и ее главным редактором, энтузиастом И.А. Настенко. Но так случилось, что в первом же номере Сборника появились не только статьи учеников В.А. Сафронова, но и его некролог.

Пройдя нелегкие испытания, В.А. Сафронов, тем не менее, прожил яркую, счастливую жизнь. Он был первопроходцем в одних вопросах науки, «пахал целину» и расчищал залежи неверных представлений в других.

Своеобразной целиной стали для него регионы Прикубанья и Северной Осетии. Именно он первым проторил дорогу, по которой потянулись сюда другие заинтересованные археологи. В области анализа и интерпретации В.А. Сафронов впервые разработал хронологическую систему энеолита–бронзы юга Восточной Европы. Новым словом в археологии стала его реконструкция индоевропейской праистории. Владимир Александрович бесстрашно входил и в новые научные пространства: разрабатывал историю Израиля догосударственного периода по книгам Ветхого Завета, связывал некоторые события библейской истории с происхождением и датировкой майкопской культуры, с началом раннебронзовой эпохи на Северном Кавказе.

Он спасал памятники, раскопав в течение 15 лет не одну сотню курганов и проявив к тому же незаурядные организаторские способности. В отсутствие какой-либо помощи и полномочий он находил, заключал договора и проводил большие экспедиции, в которых люди жили и работали сравнительно в достойных условиях. Не имея постоянной работы, он давал работу другим: принимал в экспедицию выпускников ЛГУ (Н.И. Гиджрати, И.И. Марченко, А.И. Семенов, Г.А. Николаев, В. Ростунов). При этом он сразу же предоставлял им право на самостоятельные раскопки с Открытыми листами, публикации и подготовку диссертаций на материалах полевых исследований. Археологический музей, созданный в Северо-Осетинском государственном университете на материалах экспедиций В.А. Сафронова, превзошел по объему коллекции Северо-Осетинского краеведческого музея и стал важным просветительским центром в республике.

Такие свершения возможны лишь при абсолютной преданности своему делу, неустанному труду и вере в свою правоту. Именно таким ученым – генератором идей, мыслителем и подвижником – был Владимир Александрович Сафронов. Именно таким он и останется в памяти своих коллег, друзей и учеников.

О начальном пути в археологии Владимира Александровича Сафронова

Савинов Д.Г. (Санкт-Петербург)

Мне посчастливилось быть рядом с Владимиром Александровичем Сафроновым в самые свободные и счастливые годы его (да и моей) жизни – годы обучения на кафедре археологии Санкт-Петербургского (тогда – Ленинградского) университета. За давностью лет мои воспоминания об этом уже не образуют какого-то связного рассказа, но это и не отдельные кадры, а, скорее всего, наиболее яркие фрагменты, «куски» тогда и потом не записанной хроники.

Мы учились на разных курсах (Володя был старше), но нас троих – Сафронова; нашего друга, также ныне покойного Бориса Николаевича Пяткина, и меня – тогда связывало, наверное, в первую очередь то, что мы пришли на кафедру из других учебных заведений (Сафронов – с филфака ЛГУ, Боря Пяткин – из ЛИСИ, я – из Академии Художеств), то есть, по сути дела, вполне осознанно каждый сделал один и тот же выбор, все имели за плечами «свои» экспедиции, говорили и думали на одном языке. Из нас троих, да и среди всех других студентов кафедры этих лет, Володя Сафронов, безусловно, был одним из самых талантливых. На общем фоне исключительно серьезного отношения к своей специальности его отличали не только творческие способности, но и энергетическая заряженность, нетерпимость к любому проявлению халатности или формального отношения к своему делу.

Заведующим кафедрой археологии тогда был Михаил Илларионович Артамонов – «Дед», пользовавшийся абсолютным уважением, даже почитанием студентов, хотя сам он относился к ним достаточно индифферентно. Но Сафронова он любил, выделял среди остальных, хотя не знаю, помогло ли это как-то Володе в дальнейшем. Наиболее близким человеком Сафронову на кафедре была Татьяна Дмитриевна Белановская – «Таня» – чудесный человек и очень хороший преподаватель, воспитавшая не один десяток учеников. Володя несколько сезонов провел в возглавляемой ею экспедиции и по праву считался ветераном Ракушечного Яра. Недавно с большим огорчением я прочел обидные и несправедливые слова в адрес покойной Т.Д. Белановской в книге «Трудно быть Клейном». Думаю, если бы Володя был жив, он бы просто вызвал автора этой книги на дуэль.

Одно из ярких впечатлений тех лет – участие в семинаре Л.С. Клейна. Но семинар запомнился не потому, что его вел Клейн, а потому, что в нем на наших глазах разворачивалась настоящая баталия о месте Бородинского клада и происхождении сейминско-турбинских бронз между В.А. Сафроновым и В.С. Бочкаревым, позднее опубликованная в двух отдельных статьях в сборнике «Проблемы археологии». Вообще, сейма-турбино в то время – одна из основных научных (именно научных, а не студенческих, как это принято считать сейчас) сфер поисков Володи Сафронова. Доказываемая им тогда идея синхронизации сейминских материалов с археологией древнего Китая (неважно, в том или ином направлении), безусловно, перспективна, существует и разрабатывается до сих пор.

По складу своего характера Сафронов был человеком прямым, нетерпимым к какой-либо фальши, как в поведении людей, так и особенно в археологии. Он был человеком сильного ума и непонятно откуда взявшихся обширнейших знаний. Это одновременно притягивало к нему и каким-то образом отделяло от остальных. В то же время он был достаточно ироничным и многим своим друзьям и знакомым, да и людям более высокого положения в науке давал точные, остроумные прозвища. Одни не обращали на это внимания, другие, к сожалению, наоборот. Он любил спорить, но не терпел беспочвенных возражений, в споре «кипятился», доказывал, редко соглашался с «оппонентом», хотя для себя мог потом кое-что пересмотреть. Когда я служил в армии в Выборге, он приезжал ко мне вместе с моими родителями; и моя мама, художник и человек очень далекий от политики, неожиданно сказала, что у Володи глаза как на одной из фотографий Ленина. Действительно, есть такая фотография.

Помню, как весной 1961 года мы с Пяткиным пришли домой к Сафронову. Он жил в одной большой комнате в коммунальной квартире на первом этаже в самом конце Кадетского корпуса на 1-й линии Васильевского острова. И сейчас, проходя мимо, я всегда смотрю на эту наглухо закрытую дверь. Володя сидел в качалке, в белой рубашке с распахнутым воротом, как всегда смеялся своими выразительными глазами: «Ну, ты даешь, старик!». А вокруг, на столе, на полу лежали рисунки, рисунки, вырезки с рисунками наконечников, копий, кельтов, керамики. И в этом бесконечном пасьянсе артефактов, событий, типов и аналогий он чувствовал себя хозяином положения, стратегом, естественно и органично.

Наиболее значимыми событиями нашей совместной студенческой жизни – Сафронова, Пяткина и моей – были две поездки в Азию. Одна из них (летом 1961 года) началась с экспедиции в Восточном Казахстане, когда нам пришлось от самой китайской границы добираться в течение около полутора месяцев до нашей следующей экспедиции на Дону, добираться на чем придется – на платформах и почтовых машинах, в ковше экскаватора и на крыше товарных вагонов. Через линейную милицию Алма-Аты и пограничные посты Кушки. На нашем пути были весь Казахстан, Кара-Кумы, Самарканд, Мангышлак и Северный Кавказ. Боже,

чего там только не было! Рассказывать об этом можно очень много, и само это путешествие стало легендарным.

Другая наша поездка состоялась холодной зимой 1962 года по музеям Сибири (тогда студентам и это дозволялось) и была проще, но тоже не из легких. Путь лежал через Пермь, Красноярск, Иркутск до Читы. Денег у нас не было (или они кончились?). Помню, как в Слюдянке (это южный берег Байкала) нас ночью сняли с поезда и мы ушли прямо по лунной дорожке в заснеженный Байкал и там совершенно одни, в какой-то неземной и безумно яркой красоте, провели на льду под черно-звездным небом эту сибирскую ночь... Наверное, наша дружба еще долгое время питалась такими воспоминаниями.

Дальнейший, после окончания кафедры, жизненный путь Володи Сафронова был, на мой взгляд, довольно запутанным и сложным. Не мне писать об этом. Он оказался не очень удобным человеком для своего научного руководителя в аспирантуре ЛОИА, а до этого в Эрмитаже, где первое время работал. А потом мотался по экспедициям, переехал в Москву, и наши пути как-то разошлись, тем более, что новое поле его научных интересов – «индоевропейские прародины» – было уже выше моих возможностей осознания фактического материала. Но он часто приезжал в Ленинград, и мы встречались. Однажды во время своего очередного приезда Володя сказал, а я запомнил: «Я так устал, а они все гонят, гонят...».

Поэтому, когда я прочитал в некрологе официальный Список его регалий, где, помимо «доктор – профессор», что вполне естественно, значилось «Действительный член Русского исторического общества, Член-корреспондент Международной Славянской Академии наук, образования, искусства и культуры, Действительный член Российской Академии естественных наук», мне стало его очень жалко. Потому что это был один из моих ближайших друзей, потому что было ему всего неполных 65 лет, потому что я хорошо представляю, чего все это стоило, сколько сил, здоровья и ненаписанных блестящих работ в условиях той системы отторжения наиболее талантливых людей было положено на Алтарь этого Списка.

Памяти Владимира Александровича Сафронова

Державин В.Л. (Москва)

Владимир Александрович был настолько ярким и неординарным человеком, что писать о нем очень и очень непросто. Для меня он и по сей день остается непостижимым и загадочным. Но в этой небольшой заметке я все же постараюсь коснуться лишь некоторых сторон его незаурядной личности, которые, в моем восприятии, были в его жизни определяющими. Что же касается научного наследия В.А. Сафронова, оценивать которое я здесь просто не вправе, то могу сказать лишь одно – оно является замечательным вкладом в нашу отечественную историческую науку.

Знания Владимира Александровича были крайне обширны. Это подчеркивали такие известные ученые, как Вяч. Вс. Иванов, О.Н. Трубачев и др., которые в свое время давали высокую оценку его работам. Конечно же, в них не было окончательного ответа на ряд поставленных фундаментальных вопросов, что в исторической науке просто невозможно, однако были предложены пути их решения. Многие его плодотворные идеи дают не только пищу для размышлений, но и приглашают специалистов разных профилей к дальнейшему обсуждению поставленных задач.

Географический диапазон археологических экспедиций, которыми Владимир Александрович руководил, чрезвычайно широк: «от Енисея до Прута, от Средней Азии, Кавказа, Крыма, до Верхней Волги», по его собственному признанию. Это свидетельство широты охвата его научных интересов. На материалах этих экспедиций вырабатывались, оттачивались и проверялись важнейшие концепции, периодизации, датировки, конечная цель которых заключалась в определении прародины индоевропейцев.

Многие экспедиции Владимира Александровича проходили на полях крупнейших мелиоративных новостроек, которые разворачивались преимущественно в южных регионах нашей страны, причем масштаб их был весьма велик. Именно тогда, при раскопках сотен (если не тысяч) древних погребений был получен ценнейший археологический материал, в котором Владимир Александрович мог разглядеть то, что не всегда удавалось другим. По этой причине, мне кажется, некоторые открытия тех лет иногда встречали непонимание у ряда его коллег.

Меня часто удивляло и то обстоятельство, что многие из его оппонентов достаточно часто вступали с ним в дискуссию, но, как правило, заочно: на страницах научных изданий, а часто в кулуарах. Однако

в открытую с ним полемизировать редко, кто отваживался. Причину этому я вижу, во-первых, в том, что Владимир Александрович обладал подчас большей эрудицией и лучше владел материалом, чем его критики, во-вторых, он был весьма искусным полемистом и, в-третьих, обладал таким темпераментом, что при обсуждении тех или иных научных проблем его натиск мог выдержать далеко не каждый.

Широта исторического мышления Владимира Александровича удивительным образом сочеталась с его душевной щедростью, которой он всегда делился со своими друзьями и товарищами. Сам я не рискнул отнести себя к его близким друзьям, хотя бы в силу более молодого возраста, но думаю, что нас долгие годы связывали по-настоящему доверительные товарищеские отношения.

Владимир Александрович никогда не любил двусмысленности, лукавства, закулисной псевдонаучной критики. В то же время, он сам был часто прямолинеен (в хорошем смысле этого слова) с другими, а точнее сказать, во всем отстаивал свою принципиальную позицию, каких бы сторон жизни или науки она не касалась. Например, он мог вступить в острую дискуссию в любой ситуации, «невзирая на лица» и не думая при этом о каких-то «последствиях». Интересы науки для него всегда были приоритетными. Поэтому понятие «научной карьеры», как это понималось тогда и сегодня, для него было абсолютно неприемлемым. Может быть единственным, что он ставил подчас выше интересов науки, так это семейные ценности, что объясняется его глубокой порядочностью.

Титаническая работоспособность, эрудиция, целеустремленность, если не сказать, одержимость позволили Владимиру Александровичу достичь многого при решении фундаментальных исторических исследований, связанных с поиском прародины индоевропейцев, хотя эта задача не всегда по силам и целому коллективу.

Зная Владимира Александровича на протяжении многих лет, могу утверждать, что он всегда оставался самим собой и никогда не менял своих убеждений: ни во времена «застоя», ни в мутную «перестройку», ни в период катастрофического по своим последствиям перелома 90-х. Возможно, и этим обстоятельством также объясняется отсутствие у него какого-либо «научного карьеризма». Он, действительно, был истинно русским патриотом, а в душе носил, может быть, еще не до конца осознанную нами монархическую идею. Будучи глубоко просвещенным в научном отношении человеком, он в отличие от некоторых так называемых «интеллигентов» никогда не отделял себя от народа, из которого, собственно, и вышел. И вообще его отличало острое чувство сопричастности к истории своей родины и судьбе собственного народа, которого в наше время так часто недостает многим крупным историкам.

Нельзя не сказать, конечно же, что многие научные достижения Владимира Александровича были бы невозможны без поддержки его жены – Надежды Алексеевны Николаевой (да он это и сам признавал), которая на протяжении многих лет их совместной, и порой нелегкой жизни, была

не только его верным другом, единомышленником и помощником, но также и соавтором многих книг и идей. Именно благодаря ей ряд их совместных исследований были доведены до конца и вышли в свет уже после кончины Владимира Александровича.

Научное наследие В.А. Сафронова еще предстоит осмыслить. Оно, разумеется, не останется в рамках только «историографического интереса». По существу, работы Владимира Александровича дают мощнейший импульс для продолжения изучения сложнейших вопросов нашей протопроисшествия, привлекая к ним и представителей молодого поколения археологов, историков, лингвистов и других исследователей.

Светлый образ Владимира Александровича Сафронова, большого ученого и замечательного человека, еще долго останется жить в сердцах всех его близких, друзей и товарищей. Вечная ему память!

Вспоминая В. Сафронова

Яровой Е.В. (Москва)

Впервые я увидел фамилию В.А. Сафронова в первом выпуске сборника «Проблемы археологии» (Л., 1968), посвященном уникальному Бородинскому кладу. На меня, еще школьника, она произвела впечатление, как своим объемом, так и научной аргументацией, в которой, правда, мало тогда что понял. Когда же поступил на исторический факультет МГУ в 1971 г., узнал, что с нами учится его жена – Надя Николаева. Уже тогда его фамилия была хорошо известна среди студентов-археологов, и в нашем представлении В.А. Сафронов был солидным и авторитетным специалистом, успешно копающим курганы где-то на юге СССР. В 1972 г. некоторые мои однокурсницы поехали к нему в экспедицию на Кубань, а спустя год вышла небольшая заметка о раскопках у станицы Роговской («Археологические открытия», М., 1973). Ее можно было бы считать курьезом, поскольку у 20 строчек текста оказалось шесть (!) авторов. На самом деле – это была позиция: фамилии участников были расположены по алфавиту и начальник экспедиции оказался последним в списке, который гордо возглавляли вчерашние второкурсницы. Так, благодаря В.А. Сафронову, Люда Авилова, Марина Андреева, Лариса Новикова, да и Надя Николаева получили свою первую, пусть и крохотную, но все же научную публикацию. На курсе этот случай не прошел незамеченным, и вызвал уважение к руководителю экспедиции! Хорошо знаю, что далеко не каждый способен на такой жест.

Личное же знакомство с В. Сафроновым состоялось в экспедиции. В августе 1974 г. небольшой отряд под руководством В.С. Титова, где я работал, переехал из Закарпатья на север Молдавии для раскопок поселения эпохи бронзы. Уже на месте я узнал, что здесь же, в зоне строительства Костештского гидроузла на пограничной с Румынией реке Прут, ведутся масштабные исследования курганов. Их научным руководителем оказался В. Сафронов. Поскольку эти раскопки велись недалеко от нашей базы, при первой же возможности я выехал к соседям.

Основная причина поездки заключалась в том, что решив изучать ямную культуру, я долго не мог понять, как следует копать степные курганы? Ведь традиционная методика раскопок вручную, описанная еще Д.А. Авдусиным, годилась для исследования небольших славянских насыпей, но не могла использоваться для степных исполинов. Было ясно, что изучение курганов при помощи тяжелой техники коренным образом

отличается от раскопок с оставлением крестообразных бровок. Но как? С этим вопросом я и приехал в молдавское село Думяны.

Огромные курганные насыпи, разрезанные бульдозерными траншеями, зачищенные бровки с замысловатой стратиграфией, ямные пятна на желтом фоне материка, масса землеройной техники – вот первые впечатления от увиденного. Между бровок в пыли, поднятой бульдозерами, носился и давал указания рабочим крупный мужчина с типичной внешностью художника, геолога или археолога. Он нисколько не удивился моему появлению и сразу же представился: «Володя». После этого помчался на другой курган и на моих глазах быстро зачистил едва заметное в материке пятно неправильной формы. Проверив ножом стенку и зафиксировав подбой, он тут же заявил, что это катакомбное погребение. Вскоре я увидел зачищенную нижнюю часть катакомбы с вытнутым костяком и характерным сосудом эпохи средней бронзы. На моих глазах происходило реальное открытие культуры, ранее не известной в регионе. Естественно, что подобные уроки не прошли даром: я понял как надо использовать технику, разбираться в курганной стратиграфии, наконец, просто фиксировать едва заметные признаки древнего захоронения. С первого же дня знакомства мы сразу же перешли на «ты» и в дальнейшем ни разу не изменили эту форму общения.

При каждом удобном случае я пытался приезжать к В. Сафронову. Привлекали не только гигантские масштабы работ, но и удивительно легкая и радостная обстановка в экспедиции, в которой царил азарт первооткрывателей. В ней работали самые различные люди – от кишиневских студентов и сельских рабочих до питерских художников-диссидентов и богемных русских эмигрантов из Франции, неведомо как занесенных в молдавскую глушь. Видимо, незаурядная личность Володи притягивала к нему окружающих. Эти визиты заложили фундамент моей последующей полевой практики. Именно там, на берегах Прута, я понял, как нужно, как сложно и как интересно копать крупные степные курганы – легендарные ровесники египетских пирамид.

Работая над дипломом на пятом курсе, я неоднократно бывал в небольшой квартирке Володи и Нади в 1-ом Никольском переулке на Преображенке. Было интересно слушать его мнение о различных аспектах индоевропейской проблемы, воспоминания об экспедициях в различных районах страны и профессуре ЛГУ, среди которых с особой теплотой говорилось об М.И. Артамонове и Т.Д. Белановской. Меня всегда поражал широкий, я бы сказал глобальный анализ затрагиваемых проблем, прекрасное знание археологических источников от Калмыкии до Ближнего Востока и, безусловно, демократизм в общении. Встречаясь я ним, я никогда не чувствовал разницы в возрасте, хотя не было и панибратства. В отличие от многих старших коллег, он не держался на расстоянии, а всегда был открыт и доброжелателен. Помню, как он искренне интересовался моим предстоящим распределением и даже предлагал сделать все возможное, чтобы остаться работать в Москве.

После окончания МГУ и распределения в Академии наук МССР наша связь не прерывалась. Бывая в Москве, я неоднократно встречался с Володией и всегда чувствовал его моральную поддержку и доброе к себе отношение. Обычно в его новой квартире на Преображенке мы обменивались литературой, последними новостями и планами. Помню, как получил его книжку «Проблемы индоевропейской прародины» (Орджоникидзе, 1983), я запоем прочитал ее за пару часов по пути из Одессы в Кишинев. При этом поразился легкости изложения сложных проблем и оригинальности их решения. То же самое могу сказать и о его самой знаменитой работе «Индоевропейские прародины» (Горький, 1989). Высказанные в ней идеи до сих пор не потеряли своей актуальности и вызывают в научной среде самые жаркие дискуссии. Нередко они повторяются в работах других «теоретиков» от первого лица. Не знаю, то ли это позиция, далекая от элементарной научной этики, то ли просто тривиальное незнание, но в любом случае – проявление непрофессионализма.

К сожалению, В. Сафронов слишком рано ушел из жизни, не успев сделать и половины задуманного. Случилось это летом, и печально было узнать, что провожало его в последний путь совсем мало друзей и коллег. Увы, но часто истинный масштаб ученого нередко становится понятен современникам только после его ухода из жизни. С годами понимаю, что нам надо более бережно и уважительно относиться друг к другу, какие бы разногласия и противоречия не случались в жизни. Слишком уж она скоротечна! Не скрою, что мне приходилось слышать о тяжелом и неуживчивом характере В. Сафронова, но не могу согласиться с этим мнением. В моей памяти Володя навсегда останется масштабной и светлой личностью, доброжелательным и открытым, одержимым наукой и истинным патриотом России. Время доказало, что даже то, что он успел сделать, оставило заметный вклад в отечественной археологии. И данная конференция – лишнее тому подтверждение.

Слово о Владимире Александровиче

Красильников К.И. (Луганск)

Владимир Александрович Сафронов вошел в мое сознание благодаря стечению обстоятельств, возникших в Северско-Донецкой (СД) новостроечной археологической экспедиции ИА АН Украины. Основным географическим регионом работ СДЭ было Среднедонецье, в основном в пределах Луганской области.

Специфика внутреннего уклада экспедиции состояла в том, что помимо научной иерархии, в основе которой действовал закон «согласен – не согласен», здесь сложился порядок, при котором были «свои» и «чужие», что не могло не отразиться на «статусе» индивидуумов из ее состава. Ситуация не заставила себя ждать. В 1975 г. у пос. Горский отрядом СД экспедиции, руководимым В.А. Сафроновым, была раскрыта подкурганная катакомба, на стенке которой были зафиксированы барельефные мужские изображения.

Находки, сделанные В.А. Сафроновым и Н.А. Николаевой, оказались отправной точкой прецедента между московской и киевской археологическими школами, который развивался, мягко говоря, не в рамках научной «дипломатии». Экспедиция оказалась поляризована на две группы – с одной стороны коалиционное содружество элиты СД экспедиции, с другой В.А. Сафронов и Н.А. Николаева. Даже теперь, спустя 35 лет, конфликт, который имеет не столько научные, сколько этические корни, продолжают «подогревать» (Братченко С.Н. «Донецька катакомбна культура раннього етапу» // Луганськ, 2001, с. 55).

Невостребованное в структуре украинской археологии барельефное изображение из катакомбы у пос. Горское, после специального технологического закрепления и «демонтажа», заняло место в фондах древнего искусства ГИМ (Давня історія України // т. 1, К., 1997, с. 503). Лишь в архиве археологического музея Луганского национального университета сохранились первосвидетельства утраченного для Украины источника искусства рубежа III–II тыс. до н.э.

Владимир Александрович со свойственными ему ментальностью и образованностью, приобретенными в условиях уклада жизни и учебы в Ленинграде, оказался практически в одиночестве перед обвинениями и подозрениями. В такой ситуации, естественно, ему была необходима техническая, в виде профессиональной фотофиксации артефакта, и моральная поддержка. Таким образом, холодные степи Подонцовья

в период ноябрьской осени 1975 года стали точкой отсчета последующих многолетних совместных полевых работ и человеческой дружбы с семьей Сафронова-Николаевой.

Ряд лет мы работали на Кубани, Ставрополье, Осетии, в археологических экспедициях Северного Кавказа. Это было время светлых полевых сезонов, новых познаний, интересных открытий и встреч. В образе Владимира Александровича я видел человека и ученого – специалиста в огромном пространстве памятников и проблем ямно-катакомбного периода, истории индоевропейцев Евразийского массива, убедился в том, что сферы научных интересов, с которыми были связаны последующие десятилетия, обрели смысл поисков всей его жизни.

Владимир Александрович – ученый широкой эрудиции. Его одинаково интересовали проблемы становления производящих хозяйств Азии, материальная культура и обряды захоронений населения ямно-катакомбного времени Кавказа и степей Европы, духовный мир древних обществ Западной Европы, этнологические истоки населения и т.д. В этих проблемах было больше вопросов, нежели ответов, но он последовательно отстаивал свои научные позиции. Мне не пришлось слышать выступления Владимира Александровича на официальных научных встречах, но непосредственно у объектов исследования на курганах, у раскрытых катакомб его почерк дискуссий вызывал удивление знанием источников, аргументированностью, логикой и смелостью взглядов по отношению к критике оппонентов.

В науке он был демократичен, но и непримирим одновременно, умел избегать конфликтов, однако при этом бескомпромиссно отстаивал выдвинутую им точку зрения и настойчиво обосновывал свою концепцию.

Владимир Александрович умел понимать людей и находил контакты со всеми, в том числе в сложных и противоречивых ситуациях научного характера. Вокруг него всегда были сподвижники по общему делу, порой совершенно разных профессий, рода деятельности и положения. Он по-особому располагал к себе людей, и мы по-человечески тянулись к нему. Для меня московская квартира Сафронова-Николаевой (и там же одновременно археологическая база) были не только «убежищем» на время «московских научных сидений», но и средоточием теоретических знаний и практических дел археологов.

Искренне жаль, что сегодня в среде археологической науки нет Владимира Александровича, но память о человеке и ученом в форме ссылок и дискуссий по поводу его взглядов в вопросах хронологии, содержания культур, индоевропейской проблеме не оставляют равнодушными. Напротив, по ним продолжают соизмерять свои позиции в современной археологии. Это свидетельства того, что Владимир Александрович оставил свое, ему принадлежащее видение истории человечества эпохи раннего металла.

В память друга

Сморчков А. М. (Москва)

Мое знакомство с Владимиром Александровичем Сафроновым произошло в 1992 году. Мы тогда одновременно перешли на работу в Московский педагогический университет (МПУ, ранее – МОПИ им. Н. К. Крупской, ныне МГОУ). Помню первое знакомство на заседании кафедры где-то в конце августа, затем – беседу 1 сентября в ожидании звонка перед лекциями. Как оказалось, звонков в МПУ не давали, на что нам «намекнул» опустевший коридор. Так постепенно мы узнавали наше новое место работы и друг друга. Но подлинное знакомство состоялось 19 октября того же года, в день рождения Владимира Александровича, когда мы случайно оказались в очереди за авансом. С этого момента началась наша дружба, основанная на полном взаимопонимании, до сих пор удивляющем меня в силу довольно большой (27 лет) разницы в возрасте. Даже иногда случавшиеся споры на заседаниях кафедры по научным вопросам никогда не имели негативного продолжения за ее пределами. По-моему, мы находили консенсус по всем вопросам, которые обсуждали в наших длительных беседах. До сих пор не могу себе простить, что я не записывал хотя бы темы бесчисленных увлекательнейших рассказов Владимира Александровича из его богатой археологической практики. Казалось, забыть их невозможно, но повседневная суета и прошедшее время почти все стерли из памяти. Хотя я не отношусь к внимательным слушателям, но здесь оказался совершенно особый случай. Семилетнее знакомство с В.А. Сафроновым оставило неизгладимый и незабываемый след – я считаю его в числе немногих в моей жизни «знаковых» личностей, которые навсегда остались со мной. Воспоминания о Владимире Александровиче постоянно обновляются в не прерывавшихся со дня его смерти посещениях кладбища перед отъездом в экспедицию, где участвуют и люди, не знавшие его. Памяти его светлой личности посвящается моя статья в данном сборнике.

Объективные законы древнего производства

Кожин П. М. (Москва)

История – это вся прошлая жизнь человечества, которая имеет массу составляющих, принадлежащих к разным сферам объективной действительности. Эти сферы далеко не равноценны в человеческом бытии. Наиболее устойчивой константой человеческого существования изначально был труд. Следы человеческого труда, встречающиеся во все большем числе, по мере приближения к нашему времени – единственные объективные знаки в дописьменном прошлом человечества. Труд не только обеспечивал человеку выживание, он давал ему и некоторые гарантии улучшения условий жизни в будущем.

В истории человечества существует несколько особо значимых рубежей. Первый из них – это само формирование нового биологического вида, предвещающего появление человека разумного – гомо сапиенса. Следующий рубеж – это начало орудийной деятельности, знаменующее особое направление развития биологического вида, постепенно подчинявшего окружающий его материальный мир своим жизненным установкам и интересам. До этого рубежа развитие, эволюция согласовывались с ритмом природы. Если качества биологического вида вступали в противоречие с возможностями природного окружения, вид чаще всего погибал. Человек же в таких ситуациях с помощью труда находил какие-то способы самосохранения. И, наконец, прошлое человечества достигает той самой поворотной точки, с которой связывались научные интересы Владимира Александровича Сафронова (1934–1999). Это начало эпохи металлических орудий.

Изучение вопросов датировки Бородинского клада привело студента ЛГУ Володю Сафронова в мир археологической науки, затем начинается цикл кавказских исследований, работы в Калмыкии и, наконец, наступает время широко обсуждавшейся специалистами работы по индоевропестике, явившейся вершиной его творческого пути. Эта работа показала всю широту научных возможностей В.А. Сафронова, его способность за сугубо археологическими наблюдениями видеть реалии мира древнего человека, исторические судьбы культур, за которыми исследователь реконструировал индоевропейское прошлое.

Мы с Володией принадлежали к разным археолого-историческим школам. Собственно, когда во второй половине 50-х годов меня вводили в науку член-корреспондент АН СССР С.В. Киселев, А.Я. Брюсов, В.Н. Чернецов, никто и помыслить не мог, что буквально через несколько лет мы все – молодые и старые специалисты – разбредем по разным школам. При этом, вместо единой программы систематических исследований, станем отстаивать взгляды, не основанные на строго разработанном методическом и логическом фундаменте, а будем прислушиваться к эвристическим идеям, порожденным ложными аналогиями между «точными» и гуманитарными науками (статистические выкладки на цифрах, часто не превышающих десятка случаев, метод С-14, находившийся в стадии разработки и т.п.). В общем, пользуясь сравнимой ситуацией второй половины XIX века, мы примем как должное «революцию передвижников», т.е. движение непрофессионалов, борющихся за кусок чужого пирога, и бросимся в омут *своего*, уже «научного серебряного века».

А он начинался в Ленинграде. И Володя успел ощутить его первые слабые веяния. Надо сказать, что Володя сумел избежать этой научной неразберихи, и не только оказался в стороне от нее, но всегда оставался позитивной силой во взаимоотношениях «московской», «ленинградской», а также «киевской» археолого-историческими школами. Во многом этому способствовало то обстоятельство, что он все в большей мере погружался в исследования, находящиеся на пограничьях наук. Индоевропейская проблема – это практический симбиоз всех гуманитарных исследований. Огромные подвиги в областях исторического и сравнительного языкознания, мощный импульс, приданный лингвистике и филологии трудами академиков Вяч.Вс. Иванова, В.Н. Топорова, Н.И. Толстого, членкоров В.А. Дыбо, а позднее С.А. Старостина, привели к созданию большого числа трудов, объединивших языковедческие достижения с данными новых мощных археологических и историко-палеоэтнологических обобщений. Тут В.А. Сафронов оказался в рядах специалистов, которые первые откликнулись на требования времени. Его работа «Индоевропейские прародины» (Горький, 1989), хоть и не получила соответствующего отклика в среде специалистов, в историографическом плане стала знаменательной вехой в разработке указанной проблемы.

Несколько ранее вышедшая монография Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (Тбилиси, 1984, т. 1–2), предварявшаяся к тому же достаточно активной поддержкой научной печати, работы И.М. Дьяконова, а в Европе труды Дж. Мэллори и К. Ренфрю, так же, как обсуждение данной проблематики в «Журнале индоевропейских исследований», «Вестнике древней истории» (последнем гуманитарном научном журнале РАН, устоявшем, благодаря стойкости его главного редактора академика Г.М. Бонгард-Левина, в вихре бойких перемен) и других изданиях, создали вокруг указанных проблем такой мощный частокोल идей, сквозь который трудно было пробиться и быть при этом полноценно услышанным. Это не помешало, впрочем,

монографии В.А. Сафронова стать стимулом для большого числа последующих трудов по аналогичной тематике, к сожалению, далеко уступающих ей по содержательности, широте охвата и научной полезности. Не стану акцентировать внимание на работах Ю.А. Шилова, Е.Е. Кузьминой, А. Парполы, А.-П. Франкфора, С.А. Григорьевы и других. Здесь не место критике и полемике, а говорить о них, избегая опровержений, будет равноценно рекламной кампании в их пользу.

При работе над этим текстом я, как всегда в аналогичных ситуациях, думал о тех ограничениях, которые накладывает мемориальный жанр, но пришел к выводу, что писать надо о том деле, которым ученый занимался, и в связи с которым его будут помнить коллеги. Даже те, с кем он никогда не встречался. Но для этого нужна не уклончивая политкорректность, а правдивое представление о том, что специалист делал в науке. К сожалению, процесс «переваривания» научной продукции приобрел, благодаря Интернету и вмешательству в научную проблематику массы неспециалистов, огромные масштабы (мне приятно упомянуть о том, что мое частное старческое мнение недавно получило мощное подкрепление в работах академика А.А. Зализняка¹). Теперь уже не приходится ожидать, что кто-то через годы случайно наткнется на давние научные разработки и продолжит их, и при этом бережно отнесется к творческому наследию коллеги (как это случилось некогда с работами «Ориентального Джонса» [сэр Вильям Джонс (1746–1794), основоположник индоевропейского языкознания]). Мечтами о том, что в не востребованном своевременно научном наследии давних авторов могут быть обнаружены идеи, указывающие на возможности перспективной разработки направлений научного поиска, отброшенные коллегами- современниками, а затем попросту забытые в суете повседневности, могли пробавляться на рубеже XIX–XX веков такие

¹ Зализняк А.А. Из заметок о любительской лингвистике. М., 2010. С. 29–53. Тут специально говорится об объеме необходимого невежества, потребного для того, чтобы вообразить себя специалистом в области, где существует строгий набор специальных знаний, без учета которых любые умозаключения и выводы невежды столь же осмыслены и ценны, как замена доказательств цветистой цензурной бранью. Другие разделы этого труда не менее продуктивны. Добавлю, что, изучив некогда все тома сочинения Н.А. Морозова. «Христос», а также раскритикованные Н.С. Гумилевым «Звездные песни», я мог извинить этого несчастного узника, который двадцать лет в одиночке боролся с подступающим безумием, а потому, как многие психопаты, стремился проявления безумия систематизировать на неадекватной, далекой от жизни и науки основе. Публиковать всю эту ахинею до середины 20-х годов XX века было легко, тем более, что этот бред воспринимался как «антирелигиозное сочинение». Однако люди, воспользовавшиеся этим полубезумным трудом, не испытывали никаких затруднений. Советская власть дала им больше, чем они заслуживали и в чем нуждались. И тогда они придумали свою выгодную «игру в историю». Но люди, готовые зарабатывать большие деньги на тиражировании своего злопыхательского невежества и оболванивании и без того запутавшихся в незнании масс, «достойны» не критики, а серьезного нелицеприятного суда.

историки науки, как Джордж Сартон, В.И. Вернадский и другие. Теперь иные времена! В начале XX века незабвенный Макс Вебер мог говорить о продуктивной жизни тривиальных научных идей в течение 30–40 лет. Теперь внедрение прагматизма, индекса цитирования, а главное, безусловное доверие к **мнениям** достойных лиц, хоть бы они никогда не слышали о «науках» (представьте, что таких становится все больше!), жизнь научного открытия в области гуманитарных наук, в частности, по расчетам Адама Молля, может, в удачном случае, ограничиваться десятью, в крайности, двадцатью годами.

Итак, что представляется принципиальным и непреходящим в творческом наследии В.А. Сафронова. Я полагаю, что многие коллеги предложат свои списки проблем, не совпадающие с моими констатациями. Это и хорошо! Так формируется **многосторонняя оценка**. В данном случае это не пустые слова: такая оценка нужна и вполне реальна. Я не могу сказать, что со многими практическими заключениями В.А. Сафронова согласен. Но опять же, расхождения наших оценок фактических материалов и данных имеют системный характер. Они обусловлены разными исходными принципами. Однако общей для нас является методологическая база. Ее значение невозможно переоценить, а недооценки, увы! – крайне часты. Вот некоторые из основных методологических положений², в которых наши подходы были согласованы:

- нельзя отдавать безраздельный приоритет радиокарбонным датировкам;
- без объяснения и доказательства обоснованных аналогий невозможны заключения о реальных связях памятников, а без установления таких связей невозможна разработка древа хронологических и территориальных последовательностей в развитии индоевропейского единства и ступеней его распада;
- каждая археологическая культура (само это понятие источник многих разногласий и противоречий в гуманитарных исследованиях) должна иметь комплексную характеристику;
- только комплексная оценка археологического объекта (погребения, поселенческой структуры, локального варианта, хронологического периода) может обеспечить объективные пути к постижению **исторической истины** (археологический материал всегда синхронен изучаемым событиям и объективно связан с ними. Когда эту связь удастся надежно доказать, археологический факт может быть преобразован в исторический). *Уникальный* исторический факт может быть подтвержден синхронным событию, ситуации, происшествию нарративным письменным

² Мои оценки некоторых методологических и теоретических проблем и установок нашей науки сформулированы в работе: *Кожин П.М.* Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите – раннем железном веке (палеокультурология и колесный транспорт). Владивосток, 2007. Я благодарю своего ответственного редактора д.и.н., проф. О.В. Дьякову за большую издательскую работу и признанию свою вину во многих опечатках и ошибках допущенных в изданном тексте.

сообщением. Он обычно в силу своей кратковременности, сиюминутности не подтверждается археологическими данными, хотя многие дилетанты имеют по этому поводу противоположное мнение (так Г. Шлиман **видел** во многих археологических фактах прямое подтверждение *слов* «Илиады»). *Нормативный* же исторический факт, объемно отражающий особенности момента (в качестве части исторического процесса), может быть полностью воссоздан при анализе археологического материала;

- археологическая культура является отражением этнической культуры коллектива, причем в обоих ее аспектах: и духовном, и материальном;
- для древней этнической культуры характерна внутренняя системность и взаимосвязь всех ее проявлений (материальных и духовных). Причем в центральных областях становления и развития культуры эти особенности выражены бывают наиболее стойко и последовательно. Это самым непосредственным образом отражается в археологическом материале. На периферии, пограничье культуры, при ее делении на локальные варианты проявляются самобытные изменения, стойкость и качественная специфика которых возрастает со временем, но может также усиливаться за счет контактов с культурами другого генезиса (здесь необходимо учитывать также совместные исследования В.А. Сафронова и Н.А. Николаевой и самостоятельные ее разработки).

Я отметил только некоторые наиболее значимые теоретические моменты. А теперь рассмотрю несколько практических наблюдений, в которых наши исследовательские интересы тем или иным образом перекликались. Так, мы сошлись в оценке фатьяновского захоронения у с. Великого (раскопки В.А. Городцова в 1896 г.): здесь явно каменная наброска, идущая от одной из коротких сторон могильной ямы, отмечала **шахту катакомбной могилы**. Естественно, упомянув фатьяновскую культуру, трудно избежать обсуждения проблемы «боевых топоров», а шире – особенностей конструирования ударных орудий и оружия в «бронзовом веке».

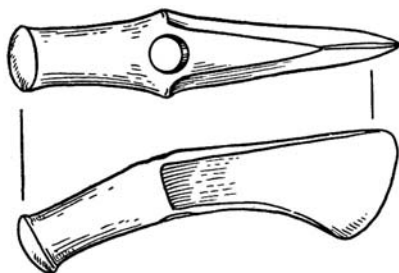
Чем с большими сериями бронзовых, и особенно каменных, орудий знакомишься, тем яснее видишь, какие трудности испытывал древний человек в процессе изобретения особо надежного способа скрепления рабочей головки ударного орудия с рукоятью. Именно область, зона этого скрепления из-за наносимых при работе тяжелым орудием мощных ударов чаще всего подвергалась деформациям и разрушениям. Отсюда и возникали в разных этнических культурах и крайне разнообразные способы скрепления рукоятей с рабочей частью орудия (не следует забывать, что многие виды ударных орудий были древнейшими видами боевого оружия: от его надежности и прочности могла зависеть жизнь и смерть воина). Причем древний мастер всегда старательно фиксировал на поверхности выполняемых изделий те следы технических приемов, которые видел на прототипических образцах предметов. Исследователи единодушны во мнениях: тем самым мастер уравнивал качество своей продукции с древними образцами. Опять же утраченная функциональность детали позволяла постепенно упрощать ее: воспроизводили уже не деталь, а ее «знак», а затем уже и «символ»

(«символический технический орнамент»). В этом выразилось одно из обоснований «типологического метода», предложенного О. Монтелиусом в 1872 г. Другим принципиальным обоснованием этого сугубо археологического метода установления относительной хронологии памятников становилась работа с комплексами находок, попавших в землю одновременно (это я определяю как «функциональный комплекс»).

В.А. Сафронов начинал свою научную работу со всестороннего изучения одного из важнейших для восточно-европейской археологии эпохи бронзы функционального комплекса – Бородинского (Бессарабского) клада³. Это была серьезная работа, где во внимание принимались обоснованные признаки исследуемых вещей, а не походя высказанные мнения «авторитетов». Скрупулезная работа, проделанная автором, поиски производственного центра, к которому могли восходить каменные топоры и булавы клада, большой набор аналогий, сближающих выявленные производственные традиции с Кавказом, – все это утверждает за данной публикацией непреходящее значение в свете ис-

Троянский топор

Бородинский топор

Бородинская булава

³ Кривцова-Гракова О.А. Бессарабский клад. М., 1949. Это редкий в нашей литературе образец монографического издания уникального археологического комплекса. Конечно, качество фотографического воспроизведения предметов теперь выглядит неудовлетворительным, в сравнении с любительским, к примеру, альбомом: Сокровища Трои. Из раскопок Генриха Шлимана. М., 1996. Однако то, что каждый предмет представлен помимо фотографий серией аналитических рисунков, а сопровождающий публикацию текст отвечает полностью уровню научных знаний своего времени, делает сам этот альбом уникальным научным сочинением, не сравнимым с недавней брошюрой Т.Б. Поповой, и тем более с указанным монументальным изданием троянских древностей, где текст, сопровождающий публикацию, по уровню не превосходит весьма средней студенческой курсовой работы. Ср.: Сафронов В.А. Датировка Бородинского клада // Проблемы археологии. Вып. 1. Л., 1968. С. 75–128 (автор не раз говорил о том, что указанное название резко занижает смысл и уровень его работы!).

следования фактических данных, независимых от меняющихся подходов к датировкам и оценкам внешних связей исследуемых популяций.

Намеченные автором особенности бородинских топоров резко отделяют их от троянских аналогий. И это разделение проявляется в соотношении проуха топора с его общим абрисом как боковым, так и фронтальным. В каталоге троянскогоклада L все четыре топора охарактеризованы так: «Топор–молот, конструктивно расчлененный на втулку, лезвие и обух...» (Сокровища Трои... с. 149–152). Указанные детали изготовлены по отдельности и затем соединены воедино. Причем, это изначальное (архетипическое) изделие было бронзовым, а дальнейшее развитие производственной отрасли отражает объективное взаимодействие каменной и металлообрабатывающей индустрии: явление, присущее длительному периоду истории ранних культур, уже освоивших металл, но не имевших регулярных источников его получения, вследствие чего камень оставался одним из важнейших производственных материалов, заменявших металл. А в разделе описания под заголовком «Топоры-молотки» автор увлеченно описывает «втулки» топоров, украшенные «фризами с шишечками» (Сокровища Трои... с. 222, 223). Как можно «конструктивно расчленить» монолитное изделие, автор описания не объясняет. Не говорит он и том, что такое «втулка». Становится понятно, что автор имел в виду не само данное изделие, а его прототип, где указанные детали были функциональны и изготовлены по отдельности. Тогда «втулка»⁴ – это навершие топорича. Само топориче укреплено в круглом сквозном отверстии «втулки», а перпендикулярно этой сверлине сделаны во «втулке» два других, обращенных друг к другу, глубоких паза, в которые был вставлен боек топора и с другой стороны – его обух. В идеале, то, что названо «втулкой», – это навершие булавы, а, увеличив количество боковых пазов в нем до четырех, получаем булаву с боковыми выступами. Это одна из типичных форм оружия, сопровождавшая каменные боевые топоры. Уверен, что в защитный доспех от такого оружия входила полушарная, видимо, деревянная каска⁵.

⁴ Кавычками приходится отмечать искажение, внесенное в понятие «втулка» авторами, не шибко разбирающимися в русской технической терминологии (впрочем – это уже становится бедой современных горожан, и всех, для кого этот язык не является исконным и внутренне осмысленным. То же явление охватывает любые языки, в том числе английский, подвергающиеся пиджинизации). Втулка – это нечто вставленное, чаще всего в круглое отверстие (см.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. 1, с. 274б).

⁵ Ср.: *Кожин П.М.* Сибирская фаланга эпохи бронзы // Военное дело населения Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993, с. 16–41. Здесь предложена также типология сейминско-турбинских бронзовых изделий. Впрочем, сейчас она требует некоторых пояснений из-за находки копья с крюком в КНР, а также после выделения особой елунинской культуры (*Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А.* Елунинская культура бронзового века в Обь-Иртышском междуречье // Сборник статей к 80-летию В.И. Сарияниди / Труды Маргианской археологической экспедиции, т. 3, М., 2010, с. 552–566).

Теперь о «поясках из трех рядов шишечек», проходящих поперек тела топора в самой широкой части «втулки». Их исполнение, его тщательность указывают на то, что они воспроизводят функциональные детали. Шишечки на обушной части металлических топоров, в частности, новосвободненских, вовсе не просто украшения с позолотой, как вообразила английская дама (Сокровища Трои... с. 224), а, видимо, первоначально важная функциональная и конструктивная деталь. Это имитация шляпок гвоздей, которые вбивались в обушную часть затем, чтобы рукоять прочно сидела во «втулке» и не вращалась на ней. Если в ремесленной истории европейско-азиатских хронологических рубежей между Бородинским кладом и троянскими находками существовала какая-то, хоть частичная, генетическая связь, то приведенные здесь наблюдения указывают на то, что троянские находки, относительно, **значительно древнее бородинских**: они много ближе к функциональным прототипам. Аналогичные наблюдения, касающиеся классификации исходных форм металлических топоров, «шаровидных амфор» (не культуры, известной под этим названием, а огромной серии близких по типу сосудов, встречающихся от Фессалии по всей Средней Европе, которые только предвзятость гипотезы Т. Сулимирского позволяет именовать «тюрингскими амфорами»), слишком пространны, чтобы перегружать ими этот текст.

Я привел этот затянувшийся экскурс, касающийся одной категории изделий и некоторых связанных с ней проблем древнего производства, как дань уважения В.А. Сафронову – исследователю, всю свою научную жизнь посвятившему поиску достоверных деталей и признаков, позволяющих восстанавливать реальные связи и периоды истории древних народов по сохранившимся образцам их материальной культуры.

Список печатных трудов Владимира Александровича Сафронова

Аннотация Николаевой Н.А.

1963

К вопросу о происхождении и датировке Сейминского и Турбинского могильников // Диплом, защищенный на кафедре археологии исторического факультета ЛГУ.

Доказывалось миграционное (из районов Среднего Енисея) происхождение сейминско-турбинских могильников (не только по металлу, но и по кремневому инвентарю), опровергающее гипотезу о корнях этих памятников в волго-камском неолите. Датировка Сеймы и Турбина определялась 13 в. до н.э. по аналогиям с древностями Иньского Аньяна, Бородинского клада.

1964

К вопросу о Турбинском могильнике // Археологический сборник. Труды VIII Всесоюзной студенческой конференции. Л.: Издательство ЛГУ, 1964. С. 44–64.

Впервые опубликована гипотеза о миграционном происхождении могильников сейминско-турбинского типа из районов Среднего Енисея на основании идентичности кремневого инвентаря сейминско-турбинских могильников и глазковских памятников Среднего Енисея. С этой миграцией связывалось и первое появление протомонголоидного населения в Приуралье. Эту тему В.А. Сафронов развивает в работах 1966, 1968, 1970, 1989 гг. *Гипотеза В.А. Сафронова была полностью подтверждена в 1966 году находкой В.А. Матющенко Ростовкинского могильника с бронзами сейминско-турбинского и карасукского типа около Омска. Среди находок был однолезвийный кинжал сейминско-турбинского типа, на навершии которого был изображен лыжник с монголоидным лицом и лосадка «сейминского типа».*

1965

О древнейших металлургах Приуралья // Вестник Ленинградского университета. № 20. Вып. 4. Серия историческая. Л., 1965 (0,5 п.л.).

Рецензия на книгу О.Н. Бадера «Древнейшие металлурги Приуралья». М., 1964. Здесь высказываются аргументы против автохтонной гипотезы происхождения сейминского-турбинских могильников, а также против дат О.Н. Бадера XV в. до н.э. для урало-самусьского очага и для Турбинского могильника.

1966

О датировке Рутхинского погребального комплекса // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. Вып. 108. М., 1966. С. 23–30.

В развитие темы о датировке кавказских параллелей секире из Бородинского клада В.А. Сафронов опровергает даты М. Гимбутас 1400 г. до н.э. для Фаскау и Рутха в Северной Осетии и датирует эти комплексы XII в. до н.э., а секиру из Адрюковской к. 7, близкую к секире из Трои VII а, датирует XIII в. до н.э.

Некоторые вопросы хронологии среднебронзового века Восточной Европы // VII Международный конгресс доисториков и протосториков. Доклады и сообщения археологов СССР. М.: Издательство «Наука», 1966. С. 181–191.

Работа посвящена обоснованию датировки горизонта Сейма-Турбино-Бородино-Абашево по трем линиям синхронизации (альпийско-дунайской, кавказской и иньско-аньянской). Горизонт отнесен к рубежу катакомбной и срубной эпох в Причерноморье (к горизонту культуры многоваликовой керамики. – *Н.Н.*), а в абсолютных датах определен серединой – второй половиной XIII в. до н.э. Начало следующего горизонта в Северном Причерноморье (сабастиновская культура, Малокопанский клад), определяется связями с Подунавьем, с фракийской культурой Ноа и датируется от рубежа XIII/XII вв. до н.э., по Г. Мюллер-Карпе, и рубежом III/IV этапов, по схеме А.Можолитч для Подунавья). Следующий горизонт (II этап срубной культуры в Поволжье, Сосновая Маза и клады Северного Причерноморья, Красномаяцкий клад) датируются второй половиной XII в. до н.э. Для датировки абашевской культуры (круглый псалий в раннеабашевском погребении в Кондрашевке) приведены данные о круглых костяных псалиях с шипами из поселения культуры многоваликовой культуры в Крыму, из купольных гробниц Греции и сделан вывод, что с учетом западного происхождения и запаздывания во времени псалии, как и культура колоколовидных кубков, могли появиться в Подонье не раньше XIV/XIII вв. до н.э.

1968

Датировка Бородинского клада // Проблемы археологии. Вып. 1. Л.: Издательство ЛГУ, 1968. С. 75–127 и Приложение-вклейка с 9 таблицами.

Этой работой заложен фундамент системы хронологии кризисной эпохи переселения народов 13 в. до н.э. Принципиально важен вопрос, как датировать Бородинский клад и насколько убедительна система аргументации к этой дате.

Со времени открытия Бородинского клада и до появления статьи В.А. Сафронова для этого памятника разными авторами принимались взаимоисключающие аналогии из Трои II (25–22 вв.), шахтовых гробниц в Микенах (17–16 вв.), из Подунавья, из Кобани (Тальгрэн 12–11 вв.), из Фракии (Рейнеке, I тыс. до н.э). Бородино и Сейму объединяли в один горизонт. Сейму связывали с Аньяном и с Бородино, а Бородино с Подунавьем и датировали 14 в. до н.э. Различия в датах Бородинского клада (от 16 до 14 вв.) у разных исследователей зависели от дат Аньяна и от допущения прямой или опосредованной связи Бородинского клада и Микен, что связано с методикой исследования. Однако все археологи говорили практически об одних и тех же памятниках.

Вклад В.А. Сафронова в решение проблемы Бородинского клада в том, что он нашел **новые источники** для датировки клада; привел точные системные, а не единичные (как это делали его предшественники) аналогии для предметов Бородинского клада. Так, он провел независимый сравнительно-типологический анализ для всех предметов клада, в том числе и орнаментов на сосудах культур инкрустированных керамик Подунавья (могильник Кырна в Румынии) и на керамике Позднемикенского В-С1 (рис. 7) и датировал Кырну серединой 13 в. до н.э. Дата Кырны, где была найдена полная аналогия орнаментальной композиции на булавке из Бородинского клада, позволила датировать бородинскую булавку второй половиной 13 в. до н.э. Аналогия форме булавки в кладе с серпами из Белени и Меджидии (Румыния) определяла, по Сафронову, наиболее позднюю дату булавки рубежом 13/12 вв. до н.э. Дата кинжала определялась аналогиями с кинжалами из Северного Причерноморья (Малые Копани XIII/XII вв.), из Северной Италии (Гуальдо Тадино, XII в., по Мюллер-Карпе), из Австрии (Лимберг XIII/XII вв.). Присутствие копий, уже отличных от форм бородинских копий, в кладах 12 в. до н.э. указывало на дату Бородина до XII в. до н.э. В.А. Сафронов заново разработал линию кавказских аналогий для Бородинского клада, проследил изменения по форме кабардино-пятигорских топоров; в период до XIII в. до н.э.; нашел наиболее точные аналогии бородинским топорам в комплексе XIII/XII вв. до н.э. с серпами и дисковидными бронзовыми псалиями.

В целом В.А. Сафронов определил дату Бородинского клада на стыке хронологических диапазонов всех категорий предметов, входящих в клад, второй половиной 13 в. до н.э.; заложил основы периодизации

и хронологии Северного Кавказа и Предкавказья, а также привел в соответствие систему хронологии памятников начала позднебронзового века Восточной Европы со среднеевропейской системой хронологии предгалльштатской эпохи с кавказской и сибиро-аньянской линией синхронизации.

В настоящее время дата – вторая половина 13 в. до н.э. для Бородинского клада – находит подтверждение в данных письменных источников Древнего Египта, Угарита и Хеттского царства. Эти документы рассматриваются египтологом А.В. Сафроновым как свидетельство кризисных этнических процессов в Восточном Средиземноморье в конце 13 в. до н.э., отразившихся в движении «народов моря», в гибели микенских центров, разрушении Трои VIIa. Импульсом к этим событиям, по его мнению, послужили походы фрако-иранских племен с территории Кавказа, Причерноморья, Подунавья. Концепция египтолога А.В. Сафронова о кризисе 13 в. до н.э. на Балканах и в Восточном Средиземноморье стала проверкой и необходимым завершением концепции археолога В.А. Сафронова, согласно которой импульс к миграции иранских племен создан появлением в Южной Сибири племен карасукской культуры, уходом населения Среднего Енисея по 55 параллели в Волго-Камье (могильники Сейма и Турбино), перевооружением полтавкинских племен – праиранцев, и трансформацией полтавкинской культуры в срубную. Боевые колесницы, привнесенные через посредство абашевской культуры, закончили преобразование этно-культурного пространства Поволжья и создали условия для экспансии населения Поволжья на запад, на восток и на юг, что выразилось в появлении ряда новых археологических культур в степях Евразии в 13 в. до н.э. (культуры многоваликовой керамики, быстро трансформирующейся в сабатиновскую культуру), а также и в возникновении новых союзов (Сабатиновка-Ноа; срубно-абашевско-андроновского комплекса). С лингвистической точки зрения эти процессы соответствуют распаду праиранской общности, появлению иранских этносов, которые в историческое время стали называться киммерийцами, скифами, саками.

События 13 в. до н.э. в степях Евразии сыграли огромную роль в трансформации и консолидации этно-культурного пространства Центральной Европы. В целом все эти процессы кризисной эпохи 13 в. до н.э. связаны между собой и определяются как «Великое переселение народов» II тыс. до н.э. (Сафронов А.В. Проблема датировки Троянской войны в контексте Великого переселения народов в последней четверти II тыс. до н.э. // Сборник Русского исторического общества. Т. 2. М.: Издательство «Русская панорама», 2000. С. 275–291; Сафронов А.В. Этно-политические процессы в Восточном Средиземноморье в конце 13 – начале 12 вв. до н.э. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005).

1970

Хронология памятников II тыс. до н.э. юга Восточной Европы. Диссертация и автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1970.

Работа включает 4 главы: 1. Бородинский клад и позднебронзовые клады Северного Причерноморья (балкано-эгейская и карпато-италийская линии синхронизации). 2. Сейминско-турбинская проблема (сибиро-аньянская линия синхронизации). 3. Бронзовый век Предкавказья. 4. Хронология среднебронзового века Северного Кавказа. Глава 1 – это работа 1968 года. Главы 3 и 4 опубликованы в 1974 году. Глава 2 – это описание последовательности событий в 13 в. до н.э. на территории Южной Сибири в связи с обнаружением могильника Ростовка. Культура сейминского типа формировалась, по Сафронову, в треугольнике Томск-Красноярск-Минусинск. Интеграция культур в этом треугольнике (самусьской, окуневской, глазковской) и миграция выделившейся группы металлургов связана с вторжением племен карасукской культуры с юга и продолжением ее экспансии к северо-западу. Миграция на запад по 55–56 параллели была быстрой и датируется по Аньяну в зависимости от его дат 1384 или 1300 гг. до н.э. или второй половиной 14, или началом 13 в. до н.э. Весь горизонт Ростовка-Сейма-Турбино-Бородино датируется 13 в. до н.э.

1973

Курганы у станицы Роговская (в соавторстве с Николаевой Н.А., Авиловой Л.И., Андреевой М.В.) // Археологические открытия за 1972 год. М., 1973.

Сообщение о раскопках 4 курганов в Северном Прикубанье с погребениями древнеямной и кубано-днепровской культуры.

Классификация предкавказских костяных молоточковидных булавок // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 134. М., 1973. С. 42–47 (0,5 п.л.).

Впервые дана классификация булавок по метрическим признакам. Это позволило отличать древнеямные булавки от катакомбных. Доказано, что в погребениях древнеямной культуры булавки имеют цилиндрический стержень (стадия VI-III), а в катакомбах такие булавки имеют линзовидный стержень (стадия II-I). Форма и орнаментация молоточковидных булавок после этой работы стала использоваться в качестве хронологического репера. Классификация булавок показала, что с появлением первых катакомб население древнеямной культуры некоторое время продолжало существовать в Предкавказье и что катакомбы – необходимый, но недостаточный признак атрибуции катакомбных памятников.

1974

Исследование курганов у села Миновка (Приорелье) (в соавторстве с Николаевой Н.А., Андреевой М.В., Новиковой Л.В.) // Археологические открытия 1973 года. М., 1974. Раскопки 2-х стратифицированных курганов в Надпорожье (отряд в экспедиции Д.Я.Телегина, УССР) с инвентарными позднейшими и катакомбными погребениями.

Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников // Сообщения Научно-Методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вып. VII. М.: «Знание», 1974. С. 23–199 (около 20 п.л.).

Работа состоит из двух частей: 1. Периодизация памятников бронзового века Калмыкии и Предкавказья. 2. Хронология среднебронзового века Северного Кавказа. Представляет собой публикацию двух глав кандидатской диссертации. В части 1 дан анализ курганных древностей III–II тыс. до н.э. Северо-Западного Прикаспия (по материалам раскопок И.В. Сеницына). Выделено 7 культурно-стратиграфических групп и 6 хронологических горизонтов (от III тыс. до 13 в. до н.э.). Дана характеристика и культурная атрибуция каждой группы (от древнейшей до срубной культуры). В части 2 был обоснован новый методологический подход к построению хронологической системы среднебронзового века Северного Кавказа (20–13 вв. до н.э.). В основу периодизации бронзового века Северо-Западного Кавказа было положено распределение импорта северокавказских бронзовых предметов по 6 выделенным стратиграфическим горизонтам курганов Калмыкии. Эта новая методика позволила впервые датировать более подробно древности Предкавказья, с одной стороны, но и выделить 6 периодов в эпохе бронзы Северного Кавказа вместо имеющихся на тот момент 3 периодов.

Происхождение дольменной культуры Северо-Западного Кавказа (в соавторстве с Н.А. Николаевой) // Сообщения Научно-Методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вып. VII. М.: «Знание», 1974.

Впервые заявлено и доказано отсутствие генетической связи между культурой Большого Майкопского кургана и дольменами Новосвободной. Установлено миграционное происхождение гробниц Новосвободной от культуры шаровидных амфор из районов Польши и Прикарпатья. С этой миграцией авторами связывалось образование пояса усатовских, кеминских, нижнемихайловских памятников (совпадение этих культур и КША с Новосвободной прослежено по 38 признакам погребального обряда, керамики).

В настоящее время после почти 40-летней полемики идея Сафронова-Николаевой о разных генетических корнях памятников Майкопа и Новосвободной принята археологами (см. Корневский С.Н. Древние земледельцы и скотоводы Предкавказья. М., 2004. С. 11; Резепкин А.Д. Поселение Новосвободненское // Археология Кавказа и Ближнего Востока. Сборник к 80-летию Р.М.Мунчаева. М., 2008. С. 159; Гей А.Н. Погребальные памятники майкопской культуры в Нижнем Прикубанье // Археология Кавказа и Ближнего Востока. Сборник к 80-летию Р.М. Мунчаева. М., 2008. С. 186.

1975

Происхождение и классификация костяных молоточковидных булавок (в соавторстве с Николаевой Н.А.) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 142. 1975.

Проведена классификация костяных молоточковидных булавок и определены критерии разделения по форме стержня булавок катакомбной эпохи в Северном Причерноморье (гвоздевидные) и на Северном Кавказе (линзовидные или веретенообразные).

Курганы у с. Старые Куконешты Единецкого района Молдавской ССР (с соавторами) // Археологические открытия 1974 года. М., 1975.

1976

Курганы у с. Думяны Рышканского района Молдавской ССР // Археологические открытия 1975 года. М., 1976.

Оба вышеуказанных сообщения относятся к раскопкам 20 стратифицированных курганов в Северной Молдавии в 1974 году. Материалы курганов послужили основой для периодизации бронзового века Пруто-Днестровского междуречья (Сафронов, 1979; 1980). Обнаружены впервые подкурганные захоронения трипольской культуры времени триполья В1–В2, С1, С2; захоронения по древнеявному обряду, перекрытые трипольскими захоронениями времени триполья В2. Впервые в Молдавии были обнаружены катакомбы и погребения культуры шнуровых керамик, а также погребения с амфорами и канеллированными ручками культуры, относящихся к культуре шаровидных амфор и культуре шнуровых керамик. Уникальна находка кинжала бородинского типа с сосудом культуры многоваликовой керамики, а также бронзового топора (воспроизведение в металле боевых топоров культуры шнуровых керамик), ближайшая аналогия которому найдена в новосвободненской гробнице могильника «Клады».

1977

Раскопки курганов в Северной Осетии и Адыгее (в соавторстве с Николаевой Н.А.) // Археологические открытия 1976 года. М., 1977.

Отчет о раскопках 12 курганов в Дзуарикау (Северная Осетия). Опубликован полностью в 1980 году. Раскопки кургана с киммерийским всадническим комплексом у Красногвардейска и стратифицированного кургана у с. Уляп (Адыгея).

1978

Периодизация и хронология раннего и начала среднебронзового века Северной Осетии // VIII Крупновские чтения. Нальчик, 1978. С. 71–74.

Дана более дробная (сравнительно с 1974 г.) периодизация начальной поры среднебронзового века предгорий Центрального Кавказа на основании материалов, полученных в процессе раскопок автора в Северной Осетии в 1976–1978 гг. Выделено 8 стратиграфических горизонтов: Раннебронзовый I – майкопская культура. Раннебронзовый IIa – Новосвободная. Раннебронзовый IIb – Дзуарикау 1/19. Раннебронзовый III – Дзуарикау 1/15. Среднебронзовый I a1, a2, a3, b-c (20–17 вв. до н.э.). **Открытиями исключительного значения** стало выделение горизонта РБ IIb с топором новосвободненского типа (21 в. Дзуарикау, 1/19, Ногир, 1/6) и горизонта погребений с топором типа Сачхере (20 в. до н.э. Дзуарикау, 1/15).

К вопросу о времени сложения срубной культуры, южной и западной экспансии ее племен // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Научные труды. Т. 221. Куйбышев, 1978. С. 26–29.

Эта работа является антитезой ко всем исследованиям, в которых принимается датировка горизонта культуры многоваликовой керамики – 17–15 вв. до н.э. Отмечена методическая ошибка Е.Е. Кузьминой и ее последователей, датирующих этот горизонт и Бородинский клад 17 в. до н.э. по дисковидным псалиями с микенским орнаментом и с шипами. Горизонт Бородинский клад – Сейма-Турбино – культура многоваликовой керамики (КМК) Подонья и Донца синхронизируется В.А. Сафроновым с горизонтом Д2 в Калмыкии (VI группа погребений с чертами срубного обряда, но в катакомбах) и датируется второй половиной 14–13 вв. до н.э. Эта дата обеспечивается всей кавказской линией синхронизации, не говоря уже об эгейско-балканской линии датировки Бородинского клада. Раннесрубные памятники Поволжья синхронизируются с горизонтом Д1 в Калмыкии памятников классической катакомбной культуры, датируемых по кавказской линии 15–14 вв. до н.э. Эти даты для периода формирования срубной культуры подтверждаются и эгейско-дунайскими орнаментами 14 в. до н.э. на костяных предметах, встреченных на памятниках абашевской культуры в Подонье.

Дата культуры многоваликовой культуры и Бородинского клада принципиально важны для реконструкции истории Степи в бронзовом веке, поскольку сосуды культуры многоваликовой керамики встречены в 16 микенских крепостях в слое разрушений 13 в. до н.э. (см. Сафронов А.В. Этно-политические процессы в Восточном Средиземноморье в конце XIII – начале XII вв. до н.э. М., 2005.)

1979

Работы в Северной Осетии (в соавторстве с Николаевой Н.А.) // Археологические открытия 1978 года. М., 1979.

Сообщение о раскопках стратифицированного кургана у с. Ногир Пригородного района. Найдены погребения всех этапов кубано-терской и катакомбной культур. Материалы кургана опубликованы в сборнике «Катакомбные культуры Северного Кавказа». Орджоникидзе, 1981.

Исследование курганов в зоне Понуро-Калининской рисовой системы в Краснодарском крае (в соавторстве с Николаевой Н.А.) // Археологические открытия 1978 года. М., 1979.

Этой заметкой отмечено начало пятилетних планомерных исследований бронзового века в Прикубанье, о котором до этого было известно только по раскопкам Н.И. Веселовского. В Нижнем Прикубанье впервые открыты майкопские погребения с топором и зеркалом и с булавкой в виде головы лошади; впервые открыто погребение с сосудами куро-аракской культуры на площадке из обожженной глины, перекрывающее майкопское погребение; открыта серия захоронений эпохи бронзы в ямах с повозками. Впервые выделена и отделена от древнеямной культуры кубано-днепровская культура по обряду положения и устойчивому атрибуту каждого третьего погребения – повозке. *Примечание:* Позже А.Н. Гей (Новотиторовская культура. М., 2000), раскапывая аналогичные повозки, назвал эти памятники новотиторовской культурой, а В.А. Трифонов назвал их новотиторовской группой.

Хронологическая система энеолита и бронзового века юга Восточной Европы // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979. С. 13–15.

Впервые приведены в соответствие отдельные линии синхронизации между памятниками по 9 регионам Восточной Европы и построена хронологическая система энеолита-бронзы Восточной Европы. **Впервые** разработана периодизация Пруто-Днестровского междуречья на основе стратиграфии погребений энеолита-бронзы в курганах Северной Молдавии. Важным и новым является факт, что **наиболее ранние памятники с древнеямным обрядом находятся в Прикарпатье** (Думяны 15/ц) **и датируются трипольем В1–В2**. Этот факт определяет происхождение древнеямного обряда (но не древнеямной культуры) на западе

Восточной Европы, а также меняет в корне подход к решению вопроса о происхождении древнеямной культуры. Был выделен «доямный» горизонт (от триполья В2 до Михайловки 2) памятников с древнеямным обрядом, и зооморфными скипетрами, лингвистическая атрибуция которого как «тохарская» была определена позже (Сафронов, 1987; 1989).

Происхождение катакомбного обряда в Восточной Европе (в соавторстве с Н.А. Николаевой) // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979.

Сообщение о находке в Луганской области барельефа с антропоморфной личиной на стенке ранней катакомбы, имеющей точную аналогию на покровной плите мегалитической гробницы культуры шнуровых керамик, а сама катакомба и место расположения изображения – в мегалитической катакомбной культуре СУМ (Сены-Уазы-Марны). **Впервые выдвинута концепция образования раннекатакомбного преддонецкого горизонта**, связанного с направлением движения отдельных групп культур шнуровых керамик с катакомбой в обряде погребения (культура Злоты) с территории Польши на юго-восток. Подчеркивается, что начало катакомбной эпохи следует рассматривать не как смену населения, но как смену погребальной идеологии. Идею выделения раннекатакомбного горизонта поддержал и развил В.А. Трифонов в 1991 году.

Хронологическая система бронзового века предгорной полосы центральной и западной части Северного Кавказа // IX Крупновские чтения. Элиста, 1979. С. 10–12.

Сравнительно с работой 1974 г. дана более дробная 16-ти этапная периодизация эпохи бронзы предгорий Северо-Западного и Центрального Кавказа на основании собственно северокавказских материалов, полученных в процессе раскопок в Прикубанье и Северной Осетии: Раннебронзовый Ia – майкопская культура типа Большого Майкопского кургана, майкопская культура Нижнего Прикубанья (топор, зеркало, костяные булавки с навершием в виде головы лани или лошади). Раннебронзовый Ib – куро-аракские погребения на глиняных площадках. Раннебронзовый IIa – дольмены Новосвободной и впускные над майкопскими погребения на галечной подстилке. Раннебронзовый IIb – Дзуарикау 1/19, скорченные на боку погребения с шаровидными амфорами, триподами, с топором развитого новосвободненского типа; Раннебронзовый III – посткуроаракская культура с топорами типа Сачхере (Дзуарикау 1/15). Среднебронзовый I с 5 периодами в Центральном Предкавказье: каменные ящики и ямы в Предгорье с сачхерскими и рожковидными гигантскими булавками; деревянные и каменные ящики, ямы с каменными топорами, металлическими молоточковидными и посоховидными булавками (20–17 вв. до н.э.). Среднебронзовый II a – каменные ящики с амфорами и многомолоточковидными булавками в Предгорье и катакомбы в Степи с (16–14 вв.). Среднебронзовый II b-с, катакомбы Ногира и Чиколы с вытянутыми

и скорченными погребениями по срубному обряду (14/13–13 в.). Позднебронзовый I – срубная культура 13/12 в. (клады Батарейка, Янтарный на Тамани); Позднебронзовый I-II (12 в. – клад у ст. Удобная).

1980

Раскопки у с. Хазнидон (Урух) в Ирафском районе Северной Осетии // Археологические открытия 1979 года. М., 1980.

Сообщение о раскопках в 1978 году 5 курганов с погребениями, содержащими амфоры и комплексы бронзовых украшений с литыми полусферическими бляхами-умбонами и многомолоточковидными булавками периода СБ IIa, синхронного катакомбной культуре Северного Кавказа и Предкавказья.

Хронологическая система энеолита и бронзового века юга Восточной Европы // Проблемы эпохи энеолита-бронзы лесостепной полосы. Оренбург, 1980.

Приводится сообщение о находке в 1974 году в Молдавии погребения по древнеямному обряду (Думяны 15/ц), перекрытого трипольским погребением с сосудом триполье В1–В2. Оспаривается «древнеямный статус» погребения Бережновка 5/22, древнейшего ямного погребения Поволжья, по Мерперту. Предложен пересмотр всей системы связей культур III тыс. до н.э. Восточной Европы и схемы синхронизации памятников этого периода с учетом **западного происхождения древнеямного обряда погребения.**

Курганный могильник эпохи бронзы у с. Дзуарикау (в соавторстве с Н.А. Николаевой) // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980.

Полная публикация материалов раскопок 12 стратифицированных курганов, выделение трех керамических и культурных традиций, классификация (корреляция типов керамики) и описание керамики пост-майкопского и докатакомбного времени (коллекция из 140 сосудов) легла в основу периодизации бронзового века Северной Осетии (Николаева, 1980; 1987; 2010). Каждое погребение продатировано в системе хронологии В.А. Сафронова 1979 года. **Наряду с курганами у с. Ногир, Чикола, Хазнидон, ст. Терская, материалы курганов у с. Дзуарикау стали основой для выделения кубано-терской культуры, ее периодизации и хронологии.**

Хронология бронзового века степных районов бассейна Кубани // X Крупновские чтения. М., 1980. С. 6–9.

Сообщение об итогах пятилетнего исследования Прикубанья 1978–1980 гг. **Впервые** разработана 12-этапная периодизация для 8 районов Прикубанья и Закубанья на основе стратиграфии 141 кургана.

Сообщается о присутствии в Нижнем Прикубанье трех культур – майкопской, куро-аракской, кубано-днепровской с повозками, раннекатакомбной. Отмечен факт появления ранних катакомб в период Среднебронзовый Ib (горизонт В «вытянутых погребений» в Калмыкии). Хронологические рамки кубано-днепровской культуры определены от времени Новосвободной до ранних катакомб (22–18 вв. до н.э.) Подчеркивается, что **нет фактов для включения Нижнего Прикубанья в ареал северокавказской культуры.**

1981

Древнейшая катакомбная культура Северного Кавказа и проблема появления катакомбного обряда в Восточной Европе (в соавторстве с Николаевой Н.А.) // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.

Изложена концепция формирования раннекатакомбных культур в Прикарпатье, на Донеччине, в Нижнем Прикубанье. Полная публикация и интерпретация раннекатакомбного горизонта (или преддонецкого) на Донеччине, в Луганской области (в том числе и катакомбы с Горским барельефом) и в Нижнем Прикубанье, и на Тамани. Горский барельеф – изображение антропоморфной личины на стенке ранней катакомбы около поселка Тошковка, недалеко от г. Горска. Приведены полные аналогии Горскому барельефу на покровной плите гробницы культуры шнуровых керамик. Традиция изображения божества подземного мира или его атрибутов слева от входа в камере или над входом связывается с культурой мегалитических катакомб Сены-Уазы-Марны, которая находилась в контакте с культурой шнуровых керамик. Образование раннекатакомбного горизонта рассматривается как результат скорее идеологического влияния небольших коллективов «катакомбников» на местное население разного генеза.

Катакомбные памятники предгорной зоны Северной Осетии // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981. С. 51–87.

Публикация материалов из кургана в Ногире Пригородного района и курганов Чиколы Ирафского района. Эти материалы – основа периодизации катакомбных памятников на Северном Кавказе и их синхронизации с поздними этапами кубано-терской культуры.

1982

Происхождение и хронология майкопской культуры по археологическим и историческим данным // Хронология бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982. С. 63–105.

1. Доказывается, что появление комплекса Большого Майкопского кургана на Северном Кавказе связано с миграцией с территории между-речья Хабурра и Балиха (Телль Хуэйра в Северной Месопотамии) западно-семитского (арамейского) населения. Миграция на север вызвана угрозой со стороны Нарамсуэна, аккадского царя, и датируется около 2230 г. до н.э. Этой же причиной вызван уход еврейского племени Авраама в Египет.

2. Дана классификация и проведено сравнение майкопской керамики и керамики Телль-Хуэйры.

3. Разработана 39-этапная периодизация истории Израиля догосударственного периода (от Авраама до Саула), проведены линии синхронизации с этапами истории Древнего Востока 3–2 тыс. до н.э. и дан исторический комментарий.

Происхождение майкопского искусства (в соавторстве с Н.А. Николаевой) // Хронология бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982.

Проведен позлементный анализ изображений животных на серебряных майкопских сосудах. Аналогии найдены в памятниках периода Раннединастического III/Аккадского периода в Северной и Южной Месопотамии, в Мари, в Эламе.

1983

Проблема появления колесного транспорта в Европе. Древнейшие повозки Восточной Европы. Выделение кубано-днепровской культуры – культуры древнейших кочевников Восточной Европы (в соавторстве с Н.А. Николаевой) // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе, 1983. С. 43–83.

Составлен каталог повозок 3 тыс. до н.э. от Трансильвании до Западного Прикубанья. Выделена кубано-днепровская культура и отделена от древнеямной культуры; определена лингвистическая атрибуция КДК как индоарийская на основе совпадения территориально-временных границ КДК с ареалом индоарийской топонимики от Трансильвании до Прикубанья. Лингвистическая атрибуция древнеямной культуры восточных вариантов, синхронной КДК, определена как праиранская. К индоиранцам отнесены памятники древнеямной культуры Северо-Западного Причерноморья и Потисья.

Проблема культурного единства степи и предгорий в концепции бронзового века Северного Кавказа в дореволюционной и довоенной литературе // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе, 1983. С. 8–24.

Этот историографический очерк – образец внимания и уважения к другим точкам зрения. Цитата: «Формой обзора мы выбираем аналитико-синтетический, однако считаем необходимым почти реферативно изложить положения многих исследователей по причине, что их заслуги не оценены должным образом или недостаточно известны» (с. 9). Разобраны более 100 работ 25 исследователей Северного Кавказа. Цитата: «Мы старались показать приоритет исследователя, подчеркнуть его оригинальные мысли, показать источниковую базу его исследования, судьбу идей (преемственность и заимствование), обоснованность выводов, причину научного достижения или неудачи» (с. 9).

Проблемы индоевропейской прародины. Орджоникидзе, 1983. 94 с.

Предложена концепция локализации индоевропейской прародины в Подунавье на основе корреляции данных археологии и сравнительно-исторического индоевропейского языкознания. Археологическими эквивалентами праиндоевропейской культуре названы культура Лендьел и культура воронковидных кубков. Дана 7-этапная модель эволюции ИЕ прародины и модель восточных миграций индоевропейцев (индоиранцев, хеттов, тохар) через континуитет культур от Средней Европы до Кавказа. Указывается на происхождение культуры Лендьел от культуры Винча. Дискуссия о праиндоевропейской прародине и ИЕ миграциям была вновь открыта в отечественной науке статьями лингвистов Т.В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванова (1980, 1981), историков И.М. Дьяконова, (1982), Э.А. Грантовского (1981). В.А. Сафронов стал первым археологом, отозвавшимся на эту дискуссию комплексным исследованием, учитывающим данные лингвистики и археологии Восточной и Центральной Европы, а также материалы его собственных раскопок.

1984

Кавказ в бронзовую эпоху и проблема локализации индоевропейской прародины («кавказский узел») // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции Института востоковедения. Ч. 1. М., 1984. С. 82–86.

Популяризация идей монографии 1983 года среди востоковедов. «Кавказский узел» ИЕ проблемы – это сумма лингвистических условий, которые определяют территорию картвело-древнеевропейских контактов на Кавказе, где в качестве эквивалента пракартел предлагается куро-аракская культура, а археологическим эквивалентом индоевропейцев 3–2 тыс. до н.э. – памятники типа «Замок», Долинское,

Новосвободная, кубано-терская культура. Указывается на возможность семито-индоевропейских контактов на Северном Кавказе в связи с приходом на Кавказ западносемитского населения (майкопская культура) и взаимодействия с населением культуры гробниц Новосвободной. Автохтонный компонент («севернокавказцы») предположительно усматривается в куро-аракской культуре Северо-Восточного Кавказа. В работе дана периодизация распада позднеиндоевропейской прародины в 5 этапах от 4000 до 2800 гг. до н.э.

1986

О раннепраиндоевропейской прародине на Балканах и ее малоазийских истоках // Балканы в контексте Средиземноморья. (Проблемы реконструкции языка и культуры). Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. Институт славяноведения и балканистики. Редакционная коллегия: Вяч.Вс. Иванов, В.П. Нерознак, В.Н.Топоров, Т.В. Цивьян. М., 1986. С. 3–5.

В развитие гипотезы о балкано-дунайской прародине индоевропейцев сделано предположение, что анатолийские (хетто-лувийские) языки отъединились от праиндоевропейской общности в Европе на рубеже 4/3 тыс. до н.э. под давлением автохтонных для Средней Европы пастушеских культур типа Сэлкуца IV. Впервые на основе типологических параллелей поставлен вопрос о двух хронологических уровнях и двух центрах индоевропейской прародины (Анатолия и Европа).

Культура Винча – древнейшая цивилизация Старого Света // Балканы в контексте Средиземноморья (в соавторстве с Н.А. Николаевой). (Проблемы реконструкции языка и культуры). Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. Институт славяноведения и балканистики. Редакционная коллегия: Вяч.Вс. Иванов, В.П. Нерознак, В.Н.Топоров, Т.В. Цивьян. М., 1986. С. 6–8.

В развитие идей монографии 1983 года «Проблемы индоевропейской прародины» приводятся характеристики археологической культуры Винча и их соответствие портрету праиндоевропейской культуры. Сделан вывод, что на рубеже 5/4 тыс. на Балканах возникает древнейшая цивилизация, археологический эквивалент которой – культура Винча.

1988

О зооморфных скипетрах и домайкопском горизонте (на арабском языке). М.: Прогресс, 1988.

1989

Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1989. 389 с., илл. 80.

Книга является результатом разработок с 1983 по 1989 годы соответствий между данными археологии и лингвистическими условиями к локализации ИЕ прародины. Основываясь на данных лингвистики о трех длительных этапах эволюции праязыка, В.А. Сафроновым выделено три прародины. Первая (раннепраиндоевропейская прародина) локализована в Малой Азии (Чатал Гюк, 7–6 тыс.). Портрет раннепраиндоевропейской культуры (реконструкция раннепраиндоевропейского языка завершена в 1986 году выдающимся лингвистом Н.Д. Андреевым) соответствует реалиям культур докерамического неолита Анатолии [гл. 2]. Прародина ИЕ в Анатолии решает проблему праиндоевропейско-прасемитских языковых заимствований и объясняет наличие южной фауны в словаре ПИЕЯ. Среднеиндоевропейская прародина соответствует ареалу культуры Винча на Северных Балканах (втор. пол. 5–4 тыс.), древнейшей цивилизации Старого Света [гл. 6]. Характеристика культуры Винча соответствует уровню цивилизации ПИЕ общества, по данным языка. Позднеиндоевропейская прародина – ареал культуры Лендъел, производной от Винчи, и раннего этапа культуры воронковидных кубков, производной от культуры Лендъел, рассматривается как результат индоевропеизации Центральной Европы, которая представлялась им как процесс инфильтрации небольших коллективов, носителей праиндоевропейского языка, с передачей автохтонам Европы винчанских достижений в области интенсивного пашенного земледелия, скотоводства, ремесел, архитектуры, градостроительства, идеологии, письменности. Неиндоевропейский субстрат в индоевропейских языках в археологическом выражении усматривался в различиях в археологических памятниках разных культур, связанных между собой генетически. Постепенное расширение на север в течение 1000 лет (7 фаз эволюции позднеиндоевропейской прародины – гл. 7) вызвало диалектное членение индоевропейского праязыка на «древнеевропейцев» и народы «догреческого субстрата». Древнеевропейцам (еще неразделенному массиву будущих кельтов, италиков, иллирийцев, германцев, балтов, славян) соответствует в Центральной Европе культура воронковидных кубков поздних этапов (32–25 вв. до н.э.), культура шаровидных амфор (28–22 вв. до н.э.), культура шнуровых керамик (старший горизонт 25–20 вв. до н.э.) и те же культуры плюс усатовские, кеми-обинские памятники, дольмены Новосвободной и кубано-терская культура (3–3/2 тыс.) – на юге Восточной Европы. Догреческому субстрату (фрако-пеласги, карийцы, ликийцы, греки) соответствуют, по Сафронову, хронологические и территориальные варианты культуры Лендъел. «Дочерние» культуры Винчи (Гумельница и Триполье) являются эквивалентами анатолийских языков.

Событие огромной важности – domestикация лошади в Центральной Европе – было отмечено переходом к мобильному скотоводству. Горизонт

культур Болераз-Чернавода-Сэлкуца 4 отмечает переход к пастушеству в Центральной Европе. Появление конеголовых скипетров – главный символ эпохи начала миграций ИЕ (гл. 11) Археологическим эквивалентом греко-индоиранской общности названы памятники древнеямной культуры и памятники Болераза в Потисье.

Колесо и повозка – второе великое изобретение индоевропейцев, позволившее осуществиться далеким миграциям. В среде древнеевропейцев была изобретена повозка. Первое изображение повозки в плане найдено на сосуде из поселения КВК Броночицы (дата 32–30 вв. до н.э.). Повозка стала характерным признаком погребального обряда кубано-днепровской археологической культуры (КДК – дата 25–18 вв.), культуры индоариев. Лингвистическая атрибуция КДК связана с исследованиями О.Н. Трубочева локуса индоарийской топонимики от Карпат до Кавказа. Эквивалентом индоиранцам являются древнеямные памятники Северо-Западного Причерноморья, Пруто-Днестровского междуречья с плоскодонными амфорами и сосудами типа КВК и Лендьел. Эквивалентом праиранцам являются древнеямные памятники с круглодонными сосудами от 25 до 18 вв. до н.э. «Доямный горизонт» – это погребения со скипетрами, новоданиловская группа, поселения Константиновка на Дону, Свободное на Лабее, «Замок» в Пятигорске – связываются миграцией тохар, которые по пути следования включили часть населения культуры Средний Стог 2.

В последнее десятилетие интенсивно обсуждаются хронология и происхождение этих памятников, проблема так называемой накольчато-жемчужной керамики (НЖК), связь их с майкопской культурой, однако участники дискуссии забывают, что проблема азово-черноморского энеолита была намечена В.Н. Даниленко в 1974 году, а хронология, связь горизонта домайкопских и доямных памятников с триполем С1, а также индоевропейская атрибуция культуры этого горизонта разработана В.А. Сафроновым и в 1983, и в 1989 году.

Семито-индоевропейские контакты отражены, по Сафронову, в связях Майкопа (западно-семитской атрибуции) и Новосвободной (анатолийско-древнеевропейская атрибуция). Картвело-индоевропейские контакты объяснимы на основе синкретичных памятников Центрального Кавказа (Кабарда, Осетия), сочетающих куро-аракскую и кубано-терскую традиции.

Книга сопровождается 80 таблицами рисунков, где проведены типологические параллели между керамикой (этнического признака) нео-энеолитических и раннебронзовых культур, устанавливающие генетические связи этих культур.

В конце книги опубликованы рецензии авторитетных исследователей, академиков и докторов наук: Вяч.Вс. Иванова, О.Н. Трубочева, Е.В. Антоновой, П.М. Кожина, В.И. Сарияниди, Ю.Б. Симченко, которые высоко оценили работу В.А. Сафронова. Не вошел в книгу отзыв Ю.В. Откупщикова, где говорится: «Охватывающее огромный фактический материал, богатое мыслями и оригинальными идеями исследование

В.А. Сафронова представляет собой наиболее фундаментальную археологическую разработку проблемы индоевропейской прародины из всего того, что до сих пор опубликовано на русском языке. Она представляет собой несомненный вклад в археологическую, косвенно – и в лингвистическую науку» (5 мая 1991 года).

1989

Сейминская проблема // Памятники археологии и этнографии Верхнего Поволжья. Горький, 1989. С. 65–77.

Это последнее обращение к этой проблеме. Статья состоит из двух частей: историографии и изложении своей концепции о сибирском происхождении сейминско-турбинских могильников и формировании металлургических центров сейминско-турбинских бронз на Среднем Енисее в зоне контакта с карасукской культурой и с глазковскими племенами. Подробнейший разбор аргументации оппонентов в историографии (В.А. Городцов, С.В. Киселев, Н.А. Прокошев, О.Н. Бадер, Л.Я. Крижевская, В.П. Шилов, Е.Н. Черных, А.Х. Халиков) – образец уважения В.А. Сафронова к научной мысли коллег. Вновь В.А. Сафронов выводит из тени многие забытые имена, хотя прошли многие десятилетия. Использование хаотических внесистемных дат, калиброванной шкалы дат по С 14 завели в тупик сейминскую проблему и все, что с ней связано. Считают, что самусьско-ростовкинский очаг сложился не под влиянием иньско-аньянской металлургии, а сам влиял на сложение металлургического центра в Древнем Китае. Таким образом, проблема остается и ждет своих исследователей.

1990

Курильницы катакомбной культуры (Индоевропейская форма 1) (в соавторстве с Николаевой Н.А.) // Тезисы Всесоюзного семинара «Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности». Запорожье, 1990. С. 54–57.

Эти тезисы являются продолжением индоевропейской темы в трудах В.А. Сафронова. «Курильницы» – условное наименование чаши на ножках – имеют большой диапазон существования. Они проходят по многим культурам индоевропейского круга, начиная от Чатал Гююка. Типологически и хронологически близки курильницы саксо-тюрингской группы КШК и афанасьевской культуры. Сочетание курильницы с остродонными и бомбовидными сосудами афанасьевской культуры свидетельствует о формировании афанасьевского комплекса в непосредственной близости от культуры Средний Стог II на основе шнуrokerамического комплекса Нижняя Михайловка, появившегося на Нижнем Днепре в связи с первыми восточными миграциями тохар и древнеевропейцев (КВК и КШК).

Новые пути решения майкопской проблемы // Советская археология. № 1. 1990. С. 137–143.

Изложены положения статей 1982 года о месте Майкопа в системе хронологии Восточной Европы и Ближнего Востока; происхождении и этнической атрибуции майкопской культуры по данным археологических и письменных источников.

1991

Абсолютная хронология эпохальных этапов развития праиндоевропейского общества по данным лингвистики, археологии, истории // Древнейшие общества земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V тыс.). Киев, 1991. С. 78–81.

Анализируются лингвистические основания для реконструкции индоевропейской пракультуры на разных хронологических уровнях и данные для датировки трех прародин по данным лингвистики. Формирование раннепраиндоевропейской языковой общности, до VIII (VII) тыс. Существование РИЕ общности – VII–VI тыс. Существование среднепраиндоевропейской языковой общности – V тыс. Существование позднепраиндоевропейской общности – конец V–IV тыс. Древнеевропейская общность (неразделенный массив будущих кельтов, италиков, иллирийцев, германцев, балтов, славян) – 30(28)–23 вв. до н.э. (следует отличать «древнеевропейцев» концепции В.А. Сафронова и Древнюю Европу в концепции М. Гимбутас).

Некоторые взаимоисключающие понятия и заимствования в праиндоевропейском словаре объясняются их происхождением из разных хронологических уровней многослойного праиндоевропейского словаря.

1999

Истоки славянской и евразийской мифологии (в соавторстве с Николаевой Н.А.). Москва-Калуга, 1999. 300 с.

В этой книге сделаны первые шаги к хронологической периодизации мифологического наследия человечества. Метод исследования – установление общих мифологем и выяснение исторических причин их общности. Прослежены изменения космогонических представлений древних в связи со сменой эпох.

1. Миф эпохи первого расселения Homo Sapiens по планете (40–35 тыс. лет тому назад); Миф о Мировом Древе присутствует в мифологии всех народов мира. Древнейшее изображение Мирового древа находится в пещере Ласко (17 тыс.) и является полной аналогией изображению Мирового древа у долган (Западная Сибирь).

2. Мифы евразийской эпохи (12–9 тыс.) связаны с общим периодом проживания в перигляциальной степи сообществ, говоривших на бо-реальном (евразийском) языке, языке «охотников на северного оленя».

Миф о создании мира из яйца птиц-Девой творения (Эвринома у индоевропейских пеласгов), (Ильматар финно-угорских народов). Мифы о Волке и Волчьем боге – боге изобилия, плодovitости, плодородия, помощнике героя (у тюркских и индоевропейских народов). Мифы о луке и стрелах как символах благоденствия и свадебной обрядности у тюркских, финно-угорских и индоевропейских народов.

3. Мифы эпохи становления производящей экономики (8–6 тыс.). Миф о Великой богине и об Умирающем и Воскресающем боге. Миф о создании мира из Первочеловека (у индоариев, древних германцев, семитских народов).

Приложение к книге «Истоки славянской и евразийской мифологии». Москва-Калуга, 1999. 300 с.

Излагается концепция «евразийской прародины» индоевропейцев на севере Центральной Европы. Лингвистическая база – бореальный язык, реконструированный Н.Д. Андреевым (из индоевропейских, финно-угорских, уральских, алтайских языков). Археологический эквивалент – свищерская культура; хронологические рамки этой прародины – 12–9 тыс. Показана траектория движения части евразийцев (свищерцев), будущих праиндоевропейцев через проливы в Малую Азию, в Восточное Средиземноморье (Иерихон Б), на Синай (Бейда). Археологический эквивалент свищерцев на Древнем Востоке – тахунийская культура (культура со стрелами, с одомашненной козой, с собакой). Прасемито-праиндоевропейские связи отражаются во взаимодействии прасемитской культуры Иерихона А с тахунийской культурой Иерихона Б. Установлена связь по кремневому инвентарю Иерихона Б и Бейды с докерамическим Чатал Гуюком.

Чатал Гуюк связан с культурой Винча культом Великой богини, отраженным в скульптуре этих памятников, и в то же время соответствует реалиям раннепраиндоевропейского языка Н.Д. Андреева. Этой гипотезой о евразийской прародине находит свое завершение концепция В.А. Сафронова об индоевропейских прародинах. Такая парадигма объединяет «анатолийскую», «центрально-европейскую» и «степную» концепции; базируется на лингвистических постулатах и находит каждому постулату археологическое соответствие.

Концепция курса «Основы археологии. Введение в индоевропейскую праисторию» // Сборник Русского Исторического общества. Т. 1(149). М.: Издательство «Русская панорама», 1999. С. 52–63.

Предлагается новый взгляд на культурно-исторический процесс в Северной Евразии в пра- и протоисторическую эпохи с использованием данных сравнительно-исторического индоевропейского языкознания и сравнительно-исторической мифологии.

Археология. Введение в индоевропейскую праисторию (в соавторстве с Николаевой Н.А.). М., 1999. 65 с. (4.5 п.л.).

Программа курса «Основы археологии» с лингвистической атрибуцией археологических культур первобытности представляет взгляд В.А. Сафронова на археологию как на историческую науку и на методику преподавания археологии как исторической дисциплины. Изложение археологии от финального палеолита (12–9 тыс.) до Великого переселения народов 13 в. до н.э. построено на основе его концепции индоевропейских прародин и восточных миграций индоевропейцев. Малая Азия рассматривается как восточный регион для трех линий развития цивилизации: праиндоевропейской (Винча), эламо-дравидской (Халаф), прасеверносемитской (Урук). Возникновение древнейшей цивилизации Старого Света связывается с Балканами (5 тыс.). История позднебронзового века рассматривается как цепная реакция этнических движений в направлении с востока на запад от Центральной Азии до Центральной Европы и далее на юг в Восточное Средиземноморье, возникшая в результате первоначального конфликта между азиатскими индоевропейцами и центрально-азиатскими кочевниками с учетом системы взглядов на датировку и происхождение памятников Ростовка-Сейма-Турбино-Абашево-Бородинский клад-Сабатиновка-Ноа. По мере углубленной проработки индоевропейской тематики курса В.А. Сафроновым было предложено собственное оригинальное решение по вопросам 1) о происхождении «царских скифов» из Приаралья; 2) о лингвистической атрибуции тагарской культуры и миграции массагетов– юэчжей–алан на Кавказ; 3) о древнейшем периоде готской истории и гото-славянских отношений по письменным и археологическим источникам.

2003

История Древнего Востока в Ветхом Завете. М. Издательство «Русская панорама», 2003. 424 с.; 40 табл. с илл. 136 библи.

В книгу вошли неопубликованные ранее разработки В.А. Сафронова по важнейшим проблемам Истории Древнего Востока.

1. Ядром монографии является статья 1982 года «Хронология, происхождение и определение этнической атрибуции майкопской культуры по археологическим и письменным источникам». Для 39 этапов и 92 периодов истории Израиля догосударственного периода от Авраама до Саула определены 53 линии синхронизации с историей Древнего Египта, Месопотамии, Малой Азии. Даты этапов устанавливаются как прямым сопоставлением с историческими событиями сопредельных государств, так и на основании определения объема событий израильской истории, исходя из рассчитанного хронологического интервала 28.8 лет для правления одного Судьи (Синхронистическая таблица в Приложении 2).

2. Сравнительно со статьей 1982 года книга дополнена разделами о независимой датировке хапиру (эквиваленте древнееврейского этноса) от 22 до 14 вв. до н.э.

3. Введен раздел «Праистория Израиля и цивилизаций Ближнего Востока», где излагаются взгляды В.А. Сафронова на историю ранних прасемитов и ранних праиндоевропейцев в Восточном Средиземноморье и Малой Азии; на происхождение шумеров, шумеро-семитской и эламо-дравидской цивилизаций.

4. Даты Исхода, по В.А. Сафронову, и даты Исхода Иосифа Флавия и раннехристианских историков расходятся на десятилетие.

О концепции четырех прародин индоевропейцев В.А. Сафронова

Николаева Н.А. (Москва)

Проблеме сложения и распада евразийского этнического единства по данным лингвистики, мифологии и археологии было посвящено исследование В.А. Сафронова, опубликованное в качестве Приложения в нашей книге «Истоки славянской и евразийской мифологии» (М., 1999, с. 238–310). Это последнее, исключительной важности научное открытие В.А. Сафронова замыкает его концепцию о нескольких прародинах праиндоевропейцев. Хотя книга вышла большим тиражом, остается неясным, достигла ли она специалистов и обратили ли они внимание на Приложение, поскольку основной темой книги является хронологическое упорядочение отдельных мифологических сюжетов. В книжном варианте работы В.А. Сафронова сохраняется очарование открытия, которое диктует и импрессионистский стиль, и структуру работы. Попытка соответствовать выбранному для книги научно-популярному жанру привела к тому, что за решением этих задач выводы работы оказались несколько рассредоточенными. Данная статья является реферативной переработкой этого исследования В.А. Сафронова и имеет цель воссоединения гипотезы об евразийской прародине праиндоевропейцев с гипотезами о малоазийской, балкано-дунайской, северо-центрально-европейской в рамках концепции В.А. Сафронова о нескольких прародинах праиндоевропейцев.

Карпато-Полесская прародина евразийцев. Обособление западных евразийцев (предков ранних праиндоевропейцев) и их миграция в Анатолию (10–9 тыс. до н.э.)

Лингвистической основой для локализации ареала обитания евразийцев – предков ранних праиндоевропейцев – являются работы выдающегося ученого-лингвиста, Николая Дмитриевича Андреева, который реконструировал бореальный язык и словарь из «203 бореальных корневых биконсонантных слов» путем соотнесения раннепраиндоевропейских корневых слов с засвидетельствованными лексемами уральских и алтайских языков» (Андреев, 1988, с. 3; Андреев, 1986).

Это выдающееся открытие Н.Д. Андреева позволяет начинать индоевропейскую праисторию с финального палеолита Европы, считать индоевропейцев коренным населением Европы.

Бореальный язык, по мысли Н.Д. Андреева, относится к концу плейстоцена и верхнего палеолита, а бореальный период, с которым ассоциируется термин «бореальный язык», соответствует голоцену и концу мезолита. Чтобы избежать путаницы, мы предлагаем называть сообщество, говорящее на воссозданном Н.Д. Андреевым «бореальном языке», **евразийцами**, а **прародину – евразийской**, исходя из того, что вышедшие из бореального уральские, финно-угорские, алтайские языки заняли в последующем пространства Северной Евразии.

Локализация прародины евразийцев по данным лингвистики

Н.Д. Андреев реконструировал бореальные протосемы, указывающие на ландшафтно-климатические характеристики ареала обитания носителей бореального языка.

Климат евразийской прародины определяется, исходя из десяти бореальных корнесловов («снег, лед, иней, зима, стужа, метель, сильный холодный северный ветер, замерзать»). Они напоминают о жестокой холодной зиме с северным сильным ветром, метелями и лишениях, связанных с ними (Андреев, 1986, с. 14, 41; 1988, с. 5, 7–8; 1996, с. 14). Корнесловов, характеризующих зимнее время, значительно больше, чем относящихся к другим временам года, поэтому закономерен вывод, что именно зима беспокоила больше всего евразийцев и занимала, без сомнения, большую часть года.

Понятий «лето» и «осень» и специальных названий для них в репертуаре бореального словарного фонда нет (Андреев, 1993, с. 38). Весна, вероятно, находит свое отражение в протосемах «оживать после зимней спячки», «распускающие почки деревья и кусты», «вспучиваться, набухать», «таять», «тонкий лед» (Андреев, 1986, с. 10; 1993, с. 276). Лето как время года, возможно, отразилось в бореальном тезаурусе лишь одним корнесловом K-N, значение которого «засуха», «мучиться жаждой», «голодать» (Андреев, 1986, с. 13; 1993, с. 43). Эти факты говорят о том, что теплое время года не определяло годовой климатический фон в ареале евразийской прародины.

Ландшафт евразийской прародины включал в себя как «горы», «утесы», «холмы», струящиеся родники» (Андреев, 1986, с. 12), так и «болота», «озера», «реки», «родники» (Андреев, 1986, с. 8, 275–276), которые причудливо сочетаются с представлением о засухе, жажде, голоде. В то же время «в корнесловах бореального праязыка полностью отсутствует лексика, связанная с пустыней и морем» (Андреев, 1986, с. 276).

Уточнить локализацию прародины позволяют четыре бореальные протосемы: «северное сияние», «белые ночи» (Андреев, 1993, с. 21–22); «зимний и летний север» (Андреев, 1993, с. 43–45).

Определяя прародину бореального языка и народа, Н.Д. Андреев первоначально указал на широкий ареал «от Рейна до Урала», оговорив

при этом, что и ранние праиндоевропейцы «находились между Рейном и Днепром» (Андреев, 1986, с. 277). Позже под влиянием обсуждения этого вопроса с В.А. Сафроновым и, по его словам, «после десятилетия кропотливой работы, когда объем доказательного материала втрое превысил первоначальный в книге 1986 года», он указал на Прикарпатье как на прародину носителей бореального языка (Андреев, 1996, с. 5, 19). Аргументируя свои выводы, Н.Д. Андреев (1996, с. 5, 19) указывает, что северное сияние наблюдается в зоне 23° от магнитных полюсов, т.е. на 57 параллели (Андреев, 1993, с. 21–22), что не совсем верно.

Действительно, северное сияние наблюдается преимущественно в высоких широтах на расстоянии 20–25° от магнитного полюса (КГЭ, 1962, т. 3, с. 276). Координаты магнитного полюса 74,9° с.ш. Значит, северное сияние можно наблюдать, начиная от 50–54° с.ш. и, следовательно, проживая только в Прикарпатье, евразийцы не могли наблюдать этого явления.

В то же время на основе бореальных корнесловов «зимний и летний север» Н.Д. Андреев делает блестящее заключение о меридиональном (кочевом) ориентировании в пространстве: «евразийцы двигались вслед за мигрирующими объектами охоты с юга на север летом и с севера на юг – зимой (Андреев, 1993а, с. 43–45). Эти выводы Н.Д. Андреева позволили В.А. Сафронову присоединить к прародине и равнинные пространства между Северным Прикарпатьем и Балтикой. На какие огромные расстояния кочевали евразийские охотники, видно из сочетания в их словаре обозначений горного и равнинного ландшафта, рек и водоемов с засушливыми районами. Вероятно, там, на далеком «летнем севере» они и наблюдали полярное сияние и наслаждались белыми ночами.

Таким образом, ландшафтно-климатические характеристики евразийской прародины, по данным бореального языка, соответствуют северным приполярным территориям, поскольку сочетание этих реалий в IX тыс. до н.э. в Старом Свете имело место только к северу от Северного Прикарпатья. Другие регионы, которые могли бы быть рассмотрены как возможные варианты прародины евразийцев, были покрыты в это время ледниками.

Северная (летняя) граница евразийской прародины в начале третьего дриасского оледенения (9 тыс. до н.э.) должна была проходить у кромки ледникового щита в 50–100 км к югу от побережья Балтийского моря. *Южная (зимняя) граница* евразийской прародины должна проходить либо по плоскогорью, окаймленному Рудными горами и Судетами, либо в северной части Закарпатья (Николаева, Сафронов, 1999, с. 245).

Хронологические рамки евразийского (бореального) языка

Бореальный язык не может быть моложе IX тыс. до н.э. (Сафронов, 1989, с. 33–34), что следует из факта длительной эволюции праиндоевропейского языка и даты распада позднеиндоевропейской общности (V/IV–IV тыс. до н.э.), по данным глоттохронологии (Гамкрелидзе,

Иванов, 1984). Эта эпоха в археологических терминах соответствует финальному палеолиту, выделяемому только для северных районов Центральной Европы.

Эти датировки бореального языка согласуются с хронологическими выкладками Н.Д. Андреева: «Семиотический анализ корнеслова бореального языка не оставляет ни малейших сомнений в том, что им пользовались в конце верхнего палеолита, приближенно говоря между 12 и 10 тыс. до н.э.» (Андреев, 1996, с. 4). В относительных датах «бореальная эпоха совпадает с концом верхнего плейстоцена на геологической шкале и концом верхнего палеолита на исторической линии общественного развития» (Андреев, 1986, с. 278).

Портрет евразийской культуры по данным языка

Если экологическую нишу евразийской прародины можно охарактеризовать по 31 признаку, то портрет культуры евразийцев восстанавливается по 22 протосемам.

Основным способом получения жизнеобеспечивающего продукта у евразийцев была *охота*. Объектом охоты были быстроногие животные (олень, лошадь?). Охотничьим оружием были *лук и стрелы*. Кроме того, на охоте использовались *колющие и метательные орудия*. С охотой связано 7 бореальных корнесловов: *целиться в добычу X-D* (Андреев, 1986, с. 6, № 6); *преследовать с собакой* (Андреев, 1986, с. 26, № 56); *стрелять из лука X-Y* (Андреев, 1986, с. 198, № 170); *метательное орудие (стрела) Чу-Ху* (Андреев, 1986, с. 97, № 111); *стрелы Gh-R, Gw-L* (Андреев, 1986, с. 48, № 75; с. 25, № 55); *колющее острие D-R-* (Андреев, 1986, с. 5, № 4); *заколоть оленя M-R* (Андреев, 1986, с. 12, № 26).

Охотились, используя собаку, что подтверждается двумя корнесловами: *собака* (Андреев, 1986, с. 18, № 40); *преследовать с собакой* (с. 26, № 56). Факт приручения волка в связи с потребностями успешной охоты и факт появления собаки как домашнего животного в конце плейстоцена характеризует евразийцев как потенциально готовых к доместикации других животных. Это должно иметь подтверждение в данных археологии.

Охотничий образ жизни был связан со сменой мест обитания, временными жилищами, постоянным движением, о чем говорят следующие бореальные корнесловы: *странствовать, менять стоянки* (Андреев, 1986, с. 176); *класть основание жилия Dh-Ху* (Андреев, 1986, с. 7, № 9). *Защитная хвойная загородка, сочленять палатку, сооружать жилие D- Ху-* (Андреев, 1986, с. 97, № 112).

Жилье обогревалось огнем очага (*огонь, очаг ХУ-Х* – Андреев, 1986, с. 245, № 193). Пищу готовили на костре (*печь в золе на углях* – Андреев, 1986, с. 11, № 20; *горящие угли, костер* – Андреев, 1986, с. 13, № 31). Возможно, огонь брали и с собой на охоту (*идти за огнем, переносной огонь* – Андреев, 1986, с. 95, № 105).

Болота, неременная деталь низинных равнин севера, являлись объектом собирательства, прекрасным источником пропитания («*собирать ягоды, ягоды, пригоршня ягод*»). На болотах и водоемах гнездились водоплавающие птицы с длинным клювом (бореальный корнеслов *G-L-*: «*птица*», «*раскрытый клюв*», «*глотка*» – Андреев, 1986, с. 13).

Реки были также источником еды (семантика бореального Р-У-: «*рыба, связка сушеной рыбы, колючий плавник*» – Андреев, 1986, с. 10).

В качестве транспортного средства использовали *волокушу*, «*тянуть волоком*» (Андреев, 1986, с. 6, № 7, с. 17, № 38). Учитывая эффективность волокуши на скользком грунте, можно считать факт ее использования косвенным подтверждением ареала евразийской прародины на снежных просторах приполярных районов Европы. Другим транспортом могла быть лодка, поскольку существование рек, необходимость переправы через них, преимущества быстрого передвижения по воде диктовали появление такого изобретения. Существуют три бореальных корнеслова, обосновывающих это предположение: *долбить*; *топор*, *рассекать S-K* (Андреев, 1986, с. 224), *каменный топор X-XW* (Андреев, 1986, с. 248, № 198), *лопасть весла* (Андреев, 1986, с. 175).

Итак, пронизывающие ветры с севера, снежные метели, покрытые льдом низины, обледенелые берега замерзающих рек и оврагов, пространства под тонкой коркой льда, превращающиеся во время короткого тепла в проталины и непересыхающие болота – вот неполные зарисовки пейзажа евразийской прародины по данным языка.

В целом анализ бореальной лексики Н.Д. Андреева рисует следующую картину. Евразийцы жили в эпоху финального палеолита на пространствах от Прикарпатья до Балтийского ледника на севере Европы, были охотниками, «охотниками на оленя». Охотились они с помощью лука и стрел, а также использовали метательные орудия. Занимались собирательством (растения, ягоды на болотах), добывали рыбу в реках и животных с помощью гарпуна или дротика. Они приручили волка, вывели породу собак, которые помогали им на охоте и, возможно, использовались как транспортное животное. Быстрое перемещение объекта охоты диктовало кочевой образ жизни. Евразийские охотники передвигались с юга на север летом, и с севера на юг – зимой. Большие расстояния с юга на север они, возможно, преодолевали по течению рек на лодках. Они умели изготавливать лодки-челны с помощью топора. По суше они передвигались на волокушах (санях), возможно, тоже с помощью собак. Их быт был приспособлен к постоянной смене стоянок. Они научились сооружать легкие жилища типа чумов, отапливаемые огнем в очагах. Они использовали переносные очаги, вероятно, на охоте и при переходах. Они жарили мясо на углях костра, варили пищу на костре. Они не были замкнутым моноэтническим сообществом; о контактах через брачные связи говорят термины «*чужачка, умыкать, жениться*». Это подсказывает форму сложения сообщества, языком которых стал бореальный язык Н.Д. Андреева.

Лингвистическая атрибуция свидерской культуры

Задача археолога состоит в том, чтобы сопоставить словесный портрет евразийской культуры с реалиями археологических культур, которые находятся в ареале и в хронологических рамках евразийской прародины.

На территории евразийской прародины по данным языка в IX тыс. до н.э. существовали три археологические культуры финального палеолита, генетически связанные между собой: Лингби и производные от нее – аренсбургская и свидерская культуры (Зализняк, 1989, с. 76–90). Основную часть указанного данными бореального языка ареала занимала лишь одна археологическая культура – свидерская, сосуществующая на западе с родственной аренсбургской археологической культурой.

Словарь бореального языка позволяет определить, что из трех культур только свидерская соответствует портрету культуры евразийцев.

Свидерская культура оставлена финально-палеолитическими «охотниками на северного оленя», представлена комплексами кремниевых (реже кварцитовых) находок, собранных на дюнах; местонахождениями и временными сезонными стоянками. Геологический период существования свидерской культуры – последнее плейстоценовое оледенение Дриас 3. Абсолютная датировка свидерской культуры определяется началом Дриаса 3 – 8900 г. до н.э. и переходом от плейстоцена к голоцену, который достаточно точно датируется по «ленточным глинам» – 7900 г. до н.э. (Монгайт, 1973, с. 192).

Инвентарь свидерской культуры включает все обозначенные в бореальном языке типы каменных орудий: *скребок, обдирать острым скребком Gh-R, проколка, стрела как что-то острое* (Андреев, 1986 с. 48, № 75); *метательное орудие, брошенное рукой; стрела, гарпун, дротик* (Андреев, 1986, с. 97, № 111); *широкий каменный топор X-Xw* (Андреев, 1986, с. 273); *средний каменный топор S-K* (Андреев, 1986, с. 273); *узкое каменное тесло, обтесывать T-K* (не было оппозиции частей речи: Андреев, 1986, с. 273); *каменный нож, резать Ky-S* (Андреев, 1986, с. 273).

Лук и стрелы, изобретенные либо мадленцами на севере Франции и в западной части Германии, либо носителями гамбургской культуры в период, предшествующий Дриасу 3 (Зализняк, 1989, с. 12–13, рис. 1), встречаются в более широком хронологическом интервале, но наконечники стрел, по признанию исследователей, являются культурно-определяющими. Действительно, стрелы культур Лингби, Аренсбург, Свидер отличаются от гамбургских, а также между собой.

Культурно-определяющими для свидерской культуры являются *кремниевые стрелы* 5-ти различных типов: 1) иволистные, 2) черешковые, 3) наконечники со слабо выраженным черешком, 4) ланцетовидные; 5) наконечники подромбовидной формы (рис. 1). Сравнительно-типологический анализ показывает, что в дальнейшем *только свидерская культура* демонстрирует точные и полные аналогии стрелам тахунийской культуры Ближнего Востока, с памятником которой, Чатал Гуюком, В.А. Сафронов связал прародину ранних праиндоевропейцев.

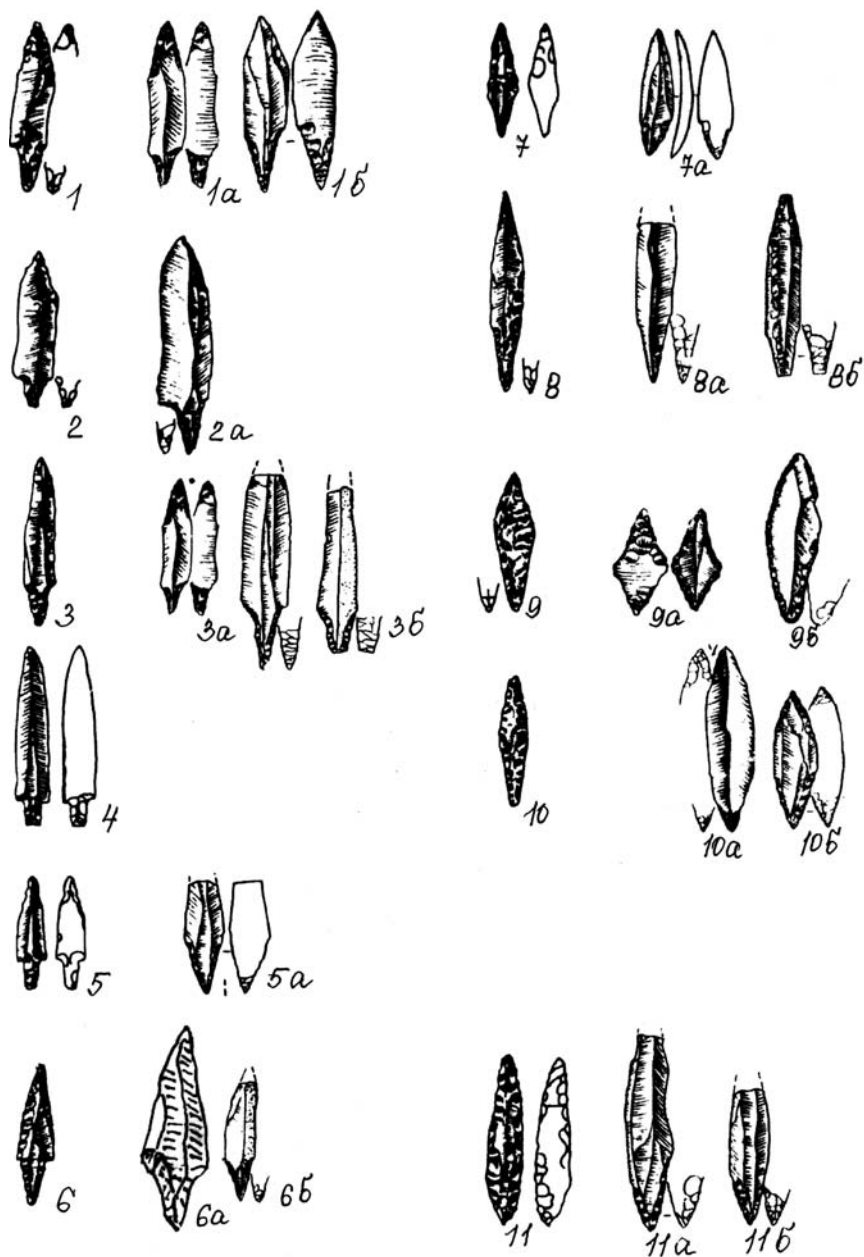

Рис. 1. Сравнение стрел тахунийской (1-11) и свидерской (1а-11а) культуры.

Топор, две разновидности которого отмечены в словаре бореального языка, также является культурно-определяющей категорией среди этих культур (рис. 2:7), поскольку является новым орудием для финального палеолита и изобретен свидерцами. Топоров нет ни в культуре Лингби, ни в культуре Аренсбург. С известной долей осторожности к *долотовидным орудиям* в свидерской культуре (рис. 2:1) можно отнести орудия на толстых ножевидных пластинах, с обработанным ретушью краем (прямой или чуть вогнутой узкой торцевой стороной, иногда оформленной резцовым сколом) (Зализняк, 1989, с. 29, рис. 12:47). Долотовидных орудий, известных по репертуару евразийской бореальной лексики, в то же время нет в культуре Лингби. Таким образом, три категории орудий, указанные в бореальном словаре, отсутствуют во всех культурах, кроме свидерской.

Редки в других позднепалеолитических памятниках кремниевые пилки (рис. 2:8а), скобели для древков стрел (рис. 2:12а, б); часто встречаются ножи на ножевидных пластинах (рис. 2:2а), сверла (рис. 2:14б, 15а, 17а, 17б, 18а), а также резцы (рис. 2:1а, 9а, 13а).

Материальная культура Свидера представлена остатками немногих жилищ на поселениях, кремневыми и кварцитовыми находками. Жилища представлены остатками углубленных в землю полуземляночных строений. Из них выделяется *два типа зимних подовально-квадратной формы* размером 4х3.5 м и *два типа летних жилищ*, круглых в основании диаметром 1.4 м, либо подовальные 2х1.6 м (Зализняк, 1989, с.137, 144, рис. 43).

Кости **собаки** были найдены дважды в свидерских памятниках и один раз в финально-палеолитических слоях пещеры Ла Ферраси. Таким образом, и первое домашнее животное, зафиксированное в словаре евразийцев, находит аналогию в реалиях свидерской культуры.

Охота как доминирующий образ жизни сопровождалась накоплением знаний о животных, которые делали евразийцев потенциально готовыми к domestикации, что подтверждается успешным приручением волка. Евразийцы хорошо знали *оленья*, основного объекта охоты; пытались его приручить. На стоянке аренсбургской культуры найдены три утонувших оленя с волосяной петлей на шее, удерживающей камни. Вероятно, камни привязывались с целью стеснить движения оленей, которых выпускали на выпас, чтобы затем использовать как запас мяса с наступлением холодов.

Свидерская культура – археологический эквивалент евразийской (бореальной) общности, а *карпато-полесский регион* – прародина евразийцев. Такой вывод следует из совмещения данных евразийской бореальной лексики и характеристики свидерской археологической культуры, а также их территориальных и хронологических границ.

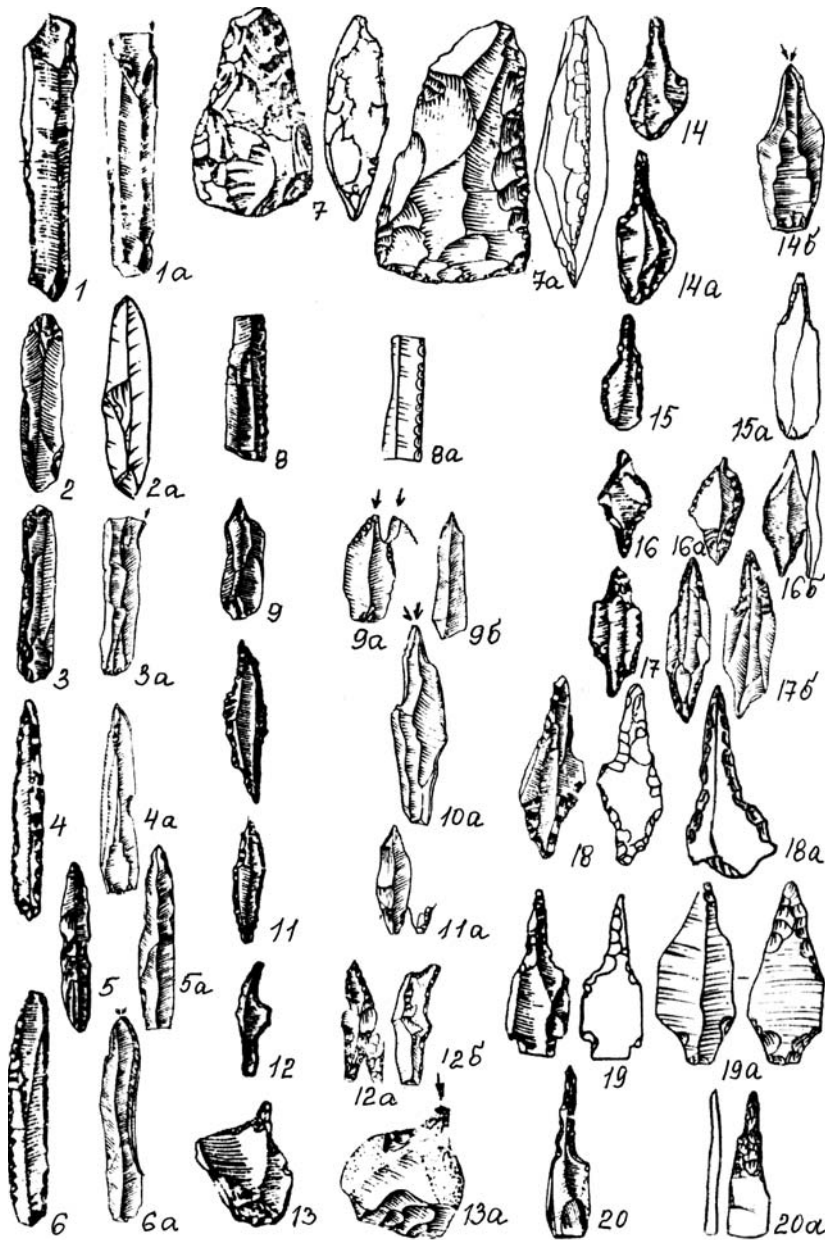

Рис. 2. Сравнение других категорий кремниевого инвентаря тахунийской (1–20) и свидерской (1а–20а) культуры.

Миграция евразийцев-свидерцев в Анатолию и Восточное Средиземноморье

Около середины IX тыс. до н.э. холода стали усиливаться, наступил Дриас 3. Вымерзали редкие лесные массивы, уничтожаемые потом пожарами (о лесных пожарах свидетельствует бореальная протосема «пальник»). Ледник доходит до Северных Карпат (Ложек, 1971, с. 109–112), а южная граница тундростепи находится в 200 км от современного побережья Черного моря (Зализняк, 1989, с. 19, рис. 5, карта свидерских памятников). Западные свидерцы отходят в Закарпатье (Чихлеу-Скауне), а затем к Дунаю (Великий Славков – Зализняк, 1989, с. 18–19, рис. 5). Восточные свидерцы мигрируют в Восточный Крым (Сюрень 2, Шан-Коба IV слой, Буран Кая, Мурзак Коба, Караба-Яйла, Фатьма-Коба 5 слой – Мезолит, 1984, с. 222). Лингвистическая атрибуция восточных свидерцев устанавливается как прауральская, поскольку пост-свидерские памятники вернувшихся из Крыма восточных свидерцев, памятники эпохи мезолита в Восточной Европе (неманская, Кунда, Пулли, бутувская, Вис 1) послужили основой неолитических культур, которые единодушно относят к финно-угорской или финноязычной праязыковым общностям (Мезолит, 1989, с. 67, 86). Эта миграция расценивается специалистами как «северная культурная инвазия» (Археология УССР, 1985, с. 95).

Установление этнической и языковой атрибуции восточной ветви свидерцев, оставшихся в Европе, как финно-угорской и прауральской, не оставляет ничего другого, как признание за западной ветвью свидерцев евразийско-раннепраиндоевропейской атрибуции.

Никто из отечественных исследователей не исследовал дальнейшую судьбу западных свидерцев. С того момента, как западные свидерцы перешли Дарданеллы, начинается малоазийский этап индоевропейской праистории. Свидерцы приходят в Малую Азию как охотники, долгое время пребывавшие в тандеме с северным оленем. Однако сокращение охотничьей территории в 10 раз подтолкнуло их к domestикации животных. Первым опытом стало одомашнивание козы, а **евразийцев/свидерцев** можно считать **первыми скотоводами мира**. Эти пастухи, следуя за своими стадами, достигают Иерихона и Бейды на Синае, где столкнулись с автохтонным населением – натуфийцами/афразийцами, основной территорией которых была Сирия и Палестина.

Афразийцы/прасемиты, первые земледельцы мира (Милитарев, Шнирельман, 1984), построили первый в мире протогород Иерихон **A**. Город с круглыми в основании домами был обнесен высокими и мощными стенами. Широкий ров, выбитый в скале, и высокая 10-метровая башня указывали на то, что городу угрожала опасность. Действительно, в VIII тыс. до н.э. с севера появились пришельцы-скотоводы. Согласно ближневосточной археологической терминологии этими пришельцами были носители **тахунийской культуры**. Кроме Иерихона **B**, наиболее представительным и монокультурным памятником тахунийской культуры в Восточном Средиземноморье является Бейда на Синае.

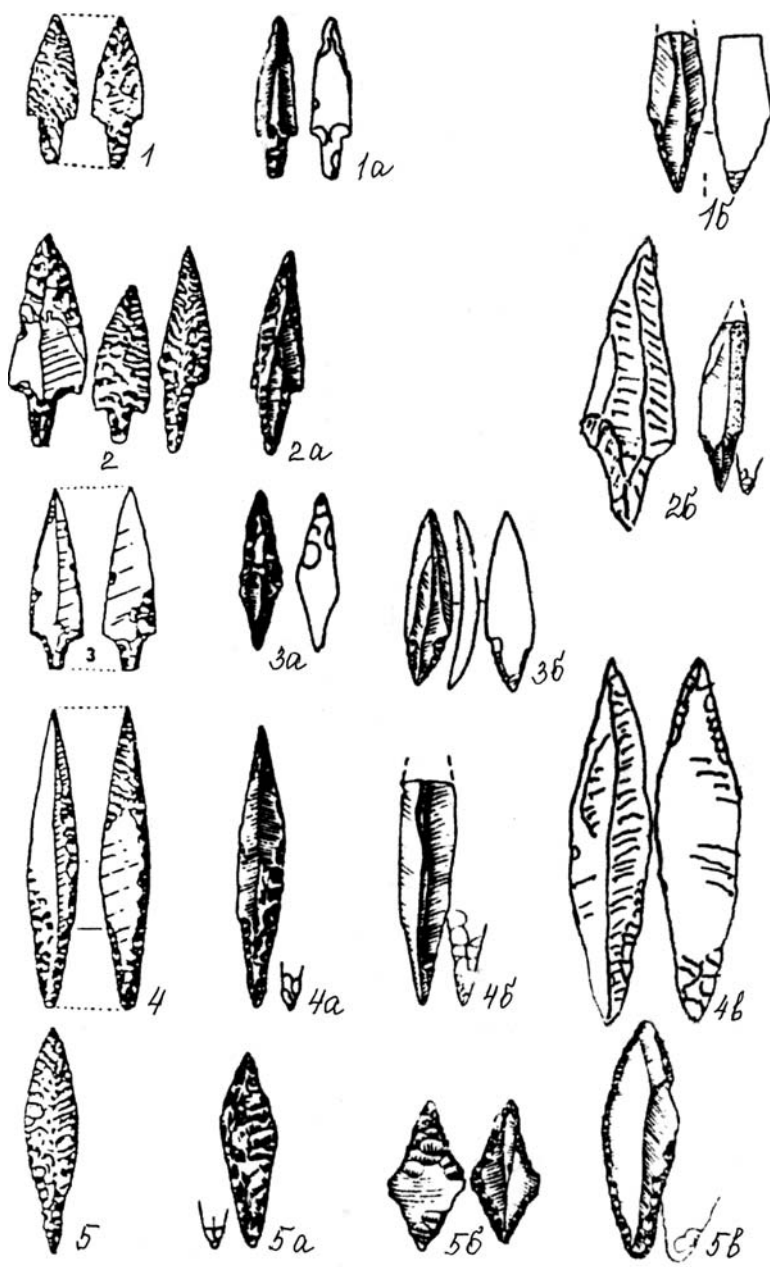

Рис. 3. Сравнение черешковых стрел Бейды (1-4) и Чатал Гуока (1а, б, в – 4а, б, в).

Исследователи считали тахунийцев пришельцами из Малой Азии, и никто из них не проследил, куда уходят корни тахунийской культуры. Вместе с тем, сопоставление напрямую свидерских и тахунийских памятников, сравнительно-типологический анализ кремниевого инвентаря и жилищ свидерских памятников Европы и тахунийской Бейды показывает бесспорную однокультурность свидерских и ближневосточных тахунийских памятников и позволяет говорить о них как **о европейском, так и о ближневосточном свидере** (Николаева, Сафронов, 1999, с. 298).

Иерихон **В** связан с малоазийским Чатал Гуюком по ряду столь существенных признаков, что можно говорить о генетическом родстве между тахунийской Бейдой, Иерихоном В и Чатал Гуюком (Сафронов, Николаева, 2003, с. 118–123). Учитывая раннепраиндоевропейскую атрибуцию Чатал Гуюка (Сафронов, 1989, с. 40–45; Сафронов, Николаева, 2003, с. 125–139), тахунийская культура является также раннепраиндоевропейской.

Таким образом, **этническая атрибуция западнополесских свидерцев, ушедших в Малую Азию и Восточное Средиземноморье, устанавливается как евразийско-раннепраиндоевропейской**. Свидерская культура исчезает из Европы в конце IX тыс. до н.э., а в VIII тыс. до н.э. в Восточном Средиземноморье и Малой Азии появляется тахунийская культура. Правомерно объединение двух названий в **свидерско-тахунийскую культуру**. За два тысячелетия евразийский (бореальный) язык свидерцев трансформируется в раннепраиндоевропейский.

В малоазийский период своей истории VIII–VI тыс. (Сафронов, 1989, с. 40–45) ранние праиндоевропейцы перешли к производящей экономике, включающей и интенсивное земледелие с орошением и культивированием 26 видов растений, и скотоводство (стадо включало уже крупный и мелкий рогатый скот), строили укрепленные поселения (прогорода), изобрели керамику, развивали ремесла, накопили знания о металлоносных рудах, подошли к изобретению металлургии и письменности. К этим достижениям оказались причастны, благодаря контактам, и прасемиты, и эламо-дравиды, и пракартвелы, языки которых наряду с праиндоевропейским называют ностратическими (Николаева, Сафронов, 1999, с. 304–306; Сафронов, Николаева, 2003, с. 125–129).

Лингвисты не могут найти историко-археологических данных, которые бы подтверждали появление общих корней в ностратических языках. С позиции концепции евразийской прародины В.А. Сафронова появление в этих ностратических языках корнесловов, связанных с финно-угорскими и алтайскими языками, может объясняться не прямыми контактами с их носителями, которые никогда, ни в какую эпоху не появлялись на Востоке, а благодаря посредству евразийско-раннепраиндоевропейской связующей среды, сохраняющей реликты евразийских (бореальных) корнесловов.

Н.Д. Андреев подчеркивает, что раннепраиндоевропейская ветвь бореального языка, в отличие от раннеуральской и раннеалтайской ветви, претерпела сравнительно с бореальным языком очень малые изменения, что «заставляет видеть именно в раннепраиндоевропейском языке

историческое ядро бореальной языковой общности» (Андреев, 1986, с. 4). Это замечание позволяет понять, как финно-угорские, уральские, алтайские корнесловы оказались заимствованными в ностратические ближневосточные языки без прихода на Восток их носителей.

На балкано-дунайской прародине (вторая половина V–IV тыс. до н.э.) праиндоевропейцы создали древнейшую в мире цивилизацию (протогорода, планировка, архитектурный ордер, ремесла, письменность). Ее археологическое название происходит от эпонимного памятника Винча (Сафронов, 1989, с. 71–93), хотя этот термин охватывает и Боян, и Гумельницу, и Триполье, и Кукутень, как дочерние культуры Винчи, те культуры, которые М. Гимбутас называла «Древней Европой». Древнейшая фаза этих культур характеризуется керамикой культуры Винча.

Центрально-европейскую прародину занимают культура Лендьел и производная от нее культура воронковидных кубков АВ (Сафронов, 1989, с. 93–135). Культуре Лендьел на востоке ареала синхронна и однотипна культура Кукутени А и Триполье В, а на юге – культура Гумельница. И культура Лендьел, и культура воронковидных кубков являются проводниками цивилизации в Европе от Дуная до Южной Скандинавии и индоевропеизации Центральной Европы. Любопытно, но 25 % знаков рунического письма севера совпадают с письменами культуры Винча, Лендьел, а лицевые урны культуры Винча, Гумельница и других культур Подунавья доживают до готов конца I тыс. до н.э. (поморская культура).

Рубеж IV и III отмечаются изменениями в климате севера, возможно, тем же повышением влажности, какое наблюдается по нарастающей от 3000 до 2500 г. до н.э. (см. статью Песочиной Л.С. в этом сборнике). Однако для населения северных районов Центральной Европы с многочисленными реками это увлажнение стало катастрофой, поэтому происходит переориентация экономики. Земледельцы становятся пастухами и идут на юг и юго-восток. **Тохары** первыми отправились в далекое путешествие (обряд на спине с подогнутыми ногами, головой на восток, зафиксирован в основной подкурганной могиле под накатом бревен; впускным в курган было погребение на боку с сосудиком триполья В1–В2 – Северное Попрутье, Думяны, курган 15/о).

Следует решить, тохарам или связанным с ними группам принадлежат погребения по древнеямному обряду головой на В с конноголовыми скипетрами, которые мы обнаруживаем как на поселениях Гумельницы в XXVIII в. до н.э. (Сэлкуца IV–Чернавода 1), так и в погребениях со скипетрами в Северо-Западном Прикаспии (Джангр, 1985, к. 1; Архара, к. 27) и в Нижнем Поволжье (Бережновка, Шляховский, 3/3), поскольку в двух случаях они перекрываются сосудами типа Хутор Попов и относятся уже в Предкавказье ко времени Триполье В2/С1. В Нижнем Подонье им соответствуют слои Раздорской и пос. Константиновское, а в Закубанье – поселение Свободное. Культура тохар формировалась как на центрально-европейском субстрате, контактировавшем с культурами Гумельница-Триполье-Кукутень, так и с включением культур Средний Стог

II-Хвалынский. С точки зрения лингвистики тохарские языки имеют общие грамматические формы с анатолийскими, тогда как другие индоевропейские языки не имеют этих форм. Если анатолийский субстрат связан с культурами, первыми производными от Винчи, то погребения с древнейшими погребениями на западе с древнеямным обрядом и со скипетрами не относятся к тому культурному явлению, которое называлось древнеямной КИО или культурой.

Для индоиранской инфильтрации terminus ante quem определяется формированием выделенной нами культуры с повозками с обрядом, похожим на «древнеямный» с рядом отличительных признаков. Эту культуру мы назвали кубано-днепровской, учитывая два анклава этих памятников в Нижнем Поднепровье и в Западном Прикубанье (Николаева, Сафронов, 1983). Эта культура относится к горизонту Нижняя Михайловка-Кеми-Оба-Усатово и датируется, судя по давно известным датам С-14 для Усатово, Нижней Михайловки, XXVI–XXV вв. до н.э. Лингвистическая атрибуция этих памятников кубано-днепровской культуры определяется как индоарийская (древнеиндийская). Эта ветвь индоиранского сообщества существовала с праиранской, другой ветвью индоиранского языка параллельно. Поскольку праиранцы были ближе к лесостепи, то их культура определялась влияниями среднестоговско-хвалынского сообщества. Керамика кубано-днепровской культуры – плоскодонная, а керамика праиранцев – овоидной формы.

Последней миграцией III тыс. до н.э. была миграция **древнеевропейцев** (гробницы Новосвободной на Кавказе могут датироваться только XXIII в. до н.э. (Николаева, 2006, с. 3–12). Таковы четыре различные ареально-хронологические прародины индоевропейцев от IX тыс. до начала III тыс. до н.э.

Литература:

Андреев Н.Д., 1986 – Раннепраиндоевропейский язык // Л.

Андреев Н.Д., 1988 – Гипотеза о бореальном праязыке // Лингвистические исследования 1988. Проблематика взаимодействия языковых уровней. Сборник научных трудов ЛО Института языкознания АН СССР. Л.

Андреев Н.Д., 1990 – Семантическое поле времени в бореальном языке // Лингвистические исследования 1990. Системные отношения в синхронии и диахронии. Сборник научных трудов Института языкознания АН СССР. М.

Андреев Н.Д., 1993а – Семантическое поле погоды/времени в бореальном праязыке // Лингвистические исследования 1991. Функциональное описание языковых явлений. Сборник научных трудов Института языкознания РАН. СПб.

Андреев Н.Д., 1993б – Элементы бореального корнеслова, связанные с семантикой приближенного ориентирования по странам света // Лингвистические исследования 1991. Функциональное описание языковых явлений. Сборник научных трудов Института языкознания РАН. СПб.

Андреев Н.Д., 1996 – Прикарпатье – общая прародина трех праязыков: бореального, индоевропейского, славянского // Лингвистические исследования 1995. Лексикология, лексикография, грамматика. Сборник научных трудов Института лингвистических исследований РАН. СПб.

Андреев Н.Д., 1992 – Andrejev N.D. Early Indo-European Homeland in Saxony, Thuringy, Czechoslovakia and Southern Poland // Materialien des vom 21–22 September 1989 in Jena in Zusammenarbeit mit der indogermanischen Gesselschaft durchgeführten Kolloquiums. INDOGERMANISCH, SLAWISCH UND BALTISCH. München

Археология УССР, 1985 – Археология Украинской ССР // Киев

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс., 1984 – Индоевропейский язык и индоевропейцы // Тбилиси

Гимбутас М., 2006 – Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы // (пер. М. Gimbutas. The civilization of the Goddess. Harper San-Francisco, 1991). М.

Зализняк Л.Л., 1989 – Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита // Киев

КГЭ, 1962 – Краткая географическая энциклопедия в 5 томах // М.

Киркбрайд, 1968 – Kirkbraide D. Early Neolithic village life to the South of the Dead Lake // Antiquity, vol. 42.

Монгайт А.Д., 1973 – Археология Западной Европы. Каменный век // т. 1, М.

Мюллер-Карпе, 1968 – Müller-Karpe H. Handbuch der Vorgeschichte // т. 2, München

Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1999 – Истоки славянской и евразийской мифологии // М.

Николаева Н.А., 2006 – Древнеевропейцы на Северном Кавказе // Вестник МГОУ, серия «История и политические науки, № 1.

Мезолит, 1984 – Мезолит СССР // Археология СССР в 20 томах. М.

Сафронов В.А., 1989 – Индоевропейские прародины // Горький

Сафронов В.А., Николаева Н.А., 2003 – История Древнего Востока в Ветхом Завете // М.

Шнирельман В.А., Милитарев А.Ю., 1984 – К проблеме локализации древнейших афразийцев // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. М.

The Indo-European Homeland and the Steppe Hypothesis: Research Agenda

Mallory J.P. (Belfast)

Among the various solutions to the Indo-European homeland problem at the present time there are at least three main contenders. In terms of chronology the earliest popular homeland is the Anatolian hypothesis that seeks to explain the dispersal of the Indo-European languages by the spread of agriculture from Anatolia in the 7th millennium BC (Renfrew, 1987). Geographically close but temporally later is the theory of T. Gamkrelidze and V. Ivanov (1984) that seeks the Indo-Europeans at a later period in eastern Anatolia; a theory which has been given archaeological 'legs' in the work of S. Grigor'ev (1999) and also underlies treatments of Indo-Iranian origins in the many works of V. Sarianidi (e.g., 1998). But among the various 'solutions' to the Indo-European homeland problem, the steppe hypothesis has been the most durable and is the most-widely accepted among specialists in Indo-European studies. This theory proposes that the homeland of the Indo-Europeans lay broadly in the Eurasian steppe and although some researchers sought to focus on the Asiatic steppe (Brandenstein, 1936, Nichols, 1997; 1998), most supporters of this theory seek the earliest Indo-Europeans in the steppe and forest-steppe of the Pontic-Caspian region. This theory emerged in the early 20th century in the works of Otto Schrader and was embraced or expanded by subsequent scholars such as V. Gordon Childe and G. Poisson (Mallory, 2010). It achieved its greatest popularity in the works of M. Gimbutas (1991, p. 351–401; 1994) whose theories have been examined by the author (Mallory, 1989) and recently updated in much greater detail, at least with respect to the Russian and Ukrainian evidence, by D. Anthony (2007). It should also be noted that this theory has also had its critics, most notably perhaps A. Häusler (1996; 1998; 2003 etc.).

There are a number of reasons for the popularity of the steppe hypothesis that one can list (Mallory 1997):

1. The location (the Ukraine, south Russia) is geographically central to the distribution of the Indo-European languages that extends from Celtic (Ireland) in the west to Tokharian (Xinjiang, China) in the east. This is not simply a matter of geographical position but also logistics as a Pontic-Caspian homeland positions the Proto-Indo-Europeans along a natural communication corridor that leads into both central Europe and western Asia.

2. The area accords in general with the Indo-European culture as reconstructed from its vocabulary, i.e., names of plants, animals, technology.

3. The proposed homeland lies in a region where there is no evidence of a non-Indo-European substratum.

4. The steppe homeland lies in an area not too distant from the regions of other language families (Uralic, Semitic, Kartvelian) that linguists believe were in some genetic or contact relationship with early Indo-European. As Uralic is probably the language family that linguists would position closest to Indo-European, the Pontic-Caspian region at least sets the Indo-European homeland proximate to most solutions to the Uralic homeland problem (Napol'skikh, 1995).

5. The Pontic-Caspian region is sufficiently large to have fostered the development of a major language family but is also sufficiently remote (geographically, environmentally and culturally) from its neighbours that it cannot be easily subsumed by any other culture or cultural trajectory.

6. The cultures of the proposed homeland (Sredny Stog, Khvalynsk, Jamnaja, etc) show very early evidence of mobile economies and innovations in transport (cattle-drawn wagon, horse riding) that provide plausible vectors for the rapid spread of a new language.

7. The archaeological cultures associated with the proposed homeland date to a period immediately preceding and contemporary with traditional dates for Proto-Indo-European as suggested by most though not all linguists, i.e., c. 4500–2500 B.C.

8. There is archaeological evidence that can be used to support expansions of steppe populations to both the east and west of the proposed homeland region at a time commensurate with the earliest spread of the Indo-European languages and in directions that can potentially explain the dispersal of all the Indo-European languages.

Although a steppe hypothesis does have many points in its favour, it also is subject to criticism. Generally, there have been three types of objections:

1. The archaeological evidence for steppe dispersals into central and western Europe is too poor to support the notion of a homeland in the Pontic-Caspian, i.e., a steppe homeland cannot explain the dispersal of most of the Indo-European languages of Europe outside that of the Slavs and possibly Dacians and Thracians.

2. The continuity of the steppe cultures appears to lead directly to the Iranians or Indo-Iranians but not to the ancestors of the entire Indo-European language family (Telegin, 2005).

3. The steppe cultures derive from the initial spread of agricultural populations from Anatolia through the Balkans. In this way the steppe hypothesis is subsumed *within* the Anatolian hypothesis and is not regarded as the origin of the Indo-European languages but only of the Asiatic Indo-Europeans (Indo-Iranians, Tokharians).

The various problems involved above may be treated in the context of a series of fault lines. In 1998 the author suggested that discussions of the dispersals of the Indo-Europeans of Asia might be concentrated along three fault lines (Mallory, 1998). If we extend our discussion to Europe we might add at least another two fault lines or barriers which must be transgressed if one is to accept the steppe hypothesis. The purpose of this paper is to investigate briefly the

main problems associated with each of these fault lines as these form the centers of debate for both proponents and critics of the steppe hypothesis. Many of the problems involved here have been the subject of debate among Russian and Ukrainian archaeologists although these often occur without reference to the Indo-Europeans. In short, I am proposing a series of research questions or issues for anyone wishing to explore through archaeology the problem of Indo-European origins. It will also be obvious that most of these problems will be far more competently resolved by archaeologists who specialize in the archaeology of the steppe and forest-steppe of Eurasia (Russian, Ukrainian, Moldavian, etc.) and the purpose of this article is to acquaint such specialists with the wider context of some of their own debates.

Dnieper-Dniester

The Dnieper-Dniester line is probably the most important of the fault lines and it is chronologically the earliest that must be discussed. The critical issue is to what extent the Pontic-Caspian region can be regarded as a linguistically autonomous entity with respect to the Balkans during the Neolithic and Eneolithic. Supporters of the steppe hypothesis accept that there were contacts between the Balkans and the steppe but these were not of a kind that would have permitted a language to spread from the Balkans across the entire steppe and forest-steppe.

Discussion of the Dnieper-Dniester line specifically involves the economic, social and linguistic relations on both sides of these rivers from the 7th to 5th millennia BC. On the west we have the earliest Neolithic societies of the Balkans such as the Cris and Linearbandkeramik cultures that were moving eastwards. To this we might also add the acculturation of the Bug-Dniester culture that experiences a transition from a purely hunting-gathering to an early agricultural economy. In the centuries either side of 5000 BC we also have the rise and eastward expansion of the Tripolje culture. West of the Dnieper then is a region of Balkan farmers or acculturated communities, whose ultimate economic and cultural origins may be sought in the earlier development of food-producing economies of Anatolia and southwest Asia. According to the Anatolian hypothesis, these farming communities constituted the driving force of Indo-European expansions eastward across the steppe.

To the east of these farmers we find Neolithic and Eneolithic communities whose roots appear to lay initially in the local Mesolithic cultures of the region. These too see the adoption of domestic livestock, presumably from the west, into the Dnieper-Donets culture and, in subsequent cultures, e.g., Sredny Stog (Telegin et al, 2004; Kotova, 2008).

The principle issue with this fault line is to what extent it formed what D. Anthony (2007) has described as a 'persistent border' that separated two very different cultural worlds? While there is clear evidence for exchange contacts between the different regions, e.g., copper between Tripolje and Sredny Stog/ Khvalynsk (Rassamakin, 1999), is there any case to conclude that there was such

an intense cultural influence *from the west* that we should accept the spread of the Indo-European language from the Balkans to the Pontic-Caspian region?

The detailed problems can be listed as a series of questions:

1. Is there evidence for a migration of Balkan populations eastwards into the steppe and forest-steppe that might support the 'wave of advance' model of Neolithic expansions? The nature of anthropological discourse has often discussed steppe populations in terms of native Proto-Europoids and Mediterranean physical types but to what extent do these terms have real historical meaning and can they really be used to support arguments for population movement? Obviously, the application of ancient DNA studies to much of this material may resolve the issues raised here.

2. What is the date and social circumstances for the spread of both domestic livestock and cereals from the Balkans to the Pontic-Caspian region? Are there alternative sources for the introduction of domesticates into this region such as the Caucasus as once suggested by V. Shnirelman (1992). And, less likely, should we completely dismiss earlier attempts to derive the Neolithic economy from the south-east Caspian (e.g., Danilenko, 1974; Matyushin, 1986)?

3. Accepting that language shift is a product of a host population choosing to identify themselves with an intrusive target language, is there evidence of either material culture or behaviour from the Balkans in the Pontic-Caspian region that might indicate the introduction of a new ideology or language? The most obvious commodity was copper that spread from the Balkans across the steppes until it stimulated the local development of copper mining and working in the Urals and beyond. But can one construct a serious argument that would suggest that the spread of copper eastwards was a plausible vector for changing the language of all the populations of the Pontic-Caspian?

If the answers to all these questions still permit one to accept a strong ethno-cultural border between the Balkans and the Pontic-Caspian, then there is little reason to regard the Pontic-Caspian Neolithic and Eneolithic cultures as extensions of the Balkan Neolithic. Supporters of the steppe hypothesis argue that the nature of the contacts between the Balkans and the Pontic-Caspian do not provide any grounds for subsuming the steppe hypothesis within the Anatolian but rather support an independent cultural and linguistic trajectory for the Pontic-Caspian peoples.

Another aspect of the Dnieper-Dniester line is the evidence for transgression from east to west. The steppe hypothesis demands this and the evidence for it has traditionally run from exchange expeditions (Kotova, 2008) to outright conflict and the settlement of steppe peoples on western sites (Dergachev, 2007). What has also been emphasized are patterns of mutual interrelationships that involved the spread of traits from the west to the east in the later Neolithic/Eneolithic (Vander Linden, 2004). Recent writers such as Vander Linden (2004) and Parpola (2008) have emphasized the critical significance of the Late Tripolje which has been viewed by supporters of the steppe hypothesis as a linguistically Indo-European involving the acculturation of Balkan farmers by steppe populations who subsequently spread these innovations still further.

Although some have sought to deny or reduce the importance of expansions to the west, it can hardly be disputed that aspects of the steppe cultures, particularly the later Jamnaja culture, are found across the Balkans and beyond into Hungary as far as the Tisza (Ecsedy, 1979). These expansions take us to two other fault lines – the Anatolian and the Tisza.

Anatolian

Any viable model of Indo-European dispersals must be able to at least make a case for explaining all the Indo-European groups. Throughout the history of Indo-European studies there have been tendencies to propose solutions that may appear plausible for a restricted area of the Indo-European world but which cannot provide a convincing case for the other Indo-European groups. One of the tests of the steppe hypothesis is whether it can provide a solution to Anatolian origins. The early Indo-European languages of Anatolia (Luvian, Hittite, Palaic) are treated as either a co-ordinate branch with the other Indo-European languages, all of which are assigned to a common Indo-Hittite language family or the Anatolian branch is treated as a merely a group of Indo-European languages that separated at a very early date. Either way there should be an early separation of Anatolian from the other Indo-European languages. Supporters of the Anatolian hypothesis insist that as the homeland lay in Anatolia, it was all the other Indo-European languages that moved off at an early date and out of contact with the Anatolian branch. Conversely, the steppe hypothesis seeks to explain the Anatolians as the result of a migration to Anatolia by cultures whose ancestral cultural roots lay in the Pontic-Caspian.

Supporters of the steppe hypothesis suggest two possible routes that might tie Anatolia to the cultures north of the Black Sea: the Caucasus or the Balkans. The first of these requires an assessment of any evidence for steppe connections with the Caucasus, eastern Anatolia and central Anatolia where Majkop, Alaca Hüyük, etc. play major roles in any discourse and involve extremely complicated issues of the entire relationship between Mesopotamia, Anatolia and the area north of the Caucasus (Kristiansen, 2010).

Alternatively, there is also the suggestion that steppe intruders played a major part in the reorganization of the Balkans that continued with a dispersal to northwest Anatolia. The first part of this movement has been tied to M. Gimbutas' first 'wave' that saw the spread of kurgan burials and horse-headed sceptres (Gimbutas, 1994, p. 35–37; Dergachev, 2007; Anthony, 2008) or the later second 'wave' (Gimbutas, 1994, 39) that saw the Karanovo VII period and the Early Bronze Age of the eastern Balkans (Ezero, etc) that may have formed a prelude to expansions into northwestern Anatolia (Troy). There are other models as well that emphasize frequent interaction between the Balkans and northwest Anatolia that may play a part in furthering the steppe hypothesis as an explanation for the earliest Indo-Europeans in Anatolia. Much of this rests on sorting out the chronology of the earliest migration of steppe tribes into the Balkans and assessing their impact on the local cultures. So some of the main issues appear to be:

1. Can one make a plausible case for the migration from the Pontic-Caspian through the Caucasus that might explain the rise of the Anatolian (Indo-European) languages of the Bronze Age?

2. Can one make a plausible case that eastern Balkan society, following the incursions of steppe populations, may have moved into northwest Anatolia and established Bronze Age cultures ancestral to the historical Luvians and Hittites?

Tisza

The presence of steppe tribes in the Carpathian Basin is well established but other than an occasional exception such as the Jamnaja-like burial at Bleckendorf in eastern Germany, clear evidence of steppe expansions any further west of the Tisza remains elusive. Unless the steppe hypothesis can demonstrate that a steppe culture crossed the Tisza line, it is incapable of providing an attractive solution to the Indo-Europeans of central, northern and western Europe. From an archaeological point of view it requires there to be some form of historical relationship between the steppe cultures and the formation and expansion probably of the Globular Amphora Culture and certainly the horizon of Corded Ware (Single-grave, Battle-axe, Fatjanovo, etc) cultures. If the steppe hypothesis fails to make a case for identifying these central, north and west European cultures as descendents (socially, linguistically) of the Pontic-Caspian cultures, then it fails to resolve the Indo-European homeland problem. There have been two approaches to explaining the Indo-European expansion to the north and west:

1. Migration. This model has been most vigorously argued by M. Gimbutas who assimilated the various steppe cultures into a single 'Kurgan tradition' and noted parallels between the Kurgan tradition of the Pontic-Caspian and the central European cultures. Here she emphasized a series of traits such as single burial, construction of a tumulus, use of ochre, animal remains in the grave, association of males with weapons, strong dichotomy between male and female burials in posture or orientation. These she believed indicated that the central European cultures were a continuation of the expansion of the Pontic-Caspian cultural tradition to the north and west. Critics have pointed out that the 'Kurgan tradition' is not an actual taxonomic entity but rather a group of very diverse cultures that have been grouped together under a single name that in fact share only a few generic (and not genetic) traits such as tumulus burial. Much of the criticism here can be found in the works of A. Häusler.

2. Transference of a social ideology. This model emphasizes the existence of a Jamnaja social 'package' that comprised technological (arsenical copper, two piece moulds, shaft-hole axes, etc.), economic (emphasis on cattle herding, introduction of woolly sheep, wagons, domestic horses), material (tanged daggers, shaft-hole axes, cord decorated pottery, etc) and social (burial ritual, metal hoards, anthropomorphic stelae) components. Elements of this package were introduced into the Balkans from the Pontic-Caspian and adopted by local populations who accepted many of the components of the package which they

carried to the north, west and south (Harrison and Heyd, 2007; Kristiansen, 2010). This model should leave a cultural and social 'trail' but it need not leave a 'genetic' trail, i.e., similar physical types. On the one hand, this model accords well with the type of situation that one might associate with language shift, i.e., the spread of an ideological package or identity that encourage foreign populations to shift their language (Mallory, 2002). On the other hand, it may not offer the 'hard' archaeological evidence (burials, ceramics, etc.) that supporters of the cultural-historical approach regard as convincing.

The linguistic identity and the temporal position of the earliest steppe dispersal to the west raises some important issues. M. Gimbutas' final 'wave', associated with the Jamnaja culture, is obviously the one that might account for the steppe burials in Hungary. But what layer of Indo-European should this be attributed to? A. Parpola (2008), for example, associates the Jamnaja spread with the Graeco-Armenian-Indo-Iranians, the latest 'tier' of Indo-European development. Chronologically this makes sense but then one can hardly identify the Jamnaja package as the vector that spread the more archaic Indo-European languages (e.g., Celtic, Germanic) to the north and west. D. Anthony (2008), on the other hand, seeks Pre-Germanic in the Usatovo culture of Tripolye C2 which was formed under the influence of the Jamnaja culture. Clearly, supporters of the steppe hypothesis have much to do if they want to integrate the proposed linguistic phases of Indo-European into the archaeological record of steppe expansions.

Ural

The Ural line must be crossed to account minimally for the eastern Iranians and the Tokharians and maximally for all the Indo-Iranians of central and southwest Asia. This is recognized by both supporters of the steppe hypothesis and those who believe that the Anatolian hypothesis subsumes the steppe hypothesis (Renfrew, 1999). That the Andronovo cultural-historical entity (the taxonomic unit that embraces a series of Asian steppe and forest-steppe cultures) is genetically related to its Late Bronze Age counterpart in the European zone (the Srubnaja culture) is hardly in doubt. There are, however, a series of major issues that still remain difficult to resolve:

1. There is uncertainty where precisely the Andronovo horizon intersects with the linguistic entities that occupied western Asia. Spatially, its surest identification would be with eastern Iranian, the branch of the Iranian languages associated, for example, with the Scythian/Saka tribes of the first millennium BC. But is this true of the earlier phases of Andronovo or the related Sintashta burials that precede 2000 BC? By then one should be able to conceive of either early Iranian or Indo-Iranian, the major branch that linguists might date to c. 2500-2000 BC. All these issues are treated in detail by E. Kuz'mina (2007).

2. The Andronovo culture is preceded by the Afanasievo culture which has long been regarded as an outlier of the European steppe cultures despite the vast distance between the western cultures on the Volga and Ural and the Afanasievo in the Altai and in the Minusinsk Basin. In terms of some artifact

types (censers), ritual behaviour and physical anthropology, the Afanasievo culture has been often derived from the Jamnaja culture despite the fact that the only intermediate sites tend to be a few burials near Karaganda. The Afanasievo culture has been proposed as a likely candidate for the prehistoric Tokharians of the Tarim Basin by a number of scholars (e.g., Mallory and Mair, 2000, p. 294–296). But problems have been emerging over the past decades because of a number of extremely early Afanasievo graves that would actually predate the Jamnaja culture. Although Poljatkov and Svyatko (2009) suggest that the dates for Afanasievo begin somewhat later than those for the Jamnaja culture, i.e. 3300 BC for Afanasievo and 3600 BC for Jamnaja, Kiryushkin *et al* (2009, p. 121) have no problem in describing the Afanasievo floruit in the Altai as early as 3800–2400 BC (at two sigma). For this reason, D. Anthony (2007, p. 307–311) has sought the origins of the Afanasievo in the still earlier Repin culture. But this still does not resolve all the issues. In a paper (in press) by M. Frachetti (2011) it is argued that the case against the Afanasievo culture, at least its domestic livestock, deriving from the European steppe is fairly strong. The intermediate area has, so far, only one major distinctive type of culture to its north, the Botai culture, and Afanasievo does not in any way resemble Botai. Nor does the economic basis of the Afanasievo sites mirror those of the western steppe. Frachetti suggests that the spread of domestic animals to the east was actually undertaken along a southern route from Central Asia rather than from the Volga-Ural region. This theory is currently being examined by ancient livestock geneticists at Trinity College, Dublin.

Central Asia

The final fault line is between the steppe cultures of Eurasia and the agricultural oases of Central Asia. The problem here is that while Andronovo material, especially pottery, can be found on sites of the Bactria-Margiana-Archaeological Complex (BMAC) they are not really found to the south on the approaches to either greater Iran or northern India. V. Sarianidi (1998) has long championed the idea that the BMAC itself reflects an earlier stage of Iranian which he derives from the southwest, in keeping with the well-known hypothesis of Gamkrelidze and Ivanov to set the Indo-European homeland in eastern Anatolia. While this suits a local development for eastern Iranian urban society, it does not provide a very satisfactory solution for identifying the Iron Age steppe tribes with the eastern Iranians nor does it provide a solution to how the Iranians relate to the Indo-Aryans of India. The steppe theory as it stands provides a critical link between the Asian Indo-Europeans and the Europeans. But other than noting the presence of Andronovo populations on BMAC sites, we are far from being able to see how they might have risen to positions of dominance or how their language might have been adopted by the much more numerous populations to their south.

As for connections between the steppelands and India, the situation is even worse. There are occasional parallels between the two regions, e.g., scepters (Kuznetsov, 2005; 2007) but the arguments that bring the Eurasian steppe and northern India into some form of historical relationship tends to rest on a list of

general cultural parallels (Kuzmina, 2004; 2007) that are extremely interesting but lack a clear trail of archaeological sites that would convince scholars that there had been a cultural trajectory that carried a new language to India that effected a major shift in language.

The challenges and problems outlined are quite formidable and some may find it difficult to imagine that the steppe hypothesis is the best solution to the Indo-European homeland problem. On the other hand, it does include serious proposals that, if verified, can explain the distribution of all the Indo-European languages. And when compared with the competing theories, it is still probably to be reckoned the 'least bad' of the various theories and is still well worth investigating further.

References

- Anthony, D. W.*, 2007 – The Horse, the Wheel and Language // Princeton
- Anthony, D. W.*, 2008 – A new approach to language and archaeology: The Usatovo culture and the separation of Pre-Germanic // *Journal of Indo-European Studies*, 36, 1–51.
- Brandenstein, W.*, 1936 – Die erste "indogermanische" Wanderung // Vienna
- Danilenko, V. N.*, 1974 – Eneolit Ukrainy // Kiev
- Dergachev, V. A.*, 2007 – *O Skipetrakh, o Loshadjakh, o Voyne* // Sankt-Peterburg.
- Ecsedy, I.*, 1979 – The People of the Pit-grave Kurgans in Eastern Hungary // Budapest
- Gamkrelidze, T. and V. Ivanov*, 1984 – *Indoevropskij Jazyk i Indoevropetsy* // Tbilisi
- Gimbutas, M.*, 1991 – The Civilization of the Goddess // San-Francisco
- Gimbutas, M.*, 1994 – Das Ende Alteuropas // *Archaeolingua Series Minor*, Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft, Budapest
- Grigor'ev, S. A.*, 1999 – *Drevnie indoevropetsy. Opyt istoricheskoy rekonstruktsii* // Celjabin'sk
- Harrison, R. and V. Heyd*, 2007 – The transformation of Europe in the Third Millennium BC: the example of 'Le Petit-Chasseur I + III' (Sion, Valais, Switzerland) // *Prähistorische Zeitschrift*, 82, 129–214.
- Häusler, A.*, 1996 – Invasionen aus den nordpontischen Steppen nach Mitteleuropa im Neolithikum und in der Bronzezeit: Realität oder Phantasieprodukt? // *Arc. Inf.* 19, 75–88.
- Häusler, A.*, 1998 – Zum Ursprung der Indogermanen // *Ethnog.-Arch. Zeitschrift* 39, 1–46.
- Häusler, A.*, 2003 – Urkultur der Indogermanen und Bestattungsriten. // *Languages in Prehistoric Europe*, 49–84.
- Kiryushkin, Ju. F., S. P. Grushin and D. V. Panin*, 2009 – Radiouglerodnaya khronologiya pamyatnikov epokhi rannego metalla Altaya // *Rol' Estestvenno-nauchnykh Metodov v Arkheologicheskikh Issledovaniyakh*, Barnaul
- Kotova, N. S.*, 2008 – Early Eneolithic in the Pontic Steppes // Oxford
- Kristiansen, K.*, 2010 – La diffusion préhistorique des langues indo-européennes: un modèle archéologique // *Dossiers d'Archéologie*, 338, 36–43.
- Kuzmina, E.*, 2004 – The genesis of the Indo-Aryans in the light of data of historical tradition and archaeology. // K. Jones-Bley, M. Huld, A. Della Volpe, M. Robbins Dexter (ed) *Proceedings of the Fifteenth Annual UCLA Indo-European Conference*, 96–137, Washington

- Kuzmina, E.*, 2007 – The Origin of the Indo-Iranians // Leiden
- Kuznetsov, P.*, 2005 – An Indo-Iranian symbol of power in the earliest steppe kurgans // *Journal of Indo-European Studies*, 33, 325–338.
- Mallory, J. P.*, 1989 – In Search of the Indo-Europeans // London
- Mallory, J. P.*, 1997 – The homelands of the Indo-Europeans // *Archaeology and Language*, London and New York, Routledge, 93–121.
- Mallory, J. P.*, 1998 – A European perspective on Indo-Europeans in Asia // *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia*, ed. V. Mair, Washington, Institute for the Study of Man, 175–201.
- Mallory, J. P.*, 2002 – Indo-Europeans and the steppelands: the model of language shift. // Jones-Bley et al. (eds.) *Proceedings of the Thirteenth Annual UCLA Indo-European Conference*, 1–27. Washington
- Mallory, J. P.*, 2010 – L'hypothèse des steppes // *Dossiers d'Archéologie*, 338, 28–35.
- Mallory, J. P. and V. Mair*, 2000 – The Tarim Mummies: The Mystery of the First Westerners in Ancient China // London and New York
- Matyushin, G.*, 1986 – The Mesolithic and Neolithic in the Southern Urals and Central Asia // in M. Zvevilil (ed.) *Hunters in Transition*, 133–150, Cambridge
- Napol'skikh, V.*, 1995 – Uralic Original Home. History of Studies // *Izhevsk*
- Nichols, J.*, 1997 – The epicenter of the Indo-European linguistic spread // *Archaeology and Language I*, eds. R. Blench and M. Spriggs, 122–148, London and New York
- Nichols, J.*, 1998 – The Eurasian spread zone and the Indo-European dispersal // *Archaeology and Language I*, eds. R. Blench and M. Spriggs, 220–266, London and New York
- Parpola, A.*, 2008 – Proto-Indo-European speakers of the Late Tripolje culture as the inventors of wheeled vehicles: linguistic and archaeological considerations of the PIE homeland problem // K. Jones-Bley, M. Huld, A. Della Volpe, M. Robbins Dexter (ed.) *Proceedings of the Nineteenth Annual UCLA Indo-European Conference*, 1–59, Washington
- Poljakov, A. V. and S. Svyatko*, 2009 – Radiouglerodnoe datirovanie arkheologicheskikh pamyatnikov neolita – nachala zheleznogo veka srednego Yeniseya: obzor rezul'tatov i novye dannye // *Teoriya i Praktika Arkheologicheskikh Issledovaniy*, 5:20–55.
- Rassamakin, Ju.*, 1999 – The Eneolithic of the Black Sea steppe: Dynamics of cultural and economic development 4500–2300 BC // Levine M, Rassamakin, Ju, Kislenco A, Tartarintseva N. *Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe*, Cambridge, 59–182.
- Renfrew, C.*, 1987 – *Archaeology and Language* // London
- Renfrew, C.*, 1999 – Time depth, convergence theory, and the innovation in Proto-Indo-European: "Old Europe" as a PIE linguistic area // *Journal of Indo-European Studies*, 27, 257–293.
- Sarianidi, V.*, 1998 – Margiana and Protozoroastrism // Athens
- Shnirelman, V.*, 1992 – The emergence of a food-producing economy in the steppe and forest-steppe zones of Eastern Europe // *Journal of Indo-European Studies*, 20: 123–143.
- Telegin, D.*, 2005 – The Yamna Culture and the Indo-European homeland problem // *Journal of Indo-European Studies*, 33, 339–357.
- Telegin, D., A. Nechitaylo, I. Potekhina and Yu. Panchenko*, 2004 – Srednestogovskaya i Novodanilovskaya Kul'tury Eneolita Azovo-Chernomorskogo Regiona // Kiev
- Vander Linden, M.*, 2004 – The roots of the Indo-European diaspora: New perspectives on the North Pontic hypothesis // K. Jones-Bley, M. Huld, A. Della Volpe, M. Robbins Dexter (ed.) *Proceedings of the Fifteenth Annual UCLA Indo-European Conference*, 138–154, Washington

К вопросу о происхождении хвалынской культуры и о формировании хвалынско-среднестоговской общности

Моргунова Н.Л. (Оренбург)

Хвалынская энеолитическая культура была выделена в конце 70-х годов XX в. после открытия таких выдающихся памятников, как Хвалынский и Хлопковский могильники (Васильев, 1981; Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990; Малов, 1982; 2008). В предшествующие годы к энеолиту относили древнейшие подкурганные погребения ямной культуры. Было обосновано два этапа степного энеолита Восточной Европы – мариупольский и хвалынско-среднестоговский, каждый из которых содержал по ряду культурных образований, близких друг другу по многим признакам погребального обряда и инвентаря, а также по элементам хозяйственного уклада и духовной сферы (Васильев, Синюк, 1985).

Данная схема впервые в археологии Восточной Европы рассматривала степные пространства, как единое историческое целое, где с конца неолита и в энеолите происходили процессы интеграции степного населения, что приводило к формированию на определенных этапах крупных культурно-исторических областей (Мерперт, 1980, с. 6 и сл.).

Открытие энеолитических памятников в лесостепи позволило углубить представления о развитии энеолитических культур в Поволжье и Приуралье. На Ивановском и Турганинском поселениях в Оренбургской области были выделены культурные слои, в которых наряду с преимущественно материалами самарской культуры II этапа присутствовала керамика хвалынского типа. Наличие рядом с поселениями могильника с находками, находящими аналогии в Хвалынском и Нальчикском могильниках, дало возможность синхронизировать эти памятники (Моргунова, 1980, с. 112; 1984а, с. 14–15; 1984б; 1989). В последующие годы новые поселенческие памятники хвалынской культуры были открыты в Нижнем Поволжье и в Северном и Восточном Прикаспии (Барынкин, Васильев, 1986; 1988; Астафьев, Баландина, 1998; Юдин, 1999). Памятники самарской культуры, содержащие хвалынские материалы, исследовались на территории Самарской области (Барынкин, Козин, 1995; Васильев, Овчинникова, 2000), а также в правобережье Волги (Ставицкий, 2001; Ставицкий, Хреков, 2003).

Помимо концепции И.Б. Васильева со временем появились иные интерпретации энеолитических памятников Поволжья. Была представлена

точка зрения о хронологической синхронности памятников съезжинского и хвалынского круга (Барынкин, 1992; Пестрикова, 1987). С этими взглядами отчасти солидарны и некоторые другие исследователи (Ставицкий, Хреков, 2003, с. 121, 131). По их мнению, имеются гибридные, сочетающие съезжинские и хвалынские черты, типы керамики, свидетельствующие об их синхронности. Кроме того, для обоснования данной точки зрения использовались радиоуглеродные даты по Хвалынскому могильнику и единичные в то время радиоуглеродные даты по неолиту Северного Прикаспия, которые явно противоречили имеющимся археологическим наблюдениям.

В последние годы автором совместно с А.А. Выборновым получена значительная серия радиоуглеродных дат, которые позволили уточнить хронологические рамки существования хвалынской культуры в пределах с конца VI до середины V тыс. до н.э., при этом допуская ее развитие и во второй половине V тыс. до н.э. (Моргунова и др., 2010). В целом, хронология хвалынской культуры выглядит позднее, чем хронология прикаспийской и самарской культур, в то же время допуская их сосуществование в период формирования хвалынской культуры.

Проблема происхождения хвалынской культуры

По данной проблеме на настоящий момент можно выделить три группы суждений.

Первая точка зрения была высказана И.Б. Васильевым (1981, с. 34–35). Многими исследователями она практически всегда представляется как автохтонная (например: Юдин, 2006, с. 33). Но это не совсем правильно, поскольку И.Б. Васильев всегда рассматривал хвалынскую культуру как часть хвалынского-среднепалеолитической общности во взаимодействии со всеми ее культурными компонентами, что само по себе не может гарантировать автохтонное развитие культуры. И.Б. Васильев провел детальное сопоставление материалов Съезжинского и Хвалынского могильников. Он отметил такие признаки сходства между ними, как грунтовый характер могильников, их расположение за пределами поселений, расположение могил рядами в неглубоких ямах и траншеях, наличие жертвенных площадок со сходным набором артефактов (сосуды, останки животных), близкие ориентировки погребенных, посыпка охрой, порча вещей, преемственность в ряде вещей (бусы из раковин, украшения из клыков кабана, каменные изделия – тесла, ножи и др.), примесь раковины в глине сосудов и наличие на последних воротничков. Появление таких новаций, как скорченное положение скелетов, крупных бус и каменных браслетов, топоров с цапфами, изменения в керамике среднепалеолитических и хвалынских памятников, по мнению И.Б. Васильева, отражает их более позднюю хронологическую позицию по отношению к памятникам мариупольского типа. Сравнение материалов позволило исследователю сделать вывод, что эволюция культур энеолита в Волго-Уральском регионе от мариупольского к хвалынскому времени проходила более плавно, в отличие от западных областей, где преемственность между азово-днепровской

и среднестоговской культурами хотя и имела место, но прослеживается слабо, что объясняется влиянием восточного степного населения в сложении среднестоговской культуры. При этом автор справедливо отмечал существенную роль мариупольского населения в данном процессе, о чем свидетельствуют признаки преемственности в погребальном обряде, в различных предметах костюма и бытового инвентаря. В то же время керамика имеет существенные отличия от мариупольской и скорее находит истоки в неолитической сурско-днепровской культуре. Культурная многокомпонентность среднестоговской культуры, включая участие в ее формировании населения нижнедонской культуры, отмечается во многих работах (Васильев, Синюк, 1985, с. 41–45; Котова, 2002, с. 40–41; 2010).

Вторая версия о происхождении хвалынской культуры возникла после открытия памятников хвалынской культуры (шебирского типа) в Восточном Прикаспии на Мангышлаке. Ее сторонники предполагают продвижение носителей хвалынских традиций с юго-востока из Передней Азии через Восточный Прикаспий (Горащук, 2003, с. 123–127; Юдин, 2006, с. 18) или через Кавказ (Богданов, 2004, с. 231–238). Особенно подробно аргументирует данную позицию И.В. Горащук, главным образом базирываясь на анализе каменных изделий и технике их изготовления. Однако при этом он игнорирует факт полного отсутствия связи между шебирскими (хвалынскими) материалами с местным неолитом, представленным кельтеминарскими и оюклинскими памятниками. Более веский аргумент о связях степного энеолита с переднеазиатскими и ближневосточными культурными центрами представлен С.В. Богдановым, отметившим аналогии скорченному обряду погребения и каменным браслетам в Месопотамии.

Третья точка зрения высказана А.Е. Астафьевым и Г.В. Баландиной (Астафьев, Баландина, 1998, с. 147–156; Астафьев, 1990, с. 38). Авторы обстоятельно доказывают отсутствие генетических корней материалов шебирского типа в неолите Восточного Прикаспия и приводят прямые параллели им в Поволжье, что, по их мнению, отражает пришлый характер в Восточном Прикаспии населения шебирских поселений. Последовательны дальнейшие рассуждения исследователей о происхождении хвалынской культуры, как и других энеолитических культур степной зоны Восточной Европы, не только в свете ближневосточного воздействия, но и решающего, по их мнению, взаимодействия с балкано-карпатским центром (Астафьев, Баландина, 1998, с. 153). Отражение данного процесса они видят в распространении в мариупольских культурах меандровых композиций, свойственных неолитическим культурам ранних земледельцев Юго-Восточной Европы, включая буго-днепровскую (Даниленко, 1969; Котова, 1990, 2002), а также в распространении балканского металла транзитом через все культуры Северного Причерноморья до Приуралья. Медное изделие обнаружено и на одной из стоянок шебирского типа.

Таким образом, проблема происхождения хвалынской культуры в Поволжье представляется достаточно дискуссионной. Исследователи высказывают прямо противоположные точки зрения, при этом приводя

достаточно веские аргументы. Вероятно, это свидетельствует о допустимости компромиссного решения.

Представляется, что формирование хвалынской культуры, как и близкой ей среднестоговской, связано со степными регионами Восточной Европы, что в свое время было достаточно обосновано первой точкой зрения. В основе обеих культур находилось местное население Мариупольской КИО, ориентированное культурно и экономически как на переднеазиатские и ближневосточные центры, о чем свидетельствуют типично степного содержания памятники в Восточном Прикаспии и на Кавказе (Тумек-Кичиджик, Шебир, Нальчикский могильник и др.), так и в западном направлении, откуда шло проникновение металла, причем, вероятно, вместе с первыми профессиональными металлургами.

На этом фоне происходило распространение как достижений производящего хозяйства и металлургии, так и духовных ценностей, в том числе и вместе с их носителями. Однако, на мой взгляд, не следует рассматривать появление таких новаций, как скорченный обряд погребения, курганы, металл как результат масштабных миграций, поскольку при наличии тесных контактов не исключается конвергентность возникновения многих элементов культурного развития, быстрое их восприятие и заимствование соседними сообществами. Неслучайно, повсеместно в пределах БКМП, включая волго-уральское междуречье, отмечаются, с одной стороны, смена вытянутого обряда погребения на скорченный и случаи одновременного применения тех и других подходов, а с другой, наблюдается долгое сохранение в некоторых районах вытянутого обряда (постмариупольские, репинские и др.). Но и миграционные процессы, как с запада на восток, так и в обратном направлении, без сомнения имели место.

Смешанный состав населения подтверждают антропологические данные, которые имеются хотя и в ограниченном объеме на территории степного и лесостепного Поволжья. Особенно представительные серии краниологических материалов получены из Съезжинского, Хвалынских и Хлопковского могильников. Погребения выявлены на ряде поселений в бассейне р. Сок (Лебяжинка IV и V, Чесноковское, Гундоровское).

Уже в первых работах, касающихся результатов анализа съезжинских материалов, был поставлен вопрос о двух этногенетических компонентах в сложении энеолитического населения Поволжья. Один из них – протоевропейский находит параллели в материалах надпорожско-приазовских могильников, другой – средиземноморский, который характерен также и для известного могильника Тумек-Кичиджик кельтеминарской культуры в Туркмении (Яблонский, 1990, с. 77–78). По данным анализа серии из II Хвалынского могильника, а затем Хлопкового могильника А.А. Хохлов заключил, что оставившее их население было гетерогенным (неоднородным) по своему составу и выделил три морфологических компонента (Хохлов, 1998, с. 8–9; 2000, с. 286–287). Первая группа (грацильность, долихо- или мезокrania, среднее, умеренно уплощенное лицо, слабо выступающие носовые кости) находит ближайшие аналогии среди материалов

местных уральских культур предшествующего времени неолита – раннего энеолита (в том числе в Съезжинском могильнике). Вторая группа с чертами классического протоевропеоидного типа, но несколько «смягченного» (долихомезокrania, крупное и широкое, хорошо профилированное лицо) аналогична материалам могильников степной Украины и Волго-Донья, а также представлена как один из компонентов в Съезжинском могильнике. Третья группа особенно интересна (высокая, долихокрannая мозговая коробка, резко профилированное лицо), так как она связана с представителями среднестепного южного типа европеоидов. Отсюда следует вполне закономерный вывод исследователя, что в Волго-Уралье в хвалынское время существовал самостоятельный очаг расогенеза, в котором роль местного уральского компонента была значительной (Хохлов, 2000, с. 287–289). В результате его активного взаимодействия с южными и западными европеоидами в энеолите «здесь формируется краниологический комплекс, для которого характерна долихокрания в сочетании с низким, не очень широким и хорошо профилированным лицевым скелетом» (Хохлов, 2000, с. 288). В дальнейшем, по мнению А.А. Хохлова, этот комплекс проявляется в материалах ямной культуры Поволжья и Приуралья.

Важно остановиться на материалах лесостепных районов, к сожалению, пока весьма малочисленных, но тем более представляющих интерес. Погребения помимо Съезжинского могильника встречены на ряде поселений в бассейне Сока. Например, черепа из погребений на стоянках Чекалино IV и Лебяжинка IV, относящиеся, по мнению исследователей к неолиту, по морфологическим свойствам находят аналогии в ряде комплексов Съезжинского и Хвалынского могильников, могильника Меллятамак, которые связаны с представителями восточноевропейской (субуральской или лапоноидной) антропологической формации (Хохлов, 2000, с. 281–282). При этом чекалинское погребение было совершено на правом боку, а на стоянке Лебяжинка IV – вытянуто на спине.

Связь процесса сложения хвалынской культуры в Поволжье с влиянием причерноморских культурных центров помимо археологических данных также подтверждается антропологическими материалами. Так, большое сходство обнаруживают черепа Хвалынских могильников с краниологическими сериями среднестоговских памятников, которые, в свою очередь, близки трипольскому антропологическому типу (Телегин и др., 2001, с. 121). По мнению И.Д. Потехиной, в энеолите Украины представлены два антропологических типа – массивный, протоевропеоидный и более грацильный, мезоморфный с чертами южноевропеоидного (среднестепного) (Телегин и др., 2001, с. 119). Первый прослеживается у носителей новоданиловского и постмариупольского населения, а также в меньшей степени у среднестоговцев, и у групп, оставивших древнейшие подкурганские погребения Надпорожья и Приазовья. Второй тип отмечается у части среднестоговских групп и в доямных подкурганских погребениях Северо-Западного Причерноморья (Телегин и др., 2001, с. 119). Таким образом, и в энеолите Северного Причерноморья по данным

антропологии наблюдается смешение двух антропологических типов, которые, как и Волго-Уралье, взаимодействовали в неолите и формировали антропологический состав в энеолите. Так же как и хвалынский в Поволжье, среднестоговский краниологический тип в большей степени, чем все остальные культурные группы, сходен с ямным краниологическим комплексом (Телегин и др., 2001, с. 122).

Весьма примечательно, что данные антропологических исследований во многом совпадают с результатами технико-технологического изучения керамики Хвалынских могильников (Васильева, 2002, с. 39–41). Наряду с выводом об однородности и устойчивости гончарной традиции хвалынского населения исследовательница отмечает, с одной стороны, – близость некоторых навыков съезжинской традиции, с другой, – по технологии ряда сосудов устанавливает наличие контактов с другими группами энеолитического населения. С какими именно группами связано проникновение чуждых технологий уточнить пока невозможно, поскольку подобные исследования керамики других энеолитических культур не проводятся. Однако согласно типологическим особенностям хвалынская керамика близка по ряду признаков, прежде всего среднестоговской.

Таким образом, формирование хвалынской культуры – процесс неоднозначный. Он проходил в степной зоне волжско-уральского междуречья при участии, как местного населения, так и пришлых компонентов, особенно западного происхождения.

Проблема сложения хвалынско-среднестоговской общности

Материалы хвалынского круга, без сомнения, характеризуют самостоятельную и достаточно сильную во всех культурных проявлениях линию развития на территории степного Поволжья. Они хорошо известны специалистам, полно опубликованы и всесторонне проанализированы (Васильев, 1981; Агапов и др., 1990; Васильев, 2003). Не вызывает сомнений синхронность и тесное культурное взаимодействие хвалынской культуры с другими степными образованиями Восточной Европы, что дало веские основания для выделения хвалынско-среднестоговской общности (Васильев, 1981; Мерперт, 1980). Ближайшие аналогии по всем категориям погребального обряда и инвентаря в материалах среднестоговской культуры, суворовского и новоданиловского типов подтверждают заключение об установлении в данный период культурного единства по всей степной зоне. В этом заключении практически единодушно все исследователи энеолита. Важно подчеркнуть, что возникновение подкурганного обряда отмечается не только в рамках хвалынской культуры, но и повсеместно по всей степной зоне. Попытка выделить подкурганые памятники в отдельную «европейскую степную культурно-историческую общность» не представляется удачной, поскольку разделяется на самостоятельные линии развития близкое по своему происхождению и культурному статусу население. В то же время закономерности процесса формирования

общности в энеолите на базе экономического, культурного и идеологического единства отмечены и подчеркнуты совершенно правильно (Нечитайло, 1996).

Достаточно сложно определить – какому из степных культурных образований в этот период принадлежала ведущая роль в создании данной общности. Однако следует обратить внимание на западное, балканское происхождение всех металлических находок на степных памятниках, начиная от новоданиловских и до хвалынских (Рындина, 1998, с. 151–159). Из этого факта следует заключить, что распространение первого металла на территории степной зоны могло явиться одним из важнейших факторов в консолидации и в установлении близких связей степного населения, поскольку сам металл в то время и на всем протяжении от энеолита до конца бронзового века принес не только новые технологии в хозяйственную сферу, но и был окружен особыми ритуалами и новыми, весьма своеобразными в сравнении с каменным веком идеологическими представлениями (Черных, 2007, с. 137 и сл.). Металл мог распространяться, вероятно, только с его непосредственными или близко связанными с его производством людьми. Но в энеолите по причине малочисленности профессиональных металлургов в древнейших металлургических центрах на Балканах и в Передней Азии этот процесс не мог носить массовый характер. По данным Н.В. Рындиной, металлические предметы из Хвалынских могильников, хотя и были произведены из балканского металла, изготавливались местными мастерами (Рындина, 1998, с. 158–159). Этот вывод сделан на основании металлографического анализа медных изделий, согласно которому отмечается низкое качество их кузнечной обработки и наличие значительного брака, что свидетельствует о начальной стадии становления местного (хвалынского) металлопроизводства. Ряд особенностей обработки металла, по мнению Н.В. Рындиной, говорит о том, что хвалынский очаг в Поволжье формировался под влиянием, шедшим из западного ареала БКМП, прежде всего с территории карпато-поднепровского и фракийско-нижнедунайского регионов, но в то же время доминировали воздействия из раннетрипольского и, отчасти, из новоданиловского очагов (там же, с. 159).

Данные заключения принципиально важны для решения проблемы о взаимодействии и образовании общности степного населения в энеолите, а затем крупных культурно-исторических областей бронзового века, так как в них отражены исторические реалии того времени, суть которых заключена в распространении технологий металлургического производства на новые территории из первых и древнейших центров. В этом плане, становится очевидным, что появление металла в Поволжье из Балкано-Карпатского металлургического центра не только результат активизации связей, но и закономерное явление, связанное с поиском новых источников сырья. А поскольку на территории от Прикарпатья до Южного Приуралья таковые неизвестны, то появление в Волго-Уралье балканского металла в энеолите находит свое объяснение. Помимо находок медных изделий

в Хвалынских могильниках, металл обнаружен в материалах таких поселений, как Варфоломеевское, Курпеже-Молла, Алтата и на Турганинской стоянке.¹ Все они, вероятно, имеют отношение к западному – балканскому источнику металла. Весьма важными оказались результаты трассологического анализа, проведенного Н.Н. Скакун и Г.Ф. Коробковой, многочисленных орудий из кости Ивановского поселения. Оказалось, что многие из этих орудий изготавливались при помощи металлических орудий.

Таким образом, западное направление связей населения Волго-Уралья стимулировало проникновение в степные регионы Поволжья и Приуралья отдельных групп – носителей навыков металлообработки. Причиной для их продвижения на восток являлись поиски новых источников сырья, которые вскоре будут найдены ими на Каргалинском месторождении на Южном Урале (Западное Оренбуржье).

Другим немаловажным фактором, активизировавшим формирование хвалынско-среднестоговской общности, являлись близкий образ жизни и единый путь развития хозяйственной деятельности, который, по образному выражению Н.Я. Мерперта, вырабатывался в специфических степных условиях, открывавших широкие возможности для установления контактов, взаимодействия и быстрого восприятия новых достижений в развитии экономики и культуры. Эта важная мысль исследователя, неоднократно повторенная им во многих работах, представляется совершенно правильной и на настоящем уровне изучения энеолитических культур степной зоны. Значительно пополнились данные о месте скотоводства, в том числе коневодства, в хозяйстве населения этого периода (Моргунова, 1995; Юдин, 2004; 2006). Следует подчеркнуть, что установление в энеолите по всей степной зоне Восточной Европы единой направленности в хозяйственной деятельности, не исключая и некоторой специфики в отдельных районах, видимо, способствовало и выработке близких форм культовых обрядов и религиозных представлений, что нашло яркое отражение в погребальных обрядах как мариупольской, так и хвалынско-среднестоговской общностей.

¹ На Варфоломеевке медный предмет найден в слое 2А и так же, как и находка на стоянке Курпеже-Молла, где имеется обломок медного острья, он соотносится с материалами прикаспийской культуры (Юдин, 2006, с. 32; Барынкин, Васильев, 1985, с. 59). На стоянке Алтата обнаружен медный брусок и следы воздействия расплавленного металла на орудии из кварцита (Малов, 2008, с. 68). В слое II этапа самарской культуры на Турганинской стоянке найден медный брусок, который согласно металлографическому анализу, сделанному А.Д. Дегтяревой, представляет собой заготовку, полученную литьем в открытую форму из металла западного, балканского происхождения (Моргунова, Гольева, Дегтярева и др., 2010, с. 142). Медное «шило» обнаружено на стоянке Шебир 4 в Восточном Прикаспии наряду с другими материалами хвалынкой культуры (Астафьев, Баландина, 1998, с. 134, 139, рис. 6).

Литература

- Агапов С. А. и др., 1990 – Васильев И.Б., Пестрикова В.И. - Хвалынский энеолитический могильник // Саратов
- Астафьев А.Е., 1990 – О выделении двух типов в энеолитических памятниках полуострова Мангышлак // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Куйбышев
- Астафьев А.Е., Баландина Г.В., 1998 – Энеолитические памятники хвалынского типа полуострова Мангышлак // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара
- Барынкин П.Н., 1992 – Энеолит и ранняя бронза Северного Прикаспия. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М.
- Барынкин П.Н., Васильев И.Б., 1985 – Новые энеолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические памятники на европейской территории СССР. Воронеж
- Барынкин П.Н., Васильев И.Б., 1986 – Новые энеолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические памятники на европейской территории СССР. Воронеж
- Барынкин П.Н., Васильев И.Б., 1988 – Стоянка хвалынской энеолитической культуры Кара-Худук в Северном Прикаспии // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев
- Барынкин П.Н., Козин Е.В., 1995 – Стоянка Лебяжинка 1 и некоторые проблемы соотношения нео-энеолитических культур в степном и южном лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Заволжья. Самара
- Богданов С.В., 2004 – Эпоха меди степного Приуралья // Екатеринбург
- Васильев И.Б., 1981 – Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь // Куйбышев
- Васильев И.Б., 2003 – Хвалынская энеолитическая культура волго-уральской степи и лесостепи (некоторые итоги исследования) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара
- Васильев И.Б., Овчинникова Н.В., 2000 – Энеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Самара
- Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985 – Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев
- Васильева И.Н., 2002 – О технологии керамики I Хвалынского энеолитического могильника // ВАП. Вып. 2. Самара
- Горашук И.В., 2003 – Технология изготовления каменных орудий на стоянках хвалынской культуры // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара
- Даниленко В.Н., 1969 – Неолит Украины // Киев
- Котова Н.С., 1990 – Происхождение гончарных традиций мариупольской культурно-исторической области // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Куйбышев
- Котова Н.С., 2002 – Неолитизация Украины // Киев
- Котова Н.С., 2010 – Культурно-исторические процессы в Северном Причерноморье в VI–V тыс. до н.э. // Автореф. дисс... докт. ист. наук. Киев
- Малов Н.М., 1982 – Хлопковский могильник и его место в энеолите Поволжья (по материалам раскопок 1977–1978 гг.) // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев
- Малов Н.М., 2008 – Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // Археология восточно-европейской лесостепи. Вып.6. Саратов
- Мерперт Н.Я., 1980 – Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев

- Моргунова Н.Л.*, 1980 – Ивановская стоянка эпохи неолита-энеолита в Оренбургской области // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев
- Моргунова Н.Л.*, 1984а – Эпоха неолита и энеолита в лесостепной зоне волго-уральского междуречья // Автореф. дисс... канд. ист. наук. М.
- Моргунова Н.Л.*, 1984б – Турганикская стоянка и некоторые проблемы самарской культуры // Эпоха меди Восточной Европы. Куйбышев
- Моргунова Н.Л.*, 1989 – Энеолитические комплексы Ивановской стоянки // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев
- Моргунова Н.Л.*, 1995 – Неолит и энеолит юга лесостепи волго-уральского междуречья // Оренбург
- Моргунова Н.Л. и др.*, 2010 – *Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В.* Хронологическое соотношения энеолитических культур волго-уральского региона в свете радиоуглеродного датирования // РА, № 4.
- Нечитайло А.Л.*, 1996 – Европейская степная общность в эпоху энеолита // РА, № 4.
- Пестрикова В.И.*, 1987 – Хвалынский энеолитический могильник как исторический источник. // Автореф. дисс... канд. ист. наук. М.
- Рындина Н.В.*, 1998 – Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы // М.
- Ставицкий В.В.*, 2001 – Энеолитическое поселение Русское Труево I на Верхней Суре // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 5. Оренбург
- Ставицкий В.В., Хреков А.А.*, 2003 – Неолит – ранний энеолит лесостепного Поволжья и Прихоперья // Саратов
- Телегин Д.Я. и др.*, 2001 – *Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В.* Среднепестовская и новоданиловская культуры энеолита азово-черноморского региона // Луганск
- Хохлов А.А.*, 1998 – Палеоантропология пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья в эпохи неолита – бронзы // Автореф. канд. дисс. М.
- Хохлов А.А.*, 2000 – Палеоантропология волго-уральского региона эпохи неолита-энеолита // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара
- Черных Е.Н.*, 2007 – Каргалы, т. 5: Каргалы: феномен и парадоксы развития // М.
- Юдин А.И.*, 1999 – Многослойное поселение Кумыска на р. Торгун // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследование в 1997 г. Вып. 3. Саратов
- Юдин А.И.*, 2004 – Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов
- Юдин А.И.*, 2006 – Культурное развитие населения Нижнего Поволжья в неолите и энеолите // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 7. Саратов
- Яблонский Л.Т.*, 1990 – Проблемы палеоантропологии древнейшего населения Среднего Поволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Куйбышев

Культуры Чернавода в европейском контексте

Роман Петре (Бухарест)

Общеизвестно, что имеются 3 преисторические культуры, получившие свое название от местности в Северо-Восточной Добрудже, там где долина Карасу примыкает к нижнему течению р. Дунай, неподалеку от поселка Чернавода. В научной литературе общепринятое название этих культур рассматривается в хронологическом порядке: Чернавода-I, Чернавода-II и Чернавода III.

На самом деле это три разных поселения, имеющие различное расположение и не имеющие общего стратиграфического соотношения. Прошло уже 83 года с тех пор, как исследователем Шуххардом были опубликованы результаты археологических раскопок 1917 года теля культуры Гумельница в окрестностях поселка Чернавода (Shuchhardt, 1924, p. 9–27). В данной публикации фигурируют данные топографической и фотографической съемки на данном памятнике (Shuchhardt, 1924, fig. 1–3). Спустя 13 лет румынский археолог И. Нестор, ссылаясь на материалы теля гумельницкой культуры у Чернаводы (в частности, на разведочный раскоп на краю западной террасы возвышенности София, на правом берегу Дуная), вновь использует для обозначения данного памятника название Чернавода (Nestor, 1937, p. 1–21), в отличие от названий – *Бург* и *Старая крепость*, использованных в свое время К. Шуххардом (Shuchhardt, 1924, p. 9–27).

После 1954 года по культуре Чернавода состоялось много дискуссий в литературе (Morintz, Roman, 1968, p. 31–169; Berciu si al., 1973, p. 373–405; Roman, 1981, p. 21–42; 1982, p. 402–414), но появление полного списка научных публикаций по этой тематике было возложено на следующее поколение исследователей. Из тех, кто имел непосредственное отношение к данному культурно-историческому образованию, следует отметить ныне покойных Д. Берчу, С. Моринтца, О. Некрасов, Д. Николаеску-Плопшор, Н. Харцук, Е. Москалу. Материалы этой культуры приводились в контексте изучения доисторических цивилизаций также П. Диакону, Л. Читеску и Т. Кантакузино.

Мне довелось в течении четырех полевых сезонов (1956–1959 гг.) по несколько месяцев производить раскопки археологических памятников на тех 3 поселениях, которые в дальнейшем были вписаны в 3 фазы развития культуры Чернавода. К сожалению, из-за определенных разногласий

с профессором Д. Берчу, мой последний доклад о раскопках в Чернавоте не был опубликован. Но в нем имелось много необходимых данных об исследованиях, проведенных на поселениях Чернавота I и III, расположенных на возвышенности София.

В дальнейшем некоторые существенные детали данных памятников все же прояснились, в частности, данные по расположению и типу поселений, а также их культурной принадлежности (Roman, 2001a, p. 345–350). Поэтому удивительно, что в современной литературе отмечается поверхностность подхода к данному исследованию, которая порождает неточности и путаницу (Oanță-Marghitu, 2003, p. 106 *si urm.*). Это, в основном, относится к местоположению 3 различных поселений, исследованных в Чернавоте.

Итак, о поселениях культуры Чернавота в пункте Чернавота.

С юго-запада от впадения долины Карасу в Дунай, с правой стороны имеется возвышенная терраса под местным названием Холм Софии, названная Карлом Шуххардом – Высокий Город. Западная часть этого склона, по направлению к Дунаю, была частично разрушена при строительстве канала. На этом участке располагались объекты культуры Чернавота-I и III, находящиеся к югу от современного цементного завода. К западу со стороны Дуная сохранились небольшие участки непо потревоженного поселения, на которых и находились 2 жилища, сооруженные одно над другим. Они были впущены в край берега, и имели террасированные основания, в свою очередь защищенные со стороны мыса возвышением, которое являлось естественным укреплением. Кроме того прослеживались следы примерно 3 попыток сооружения оборонительных рвов.

Далее, скорее всего, наступил период затишья, когда участки для сооружения жилищ были выбраны в непосредственной близости от старых оборонительных рвов. Проживание в этот период было длительным, о чем свидетельствуют остатки 14 исследованных и реконструируемых построек, перекрывающих всю нижнюю часть ущелья, включая и старую оборонительную зону. Но тель там не образовался, так же как и не наблюдается он на склонах. Но на искусственно выполненной террасе в склоне фиксируется большое количество культурных остатков. Потом, видимо, в связи с изменившейся ситуацией и появлением определенной угрозы, оборонительная линия сместилась вниз, ниже участков с первоначальными жилищами. Укрепленная зона вновь была заполнена археологическим материалом, но не остатками жилищ. Это пространство получило вполне определенное графическое очертание и получило название Сектор **a** (Roman, 2001a, fig. 2), соответствующий существованию горизонта Чернавота-I с многими его подразделениями – **la**, **lb**, **lc**, переходя постепенно под влиянием культуры Усатово в горизонт Чернавота-II (Roman, 2001a, p. 348–349).

Типологически, данная зона никак не может быть связана с таким понятием, как тель, тем более с культурой Гумельница и этапами ее продолжения (см. высказывания Манзуры (Manzura, 1999, p. 95 *si urm.*) и Парцингера (Parcinger, 1988, Anm. 1, 126)). Также опровергаются и высказывания Д. Берчу в 1-ом разделе его работы «История Добруджи», где автор утверждает, что гумельницкие оборонительные сооружения (валы,

рвы) переходили в оборонительные сооружения культуры Чернавода и были ими продолжены. С западной стороны холма София я не нашел никаких следов керамики культуры Гумельница.

К востоку от этого склона находится плато, которое получило название Сектор **с**, а к югу в сторону цементного завода и долины Карасу – Сектор **d** (Roman, 2001a, fig. 1, 4–5). В обоих этих секторах зафиксированы остатки поселения периода Чернавода-III. А в Секторе **d** к тому же и могильник, на уровне культурного слоя. Захоронения, открытые И. Нестором в 1936 году, располагались на краю плато со стороны Дуная (Nestor, 1937, p. 15 si urm.), следовательно – к западу от Сектора **a**, и к северу от местоположения Чернавода-I.

К северу от горы Софии находилась низменность-впадина, окруженная с запада Дунаем, а с севера и востока – возвышенными береговыми террасами.

У подножья северо-восточного склона горы София были обнаружены остатки поселения культуры Хамаджия, а дальше к северу, на берегу Дуная находился гумельницкий тель, исследованный К. Шуххардом и И. Нестором. В непосредственной близости, к востоку от телья я нашел часть поселения, которое первоначально вошло в литературу как фаза, а в дальнейшем как культура Чернавода-II (Roman, 2001, p. 174). Когда мы приступили к исследованиям, оба эти памятника были разрушены современными строительными работами. Расстояние между ними было очень незначительно, вследствие чего культурные остатки Чернавода-II оказались на поверхности телья (Lansdorf, Nestor, 1929, fig. 2/9, 11–14, 16), а гумельницкие, в свою очередь, на участке поселения Чернавода-II (Berciu si al., 1973, pl. 12/3).

Таким образом, все эти 3 поселения (Чернавода-I, Чернавода-II и Чернавода-III) принадлежат трем разным культурам, каждая из которых имела самостоятельное и длительное развитие, различное происхождение и ареал распространения.

Общеизвестно, что керамика является самым многочисленным и наиболее хорошо сохранившимся археологическим инвентарем. Данная ситуация стала основой для выделения культурных групп, названных культурами. Следует выяснить, почему керамика представлена в одной из «культур» в определенном виде (техника изготовления, формы, орнаментация) и четко отличается от одновременной и даже находящейся по соседству, которую мы относим к другой культуре. Керамику нужно изучать непосредственно, ее следует прочувствовать. Невозможно утверждать, что она не является критерием только на основе того, что подсчитав опубликованные материалы, получим лишь несколько сот или десятков фрагментов для целой культуры. И притом, учитывая тот факт, что тот, кто позволяет себе подобные утверждения, за всю жизнь не держал в руках хоть кусочка той самой керамики указанной культуры. Тот, который сумел опубликовать всего пару десятков фрагментов, возможно, пропустил через свои руки тысячи и десятки тысяч фрагментов с небольших и даже очень крупных территорий. Таким образом, последний исследователь

выглядит более обоснованно, а вот первому следует прежде годами изучать тот материал, по которому безуданно пишет бесконечные страницы (Oanță-Marghitu, 2003, p. 109–138).

Поселение культуры, получившей название Чернавода-I, в Чернаводе является частью долговременного культурного феномена, с отличным распространением и происхождением по сравнению с предыдущей культурой. Наиболее ранние формы данного феномена неизвестны. Возможно, они были на той части поселения, которая была уничтожена, возможно, в других местах (но не думаю что в Хыршова), а возможно, и на юге Пруто-Днестровского региона. К примеру, на поселении Картал-Орловка был выявлен типичный материал Чернавода-I, и я с изумлением отметил при знакомстве с ним, что кухонная керамика из Усатово по своей фактуре является не характерной для Кукутень-Триполья, а более типична для Чернавода-I (Roman, 2001a, p. 350; 2000–2001, p. 174).

Трудно представить, что типичная для Чернавода-I керамика с толченой ракушкой в тесте имеет какую-нибудь связь с предыдущей гумельницкой. Также невозможно не отметить освоение – через ассимиляцию – гумельницкой техники обработки (на юге ареала) и кукутенской (на северо-востоке). Если прибавить экономические, духовные и другие археологически фиксируемые особенности, трудно представить отсутствие этнической связи между созданием и создателем. Насколько велико задействованное пространство, можно судить, исходя из находок, распространенных от Черного моря на восток до Железных Ворот и Косово на запад, от Карпат на север до Эгейского моря и залива Самсун на юг (Thussen, 1993, p. 207 si urm.). Последствия этого для Балкан и Среднего Дуная огромны, а сама тема настолько широка, что может стать предметом изучения не одного поколения исследователей.

Культура Чернавода-III тоже имеет свой эпонимный памятник на плато холма София, а мощный культурный слой указывает на долговременность поселения и перекрывает на юге могильник (Roman, 2001b, p. 13–59, fig. 3–4). Во время открытия никто не мог подозревать, что данный памятник является частицей огромного процесса униформизации керамики (и никак не единства, как поняли некоторые поверхностные читатели) на территории от Черного моря до Бодензее, далеко на юг от Балкан, может быть даже на СЗ Анатолии. Многие характеристики указывают на отсутствие культурного единства, но следует выяснить, что же стало причиной столь широкой униформизации на невиданных до того по масштабам территориях.

Третье поселение в Чернаводе дало название культуре, известной ранее как Гумельница-D или Фолтешть-II. Незнание деталей привело к некоторым конфузам (к примеру у Л. Николовой на поселении Копривец – Nicolova, 2001, p. 240–242, fig. 1/5) и отнесению подобных памятников к культуре Чернавода-III.

Выделение новой культуры весьма важно, исходя из ее довольно широкого распространения и важной роли в генезисе раннего бронзового века. Движение населения, похоже, шло с Севера на Юг и обратно, и по

данной оси передавались культурные инновации. Я с удивлением отметил компоненты Чернавода-II в Эзеро и Эзерово, в Юго-Восточной Трансильвании и даже в Дабыка. Чернавода-II являет собой очень важный компонент при генезисе того, что мы называем ранним бронзовым веком.

Таким образом, памятник на Холме София стал эпонимным для трех важных феноменов – трех реперов европейской преистории.

Литература

Berciu D. si al., 1973 – Morintz S., Roman P. – Cultura Cernavoda-II. Asezarea din sectorul b de la Cernavoda // SCIV, 24, 3.

Lansdorf A., Nestor I., 1929 – Nachtrag zu Cernavoda // PZ, 20.

Manzura I., 1999 – Cernavoda i Cultura // Nicolova L, Manzura I, Shuster C., The Balkan in Later Prehistory, Peridization, Chronology and Cultural Development in the final Cooper and Early Bronze Age (Fourth and Third Millenia BC, BAR, 791, International Series

Morintz Al., 2001 – Structuri de locuire in cadrul culturii Cernavodă-I // Thraco-Dacia, 22, 1–2.

Morintz S., Roman P., 1968 – Aspecte des Ausgang der Anelithikums und Ubergangsstufe zur Bronzezeit im Raum der Niederdonau // Dacia, N.S., 12.

Nestor I., 1937 – Cercetări preistorice la Cernavoda // Analele Dobrogei, 18.

Nicolova L., 2001 – Approach to the Genetis and initial Development of the Early Bronze Age Culture, in the Lower Danube Basin and in the Southern Balkans // Cernavoda-III-Boleraz ein vorgeschichtliches Phänomen Zwischen dem Oberrhein und der Unteren Donau, Symposium Mangalia-Neptun 1999, București

Oanță-Marghitu S., 2003 – Fenomenul Cernavodă-III-Boleraz: după 30 de ani // CAMNI, 12.

Parcinger H., 1988 – Der nordkarpatische Raum und das untere Donauebiet in der späten Kupferzeit: Das Ende der Kodzadermen-Gumelnita-Karanovo VI Verbandes und Cernavoda-I Kultur // Hänzel B., Machnik I. (eds) – Das Karpatenbecken und osteuropäische Steppe, PAS-12, Berlin

Roman P., 1981 – Forme de manifestări culturală din eneoliticul tăziu și perioadă de tranziție spre epocă bronzului // SCIVA, 32, 1.

Roman P., 1982 – Raportul cronologic dintre Ezero și Troia în lumina cercetărilor de la nord de Balcani // SCIVA, 33, 4.

Roman P., 2001a – Unpubliziere daten über die Siedlung der Cernavoda-I, in Kultur in Cernavoda // Festschrift für Harald Hauptman

Roman P., 2001b – Die Cernavodă-III-Boleraz-Kulturercheinung im Gebiet der Unteren Donau // Symposium Mangalia-Neptun, 1999, București

Roman P., 2000–2001 – Date inedite asupra asezării cultura Cernavoda-I de la Cernavodă // Pontica, 33–34.

Shuchhardt C., 1924, Cernavoda eine Steinzeitsiedlung in Trakien // PZ, 15.

Thussen L., 1993 – New insights in Balcan-Anatolian Connections in the late Chalcolithic // Turkish Black Sea Litoral, Anatolien Studies, 43.

Население степного пояса в эпоху ранней бронзы от Приуралья до Поднепровья

Кузнецов П. Ф. (Самара)

(Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 09–01–00306 а/У)

Масштабные исследования памятников раннего бронзового века степной зоны Евразии позволили сформулировать ряд вопросов, решение которых поможет изучению этнокультурных связей степного населения как в пространстве, так и во времени.

Важнейшей задачей является исследование процесса культурогенеза ямной культуры. В настоящее время существуют две схемы происхождения ямной культуры. Одна схема предполагает ее возникновение в Волго-Уралье (Мерперт, 1974; Васильев, 1979). Вторая схема предполагает происхождение ямной культуры в результате западного влияния, или проникновения (Телегин, 2000; Трифионов, 1996).

Для определения региональных интервалов времени ямной культуры были сведены данные радиоуглеродного датирования памятников от Приуралья до Поднепровья и проведено их сравнение с данными стратиграфического соотношения. В результате, получена серия дат, включающая более двухсот определений. Из них наиболее древней оказывается датировки, восточного ареала ямной культуры, охватывающей Волго-Уральский регион. Ранее предлагалось определение раннеямного периода, как периода ямно-репинского по керамике погребальных комплексов Волго-Уралья. Общекультурное единство поселенческих и погребальных памятников позволяет скорректировать хронологический интервал культуры. Известны две даты поселений:

пос. Кызыл-Хак I, сооружение, углистая почва, УПИ-430, 4900±40;

пос. Кызыл-Хак II, культурный слой, ГИН-?, 5050±45.

Получены 4 даты по ямно-репинской керамике:

пос. Кызыл-Хак I, Ki-14542 4510±80; Ki-14543 4540±80;

мог. Лопатино I 31/я.1, Ki-14544 4800±80; Ki-14545 4750±70 (П.Ф. Кузнецов, Н.Н. Ковалюх, 2008).

Калибрование полученных дат позволяет определить нижнюю границу ямной культуры до 35 в. до н.э. Таким образом, время ямной культуры на востоке ее ареала – в Волго-Уралье возможно определить в интервале 3500–2900 гг. до н.э. Радиоуглеродная хронология западного ареала

распространения ямников была подробно рассмотрена А.В. Николовой и Ю.Я. Рассмакиным. Анализ 162 дат позволил авторам определить время ямной культуры Украины в пределах 3000–2300 гг. до н.э. (Rassamakin, Nikolova, 2008, с. 51–88).

Ямная культура на территории современной Украины, и, в частности, в Поднепровье появляется позже, чем на территории Волго-Уралья, но существует значительно дольше, чем в иных ареалах ее распространения. Вероятно, здесь с наибольшим успехом прошла культурно-хозяйственная адаптация степного населения эпохи ранней бронзы, представленная особым вариантом ямной археологической культуры.

Удревнение майкопских и новосвободненских памятников позволяет особенно выделять роль культур Северного Кавказа в становлении эпохи бронзы Восточной Европы. Очевидно, расцвет Майкопа и был тем катализатором, который определил начало бронзового века в Восточной Европе. Северокавказские традиции в металлообработке фиксируются во всех культурах эпохи ранней и средней бронзы степной зоны Восточной Европы. В погребальном обряде культур юга степной зоны выявляются майкопско-новосвободненские традиции. Наиболее развернутая их характеристика дана при описании истоков погребального обряда новотиторовской культуры (Гей, 2000, с.198–199). О.Д. Мочалов специально выделил наличие прототипов для некоторых форм ямной керамики в предкавказской майкопско-новосвободненской общности (24; 2008, с. 44–45]. Очевидно, импульс из этого юго-восточного (Кавказского) очага культурогенеза привел к формированию в Волго-Уралье ямной культуры. В Волго-Уралье им предшествует пласт энеолитических подкурганых погребений, которые концентрируются в степной зоне. И.И. Дремов и А.И. Юдин относят их к хвалынской культуре степного Заволжья (Дремов, Юдин, 1992). Культурная преемственность здесь подтверждается новыми материалами. Например, сосуд из ямного погребения 6 ОК Паницкое 6Б удивительно похож на керамику из Хвалынского I могильника (Мимоход, 2009, с. 244–245). Важно, что первые подкурганые погребения соответствуют именно хвалынской археологической культуре. Хронологически она существенно древнее Майкопа.

В настоящее время мною выделены два этапа ямной культуры Волго-Уралья. Эти этапы охватывают один, ранее определенный интервал, который именовался как «ямно-репинский».

Этап I. Быково-Бережновский. Погребенные лежат на спине вытянуто и скорченно, полностью покрытые охрой. Ориентировка в восточный сектор.

Этап II. Кутулукский. Погребенные лежат на спине вытянуто и скорченно, частично покрытые охрой. Ориентировка в северо-восточный сектор. Окраска охрой преобладает в следующих сочетаниях: череп – таз – стопы; таз – стопы; череп – стопы. Распространена и посыпка одной части тела. Первый этап представляется специфическим для степных областей Волго-Уралья. Второй – общеямный для всех основных регионов распространения культуры.

В соседнем, Волго-Донском регионе параллельно ямной существует родственная ей репинская культура. Основной областью ее распространения являлась лесостепь. Первые даты полученные по костям лошади и КРС поселения Репин Хутор укладываются в хронологический интервал ямной культуры.

К востоку от Волго-Уралья, на территории северного Казахстана в период 3500–3100 гг. до н.э. (время ямной культуры) существует ботайская культура. Она, по данным П.А. Косинцева, продолжает традиционные формы присваивающей экономики (Косинцев, 2003, с. 495–498). Экономическая модель носителей ямной культуры Восточной Европы базировалась на двух главных секторах: подвижном скотоводстве (но не номуадизме) и металлургии меди. Предполагать какие-либо другие формы хозяйства для данного времени весьма проблематично.

Литература

- Васильев И.Б., 1979* – Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена) // Древняя история Поволжья, Куйбышев
- Гей А.Н., 2000* – Новотиторовская культура // М.
- Дремов И.И., Юдин А.И., 1992* – Древнейшие подкурганые захоронения степного Заволжья // РА, № 4.
- Косинцев П.А., 2003* – Становление производящего хозяйства в Южном Зауралье // Горизонты антропологии, М.
- Кузнецов П.Ф., Ковалюх Н.Н., 2008* – Датирование керамики ямно-репинского облика в Поволжье // Археология Восточноевропейской степи, вып. 6, Саратов
- Мерперт Н.Я., 1974* – Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья // М.
- Мимоход Р.А., 2009* – Курганы эпохи бронзы в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов // М.
- Мочалов О.Д., 2008* – Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепного Волго-Уральского междуречья // Самара
- Телегин Д.Я., 2000* – Об основных линиях этнокультурного развития неолитического времени юго-запада Восточной Европы и их хронология // Хронология неолита Восточной Европы. Международная научная конференция, тезисы докладов, СПб.
- Трифонов В.А., 1996* – Репинская культура и процесс сложения ямной культурно-исторической общности // Материалы междунар. научн. конф., Волгоград
- Rassamakin Y. Ya. & Nikolova A., 2008* – Carpathian Import and Initiations in Context of the Eneolithic and Early Bronze Age of the Black Sea Steppe Area // Import and Initiation in archaeology, Langenweisbach

Некоторые вопросы изучения древних скотоводов Северо-Западного Причерноморья

Яровой Е.В. (Москва)

Степи Северного Причерноморья характеризуются умеренно теплым и засушливым климатом с непродолжительной мягкой зимой и жарким летом с малым количеством осадков, частыми суховеями и засухами. Существенное влияние на климат оказывает море, в прибрежной полосе которого летом несколько прохладнее, а зимой теплее по сравнению с другими районами. Как установлено, наиболее благоприятные условия для скотоводства в степи и лесостепи складываются в том случае, если в определенной ее части зимой или вовсе не бывает снега, или же его покров настолько незначителен, что не мешает животным самим добывать корм. Способствуют развитию скотоводческого хозяйства и огромные естественные запасы корма, наличие типчаково-полынной и типчаково-ковыльной растительности, пригодной для разведения лошадей и мелкого рогатого скота. Как известно, типчак является хорошим подножным кормом для лошадей и овец (Артамонов, 1977, с. 9; Збеневич, 1974, с. 111).

В степях Северо-Западного Причерноморья (СЗП) произрастали полные, луговые и луго-степные травы – корм, благоприятный для всех видов животных (Пачоский, 1910, с. 48). Разветвленная сеть водоносных балок с луговой растительностью представляла отличные пастбища для крупного рогатого скота, а растительность водоразделов Буджакской степи удовлетворяла кормом мелкий рогатый скот.

Еще В.А. Городцов справедливо отметил, что курганы тяготеют к водным источникам. «Чем дальше от реки, тем реже курганы, и где есть курганы, там поблизости обязательно найдется вода» (Городцов, 1905, с. 175). Топография курганов СЗП полностью подтверждает вывод, сделанный для аналогичных памятников Изюмского уезда Харьковской губернии. Без сомнения, наличие значительных источников воды было обязательным условием для развития скотоводческого хозяйства и в данном регионе восточноевропейских степей существовали все необходимые для него условия. С другой стороны, морфологический анализ палеопочв показал, что на протяжении IV–II тыс. до н.э. (в работе использована традиционная археологическая хронология и некалиброванные даты) климат здесь был более сухим и холодным, чем в настоящее время.

По заключению климатологов, на территории современной Украины определяется многовековая ритмичность увлажнения, при которой эпоха повышенной увлажненности пришлась на грань V и IV тыс. до н.э. (44–42 вв. до н.э.), но эпоха пониженной увлажненности приходится на целое тысячелетие – от середины IV тыс. до середины III тыс. до н.э. (34–25 вв. до н.э.) (Бучинский, 1963, с. 59). Природная растительность в этот период отличалась скудностью и один квадратный километр пастбища обеспечивал не более 50 овец. Уже к концу мая степь выгорала, и пасти скот было возможно лишь в поймах крупных и мелких рек. Некоторое смягчение климата произошло только в конце III – начале II тыс. до н.э. (Золотун, 1972, с. 89–90; 1974; Гольберт, 1990, с. 27–30). Несмотря на огромные запасы корма в степи, они были не одинаковы в разных ее частях и резко менялись в зависимости от времени года и климатических колебаний.

Но ксеротермический период, связанный с осушением климата, отрицательно сказался и на занятиях земледелием. Часто повторяющиеся засухи делали этот вид хозяйства нерентабельным и ставили значительные массы населения перед выбором в пользу скотоводства. Ситуацию, несомненно, усугублял и антропогенный фактор: выкашивание и отчасти распашка степей, освоение водоразделов, а также рост численности стад, приводивший к эрозии гумусного покрова (Даниленко, Шмаглий, 1975, с. 35). Таким образом, благоприятные природные факторы, с одной стороны, стимулировали развитие скотоводства в степях региона, а суровые погодные условия, с другой, приводили к необходимости постоянных поисков новых, еще не истощенных районов корма.

В степной полосе, по-видимому, колебания климата проявлялись более сглажено, так как многие исследователи пришли к выводу, что приблизительно в течение последних 10 тыс. лет в степи существовала растительность, близкая к современной (Бучинский, 1963, с. 59). Тем не менее, значительное изменение климата в середине IV тыс. до н.э. могло не только подтолкнуть древнего человека к новой форме хозяйственной деятельности, но вероятно, и определило подвижную форму скотоводческого хозяйства.

Основным косвенным доказательством данного положения является отсутствие здесь каких-либо поселений, связанных с древнейшим горизонтом подкурганых захоронений. Учитывая существование ямных и катакомбных поселений в более восточных регионах, полностью отрицать возможность их обнаружения на юго-западе Северного Причерноморья, вероятно, не стоит. Однако следует подчеркнуть, что такая вероятность представляется, скорее, гипотетической, так как, несмотря на интенсивные археологические исследования и сплошные разведки в Днестровско-Пруто-Дунайском междуречье, здесь не было найдено даже остатков временных стоянок, не говоря уже о поселениях степных племен. Необходимо все же оговорить, что этот вывод не касается некоторых энеолитических комплексов, для которых нельзя исключить в перспективе возможности идентификации с определенными стационарными памятниками.

В глубинных же районах, вдали от морского побережья, больших рек и пойменных почв, исторически закономерен подвижный характер жизни скотоводов. Именно его и отражают сотни курганов и тысячи подкурганых захоронений. Поэтому речь в данном случае идет не о недостаточном внимании археологов к поиску поселений, а о действительном отсутствии последних. Подобный факт следует рассматривать как своего рода негативное свидетельство существования подвижного скотоводства у древнейшего степного населения региона (Мерперт, 1974, с. 110).

Важным аргументом в пользу данного заключения служат находки однотипных колес от повозок или их остатков. К этой же категории находок, вероятно, следует отнести и глиняные модели колес, изредка встречаемые в захоронениях энеолита-бронзы. К началу 1990-х годов в Северном Причерноморье и Предкавказье было учтено 248 погребений, в которых находились целые и разобранные повозки или их детали. При этом 70 % из них приходится на комплексы раннего бронзового века, а 30 % связано с различными катакомбными культурами (Избицер, 1993, с. 6). Показательно, что 2/3 всех находок повозок сосредоточено на территории Предкавказья, где абсолютное большинство из них (120 из 165) было обнаружено в Прикубанье и связывается с новотиторовской (Гей, 1999, с. 80–81; 2000, с. 175–191) или кубано-днепровской культурой (Николаева, Сафронов, 1983, 43–83). На этом фоне общее число открытых в СЗП аналогичных комплексов является незначительным. На 2000 погребений энеолита – начала средней бронзы здесь отмечено 7 памятников, в которых находились деревянные колеса от повозок. Все они обнаружены только в ямных захоронениях и ни разу не были встречены в катакомбных. В целом же здесь известно 13 местонахождений, содержавших 16 комплексов с повозками (Яровой, 2000).

Практически все колеса были уложены на углах уступов захоронений. Если же их было меньше четырех, то они укладывались плашмя или стоя на уступе, возле коротких стен погребальных камер. Здесь они образовывали единое целое с деревянным перекрытием. Отмечен лишь единственный случай, когда колеса находились непосредственно в погребальной камере, где они стояли вертикально и были прислонены к длинным стенам (Етулия, 1/14). Этот случай заслуживает особого внимания, так как размеры уступа (5,8х3,7 м) и самой ямы (3,05х1,8х1,75 м) в несколько раз превышали средние размеры аналогичных конструкций и позволяли поместить в нее всю кибитку целиком. Вероятно, это и было сделано, о чем свидетельствуют остатки деревянного каркаса на дне и нетипичное положение погребенного. По утверждению автора, он лежал «вытянуто, головой вниз». Однако приведенный чертеж убеждает, что костяк сильно пострадал при обрушении перекрытия (Серова, 1981, с. 67–68, рис. 4). Скорее всего, он находился внутри кибитки, помещенной в погребальную камеру, и впоследствии рухнул на дно, где был расплюсчен грунтом насыпи. Во всех остальных случаях повозка, вероятно, разбиралась на части, а ее колеса горизонтально или под углом укладывались по углам уступа.

Иногда на уровне перекрытия удавалось зафиксировать и другие детали ее конструкции – дышла, остатки платформы (?) и т.д. (Петрешты, 3/9; Никольское, 7/33).

Устойчивое положение колес на уступах позволяет интерпретировать эти комплексы как имитацию своеобразной повозки с погребенным внутри. Для этих целей могло служить нередкое перекрытие циновками погребальной камеры, а также обкладка стен тростниковыми матами. При этом в подавляющем большинстве случаев циновки укладывались под деревянным перекрытием, что не могло надежно изолировать основную яму от грунта насыпи. Никакими конструктивными целями нельзя объяснить и установку вертикальных кольев по периметру ямы. Из-за своего небольшого диаметра (в среднем до 5 см), они не могли серьезно укреплять деревянный или каменный настил над захоронением, но вполне способны были удерживать растительную обкладку стен, напоминающую внутренность повозки. По мнению некоторых исследователей, фиксируемые иногда остатки деревянных конструкций над погребальными ямами представляют собой имитацию кибитки, которая (как и колесница, а позднее – конь) служит средством для души умершего совершить путь из земной сферы в сферу небесную (Кузьмина, 1972, с. 137; Трифонов, 1983, с. 28; Кожин, 1985, с. 173). Полученные нами материалы не противоречат, а скорее подтверждают эти предположения. Опираясь на индоевропейскую мифологию, весь обряд можно представить в виде проводов умершего. Последнему предстоит «путешествие в повозке» в потусторонний мир, где основные занятия душ умерших и окружающая обстановка напоминают прижизненные реалии скотоводческих обществ (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 823–824). Подобную трактовку подтверждают и последние разработки исследователей, в частности, предложенная недавно А.Н. Геом схема «трех постелей», согласно которой могильное сооружение (яма, катакомба) соответствует заупокойному жилищу-повозке (Гей, 1999, с. 78–113).

Однако, вопрос о конкретных функциях повозок и их символическом значении до сих пор не нашел однозначного решения. Большинство исследователей склонно выделять захоронения с повозками из общей массы погребальных памятников. Так, «в ямных и катакомбных захоронениях с повозками (и заменяющими их колесами или черепами и ногами запряжных животных) следует видеть погребения родовой знати», – считает Е.Е. Кузьмина. Повозками, по ее мнению, сопровождалась представительница военной верхушки (Кузьмина, 1972, с. 137; 1974, с. 83–87; 1986, с. 185). Подобную точку зрения разделяют и другие специалисты (Массон, 1973, с. 108–110; 1976, с. 165–168; Гудкова, Черняков, 1981, с. 48–49; Чередниченко, 1989, с. 246; 1991, с. 42–43; Иванова, Цимиданов, 1993, с. 26). Существует также мнение, что комплексы с повозками свидетельствуют о «сильной жреческой власти» (Алексеева, 1991, с. 22). Однако анализ аналогичных памятников на территории СЗП заставляет с осторожностью относиться к указанным заключениям.

Говорить о каких-либо принципиальных отличиях указанных погребений от общей массы захоронений данного времени вряд ли возможно. Они не выделяются ни богатством и количеством инвентаря, ни особыми конструктивными отличиями. Достаточно лишь указать, что половина из них вообще не содержала каких-либо находок, а в остальных были обнаружены немногочисленные и стандартные изделия. Мнение, что повозки сопровождали захоронения вождей не подтверждается рядом антропологических определений: наряду с мужскими, они оказались связанными с женскими (Холмское, 2/10) и даже детскими (Тараклия, 18/10; Богатое, 1/6) погребениями. Попытки объяснить подобные комплексы с детьми наследованием социального статуса не представляются достаточно убедительными (Кузьмина, 1986, с. 185; Иванова, Цимиданов, 1993, с. 26, 31). Особые сомнения вызывает принадлежность женщин к сословию «вождей и военной верхушки» в патриархальном обществе. Нельзя также не отметить, что большинство подобных захоронений оказалось впускными, и не связано с курганным строительством. Тем не менее, определенная стратиграфическая закономерность находок колес все же наблюдается. Видимо не случайно они ни разу не были найдены в центральных погребениях курганов. Но над 7 из них совершены очередные досыпки насыпи. В двух случаях эти захоронения были основными для второй насыпи, в четырех – для третьей и в одном – для четвертой.

Подобная картина характерна и для аналогичных комплексов степного Прикубанья. «Анализ инвентаря из погребений с повозками показал, что ни в категориальном, ни в количественном отношении он не отличается от инвентаря других обрядовых групп. В пределах своей группы погребения с повозками и без, связанные с сооружением насыпи или досыпки, практически идентичны» (Трифонов, 1983, с. 28–29).

Полученные данные позволяют объяснить появление повозок в подкурганных памятниках не столько социальными, сколько экономическими причинами. В настоящее время можно утверждать, что потребность в транспорте и уровне его развития определяется внутренними факторами, в первую очередь, уровнем развития экономики того общества, которое стало испытывать экономическую потребность в подобном транспорте (Чередниченко, 1991, с. 41). Стратиграфические наблюдения позволяют связать его широкое распространение в основном с позднейшими и постъямными племенами.

Их отсутствие в катакомбной культуре региона может иметь свое объяснение. Согласно одной из гипотез, в раннем бронзовом веке произошло зарождение символа «погребение-повозка», цель которого достигалась использованием реальных атрибутов (помещение колес или повозки в погребальную камеру). В раннекатакомбное время продолжается использование реальных деталей, хотя и делается необязательным (отсюда и 30 % катакомбных повозок от общего числа находок). Наконец, в культурах развитого и позднего этапов катакомбной КИО этот символ действительно становится таковым, что приводит к исчезновению

повозок из погребального обряда (Гей, 1999, с. 108). Их отсутствие в достаточно представительной серии катакомбных памятников СЗП подтверждает эту гипотезу и косвенно свидетельствует о ее принадлежности к позднему этапу развития данной культуры.

Судя по обнаруженным фрагментам, повозки имели массивную форму и вполне могли заменять кочевнику дом. Указанная категория находок в первую очередь символизирует освоение степных пространств и отражает основной вид экономики обитателей степей. С другой стороны, она является уникальным источником для реконструкции идеологических представлений древнейших скотоводческих племен.

Большое значение для палеоэкономических исследований имеют данные остеологии, которые представлены исключительно следами заупокойной пищи в захоронениях. Как в ямной, так и в катакомбной культуре основное их число принадлежит домашним животным – 85 %, в то время как на диких приходится всего лишь 15 %. В погребениях энеолитической эпохи кости домашних животных составляют 72 %, а диких – 28 %. Это свидетельствует о том, что охота у данных племен играла второстепенную роль. Только в одном энеолитическом захоронении были обнаружены кости рыбы, отразившие занятие рыболовством. В погребальных комплексах этого времени большинство составляют кости КРС – 46 %. Несколько реже встречаются кости МРС – 39 %, а также лошади – 15 %. В погребениях ямной культуры кости козы-овцы занимают 32 %, в то время как доминируют кости КРС, составляющие почти половину среди домашних животных – 47 %. Значительно реже встречаются кости лошади – 14 %. Близкая картина отмечена и в катакомбных памятниках. В них также преобладают кости КРС – 41 %, второе место занимает МРС – 35 %, и третье – лошадь – 18 %. (Яровой, 2000). Наличие коневодства у ямных и катакомбных племен не вызывает сомнений (Лагодовська, 1961, с. 18; Мерперт, 1974, с. 115), однако относительно редкая встречаемость костей коня свидетельствует, в первую очередь, о транспортном, а не мясном использовании лошади.

Следует особо отметить, что число подкурганых захоронений с костями животных крайне незначительно по сравнению с их общим количеством. Так, они встречались в среднем в каждом 8-ом погребении энеолитического времени (всего 24 или 12,4 % выборки), каждом 28-ом захоронении ямной культуры (всего 43 или 3,56 % выборки) и в каждом 10-ом погребении катакомбной культуры (всего 30 или 9,9 % выборки). По мнению некоторых специалистов, малое число захоронений с костями домашних животных следует рассматривать как свидетельство того, что скот находился еще в общественном, родовом, а не личном владении (Лагодовська, 1961, с. 24–26).

Учитывая относительно редкую встречаемость остеологических источников, вряд ли можно делать окончательные выводы о составе стада у рассматриваемых племен. Полученные данные весьма относительны, должны коррелироваться с другими материалами и, скорее всего,

отражают не действительный состав стада, а лишь определенные тенденции в развитии скотоводства. В то же самое время нельзя не обратить внимания на то, что во всех крупных культурно-хронологических объединениях распределение костей домашних животных оказалось почти одинаковым: первое место занимает КРС (46 %, 47 %, 41 %), второе – МРС (39 %, 32 %, 35 %) и третье – лошадь (15 %, 14 %, 18 %) (Яровой, 2000).

Вряд ли подобное совпадение следует считать случайностью. Несмотря на относительно небольшую статистическую выборку, наиболее вероятным все же представляется объективное отражение существующей реальности. По мнению некоторых исследователей, первым одомашненным животным, не считая собаки, был бык, затем МРС (коза-овца) и свинья, а последним – конь. Анализ полученных остеологических материалов доказывает тезис, что «экономическое преобладание в составе стада населения неолита-эпохи бронзы неизменно принадлежало быку» (Лагодовська, 1961, с. 18–19).

Этот вывод подтверждается важным наблюдением Е.Е. Чередниченко, который отметил наличие захоронений с повозками исключительно в степной полосе Восточной Европы и их отсутствие в лесостепи. Картографируя отмеченные комплексы, он пришел к заключению о их связи с хозяйством, основанном на разведении КРС при наличии других непрофилирующих животных. По его мнению, «наибольшую потребность в колесном транспорте испытывал именно этот тип скотоводческого хозяйства, а в хозяйстве, основанном на разведении МРС, наиболее употребляемым был, очевидно, вьючный транспорт» (Чередниченко, 1991, с. 41–42). Показательно, что в памятниках ямной культуры Волжско-Уральского региона, где, за единственным исключением, не было обнаружено колес или повозок, первое место принадлежало овцеводству (87 % от числа домашних животных, что в 10 раз больше костей КРС) (Мерперт, 1974, с. 104). Как уже было отмечено, в СЗП наблюдается совершенно иная картина.

Одинаковые по своей производственной сути скотоводческие хозяйства различаются между собой видами профилирующих животных. В данном случае наиболее представительным является тип, основанный на доминировании КРС. Считается, что он сложился под влиянием Древнего Востока, так как в степи фоновым животным в позднем неолите был бык. Этот тип хозяйства позволял скотоводам заниматься и земледелием, имеющим вспомогательное значение. Скотоводство оставалось профилирующей областью и имело отгонный характер (Чередниченко, 1989, с. 245–246). Существует также точка зрения о подвижности небольших групп ямного населения СЗП, обусловленной ведущим значением животноводства, но не имеющей ничего общего с номадизмом (Кузьминова, Петренко, 1989, с. 120). По мнению других исследователей, в степи доминировало пастушеское хозяйство, при котором особое значение получает молочное направление (Даниленко, Шмаглий, 1975, с. 34). В то же время, некоторые ведущие специалисты, разрабатывавшие данную проблематику, оставляют вопрос о форме скотоводства в евразийских степях

открытым (Шнирельман, 1980, с. 241). В настоящее время делать окончательные выводы представляется преждевременным. С одной стороны, все отмеченные домашние животные, и в первую очередь козы-овцы, хорошо приспособлены к засушливым условиям степей и к далеким передвижениям. Столь характерный состав стада и отсутствие здесь костей свиньи свидетельствуют в пользу подвижных форм скотоводства, а открытие в ряде погребений деревянных колес и деталей от повозок позволяет говорить об использовании некоторых животных в качестве тягловой силы. Наконец, распространение единых форм погребального обряда в гигантской степной полосе Восточной Европы могло быть результатом лишь мобильного образа жизни древнейших племен.

С другой стороны, об определенной оседлости могут свидетельствовать недавно полученные факты. Как показали последние исследования, определенную роль в хозяйстве местных скотоводческих племен играло и земледелие. В значительной степени неожиданными явились результаты палеоботанического изучения керамики из курганов Нижнего Поднестровья (Кузьминова, 1990, с. 261–264; Яровой, 1990а, с. 220). На стенках некоторых сосудов ямной и катакомбной культур были отмечены отпечатки культурных, сопутствующих им сорных и дикорастущих растений. В отдельных случаях сохранились обугленные остатки зерен. В частности, отпечатки растительного происхождения были обнаружены на 16 из 26 сосудов ямной культуры и 7 из 7 сосудов катакомбной культуры. Проведенный анализ показал, что на керамике хорошо отпечатались зерна пшеницы однозернянки, двузернянки, мягкой карликовой, а также ячменя, проса, овса, чины и гороха. Кроме этого, на сосудах были найдены отпечатки зерновок кизила, чины и щетинника, а также мякины злаков, следы фрагментов соломы и чешуй злаков, оставшихся от обмолота (Яровой, 1991а, с. 88–89). Среди отпечатков на керамике первое место занимает просо (55 %), второе – пшеница различных сортов (35 %) и третье – ячмень (6,5 %). Несмотря на малочисленность и в определенной степени случайность выборки, она реально отражает сложившуюся ситуацию.

По мнению Н.Н. Кузьминовой, преобладание проса среди других культурных растений объясняется его засухоустойчивостью. Данные палинологии свидетельствуют о сухом климате в этот период, причем в данном регионе преобладали разнотравно-полынно-маревые степи, а леса находились в пойме Днестра и имели ограниченное распространение. Кроме того, просо, как и пшеница, устойчиво к различным заболеваниям и обладает высокой калорийностью. Проведенный палинологический анализ содержимого некоторых сосудов из захоронений эпохи бронзы показал в них наличие пыльцы культурных злаков хорошей сохранности, обладающих набором морфологических признаков, отличающим ее от пыльцы дикорастущих. Учитывая ее слабую летучесть, следует констатировать, что перенос пыльцы от места произрастания растений был невелик, и посеvy находились недалеко от курганов. Важным является и присутствие

следов сорняков, которые произрастали на вытоптанном человеком грунте, являясь как рудеральными видами, так и засорителями посевов. Наличие пыльцы в столь значительном количестве в содержимом сосудов также указывает на существование посевов на данной территории. Показательно, что состав культурной флоры для данных культур почти однороден: это в первую очередь просо и пленчатые пшеницы (Кузьминова, 1990, с. 262–263).

Казалось бы, не исключена возможность, что эти посевы могли принадлежать земледельческим соседям скотоводческих племен, а зерно появлялось у них в результате межплеменных обменов. Однако использование в керамической массе растительных остатков после уборки и обмолота урожая определенно свидетельствует, что скотоводы данного региона занимались земледелием самостоятельно. Действительно, вряд ли было целесообразно обмениваться снопами, а не приготовленным зерном. В данном случае наличие следов обмолота на керамике гораздо важнее отпечатков самих зерновок, которые могли попасть в керамику и случайно. Следовательно, наличие на сосудах отпечатков зерновок культурных злаков, мякины, следов обмолота, а также находки в их заполнении пыльцы от культурных растений близлежащих посевов объективно показывает, что население двух отмеченных культур занималось не только скотоводством, но и земледелием.

Незначительное число отпечатков кизила и яблони-груши, несомненно, свидетельствует, что местные скотоводы занимались и собирательством (Кузьминова, 1990, с. 265).

Приведенные результаты палеоботанических исследований весьма выразительны и позволяют более полно характеризовать хозяйственный уклад ранних скотоводческих культур. Факты существования земледелия у народов эпохи раннего металла уже отмечались в различных регионах восточноевропейских степей. Так, в памятниках усатовской группы Маяки и Усатово-Большой Куяльник в палеоботанических материалах также преобладают отпечатки проса, которое, возможно, было основной культурой усатовского земледелия (Кузьминова, Петренко, 1989, с. 119). В этой связи закономерным представляется фиксация на сосудах ямной культуры из захоронений у сс. Беляевка, Глубокое, Каменка II и Новоградовка в Нижнем Поднестровье отпечатков зерен, вилочек и соломы проса, карликовой пшеницы, однозернянки и ячменя. Следы зерновок культурных растений (пшеница и просо) были отмечены в керамике катакомбной культуры из погребения 1/7 у с. Мирное (Кузьминова, Петренко, 1989, с. 120). Эти данные полностью совпадают с результатами, полученными при изучении аналогичных памятников из курганов Нижнего Поднестровья в Молдавии. В этом случае получают свое объяснение не столь уж редкие находки каменных зернотерок в насыпях курганов эпохи ранней бронзы (к. 1 у с. Градиште, к. 5 у с. Оланешты, к. 4 у с. Чобручи, к. 1 у пос. Слободзея и др.), а также кремневых жатвенных ножей на пластинах и вкладышей составных ножей, палок-копалок в захоронениях.

По данным палеоботаников, племена ямной и катакомбной культур на территории Украины выращивали в основном пшеницу-двузернянку и пленчатый ячмень. Кроме них, им известны были также пшеница-однозернянка, ячмень и просо (Пашкевич, 1989, с. 173). В этой связи следует особо отметить, что в Поднепровье на поселениях ямной культуры были обнаружены мотыги, зернотерки и растиральники (Шапошникова, 1985, с. 338–343). Особенно выразительными находками представляются кремневые серпы из Михайловского поселения (Лагодовська и др., 1962). Обращает на себя внимание и значительное количество орудий размола – пестов, терочников и составных зернотерок – в ямных захоронениях Орельско-Самарского междуречья (Ковалева, 1984, с. 92, рис. 13).

В свете полученных данных с новой стороны встает вопрос о характере скотоводства у степных племен эпохи ранней бронзы. Скотоводческая основа хозяйства у них не вызывает сомнения. Но учитывая результаты палеоботанического изучения керамики этих культур, следует с новых позиций вернуться к решению этой важной и неоднозначной проблемы, определив место земледелия в хозяйственной деятельности скотоводческих народов. Полученные в СЗП материалы позволяют предположительно говорить о подвижности всего населения с фиксированными маршрутами и, вероятно, постоянными зимниками при отсутствии стационарных поселений (форма номадизма, характеризующаяся преобладанием скотоводства при вспомогательной роли земледелия) (Khazanov, 1978, p. 125).

Редкие находки костей диких животных свидетельствуют, что охота играла незначительную роль. Однако, в энеолитических комплексах они составляли почти треть (28 %) всех остеологических материалов. Значение охоты резко падает – почти в два раза – в эпоху ранней и средней бронзы (15 %). Но судить о ее развитии лишь по находкам в закрытых археологических комплексах неверно. Наверняка она занимала более значительное место в жизни древних скотоводов, чем получила отражение в погребальном обряде. Здесь следует учитывать специфику охотничьего промысла, когда туша убитого животного разделялась на месте, где и оставалось большинство костей. Тем не менее, по остеологическим материалам в захоронениях, а также по некоторым украшениям мы можем судить, что основными объектами охоты являлись средние и мелкие животные: благородные олени, дикие кабаны, волки, птицы, зайцы и бобры. Определенное место, вероятно, занимала и рыбалка.

Крайне интересные результаты дал трассологический анализ некоторых изделий. К сожалению, он охватил незначительное число орудий труда, но показал их комплектность в захоронениях. Так, по заключению Г.Ф. Коробковой, в энеолитических погребениях 9/10 и 9/14 у с. Красное были обнаружены два набора кремневых инструментов: в одном – для обработки дерева, в другом – для обработки шкур. Единственное орудие из соседнего захоронения 9/9, по ее мнению, также представляло собой кремневое сверло для дерева (Серова, Яровой, 1987, с. 55, 57, 64, рис. 25/3, 27/2–10, 30/7–9). С определенной осторожностью можно

говорить, что в этом кургане находились захоронения плотников и кожевенника. Множество специализированных кремневых орудий и ретушер из зуба лошади находились и в синхронном комплексе 2/2 у с. Костешты, что позволило трактовать его как погребение «мастера» по изготовлению орудий труда и оружия из кремня (Дергачев, 1982, с. 11–13, 127). В ямных захоронениях 1/11 и 7/2 у с. Бравичены были найдены наборы кремневых инструментов для обработки дерева: строгальный нож, скобель и боковой скребок-резчик (заключения Г.Ф. Коробковой) (Ларина и др., 2008, с. 10, 39, рис. 4/6–7, 19/6). По определению Н.Н. Скакун, в позднем погребении 17/43 у с. Вишневое также находились инструменты из кремня для деревообработки: строгальный нож, пила и скребок (Дворянинов и др., 1985, с. 163).

Следует особо подчеркнуть, что в данном случае отмечены лишь те памятники энеолита-ранней бронзы, материалы из которых подверглись трассологическому изучению. Показательно, что ни в одном из них не было зафиксировано смешанного набора орудий, предназначенных для обработки различных материалов. Это предварительное наблюдение также позволяет говорить о возможной специализации погребенных. В настоящее время хорошо известны многочисленные комплексы мастеров катакомбной культуры (литейщиков, гончаров, «оружейников» и других), свидетельствующих о развитии ремесла у этих племен (Агульников, 1990, с. 3–4; Бочкарев, 1975, с. 65–68; Ключинцев, 1991, с. 254–261; Николова, Бунятян, 1991, с. 128–136 и др.). Подобных свидетельств несравнимо меньше для предшествующих культур. Однако если сравнить общее число захоронений с наборами кремневых изделий с количеством их трассологических определений, то можно констатировать, что в этом направлении нас могут ожидать любые открытия. Отмеченные факты позволяют не только ставить вопрос о развитой специализации, но и предположить выделение у скотоводческих племен ремесленного производства еще в энеолитическую эпоху.

Анализ отмеченных вопросов стал возможен после значительного расширения и комплексной обработки источниковедческой базы. Многие из них еще далеки от своего окончательного решения. Однако новое накопление материалов, без сомнения, приведет к более аргументированной реконструкции материальной и духовной жизни древних скотоводов.

Литература

Агульников С.М., 1990 – Погребение «мастера» катакомбной культуры в кургане у с. Никольское // Проблемы изучения катакомбной КИО, Запорожье

Алексеева И.Л., 1991 – Трансформация идеологических представлений древнейших земледельцев и скотоводов Северо-Западного Причерноморья как результат контактов в IV–III тыс. до н.э. // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур, Киев

Артамонов М.И., 1977 – Возникновение кочевого скотоводства // Проблемы археологии и этнографии, вып. 1, Ленинград

Бочкарев В.С., 1975 – Погребения литейщиков эпохи бронзы // 150 лет Одесскому Археологическому музею АН УССР, Киев

Бучинский И.Е., 1963 – Климат Украины в прошлом, настоящем и будущем // Киев

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс., 1984 – Индоевропейский язык и индоевропейцы // Тбилиси

Гей А.Н., 1999 – О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений, М.

Гей А.Н., 2000 – Новотиторовская культура // М.

Гольберт А.В., 1990 – Отчет о научно-исследовательской работе «Геология, абсолютный возраст и палеогеография погребенных почв курганов эпохи бронзы» // УДК: 551.794 (478.9), Кшн.

Городцов В.А., 1905 – Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 г. // Тр. XII АС, т. 1, М.

Гудкова А.В., Черняков И.Т., 1981 – Ямные погребения с колесами у с. Холмское // Древности Северо-Западного Причерноморья, Киев

Даниленко В.М., Шмаглий Н.М., 1975 – Воспроизводящее хозяйство и географическая среда в эпоху энеолита // 150 лет Одесскому Археологическому музею АН УССР, Киев

Дворянинов С.А. и др., 1985 – Дзиговский А.Н., Субботин Л.В. Раскопки курганной группы у с. Вишневое // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья, Киев

Дергачев В.А., 1982 – Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975–1976 гг.) // Кшн.

Збенович В.Г., 1974 – Позднетрипольские племена Северного Причерноморья // Киев

Золотун В.П., 1972 – Результаты палеогрунтовых досліджень курганів поблизу Каховки в 1968 р. // Археологія, № 6.

Золотун В.П., 1974 – Развитие почв юга Украины за последние 50–45 веков // Автореф. дисс... д-ра с.-х. наук, Киев

Иванова С.В., Цимидапов В.В., 1993 – О социологической интерпретации погребений с повозками ямной культурно-исторической общности // Археологический альманах, № 2, Донецк

Избицер Е.В., 1993 – Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа III–II тыс. до н.э. // Автореф. на соиск. уч. степ. к.и.н., Спб.

Клюшинцев В.Н., 1991 – Погребение литейщика на реке Ингулец // Сб: ККСП, Киев

Ковалева И.Ф., 1984 – Север Степного Поднепровья в энеолите – бронзовом веке // Днепропетровск

Кожин П.М., 1985 – К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя Анатолия, М.

Кузьмина Е.Е., 1972 – Находки колес в ямных погребениях и вопрос об этногенезе индоиранцев, их религиозных представлениях и социальной структуре общества // Результаты польових археологічних досліджень 1970–1971 років на території України, (тези), Одеса

Кузьмина Е.Е., 1974 – Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // ВДИ, № 4.

Кузьмина Е. Е., 1986 – Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня // Фрунзе

- Кузьминова Н.Н., Петренко В.Г., 1989* – Культурные растения на западе Степного Причерноморья в середине III – II тыс. до н.э. (по данным палеоботаники) // Проблемы истории та археології давнього населення Української РСР, Київ
- Кузьминова Н.Н., 1990* – Палеоэтноботанический и палинологический анализы материалов из курганов Нижнего Поднестровья // Мон: Яровой Е.В. Курганы энеолита – эпохи бронзы Нижнего Поднестровья, Кшн.
- Лагодовська О.Ф., 1961* – До питання про розвиток скотарства у степовій смузі Східної Європи в епоху раннього металу // Археологія, т. XII, Київ
- Лагодовська О.Ф. и др., 1962* – Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л. Михайлівське поселення // Київ
- Ларина О. и др., 2008* – Манзура И., Хахеу В. Брэвиченские курганы // Кшн.,
- Массон В.М., 1973* – Древние гробницы вождей на Кавказе // Кавказ и Восточная Европа в древности, М.
- Массон В.М., 1976* – Экономика и социальный строй древних обществ // Л.
- Мерперт Н.Я., 1974* – Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья // М.
- Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1983* – Проблемы появления колесного транспорта в Европе. Древнейшие повозки Восточной Европы. Выделение днепро-кубанской культуры – культуры древнейших кочевников Восточной Европы // Кочевники Азово-Каспийского междуморья, Орджоникидзе
- Николова А.В., Бунятян Е.П., 1991* – Погребение «мастера» с Никопольщины // Катакомбные культуры Северного Причерноморья, Киев
- Лачоский И., 1910* – Основные черты развития флоры юго-запада России // Херсон
- Пашкевич Г.О., 1989* – Реконструкція асортименту культурних рослин епохи неоліту-бронзи на території України // Сб: Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР, Київ
- Серова Н.Л., 1981* – Исследование кургана у с. Етулия // Археологические исследования в Молдавии в 1974–1976 гг., Кшн.
- Серова Н.Л., Яровой Е.В., 1987* – Григориопольские курганы // Кшн.
- Трифонов В.А., 1983* – Погребения с повозками эпохи палеометалла в степном Прикубанье // Новые экспедиционные исследования археологов Ленинграда, Л.
- Чередниченко Н.Н., 1989* – О социально-экономическом развитии степных племен в эпоху раннего металла // Сб: Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР», Київ
- Чередниченко Н.Н., 1991* – О роли колесного транспорта в хозяйстве и погребальном обряде степных племен в эпоху бронзы // Древняя история населения Украины, Киев
- Шапошникова О.Г., 1985* – Ямная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР, т. 1, Киев
- Шнирельман В.А., 1980* – Происхождение скотоводства // М.
- Яровой Е.В., 1990a* – Курганы энеолита-эпохи бронзы Нижнего Поднестровья // Кшн.
- Яровой Е.В., 1991a* – К вопросу о земледелии у скотоводческих племен Северо-Западного Причерноморья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья, Киев
- Яровой Е.В., 2000* – Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла // Автореф. дисс... докт. ист. наук, М.
- Khazanov A.M., 1978* – Characteristic Features of Nomadic Communities in the Eurasian Steppes // The Nomadic Alternative. Modes and Models of Interaction in the African-Asia Desert and Steppes, Paris

Изображение повозки из погребения раннебронзового века Надпорожья

Ковалева И. Ф. (Днепропетровск)

Блестящая эрудиция, основанная на глубоких разносторонних знаниях, редкое чувство «временного» положения нового материала, обостренная интуиция были основными качествами Владимира Александровича как исследователя. К сожалению, иногда они сочетались с известным пренебрежением деталями, что вызывало естественную реакцию отторжения сделанных им выводов: «вот видите, он ошибается, он неправ в малом – следовательно, и в целом». Неординарность предлагаемых ученых объяснений вызывала непонимание, а последнее – раздражение, в первую очередь от сознания собственной неполноценности.

По моему мнению, объяснение следует искать в другом – в устремленности автора вперед, к главной цели. «Жизнь взахлеб», вопреки правил и личного блага роднит Владимира Александровича Сафронова с моим учителем в археологии В.Н.Даниленко, о котором один из «мэтров» сказал: «враг собственной судьбы».

В нашей среде плохо приживаются историографические исследования, разве что в последние десятилетия появляются работы, в которых находим психологические портреты действовавших в науке персонажей – давних и наших современников. Обращаясь к жизни и творчеству названных выше ученых, понимаешь неслучайность совпадений в избранных Даниленко и Сафроновым направлений исследований: азово-черноморской линии в развитии культур энеолита – ранней бронзы Степи, повышенному интересу к влияниям Кавказа и Востока, этноистории, в частности, сопоставлению лексико-этимологических и археологических данных.

И одинаково трагична судьба обоих: снисходительное признание современников и критика, или забвение в наши дни. Автор придерживается взглядов своих выдающихся предшественников.

Находка рисунка повозки, заслуживающая самого пристального внимания, происходит из погребения № 6 кургана 7 группы I у с. Новониколаевка Солоньянского района. Из восьми насыпей могильника описываемый курган являлся наиболее значительным, достигая высоты 4 м при диаметрах 46 и 40 м, и был возведен в пять строительных приемов (Ковалева, Шалобудов, 1990, с. 24–30). Основным являлось энеолитическое постмариупольское погребение № 7, могила и материковый выкид которого зафиксированы на уровне ДГ. Яма вытянуто-овальной формы размерами 2,25×0,75 м и глубиной 0,6 м ориентирована по оси СВ–ЮЗ. Скелет взрос-

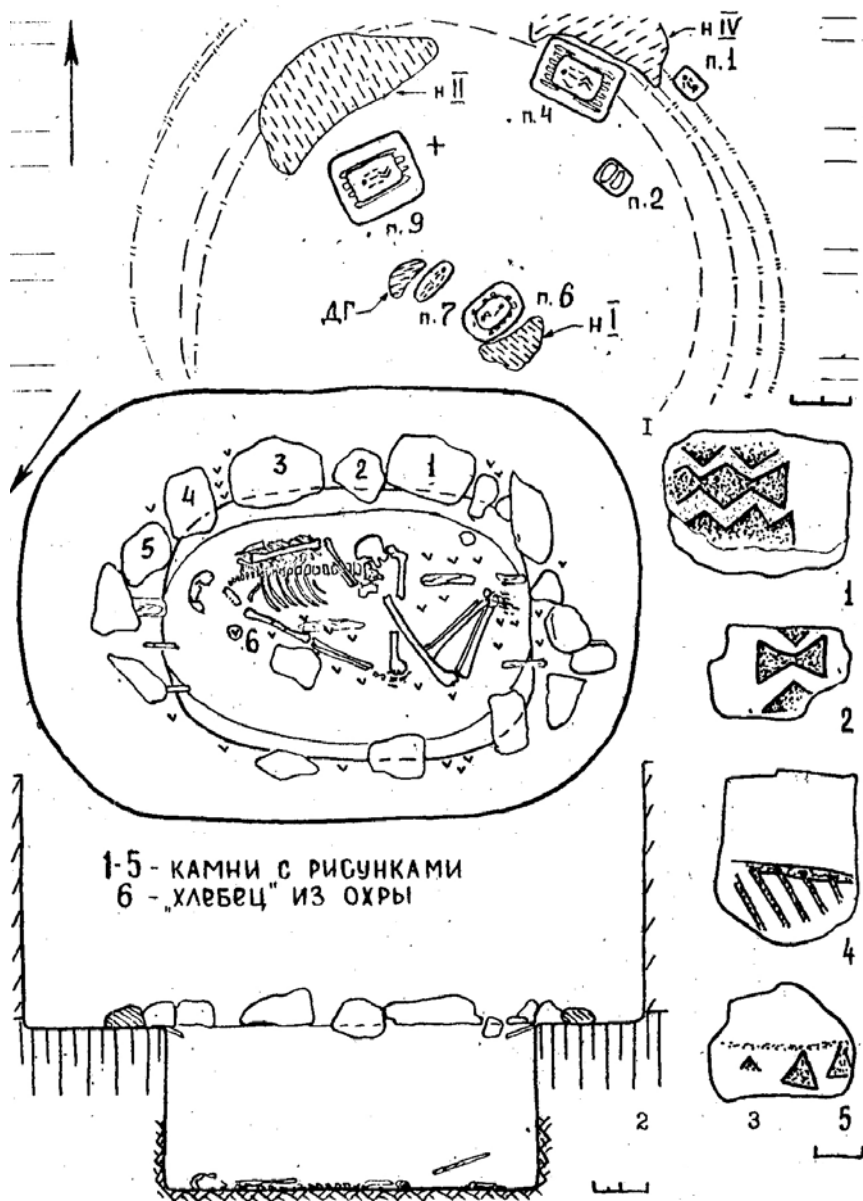

Рис. 1. Курган № 7 у с. Новониколаевка: 1 – общий план кургана; 2 – погребение № 6; 3 – рисунки на камнях перекрытия могилы погребения № 6.

лого лежал на спине в СВ ориентации, руки протянуты вдоль туловища, ноги прямые по всей длине. Весь скелет окрашен ярко-алой охрой, рассеянной и на дне могилы. Относящаяся к погребению первичная насыпь сложена из вальков дерна и долго оставалась открытой, о чем свидетельствует белесая прослойка погребенной растительности на ее поверхности.

С уровня первичной насыпи впущено погребение № 6, с которым связана находка изображения повозки. Входная яма овальной формы размерами 2,6×1,7 м ориентирована по оси СВ–ЮЗ. На глубине 1,05 м с уровня впуска, вдоль стен, был оставлен уступ, на котором лежали камни, прижимавшие край полога из кожи, сохранившейся в виде тлена ржаво-коричневого цвета. На пологе охрой двух цветов – розового и алого – был нанесен рисунок, частично отпечатавшийся на нижней поверхности камней под № 1–5 (рис. 1.2). Полог поддерживался тонкими сегментовидными в сечении жердями, лежавшими по длине ямы. Ниже уступа размеры могилы составили 1,55×1,05 м, ко дну стенки слабо скошены. Дно на глубине 0,65 м от уступа и 1,7 м с уровня впуска было посыпано охрой специфического розового цвета, типичной для постмарипольских погребений.

Скелет мужчины лежал на правом боку с поворотом на спину, черепом ориентирован к СВ. Правая рука протянута по направлению к коленям умеренно согнутых ног, левая – кистью положена к тазу. Посткраниальный скелет окрашен алой охрой, у правого плеча лежал кусок такой же по цвету охры яйцевидной формы размерами 4×3 см (рис. 1.2).

Для погребения № 6 произведена небольшая по объему входившего в нее грунта досыпка, увеличившая насыпь в направлении В–З до 24 м и высоту до 1,5 м. Судя по затечному характеру грунта, он брался из околосурганной западины первичной насыпи. Следующим по времени впуска являлось ямное погребение № 9 (рис. 1.1). Входная яма широтной ориентации имела размеры 3,4×2,7 м; на глубине 1,8 м с уровня впуска был оставлен уступ, ниже которого могила приобрела прямоугольную форму и размеры 1,7×1,3 м. Дно закрывала подстилка из луба, по которой рассеян мел. Скелет взрослого лежал скорченно на спине в З ориентации, руки протянуты вдоль туловища, ноги упали вправо. С уровня дна в углах и по центру продольных стенок вырыты ямки диаметром 5 см. В погребении найден кремневый наконечник стрелы треугольной формы. Для погребения № 9 произведена досыпка, увеличившая высоту насыпи III до 2,5 м и диаметр по оси В–З до 27 м.

С уровня насыпи III было впущено ямное погребение № 2, проходное могилы которого через насыпь зафиксировано в центральной бровке. Входная яма, размерами 1,5×1,3 м подпрямоугольной формы, на глубине 1,4 м с уровня впуска оставлен уступ, на котором лежали две гранитные плиты перекрытия и деревянная плаха. Размеры могилы ниже уступа 1,2×0,9 м, дно на глубине 0,8 м, на нем сохранились остатки подстилки из луба. Скелет ребенка истлел, ориентация восстанавливается как СЗ. У черепа произведена посыпка охрой, под ЮЗ стенкой лежал рог, служивший

землеройным орудием (рис. 1.1). С погребением № 2 связана досыпка, оформившая насыпь IV высотой 3 м диаметром 29,5 м. С ее уровня впущено ямное погребение № 4.

Входная яма подпрямоугольной формы размерами 4,2×2,5 м. На глубине 1,3 м с уровня впуска оставлен уступ, на котором лежали концы шести продольных плах и слой тростника, входившего в перекрытие. Размеры могилы ниже уступа 2,6×1,4 м. Дно на глубине 1,1 м закрывала подстилка из луба, на которой лежал скелет взрослого, черепом ориентированный на СЗ. Руки протянуты вдоль туловища, ноги упали коленями влево, сохранив положение стоп на подошве. Охра окрашивала череп и стопы (рис. 1.1). С погребением № 4 связана досыпка, оформившая насыпь V, которая соответствует, с учетом последующей деструкции, современным размерам кургана. Всего же в нем было исследовано 10 погребений.

Мы так подробно рассмотрели стратиграфию кургана в связи с определенными трудностями в культурном определении интересующего нас погребения № 6. Такие признаки, как обряд, труположение на правом боку при согнутой левой и вытянутой правой руке, форма могилы с овальной входной ямой, уступом и скошенными ко дну стенками, характер перекрытия выступают в качестве культурно-дифференцирующих, отделяющих погребение № 6 как от основного постмариупольского, так и от ямных захоронений кургана. По вышеперечисленным признакам оно может быть интегрировано в выделяемый рядом исследователей массив памятников, для которых, при определенном локальном своеобразии, характерно не только значительное обрядовое единство, но и устойчивое присутствие в инвентаре колесных повозок и амфорной или «протореповидной» керамики. Речь идет о выделяемом Ю.А. Шиловым в Нижнем Поднепровье старосельском типе памятников (Шилов, 1982, с. 105–121), кубано-днепровской (Сафронов, 1989, с. 205–217), новотиторской (Гей, 1991, с. 54–69; 2000) культурах, а также включаемых в них «ямных» (буджакских, по И. Т. Чернякову) погребениях Северо-Западного Причерноморья (Черняков, Тощев, 1985, с. 37–41), части кеми-обинских погребений Крыма (Сафронов, 1989, с. 211), «неямных» группах, выделяемых В. Я. Кияшко для Нижнего Подонья (Кияшко, 1974, с. 7–8). В Поднепровье начальный этап сложения культурного горизонта представлен памятниками животиловского типа (Ковалева, 1991, с. 69–89), поздний – погребениями третьей группы IV типа, по Ю. Я. Рассамакину (Рассамакин, 1992, с. 18). Именно такая значительная широта наблюдаемого культурного явления позволила В.А. Сафронову писать о «проявлениях КДК как в обряде труположения, так и использовании повозки в качестве погребального инвентаря, и в керамической традиции в ареале от Прикубанья до Северо-Восточной Болгарии» (Сафронов, 1989, с. 211), и говорить о миграции индоиранцев из Центральной Европы, а А.Н. Гею вслед за В.А. Сафроновым предположить существование особой этнокультурной области, занимающей «южную периферию ямной культурно-исторической области в полосе от низовьев Дуная до Калмыкии» (Гей, 1991, с. 68–69).

В целом совпадают взгляды перечисленных авторов и на хронологию, определяемую «майкопско-новосвободненским культурным блоком» – раннекатакомбной приазовской культурой. Хронологическое положение кубано-днепровской культуры определяется В.А. Сафроновым путем синхронизации на раннем этапе с майкопской культурой, концом Триполья С1, Нижнемихайловским горизонтом, постмариупольской культурой ее конца. На позднем этапе кубано-днепровская культура «вошла компонентом в ... приазовскую катакомбную культуру. В абсолютных датах это соответствует 2400–1800 гг. до н.э.» (Сафронов, 1989, с. 214). По А.Н. Гею, «датировка новотиторовской культуры находится в рамках 2700–2200 гг. до н.э. (Гей, 1991, с. 67); расхождение в датах обусловлено разницей в принятых хронологических системах.

Естественно, что для нашего исследования представляет интерес вопрос о месте, отводимом памятникам исследуемого района Поднепровья в приведенных схемах. А.Н. Гей пишет, что «сходные со старосельскими погребения встречаются также в Надпорожье.. здесь существуют сложности с их выделением..., пока уверенно опознаются лишь погребения с повозками» (Гей, 1991, с. 69). При этом отрицается существование здесь ранних погребений с восточной и северо-восточной ориентацией, что рассматривается как контраргумент против предполагаемого продвижения «всего массива из Европы на Кавказ». По мысли В.А. Сафронова, «западные памятники КДК древнее восточных». Особое место отводится им майкопскому «древневосточному по происхождению» населению, в процессе продвижения которого к Днепру местными племенами были восприняты усовершенствованная форма колеса и повозки-кибитки (Сафронов, 1989, с. 212).

В связи со сказанным, следует рассмотреть изображение повозки на камне из погребения № 6. Последнее представляет собой зеркальный отпечаток рисунка, первоначально находившегося на коже. Охрой алого цвета в силуэтной манере передано изображение повозки и, возможно, тягловых животных. Небезынтересно, в качестве примера того, что рисунок с кожи мог перейти на камень, привести аналогичную ситуацию с остатками монохромной росписи киноварью, обнаруженными на земляных заплечиках могилы погребения № 11 кургана 3 у ст. Батуринской, куда они, по мнению исследователей, перешли с ткани (Бочкарев В. С. и др., 1983, с. 86, рис. 1.9). Погребение было отнесено к «культурному блоку», одним из определяющих признаков которого является присутствие повозок.

Поскольку плоскость камня неровная, отдельные детали оказались смазанными, хотя в целом изображение достаточно четкое, и не возникает сомнений в том, что перед нами рисунок двухколесной повозки, особенностью которого является показ объекта сразу в двух плоскостях – сверху (в плане) и сбоку как в профиль, так и в аксонометрии. П.М. Кожин специально обращает внимание исследователей графических и живописных изображений повозок на необходимость принимать во внимание особенности передачи на плоскости трехмерных объектов (Кожин, 1985, с. 169), а Е.Е. Кузьмина обращается к работам по психологии детского

творчества в поиске объяснений петроглифов Саймалы-Таш, включавших изображения повозок (Кузьмина, 1986, с. 114–115). Но помимо психологических аспектов и несовершенства передачи объема и перспективы представляется необходимым указать на существование двух стилей в иконографии колесных повозок: профильного, характерного для Передней Азии и Ирана, и планового, распространенного в Евразийской зоне (Кузьмина, 1986, с. 127). Изображение повозки из Новониколаевки как бы сочетает в себе оба этих стиля (рис. 2.1).

«Плановый» рисунок состоит из платформы – основания кузова; делящей ее пополам горизонтальной линии оси, по сторонам которой помещены колеса с широким ободом и крестовиной из пересекающихся в центре досок с фигурным оформлением примыкающих к ободу частей. В передней части показано крепление дышла в виде прямого бруса. Расположение на равном расстоянии от него и на одном уровне пятен охры позволяет предположить в них остатки изображений тягловых животных.

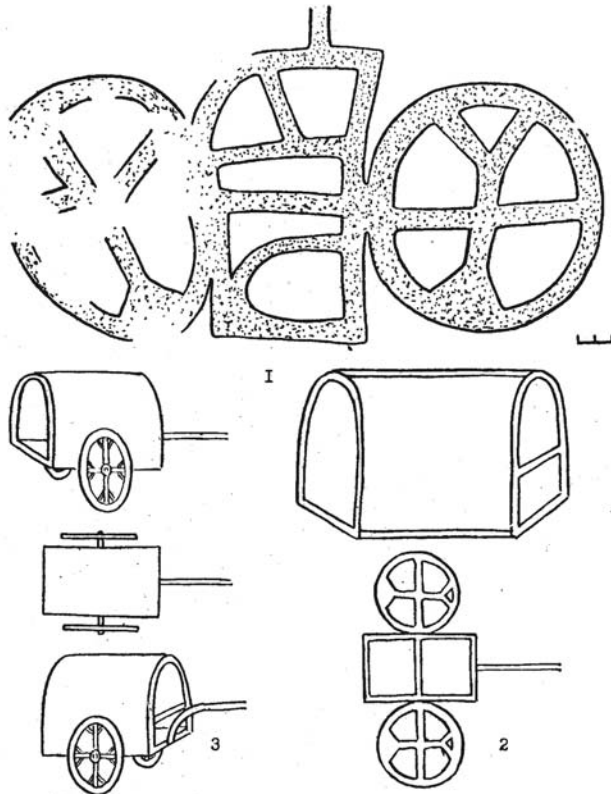

Рис. 2. Изображение повозки из погребения № 6: 1 – рисунок на камне; 2 – элементы рисунка; 3 – предполагаемая реконструкция.

Однако при взгляде «сверху» нельзя объяснить асимметрию общего абриса платформы и особенно ее детали. Непонятными остаются арковидные фигуры, помещенные параллельно торцевым сторонам платформы, закругленность углов. Эти особенности изображения становятся понятными в том случае, если допустить его профильность – повозка показана как бы сбоку, что позволяет увидеть колесо, основание платформы и кузов-кибитку, на боковину которой вынесены изображения, передающие форму арочного сечения кузова, а также распорку в его передней части, возможно, служившую сиденьем для возничего. Дышло при профильном изображении мы видим выходящим из-за кузова, чем объясняется высокое, относительно линии основания платформы, положение. Скорее всего, оно уже было изогнутым, что ослабляло тряску (Кожин, 1985, с. 172).

Таким образом, рисунок реконструирует двухколесную кибитку, фактически – дом на колесах. П.М. Кожин отмечает, что с внедрением фургонов, служивших жилищем кочевникам, повозка могла выполнять функции «погребального дома» (Кожин, 1985, с. 173). Подтверждение сказанному находим в погребальном сооружении основного постмарипольского погребения № 16 кургана 6 группы I у с. Новоалександровка в Надпорожье, которое, по нашему мнению, воспроизводит кузов повозки-кибитки (Ковалева, 1991а, с. 37, рис. 2.4). С появлением кибиток В.А. Сафронов связывает возросшую роль повозок в ритуале племен кубано-днепровской культуры (Сафронов, 1989, с. 213). Особого рассмотрения требует изображение колес, обод и детали крестовин которых переданы широкими линиями. Ступица на рисунке отсутствует; на одной из перекладин крестовины имеют место расширения треугольной формы, в одном из которых показана треугольная прорезь (рис. 2.1).

М.В. Горелик отмечает дискуссионность в определении времени появления колес со спицами (Горелик, 1985, с. 186). В повозках и колесницах из Месопотамии III–II тыс. до н.э., судя по изображениям и археологическим находкам, представлены исключительно дисковые колеса нескольких типов. Вместе с тем названным автором признается, что в конце III тыс. до н.э. уже появляются колеса, состоящие из обода и двух скрещенных широких и плоских брусьев, в одном из которых вырезалась ступица (Горелик, 1985, с. 178). В качестве свидетельства еще более раннего – IV тыс. до н.э. – колеса со спицами приводится рисунок колесницы на сосуде из Тель-Халафа (Кожин, 1985, табл. 2,1), хотя достоверность интерпретации изображения лучистого солнца как колеса оспаривается (Tarr, 1970, с. 30]. В материалах культуры Винча-Турдош Н. Власса также находит свидетельства появления колес со спицами уже в начале III тыс. до н.э. (Vlassa, 1972, p. 58–64). Известны рисунки круга со вписанным крестом на позднетрипольской керамике (Рыбаков, 1981, с. 205), но наиболее важным аргументом служит находка колеса, состоящего из обода и четырех спиц, в погребении № 5 кургана 31 в ур. Клады у ст. Новосвободной, относимом к новосвободненской культуре (Бестужев, Резепкин, 1983, с. 75–78, рис. 2). Сомнения авторов в том, могла ли находка служить моделью

или подлинным колесом, основаны на отсутствии в тот период данных о раннем времени появления колес этого типа. Вместе с тем в предлагаемом объяснении функционального назначения находки как ритуального предмета, мифического колеса, охраняющего сосуд с «амритой» – живой водой, заключено противоречие: для появления такой сложной в технологическом отношении культовой модели мастер должен был иметь представление о реальном колесе со спицами. Сама же связь колеса с религиозными представлениями несомненна.

Символизируя солнце, круг с перекрестьем, вписанным линейным крестом, четырьмя спицами, получает широчайшее распространение как астральный символ Солнца, Большой Медведицы. Колесо фигурирует во многих мифологических сюжетах (например, колесо Балсага) (Алборов, 1981, с. 142–180). В ведийском мифе колесо связывается с солнечным богом Сурьей и приносит победу Индре над демонами. Наиболее ранние изображения колеса на аттических монетах связаны с преданием о колеснице Афины, подаренной ею изобретателю монеты. При этом самые ранние колеса представляют не обычное для Греции колесо с четырьмя спицами, а «грубое примитивное подобие его со спицами, не пересекающимися в центре, которое Э. Бабелон рассматривал как священный, восходящий к глубочайшей древности, символ» (Карышковский, 1960, с. 5, рис. 8, 16, 23). К числу устойчивых стилистических черт ранних колес П.О. Карышковский относит распорки на спицах, служившие для придания им прочности. При сравнении рисунков с изображением колес Новониколаевской повозки устанавливается значительное сходство, что позволяет предположить в расширениях на концах одного из элементов крестовины именно усиливавшие колесо распорки.

Теперь, когда рассмотрены все элементы изображения повозки, нельзя исключить того, что найденный в могиле полог служил покрытием кузова, во всяком случае, для этого есть серьезные основания. Так, кожаные «покрывала» найдены вместе с остатками повозок в ямных, по определению И. Эчеди, погребениях курганного поля Кетедьхаза; для одного из них получена дата 2315 ± 80 (Escedy, 1979, с. 22, 26, 52, рис. 10, табл. 5). В погребении № 10 кургана 1 у с. Староселье на деревянных деталях повозки сохранились остатки циновок (Шилов Ю. А., 1975, рис. 1). Присутствие кожаных покрывал и растительных циновок неоднократно отмечалось в погребениях новотиторовской культуры (Козенкова, 1973, с. 60–62). При этом отмечены случаи их раскрашивания зигзагообразным узором, косыми крестами, полосами и лентами красного, белого и черного цветов (Гей, 1991, с. 58–60). Стиль рисунков сближает их с изображениями на пологе из погребения у Новониколаевки (рис. 1.3). На гранитных камнях, удерживавших полог, отпечатались пояски ромбических фигур, нанесенных алой охрой по розовому фону (камень № 1), лабрисовидная фигура, дополняемая двумя растянутыми треугольниками, обращенными вершинами к ее центру (камень № 2), одностороннее «деревце» (камень № 4), горизонтальная линия, к которой примыкали вершины двух

равнобедренных треугольников, закрашенных алой охрой, и короткий косой штрих (камень № 5). Зигзаги и ряды треугольных фигур, а также близкое лабрисовидной фигуре изображение украшают боковые грани Керносовской стелы (Крылова, 1976, с. 42–43, рис. 1.3, 3.1,3), «елочка» присутствует на Федоровской стеле (Супруненко А. Б., 1990, с. 31–35, рис. 38), а также на стенках каменных ящиков и кромлехов, в том числе из территориально близких районов (Андросов, Мельник, 1991, с. 40, рис. 4). Сводка подобных изображений приведена в работе А.А. Формозова (Формозов, 1980). Перечисленные и многие аналогичные им памятники хорошо укладываются в постмайкопское время и соотносятся с поздним этапом нижнемихайловской (Телегин, 1971, с. 16, 17), кемипобинской (Щепинский, 1985, с. 335–337), новосвободненской (Чеченов, 1973, с. 109–127) культур.

Сегодня есть все основания для выделения Днепровского Надпорожья в одну из перспективных для разработки проблемы возникновения колесного транспорта территорий, чему в значительной степени содействует географическое положение района между северокавказским и центральноевропейским центрами. Истоки культурных связей уходят в глубокую древность и обнаруживают особенную интенсивность и яркость на этапе раннего бронзового века. Помимо рассмотренных в статье свидетельств существования колесного транспорта, нельзя обойти молчанием находку двухколесной повозки во впускном погребении № 2 кургана «Сторожевая могила», отнесенном к ямной культуре (Тереножин, 1951, с. 183–191). По справедливому замечанию В.А. Сафронова, все значение открытия этой древнейшей на то время повозки было оценено только после появления массовых находок повозок на Нижнем Днепре (Сафронов, 1989, с. 160–161). Территориальная близость к курганной группе у с. Новониколаевка, из которой происходит публикуемое изображение также двухколесной повозки, позволяет предположить и культурную близость этих памятников.

Литература

Алборов Б. А., 1981 – Легендарное Колесо нартских сказаний // Известия Северо-Осетинского НИИ, т. 27, Орджоникидзе

Андросов А. В., Мельник А. А., 1991 – Курганы раннего бронзового века Криворожья с зооморфными конструкциями // Проблемы археологии Поднепровья, Днепропетровск

Бестужев Г. Н., Резепкин А. Д., 1983 – Новые находки из гробницы у станицы Новосвободной // КСИА, вып. 176, М.

Бочкарев В. С. и др., 1983 – Шарафутдинова Э. С., Резепкин А. Д. – Работы Кубанской экспедиции 1978–1980 гг. // Древние культуры Евразийских степей, Д.

Гей А. Н., 1991 – Новотиторовская культура (предварительная характеристика) // СА, №1.

Гей А. Н. – Новотиторовская культура // М.

- Горелик М. В., 1985* – Боевые колесницы Переднего Востока III–II тысячелетия до н.э. // Древняя Анатолия. М.
- Карышковский П. О., 1960* – Об обращении кизикинов в Ольвии // Нумизматика и эпиграфика, М.
- Кияшко В. Я., 1974* – Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы // Автореф. дис. канд. ист. наук, Ростов-на-Дону
- Ковалева И. Ф., 1991а* – Новоалександровский энеолитический курган в Днепро-вском Надпорожье // Древности Степного Причерноморья и Крыма, Запорожье
- Ковалева И. Ф., 1991* Погребения с майкопским инвентарем в левобережье Днепра (к выделению животиловского культурного типа) // Проблемы археологии Поднепровья. – Д., 1991.
- Ковалева И. Ф., Шалобудов В. Н., 1990* – Исследование курганов в зоне мелиоративного строительства Днепропетровской области в 1990 г. // Научный архив ИА НАНУ. – Ф. э. 1990/147, д. 24892.
- Кожин П. М., 1985* – К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя Анатолия, М.
- Козенкова В. И., 1973* – Новые материалы по бронзовому веку в Западном Предкавказье // КСИА, № 134, М.
- Крылова Л. П., 1976* – Керносовский идол (стела) // Энеолит и бронзовый век Украины, Киев
- Кузьмина Е. Е., 1986* – Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня // Фрунзе
- Рассамакин Ю. Я., 1992* – Энеолит и ранний бронзовый век Северо-Западного Приазовья: Автореф. дис. канд. ист. наук, Киев
- Рыбаков Б. А., 1981* – Язычество древних славян // М.
- Сафронов В. А., 1989* – Индоевропейские прародины // Горький.
- Супруненко А. Б., 1990* – Археологические памятники Карловского района Полтавской области // Полтава
- Телегін Д. Я., 1971* – Енеолітичні стели і пам'ятки нижньомихайлівського типу // Археологія, вип. 4.
- Тереножкін О. І., 1951* – Курган Сторожова могила // Археологія, т. V, Киев
- Формозов А. А., 1980* – Первобытное искусство // М.
- Черняков И. Т., Тоцев Г. Н., 1985* – Культурно-хронологические особенности курганных погребений эпохи бронзы Нижнего Дуная // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. К.
- Чеченов И. М., 1973* – Нальчикская подкурганная гробница (III тыс. до н.э.) // Нальчик
- Шилов Ю. А., 1975* – Остатки вozов в курганах ямной культуры Нижнего Поднепровья // Археологія, т. 17, Киев
- Шилов Ю. А., 1982* – Памятники старосельского типа (археологические источники и историческая интерпретация) // Хронология памятников эпохи бронзы Северного Кавказа, Орджоникидзе
- Щепинский А. А., 1985* – Кеми-обинская культура // Археология Украинской ССР, Киев
- Escedy I., 1979* – The People of the pit-grave in Eastern Hungary. – Budapest
- Tarr L., 1970* – Karren, Kutsche, Karosse // Budapest
- Vlassa N., 1972* – Sur l'existence des eguides domestique dans la culture de Vinča-Turdas // Dacia. N. S. XXII, Bucuresti

История населения Северо-Западного Причерноморья в бронзовом веке (инвентарный подход)

Иванова С.В. (Одесса)

Реконструкция хозяйства и экономики древних обществ в той или иной степени связана с реконструкцией климата и окружающего ландшафта, поскольку именно эти два фактора могут существенно влиять на основные занятия населения. Распространение и развитие воспроизводящего хозяйства детерминируется, с одной стороны, социальным устройством общества, его готовностью к инновациям, а с другой – определенными гео-климатическими условиями, которые способствуют (или препятствуют) земледелию и скотоводству. Кроме того, именно географические условия и климат могут оказывать влияние на формирование тех или иных хозяйственно-культурных типов, освоение различных форм скотоводства и земледелия, их сочетание и удельный вес в хозяйственной жизни социумов. Для степной зоны традиционным считается занятие скотоводством, при подсобной роли земледелия. Человек (в соответствующих экосистемах) при экстенсивном скотоводстве замещает на вершине биологической трофической пирамиды крупных хищников. В результате он вынужден подчиняться законам природного гомеостаза, который влияет на установление пропорций между массой растительной пищи, числом травоядных и плотоядных (Кульпин, 2001). В определенной степени это может объясняться тем фактом, что человек как биологический организм, где бы он ни обитал, включен в систему биогеоценоза, т.е. экосистемы, занимающей определенный участок суши и включающей основные компоненты среды. Биогеоценоз определяется в пределах определенной территории; живая и неживая среда связаны между собой потоком энергии и круговоротом веществ. Эта система способна к саморегуляции и поддержанию своего состава на определенном стабильном уровне, для чего необходимы достаточность жизненного пространства, богатство видового состава и взаимодействие видов. Именно эти компоненты влияют на устойчивость трофической цепи питания и, следовательно, на круговорот веществ. Немаловажным является направление антропогенного воздействия (Дылис, 1970).

Воздействие человека на окружающую среду чаще всего рассматривается как негативное, которое проявляется, прежде всего, в уменьшении биоразнообразия (вытеснение и уничтожение животных, дегрессия пастбищ, вырубка лесов и пр.). Считается, что охотники и рыболовы спровоцировали противостояние человека и животного мира (хищник-человек и жертва-животное), хотя в дальнейшем антагонизм был вытеснен своеобразным «контактом» и одомашниванием животных. Приручение животных способствовало изменению характера воздействия человека на природную среду, причем в результате такого «симбиоза» выиграли и люди, и животные. Человек получил гарантированный источник пищи, что, в конечном итоге, привело к росту численности населения (а в связи с этим – освоению им новых территорий), животные в значительно меньшей степени стали зависеть от хищников и неблагоприятных природных факторов. Именно одомашнивание животных приводит к усилению воздействия на экосистемы. С одной стороны, выпас животных ведет к преобразованию экосистем на больших территориях (формирование степных и полупустынных ландшафтов). Изменение ландшафтов, в свою очередь, ведет к расселению многих видов растительности и ее изменению. Этот фактор приводит, в свою очередь, к изменению зооценозов, увеличивается процент животных, растений и микроорганизмов, чья жизнь связана только с пастбищами. Многие фитосообщества именно в результате выпаса скота длительно сохраняют свою структуру. В процессе развития ландшафтов ускоряются процессы эволюции, видообразования и адаптации разных экологических групп к меняющейся окружающей среде. Другими словами, человек приобрел способность преобразовывать окружающую среду в соответствии со своими интересами, а животные приобрели способность «адаптировать» свой *modus vivendi* под человека и для человека, что повлияло на увеличение их поголовья (Басов, 2006). Именно естественные природные условия, необходимые для сохранения степи и стабильности экосистемы, определили подвижный образ жизни степных скотоводов медного и бронзового века.

С распространением воспроизводящего хозяйства в степях Северо-Западного Причерноморья формируется целостная система, в которой наблюдаются сложные экологические взаимосвязи между растительностью, животными и человеком. Следовательно, реконструкция окружающей среды и климатических особенностей является особенно актуальной при изучении истории населения на разных хронологических этапах, в частности – в рамках дописьменной истории. Особенности ведения хозяйства, топография поселений и могильников, торговые пути, передвижки населения в той или иной степени связаны с климатом и ландшафтом, которые, в конечном итоге, определяют не только условия, но и образ жизни людей. Поэтому изучение археологических культур и культурно-исторических процессов в последние десятилетия опираются на исследования геологов, почвоведов, ботаников, биологов, экологов, что позволяет реконструировать среду обитания древнего населения. Исследователи

приходят к выводу о взаимосвязи динамики развития археологических культур и климатических колебаний. Перемены климата не могли не влиять, прямо или косвенно, на трансформацию хозяйственного уклада, общественного устройства древних обществ, давая возможность формироваться и выживать наиболее адаптированным моделям социального развития. В благоприятных условиях периодов увлажнений усиливалось антропогенное воздействие на окружающую среду. Аридизация климата, напротив, способствовала развитию механизмов приспособления к меняющимся климатическим условиям (Кременецкий, 1991, с. 177). Ставшее уже традиционным сопоставление радиоуглеродных дат археологических культур с периодизацией голоцена по шкале Блитта–Сернандера (напр.: Бруяко и др., 1991; Корневский, 2006) вызывает необходимость калибровки дат для основных хронологических этапов.

Период	ВР, некалиброванные даты	Калиброванные даты (программа OxCal)
At-1	8–7 тыс. л.н.	7050/6910 BC
At-2	7–6 тыс. л.н.	5980/5840 BC
At-3	6–4,6 тыс. л.н.	4935/4845 BC
SB 1	4,6–4,2 тыс. л.н.	3700/3650 BC
SB-2	4,2–3,2 тыс. л.н.	2890/2700 BC
SB-3	3,2–2,5 тыс. л.н.	1500/1440 BC
SA-1	2,5–1,8 тыс. л.н.	770/540 BC
SA-2	1,8–0,8 тыс. л.н.	130/260 AD
SA-3	0,8 тыс л.н. –	1220/1260 AD

По сравнению со степными пространствами Евразии в целом, Северо-Западное Причерноморье имеет свои особенности. Обоснована характеристика его как контактной зоны – т.е. своеобразного по форме и содержанию исторически значимого культурного явления, в котором осуществляется обмен и передача культурных достижений (Дергачев, 1990). С другой стороны, именно в контактных зонах культурно-исторические процессы наблюдаются в наиболее концентрированном виде, обеспечивая не только взаимосвязь между синхронными явлениями, но и культурно-исторический континуум. Но этот регион привлекает внимание исследователей не только потому, что его считают «связующим звеном» и «контактной зоной» двух миров, земледельцев Балкан и скотоводов степи, или же потому, что именно здесь соединились импульсы из нескольких очагов культуригенеза. Уникальность ему придают особенности геологического строения – наличие в прибрежной зоне лиманов, которые, с одной стороны, предоставляют материал для изучения палеоэкологии и палеогеографии региона, а с другой – существенно влияют на эти компоненты.

Степи Северо-Западного Причерноморья являются самым влажным участком среди всего пространства степной зоны Евразии. Сопоставление археологических культур различных периодов на фоне колебаний уровня моря и увлажненности проводилось и ранее (Петренко, 1989; Бруяко и др., 1991; Шилик, 1999; Дергачев, 2005). Однако, исследования последних лет шельфа Черного моря, лиманов и пересыпей уточняют даты и диапазоны имевших место трансгрессий и регрессий (Коніков, 2004; Kopikov et al., 2007), что, в свою очередь, влияет и на климатические колебания, и на топографию расселения древнего населения региона (Табл. 1).

Рубеж энеолита и бронзового века характеризуется массовым проникновением в степь трипольского населения и формированием синкретических степных групп, в которых обнаруживаются как местные, так и трипольские черты. Наиболее яркий пример – **усатовская культура**, характеризующаяся редкими поселениями, которые в последнее время предложено считать церемониальными центрами (Петренко, 2003), развитыми мегалитическими традициями в погребальной архитектуре, развитой бронзовой металлургией, керамическим комплексом, в котором сочетаются трипольские и степные элементы. Другим компонентом в формировании новой культуры стало население нижнедунайской культуры Чернавода I. Древнейшие усатовские комплексы синхронны финалу Триполья CI, в целом культура существовала на протяжении всего этапа Триполье CII. Усатовская культура распространена в степной зоне Северо-Западном Причерноморье, датируется III тыс. до н.э. по некалиброванной хронологии (серединой IV – началом III тыс. BC). С усатовской культурой мобильных скотоводов связывают начало бронзового века в Причерноморских степях.

Своеобразие материальной культуры ямных племен Северо-Западного Причерноморья послужило основанием для выделения особого локального варианта внутри **ямной культурно-исторической области**, за которым в последние годы закрепилось название **юго-западного варианта ямной КИО** (Яровой, 2000). В целом можно предположить, что ранний этап ямной культуры региона определяется, прежде всего, балканскими связями. Движение отдельных групп населения с востока сочеталось с более ранними импульсами западных культур финала энеолита и раннего бронзового века. Эти разнохарактерные элементы (включая местное энеолитическое население) послужили тем субстратом, на котором сформировалась собственно ямная культура Северо-Западного Причерноморья. В Северо-Западном Причерноморье с ямной культурой соотносятся лишь погребальные памятники. К востоку известны редкие стационарные бытовые памятники и стойбища, которые посещались из года в год, или же были кратковременными; в последние десятилетия их открыто достаточно много (в Побужье, Нижнем и Среднем Поднепровье, на Северском Донце, в низовьях Дона).

Ни одна из более ранних или более поздних культур не проникла так далеко на запад (в Альфельд, вплоть до реки Тисы). Судя по имеющимся

радиоуглеродным датам, население ямной культуры обитало в Северо-Западном Причерноморье и Карпато-Балканском ареале в хроноинтервале 4530–4060 л.н. (3300–2100 гг до н.э. по калиброванным датам), т.е. на фоне Хаджибейской регрессии – с одной стороны, и суббореальной аридизации климата – с другой. Вопреки существующим предположениям об отрицательном влиянии климатических изменений, можно говорить об увеличении численности населения и его расселении на обширные территории, что маркируется многочисленными курганами и погребениями. Распространение сухостепных ландшафтов способствовало развитию подвижного скотоводства (в частности, овцеводства), а регрессивное состояние морского бассейна сделало более доступным не только переправы через Дунай и Прут, но и продвижение по дунайским долинам, увеличив интервал межени рек. Таким образом, аридизация климата Причерноморских степей, по всей вероятности, не могла быть негативным импульсом, заставившим ямное население искать новые пастбища. К тому же в Карпато-Подунавье происходили те же климатические изменения, что и в степном Причерноморье (Кременецкий, 1991). Синхронность памятников двух ареалов, где они фиксируются на протяжении всего периода существования ямной культуры, предполагают адаптацию ямного населения, интерактивные закономерности и формы взаимодействия ямного общества с изменившейся средой обитания. **Катакомбная культурно-историческая общность представлена** в Северо-Западном Причерноморье двумя культурами – донецкой и ингульской, отличающимися обрядом захоронения и некоторыми чертами материальной культуры. С появлением катакомбного населения связывают переход к среднему бронзовому веку, хотя радиоуглеродные даты указывают на частичное сосуществование двух крупнейших культурных массивов – ямной и катакомбной культурно-исторических общностей. Отсутствие поселений в регионе чаще всего объясняется непродолжительным обитанием здесь носителей катакомбной культуры. Однако следует иметь в виду, что трансгрессия Черного моря и изменение геоморфологической ситуации привели к исчезновению многих памятников эпохи бронзы. Есть археологические свидетельства более низкого уровня моря, чем теперь, в эпоху катакомбной общности (Бруяко и др., 1991). На это указывает открытие затопленного катакомбного поселения вблизи острова Орлов на Ягорлыцком лимане (Охотников, Островерхов, 1991). Основным источником наших сведений о катакомбной культуре региона на сегодняшний день остаются курганы. Единичные находки бытовых памятников несопоставимы с находками более сотни поселений и летовок на левом берегу Южного Буга. В Побужье известны и стационарные поселения с каменным домостроительством, и временные поселения-летовки на побережье реки. Хозяйство катакомбного населения региона являлось комплексным, скотоводческо-земледельческим. И по значению скотоводства, и по образу жизни катакомбное население было близким ямному, хотя роль земледелия была, по-видимому, несколько выше. Территория крайнего запада Причерноморских

степей оказалась включенной в катакомбный мир лишь отчасти. Памятников катакомбной культуры известно намного меньше, чем ямных, небольшое количество (до двух десятков) захоронений найдено в Запрудье, на территории румынской Молдовы.

В целом, культуры раннего бронзового века Северо-Западного Причерноморья соотносятся их со схемой Блитта–Сернандера следующим образом. **Усатовская культура.** Имеются радиоуглеродные даты в диапазоне от 4720 ± 70 ВР¹– до 4150 ± 50 ВР (или, согласно калиброванным датам, от 3631/3377 ВС до 2880–2620 ВС)² (Петренко, Ковалюх, 2003; Черных и др., 2000). Таким образом, усатовская культура начинает свое существование в переходном периоде между атлантиком и суббореалом, закончивает его в начале среднего суббореала SB–2, связанного с усилением процессов аридизации. **Ямная культура.** Начальные радиоуглеродные даты укладываются в период от 4770 ± 120 ВР³ до 3750 ± 60 ВР⁴ (от 3660–3370 до 2200–1970 ВС) (Черных и др., 2000). Следовательно, ямная культура охватывает ранний и средний суббореал SB–1 и SB–2, полностью совпадая с Хаджибейской регрессией. **Катакомбная культура.** Немногочисленные для региона даты лежат в диапазоне от 3960 ± 70 ВР⁵ до 3720 ± 70 ВР⁶ (от 2580/2340 до 2267/1981 ВС) (Иванова, 2009) и частично соотносятся со средним суббореалом SB–2. То есть, катакомбные памятники появляются на пике Хаджибейской регрессии и доживают до ее финала. Ямное и катакомбное население исчезает практически одновременно. И это явление совпадает с окончанием максимума аридизации климата и затуханием Хаджибейской регрессии. Имеющиеся радиоуглеродные даты демонстрируют отсутствие каких-либо отрицательных тенденций (лакун) в развитии ямной культуры региона, несмотря на климатические и эвстатические колебания. Напротив, к периоду пика Хаджибейской регрессии относится наибольшее число датированных памятников Северо-Западного Причерноморья. Другим аспектом, привлекающим внимание, является почти полное отсутствие в регионе поселений в раннем и среднем бронзовом веке. В других регионах они расположены в поймах рек, на небольших мысах речных террас, на островах (Среднее Поднепровье). Возможно, в речных, озерных и лиманных поймах располагались сезонные поселения ямного и катакомбного населения Северо-Западного Причерноморья. Известно, что пойменные земли ввиду аккумуляции (отложения наносов) особенно плодородны и могут использоваться как луговые пастбища для скота, или же для земледелия. Поэтому сезонное обитание

¹ Александровский курган, погр. 35.

² Маяки, погр. 10.

³ Утконосовка 1/3.

⁴ Вишневое 17/36.

⁵ Вапнярка 4/3.

⁶ Дубиново 1/11.

в поймах было бы вполне логичным. Но трансгрессия Черного моря и изменение геоморфологической ситуации привели к исчезновению многих памятников эпохи бронзы (Брумяко и др., 1991). Отметим в подтверждение находки на западном побережье Черного моря, на прибрежных подводных террасах найдены памятников разных культур раннебронзового века: Езерово, Езеро В, Михалич (Дергачев, 2005). Новейшие разработки геологов позволяют считать уровень Хаджибейской регрессии (на фоне которой развивалась ямная общность) равным – 17 м (Коников, 2004), следовательно, к настоящему времени значительные прибрежные (равнинные) территории, открытые в раннем бронзовом веке, могут быть затоплены. Расположение некоторых курганов в современных поймах рек, подтопление их при весенних разливах указывают на иную климатическую ситуацию в регионе в первой половине бронзового века.

Бабинская культура (многоваликовой керамики) в Северо-Западном Причерноморье представлена не только захоронениями (подкурганными и грунтовыми), но и немногочисленными поселениями, расположенными преимущественно, в междуречье Южного Буга и Днестра (Осиновка, Сухая Журовка, Викторовка III) (Субботин, 2000). Немногочисленные радиоуглеродные даты позволяют определить время существования культуры в диапазоне 3740–3080 ВР (XX–XVIII BC). В целом по Украине культуру датируют в диапазоне XX–XVI вв BC и относят к концу средней – началу поздней бронзы. По-видимому, завершающий этап SB-2, начальные стадии Новочерноморской трансгрессии, пик которой определяется как 3,2 ВР (1500–1440 BC), увлажненность климата оказали влияние и на топографию поселений, и на соотношение в хозяйстве земледелия и скотоводства, предопределив отчасти переход к (частичной?) оседлости, что и отразилось в характере памятников бабинской культуры: наличие (пусть немногочисленных) поселений, биритуализм в погребальном ритуале (курганный и грунтовые могильники).

Сабатиновская культура эпохи поздней бронзы – культура оседлого земледельческого населения, памятники которой распространены в степной полосе Причерноморья и Крыму; исследователи датируют ее в пределах XVI–XIII BC. Представлена, преимущественно, остатками поселений, значительная часть которых характеризуется каменным домостроительством. Большинство поселений расположено на берегах рек, лиманов, балок, на невысоких мысах, причем количество их (около 800) указывает на большую плотность населения на начальном этапе позднебронзового века. Известные подкурганные захоронения немногочисленны; вероятно, население использовало и какой-то иной тип погребального обряда, к тому же безинвентарность многих затрудняет их культурную атрибуцию. Основным занятием населения были земледелие, скотоводство, высокого развития достигла металлургия. Ранний этап сабатиновской культуры совпадает с переходом к последнему периоду суббореала, SB-3 (3200 ВР, или 1500/1440 BC); к этой же дате относится пик Новочерноморской трансгрессии Черного моря (Табл. 1). Таким образом,

сабастиновская культура развивалась в условиях большей увлажненности и при более прохладном климате, нежели более ранние культуры бронзового века, что и определило хозяйственный тип ее носителей.

Белозерская культура относится к финалу бронзового века и датируется XII-X BC.; она была, пожалуй, наиболее мощным культурным образованием этого времени. Ее памятники расположены в степной полосе Украины и Молдовы, спорадически – на Нижнем Дону и в Прикубанье, представлена поселениями (том числе с каменным домостроительством) и могильниками (курганными и грунтовыми). Основные занятия населения – скотоводство, земледелие, металлургия; считается, что белозерское население генетически связано с историческими киммерийцами. Культура развивается в переходный период от субатлантика к суббореалу, от Новочерноморской трансгрессии к Олбианской регрессии; последняя достигает своего пика около 2500 BP (770–410 BC), с этой же датой увязывается и наступление субатлантического периода, согласно палинологической схеме Блитта-Сернандера. Но это уже другая историческая эпоха – ранний железный век, другие народы и другие культуры.

Можно констатировать, что трансгрессии Черного моря смягчали процессы аридизации, способствуя увлажненности климата и влияя, таким образом, на формирование хозяйственно культурных типов населения Северо-Западного Причерноморья в бронзовом веке. Адаптация населения к меняющимся климатическим условиям и антропогенное воздействие на окружающую среду были взаимосвязаны и сбалансированы, на что указывают и отсутствие лакун в культурно-историческом развитии населения, и отсутствие выраженных следов экологических кризисов.

Литература

Басов В.М., 2006 – Роль человека в формировании видового разнообразия современных экосистем // Динамика современных экосистем в голоцене. Материалы Российской научной конференции. М.

Бруяко И.В. и др., 1991 – Карпов В.А., Петренко В.Г. Изменение уровня Черного моря от эпохи камня до средних веков (по результатам исследования северо-западного шельфа) // Изучение памятников истории и культуры в гидросфере, вып. 2, М.

Дергачев В.А., 1990 – О понятии «контактная зона» // Археологические культуры и культурная трансформация, Л.

Дергачев В.А., 2005 – Неолитизация Северо-Понтийской зоны и Балкан в контексте разлива морей // Revista Archeologică, serie nouă, v. 1, nr. 1, Chişinău.

Дылис Н.В., 1970 – Биогеоценология // Большая Советская Энциклопедия, т. 3, М.

Иванова С.В., 2009 – Проблемы континуитета исторических процессов в Юго-Восточной Европе // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург.

Коніков Е.Г., 2004 – Екзодинамічна модель умов осадконакопичення і формування берегових систем північно-західної частини Чорного моря протягом останніх 18 000 років // Вісник Одеського Національного Університету. Географічні та геологічні науки, т. 9, вип. 4, Одеса

Кореневский С.Н., 2006 – Динамика культур ранних земледельцев и скотоводов юго-запада Восточной Европы и Кавказа в свете схемы Блитта-Сернандера в середине атлантического периода и в начале суббореального периода голоцена // Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия. Материалы конференции. Сухуми

Кременецкий К.В., 1991 – Палеоэкология древнейших земледельцев и скотоводов Русской равнины // М.

Кульпин Э.С., 2001 – Средневековый социально-экологический кризис в степях Восточной Европы // Степной бюллетень, № 9. <http://ecoclub.nsu.ru/books/Step-9/index.htm>

Охотников С.В., Островерхов А.С., 1991 – Подводные археологические исследования в Северо-Западной части Черного моря // Изучение памятников истории и культуры в гидросфере, вып. 2, М.

Петренко В.Г., 1989 – Усатовская локальная группа // Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморья. Киев

Петренко В.Г., 2003 – Епонімне Усатове та проблема генези усатівської культури // Трипільська цивілізація у спадщині України. Конференція, присвячена 110-річчю відкриття трипільської культури. Київ

Петренко В.Г., Ковалюх Н.Н., 2003 – Новые данные по радиоуглеродной хронологии энеолита Северо-Западного Причерноморья // Трипільські поселення-гіганти. Матеріали міжнародної конференції. Київ

Субботин Л.В., 2000 – Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы // Stratum plus, № 2

Черных Е.Н. и др., 2000 – Авилова Л.А., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология // М.

Шилик К.К., 1999 – Колебания Черного моря по геологическим, археологическим и историческим данным // Добруджа, 14–16, 1997–1999

Яровой Е.В., 2000 – Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла // Автореф. дисс... докт. ист. наук. М.

Konikov E. et al., 2007 – Likhodedova O., Pedan G. Paleogeographic reconstructions of sea-level change and coastline migration on the northwestern Black Sea shelf over the past 18 kyr. *Quaternary International*, doi:10.1016/j.quaint.2006.11.012

Таблица 1

**Экостратиграфия Черного моря за последние 800 000 лет
(по Konikov, 2006)**

Division	Section	Age, ky BP	MIS	Alps	Fedorov, 1978, 1982	North-western shelf of the Black Sea (Voskoboinikov et al., 1982; Konikov, 2004, 2006; Konikov and Fachtchevsky, 1999; Fachtchevsky, 2002)	
Holocene	Upper	0.0	1	Holocene	Recent Korsunian Nymphaean Phanagorean	Recent*	
		4.5				Medieval (0.6 kyBP)***	
						Nymphaean (1.2 kyBP)*	
						Olbian (2.5 kyBP)***	
						Upper Novochernomorean (3.2 kyBP)*	
						Khadzhibeian (4.0 kyBP)***	
	7.8	Lower Novochernomorean (5.0 kyBP) *					
		Tyraean (6.1 kyBP)***					
	Lower	9.5 27			Old Black Sea	Upper Drevnechernomorean (6.8 kyBP)*	
						Drevnechernomorean (8.2 kyBP)***	
						Lower Drevnechernomorean*	
						?**	
56			2–3	Würm		Upper Neoeuxinian	
						Lower Neoeuxinian	
	? Antsky subhorizon (Gozhik, 1984)						
120 200	4	Würm	Surozhean (-32–35 kyBP) **				
			Postkarangatian-IV***				
			Postkarangatian –III***-IV**				
240	5	Riss– Würm	Upper Karangatian				
			Postkarangatian-I*** (Loess strata)				
			Upper Karangatian (~80 kyBP)*				
			Lower Karangatian				
Pleistocene	Middle	500 780	7	Riss	Regression	Regression	
						Postuzunlarian	Uzunlarian
							Upper Old Euxinian
							Regression
							Paleouzunlarian
	Lower	8–11 12–14 15–21	Mindel-Riss Mindel Günz- Mindel	Lower Old Euxinian	Upper Old Euxinian – Uzunlarian *		
					Paleouzunlarian – Lower Old Euxinian**		
					Upper Chaudinian*		
					?		
					Lower Chaudiniain**		
Eopleistocene	Upper Eopleistocene	22–23	Günz	Gurian Chauda			

* Mediterranean-type transgressions; ** Caspian-type transgressions, ***regressions

Погребение ямной культуры с обрядом демембрации в кургане 3 у с. Талмаза

Попович С. С. (Кишинев)

Обряд демембрации объективно фиксируются в погребальных комплексах ямной культуры в Пруто-Днестровском междуречье, это касается как южной, так и центральной части региона. Хотя наблюдается тенденция определенной концентрации захоронений с использованием демембрации на территории, примыкающей к нижнему течению р. Днестр

Обряд демембрации, в его основном понимании, означает умышленное смещение костей человеческого скелета с первоначального положения и размещение их либо в беспорядке, либо в порядке прямо противоположном первоначальной позиции, в которой находился покойный в момент погребения.

Обряд демембрации, в его основном понимании, означает умышленное смещение костей человеческого скелета с первоначального положения и размещение их либо в беспорядке, либо в порядке прямо противоположном первоначальной позиции, в которой находился покойный в момент погребения. Реингумация фиксируется в ряде различных археологических культур в Пруто-Днестровском междуречье от периода ранней бронзы вплоть до времени существования культуры Черняхов-Сынтана де Муреш. В первую очередь, это касается ямной культуры региона, где случаи реингумации в подкурганных захоронениях не так уж и редки. Так, в обобщающей работе по ямной проблематике отмечается «...что касается группы расчлененных захоронений, то обнаруженная там керамика и расположение их в верхних горизонтах курганной насыпи свидетельствует о распространении этого элемента погребального обряда в позднемное время, скорее всего на финальном этапе...» (Яровой, 1985, с. 109).

Уникальный, в своем роде, погребальный комплекс с применением реингумации был исследован в 1989 году в процессе раскопок курганного могильника на правом берегу Нижнего Днестра у с. Талмаза, р-н Штефан-Вода, Республика Молдова. Курган 3 входил в состав группы из 6-ти насыпей, находящихся на обширном плато правого берега р. Днестр в 4 км к ЮЗ от села Талмаза. Курганная насыпь подвергалась периодической распахке. Ее высота на момент раскопок составляла 2,2 м от уровня древней дневной поверхности и 2,5 м от уровня материка. Насыпь имела вытянутую овальную форму длиной 46 м, шириной 40 м (рис. 1). В результате исследований в кургане обнаружено 18 погребений. Первоначальная и вторичная насыпи были связаны с 2-мя энеолитическими захоронениями

доусатовского и «постмариупольского» типа (Агульников, Яровой, 2004, с. 12–29). Третья и, по всей видимости, четвертая насыпи связаны с ямным культурно-хронологическим горизонтом.

Погребение 9, где был отмечен обряд реингуляции, обнаружено в СВ секторе кургана в 9,3 м (274°) м от репера, на глубине 2,9 м и в 1,5 м от поверхности кургана. Погребальная камера с уступом, проследить который до конца не представлялось возможным, была ориентирована по оси ССЗ–ЮЮВ (рис. 1/1–2). Размеры камеры составляли 1,6×1,3 м, глубина от уровня фиксации – 1,2 м. На уровне уступа камера была перекрыта поперек накатом из 6 дубовых бревен, хорошей сохранности, длиной 2,3 м, диаметром 0,25–0,35 м. На бревнах сохранились следы обмазки белой глиной. Стены погребальной камеры, в свою очередь, были облицованы 12 прямоугольными досками длиной 1,3 м, шириной 0,3–0,5 м, толщиной 0,05 м. Все доски были установлены вертикально и прикреплены к стене глиной голубовато-зеленого цвета (сарматская?). Стенки камеры и промежутки между досками были промазаны слоем из данной глины толщиной до 2 см. Заполнение ямы состояло из смеси чернозема, материковой глины и суглинка. В заполнении встречались фрагменты дерева от перекрытия. На высоту до 0,45 м от уровня дна, в погребальной камере имелась специальная засыпка, состоявшая из утрамбованного чернозема. Сверху на ней, отмечен тлен темно-коричневого оттенка от растительной подсыпки, поверх которой зафиксирована еще одна подстилка желтого цвета, непосредственно на которой были уложены кости погребенного. По периметру дна погребальной камеры имелась сплошная канавка глубиной 0,1 м и шириной 0,05 м. Данная канавка служила для фиксации досок от деревянной обшивки стен камеры.

Скелет взрослого человека (возраст 35–45 лет, *adultus*, определение А. Варзарь) был расчленен, вероятно, в процессе захоронения. Череп, плохой сохранности, был ориентирован на ССВ. Лучевые и плечевые кости были уложены «пакетом», друг на друге, с двух сторон грудной клетки. Длинные кости ног – бедренные и берцовые уложены параллельно длинным стенкам камеры. Рядом с ними находились коленные чашечки и отдельные кости позвоночника. Грудная клетка и таз сохранились в положении *in situ*, характерном для позиции «скорченно на спине». Скелет был равномерно окрашен охрой красного оттенка.

Находки: 1. В южном углу погребальной камеры, на утрамбованной подсыпке, в специально выполненном углублении до 10 см, находился лепной горшок с туловом округлой формы, плавно сужающимся к горлу, слабо выделенными покатыми плечиками и прямым слегка отогнутым во внешнюю сторону венчиком (рис. 1/3). Внешняя и внутренняя поверхности сосуда темно-коричневого цвета с оранжевыми пятнами неравномерного обжига в нижней части тулова и у горла. На внешней поверхности имелись следы заглаживания и лощения. Глина в изломе черного цвета, в тесте имелись примеси мелкого шамота и растительности. Размеры: высота – 15 см; наибольший диаметр тулова – 15 см; диаметр венчика – 11,5 см; диаметр дна – 8,5 см.

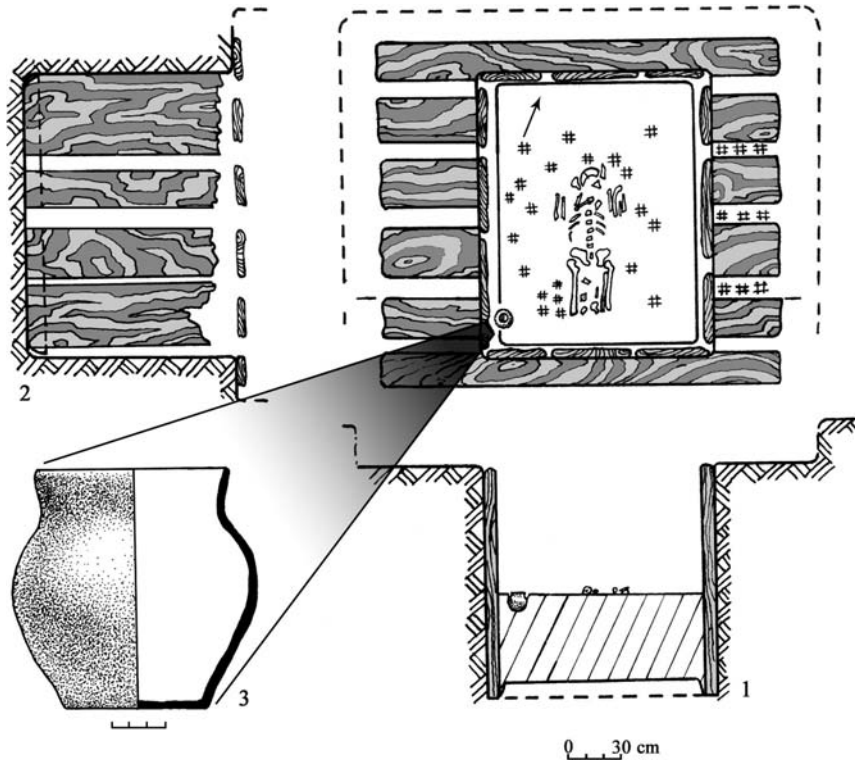

Рис. 1. Погребение 3/9 у с. Талмаза:
1–2 – план и профиль погребения; 3 – сосуд.

Применение демембрации в ямной культуре отмечается практически для всех половозрастных категорий мужского и женского рода, от младенческого до старческого возраста. Хотя, в определенной степени, преобладают захоронения взрослых мужчин и детей. На самом деле, речь идет о своеобразной группе населения ямной культуры, практиковавшей данный ритуал. И если декапитация (обезглавливание) присуща ямной культуре лишь на развитом этапе, то демембрация практикуется преимущественно в поздняямный период, на финальной фазе существования ямной культурно-исторической общности (ЯКИО) в Северо-Западном Причерноморье, в том числе на территории Пруто-Днестровского междуречья. Не принимая во внимание те случаи, когда расчлененные скелеты играют сопровождающую роль при ненарушенных костяках, можно достоверно судить о том, что демембрация, отмечаемая в погребениях ямной культуры региона, является признаком определенной социальной прослойки общества в период ранней бронзы.

С другой стороны, не отрицается факт применения ритуала «посещения мертвых», присущего ряду доисторических образований, и определенных обрядовых действий, связанных с перемещением с первоначального положения и «перемыванием» костей отдельных представителей родоплеменной верхушки, например жрецов, шаманов и колдунов (Смирнов, 1997, с. 170). Немаловажен и тот факт, что к востоку от Днестра ямные захоронения с применением реингумации встречаются гораздо реже, чем на территории Пруто-Днестровского междуречья. Это наблюдение, в определенной степени, может служить доказательством того, что демембрация и обычай укладки костей погребенного «пакетом» является для ямной культуры Днестро-Дунайского региона узко локальным признаком.

Литература

- Агульников С.М. Яровой Е.В., 2004 – Энеолитический курган у с. Талмаз в Нижнем Поднестровье Молдавии // *Давня історія Карпато-Дунайського ареалу та суміжних регіонів*. Ужгород
- Смирнов Ю.А., 1997 – Морфология преднамеренного погребения // М.
- Яровой Е.В., 1985 – Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР // Кишинев

Ямно-катакомбные традиции в степном Подонцовье

(по материалам кургана-могильника на р. Красной)

*Красильников К.И., Красильникова Л.И.,
Пробейголова А.С. (Луганск)*

Сведения об индоевропейском населении периода ранних металлов в географическом пространстве Степного Подонцовья в основном происходят из подкурганных погребений. Ведущие признаки захоронений из них, в структуре катакомбной культурно-исторической общности (ККИО), в прошлом и теперь остаются предметом внимания (Братченко С.Н., Кияшко В.Я., Клейна Л.С., Ковалевой И.Ф., Санжарова С.Н., Сафронова В.А., Смирнова А.М., Шарафутдиновой Э.С. и др.). Однако, в каждом отдельно взятом некрополе, относящемся к ККИО, совершенно определенно намечаются индивидуальные особенности, вытекающие не только из принятых этапов ее развития, но и региональной специфики обитания населения, оставившего погребения. В данном случае приводим новые материалы могильника на р. Красной бассейна р. Северский Донец из геофизического пространства, приближенного к контактной зоне степной и предлесостепной его части (Красильников, 2007).

На р. Красной (приток левого берега р. Северский Донец), в пределах поселка Краснореченский Кременского р-на Луганской области, зафиксирован карьер, разрушающий правый коренной берег реки и здесь же насыпи двух курганов. Еще три кургана могильника 2 оказались срезанными механизмами. В этой связи были проведены спасательные раскопки пяти курганов из двух могильников (рис. 1, **1**), результаты исследования кургана 1 могильника 1 приводим в данном материале.

Характеристика кургана 1

В ходе визуального осмотра стало очевидным, что форма насыпи нарушена: вершина кургана спланирована; часть полы северной стороны оплыла в карьер; южная сторона подрезана грунтовой дорогой. Курганная насыпь была вытянута с востока на запад; диаметры насыпи 22×29 м; сохранившаяся максимальная высота 1,5 м до современной дневной поверхности.

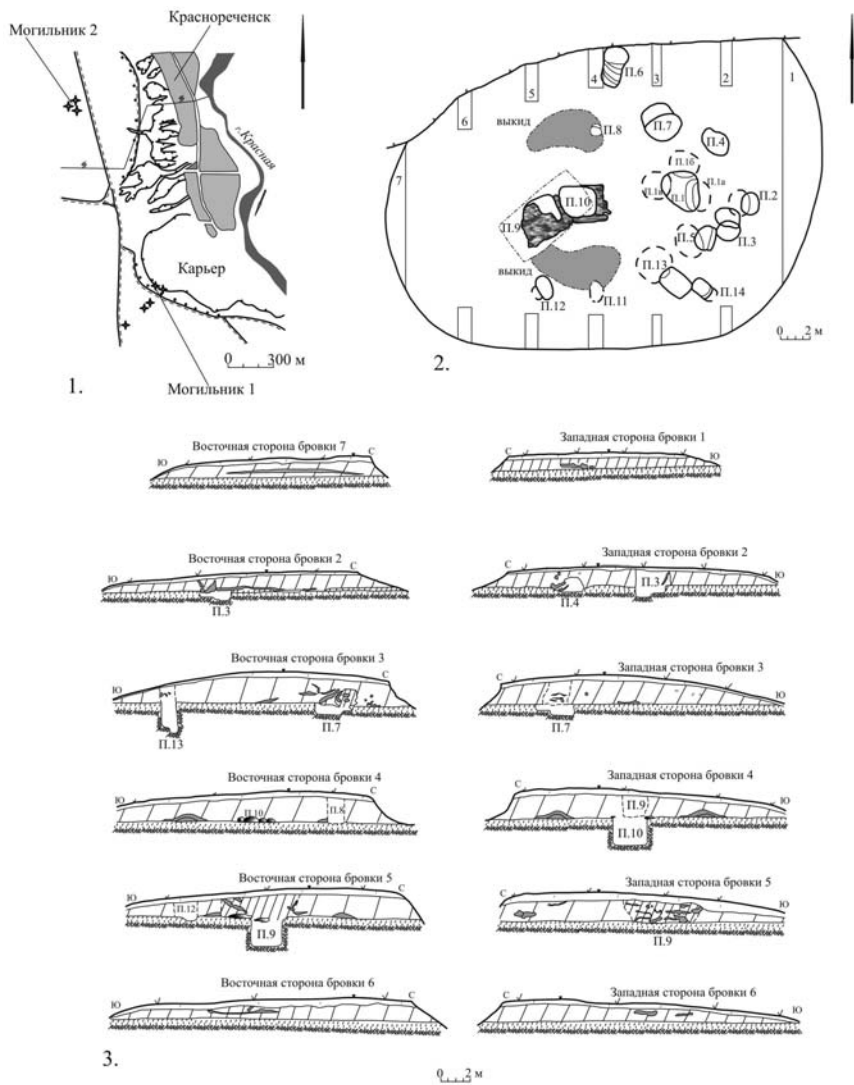

Рис. 1. 1 – ситуационный план могильника; 2 – план кургана 1; 3 – профили бровок кургана 1.

В процессе исследования насыпь разрезана на шесть бровок и, следовательно, такое же число траншей (рис. 1, 2). Стратиграфия бровок свидетельствует о том, что насыпь была возведена в один прием над захоронением ямного типа, которое следует отнести к основному; все последующие погребения были впускными, над которыми следы досыпок не наблюдаются (рис. 1, 3). Верхний слой (0,3–0,4 м) представлял собой задернованную поверхность, покрывающую почти однородную насыпь из серого гумуса с признаками суглинка. В ней же фиксируются перекопы впускных захоронений. На глубине 1,8–1,9 м насыпь подстилает погребенный чернозем (толщина 0,15–0,2 м), ниже предматерик (0,3–0,35 м), затем желтый стерильный лесс материка – 2,35–2,45 м. В бровках 4 и 5, на горизонте погребенного чернозема, видны линзы лессовых выкидов от ямы основного погребения. Их высота 0,4–0,6 м, а расстояние между условными центрами этих линз около 9–9,5 м (рис. 1, 2–3).

В сохранившейся части кургана раскрыто 14 захоронений, в том числе 12 – в катакомбах, 2 – в ямах. В катакомбах было расчищено 19 скелетов, а в ямах – 2, сохранившихся в виде тлена. Захоронения сосредоточены как в индивидуальных, так и в комплексных системах (рис. 1, 2).

Описание погребальных конструкций, захоронений и находок из них

Погребальный **комплекс I** состоит из четырех захоронений, в том числе три захоронения находились в отдельно обустроенных катакомбах, имевших общий входной колодец. Еще одно захоронение обнаружено в верхнем горизонте над заполнением входной ямы. Комплекс зафиксирован в траншее 2 (рис. 1, 2) на горизонте погребенной почвы (–1,9 м R⁰), по пяту в форме неправильного овала 2,2×2,9 м, заполненном рыхлым грунтом.

Погребение 1. На глубине 2,12 м в заполнении входной ямы были замечены фрагменты черепа, ниже (–2,15 м R⁰) скелет, (–2,20 м R⁰) и горшок подреповидной формы. Расчистка всего погребения выявила два костяка – взрослого и ребенка (1,5–2 года). Скелет женщины лежал на правом боку; ноги и руки согнуты; голова ориентирована к ЮЮЗ 12⁰ (рис. 2, 1). На костях и на подстилке прослеживались следы порошокобразной охры. Вплотную над захоронением взрослой особи находился скелет ребенка в такой же позе и ориентировке. Левая рука женщины прижимала, как бы обнимала, тело ребенка. Сохранность детского скелета плохая, но все же удалось проследить элементы росписи в виде линий, выполненных охрой на костях черепа. Обряд мог быть исполнен при скальпировании мягких тканей головы. Захоронения занимают западную часть пятна на пространстве около 1/3 его площади. Перед лицом погребенных находилось два сосуда: крупный горшок реповидной формы (?), но без верхней части, что и осложняет его определение (рис. 2, 1А); рядом находился небольшая амфора, орнаментированная по горловине и тулову лентами прочерченных зигзагов, заполненных охрой (рис. 2, 1Б).

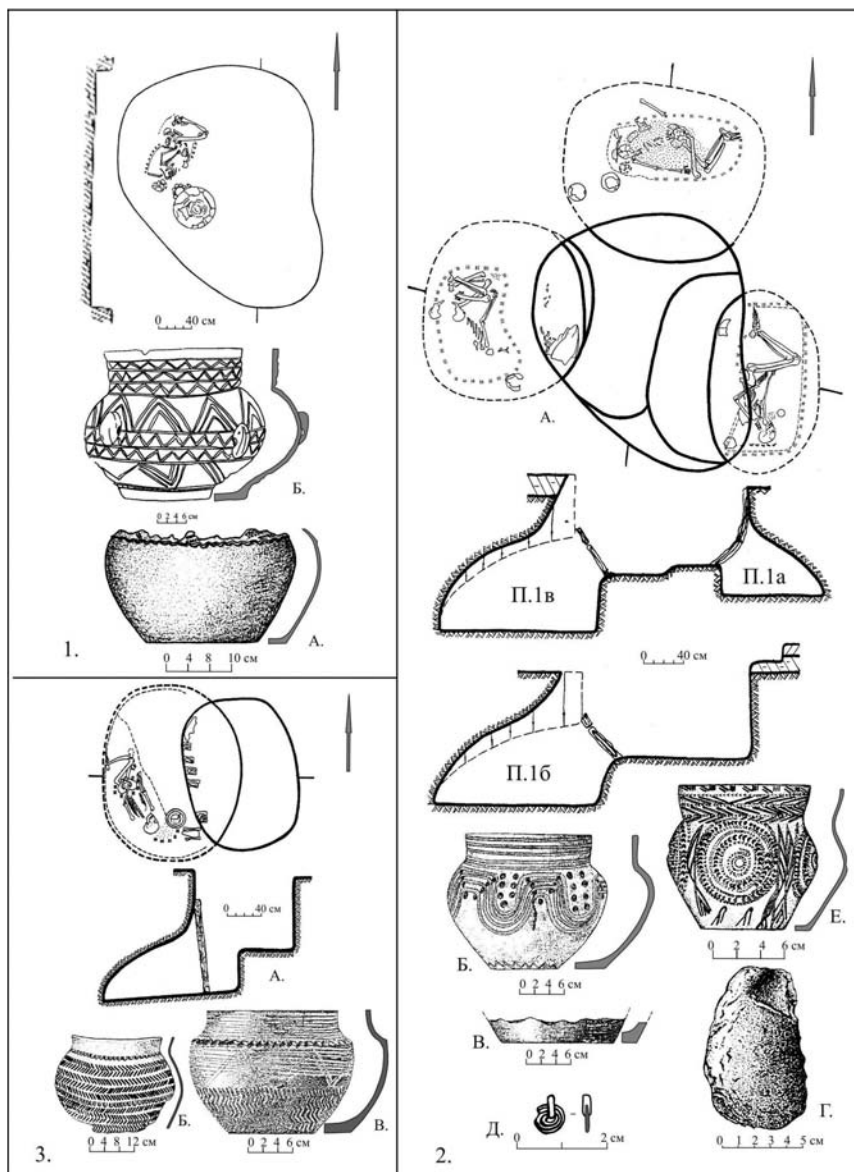

Рис. 2. 1 – погребение 1; 2 – погребения комплекса: 1а, 1б, 1в; 3 – погребение 2.

Между этими лентами находились вписанные треугольники, выполненные шнуровым штампом. На тулове амфоры было четыре налепа со сквозными отверстиями. В соединении с линиями зигзагов ручки-налепы можно интерпретировать как изображение головы змеи. При захоронении находился жертвенник: кости мелких животных – козы, овцы. Принимая во внимание характер посуды, в частности реповидный сосуд, но, в первую очередь, амфору, а также факт орнаментации черепа охрой, погребение следует отнести ко времени среднедонского этапа катакомбной культуры (Смирнов, 1996, с.167, рис. 34).

После выемки заполнения на отметках 3,2–3,4 м R⁰ зафиксировано дно колодца, из которого к востоку, югу и западу автономно сооружены катакомбы. Следует отметить, что при этом форма и очертания колодца по верхнему и нижнему контуру изменений не претерпели (рис. 2, 2).

Погребение 1-а (рис. 2, **2А**) находилось в катакомбе, вырытой в восточной стороне колодца, из которого с отметки –3,22 м R⁰ прокопано углубление-шахта глубиной 0,45 м (–3,67 м) и уже из нее – лаз в камеру. Вход в камеру был закрыт семью плахами высотой 0,8–1 м, часть плах разрушилась и просела в камеру. Форма камеры овальная 1,95×1,15 м; удлинение по линии С–Ю; свод имел равномерный наклон от верха лаза ко дну. Дно камеры имело наклон 12 см (от –3,55 м у входа и –3,67 м под восточной стенкой).

Скелет взрослого человека в анатомическом состоянии лежал на органической подстилке, на правом боку, спиной к выходу, черепом – к югу. Подстилка и кости со следами охры, здесь же на дне инвентарь: 17 ед. мелких фрагментов от горшка, орнаментированного косыми оттисками мелкозубчатого штампа; два кремневых скола без вторичной подработки, истлевший диск (7,5×1 см) из дерева.

Погребение 1-б (рис. 2, **2А**). Катакомба сооружена в северной стороне колодца. Дно камеры относительно дна колодца (–3,31 м R⁰) ступенькой опущено на 0,5 м (–3,8 м R⁰). Форма камеры округлая (1,9×2,1 м), дно горизонтальное, высота свода около 0,8–0,9 м, однако значительная его часть просела. Вход в катакомбу (лаз) был закрыт плахами, которые вместе с почвой обвалившегося свода заполнили камеру.

Погребенный лежал на правом боку, головой на запад; подстилка и кости скелета со следами охры. Захоронение сопровождал инвентарь: при входе в катакомбу находился жертвенник (череп, конечности мелкого травоядного животного), на дне камеры, у западной стенки стояла жаровня (рис. 2, **2В**) и горшок округлобокой формы с высокой прямой шейкой (рис. 2, **2Б**). По горловине уложены в 5 горизонтальных рядов оттиски шнурового штампа; на плечике и тулове оттиски тесьмы переходят в округлые свисающие фестоны, заполненные оттисками вдавлен стемблей камыша. За черепом находились две совершенно истлевшие бронзовые дисковидные подвески с ушком, орнаментированные спиралями (рис. 2, **2Д**), окрашенное охрой тесло из кварцита (рис. 2, **2Г**), фрагмент окаменелости дерева, покрытый охрой; небольшой кусок угля марки «Антрацит», а также черное смолистое вещество, напоминающее мумие.

Погребение 1-в находилось в третьей камере (рис. 2, **2А**) в западной стенке колодца, куда вела ступенька (0,48 м), понижающая горизонт шахты с отметки –3,3 м до –3,82 м. На этом уровне находился жертвенник – череп и кости крупного травоядного животного, вероятно, лошади. Катакомба в плане почти круглая (2×2,3 м), дно –3,87 м R⁰ ровное, свод камеры обрушился, но высота его, видимо, не более 0,9–1 м. Лаз закрыт 6–7 плахами, их обломки в процессе обвала вместе с грунтом проникли в камеру.

Скелет на правом боку, с подогнутыми ногами, головой на ЮЮВ, находился вдоль западной стены камеры, на подстилке. Сосуд имел форму кубка с высокой шейкой-венчиком. Поверхность сосуда оформлена орнаментальными мотивами в технике оттисков тесьмы, шнура, мелкозубчатых штампов (рис. 2, **2Е**). По аналогии мы относим его к керамике раннего этапа донецкой катакомбной культуры (Смирнов, 1996, с. 142, рис. 10).

Итак, комплекс погребений включает в себя четыре захоронения, три из которых произведены в катакомбах, имеющих приблизительно одинаковые размеры, форму и глубину. Камеры катакомб выведены из одного общего колодца; лазы из каждой, отдельной к ним шахты закрыты плахами. Каждая из катакомб соотносится с другими под углом 90⁰, удалена почти на одинаковое расстояние, так что пространства межкамерных перегородок не более 30–40 см.

Погребальные обряды, за исключением ориентировок, одинаковые: подстилки, порошкообразная охра, правый бок, согнутость ног, жертвенники, инвентарь (горшки, жаровни).

Заполнен колодец совершенно рыхлой почвой, что свидетельствует об ее неоднократном переотложении, вызванном подзахоронениями в очередную, здесь же отстроенную, катакомбу. Погребальный комплекс завершало парное захоронение женщины с ребенком, размещенное на горизонте –2,32 м R⁰, в верхнем уровне заполнения колодца. Возможно, оно имеет отношение к обряду, связанному с ритуалом семейной привязанности ее членов в системе общей им усыпальницы, однако вероятность случайного совпадения очевиднее. В данной ситуации, прежде всего, акцентируем внимание на факте сопровождения парного захоронения с кубком, относящимся к среднедонскому периоду и подреповидным горшком манычского типа. Сосуды из других погребений комплекса 1, как и конструкции его катакомб, соответствуют традициям донецкой катакомбной культуры, что и определяет их хронологию в пределах середины, второй половины III тыс. до н. э. (по калиброванным датам) (Братченко, 2001, с. 72). Комплекс захоронений возник в условиях уже существовавшего здесь кургана ямного времени, нельзя не отметить, что большинство остальных захоронений в катакомбах сформировались вокруг рассматриваемого комплекса с СВ, Ю и ЮЗ сторон в виде полукольца (рис. 1, **2**).

Погребение 2 (рис. 2, **3**) в восточной насыпи. Пятно колодца зафиксировано в траншее 1 на отметке $-1,7$ м R^0 , но отчетливо читалось лишь в погребенном черноземе ($-2,19$ м R^0). В плане пятно овальное, $1,2 \times 1,5$ м, заполнение рыхлое, из светлого суглинка. На отметке $-3,24$ м R^0 находилось его дно, ниже, за счет ступеньки $-0,44$ м, дно камеры ($-3,68$ м R^0). Камера сооружена в западном направлении. Вход закрыт пятью плахами высотой $0,75-0,85$ м, в шахте на входе в камеру поставлена жаровня из стенки горшка, оформленная горизонтальными елочно-зубчатыми оттисками (рис. 2, **3Б**).

Катакомба (рис. 2, **3А**) округло-овальная $1,42 \times 1,83$ м, удлинение по линии С–Ю, свод (высота $0,72$ м), сфероконусовидной формы, сохранился без обрушений. Скелет находился под западной стенкой, на подстилке, на правом боку, головой к ЮЮВ; ноги согнуты; у черепа прослеживается обилие порошкообразной охры; жертвенник; у головы, перед лицом стоял горшок, предположительно относящийся к среднедонской катакомбной культуры (рис. 2, **3В**).

Погребение 3 (рис. 3, **1**), впускное, в юго-восточной поле кургана. Колодец $1 \times 1,2$ м прослежен в насыпи, на горизонте $-2,3$ м, его дно в предматерике $-2,57$ м R^0 . В колодце, в восточной стороне, находились два жертвенника, рядом незначительное скопление золы и углей. В северной стороне сохранились пять плах высотой $0,6-0,7$ м, толщиной $0,25-0,35$ м. Плахи плотно закрывали вход в камеру. По отношению к колодцу погребальная камера обустроена в северной стороне. Ее свод и стены просели, поэтому расчистку выполняли сверху. Камера имела округлую форму, размеры $1,1 \times 1,55$ м, удлинение в направлении В–З, дно $-2,85$ м R^0 . Разность глубин дна колодца и камеры составляет $0,3$ м за счет двух ступенек при переходе из шахты в катакомбу (рис. 3, **1А**).

Скелет лежал на подстилке, на правом боку, ноги согнуты, голова ориентирована на запад. Захоронение сопровождали: блюдо-тарелка из дерева, ее диаметр около 14 см, здесь же горшок с высоким, раструбовидным венчиком (рис. 3, **1Б**). От плечика и до дна стенки оформлены орнаментом, оттиснутым косой «гусеничкой». У средней части скелета дно камеры обильно посыпано полихромным соцветием порошкообразной охры – красного (алого), бурого, желтого, коричневого цветов и их оттенков. Форма горшка и его орнамент относят рассматриваемое захоронение к раннеманычскому кругу погребений (Смирнов, 1996, с. 150–151, 162, рис. 18–10, 29).

Погребение 4 (рис. 3, **2**) впускное, в восточной поле кургана. Пятно прослежено в насыпи, но отчетливо проявилось только в горизонте погребенного чернозема ($-2,05$ м). Его размеры $1,6 \times 2$ м по направлению СЗ–ЮВ, здесь же фиксируются контуры стен, ниже $-0,4$ м ($-2,45$ м R^0) дно катакомбы. Следовательно, камера, сооруженная почти в насыпи кургана, естественно обрушилась, но по ее дну видно, что катакомба была прямоугольно-овальной формы $1,3 \times 2$ м (ЮВ–СЗ) (рис. 3, **2А**).

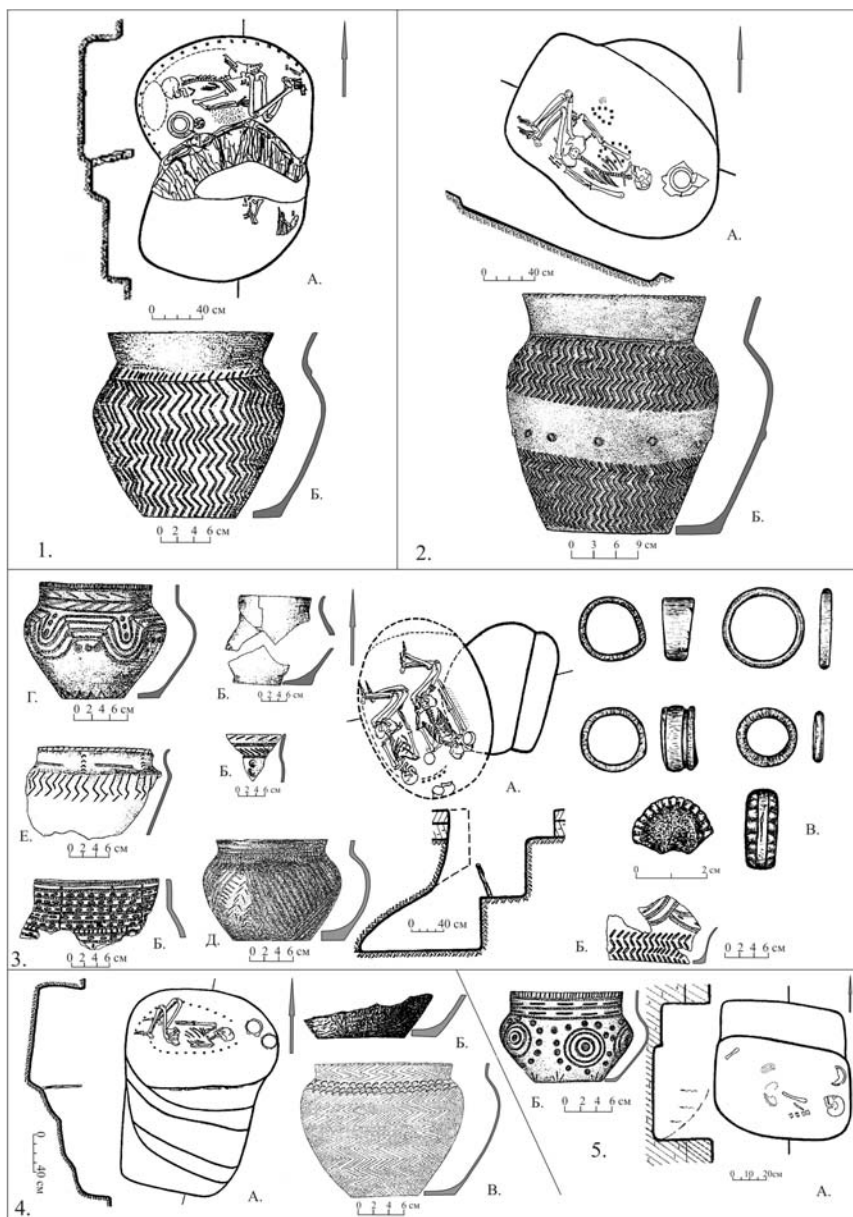

Рис. 3. 1 – погребение 3; 2 – погребение 4; 3 – погребение 5;
4 – погребение 6; 5 – погребение 8.

Скелет в анатомическом виде лежал на подстилке с охристой подсыпкой, на правом боку, с отклонением на спину, головой к ЮВ, с поворотом лица к северу. Захоронение сопровождали фрагменты охры и горшок удлиненной формы с раструбовидной горловиной. Стенки оформлены «гусеничкой» композиции елочкой, на тулове несколько сосцевидных налепов (рис. 3, **2Б**).

Погребение 5 (рис. 3, **3**) впускное, в юго-восточном секторе насыпи. Пятно колодца прослеживалось с отметки $-1,5$ м R⁰, полное же ее очертание лишь на горизонте $-2,15$ м в погребенной почве и в предматерике $-2,25$ м. Форма пятна овальная $1,4 \times 1,7$ м по линии ССВ–ЮЮЗ (рис. 3, **3А**).

В колодце-шахте с двумя ступеньками $-2,38$ м и $-3,15$ м R⁰, в заполнении находились: останки скелета человека, 11 мелких обломков керамики от разных горшков (рис. 3, **3Б**), кости животных, жаровня, четыре кольца из кости (рис. 3, **3В**). Бессистемность находок в заполнении шахты напоминает ситуацию переотложенности.

Камера по отношению к колодцу сооружена в ЗЮЗ направлении, у входа свод просел, но в глубине сохранился. В плане она овальная $1,65 \times 2,3$ м по линии ССЗ–ЮЮВ, свод сферический, высота его около 1 м, вход в камеру был закрыт 7–8 плахами. Дно ровное ($-3,8$ м R⁰), устлано подстилкой растительного происхождения и посыпано охрой. В камере расчищены два скелета, захоронения в одинаковой позе, на правом полуобу со скорченными ногами, правые руки прямые, левые согнуты, ориентировка черепов к ЮЮВ (30°), поворот лица к СВ (рис. 3, **3А**).

Погребенных сопровождал инвентарь: два горшка (рис. 3, **3Г, Д**), оба в южном секторе камеры, жаровня (рис. 3, **3Е**), вдоль входа в камеру сохранился оттиск круглого дерева длиной 65 см, толщиной 6–7 см, напоминающего посох-жезл, уложенный на полосу порошковой охры шириной 10–15 см, длиной до 1 м. Между скелетами, у костей предплечий, зафиксировано тонкое блюдо из дерева диаметром 25 см; высота стенки 3,5 см. Горшки приземистые, венчики-шейки невысокие, почти прямые, стенки заглажены, оформлены отгиснутыми веревочно-тесемчатými орнаментами и уже этими признаками напоминают донецкий тип сосудов катакомбной культуры.

Погребение 6 (рис. 3, **4**) впускное, в северной поле кургана. Из-за оплыва насыпи верхние части конструкции разрушены, отчетливые же ее контуры зафиксированы в предматерике $-2,27$ м R⁰. Общая глубина камеры $-3,37$ м, вход в нее в северном направлении, осуществлен из колодца посредством пяти ступенек высотой 0,1–0,2 см каждая (рис. 3, 4-а). На горизонте нижней ступени ($-3,2$ м) находилось пять тонких (до 5 см) плах перекрывавших вход в камеру. Сам же вход в катакомбу обрушился и оплыл, поэтому параметры камеры определяются только по дну. В плане она в виде овала $1,35 \times 2$ м, удлинение по линии В–З, на дне прослежены растительная подстилка и охра.

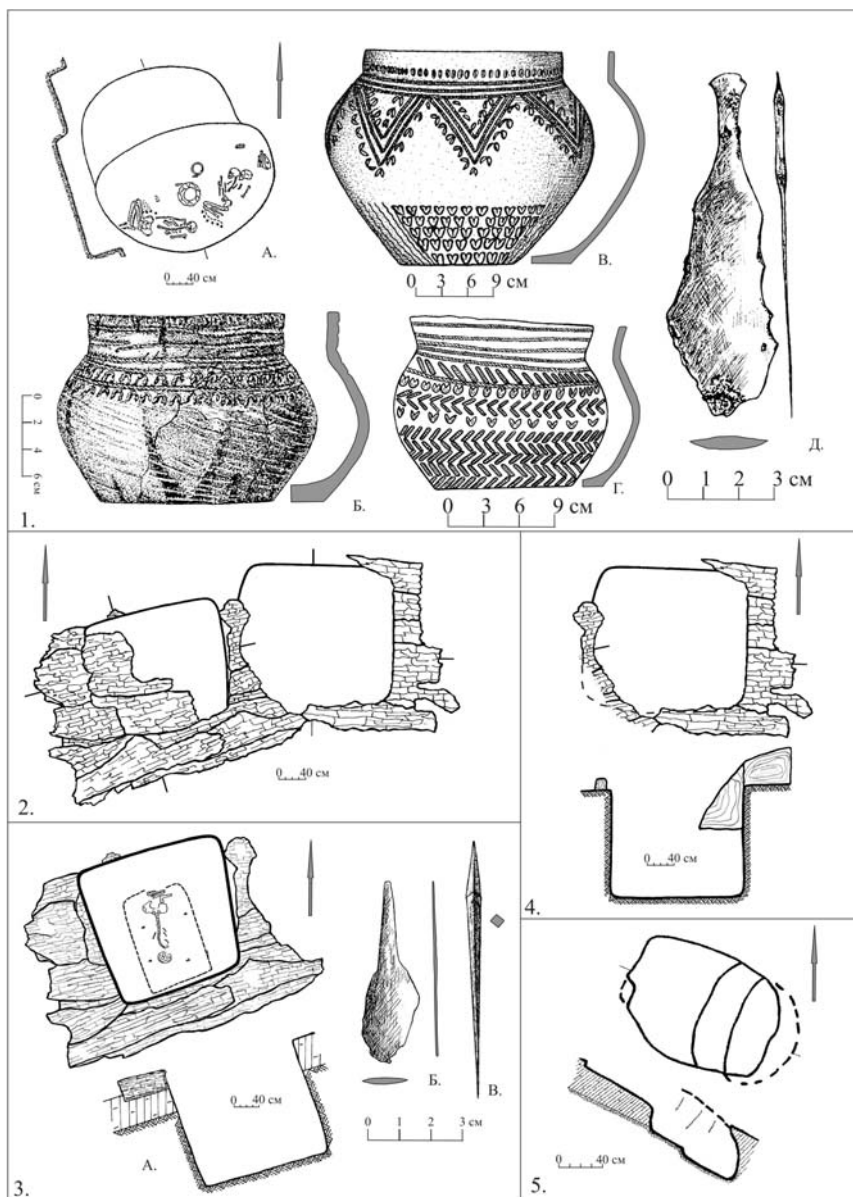

Рис. 4. 1 – погребение 7; 2 – соотношение погребений 9 и 10;
3 – погребение 9; 4 – погребение 10; 5 – погребение 14.

Скелет взрослой особи ингумирован на правом полубоку, череп к востоку, поворот лица к северу, ноги согнуты. Инвентарь сосредоточен в восточной стороне и представлен жаровней (рис. 3, 4-б) и горшком среднедонской катакомбной культуры, стенки которого по всей поверхности оформлены мелким зубчатым штампом в горизонтально-елочной композиции (рис. 3, 4-в).

Погребение 7 (рис. 4, 1) впускное, в СВ стороне насыпи. Овальный колодец 1×2,2 м (СВ–ЮЗ) прослеженный в насыпи, опускается на глубину –2,56 м R⁰. Из него в южном направлении сооружена камера, дно посредством ступеньки –0,3 м опущено до уровня –2,87 м R⁰. Свод камеры полностью просел, но ее форма в плане определяется по дну в виде овала 1,8×2,55 м с направлением СВВ–ЗЮЗ. Дно с органической подстилкой и охрой. На этом горизонте, вдоль южной стороны камеры, расчищены три скелета: взрослая особь и два рядом лежащих подростка 8–9 лет, оба на правом боку со скорченными ногами, черепа к ССВ. Взрослая особь на правом полубоку с сильно согнутыми ногами, ориентировка головы к востоку.

Инвентарь включал три горшка, два из них в центре, здесь же листовидный черенковый нож (8×2,3×0,3 см) из бронзы (рис. 4, 1-д), под восточной стенкой жертвенник, в нескольких местах прослежены пятна скоплений порошковой охры. Горшки из погребений приземистые, с невысокими венчиками, тулова округлые, заглаженные, стенки оформлены разносюжетными орнаментами (рис. 4, 1-б, в, г). По этим признакам они напоминают посуду донецкой катакомбной культуры раннего этапа (Смирнов, 1996, с. 142, рис. 10–4, 5, 8).

Погребение 8 (рис. 3, 5) впускное, детское в катакомбе, подпрямоугольно-овальной формы 0,55×0,9 м, на глубине –1,85 м R⁰. Камера под курганной насыпью, но ее основание на погребенке, поэтому свод полностью разрушен.

Входной колодец (0,75×0,3 м) прямоугольный, дно –1,8 м R⁰. На дне зафиксированы обломки плах и ступенька, из которой в южном направлении был вход в погребальную камеру (рис. 3, 5-а). Дно камеры устлано тленом с пятнами порошковой охры. Сохранность скелета плохая, заметна лишь восточная ориентировка головы и скорченность ног. Захоронение сопровождалось жертвенником, в противоположной восточной стороне находился горшок-кубок приземистой формы с резко выпуклым туловом, высокой прямой шейкой-венчиком (рис. 3, 5-б). Стенки сосуда заглажены и оформлены шнуровыми оттисками в виде горизонтальных полос на шейке и оттисками камыша на тулова. Сосуд-кубок относим к числу посуды позднего этапа донецкой катакомбной культуры.

Погребения 9 и 10 (рис. 2, 3, 4) практически однотипные, выполнены в больших почти квадратной формы (9–2,2×2,3 м; 10–2,1×2,4 м) ямах с прямыми вертикальными стенами, дно на отметках –3,71 и соответственно –3,59 м R⁰. Оба погребения характерны значительные бревенчатые конструкции, посредством которых в прошлом сверху были перекрыты ямы (рис. 4, 2).

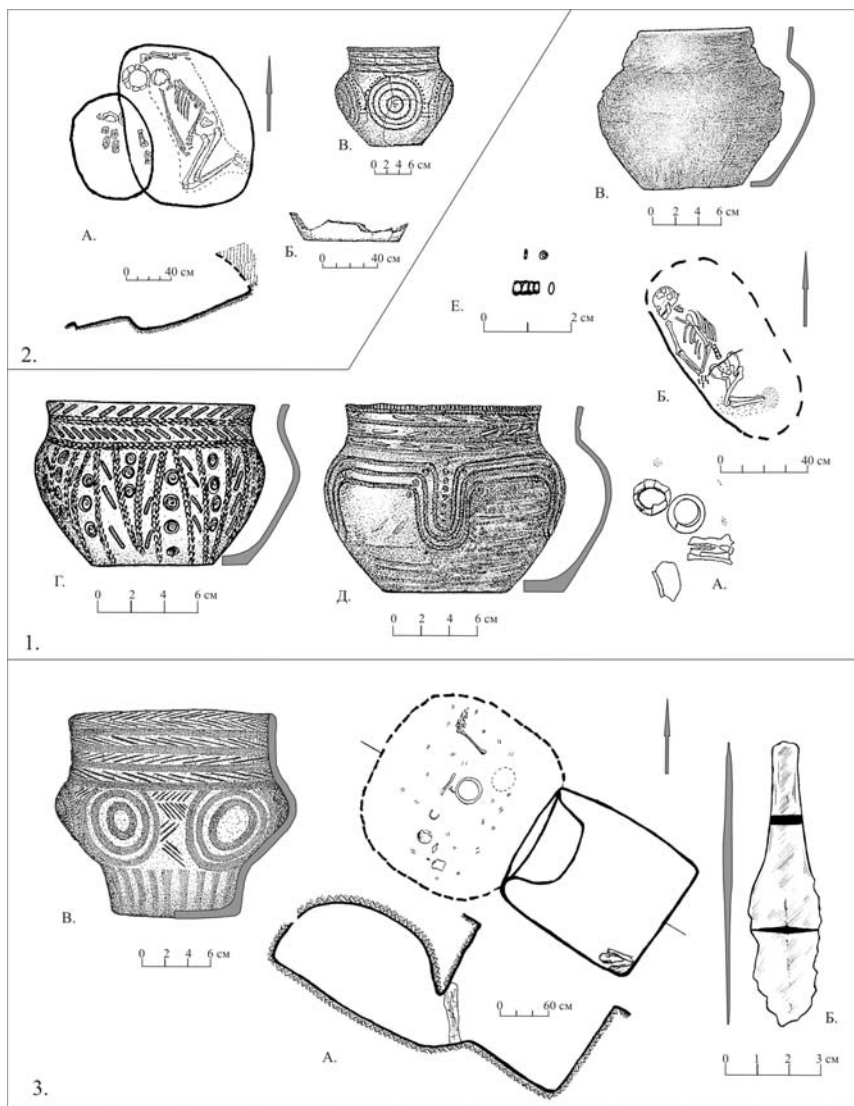

Рис. 5. 1 – погребение 12; 2 – погребение 11; 3 – погребение 13.

Бревна, опирающиеся на почву за пределами ям, сохранились, те части, которые нависали над ямами, естественно, просели вовнутрь вместе с грунтом (рис. 4, 3, 4). Массивные плахи уложены в направлении В–З (10) (рис. 4, 4) и ЗЮЗ–ВСВ до 22° (9) (рис. 4, 3), в среднем занимали пространства 2,6×3,5 м (9) и 2,5×3,5 м (10), следовательно, площадь каждой из конструкций определяется в пределах 8,6 и 8,9 м². Дно ям ровное, в средней их части прослеживаются растительные подстилки размером 0,9–1×1,3 м.

В каждой из ям находилось по одному захоронению, сохранность их совершенно неудовлетворительная. Например, в погребении 10 едва прослежен лишь костный тлен, в погребении 9 почти такое же состояние, но все же заметно, что умерший уложен на спину, ноги согнуты, голова к югу.

Инвентарь был лишь в погребении 9, здесь находились медные черенковый, листовидный миниатюрный нож (рис. 4, 3-б) и четырехгранное шильце с коротким черенком (рис. 4, 3-в). Такие артефакты, как конструкция ямы и металл из нее, указывают на принадлежность погребения № 9 к ямной культуре (Смирнов, 1996, с. 136, рис. 6; 7; Черных, 2004, с. 222–235). Но из двух погребений ямного типа основным все же следует считать 10 (рис. 4, 4). Выкид лесса из его ямы прослеживаем в бровках 4 и 5. Он лежит непосредственно на погребенном черноземе к северу от ямы в пределах 2,5–5 м и к югу 2–5 м, его высота 0,4–0,6 м. После ингумации умершего, выполненной в яме 2,1×2,4 м, глубиной –3,59 м R⁰ (площадь 5,04 м², объем 9,5 м³), засыпки грунтом и укладки плах был насыпан курган, который следует рассматривать как основной в дальнейшем без подсыпок, несмотря на то, что здесь сформировали могильник, включающий в себя еще 13 захоронений.

Погребение 9 впускное, выполнено в яме площадью 3,4 м², глубиной –3,7 м R⁰, объем ямы составил 6,1 м³. Колодец могилы погребения 9 фиксируется сверху кургана (бровка 5, рис. 1, 3), он же, частично затрагивая бревна погр. 10, уходит в материк на глубину 2,1 м. Однако, выкид из ямы объемом 6,5 м³ не прослежен, видимо, лесс из нее, частично смешанный с почвой насыпи, был засыпан в колодец погр. 9, часть его могла быть срезана при планировке насыпи.

Ямы погребений 9 и 10 обустроены рядом так, что перегородка между ними не превышает 0,5 м. В плане они соотносятся под углом до 25°, т.е. яма погребения 9 направлена по азимуту ЗЮЗ–ВСВ, погребение 10 по линии В–З (рис. 4, 2). Обе ямы суммарно занимают площадь покрытия бревнами около 15–15,5 м², из них 8,5 м² непосредственно ямы. Конструктивные аналогии погребениям 9 и 10 имели место на кургане у с. Преображенное на р. Красной (Красильников, Тельнова, 1993, с. 96, 99, рис. 7).

Погребение 11 (рис. 5, 1) в южной поле кургана, прослежено в бровке 4, на горизонте погребенной почвы (–1,83 м R⁰). Естественно, в насыпи кургана колодец и конструкцию камеры зафиксировать не удалось и только при зачистке по горизонту был обнаружен инвентарь: два горшка, жаровня, жертвенник (рис. 5, 1-а). Ниже инвентаря и к северу от него

в пределах слабо прослеживаемого пятна тлена овальной формы (0,5×0,75 м) по направлению СЗ–ЮВ, расчищено захоронение (рис. 5, **1-б**). Таким образом, местонахождение инвентаря, видимо, следует рассматривать как дно колодца-шахты, из которой в северо-восточном направлении могла быть обустроена камера с понижением ее пола на 7–7,5 см по отношению ко дну шахты.

На подстилке с вкраплениями охры находился скелет подростка на правом боку, головой к северо-западу, ноги подогнуты и здесь же обилие порошковой алой охры. У головы, на поясе и у колен оставлены пастовые бусины (рис. 5, **1-е**).

Керамические горшки (рис. 5, **1-г, д**) в виде приземистых, широких, с умеренными по высоте шейками, в целом кубкообразных форм, оформленных орнаментами шнура, тесьмы, гусенички, вдавлен, в общих признаках соответствуют горшкам донецкой катакомбной культуры (Смирнов, 1996, с. 176–179, рис. 43–46). Жаровня из крупного фрагмента сосуда округлой формы с высокой, прямой горловиной-венчиком (рис. 5, **1-в**). Фактура теста этой емкости плотная, стенка без орнамента, но тщательно заглажена, обжиг равномерный.

Погребение 12 (рис. 5, **2**) впускное, в южной поле насыпи. Колодец прослеживался сверху кургана, но только на горизонте погребенного чернозема, после разбора бровки 5, в плане зафиксированы контуры пятен шахты (1,1×1,6 м) и здесь же просевшей камеры. Расчистка выявила округлый колодец 0,7×0,95 м, на отметке –1,85 м R⁰, зафиксированы остатки плах. К ВСВ (18⁰) от него находилась камера в форме овала 1,15×1,5 м, с удлинением ССЗ–ЮЮВ, дно –1,9 м R⁰, в центре с понижением до –2,09 м. Верх свода камеры отсутствовал, так как основная его часть находилась в насыпи кургана (рис. 5, **2-а**).

Скелет взрослой особи лежал на подстилке со следами охры, на правом боку, ориентирован головой к ССЗ, ноги в скорченном виде, правая рука прямая, левая согнута 120⁰. Захоронение сопровождал инвентарь: на дне колодца находилась жаровня из дна горшка (рис. 5, **2-б**), в камере, под ССЗ стенкой оставлен жертвенник, у изголовья кубковидный сосуд, относящийся к развитому этапу донецкой катакомбной культуры (рис. 5, **2-в**).

Погребение 13 (рис. 5, **3**) впускное, в ЮВ поле насыпи. Колодец прослежен в бровке №3 с восточной стороны, почти сверху, т.е. –0,5 м ниже современной поверхности насыпи. Горизонтальной зачисткой здесь же выявлено еще одно пятно колодца к погребению 14. Полное же очертание пятна колодца погребения 13 зафиксировано лишь на горизонте погребенного чернозема, а затем и в суглинке предматерика –2,05 м R⁰. После выборки гумусированного заполнения была выявлена прямоугольная яма 1,8×2,1 м (3,8 м²) с вертикальными стенками, удлинение по линии СЗ–ЮВ, глубиной –3,55 м R⁰ (рис. 5, **3-а**). Объем извлеченного лесса составил около 5 м³, на дне ямы, в южном углу был жертвенник – кости крупного травоядного животного.

Камера по отношению к колодцу в СЗ направлении, переход в нее в виде ступеньки -0,35 м и лаза высотой около 0,7 м, шириной 1 м, который был закрыт семью плахами высотой не менее 0,8–0,9 м. Погребальная камера квадратно-округлой формы 2,2×2,4 м, со сферокупольным сводом высотой около 1,2 м, дно -4,1 м R⁰ (рис. 5, **3-а**). Площадь дна камеры более 3 м², внутренний ее объем около 3 м³. Дно устлано растительной подстилкой и частично охрой, здесь же находились сильно поврежденные грызунами останки скелета взрослой особи. При захоронении умерший был уложен на правый бок, головой к ЮЮВ, ноги согнуты. Инвентарь состоял из жаровни, стенки горшка (практически разрушилась), бронзового листовидного черенкового ножа (рис. 5, **3-б**), миниатюрного абразива из сланца, все это находилось в южной части камеры. В ее центре стоял кубковидный, с высокой шейкой и сильно выделенным туловом горшок (рис. 5, **3-в**). Поверхности кубка оформлены: на шейке оттиски горизонтальной гребенчатой елки, на тулове тесемчатые узоры в виде кругов, внизу, в придонной части, оттиснуты вертикальные полосы тесемы. Данные признаки позволяют отнести сосуд к раннему этапу донецкой катакомбной культуры.

Погребение 14 (рис. 4, **5**) впускное, катакомбного типа, в ЮВ поле кургана. Колодец прослежен в насыпи с глубины -0,8 м, но полное его очертание определили лишь в предматерике (-2,2 м R⁰). Форма пятна колодца прямоугольная 1×1,4 м, удлинение по линии СЗ–ЮВ, дно -2,3 м R⁰. Погребальная камера в форме овала 0,5×0,9 м, в направлении СВ–ЮЗ, по отношению к колодцу к ЮВ. Вход в нее с двумя широкими ступеньками (-2,56 м и -2,65 м), значительная часть свода просела. На дне (-2,65 м R⁰) едва проследили костный тлен захоронения младенца с ориентировкой по направлению С–Ю, голова к Ю. Инвентарь отсутствует.

Предварительные выводы о хронологии и последовательности захоронений в кургане 1.

Курган, исходя из данных его современного состояния, состоит из одной насыпи, причем она возникла над основным захоронением № 10 ямного типа, расположенном почти в центре насыпи. Выкид лесса, образовавшийся при рытье ямы, сосредоточен на погребенной почве и находится к северу и к югу от нее почти на равном удалении. Погребальная камера накрыта бревнами-плахами и затем насыпан курган, о точных параметрах которого, по данным состояния насыпи, судить сложно.

Погребение 9 ямного типа, впускное, для него сверху насыпи была выбрана яма 6×3,2 м (рис. 1, **2**) в направлении СВ–ЮЗ, снизу ее размеры, за счет сужения, уменьшались до 2,2×2,3 м. После захоронения яму, подобно погр. 10, перекрыли плахами, но был ли досыпан курган над этим погребением, из-за спланированности насыпи определить не представляется возможным. Все остальные захоронения кургана 1 относим

к катакомбному типу. Они, в преобладающей степени, размещены в восточном секторе насыпи, лишь два (6 и 8) к северу и еще два (11 и 12) к югу от R⁰ (рис. 1, 2).

Ядром, вокруг которого сосредоточено большинство катакомб (2, 3, 4, 5, 7, 13, 14), визуально следует считать комплекс захоронений, обустроенных из одного общего для трех камер (1-а, 1-б, 1-в) колодца. Входные колодцы остальных впускных захоронений в большинстве зафиксированы в бровках насыпи. Несмотря на плотность могил, факты их совмещения не имеют места. Большинство камер катакомб опущены в плотные и прочные горизонты лесса (1-а, 1-б, 1-в, 2, 3, 5, 6, 13), в этом случае сохранность камер достаточно хорошая. Другие (4, 7, 12, 14) лишь частично в материке, поэтому верх камер, сооруженных в горизонте погребенной почвы, естественно, просел. Третьи (8, 11) полностью в насыпи и поэтому их конструкции вообще почти неуловимы.

Общую хронологию кургана-могильника определяем захоронениями ямного типа – нижняя дата, верхняя дата – погребениями в катакомбах. Погребения 9 и 10, вероятнее всего, соответствуют ямной культурно-исторической общности. Погребения 1-а, б, в; П. 13, выполненные в катакомбах, из анализа инвентаря и в первую очередь керамики, могут быть отнесены к раннему этапу донецкой катакомбной культуры. В погребениях 5, 7, 8, 11, 12 прослеживаем керамику развитого и позднего этапов донецкой культуры. Горшок из погр. 2, 6 в форме, но в основном в орнаментации, исполненной зубчатым штампом в горизонтально-елочной композиции, можно идентифицировать с памятниками среднедонской группы. Нижняя хронология некрополя определяется погребениями в ямах (9 и 10), относящихся к ямному времени рубежа IV–III тыс. до н.э., по Братченко, и 25–18 вв. до н.э., по Сафронову (Сафронов, 1974, с. 24–117; 1979, с. 15; 1989). Основная же часть могил в катакомбах относится к донецкой и среднедонской катакомбной культурам, датируемым III – началом II тыс. до н.э. (Братченко, 2001, с. 47). По В.А. Сафронову, донецкая катакомбная культура датируется 18–16 вв. до н.э. В 1979 году по материалам раскопок курганов у пос. Тошковка Луганской области и кургана в Сельскохозяйственном институте в г. Ворошиловграде (ныне Луганск) была выявлена группа катакомб, которая, по данным стратиграфии, предшествовала погребениям донецкой катакомбной культуры. Этот горизонт выявлен и на Тамани, и в Прикубанье, и в Предкавказье, что позволяет решать вопросы происхождения и этнической атрибуции носителей катакомбного обряда как древнеевропейцев (Николаева, Сафронов, 1979, с. 41–42; 1981, с. 4–26; Николаева 2009, с. 153–167). Уточнения хронологической последовательности предлагаемых нами этапов катакомбных древностей каждого отдельно взятого захоронения кургана 1, надеемся, определяют специалисты.

Литература

Братченко С.Н., 2001 – Донецька катакомбна культура раннього етапу // Луганськ

Красильников К.И., Тельнова Л.И., 1993 – Исследования кургана у с. Преображенное на р. Красная // Древние культуры Подонцовья, вып. 1, Луганск

Красильников К.И., 2007 – Отчет о раскопках кургана 1 у пос. Краснореченск (Кабанье) Кременского р-на Луганской области // Архив ИА НАН Украины

Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1979 – Происхождение катакомбного обряда в Восточной Европе // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тезисы конференции. Донецк

Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1981 – Древнейшая катакомбная культура Северного Кавказа и проблема появления катакомбного обряда в Восточной Европе // Катакомбные культуры (памятники) Северного Кавказа. Орджоникидзе

Николаева Н.А., 2009 – Древнеевропейцы II тыс. до н.э. в Восточной Европе (механизм формирования раннекатакомбного горизонта) // Вестник Московского государственного областного университета, серия «История и политические науки», вып. 1

Сафронов В.А., 1974 – Классификация и матировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Сообщения Научно-Методического Совета по охране памятников культуры МК СССР. Вып. 7

Сафронов В.А., 1979 – Хронологическая система энеолита и бронзового века юга Восточной Европы // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тезисы конференции. Донецк

Сафронов В.А., 1989 – Индоевропейские прародины // Москва-Горький

Смирнов А.М., 1996 – Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце // М.

Черных Е.А., 2004 – Позднеямные погребения стратифицированного кургана у с. Зимогорье на р. Лугани // Матеріали та дослідження археології Східної України, Луганськ

Керамика эпохи ранней – средней бронзы Волго-Уралья в контексте Кавказско- Причерноморских связей: «взгляд» с востока

Мочалов О.Д. (Самара)

(Работа выполнена при поддержке РФГФ,
проект № 09–01–00306 а/У)

Волго-Уральский регион в эпоху бронзы имел яркую культурную специфику, обусловленную расположением на границе Европы и Азии, включающей ландшафтные зоны от леса и лесостепи на севере до полупустыни на юге. Волга и Урал с их притоками могли связывать население очень отдаленных регионов. Тем более что в эпоху ранней – средней бронзы (по калиброванным датам рубеж IV/III – III/II тыс. до н.э.) имел место процесс одомашнивания лошади и развития колесного транспорта, приведшие к усилению взаимодействия племен. Значительная часть керамики всех археологических культур Волго-Уралья отражает нетрадиционные и не вполне устойчивые навыки формообразования (в целом около 50 %) и орнаменту (Мочалов, 2008). Прототипы некоторых форм и декоров невыводимы из местных традиций. Это заставляет обращаться к изучению генезиса керамики не только в пределах близлежащих регионов. Некоторые «дальние» направления связей наиболее четко фиксируются именно в керамических культурных традициях.

Одним из таких направлений является юго-западное – связь с Кавказом и Причерноморьем. Очевидно, что бассейн Волги фактически связан с Кавказом напрямую, а через северный Кавказ, волжские и донские притоки и с более западными территориями. Ранее уже были сделаны попытки анализа связей керамических традиций означенных регионов (Богданов, 2004, с. 167–174; Синюк, 1996, с. 43; Кузнецов, Мочалов, 2009, с. 292–296; Мочалов, 2006, с. 64–69; 2007, с. 162–170; 2008, с. 45). При этом отметим, что в разные исторические периоды контакты могли носить различный характер и направленность. Выделяются периоды, когда Волго-Уралье испытывало влияния юго-западных культур, и, наоборот, волго-уральские традиции оказывали влияние на означенные территории. Во многих случаях указанные воздействия носили принципиальное значение, поскольку определяли облик керамических комплексов.

Ранняя бронза. В эпоху ранней бронзы огромная часть Восточной Европы (степь и южная лесостепь) от Дуная до Урала входила в ареал

ямной культурно-исторической области. Как показал анализ типов керамики всей ямной КИО, несмотря на монолитность погребального обряда, близость каменного, костяного и металлического инвентаря, керамические типы западного (от бассейна Днепра и западнее) и восточного ареалов (восточнее Дона), несмотря на их относительную синхронизацию, имеют мало общего (Мочалов, 2009, с. 78–87, рис. 3).

В Доно-Волго-Уральском регионе в ямных комплексах фактически отсутствуют специфические плоскодонные типы керамики западного ареала, которые составляют там преобладающую часть керамики: кувшины, кубки, воронки, корчаги, курильницы, амфоры, овоидные амфоры, банки на поддоне. Керамика западного ареала в основном представлена не классическими ямными круглодонными сосудами, а импортами катакомбных культур, позднего Триполья, культуры шаровидных амфор и других культур Подунавья и Карпат (Яровой, 2006, с. 119). По данным Е.В. Яровой, в керамическом комплексе ямных памятников Северо-Западного Причерноморья ямными являются лишь 35 % сосудов, преобладающая часть – инокультурные (Яровой, 2006, с. 119). При этом и в категорию «ямные» вошли формы несопоставимые с традициями энеолита – ранней бронзы восточного ареала. Местные круглодонные энеолитические традиции тоже представлены слабо.

Представляется, что появление круглодонной керамики в западном ареале связано не только с процессом продвижения ямных племен с востока на запад и влиянием местных среднестоговских и близких им традиций (Телегин, 2001, с. 3–13), что четко фиксируется по аналогам с примесью раковины, но и с северокавказским импульсом позднего этапа майкопской культуры, где можно выделить прототипы некоторых круглодонных форм. Во всяком случае, керамика, морфологически и стилистически близкая майкопской, выделялась в ямных комплексах А.Т. Синюком на Дону, С.В. Богдановым в Приуралье, О.Д. Мочаловым в Поволжье (Синюк, 1996, с. 43; Богданов, 2004, с. 167–174; Мочалов, 2008, с. 45) (рис. 1). Возможно, в этом кроется и ответ на вопрос «о появлении яйцевидных форм», сформулированный в одной из статей Д.Я. Телегина (Телегин, 2001, с. 12). Они могут рассматриваться как подражания определенным яйцевидным металлическим формам майкопской культуры, которые привлекали внимание степных соседей. При этом такая «яйцевидность» не характерна для позднеэнеолитической керамики других регионов, которая, как правило, круглодонна или остродонна. С другой стороны, ямная яйцевидность может рассматриваться как нечто среднее синкретическое между круглодонной и остродонной энеолитическими традициями. Какими? Ответить сложно, так как ареал их очень широк. Именно майкопские пропорции сопоставимы с яйцевидными и некоторыми круглодонными (мешковидными) ямными формами. Возможность обратного влияния ямных традиций на более развитые майкопские маловероятна.

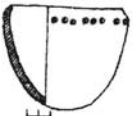

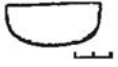

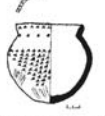
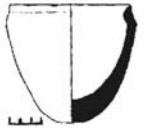

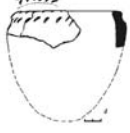

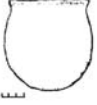
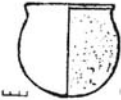

Ямная культура Среднего Поволжья	Майкопская культура			Ямная культура южного Приуралья
 Надежинка, 1/1	 Бамут	 Майкопский курган	 Клады, к.11	 Барышников, 4/1
 Лопатино I, 31/1	 Майкопский курган			 Медведка, 5/1
 Лопатино II, 3/2	 Красногвардейское, п.4	 Майкопский курган		 Петровский, к.1
 Кашпир III, 3/1	 Налчик	 Кисловодск	 Болдырево I, к.9	
 Березняки, 14/1, с.3	 Владимировская, 9/30			 Линевка III, 1/1
 Березняки, 14/1, с.4	 Красногвардейское, п.4			 Курманаевка, 3/1

Рис. 1. Формы керамики ямной культуры Среднего Поволжья и Южного Приуралья, сопоставимые с майкопско-новосвободненскими сосудами.

Важным аргументом является вывод Н.П. Салугиной о протогончарном уровне производства ямной керамики раннего репинского типа, в то время как гончарство предшествующей хвалынской культуры энеолита находилось на более высоком уровне перехода к археогончарству (Салугина, 2005, с. 91). Это свидетельствует о том, что гончарство ямной культуры переживало этап деградации и нестабильности. Взаимодействие этих культур в зоне Предкавказья имело характер Кавказского воздействия и опосредованно влияло и на глубинные районы ямной культуры, что подтверждается и изучением металла, в частности топоров «утевского» типа (Корневский, 2004, с. 93–96; Кузнецов, Кузьминых, 2004, с. 56–60; Корневский, 2006, с. 53–56; Рысин, 2007, с. 187–192). Кроме того, фиксируются аналогии с некоторыми пуансонными бляхами ямной культуры в материалах Новосвободненской гробницы и аналогии с биволютными булавами с кручеными стержнями (могильник Илекшар I), видимо, в поздних куро-аракских группах южного Кавказа (Богданов, 2006, с. 13).

Северокавказский импульс мог коснуться как восточного, так и отчасти западного ареала ямной области. С этим можно связать и значительное число (нередко более половины керамических комплексов) неорнаментированной керамики. Энеолитическая посуда степных и лесостепных регионов обычно богато орнаментирована. Ямные памятники западного ареала – территории Украины также рассматривались в качестве «степной филиации майкопской культуры» (Даниленко, Шмаглій, 1972, с. 12). Среди круглодонной керамики Днепро-Донского междуречья немало сосудов и раннеямного репинского облика и с репинскими чертами (Марина, 2002, с. 96–104).

Единственными общими формами ямной керамики являются ранние типы – круглодонные горшки различной профилировки (в основном «быковско-бережновского» типа), круглодонные банки и чаши (Мочалов, 2009, с. 80–81, рис. 1,2). Яйцевидный стиль и репинские формы с массивным венчиком почти не проникали западнее Днепра. И даже общие ранние типы имеют локальные особенности, указанные в статье Д.Я. Телегина и Н.Н. Ковалюха (Телегин, Ковалюх, 2008, с. 26–27). В западных регионах они быстро вытесняются плоскодонными инокультурными формами, иногда сосуществуя. Наиболее близки керамические типы Днепро-Уральского междуречья на раннем этапе ямной культуры. Повсеместно можно обнаружить сосуды яйцевидных форм, сосуды с шарообразным туловом. Западнее Днепра типы отличны от Днепро-Уральских уже на раннем этапе. На развитом этапе ямной КИО типологически ямная керамика восточного и западного ареала настолько различается, что под вопросом ее объединение в рамках единой культурной традиции. Видимо, речь идет даже о разных уровнях гончарного производства, о различных типах очажного устройства (индикатор – форма дна) и, следовательно, не исключено о серьезных различиях в хозяйственном

укладе. Керамика западного ареала представлена сложными формами, особыми функциональными приспособлениями, более многочисленны разновидности типов и, видимо, разнообразна функциональная специализация. Отмеченное свидетельствует в пользу большей оседлости племен западного ареала. В западном ареале крайне сильны инокультурные влияния, в первую очередь катакомбные, керамика плоскодонная, с поддонами, в восточном ареале до начала среднего бронзового века сохраняются раннеямные «энеолитоидные» традиции и круглодонная посуда, катакомбные проявления редки. Только в нескольких позднейших памятниках Поволжья сочетаются плоскодонная и, новая для региона, круглодонная, традиции (Турецкий, 1988, с. 85).

Таким образом, только на этапе формирования ямная культура имела относительно определенные общие керамические критерии. Это было связано с двумя процессами: 1) влияние культур Северного Кавказа (майкопской, затем новотиторовской); общее распространение позднеэнеолитических традиций Днепро-Дона-Волжского междуречья («средний стог», «репино», «хвалынский»). Затем она распадается на два керамических ареала, развивавшихся самостоятельно: восточный – архаичный круглодонный (Дон-Волга-Урал) и западный – плоскодонный (Крым-Днепр-Дунай). Территория Днепро-Донского междуречья являлась зоной смешения разных керамических традиций, которое усиливается в конце эпохи ранней бронзы и касается уже формирования культурных традиций эпохи средней бронзы.

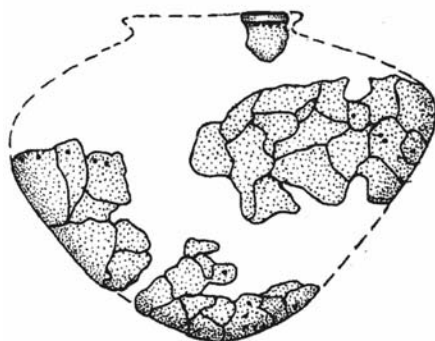
Начальный этап Средней бронзы. В начале эпохи средней бронзы в памятниках раннего этапа полтавкинской культуры Волго-Уралья выявлены тарные реповидные сосуды, видимо, импортные, наиболее сопоставимые с новотиторовскими Приазовья, лишь некоторые с катакомбными (Кузнецов, Мочалов, 2009, с. 292–296; Гей, 2000, с. 145) (рис. 2). Близки новотиторовским и профилированные плоскодонные формы с ребром в верхней трети профиля и отогнутым венчиком (Гей, 2000, с. 97, 138, рис. 35, 41), распространившиеся в Волго-Уралье позднее. Проникновение катакомбных керамических традиций фиксируется единично и в основном проявляется в Нижнем Поволжье. В лесостепи наблюдаются лишь отдельные катакомбные заимствования: широкое дно, крупные треугольники, «плотная» елка и т.д. Интересно, что исследователями все чаще отмечается влияние волго-уральских керамических традиций начала средней бронзы на западные районы, в том числе на появившие погребения с «елочной» керамикой на Северском Донце и прилегающих районах (Смирнов, 1996). В последнее десятилетие специалисты предложили выделить волго-донскую культуру в степной части Волго-Донского междуречья, на генезис керамики которой повлияли восточные лесостепные полтавкинские и западные катакомбные традиции (Кияшко, 2002; Сухорукова, 2008, с. 1–26). Западнее Дона волго-уральские черты единичны, хотя и представлены в некоторых комплексах.

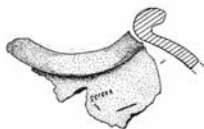
Крупской, 3/16 (Предкавказье)

Олений, 2/25 (Предкавказье)

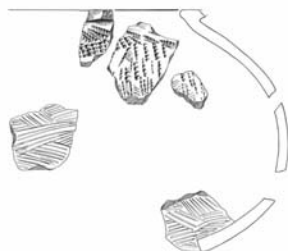
Белогорье I, 4/1
(степное Заволжье)

Быково I, 7/12
(степное Заволжье)

Турганикская (степное Приуралье)

Красносамарское IV, к.7
(лесостепное Заволжье)

Досанг (Северный Прикаспий)

Кардаилово, 1/3
(степное Приуралье)

Рис. 2. Тарные реповидные сосуды начала среднего бронзового века Волго-Уралья (нижняя часть рисунка), сопоставимые с сосудами новотиторовской культуры.

Таким образом, в эпоху ранней – начале средней бронзы влияние более передовых традиций Северного Кавказа – Предкавказья имело место, как на западные, так и на восточные регионы. В отношении степных территорий это влияние, видимо, часто было наиболее заметным, в то время как керамика лесостепи, особенно в эпоху средней бронзы, также отражает взаимодействие с лесными и лесостепными группами населения. Интересны данные о технологии ямной керамики Волго-Уралья. Н.П. Салугина по наличию нежелезненных глин предположила связь с традициями земледельческих культур, возможно, и с трипольской (Салугина, 2006, с. 79). Ареал этих культур в основном охватывает далекие южные и юго-западные регионы. Косвенно это может свидетельствовать в пользу связей с Кавказом и Причерноморьем. Данные о технологии майкопской керамики, собранные воедино С.Н. Кореневским, подтверждают широкое использование нежелезненных глин и шамота майкопскими гончарами (Кореневский, 2004, с. 22–23). Это представляется ближайшим источником заимствований. Такой широкий спектр связей не удивляет, поскольку племена ямной культуры, имея широчайший ареал, безусловно контактировали с соседями.

Погребения с ямной керамикой известны и в Средней Азии (могильник Заманбаба) (Кутимов, 2005, с. 188–209). В свою очередь и волгоуральские традиции фиксируются в Предкавказье и Приазовье, а единичные вплоть до Северо-Западного Причерноморья (Нерушай, 9/49; Старые Кокунешты, 12/9; Дальник, 3/1; Градище, 1/16; Сергеевка, 1/10; Новокаменка, 1/5). Сосуды с ямными чертами известны и в памятниках следующей за майкопской новотиторской культуры рубежа ранней – средней бронзы Северо-Западного Кавказа (Гей, 2000, с. 134–150). Черты керамики Северо-Западного Причерноморья ранней – начала средней бронзы в Волго-Уралье, во всяком случае, на визуальном уровне, пока не выявлены.

Развитый/поздний этап Средней бронзы. Во второй половине среднего бронзового века в Волго-Уралье известны памятники абашевской культуры в основном локализующиеся в лесостепном Приуралье, синташтинской культуры, в Заруалье и потаповского типа в лесостепном Заволжье. Связь с Кавказом и Причерноморьем ослабевает, но не прекращается. По мнению исследователей, определяющими для синташтинского и потаповского керамических комплексов в это время были связи с населением позднего этапа катакомбной культуры, особенно донецкой, бабинской (работы В.В. Ткачева, М.А. Халяпина, А.В. Епимахова, Р.А. Литвиненко и др.), абашевской культуры (работы В.С. Горбунова, А.Д. Пряхина, О.В. Кузьминой и др.), степных групп Волго-Уралья, в частности полтавкинских (работы Г.Б. Здановича, И.Б. Васильева, П.Ф. Кузнецова, А.П. Семеновой, Н.Б. Виноградова, А.В. Епимахова и др.). Непосредственные контакты с Волго-Уральскими субстратами и носителями традиций абашевской КИО не вызывают принципиальных возражений. Более актуальна и дискуссионна роль катакомбных культур в формировании

«синташты – потаповки». Не отрицая проникновения катакомбных керамических черт, представляется, что они были ограничены. Во-первых, на наш взгляд, керамика, связываемая с катакомбными традициями, не является классической катакомбной, а отражает интенсивное взаимодействие разных культур. Чего в ней больше – катакомбного, полтавкинского, абашевского, или она уже отражает смешение традиций, имевшее место в прошлом? – вопрос риторический. Нет единства в культурной интерпретации собственно катакомбных памятников северного Кавказа и Предкавказья – северокавказские или катакомбные (Виноградов, 1990, с. 10–12). Шишечки на сосудах этого хронологического этапа наиболее близки северокавказским. Катакомбные черты в Волго-Уралье основном прослеживаются в орнаментике: крупные треугольники, плотная горизонтальная елка и т.д. Формы сосудов – культурно нейтральны. Не исключено, что западное влияние (но какой конкретно культуры?) отразилось и в появлении примеси шамота еще на позднем этапе. Во-вторых, в катакомбных и бабинских керамических сериях, особенно среднедонской и донецкой фиксируется посуда, декорированная в стиле именно синташтинско-потаповского орнаментального стандарта композиции – сочетание елки и геометрических фигур, в основном треугольников (рис. 3, 4) (Мочалов, 2008, с. 149). Очень любопытным является наличие единичных горшковидных и биконических сосудов в южно-бугском варианте ямной КИО, сопоставимых именно с керамикой культур конца средней – начала поздней бронзы Волго-Уралья – синташтинско-потаповской и раннесрубной (Шапошникова и др., 1986, с. 42, рис. 15, Привольное, к. 4). Диагностическим здесь является сочетание форм и своеобразного каннелюрирования поверхности в виде рельефного декора (Мочалов, 2009, с. 83, рис. 4). Свидетельствует ли это о распространении влияния Волго-Уралья далеко на запад, а, следовательно, о поздней дате «доживания» местной ямной культуры? – вопрос, конечно, дискуссионный. На рубеже средней-поздней бронзы имеются единичные свидетельства о распространении характерной для Зауралья примеси талька в керамике и западнее (мог. Золотая Гора) – в раннесрубных памятниках Волго-Донского междуречья (Юдин, Матюхин, 2006, с. 83, 103). Примесь талька не является катакомбным признаком. В настоящий момент факт участия синташтинских, потаповских и абашевских племен в сложении срубных очевиден.

Поэтому само утверждение о единственном направлении влияний с запада на восток дискуссионно. Многие формы сосудов выводимы из местных полтавкинских традиций, конечно, усложненных инокультурными заимствованиями. В настоящий момент корректнее говорить о взаимном влиянии, отразившемся в первую очередь в орнаментике. Наиболее конструктивно сложные формы синташтинской, возможно, и абашевской керамики, как указывалось ранее, в частности столь яркая форма, как кубковидные сосуды, видимо, имеют южное кавказско-среднеазиатское происхождение (Мочалов, 2004, с. 123–135).

1-Ольховатка, 2,3-Власовка, 4-Кондрашевка, 5-Караяшник, 6,11-Филатово, 7-9-Стояново, 10-Подклетное, 12,14-Сватово, 13-Сватово III, 15-Кулешовка, 16-Николаевка, 17-Бабино III, 18-Маевка, 19-Балабан II, 20-Оланешты

Рис. 3. Карта распространения синташтинско-потаповского орнаментального стандарта в Восточной Европе.

Таково же и происхождение некоторых рельефных орнаментов в виде модификаций ручек/ушек на горле сосудов. Это положение оспаривается В.В. Ткачевым и А.И. Хаванским, которые в русле «катакомбной» концепции связывают распространение этих признаков опять же именно с поздним, в керамике наиболее «размытым», этапом этой культурой (Ткачев, Хаванский, 2006, с. 116–117). Все же представляется, что первоисточник появления кубковидных форм, как для культур Волго-Уралья, так и катакомбных, находился в более южных регионах. Кубковидные сосуды катакомбной и синташтинской культур классическими кубками не являются и, будучи автономными дериватами южных прототипов, весьма отличаются друг от друга по пропорциям, деталям форм и орнаментике. Рельефный декор (валики – модификации ручек, ушек) разнообразен по происхождению и не может сводиться только к катакомбной культуре. Он широко представлен в других культурах Восточной Европы, например, шаровидных амфор и т.д.

В данной работе отражено лишь несколько самых важных, на наш взгляд, сюжетов посвященных анализу керамических параллелей Волго-Уралья и Кавказско-Причерноморского региона. Безусловно, интерпретация сопоставимых материалов в каждом конкретном случае имеет различный уровень достоверности, связанный с глубиной изученности сравниваемых артефактов. Однако имеющаяся информация на уровне типологии, структурного анализа форм и декора, технологии, хронологии и периодизации культур, позволяет сделать вышеозначенные выводы и предположения, которые могут внести определенный вклад в изучение истории взаимодействия и миграций представителей индоевропейских культур юга Восточной Европы.

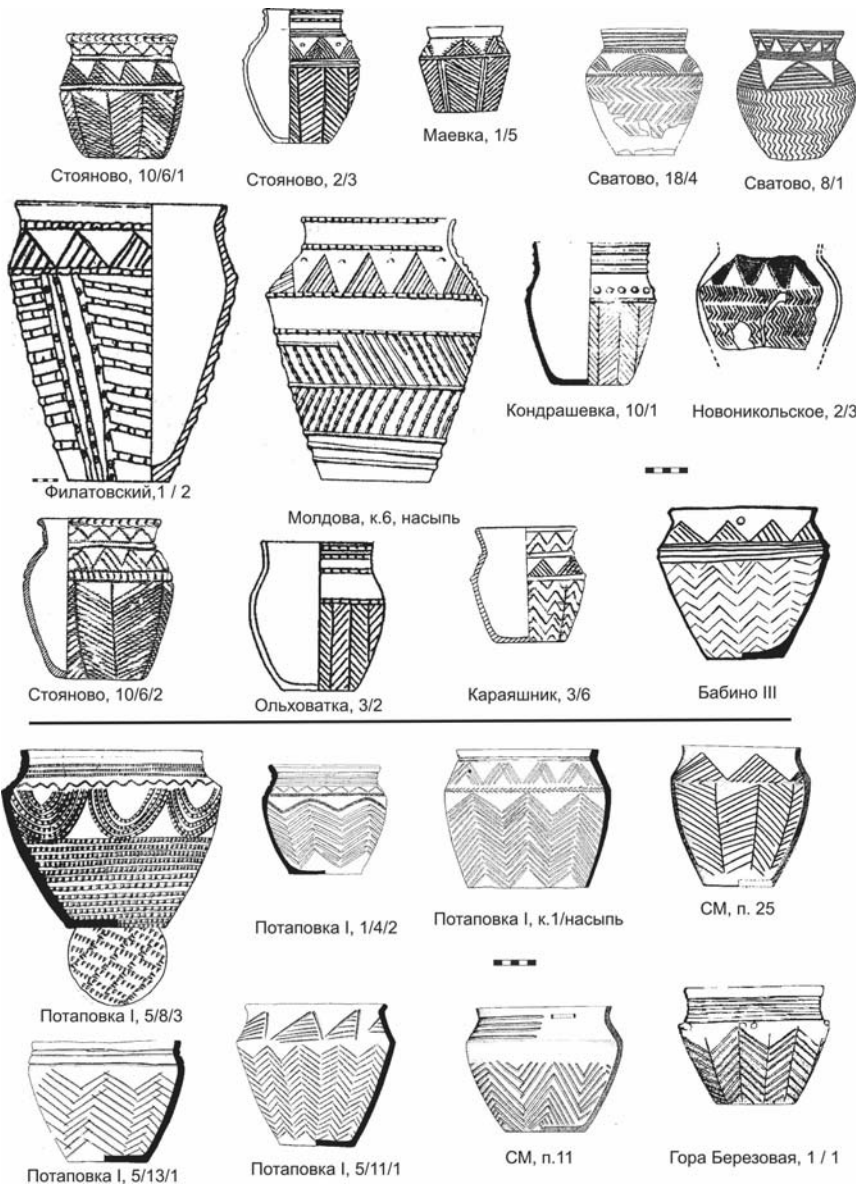

Рис. 4. Сопоставимые орнаментальные композиции керамики синташтинских и потаповских памятников с материалами катакомбного круга.

Литература

- Богданов С.В., 2004 – Эпоха меди степного Приуралья // Оренбург
- Богданов С.В., 2006 – Вопросы культурной детерминации древнеямных памятников Волго-Уральского степного субрегиона // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. III Городцовские чтения. Оренбург
- Виноградов В.Б., 1990 – К состоянию дискуссии о катакомбной культуре на Северном Кавказе // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. Тезисы докладов научной конференции. Запорожье
- Гей А.Н., 2000 – Новотиторовская культура // М.
- Даниленко В.М., Шмаглій М.М., 1972 – Про один поворотний момент в історії неолітичного населення Південної Європи // Археологія, № 6
- Кияшко А.В., 2002 – Культурогенез на востоке катакомбного мира // Волгоград
- Кореневский С.Н., 2004 – Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии // М., 2004
- Кореневский С.Н., 2006 – Северная, кумо-маньчская периферия майкопской культуры и ее восточно-европейский ямный вариант // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. III Городцовские чтения. Оренбург
- Кузнецов П.Ф., Кузьминых С.В., 2006 – О топорах Утевского типа в степном Волго-Уралье // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. III Городцовские чтения. Оренбург
- Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., 2009 – Особый тип керамики как отражение культурных связей в начале среднего бронзового века Волго-Уралья // Известия Самарского научного центра РАН, № 6 (32), т. 11
- Кутимов Ю.Г., 2005 – Степные элементы в погребальном обряде могильника Заманбаба (к вопросу о происхождении и хронологии заманбабинской культуры эпохи бронзы Средней Азии) // Археологические вести, № 12
- Марина З.П., 2002 – К вопросу о восточных элементах в ямной культуре левобережной Украины // Проблемы археологии Евразии. К 80-летию Н.Я. Мерперта. М.
- Мочалов О.Д., 2004 – Ранние кубковидные сосуды эпохи бронзы в Поволжье и на Урале // РА, № 2
- Мочалов О.Д., 2006 – Волго-Уралье и Кавказ в эпоху бронзы: проблема связей регионов по данным изучения керамики // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность. Мат. конф. Самара
- Мочалов О.Д., 2007 – Дальние связи Южного Урала в эпоху бронзы: керамический аспект проблемы // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся культурной среде Евразии: проблемы изучения и историография: материалы чтений памяти К.В. Сальникова (1900–1966), Уфа
- Мочалов О.Д., 2008 – Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья // Самара
- Мочалов О.Д., 2009 – Диагностические признаки керамики ямной культурно-исторической области // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы // Оренбург
- Рысин, 2007 – Связи Кавказа с Волго-Уральским регионом в эпоху бронзы (проблемы хронологии и и периодизации) // Археологические вести, № 14
- Салугина, Н.П., 2005 – Технология керамики репинского типа из погребений древнеямной культуры Волго-Уралья // РА, № 3

Салугина Н.П., 2006 – Технология керамики населения раннего бронзового века Волго-Уралья (по материалам погребальных памятников) // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. III Городцовские чтения. Оренбург

Смирнов А.М., 1996 – Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце // М.

Синюк А.Т., 1996 – Бронзовый век бассейна Дона // Воронеж

Сухорукова Е.П., 2008 – Полтавкинская и волго-донская культуры эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья (по материалам погребальных памятников) // Автореф. дис. ...канд. ист. наук, Спб.

Телегин Д.Я. 2001 – К вопросу о сложении ямной культуры по данным анализа керамики // Доно-Донецкий археологический сборник, вып. 9, Донецк

Телегин Д.Я., Ковалюх Н.Н., 2008 – Об абсолютном возрасте и периодизации памятников ямной культуры по радиоуглеродным датам // Археологические записки. Киев

Ткачев В.В., Хаванский А.Л., 2006 – Керамика синташтинской культуры // Орск – Самара

Турецкий М.А., 1988 – Керамика погребений ямной культуры Волго-Уральского междуречья // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев

Шапошникова О.Г. и др., 1986 – Фоменко В.Н., Довженко Н.Д. – Ямная культурно-историческая область (южно-бугский вариант) // Киев

Юдин А.И., А.Д. Матюхин, 2006 – Раннесрубные курганные могильники Золотая гора и Кочетное // Саратов

Яровой Е.В., 2006 – Ямная культура Днестро-Пруто-Дунайского междуречья // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. III Городцовские чтения. Оренбург

К вопросу об этнической принадлежности населения срубно-андроновского блока культур

Отрощенко В.В. (Киев)

Владимир Александрович Сафронов оставил заметный след в российской археологии. Автора связывали с ним многолетние дружеские отношения, начавшиеся еще в середине 60-х годов, с совместной работы в Керченской экспедиции Института археологии Украинской ССР под руководством А.М. Лескова. Широкий международный резонанс вызвало фундаментальное научное исследование В.А. Сафронова, посвященное индоевропейским прародинам (Сафронов, 1989) и защищенное позднее в Киеве в качестве докторской диссертации (Сафронов, 1991). Исследователь уверенно локализовал ареал индоиранской языковой общности в Северном Причерноморье и постулировал разделение ее на индоариев и иранцев в период XXVIII–XX вв. до н.э. в контексте анализа комплексов древнейшей общности кубано-днепровской и кеми-обинской культур (Сафронов, 1989, с. 205–217, рис. 45). Важным является его вывод: «Этническая атрибуция древнейшего варианта ДЯ КИО устанавливается нами как индоевропейская ... и как индоиранская, что вытекает из ираноязычности поздних ямников, генетически связанных со срубниками, культура которых послужила основой для ираноязычной скифской культуры» (Сафронов, 1991, с. 28).

С северопричерноморского плацдарма рассматривает концепцию происхождения и миграций индоиранских племен британский археолог Дж. П. Мэллори в статье «Археологические модели и азиатские индоевропейцы» (Mallory, 2002, p. 19–42). Следует признать, что полевые открытия последних десятилетий предоставляют весомые материалы для конструктивного разрешения проблемы происхождения индоиранских племен.

Исследование Дж. П. Мэллори имеет форму полизвенной концепции с четкими логичными переходами от одного звена к другому. А начинается оно с опровержения гипотез относительно автохтонного происхождения арийского языка в долине Инда и мидийского на пространствах Иранского нагорья. В обоих случаях появлению индоиранцев (ариев) предшествовал крах местных городских цивилизаций. Разница лишь в том, что в Индии это произошло в эпоху средней бронзы, а в Иране – в позднем бронзовом веке. Поиски одной всеобъемлющей археологической культуры «Х»,

материалы которой могли бы пролить свет на проблему происхождения индоиранцев, оказались безрезультатными. Поэтому приходится привлекать к поиску серии гармонично последовательных археологических культур в ареале распространения индоиранцев от Днестра до Ганга, каковой фиксируется на середину I тыс. до н.э. С помощью тщательно подобранных археологических культур выстраивается «общая лингвистическая траектория». Далее исследователь конструирует культурную модель индоиранцев прародины, хотя и не оперирует последним термином.

Модель насчитывает 10 позиций: 1) укрепленные поселения; 2) большие дома из бревен (не кирпичные); 3) пастушеское хозяйство с элементами земледелия; 4) керамика ручного изготовления; 5) повозки и domesticiрованный конь; 6) культ огня; 7) культ коня; 8) культ Солнца; 9) сома/хаома; 10) кремация, изредка ингумация (Mallory, 2002, p. 22).

Исходя из протяженности территорий индоиранского ареала, сравнимого с размерами современной Европы, Дж. П. Мэллори предлагает разделить его на отдельные, но весьма обширные, географические зоны: 1) Днепро-Уральскую; 2) Урало-Енисейскую; 3) Центральноеазиатскую; 4) регионы Большого Ирана и Индии (Mallory, 2002, p. 23). Перечисленные зоны разделены так называемыми критическими рубежами с целью позиционирования носителей ранних индоиранских языков относительно этих рубежей. «Критические рубежи» выступают регионами особенно интенсивных межкультурных, а значит и межэтнических, контактов. Следует отметить, что для их характеристики уже предложен более содержательный, на наш взгляд, термин «очаг культуругенеза», достаточно озвученный и обсужденный в среде российских и украинских археологов (Бочкарев, 1991, с. 24–27; Черняков, 1996, с. 59–64; Литвиненко, 2007, с. 109–111).

Первый критический рубеж из трех намеченных проведен между Дунаем и Днепром, где фиксируются интенсивные отношения между неолитическими и энеолитическими племенами Степи-Лесостепи. Именно для этого региона В.И. Ключко предполагает функционирование Карпато-Днепровского центра культуругенеза (Ключко, 1996, с. 54–56). В Днепро-Уральской зоне, а особенно в Днепро-Донском междуречье, по мнению Дж. П. Мэллори, прослежена протяженная эволюционная последовательность разных культур мезолита, неолита, энеолита, бронзы и железа. В последние годы высказаны соображения о целесообразности выделения еще одного (Днепро-Донецкого) очага культуругенеза (Отрощенко, 2005, с. 36–38). Таким образом, выработанная усилиями многих поколений археологов колонка археологических культур Днепро-Уральской зоны становится краеугольным камнем для различных гипотез происхождения индоевропейцев вообще и индоиранцев в частности.

Именно в этой Днепро-Уральской зоне еще в IV тыс. до н.э. появляются повозки, а примерно с 2200–2000 гг. до н.э. – легкие колесницы с конской запряжкой. Эта зона соответствует ареалу «восточных», а с географической точки зрения – северо-западных, иранских языков (киммерийского (?), скифского, сарматского, осетинского) начиная с I тыс. до н.э.

В более древние (доисторические) времена здесь имели место контакты индоиранцев с носителями древних уральских языков. Дж. П. Мэллори очерчивает время этих контактов около 3000–2500 гг. до н.э. и делает ответственный вывод, что ареал «срубной культуры» отображает распространение восточноиранских языков Днепро-Уральской зоны (Mallory, 2002, p. 25, fig. 4–5).

Второй критический рубеж оформился вдоль течения р. Урал и к востоку от нее, демонстрируя и сходство, и отличия между зонами 1 и 2. И здесь можно прямо сопоставить этот рубеж с Волго-Уральским очагом культурогенеза, по В.С. Бочкареву (1991, с. 24–25). В процессе дискуссии предложено уточненное название этого очага – Южноуральский (Отрощенко, 1996, с. 29–31), а челябинские археологи – исследователями синташтинской культуры – оперируют термином Уральский очаг культурогенеза (Зданович Д.Г., 1999, с. 25–29).

Принципиально важно, что эволюционная наследственность культур индоиранской ветви индоевропейцев за Уралом фиксируется лишь с эпохи средней бронзы (сравните с мезолитической глубиной отсчета в зоне 1). Серия последовательных во времени культур Урало-Енисейской зоны (синташтинская, петровская, алакульская, федоровская, саргаринская) связываются с андроновской культурной общностью, неудачно названной британским исследователем «андроновским горизонтом» (Mallory, 2002, p. 26). Параллели с соответствующими культурами срубной общности возражений не вызывают, но Дж. П. Мэллори использует несколько устаревший термин «срубная культура». Лингвистическая принадлежность населения второй зоны определяется также как восточноиранская. В I тыс. до н.э. ее представляли такие индоиранские языки, как авестийский (?), сакский, хорезмийский, бактрийский и согдийский. На северо-западе второй зоны сложились благоприятные возможности контактов индоиранских племен с носителями уральских языков. Для зоны 2 автохтонное происхождение индоиранцев является менее доказательным нежели для зоны 1.

Третью зону и третий критический рубеж представляет Бактрийско-Маргианский археологический комплекс (БМАК) оазисов Центральной Азии, вписывающийся в контекст этногенеза индоиранцев с 1900–1700 гг. до н.э. Здесь присутствуют элементы из приведенного выше реестра культурного комплекса индоиранцев, в частности, участки и прессы для выдавливания сомы/хаомы. Отмечается присутствие в регионе южной ветви андроновской общности (тазабагъбская культура) и андроновской посуды на поселениях БМАК (Mallory, 2002, p. 28). В третьей зоне под андроновским влиянием формируется группа археологических культур к северу от оазисов Бактрианы (культуры Вахш, Бишкент). И хотя БМАК имел местную непрерывность от эпохи неолита (Джейтун), однако, арийские культурные элементы фиксируются там только от рубежа эпох средней и поздней бронзы. Именно общины БМАК обозначают третий критический рубеж аризации. Здесь возможным является выделение очередного очага культурогенеза в перспективе.

Четвертая зона, включающая Северный Индостан и Большой Иран имеет свои линии развития и даже ранние цивилизации, предшествовавшие появлению в этих значимых регионах индоиранцев. Дж. П. Мэллори честно отмечает, что модель непрерывности развития, срабатывавшая в зонах 1–2, теряется в зоне 3. В то же время, есть основания проследить продвижение ариев и ранних иранцев из зоны 3 в зону 4. Далее он начинает моделировать реконфигурации процесса этногенеза индоиранцев. Зоны 1–2 объединены географическими условиями (степи) и формируют «единую лингвистическую общность, главную ветвь восточноиранского языка» (Mallory, 2002, p. 29). Исследователь продолжает использовать неудачные термины «срубный горизонт» и «андроновский горизонт», хотя мы имеем дело с общностями, прошедшими развитие в несколько этапов, продолжавшееся не менее 500 лет. Генетические линии «срубники» – скифы и «андроновцы» – саки, наработанные предшественниками, представляются ныне слишком прямолинейными, так как названные пары этносов разделены «темными» веками истории степных племен в эпоху финальной бронзы и при переходе к раннему железному веку (около 1200–900 л. до н.э.). Ощущая это, Дж. П. Мэллори вспоминает о восточном происхождении скифов, согласно версии Аристеев и Геродота, и гипотетически моделирует возможное движение иранцев с востока на запад в пределах зон 1–2.

Характеризуя земледельческие зоны 3–4, исследователь ключевым звеном большой проблемы происхождения индоиранцев считает БМАК – совокупность укрепленных поселений в оазисах Бактрии и Маргианы с присутствием храмов и культовой практикой сомы. Распространение вплоть до Белуджистана и верховьев бассейна р. Инд погребений БМАК указывает скорее на арийскую, чем на иранскую миграцию (Mallory, 2002, p. 31).

В итоге Дж. П. Мэллори выходит на объединенную модель распространения индоиранцев через четыре зоны как на географическую и хронологическую последовательность (Mallory, 2002, p. 32, fig. 9). Зона 1 выступает первичным очагом индоевропейцев вообще (курганная модель М. Гимбутас) или ранних индоиранцев в частности (признание малоазиатской, балканской или рейнско-днепровской прародины индоевропейцев). Подчеркнуто, что население зоны 2 передает общинам зоны 3 (БМАК) язык и идеологию, а последние распространяют их далее на юг до пределов Индии и Ирана.

Для того, чтобы сделать начертанную модель более аргументированной, Дж. П. Мэллори излагает концепцию черного ящика (kulturkugel). Согласно ей андроновская культура могла передать свою социальную организацию и язык носителям БМАК, но при этом принять от них материальную культуру (Mallory, 2002, p. 34, fig. 10). То есть, в черный ящик третьей критической полосы влетает с севера миграционная пуля с одним конечником (**андрон**-индоиран-степь), а вылетает далее на юг та же пуля, но уже с другим острием (**БМАК**-индоиран-степь). Подвергается

изменению материальная составляющая миграционной пули, каковая в таком модифицированном виде все же достигает Северо-Западной Индии (кладбища Кветта, Мергар, Сибири на Правобережье Инда). Открытым остается вопрос о том, что же заставило население ханатов БМАК изменить язык и социальную организацию в пользу пришлых варваров? Тут Дж. П. Мэллори обращается к этнографическим и лингвистическим сопоставлениям. В целом же предложенная модель генезиса древних индоиранцев является наиболее согласованной с совокупностью археологических фактов, а потому может быть принятой в качестве рабочей гипотезы относительно миграции индоарийской ветви индоиранцев. Иранская же ветвь имеет, вероятно, свою историю миграции на территорию Большого Ирана и собственный «черный ящик».

Детальный анализ концепции Дж. П. Мэллори засвидетельствовал принципиальное сходство его позиции с оценками этнической принадлежности населения культур срубной и андроновской общностей исследователями этих явлений (Сафронов, 1991; Кузьмина, 1994, с. 264–267; Захарова, 1994, с. 19–22 и др.). Однако, становится все более заметной внутренняя культурная пестрота «срубного» и «андроновского» миров, выявленная новейшими исследованиями, что позволяет нам сделать некоторые уточнения в определении этнической принадлежности отдельных составляющих названных выше общностей.

Южноуральский очаг культурогенеза дал толчок этнокультурным процессам, приведшим к формированию срубно-алакульского блока культур (по терминологии В.С. Бочкарева). К востоку от Урала, в Азии, наблюдается сложение петровской культуры, которую некоторые специалисты по андроновской проблематике склонны рассматривать как ранний этап алакульской культуры. Андроновская общность, последовательно прошедшая три этапа развития (петровская, алакульская, федоровская культуры), наглядно демонстрирует поступательное движение индоевропейского населения в глубины Азиатского континента. Такая миграция прослежена до Енисея (Минусинская котловина) и Алтая (Зданович, 1988, с. 144). Другие группы индоевропейцев (пратохары) проникли еще дальше на восток в бассейн р. Тарим (Синьцзян), оказав заметное влияние на культуру Китая эпох Шан-Инь и ранней Чжоу (Mair, 2003, p. 163–187).

На путях западного продвижения носителей синташтинской культуры, проявившегося в памятниках потаповского типа и доно-волжской абашевской культуры, наблюдается формирование покровской срубной культуры, которая распространилась из Доно-Волжского междуречья до Урала на востоке и Северского Донца на западе, охватив преимущественно российскую лесостепь. Южнее, в степной полосе, вторжение покровцев в ареал бабинской культурной общности приводит к формированию бережновско-маевской срубной культуры, распространившейся на территориях от Нижней Волги до Нижнего и Среднего Днепра с базовым эпицентром в Днепро-Донецком регионе, вокруг Донецкого горно-металлургического центра.

Выше уже отмечалось, что языковая принадлежность населения срубной и андроновской общностей определяется исследователями как индоевропейская, а конкретнее – индоарийская или раннеиранская. Только для лесостепной филиации андроновской общности – носителей федоровской культуры – некоторые уральские исследователи (В.М. Чернецов) допускали возможность финно-угорской этнической принадлежности. Е.Е. Кузьмина связала проблему индоариев с андроновской общностью в целом (Кузьмина, 1994, с. 265; 2008, с. 33). Однако, ряд специалистов рассматривает в представителях срубной и андроновской общностей западную и восточную диалектные группы североиранского этноса соответственно. Субкультура военной знати, презентованная на востоке Европы погребениями в склепах колесничих, убедительнее связывается именно с индоариями. Усыпальницы воинов фиксируются исключительно на памятниках петровской культуры и раннего этапа покровской срубной культуры (XVIII–XVI вв. до н.э.). После этого индоарийский компонент на юге Восточной Европы исчезает, и с XVI–XV ст. до н.э. на широком арийском просторе (Арьянам Вайджо) уже практически безраздельно господствовали североиранские этнические группы.

Иранское происхождение названий рек Северного Причерноморья (Дунай, Днестр, Днепр, Донец, Дон) было осознано еще в XIX веке. Однако, время такой их номинации относят преимущественно к скифской эпохе. Н.Л. Членова, сотрудничая с иранистом В.И. Абаевым, картографировала названия рек иранского предскифского происхождения, сопоставляя с ними ареалы памятников срубной и андроновской общностей. Совпадение ареалов гидронимов и общностей предоставило основания исследовательнице считать «срубное» и «андроновское» население древнеиранским (Членова, 1984, с. 88 и сл.). А.П. Медведев пробует связать иранские гидронимы со скифскими и скифоидными культурами, отвергая тезис относительно ираноязычия «срубного» населения (Медведев, 2000, с. 35–39). «Срубников» упомянутый исследователь причисляет к одному из исчезнувших этносов, что уводит проблему их этнической идентификации в глухой угол (Отрощенко, Вовк, 2001, с. 69–73). Впрочем, для такого ответственного вывода А.П. Медведеву стоило бы опровергнуть лингвистическую аргументацию В.И. Абаева относительно древности иранских доскифских гидронимов. Среди них: Амонька, Апажа, Апака, Артополот, Ворскла, Домоткань, Есмань, Рать, Рашевка, Реут, Руда, Самоткань, Свапа, Сев, Сейм, Снов, Снопород, Сула, Сура, Удай, Хон только в бассейне Днепра.

Между тем, карта, предложенная Н.Л. Членовой, позволяет сделать дополнительные наблюдения. Примерно 85 % гидронимов предскифской эпохи (60 из 69-ти) отмечено на периферии срубно-андроновского ареала – в бассейне Среднего Днепра на западе. На востоке же предскифские иранские гидронимы сосредоточены в верховьях Оби и Енисея, а на северо-востоке – в бассейне р. Тобол. Сопоставляя упомянутые гидронимы

с ареалами не общностей, а конкретных культур срубно-андроновского блока, мы увидим, что западный массив гидронимов вписывается в ареал бережновско-маевской срубной культуры, восточный – федоровской андроновской культуры, а северо-восточный – черкаскульской культуры, родственной федоровской (Членова, 1984, карта). Присутствие немногочисленных иранских гидронимов заметно лишь на западе ареала покровской срубной культуры, где можно говорить о глубоком взаимодействии последней с бережновско-маевской срубной культурой, и на севере алакульских земель, в зоне, освоенной позднее федоровскими и черкаскульскими племенами.

Сделанные наблюдения и предварительный анализ археологического материала позволяют придти к следующим выводам. Покровская срубная, петровская и алакульская культуры, ввиду присутствия погребений колесничих (представителей харизматических кланов), могут еще быть причисленными к кругу позднейших индоарийских культур или раннеиранских культур с выразительным арийским этническим компонентом. Собственно североиранский этнокультурный ареал стабилизируется где-то к XV–XIV вв. до н.э. и включает бережновско-маевскую срубную культуру, поздние памятники покровской срубной культуры, позднюю алакульскую, федоровскую и, возможно, черкаскульскую культуры. Если так, то речь должна идти не об одном срубно-алакульском блоке культур, а о двух блоках: покровско-алакульском (более раннем) и бережновско-маевско-федоровско-черкаскульском (относительно более позднем). Между культурами (составляющими блоков) зафиксированы активные связи. Новейшие пакеты калиброванных радиоуглеродных дат несколько размывают приведенную синхронизацию культур срубной и андроновской общностей (Епимахов, 2010, с. 14–17). Однако, на фоне перманентных поправок и уточнений радиоуглеродных дат, результаты стратиграфических наблюдений и система аналогий дают наиболее надежные основания для синхронизации археологических культур.

Бережновско-маевская срубная, федоровская и черкаскульская культуры трансформируются в общность культур валиковой керамики (Черных, 1983, с. 81–95). Собственно, бережновско-маевская срубная культура уже являлась ранней культурой валиковой керамики. Два последовательных горизонта общности культур валиковой керамики – сабадиновский и белозерский презентовано соответствующими культурами. Уже во время выделения общности, Е.М. Черных связывал культуры валиковой керамики с североиранским этносом (Черных, 1983, с. 97–98). Карты в статье Е.Н. Черных свидетельствуют, что именно с миграциями носителей культур валиковой керамики связано проникновение иранского населения в Северный Афганистан и на Иранское нагорье. В дальнейшем важно, что именно в ареале культур валиковой керамики произошел переход от оседлого животноводства к кочевому скотоводству и что ранние кочевники (киммерийцы, скифы, сарматы) были ираноязычными.

Литература

Бочкарев В.С., 1991 – Волго-Уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте, СПб.

Епимахов А.В., 2010 – Бронзовый век Южного Урала (экономические и социальные аспекты) // Автореф. дис. ... докт. ист. наук, Екатеринбург

Захарова Е.Ю., 1994 – Этническая принадлежность населения срубной культурно-исторической общности // Срубная культурно-историческая область, Саратов

Зданович Г.Б., 1988 – Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации) // Свердловск

Зданович Д.Г., 1999 – Аркаим: древность, модерн, постмодерн // Аркаим 1987–1997. Библиографический указатель, Челябинск

Клочко В.И., 1996 – Карпато-Дніпровський центр культурогенеза // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век), ч. 1, Донецк

Кузьмина Е.Е., 1994 – Откуда пришли индоарии? // Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев, М.

Кузьмина Е.Е., 2008 – Арии – путь на юг // М.–СПб.

Литвиненко Р.О., 2007 – Обставини і чинники бабинської культурогенези // Вісник Донецького університету, серія Б гуманітарні науки, № 1–2.

Медведев А.П., 2000 – К проблеме этнокультурной принадлежности населения срубной общности // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи, Воронеж

Отрощенко В.В., 1996 – Южноуральский очаг культурогенеза на оси пассионарных толчков // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи, вып. 2, Воронеж

Отрощенко В.В., 2005 – Дніпро-Донецький осередок культурогенези (постановка проблеми) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України, Луганськ

Отрощенко В.В., Вовк Т.А., 2001 – До етнічної належності носіїв культур зрубної спільноти // Магістеріум. Археологічні студії, вип. 6, К.

Сафронов В.А., 1989 – Индоевропейские прародины // Горький

Сафронов В.А., 1991 – Индоевропейские прародины // Автореф. дис. ... докт. ист. наук, Киев

Черных Е.Н., 1983 – Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья, Челябинск

Черняков И.Т., 1996 – Культура многоваликовой керамики – восточный ареал Балкано-Карпатского очага культурогенеза // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век), ч. 1, Донецк

Членова Н.Л., 1984 – Археологические материалы к вопросу об иранцах до скифской эпохи и индоиранцах // СА, № 1.

Mallory J.P., 2002 – Archaeological models and Asian Indo-Europeans // Indo-Iranian languages and peoples, L.

Mair V.H., 2003 – The Horse in Late Prehistoric China: Wrestling Culture and Control from the 'Barbarians' // Prehistoric steppe adaptation and the horse // Cambridge

Погребальные комплексы сабастиновской культуры в курганах Днестровского Правобережья

Агульников С.М. (Кишинев), Малюкевич А.Е. (Одесса)

Погребальный обряд сабастиновской культуры на сегодняшний день является достаточно слабо разработанным аспектом индоевропейской проблематики, связанной с древнейшими скотоводами Евразийских степей. В курганах степной зоны Северопонтийской зоны погребальные комплексы сабастиновской культуры хронологически и стратиграфически следуют за погребениями культуры многоваликовой керамики. Исследования последних лет позволили выделить данный горизонт позднего бронзового века на территории Днестро-Дунайского (Ванчугов, 2000, с. 39–56) и Пруто-Днестровского междуречья (Агульников, 2002, с. 176–181). С учетом генетической преемственности Сабастиновки от КМК удалось выяснить отличие первой в культурной специфике, что выражается определенными чертами в погребальном обряде и инвентаре (Ванчугов, 2000, с. 40).

Количество достоверных погребальных комплексов сабастиновского времени в Пруто-Днестровском междуречье неоднократно варьировало в подсчетах исследователей – от 20–25 (Дергачев, 1986, с. 180) до 500–600 (Черняков, 1985, с. 135). Называлась цифра в 100 погребальных комплексов (Ванчугов, 2000, с. 40), атрибутированных сабастиновской культурой. По последним подсчетам их число в Северо-Западном Причерноморье достигает 662 (Sava, 2003, p. 4; Sava, Agulnikov, 2003). Определение принадлежности к сабастиновской культуре производилось не только сравнительным методом, исходя из керамических форм и элементов погребального обряда, но и использованием специально разработанных статистико-комбинаторных таблиц. В результате обработки массива захоронений позднего бронзового века региона, погребения культуры многоваликовой керамики (или же «бабинские») автоматически отсеивались от погребальных комплексов сабастиновской культуры.

Основную массу сабастиновских погребальных комплексов составляют захоронения, впущенные в насыпи последующих эпох – 645. Выделяется серия курганов с основными сабастиновскими погребениями – 17–25 % от общего количества. Впускные погребения распределяются по секторам курганов следующим образом: центр – 23 (3,5 %), северный сектор – 7 (1,1 %), северо-восточный – 30 (4,5 %), восточный – 27 (4,1 %),

юго-восточный – 132 (19,9 %), южный – 300 (43,5 %), юго-западный – 86 (13 %), западный – 11 (1,7 %), северо-западный – 26 (3,9 %). Большинство захоронений зафиксировано по костяку, контуры погребальных камер не всегда прослеживались в насыпях курганов. В тех случаях, когда камеры выявлены, они имеют небольшие размеры, изредка перекрыты деревом или камнем. Преобладают погребальные камеры овальной и прямоугольной формы, реже встречаются каменные ящики. Овальные камеры – 134 (20,2 %), овальные с подбоем – 1 (0,15 %), овальные с уступом – 3 (0,45 %), прямоугольные – 77 (11,63 %), прямоугольные с подбоем – 5 (0,75 %), контуры не прослежены – 440 (66,5 %). На дне ям прослеживаются остатки растительной или органической подстилки, меловая посыпка, реже охра. Погребения сабатиновской культуры преимущественно располагались в ЮВ секторах курганных насыпей, зачастую образуя своего рода могильники. В какой-то степени имеет место сходство с могильниками культуры Ноа на Среднем Пруте, где погребения также концентрируются в ЮВ полах более древних курганов, но чаще выходят далеко за пределы курганных насыпей (могильники Перерыта, Бурлэнешть, Кирилень).

Погребенные находятся в скорченном положении на боку, с преобладающей сильной степенью скорченности скелета – 638 случаев (95,5 %). Средняя скорченность отмечена в 18 комплексах (2,7 %). На левый бок уложено 453 погребенных (67,8 %), на правый – 172 (25,7 %), в 43 случаях позиция не фиксируется (6,4 %). Степень скорченности ног в коленях можно определить как переходную от средней к сильной (45–55°) – 540 случаев (80,8 %), в меньшей степени (90–120°) собственно фиксируется в 18 и 16 случаев. Ориентировка сабатиновских погребений в курганах Днестро-Дунайского междуречья следующая: север – (35–20°) – 16, северо-восток (20–65°) – 125, восток (65–110°) – 305, юго-восток (110–155°) – 102, юг (155–200°) – 35, юго-запад (200–245°) – 35, запад (245–290°) – 12, северо-запад (290–335°) – 9, неопределенная ориентировка 38 погребений (Sava, Agulnikov, 2003).

Наиболее представительная серия впускных погребений сабатиновской культуры была открыта в ряде курганов эпохи энеолита-ранней бронзы Днестровского Правобережья. В курганах, исследованных Суворовской новостроечной экспедицией у сс. Н. Раскайцы, Пуркары и Олонешты (Яровой, 1990), у сс. Кырнэцень, Саицы (Левицкий, 1995, 159–165; Демченко, Левицкий 1997, с. 155–188), Чобручи и Талмаз (Агульников, 1989), в курганах у с. Семеновка (Субботин, 1985, с. 45–95) и у с. Молога на берегу Днестровского лимана (Малюкевич, Агульников, 2005, с. 193–212). Здесь следует отметить, что на территории Днестровского Правобережья, у с. Кырнэцень был исследован уникальный курган 2 с основными погребениями сабатиновской культуры (№ 2–3), со сложными конструкциями, включающими в себя столбовые ямки, уступы, и керамическую посуду, представленную чашей и черпаком с вертикальными петлевидными ручками, наиболее характерными для культурно-исторического комплекса Ноа-Сабатиновка (Левицкий, 1995, с. 159–165, рис. 1).

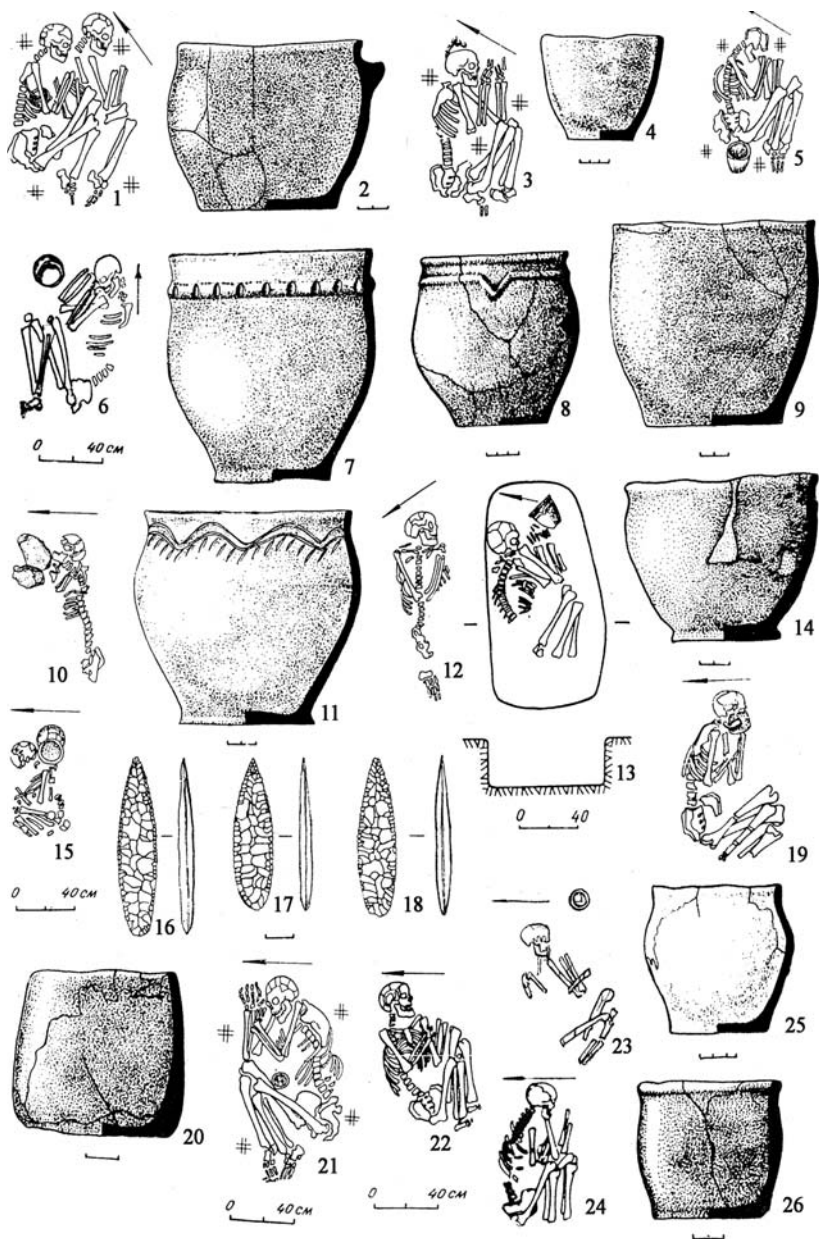

Рис. 1. Погребения и инвентарь сабатиновской культуры из курганов у сел Новые Раскайцы, Пуркары, Олонешты (по Яровому, 1990).

Рассмотрим подробнее наиболее яркие погребальные комплексы позднего бронзового века из курганов исследованных на правом берегу Днестра и Днестровского лимана.

1. Во впускном в насыпь энеолитического кургана погребении 1/16 у с. Пуркары (совр. Пуркаръ), скелет взрослого человека лежал скорченно на правом боку, головой на С (рис.1,6). Резко согнутые руки, кистями уложены перед черепом. Рядом находился горшок с сужающимся ко дну туловом, украшенный под венчиком горизонтальным валиком, расчлененный пальцевыми вдавлениями. Дно выделено закраиной (рис.1,7).

2. Во впускном в насыпь энеолитического кургана погребении 2/8 у с. Пуркаръ, погребенный, уложенный в резко скорченном положении в овальной погребальной камере, с В ориентировкой, сопровождался горшком с выпуклым туловом, орнаментированным сплошным валиком, имеющим спущенные вниз окончания, образующие треугольник (рис. 1,8).

3. В энеолитическом кургане 5 у с. Пуркаръ выявлен комплекс из трех впускных погребений 5/3–5, сопровождавшихся кремневыми наконечниками стрел, выполненными из светлокорицевого добруджанского кремня и сосудом приземистой горшковидной формы с туловом, выпуклым в верхней части, орнаментированным прорезным орнаментом в виде двух параллельных волнистых линий, ограниченных книзу косыми насечками (рис. 1,10–16).

4. Во впускных в насыпь ямного кургана 1 у с. Н. Раскайцы (совр. Рэскаеций Ной) погребениях сабатиновской культуры 17–18, при скелетах, скорченных на боку, выявлены сосуды баночной формы, несколько расширяющихся к устью (рис. 1, 4, 9). В этом же кургане обнаружено парное сабатиновское погребение 23, сопровождавшееся баночным округлобким сосудом с рукояткой-упором в верхней части тулова (рис. 1,1–2).

5. Ряд впускных погребений сабатиновского времени был исследован в Олонештских курганах, они сопровождались банковидными сосудами и конической чашей с выделенным закраиной дном (рис. 1, 18–19, 20–26). (Яровой, 1990, с. 20–21, рис.7, с. 26, рис. 9; с. 60–61, рис. 26; с. 96–97, рис. 42; с. 122–123, рис. 54; с. 140–141, рис. 62; с. 178–179, рис. 79).

6. У с. Кырнэцень был исследован ряд сабатиновских захоронений, впускных в насыпи более древних курганов (Демченко, Левицкий, 1997, с. 155–188). Интерес вызывает погребение 7/8, где скорченный на боку скелет (плохой сохранности) с СВ ориентировкой, перекрытый каменными плитами, сопровождался сосудом биусеченноконической формы орнаментированным по горлу тонким подтреугольным валиком, оттянутым от стенки сосуда (рис. 2, 1–2) (Демченко, Левицкий, 1997, с. 176–177). В этом же кургане обнаружено погребение 7/20, где при скорченном на боку скелете с В ориентировкой был найден черпак банковидной формы с выделенным сливом и вертикальной петлевидной ручкой (рис. 2, 3–4). Там же, в погребении 7/9, при скелете скорченном на правом боку с В ориентировкой имелся прямостенный баночный сосуд с подлощенной поверхностью (рис. 2, 6, 10) (Демченко, Левицкий, 1997, с. 176–177, рис. 11,13).

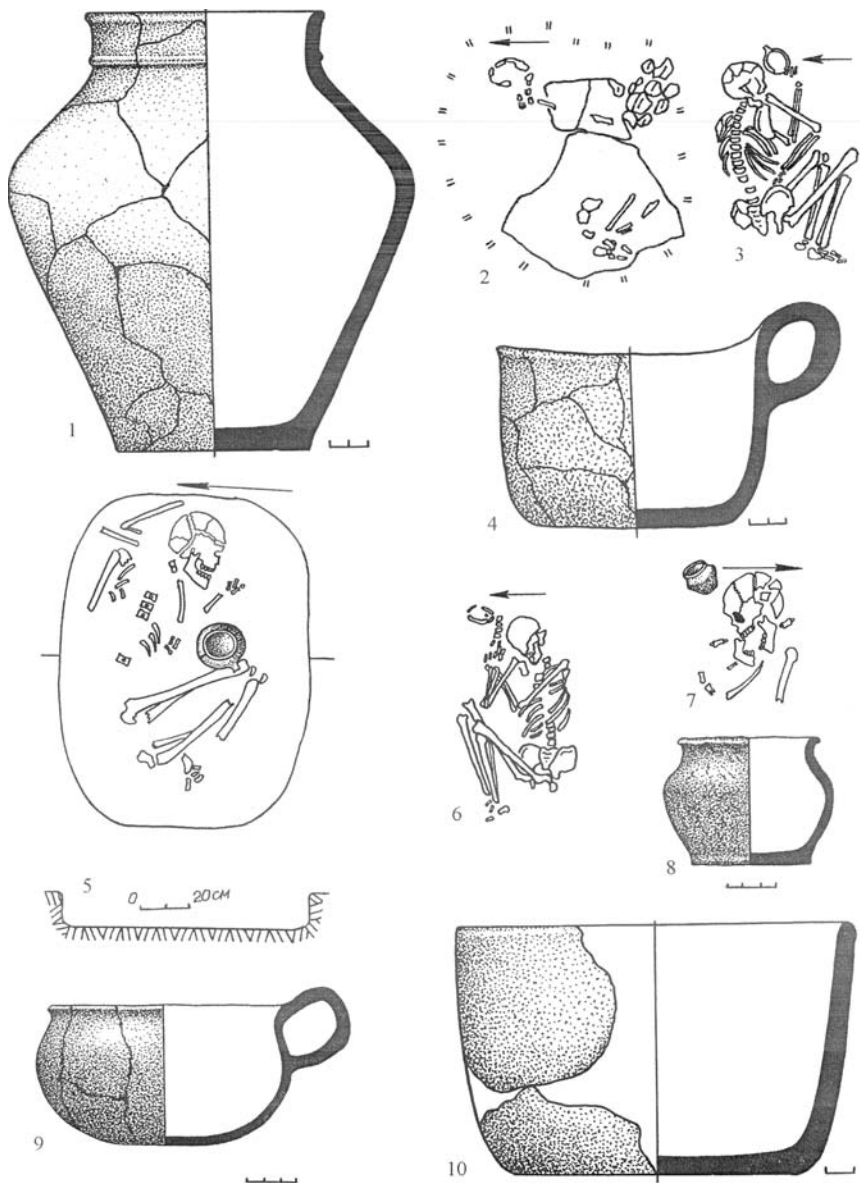

Рис. 2. Погребения и инвентарь сабатиновской культуры из курганов у с. Кырнэцень (по Демченко, Левицкому, 1997) и Чобручи (по Агульникову, 1989).

7. В кургане ямной культуры у с. Чобручи исследовано погребение 4/37, совершенное в овальной яме с В ориентировкой, погребенный скорчен на левом боку головой на В (рис. 2,5). У колен погребенного находилась серолощенная чаша с округлым корпусом и вертикальной петлевидной ручкой (рис. 2,9) (Агульников, 1989). Там же исследовано погребение 38, сопровождавшееся приземистым выпуклобоким горшочком с выделенным горлом и лощеной поверхностью (рис. 2,7–8). Всего в кургане 4 у с. Чобручи было исследовано 16 погребений позднего бронзового века, образующих могильник в ЮВ секторе кургана. Инвентарь захоронений, представленный баночными округлобокими и прямостенными сосудами, позволяет отнести данный археологический комплекс к сабастиновской культуре.

8. Во время раскопок Семеновского курганного могильника, на правом берегу Днестровского лимана был исследован курган ямной культуры №8 (Субботин, 1985, с. 45–95, рис. 7; рис. 9) в котором обнаружено 5 погребений сабастиновского времени. Все они концентрировались в Ю полукруге курганной насыпи. Погребенные скорчены на боку, отмечается ЮЗ (погр. 14) и ЮВ (погр. 8) ориентировки, погребенные сопровождались серолощенной черпаком с вертикальной петлевидной ручкой (погр. 20) и миской с дном, выделенным закраиной (рис. 3, 3–4; 11–12). Скорченные на боку скелеты с В ориентировкой в погр. 4–5 сопровождались широко открытой чашей и баночным сосудом с насечками в верхней части корпуса (рис. 3, 7–8; 9–10). В кургане 20, в насыпи были обнаружены 2 сосуда: один из них представлял собой банку со сливом на краю устья (рис. 3, 5), а другой являлся кубком примитивной формы (рис. 3, 6). В курганах 10 и 23 Семеновского могильника отмечены основные погребения сабастиновской культуры. Основные погребения, совершенные в неглубоких овальных погребальных камерах, были ориентированы на ВЮВ, погребенные уложены скорченно на правом боку, погребение 23 сопровождалось банковидным сосудом с выпуклым туловом (рис. 3, 14–15). Кроме того, в кургане 23, вокруг основного погребения 2 зафиксирована каменная оградка (кромлех?) (рис. 3, 13). Погребение 10 – безынвентарное. В обоих случаях в насыпи этих небольших курганов были впущены скифские погребения, а погребения поздней бронзы (основные!) в первоначальной публикации ошибочно были отнесены также к скифскому времени (Субботин, Охотников, 1981, с. 102–116, рис. 5–6).

9. В кургане 2 у с. Молога выявлено пять захоронений сабастиновской культуры (Малюкевич, Агульников, 2005, с. 193–212). Погребения сабастиновского времени №№ 9, 25, 55, 59, 117 концентрируются в южном секторе кургана, образуя небольшой могильник, что не раз отмечалось в курганах эпохи бронзы Нижнего Поднестровья (3). Захоронения совершены в овальных ямах, погребенные уложены в скорченном положении на боку с различной ориентировкой. Погребения 9 (рис. 4, 4), 55, 59 – безынвентарные. В погр. № 25 (рис. 4, 10), ориентированном на ЮЮЗ, найдены баночный прямостенный сосуд (рис. 4, 10), миниатюрная мисочка раннефракийского облика, с загнутым внутрь краем (рис. 4, 9) и 2 кремневых скребка (рис. 4, 6–7).

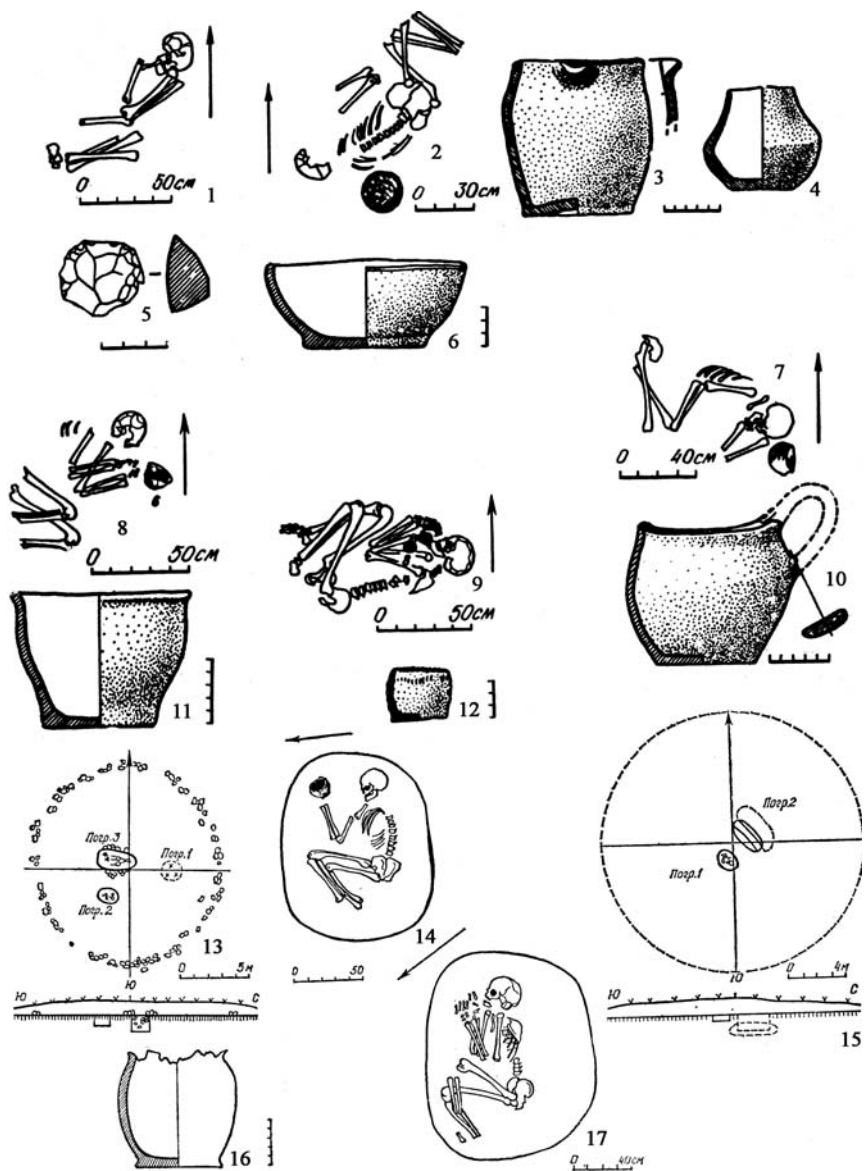

Рис. 3. Погребения и инвентарь сабаотиновской культуры Семеновского курганного могильника (по Субботину, 1985; Субботину, Охотникову, 1981).

Данный погребальный комплекс можно без особых сомнений отнести к переходному периоду от сабаатиновской культуры (наличие баночного сосуда) к белозерской (учитывая форму миски с загнутым внутрь краем устья, свойственную раннегальштатским культурам Нижнего Подунавья). Интерес представляет погр. № 117 (рис. 4, 1), где в овальной погребальной камере, при скорченном скелете с СВ ориентировкой, найдены серолощенный черпак с петлевидной ручкой (рис. 4, 3) и горшковидный сосудик с выпуклым туловом, цилиндрической шейкой и отогнутым венчиком (рис. 4, 2). Подобные формы черпаков с рукоятками, украшенными нервюрами, присущи керамике культуры Монтеору (фаза IIb), синхронной культуре Сабатиновка, а также культуре Кослоджень Нижнего Дуная (Morintz, 1978, p. 132, fig. 70–72). Лощеный сероглиняный черпак имеет также широкий ряд аналогий в материалах могильников культур Ноуа и Сабатиновка. Но, в свою очередь, горшок с вертикальными налепами в верхней части тулова свойственен позднесабаатиновскому и раннебелозерскому времени в Северо-Западном Причерноморье (Ванчугов, 1990, с. 59–66). Керамика, найденная в погребениях сабаатиновского периода типологически сходна с керамикой горизонта, поздней бронзы поселения Молога-II, где также отмечается ряд специфических черт, присущих культуре Кослоджень Нижнего Дуная (Черняков, 1984, с. 48–57).

Таким образом, погребальный обряд сабаатиновской культуры наиболее ярко проявился в материалах захоронений курганов Днестровского Правобережья, которое в XIII–XII вв. до н.э. являлось контактной зоной внутри культурно-исторического массива Ноуа-Сабатиновка-Кослоджень между Востоком (степями Северного Причерноморья) и Западом (Карпато-Днестровским регионом и Нижним Подунавьем). Несомненно, что наиболее ранние погребения с сабаатиновским инвентарем несут в себе определенные черты предшествующей культуры многоваликовой керамики. В свою очередь, на позднем этапе сабаатиновские погребальные комплексы воспринимают черты, характерные, в дальнейшем, для белозерской культуры. Постепенно изменяется ориентировка погребенных с востока на юг, появляются определенные формы лощеной тонкостенной посуды, такие как чаши, кубки и черпаки. Керамические комплексы и элементы погребального обряда из курганов на правом берегу Днестра и Днестровского лимана характеризуют как развитым, так и поздним этапами существования культуры Сабатиновка на территории Северо-Западного Причерноморья.

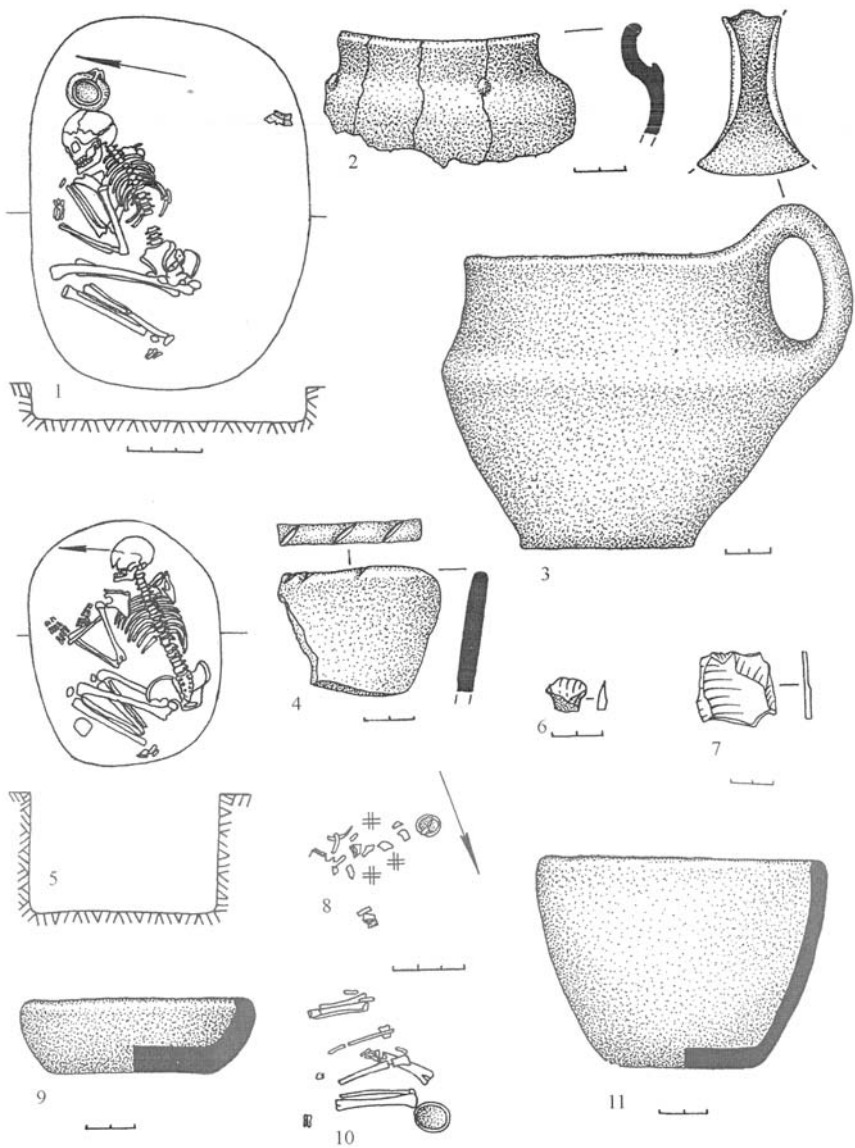

Рис. 4. Погребения сабашиновско-белозерского времени из кургана 2 у с. Молога (по: Малукевич, Агульников, 2005).

Литература

- Агульников С.М., 1989 – Отчет о полевых исследованиях Суворовской ново-строеной экспедиции в 1989 г. Кишинев // Архив МНАИМ, инв. № 296.
- Агульников С.М., 2002 – Погребальные комплексы позднесабатиновского-раннебелозерского времени в Пруто-Днестровском междуречье // Древнейшие общины земледельцев и скотоводов (V тыс до н.э – V век н.э.), Тирасполь
- Ванчугов В.П., 1990 – Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье // Киев
- Ванчугов В.П., 2000 – Проблема погребального обряда сабаатиновской культуры // Археология та етнологія Східної Європи, Одесса
- Демченко Т.А., Левицкий О.Г., 1997 – Исследования курганов эпохи бронзы в Каушанском районе. // Vestigii arheologice din Moldova, Chişinău
- Дергачев В.А., 1986 – Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы // Кишинев
- Левицкий О.Г., 1995 – Погребальный комплекс сабаатиновской культуры у с. Кырнэцень // Древности Степного Причерноморья и Крыма, т. V, Запорожье
- Малюкевич А.Е, Агульников С.М., 2005 – Раскопки кургана № 2 у с. Молога в Нижнем Поднестровье // Revista Arheologică, SN, vol. I, nr. 1, Chişinău
- Субботин А.В., 1985 – Семеновский могильник эпохи энеолита-бронзы // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья, Киев
- Субботин А.В. Охотников С.Б., 1981 – Скифские погребения Нижнего Поднестровья // Древности Северо-Западного Причерноморья, Киев
- Черняков И.Т., 1984 – Керамика позднебронзового века из поселения Молога-II // Новые археологические исследования на Одешине, Киев
- Черняков И.Т., 1985 – Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. // Киев
- Яровой Е.В., 1990 – Курганы эпохи энеолита бронзы Нижнего Поднестровья // Кишинев
- Sava E., 2003 – Interferențe cultural-cronologice în epoca bronzului târziu din spațiul Carpato-Nistrean (Complexul cultural Noua-Sabatinoivka) // Autoreferatul tezei de doctor habilitat de științe istorice, Chişinău
- Sava E., Agulnikov S., 2003 – Contribuții noi la definirea ritului funerar în cultura Sabatinovka // Interferențe cultural-cronologice în spațiul Nord-Pontic, Chişinău
- Morintz S., 1978 – Contribuții arheologice la istoria tracilor timpurie. Epoca bronzului în spațiul Carpato-Balcanic // București

Некоторые особенности погребального обряда Белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья

Агульников С.М. (Кишинев)

Погребальный обряд древнейших скотоводческих племен Северо-Западного Причерноморья имеет ряд черт и традиций, проявляющихся с периода энеолита вплоть до позднего бронзового века. Индоевропейский характер этих черт прослеживается на протяжении трех тысячелетий у различных культурно-исторических формирований степной Северопонтийской зоны. Некоторые элементы и традиции погребальной практики, существующие, к примеру, в III тыс. до н.э., повторяются в деталях и в конце II тыс. до н.э. Такими традициями могут служить элементы демембрации и реингумации в погребальном обряде, применение огня, сооружение дополнительных конструкций в процессе захоронения, различные жертвоприношения или тризны.

Ряд погребений белозерской культуры региона имеет специфические черты, интерпретируемые как элементы демембрации. Они выражаются в полном разрушении или в частичном нарушении скелета погребенного в ритуальных целях. Захоронения с чертами демембрации отличаются от ограбленных в древности тем, что конструкция погребальной камеры и сопровождающий инвентарь в них остаются непо потревоженными при полном либо частичном смещении скелетов с первоначального положения. Для определения типов демембрации в захоронениях белозерской культуры, следует обратиться к типологии используемой для характеристики преднамеренных погребений.

Представленные в настоящей работе погребальные комплексы белозерской культуры с применением демембрации, исследованные на территории Пруто-Днестровского междуречья, соответствуют представленным параметрам, выделяемым для более позднего периода в Среднем Поднепровье (Лисенко, 2003, с. 3–57).

1. Кости сложены в псевдоанатомическом порядке.
2. Кости сложены в определенном, но не в анатомическом порядке.
3. Кости свалены без определенной системы.
4. Декапитация-обезглавливание погребенного.
5. Кефалотафия (захоронение изолированных черепов) (Смирнов, 1997, с. 163–164)

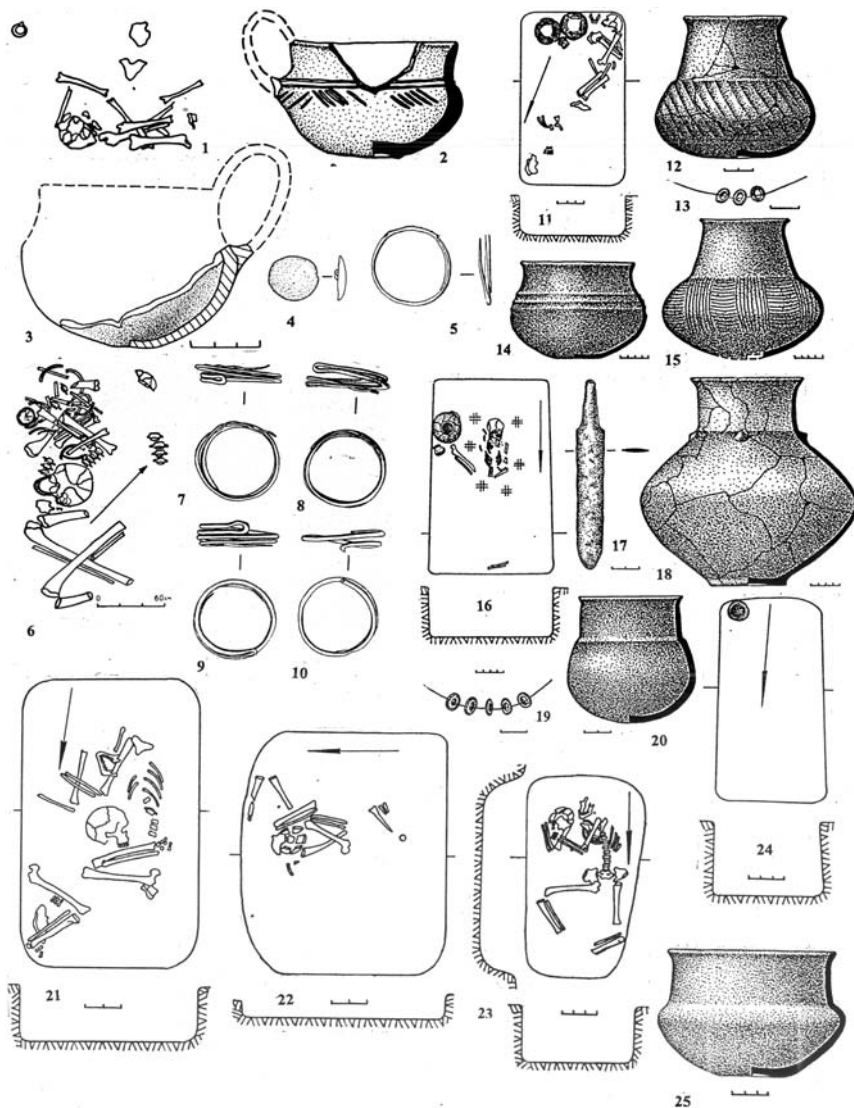

Рис. 1. Раннегальштатские и белозерские погребения с элементами демембрации и реингумации: 1–2 – погребение и сосуд из погр. 9 могильника Фолтешть-Руптура; 3–10 – погребение из Хански и его инвентарь; 11–15 – Казаклия, погр. 4; 16–20 – Казаклия, погр. 63; 21 – Казаклия, погр. 57; 22 – Казаклия, погр.9; 23 – Казаклия, погр. 29; 24–25 – Казаклия, погр. 20.

В Казаклийском могильнике случаи полной демембрации отмечены в погр. 4, 9, 13, 57 (рис. 1, 11–12, 21, 22–23). В погр. 4 Казаклийского могильника скелет преднамеренно разрушен, но инвентарь у южной стенки погребальной камеры остался непо потревоженным (рис. 1, 11) (Agulnikov, 1996, p. 94, fig. 6–7, 10–11). Элементы частичной демембрации имелись в погр. 14, 17, 29, 34, где скелеты погребенных находились в скорченном на боку положении, а черепа были смещены либо в столбовую ямку (погр. 14) либо на грудную клетку (погр. 17, 34), а в погр. 29 череп был смещен в область рук погребенного, а скелет развернут в неестественном положении, такая же ситуация отмечена и в погр. 57 (рис. 1, 21, 23), что зачастую имеет место при совершении реингумации (Agulnikov, 1996, fig. 8–5,9, 8,12,3,14,1). В погребении 5/1 курганного могильника Дивизия, погребальная камера была нарушена, скелет разрушен, но инвентарь, уложенный в канавку по периметру дна камеры, остался нетронутым (Vancigov, Subbotin, 2000, p. 174, fig. 4.). Полная демембрация зафиксирована в курганном могильнике белозерской культуры у с. Кочковатое в погр. 39/1, 40/1, 49/2, 49/3 (рис. 3, 11–12) (Ванчугов и др., 1992, с. 70–79.). В Васильевском курганном могильнике полная реингумация выявлена в погр. 18/2, а частичная в погр. 3/1, 3/2, 5/2, 9/1 (Ванчугов, Субботин, 1989, с. 54–65).

Следующим вариантом демембрации является ситуация, когда верхняя часть скелета (до пояса) находится в первоначальном положении – уложена на боку, а нижние конечности смещены с первоначального положения и находятся за спиной погребенного. Такие случаи отмечены в погр. 55–64 Казаклийского могильника (рис. 1, 16–20, 4, 18) и в погр. 43/1 Кочковатовского могильника (рис. 4, 24) (Agulnikov, 1996, p. 107, 109, fig. 19, 1, 21, 1; Ванчугов и др., 1992, с. 45, рис. 14, 1). Аналогичный элемент демембрации отмечается и в погребениях 5/2, 10/1 Васильевского курганного могильника, но там нижние конечности просто смещены в сторону от скелета погребенного, уложенного в скорченном положении на боку. Скорее всего, в данных случаях имеет место обряд «посещения» мертвых, практиковавшийся во многих религиях мира и отмечаемый в частности в скифской культуре, связанный со вскрытием могилы после определенного периода с перемещением костей и предметов внутри погребальной камеры (Ольховский, 1991, с. 176–177).

Одним из вариантов ритуального нарушения скелета в белозерских захоронениях является обезглавливание-декапитация, зафиксированное в Казаклийском могильнике в погр. 15,48 (рис. 2, 1,7) (Agulnikov, 1996, p. 98, fig. 10), в Кочковатовском могильнике в погр 45/1 (рис.) (Ванчугов и др., 1992, с. 36, рис. 11, 5, 52, рис. 16, 24), Будуржьель в погр. 2,6 (рис. 2,2) (Тоцев, 1993, с. 22, рис. 4,4), в Чернянке (рис. 2,5–6) (Кубышев, Черняков, 1986, с. 139–157), в Первомаевском могильнике (рис. 2, 10–17) (Евдокимов, 1987, с. 107–126).

Наряду с обезглавливанием наблюдается наличие захоронений отдельных человеческих черепов – кефалотафия, иногда с одной или

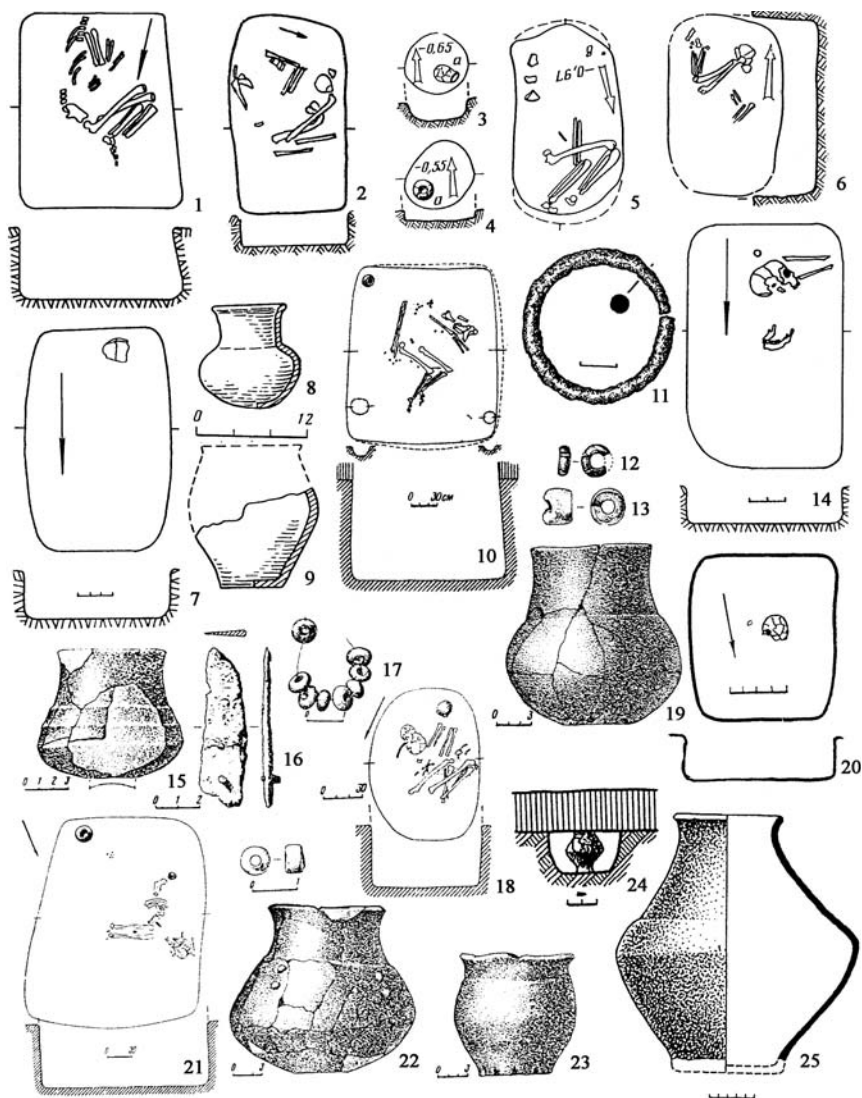

Рис. 2. Погребения белозерской культуры с элементами демембрации, декапитации и кефалотфии. Захоронения отдельных сосудов: 1–7, 11–12 – Казакия, погр. 36, 48, 50; 2 – Будуржель, погр. 11; 3–6 – Чернянка, погр. 15, 21–22; 10–21 – Первомаевский могильник, погр. 14, 18–19 и инвентарь; 22–23 – Калчева, погр. 4/1.

несколькими костями скелета – Казаклия, погр. 10, 25 (рис. 2, 12) (Agulnikov, 1996, p. 98; fig. 10,5, 17,1), Кочковатое, погр. 45/1 (рис. 2, 18) (Ванчугов и др., 1992, с. 45, рис. 14,8), Градешка, погр. 5/2 (Vancugov, Subbotin, 2000, p. 172, fig. 2, 5–6).

Ряд захоронений в курганах и грунтовых могильниках белозерской культур интерпретировался исследователями как парные либо коллективные. Это погр. 12 могильника Будуржель (рис. 3,8) (Тощев, 1993, с. 22–27), погр 50/1 Кочковатое (Ванчугов и др., 1992, с. 56–57, рис. 17, 6–7), погр 33, Казаклия (Agulnikov, 1996, p. 105, fig.13,5), Чернянка, погр. 12, 14 (рис. 3,8–9, 19) (Кубышев, Черняков, 1986).

Во всех перечисленных случаях присутствует элемент последовательного перезахоронения в одни и те же погребальные комплексы, что является раннегалльштатской традицией, но, скорее всего, имеющей индоиранские корни. В погр. 33 Казаклийского могильника дозахоронение сопровождалось реингумацией, так как скелет 1 был уложен скорченно на правом боку, а кости скелета 2 смещены и уложены «пакетом» у восточного края погребальной камеры (рис. 3,1–2) вместе с инвентарем, представленным миниатюрной корчагой (рис. 3,2). Скелет 1 принадлежал мужчине 40–45 лет, а скелет 2 – женщине 45–50 лет (Agulnikov, 1996, p. 34, fig. 13, 4–5, Litvinova, апеха-I, p. 81). Особый случай представляет комплекс погребения 50/1 Кочковатовского могильника, где к основному в кургане захоронению с канавкой на дне по периметру, со скорченным на боку скелетом, ориентированным на юг, примыкает ниша подбоя, в которой также находился скорченный на боку скелет с такой же южной ориентировкой (Ванчугов и др., 1992, с. 56, рис. 17, 6–7). Данный комплекс следует рассматривать как последовательное дозахоронение в одной и той же могильной яме. В контексте взаимоотношений белозерской культуры с ранними фракийцами, следует отметить, что реингумация и демембрация характерны для раннегалльштатского комплекса с прочерченной керамикой Тэмеоань-Ханска-Холеркань (Левицкий, 2002, с. 189). Примерами совершения реингумации являются погребение 5 из могильника Фолтешть (рис. 1, 1–2) (Laszlo, 1986, p. 89, fig. 11) и одиночное захоронение из Хански (Левицкий, 1985, с. 125–128), также относящиеся к раннегалльштатскому комплексу Тэмеоань-Ханска-Холеркань. При этом данные захоронения сопровождалась керамикой с прочерченным орнаментом (Фолтешть) (Laszlo, 1986, p. 89, fig. 11) (рис. 1,2), лощеной чашей и бронзовыми изделиями западного происхождения (рис. 1,3, 7–10) (Ханска) (Levički, 1994b, p. 219–256).

В погребальном обряде комплекса Ноуа-Сабатиновка, предшествующего по времени белозерской культуре, демембрация в погребальном обряде на сегодняшний день неизвестна, что дает основания связывать подобный тип захоронения с влиянием раннегалльштатских формирований Нижнего Подунавья и Попрутья, синхронных белозерской культуре Северо-Западного Причерноморья (Левицкий, 2004, с. 202). Вместе с тем, целый ряд белозерских погребений с чертами демембрации имеется

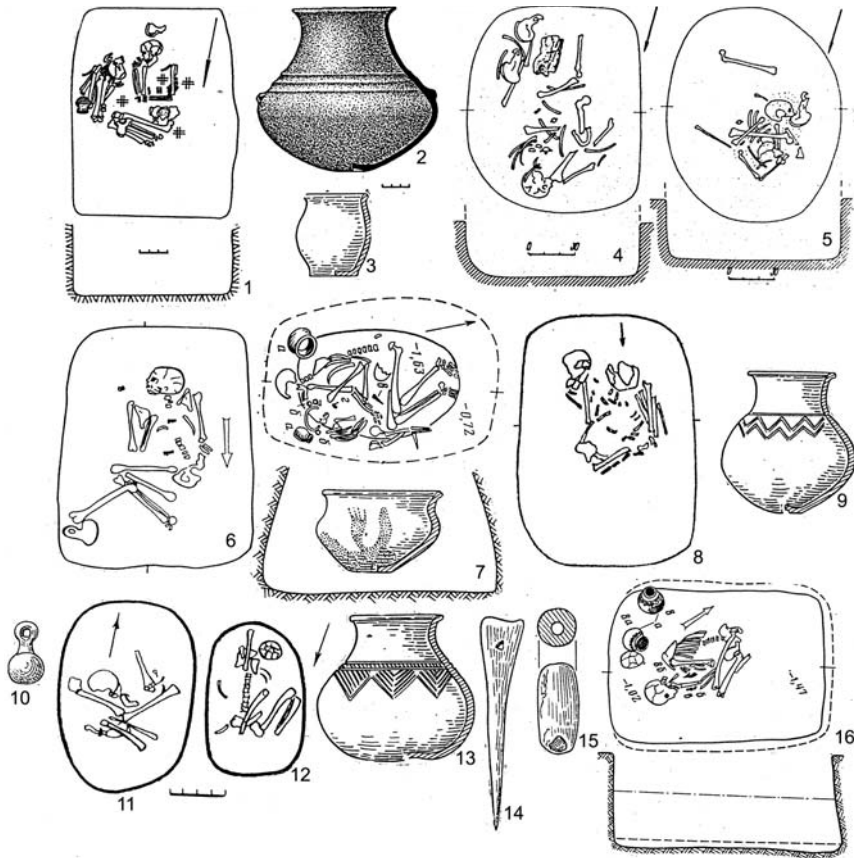

Рис. 3. Погребения белозерской культуры с применением полной и частичной демембрации, парные погребения: 1–2 – Казакия, погр. 33; 4–5 – Первомаевский могильник, погр. 3–4; 3, 6–7, 9–10, 13–16 – могильник Чернянка, погр. 9, 20, 11; 8 – могильник Будуржель; 11–12 – Кочковатое курган 42, погр. 1–2.

в могильниках Днепровского Левобережья – Широцанском, Чернянском (Кубышев, Черняков, 1986, с. 135–137) (рис. 2, 5–6), Первомаевском (Евдокимов, 1987, с. 107–126) (рис. 2, 10–21), Брилевском (Евдокимов, 1999, с. 99–103).

В погребальных комплексах белозерской культуры всего ареала имеется более трех десятков захоронений с демембрацией. Соответственно, в процентном отношении их удельный вес более значительный, чем в раннегальштатских комплексах Нижнего Попрутья и Подунавья. В данной ситуации не исключается, что демембрация является атрибутом белозерского погребального обряда, в дальнейшем повлиявшего на

раннегальштатские культуры. Тем не менее, в предшествующих культурах эпохи бронзы элементы демембрации и реингуляции в Пруто-Днестровском междуречье отмечаются лишь в ямное (Агульников, Попович, 2009, с. 323–344) и катакомбное время.

Отдельным явлением в белозерском погребальном обряде следует считать погребения-кенотафы, где скелет погребенного изначально отсутствовал. Так, в Казаклийском могильнике имелось два захоронения 12 и 20, в которых останков погребенных не было обнаружено. При этом, судя по однородному заполнению погребальных камер, могилы не были нарушены. Погребение 12, совершенное в камере с 4 «столбовыми» ямками по краям, было безинвентарным, а из погребения 20 в камере трапециевидной формы найден цилиндрический кубок приниженных пропорций (рис. 1,25) (Агульников, 1996, р. 96, 98, fig. 8,4, 10,1). Курган-кенотаф белозерской культуры с уникальной погребальной конструкцией, представляющей сооружение в виде колодца со ступеньками, был исследован у с. Зализничное (Субботин, Черняков, 1973, с. 238–240). Кенотафом следует считать округлую так называемую «культовую яму» из кургана 1/2 у с. Кальчева, в которой найдена установленная сверху дном корчага биконической формы (рис. 2, 22–23) (Субботин, 1997, с. 100–101, рис 2,1; Vancugov, Subbotin, 2000; р. 164, fig. 3,4–5). Захоронения отдельных сосудов имели место и на могильнике белозерской культуры Чернянка на Херсонщине (Кубышев, Черняков, 1986) (рис. 2, 3–4,8–9).

Обряд трупосожжения не характерен для белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья. Применение огня в погребальном обряде, отмечаемое в нескольких погребальных комплексах Буджакской степи, носит, скорее всего, характер ритуального очищения. В четырех захоронениях Казаклийского могильника (№ 51, 53, 54, 55) (рис. 4,6–11; 18–23) прожог зафиксирован лишь в верхней части погребальной камеры на глубину 0,2–0,3 м. В погребении 53, ранее трактовавшемся как трупосожжение, прожог был более мощным и достигал дна погребальной камеры. При этом кальцинированный скелет погребенного частично сохранился в скорченном на боку положении. Погребение 55 сопровождалось железной односмычковой фибулой (рис. 4,20), что свидетельствует о достаточно высоком социальном статусе погребенного. В свою очередь, в погребениях 54–55 отмечается частичная демембрация. Следует добавить, что в инвентаре погребения 54 имелся кубок с орнаментом, свойственным культурной группе Пребабадаг (рис. 4,10), а чаша, в свою очередь, орнаментирована кружками, выполненными полый трубочкой (рис. 4,11) – орнаментом, свойственным культуре Бабадаг-1.

В свою очередь, в погребении 32/1 у с. Кочковатое (рис. 4,1–5) скелет погребенного был разрознен и кости имели разную степень обжига – от кальцинированных до почти не обожженных. При этом дно погребальной камеры следов обжига не имело, а стенки были обожжены, особенно в верхней части ямы (Ванчугов и др., 1992, с. 29–30).

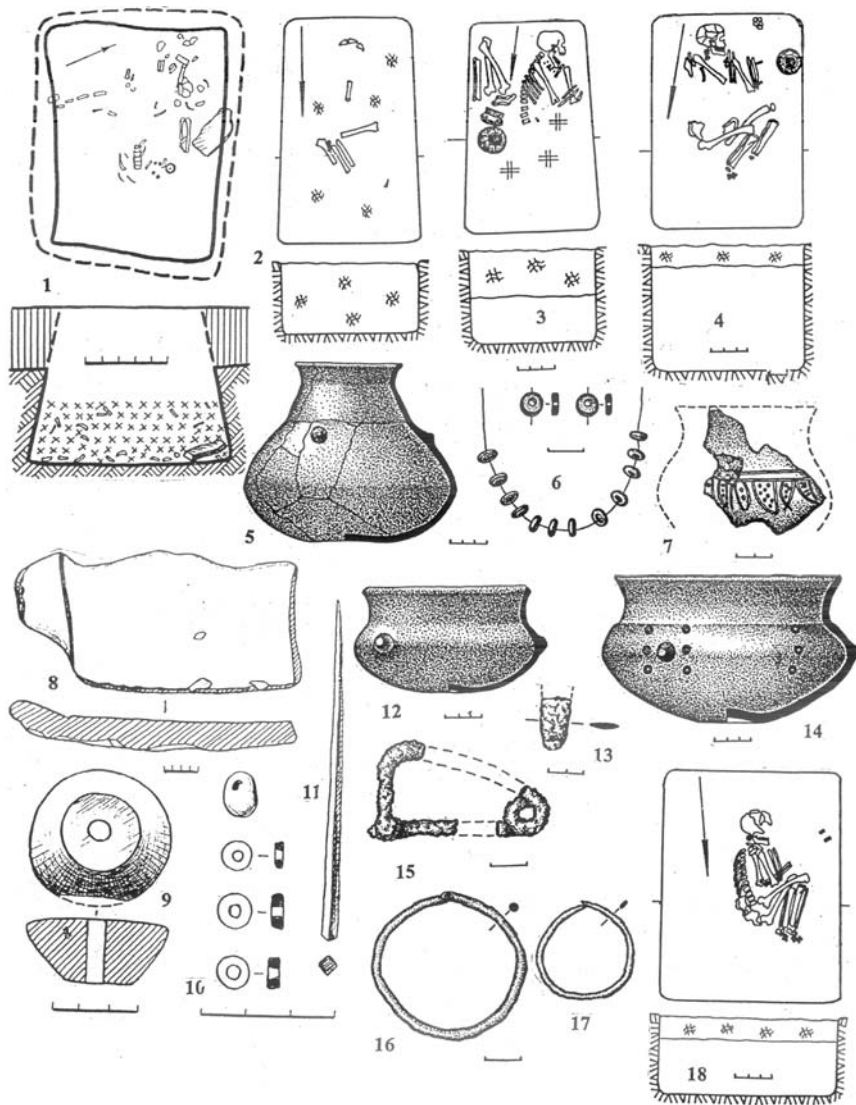

Рис. 4. Погребения белозерской культуры с применением огня и демембрации:
 1-5 – Кочковатое, курган, 32 погр. 1; 6 – Казакля, погр. 53;
 7 – Казакля, погр. 52; 8-11 – Казакля, погр. 54 и его инвентарь;
 15-17 – Казакля, погр. 51; 18-23 – Казакля, погр. 55;
 12-14 – могильник Чернянка, погр. 18; 24. Кочковатое, курган 43, погр. 1.

Следовательно, в данном случае огонь разводился на деревянном перекрытии погребальной камеры. Данный факт свидетельствует об ограблении захоронения с частичным прожогом в древности, что подтверждает скопление костей человека в заполнении и на дне погребальной камеры не в анатомическом порядке.

В предшествующих срубной и сабатиновской культурах Северного Причерноморья обряд трупосожжения совершался на стороне, после чего кальцинированные кости погребенных помещались кучкой на дно камеры. Во всех случаях они отмечены в центре ямы (Чередниченко, 1986, с. 56).

Следовательно, следы огня и неполные сожжения в белозерской культуре не являются результатом гальштатских либо раннефракийских влияний, а следствием мощности погребальных костров, разведенных над могилами в целях ритуального очищения. Данный обряд достаточно широко прослеживается в индоиранских культурах степей Евразии от энеолита до позднего средневековья.

Таким образом, особенности погребального обряда белозерской культуры являются разносторонними и отражают достаточно сложные традиции и идеологические воззрения населения северопричерноморских степей в период финальной бронзы (XII–XI вв. до н.э.) и в самом начале раннего железного века. Белозерская культура, сложившаяся как субстрат восточных и западных культурно-исторических влияний, несла в себе традиции как предшествующей срубно-сабатиновской культурно-исторической общности, так и гальштатские черты раннефракийских формирований Юго-Восточной Европы.

Литература

Агульников С.М., Попович С.С., 2009 – Обряд демембрации в ямной культуре Пруто-Днестровского междуречья // Проблемы охраны и изучения памятников археологии степной зоны Юго-Восточной Европы, Луганск

Ванчугов В.П., Субботин Л.В., 1989 – Васильевский курганный могильник белозерской культуры на левобережье Нижнего Подунавья // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья, Киев

Ванчугов В.П. и др., 1992 – Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. – Курганы приморской части Днестро-Дунайского междуречья // Киев

Евдокимов Г.Л., 1987 – Курганный могильник белозерского времени у с. Первомаевка // Древнейшие скотоводы степей юга Украины, Киев

Евдокимов Г.Л., 1999 – Некоторые итоги изучения материалов Брилевского могильника // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья, Запорожье

Кубышев А.И., Черняков И.Т., 1986 – Грунтовый могильник белозерской культуры у с. Чернянка // СА, № 3.

Левицкий О.Г., 1985 – Погребение раннего железного века у с. Ганск // Археологические исследования в Молдавии в 1981 г., Кишинев

Левицкий О.Г., 2002 – Взаимоотношения общностей прочерченного и каннелированного гальштата Восточно-Карпатского региона // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V век н.э.), Тирасполь

Левицкий О.Г., 2004 – Об основных аспектах взаимосвязей раннегалльских общностей с населением Северного Причерноморья. // *Thracians and Circumpontic World. T. I. Proceeding of the IX International Congress of Thracology. Chişinău-Vadu lui Vodă*

Лисенко С.Д., 2003 – Поховання за обрядом демембрації доби пізньої бронзи у Середньому Подніпров'ї // Наукові записки з української історії. Збірник наукових статей // Переяслав-Хмельницький

Ольховский В.С., 1991 – Скифская погребальная обрядность // М.

Смирнов Ю.А., 1997 – Морфология преднамеренного погребения // М.

Субботин Л.В., 1997 – Исследование курганной группы у с. Калчева // Древности Северного Причерноморья и Крыма, Запорожье

Тоцев Г.Н., 1992 – Белозерский могильник Будуржель в Нижнем Подунавье // РА, № 3.

Чередниченко Н.Н., 1986 – Срубная культура // Культуры эпохи бронзы на территории Украины, Киев

Agulnikov S., 1996 – Necropolă culturii Belozerka de la Kazaklia // *Thraco-Dacica*, т. XIV, Bucureşti

Vancugov V. Subbotin L., 2000 – Noi complexe ale culturii Belozerka în zona dintre Nistru şi Dunarea // *Thraco-Dacica*, т. XXI, nr. 1–2, Bucureşti

Laszlo A., 1986 – Grupul Tămăoani. Asupra «orizontului» hallstian timpuriu cu ceramica incizată din sudul Moldovei // *Memoria Antiquitatis*, XII–XIV, Piatra Neamţ

Levički O., 1994 – Grupul Holercani-Hansca. Aspectul Pruto-Nistrean al complexului cu ceramica incizată // *Relation Thraco-Illyro-Helleniques*, Bucureşti

Мегалиты Урала в свете индоевропейской проблемы

Григорьев С.А. (Челябинск)

Введение

Выход в свет работ Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова о происхождении индоевропейцев (Гамкрелидзе, Иванов, 1980; 1981; 1984) стимулировал интерес к этой лингвистической проблеме российских археологов. Это, в принципе, совершенно оправдано, поскольку только совпадение данных обеих наук способно поставить в проблеме окончательную точку. И подобные сопоставления должны быть не по линии отдельных сюжетов. Должны сопоставляться крупные лингвистические и археологические системы.

Самой первой крупной работой подобного рода в российской археологии была книга В.А. Сафронова «Индоевропейские прародины» (1989). В отличие от работ западных коллег (Renfrew, 1987; Mallory, 1989), она была детализирована, и потому в ней легко можно было обнаружить мишени для критических стрел. В ней автор доказывал миграцию индоевропейцев в неолитический период из Анатолии на Балканы с последующим их распространением уже из этого региона.

По случайному стечению обстоятельств автору этого доклада пришлось написать книгу на ту же тему, в которой, помимо обсуждавшихся В.А. Сафроновым миграций на Балканы, были показаны прямые индоевропейские миграции с Ближнего Востока в Северную Евразию (Григорьев, 1999). Наиболее отчетливо эти миграции проявились в формировании синташтинской культуры, когда на Урале появляется ближневосточный культурный комплекс, практически, в чистом виде (рис. 1, 2). Но чаще в результате миграционных процессов и контактов с местным населением ближневосточные черты размыты.

В этом докладе будут приведены дополнительные аргументы в пользу одной из наиболее сложных проблем миграции древнеевропейских популяций вокруг Каспия через Урал в Европу. Кроме того, после публикаций, посвященных ближневосточной прародине индоевропейцев, очень часто гипотезы о ближневосточном происхождении той или иной культуры сопровождаются заявлениями об ее индоевропейской принадлежности. Од-

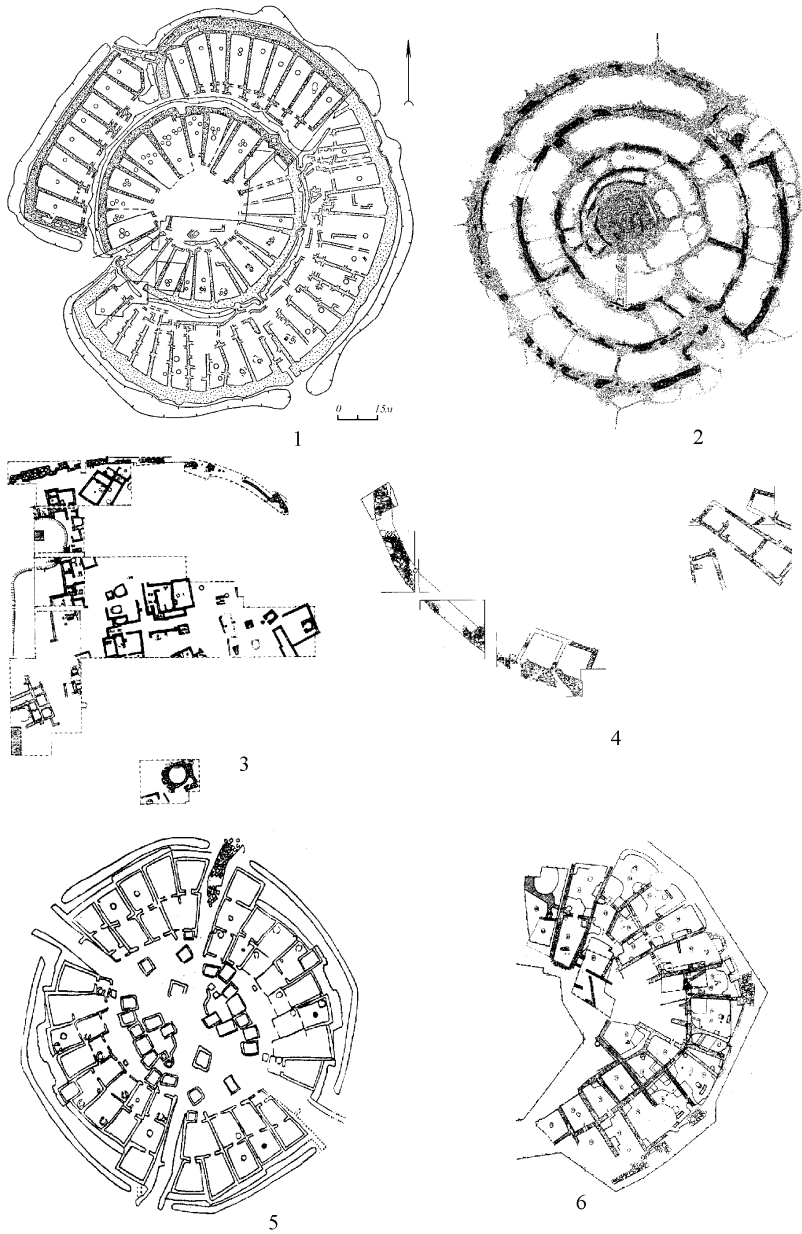

Рис. 1. Архитектура синташтинской культуры и Ближнего Востока. 1 – Аркаим; 2 – Родзем Хири; 3 – Тюлентепе; 4 – Херайон; 5 – Демирчуйюк; 6 – Пулур.

нако на Ближнем Востоке жили и многие иные народы, чьи языковые связи с индоевропейцами и способствовали теории о локализации их прародин в этом регионе. Кроме того, в докладе будут затронуты некоторые иные аспекты, которые были в сфере научных интересов В.А. Сафронова.

Мегалиты Урала и Ближний Восток

В течение нескольких последних лет на Урале был открыт целый пласт мегалитических памятников энеолитического времени, включающий в себя более 100 менгиров и менгирных комплексов, около 250 дольменов и яркий культовый центр на острове Веры (рис. 3), представленный серией крупных мегалитических построек и поселений (Мегалиты Урала, 2010). Их исследование привело к формированию гипотезы о ближневосточных корнях данного пласта. Эта гипотеза базировалась на ряде инноваций на Урале при переходе к энеолиту. Часть из них может указывать как на Ближний Восток, так и на Западную Европу, но часть имеет специфические ближневосточные черты.

В начале энеолита на Урале, помимо новых керамических типов появляется два новых феномена, на развитие которых требовалось продолжительное время и появление которых невозможно без миграционных процессов. Это мегалитическая архитектура и развитая металлургия. Помимо умения раскалывать твердую породу и класть на стены многотонные плиты перекрытия строители обладали рядом иных навыков. Кладки в большом мегалите острова Веры совершенны, и в разных его частях использованы разные типы кладки. Важной деталью являются особенности плит перекрытия, которые положены на стену без напуска, на самый край. При этом камни стен зачастую укладываются с напуском, за счет чего формируется некое подобие свода. В действительности это обеспечивало большую прочность конструкции за счет достижения эффекта динамического равновесия. Без значительного строительного опыта возведение подобных сооружений немыслимо, и эта строительная традиция была явно привнесена.

Следует заметить, что на Урале отсутствуют мегалиты тех типов, которые распространены исключительно в Европе (галерейные и коридорные гробницы), хотя ряд соответствий (дольмены, менгиры, аллеи менгиров, кольцевые структуры) присутствует, но они встречаются и во многих иных регионах. Но мегалиты острова Веры в Европе точных аналогов не имеют.

Зато им имеются надежные параллели на Ближнем Востоке среди построек, определяемых как храмовые комплексы. К этим параллелям относятся массивные каменные кладки и многие детали интерьера (ниши, окна, каменные полки по периметру, глиняные обмазки, зооморфная скульптура, использованная в оформлении стен, иногда окрашенная красной краской). Дольмены Среднего Урала имеют параллели, прежде всего, среди иорданских дольменов. И хотя это чаще достаточно простые конструкции, встречаются специфические черты, которые их

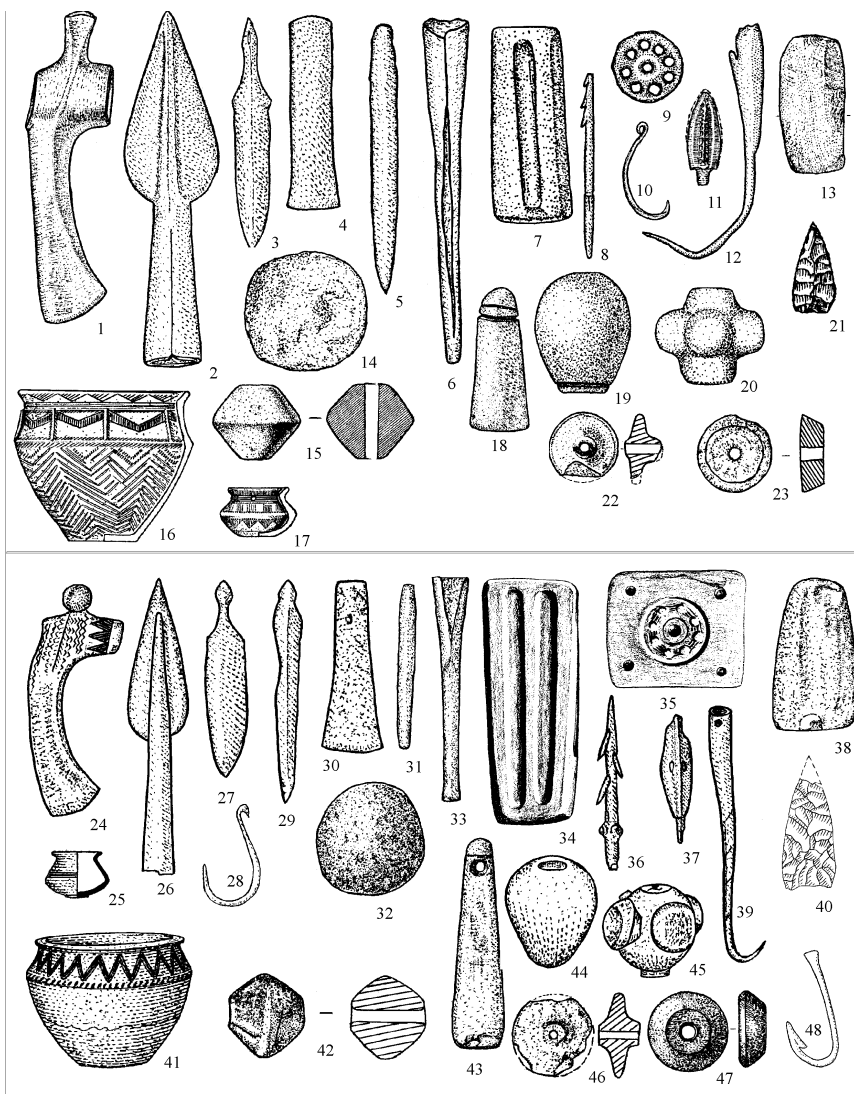

Рис. 2. Сопоставление синташтинских изделий (1–23) с изделиями Кавказско-переднеазиатского региона (24–48). 1, 3, 4, 10, 11, 13–19, 21–23 – Синташта; 2, 20 – Каменный Амбар; 5, 6 – Тюбяк; 7, 9 – Аркаим; 8, 12 – Большекараганский; 24 – Кумбулта; 25 – Тель Мардих; 26 – Эшери; 27 – Ур; 28, 48 – Сузы; 29, 30 – Газа; 31 – Каличакуйю; 32, 38, 43 – Демирчуйюк; 33, 37 – Аладжауйюк; 34 – Малатья-Арслантепе; 35 – Культепе; 36 – Тель-эд-Дабья; 39 – Кировакан; 40 – Мегерсен; 41, 46 – Хама; 42 – Демирчуйюк; 44 – Нахал Мишмар; 45 – Сузы; 47 – Арч.

объединяют: ограды перед входом, наличие двухъярусных конструкций, сочетание дольменов с менгирами¹.

Параллели металлургические еще более показательны. Металлургия на Урале начиналась с неожиданно высокого уровня. На поселении Остров Веры 4 раскопана сложная металлургическая печь с горизонтальным дымоходом и специальным воздухоудным каналом, служившим для генерации монооксида углерода. Во всем мире в это время использовались достаточно простые очаги, но даже их следы очень редки. Металлургические печи с горизонтальными дымоходами выявлены на анатолийском поселении Дежирментепе (Григорьев, 2010). Один из образцов проанализированного шлака с энеолитического поселения Банное 23 оказался железом металлургического происхождения без характерных для литого железа дендритных структур. Примесь меди около 0.6 % указывает на то, что получен он при плавке халькопирита. Подобное попутное получение железа при плавке халькопирита имело место исключительно в Передней Азии, начиная с IV тыс. до н.э. (Григорьев, 2000). В некоторых образцах шлака обнаружены примеси олова. Переход на эту лигатуру характерен для металлургического производства с использованием халькопирита и технологически обусловлен. На достижение такого уровня развития производства у анатолийских металлургов ушло около 4 тысяч лет. На Урале это появляется неожиданно вместе с мегалитическими конструкциями, и было явно обусловлено миграциями. Но в Европе начало использования халькопирита датируется началом 2 тыс. до н.э. В этот период плавки халькопирита и появление ограниченного количества металлургического железа в качестве попутного продукта имело место только в Анатолии. С этим на Ближнем Востоке сочетаются первые изделия, легированные оловом (Riederer, 1991, s. 90; Zwicker, 1987, s. 191).

Язык строителей мегалитов

На фоне теории о ближневосточном происхождении индоевропейцев, как будто, логично сделать вывод именно об их миграции. Причем, большинство исследователей и полагает, что носители европейской мегалитической традиции говорили на индоевропейских языках (Baldia, 2004, p. 431–446), однако точных доказательств этому нет.

В Западной Европе есть три основных ареала распространения мегалитической традиции: Атлантическая Европа (Пиренеи, Британские острова, Франция), Средиземноморье (Южная Италия, Сардиния, Мальта, Корсика, Сицилия), Северная Европа (Южная Скандинавия, Северная Германия). Язык населения Британских островов (пиктов), по-видимому, неиндоевропейский, но из-за скудости

¹ Здесь и далее не даются ссылки на литературу, позволяющую сопоставить уральские мегалиты с европейской и ближневосточной архитектурной традицией. Они приводятся в вышеуказанной книге.

Рис. 3. Внутреннее пространство мегалита № 1 на острове Веры.

лингвистического материала пока не может быть идентифицирован. То же можно сказать и по поводу языков населения Италии и прилегающих островов. Только относительно этрусков можно достаточно надежно говорить об их отнесении к северокавказской группе языков (Иванов, 1988), но они появляются на Апеннинском полуострове гораздо позже. Вместе с ними приходят на ос-

трова сарды и сикюлы, сменяющие предшествующее население, но языковая их принадлежность тоже неопределенна (сардский романский язык является уже более поздним образованием)².

В Северной Европе по топонимике выделяется три последовательных языковых пласта: доиндоевропейский (но не финно-угорский), индоевропейский и индоевропейский германский (Witczak, 1996; Ostmo, 1996). Поэтому оснований для утверждения об индоевропейской принадлежности строителей мегалитов этого региона нет.

Иберия и Франция (а возможно, и более обширные ареалы Европы), по-видимому, были заселены в этот период предками басков, которые относятся к сино-кавказской макросемье (Bengtson, 2004). Поэтому было высказано предположение, что именно их язык и является реликтом языков строителей мегалитов (Gamkrelidze, Ivanov, 1995, p. 846).

В ареале распространения дольменов Кавказа проживали и проживают носители северокавказских языков той же сино-кавказской макросемьи.

Дискуссионным вопросом является этническая принадлежность строителей дольменов Палестины. Во многих архаичных частях Библии среди местного населения упоминается индоевропейский народ хетты. В частности, Авраам покупает у хетта Ефрона пещеру для погребения своей жены Сары (Бытие, 23). Высказывалось предположение, что это объясняется проникновением в Палестину анатолийского компонента в эпоху ранней бронзы, отраженного в культуре кирбет-керак, близкой куро-аракской и имеющей анатолийские связи (Григорьев, 1999, с. 371). Известный хеттолог О. Герни касался этой проблемы

² Хотелось бы выразить признательность Г.С. Старостину и А.В. Дыбо, которые прочли эти тексты и внесли ряд очень важных замечаний. При этом, А.В. Дыбо указал на то, что последнее время появились основания обсуждать принадлежность языков сардов и сикюлов к дене-кавказской макросемье.

и писал о том, что хетты в Палестину не проникали, но речь идет все же о неком анатолийском населении (Герни, 1987, с. 54–58). Кроме того, в тот период этот народ назывался иначе, а этноним «хетты» закрепился за ними после завоевания около 1800 г. до н.э. Хаттусы. То есть название перешло от автохтонного хаттского населения, принадлежавшего к северокавказской языковой семье. Соответственно, присутствие хеттов в библейских текстах, вероятно, отражает присутствие там именно хаттов. И мы вновь видим, что ареал распространения мегалитической культуры совпадает с ареалом распространения носителей той же языковой макросемьи.

Таким образом, исходя из совпадения ряда ареалов распространения носителей сино-кавказской макросемьи и мегалитической традиции, мы можем говорить о возможности соотнесения с ней носителей этой традиции. Следует учитывать и полное отсутствие каких-либо иных данных, указывающих на возможность связи этой традиции с иными языковыми группами.

В этой связи нельзя обойти вниманием тот факт, что в Западной Сибири присутствует этнический компонент, относимый к той же сино-кавказской макросемье, а именно, енисейские языки, к которым относятся кетский, югский, аринский, ассанский, коттский и пумпокольский. Эти языки в древности были распространены гораздо шире по территории Западной Сибири. Они обнаруживают связи с сино-тибетскими и северокавказскими (хурритский, хаттский, нахско-дагестанские, урартский) языками, что и позволило сделать вывод о родстве этих групп и выделении сино-кавказской языковой макросемьи (Старостин, 1982; 1984; Starostin, Ruhlen, 1994). Интересно и то, что название реки Миасс в Южном Зауралье трактуется, как гидроним, связанный с енисейскими языками (Шувалов, 1989, с. 87, 126). Это маркирует древнее присутствие этого населения в ареале распространения мегалитов Урала.

Следует отметить, что ближневосточные корни енисейских языков в силу их родства с северокавказскими не являются дискуссионным вопросом. Поэтому их появление в Северной Евразии должно сопровождаться и появлением ближневосточного культурного комплекса, отраженного в археологических материалах.

Более проблематичными являются иные ареальные сопоставления. В настоящее время в эту языковую семью включаются и языки на-дене в Северной Америке, благодаря чему эта макросемья и называется денекавказской. На северо-востоке США известна и серия мегалитических объектов, генетические исследования зафиксировали у индейцев района Великих озер хромосому X, характерную для европейских популяций. Но, к сожалению, американские мегалиты практически не исследованы и представлены преимущественно в популярных изданиях, данная хромосома не характерна для носителей языка на-дене, и ареал распространения мегалитов не совпадает с ареалом проживания носителей этих языков (Fell, 1982; Lamb, 1982, p. 210).

Тем не менее, исходя из всего сказанного выше, наиболее приемлемым представляется предположение об отнесении строителей мегалитов Урала к носителям праенисейских диалектов, или шире – языков денекавказской макросемьи. Какие-либо иные данные на сегодняшний день отсутствуют. Более того, хотя мы и полагаем, что в энеолитическое время в Зауралье присутствовало и финно-угорское население, необходимо подчеркнуть, что это пока никем показано не было, хотя и принимается по умолчанию.

Дальнейшее продвижение носителей этих языков на восток в места их исторического проживания тоже достаточно очевидно. В рамках мегалитической культуры Урала выделено две главные керамические традиции: ложношнуровая и ямочно-крестовая. Распространение последней на восток в эпоху финальной бронзы прекрасно маркируется западносибирскими культурами с крестовым орнаментом. Собственно, появление крестоштампованной традиции связывал с появлением носителей праенисейских диалектов еще В.Ф. Генинг (1989)³.

Проблема европейско-праенисейских языковых связей

Реконструируя миграцию носителей древних европейских диалектов (кельто-италийских и балто-славяно-германских) вокруг Каспия через Северную Евразию в Европу, Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов отмечали сформировавшиеся на этом пути связи данных языков с финно-угорскими, иранскими, тохарскими, алтайскими и енисейскими (Гамкрелидзе, Иванов, 1981, с. 23–26). При сопоставлении этой реконструкции с предложенной археологической реконструкцией движения этих популяций не возникло особых проблем найти археологический эквивалент большинству перечисленных языковых связей и показать контакты мигрирующих популяций с местными носителями финно-угорских, иранских, тохарских и алтайских диалектов. Много в этом, как и всегда при подобных построениях, достаточно гипотетично, но оно вполне укладывалось в системный контекст реконструкции. Серьезные затруднения вызвала лишь реконструкция европейско-енисейских языковых связей.

³ Из этого, впрочем, не следует, что носители крестоштампованной традиции в энеолите были носителями этих диалектов. Хотя В.Ф. Генинг и обсуждал параллели этой керамики в Шумере, мне их найти не удалось. Более того, знакомство с ближневосточным керамическим комплексом вообще заставляет сомневаться в возможности подобных параллелей. Но на поселениях острова в течение энеолита заметен постепенный рост доли этой посуды. Поэтому не исключено, что произошло постепенное замещение керамической традиции или языковая ассимиляция носителей данной керамической традиции. В любом случае, мы в состоянии показать два процесса – проникновение на Урал ближневосточной культурной традиции, а затем распространение на восток уже в эпоху финальной бронзы уральской культурной традиции, генетически связанной с первой.

Поэтому пришлось ограничиться ссылкой на авторов лингвистической реконструкции, отметивших наличие праенисейских гидронимов в Средней Азии, чему так и не удалось найти археологического эквивалента (Григорьев, 1999, с. 229)⁴.

Отождествление мегалитической культуры Урала и ямочно-крестовой керамики с носителями праенисейских диалектов снимает данную проблему и показывает правомерность как реконструкции языковой принадлежности строителей уральских мегалитов, так и того странного долгого пути, который пришлось преодолеть носителям древних европейских диалектов в места их исторического проживания.

Литература

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1980 – Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общеиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным // ВДИ, № 3.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1981 – Миграции племен-носителей индоевропейских диалектов с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии // ВДИ, № 2.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984 – Индоевропейский язык и индоевропейцы // Тбилиси

Генинг В.Ф., 1989 – К вопросу об археологической интерпретации «кетской проблемы» (по материалам керамики с псевдотекстильной поверхностью и фигурно-штампованным орнаментом) // Керамика как исторический источник, Новосибирск

Герни О.Р., 1987 – Хетты // М.

Григорьев С.А., 1999 – Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции // Челябинск

Григорьев С.А., 2000 – Древнее железо Передней Азии и некоторые проблемы Волго-Уральской археологии // Известия Челябинского научного центра, вып. 1.

Григорьев С.А., 2010 – Металлургическая печь эпохи энеолита в Южном Зауралье // Известия Челябинского научного центра (в печати).

Иванов В.В., 1988 – Древневосточные связи этрусского языка // Древний Восток: этнокультурные связи. М.

Иванов В.В., 1999 – К вопросу о возможной лингвистической интерпретации открытия Аркаима и Синташты // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э. Челябинск–Аркаим

Мегалиты Урала, 2010 – Ред. Григорьев С.А., Ивасько Л.В. // Екатеринбург (в печати)

Сафронов В.А., 1989 – Индоевропейские прародины // Горький

⁴ Следует отметить, что у авторов лингвистической реконструкции, вероятно, тоже не было уверенности в том, что контакт носителей европейских диалектов с енисейцами маркируется именно гидронимами в Средней Азии. Во всяком случае, впоследствии В.В.Иванов допускал, что этот контакт осуществлялся на Южном Урале, ссылаясь на многоязычность обитателей таких поселений, как Синташта и Аркаим, никак этого, впрочем, не аргументируя (Иванов, 1999). На мой взгляд, население степной зоны Южного Урала в это время говорило на иранских диалектах (Григорьев, 1999, с. 291, 292), что согласуется, впрочем, с мнением большинства исследователей.

Starostin S.A., 1982 – Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник. Л.

Starostin S.A., 1984 – Гипотеза о генетических связях синотибетских языков с енисейскими и северокавказскими языками // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: тезисы и доклады конференции. Ч. 4: Древнейшая языковая ситуация в восточной Азии. М.

Шувалов Н.И., 1989 – От Парижа до Берлина по карте Челябинской области. Топонимический словарь // Челябинск

Baldia M., 2004 – A Spatial Analysis of Megalithic Tombs // Vol. 1–2. Ph. D. Dissertation. Southern Methodist University. The Comparative Archaeology.

Bengtson J.D., 2004 – Some features of Dene-Caucasian phonology (with special reference to Basque) // Cahiers de l'Institut de Linguistique de Louvain (CILL). 30.4.

Fell B., 1982 – Bronze Age America // Boston, Toronto

Gamkrelidze T.V., Ivanov V.V., 1995 – Indo-European and the Indo-Europeans // Berlin, New York

Lamb H.H., 1982 – Climate, history and the modern world // L. and New York

Mallory J.P., 1989 – In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth // London

Ostmo E., 1996 – The Indo-European Question in a Norwegian perspective: a View from the Wrong End of the Stick? // The Indo-Europeanization of Northern Europe. Journal of Indo-European Studies, № 17, Washington

Renfrew C., 1987 – Archaeology and Language // L.

Riederer J., 1991 – Die frühen Kupferlegierungen im Vorderen Orient // Handwerk und Technologie in Alten Welt (Hrsg. R.-B. Wartke). Mainz

Starostin S.A., Ruhlen M., 1994 – Proto-Yeniseian Reconstructions with Extra-Yeniseian Comparisons // On the Origin of Languages: Studies in Linguistic Taxonomy. Stanford

Witczak K. T., 1996 – The Pre-Germanic Substrata and Germanic Maritime Vocabulary // The Indo-Europeanization of Northern Europe. Washington

Zwicker U., 1987 – Untersuchungen zur Herstellung von Kupfer und Kupferlegierungen im Bereich des östlichen Mittelmeeres (3500–1000 v. Chr.) // Archäometallurgie der Alten Welt. Beiträge zum Internationalen Symposium «Old World Archaeometallurgy», Heidelberg.

Некоторые определения «рйг» – крепостей «Ригведы» в контексте археологии укрепленных центров синташтинско-аркаимской культуры

Зданович Г.Б. (Челябинск)

Культурно-историческая проблема сравнительного языкознания формировалась в основном в рамках филологической традиции девятнадцатого века. Полемика, связанная с восстановлением индоевропейского праязыка, сразу уводила исследователей в глубинные пласты человеческого бытия. «Доистория» так или иначе фигурирует в содержании компаративистских штудий, большая часть которых исходила из идеи прогресса и пафоса гуманитарного знания (Сухачев, 1994).

Успехи лингвистов неизбежно увлекали археологов. Развитие археологии в XX столетии дали новые стимулы для обозначения индоевропейских прародин и отождествления того или иного вещевого комплекса с носителями праиндоевропейской речи. Яркие работы в этом направлении принадлежат представителям отечественной школы (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, т. 1–2; Дьяконов, 1982, с. 11–25; Сафронов, 1989; Андреев, 1986; Кузьмина, 1981, с. 101–125; Мерперт, 1988, с. 7–36).

Когда лингвисты обращаются к истокам индоевропейских языков – германо-балто-славянского, итало-кельтского или индоиранского, – они ищут соответствия своим выводам у археологов. Это оправдано в том плане, что археологические свидетельства обычно привязаны к определенному времени и конкретному месту. Археологам же, со своей стороны, всегда важно увидеть за миром вещей конкретных носителей материальной культуры, связать памятник с тем или иным этносом, и они обращаются к суждениям языковедов.

Однако на этом пути много сложностей. Вещевые археологические комплексы и языковые свидетельства допускают множество интерпретаций, иногда противоположных. Язык древних многомерен, он наполнен то прерывами, то изобилует глубиной нюансов, то не-до-сказом, то пере-сказом. Такова и древняя вещь. Она всегда многофункциональна и в быту, и в ритуале. Она удручающе материальна и одухотворена стократно.

Стремясь опираться друг на друга в своих поисках, и археологи, и языковеды имеют дело с одним и тем же неизвестным – с историей куль-

туры. Именно она зафиксирована в языке, который реконструируют лингвисты, и именно она воплощена в вещевом комплексе, полученном археологами. Свести вместе праязык и мир древних вещей – это значит найти общие смыслы в прасловах и артефактах, увидеть их в нерасчлененном единстве. Здесь исследователя может ждать священнодействие – погружение в поток давно схлынувшей истории. Только через «угадывание» общих смыслов можно нащупать тот механизм, который перенесет вас в праисторию и наполнит осязаемой реальностью ушедших миров.

В поисках смыслового единства слов и вещей и локализации одной из прародин индоевропейцев (индоиранцев) может быть интересен анализ отдельных слов и понятий «Ригведы» в контексте материального мира культуры Синташты и Аркаима.

Ведийская литература стала впервые переводиться на европейские языки с конца XVIII в. Она донесла и имя народа, который создал эти шедевры – он называл себя «арья» – арии. Но до сих пор не известны археологические находки, которые можно было бы убедительно связывать с арийскими племенами.

Если археологи последние 150 лет безуспешно ломают копыта на эту тему, то лингвисты, уверенные в безнадежности археологических поисков, стараются своими методами извлечь хотя бы крупицу исторической реальности из древних текстов.

«Ригведа» представляет собой собрание священных гимнов. У их авторов не было интереса к истории и к повседневной жизни. Гимны содержат сведения, прежде всего, о религиозных представлениях, их главное содержание – миф и ритуал. Они полны скрытыми смыслами. Каждое слово древнего поэта столь многозначно, что у интерпретатора текста порой исчезает какая-либо точка опоры, за которой может стоять реальность. Т.Я. Елизаренкова приводит слова выдающегося исследователя ведийской литературы Рену: «Для текста, полностью подчиненного символизму, не существует процедуры его раскрытия (procedure d'approche), которая соответствовала бы нормам рассудка» (Елизаренкова, 1999, с. 10). И тем не менее языковеды сделали удивительные успехи в трактовке архаических культовых текстов. Это касается не только вопросов религии и социальных отношений; лингвистический анализ позволил ощутить реальную жизнь ариев и наглядно представить их материальный мир. Примером такого исследования является труд Т.Я. Елизаренковой «Слова и вещи в “Ригведе”». В монографии раскрывается методология, которая позволяет правильно установить связь между лексическим значением слова и обозначаемым им предметом или понятием в архаической культовой поэзии.

В качестве объекта исследований Т.Я. Елизаренковой выбрано несколько семантических полей и отдельных лексем, отражающих предметы материального мира: дом, место жертвоприношений, дорога, лес, поле, вода, гора, крепость. В этих увлекательных поисках раскрытия смысла слов и предметов очень не хватает археологических свидетельств!

Конечно, археология Аркаима и «Страны городов» сегодня находится на стадии становления. Тем не менее, уже сейчас она позволяет «играть» со смыслами письменных текстов и формировать некий объем представлений, в чем-то отвечающий мироощущению людей, называющих себя *арья*. Возможно, это высказывание излишне самонадеянно. И тем не менее хочу предложить опыт «прочтения Елизаренковой». Я преднамеренно остановил свое внимание только на одном семантическом поле и одном археологическом объекте – крепости (*pūr*).

Слово «пур» (*pūr*) употребляется в «Ригведе» 83 раза. Оно содержит целый ряд емких, хотя и не всегда понятных определений и прилагательных. Что стоит за индоевропейским корнем (*pūr*), который обозначает «наполнение», «насыпание», как понимать выражение «крепость в сто изгибов»? Среди значимых характеристик крепостей «Ригведы» божественная река Сарасвати, что дает возможность рассмотреть взаимоотношение воды и крепости и водных источников внутри крепостных стен.

Одним из непонятных эпитетов (*pūr*) является «*caradī*» – «осенняя». «*Caradī*» встречается в текстах, связанных с мифом об Индре. «Пуру знают твое героическое деяние, что ты, о Индра, разбил осенние крепости» (I, 131,4). В связи с «*pūr*» интересны понятия «свой–чужой», «даса–дасью», смысловая нагрузка на слово «дом» и многое-многое другое, что может быть понято только в соотношении с археологией крепостей Аркаима и Синташты.

Ограниченный рамками настоящей статьи, я остановлюсь только на двух характеристиках «*pūr*» – «наполненное место» и крепость «в сто изгибов».

«Наполненное место»

В литературе, посвященной изучению общества ариев по письменным источникам, распространено мнение, что арии не имели постоянных деревень и не строили крепостных сооружений. По текстам «Ригведы» можно понять, что их жилища представляли собой легкие хижинки без фундамента. Балки перекрытия опирались на столбы. Была дверь, но окон не было. Навесные перегородки делили жилище на несколько помещений. В одном из помещений находился очаг, в котором горел огонь – это было место для общих сборов и совершения домашних обрядов. Для скота строились отдельные помещения, хотя на ночь животных могли размещать и в хижине. Вокруг таких поселков, возможно, сооружались небольшие укрепления из камня и глины. Они использовались как сезонные стойбища и в качестве загонов для скота (Елизаренкова, 1989, с. 452; Бонгард-Левин, Ильин, 1985, с. 136, 137). Считается, что крепости – *pūr* «Ригведы» принадлежали не ариям, а их врагам – демонам даса/дасью.

Исследователи «Авесты» также почти единодушны: никаких намеков на наличие городской жизни в «Авесте» нет; отсутствуют и специальные термины для укрепленного поселения и сколько-нибудь ясные

упоминания о цитаделях. В качестве исключения приводят *вару*. Ему отводят роль мифического укрытия, где могли прятаться жители во время военных столкновения (Лившиц, 1998, с. 221).

В середине прошлого века известный исследователь индийской культуры сэр Мортимер Уиллер высказал предположение о том, крепости врагов – это укрепленные города местного населения долины Инда, которые были разрушены пришельцами – арийскими племенами.

В 1976 г. известный филолог В. Рау попытался проверить, насколько верна позиция Уиллера. Он поставил своей задачей предельно точно установить значение *ṛiṅ* и некоторых производных от этого слова в ведийской литературе. К анализу он привлек широкий круг ведийских текстов – самхиты, брахманы, упанишады, араньяки, сутры.

В результате В. Рау пришел к интересным выводам: «Крепость состояла из одного или нескольких концентрических валов, круглых или овальных. Они были построены из земли (*mud*) или из камня. Крепости были укреплены рядом защитных приспособлений, способных гореть: воротами, может быть, частоколами, плетнями, колючими растениями. Люди жили там под деревянными навесами. В крепости были запасы еды, воды и корма для скота. Постоянно в крепостях не жили, к ним прибегали в минуты опасности. Крепость служила прежде всего защитой от нападений во время войны, лагерем, который осаждали. Возможно, что крепости приходилось подновлять после каждого сезона дождей» (Елизаренкова, 1999, с. 197).

Приведенное содержание термина «*пур*», основанное на исследованиях В. Рау, достаточно точно соответствует укрепленным поселениям синташтинско-аркаимской культуры. В нем отражены планы наиболее ранних укреплений Южного Зауралья – овальных и круглых, наличие защитных сооружений на входах, присутствие ворот и частоколов. Строительные материалы, использованные для создания «*пур*», полностью соответствуют данным археологических раскопок Аркаима и других памятников «Страны городов». Основным материалом для сооружения крепостей Южного Зауралья является земляной грунт и глина (Аркаим, Синташта и др.), иногда в сочетании с камнем (Куйсак, Аландское, Берсуат). Широко используется дерево, это столбы и плахи, мелкий хворост для плетней и циновок, трава и камыш. Дома, в которых живут люди, построены с использованием деревянных конструкций. Для нас очень важно замечание В. Рау о том, что крепости нуждались в ремонтных работах после дождей.

Приведенного текста, возможно, вполне достаточно, чтобы увидеть соответствие ригведийских крепостей с фортификацией аркаимского типа, тем более, что выводы Рау выглядят аргументированными и основательными. Но поскольку для синташтинско-аркаимской археологии, как и для смысловой нагрузки ведийских текстов, понятие «крепость» чрезвычайно важно, последуем далее за лингвистическим анализом слова *ṛiṅ*, который нам предлагает Т.Я. Елизаренкова.

Pūr является корневым существительным, связанным с глагольным корнем «наполнять». *Pūr* сопоставляется с литовским *pilis*, латышским *pils* – «крепость», «замок». Словари Гроссмана и Бетлинга дают одинаковое значение слову *pūr* – «укрепленное место», «крепость». Гроссман поясняет, что в первоначальном смысле это слово должно было означать «наполненное место» (вероятно, людьми и имуществом). Майрхофер дает значение *pūr* как «вал из камня и глины», «траншея» и снова поясняет, что первоначальное значение индоевропейского корня было «наполнение», «насыпание» (Елизаренкова, 1999, с. 198).

В последнем приведенном переводе для нас важно сочетание «вал» и «траншея». С точки зрения археолога, изучающего укрепленные центры «Страны городов», хочется уточнить – «стена» и «ров». В фортификации средней бронзы Зауралья эти элементы неразделимы. Во всех укрепленных центрах стена соответствует рву и наоборот. Ведущим элементом в системе обороны всегда является стена. Конечно, ров служит дополнительным препятствием, используется при необходимости для отвода воды. (В отличие от средневековых крепостей, рвы в «Стране городов» содержатся сухими). Ров выкапывается для того, чтобы увеличить высоту стены!

Обращает на себя внимание изначальный смысл слова *pūr* – «наполнение», «насыпание». Раскопки хорошо фиксируют технологии сооружения стен аркаимских крепостей. Иногда применялась кладка из сырцовых блоков, но чаще всего делались грунтовые опалубки или деревянные клетки, в которые «засыпали», «заливали» сухой или влажный грунт. Можно сказать по-другому – полые клетки, сложенные из дерева или дерновых (глиняных) блоков, наполняли грунтом. Известные нам размеры деревянных клеток примерно 3×4 м. Стена, заполненная грунтом, имела высоту от уровня дневной поверхности около 3,5 м. Это без высоты верхней деревянной галереи или частокола, которая должна быть не менее человеческого роста. Отдельные клетки грунтом не засыпались и оставались полыми. В образовавшиеся помещения можно было попасть либо напрямую из дома, из его общественно-хозяйственной и ритуальной части, либо через узкий коридор между торцевыми стенками домов и стеной клетки оборонительного сооружения. Помещения внутри стен могли использоваться для стрельбы из лука при полном бое или для решения каких-либо других задач, связанных с обороной. Как бы то ни было, сочетание «наполненное место» удивительно точно передает смысл и содержание аркаимского укрепленного центра.

Все планировочные решения «протогородов» отличаются предельной компактностью и концентрацией архитектурных деталей. Здесь нет ни одного свободного участка «городского» пространства – все до сантиметра включено в единый рациональный мир богов и людей (рис. 1, 2). Связь между отдельными элементами укрепленного поселения – домами, дворами и крепостными сооружениями обеспечивали одна круговая нижняя улица и два кольца верхних улиц, проложенных по галереям обеих оборонительных стен. Я называю единственную настоящую улицу «нижней» потому, что она проходила на уровне дневной поверхности.

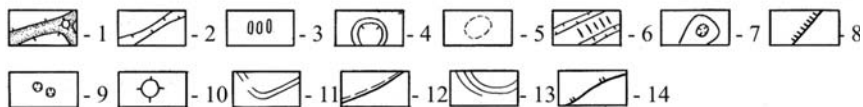
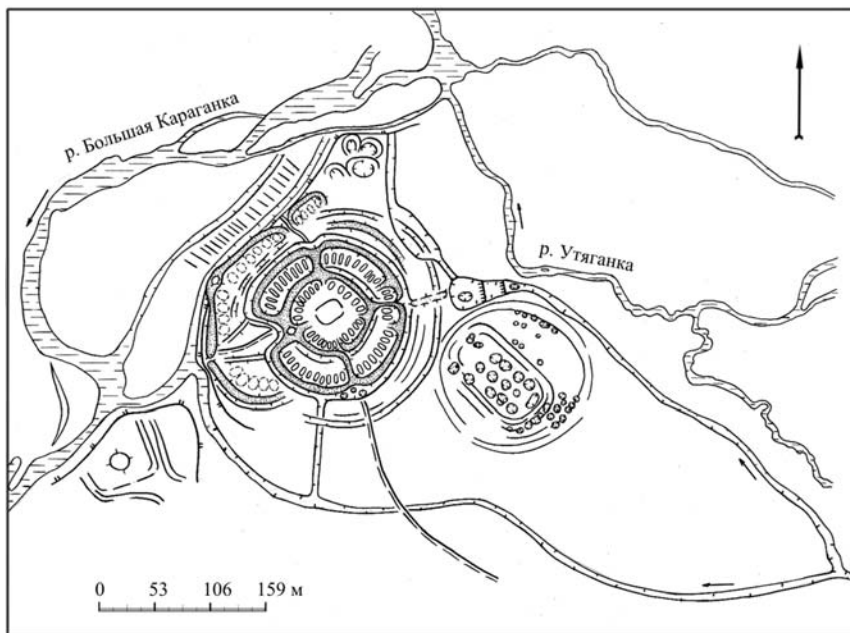

Рис. 1. Укрепленное поселение Аркаим (по материалам дешифрирования аэрофотоснимков 1956, 1974 и 1978 годов). 1 – развалы оборонительных стен укрепленного поселения; 2 – рвы, искусственные каналы; 3 – жилищные впадины; 4 – следы хозяйственных построек; 5 – хозяйственные площадки; 6 – следы древнего земледелия – «Аркаимский огород»; 7 – ложе искусственного водоема; 8 – развалины плотин; 9 – мелкие углубления и ямки; 10 – курган Александровский; 11 – подпрямоугольные структуры, выраженные в микрорельефе в виде чередования грунтовых валов и цепочек ямок; 12 – древняя дорога; 13 – дугообразные линеаменты; 14 – бровка надпойменной террасы.

Ширина ее была от 4.5 до 6 м, а общая длина составляла 280 м. Улица представляла собой деревянную мостовую, а под ней проходила ливневая канализация. Уступы канализационной канавы, на которые укладывались бревна мостовой, сохранили следы ремонта и несколько слоев обугленной древесины.

Нижняя улица опоясывала внутреннюю оборонительную стену и была плотно зажата между стеной цитадели с одной стороны, а с другой – высоким забором, сооруженным с использованием грунтовых блоков и, возможно, плетня. Мы плохо знаем конструкцию внутренней оборонительной стены – она недостаточно исследована. Ширина ее 2.5–3 м, высота, судя по развалам грунта, примерно в полтора раза выше внешней стены. Очевидно, цитадель использовалась для палеоастрономических наблюдений (Kirillov, Zdanovich, 2002, с. 151–161, рис. 2). В процессе раскопок на круговой улице обнаружены каменные стелы, которые, вероятно, когда-то стояли на верхнем основании стены и служили реперами при наблюдении за горизонтом.

С конструкцией внешней (второй) оборонительной стены связаны сложные предвратные сооружения – дополнительные изгибы стен и валов, укрепляющие входы и обращенные как вовне поселка, так и на его внутреннюю территорию. Сюда же входят сами надвратные башни¹, помещения внутри оборонительных стен² и связанные с ними переходы, контрофорсы и, возможно, бастионы (рис. 3). Все это не могло функционировать без внутренних и внешних грунтовых и деревянных лестниц и ступенек³, а также без крытой деревянной галереи, которая должна была венчать стену, охраняя ее защитников и оберегая от размыва дождевыми потоками. Сгоревшие остатки этих галерей в виде обильных прослоек древесного угля фиксируются на всех исследованных археологами участках обводных рвов укрепленных центров «Страны городов».

Внутренняя и внешняя кольцевые оборонительные стены были соединены между собой четырьмя (пятью?) радиальными стеновыми конструкциями, расположенными по сторонам света. Внутри некоторых глинобитных стен зафиксированы узкие коридоры-лабиринты. Они начинались от входов с внешней стороны поселка и выходили на кольцевую мостовую. Длина археологически исследованного лабиринта на пос. Аркаим достигала 18 м, геофизическими методами были открыты коридорообразные лабиринты протяженностью до 21 м.

¹ Основание такой башни археологически изучено в районе северного входа пос. Аркаим.

² Внутрстенные помещения исследованы на участках западного и северного воронкообразных входов пос. Аркаим, а также на пос. Аландское.

³ Основание грунтовой лестницы для выхода на кровлю и оборонительную стену зафиксировано в СЗ углу жилища II-14 пос. Аркаим; грунтовые ступеньки хорошо прослеживаются при переходах из дворики в жилища и из жилищ в помещения фортификационных конструкций.

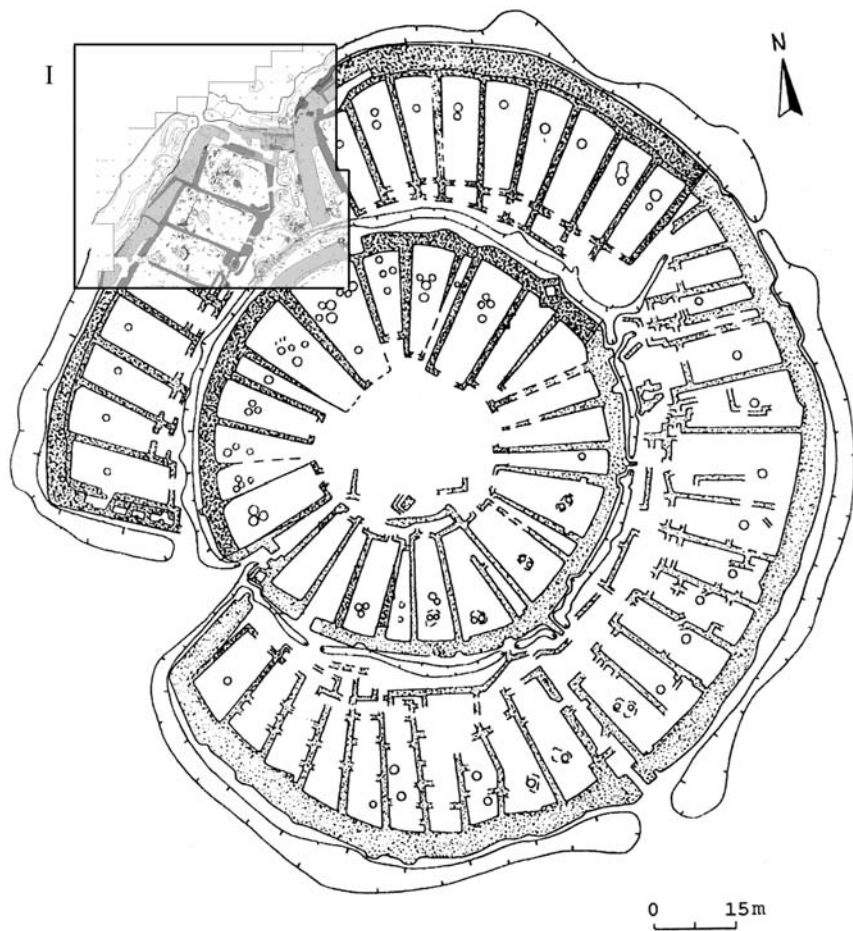

Рис. 2. План укрепленного поселения Аркаим (по материалам раскопок и геофизической съемки) I – участок СЗ сектора.

В мою задачу не входит описание всех многочисленных деталей, связанных со строительным делом, архитектурой, коммуникациями. Эти детали зафиксированы в раскопочных чертежах, лабораторных анализах, геофизических съемках, слайдах, фотографиях, видеоматериалах. Поселенческие памятники средней бронзы Южного Зауралья в конечном итоге должны рассматриваться на фоне всей поселенческой археологии бронзового века сопредельных районов Западной Сибири и Казахстана. Значительная часть материалов, полученных в последние десятилетия, нашла отражение в научных изданиях (Потемкина, 1985; 2001, с. 166–256; Ковалева, 1997; Евдокимов, Варфоломеев, 2002; Малютина, Зданович, 1995, с. 100–106; Зданович, Малютина, 2001, с. 74). Впереди подробные полномасштабные публикации по укрепленным центрам синташтинско-аркаимской культуры. Возможно, они помогут уловить реальный смысл многих спорных слов и понятий, которые предлагает нам текст «Ригведы».

Даже краткие описания, приведенные выше, позволяют убедиться, насколько гениально и просто была «сконструирована» планировочная схема Аркаима. Попасть в любую точку протогорода можно было кратчайшим путем и в кратчайшее время. Определенные сложности, безусловно, преднамеренно создавались только для посещения площади. Надо учесть, что кровли домов тоже были включены в систему коммуникаций. По ним передвигались, на них строились легкие сооружения, очаги, желоба для сбора дождевой воды и т. д. Лестничные пролеты, устроенные в торцевой части дома и ведущие наверх, непременно предполагали выходное отверстие в кровле.

По некоторым данным можно сделать заключение, что крыши домов цитадели использовались в качестве гигантского амфитеатра, где могли собираться тысячи человек. Об особой нагрузке на кровли и опорные балки свидетельствуют усиленные конструкции стен центрального кольца домов и, кажется, наклон крыш, который шел в сторону площади. Таким образом, в дни празднеств и ритуалов все жители крепости могли наблюдать обрядовые действия, которые проходили на площади.

Аркаимская крепость – это действительно «наполненное» место. На предельно ограниченной территории сконцентрировано большое количество строительных объектов различного назначения. Пространство крепости характеризуется необычайно плотным переплетением общественных, религиозных и хозяйственных функций. Для человека аркаимского времени весь мир дышал новизной. Даже сегодня, по прошествии четырех тысяч лет, археолог, работающий на памятниках аркаимского типа, не может не ощущать взрывного характера культурного процесса, который охватил Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Ничего подобного мы не видим в это время на протяжении всех тысяч квадратных километров степной –лесостепной Евразии. Именно на Южном Урале на рубеже III–II тыс. до н.э. история проводила колоссальный эксперимент – она искала пути от поздней первобытности к цивилизации.

Рис. 3. Поселение Аркаим. Участок С3 сектора. 1 – жилые сооружения; 2 – дворик жилища; 3 – конструкции внешней оборонительной стены; 4 – радиальная стена; 5 – основание башни; 6 – стена «цитадели»; 7 – проходы и полые помещения в стенах; 8 – внешний ров; 9 – ров ливневой канализации; 10 – система «ловчих» ям; 11 – контрфорсы; 12 – основание грунтовых стен домов; 13 – внутренние конструкции стены, гумусная опалубка.

«Сто изгибов»

Падежная парадигма существительного «*r̥ūr*» представлена формами как единственного, так и множественного числа, причем граммемы последнего заметно преобладают. Для нас это важно: крепость – это не единственное исключение, это не некоторое обособленное явление. Крепостей много, это система крепостей, «страна» крепостей. При этом они существуют при взаимодействии друг с другом как некий взаимосвязанный механизм.

Слово «крепость» может встречаться в сочетании с глаголами *as* и *bhū* – «быть», «становиться». Крепости не просто существуют, они возводятся, они строятся, и в процессе их строительства люди обращаются к богам, высказывая свои пожелания относительно прочности и просторности создаваемого ими сооружения.

«О Агни!.. стань же ты для нас широкой, прочной, просторной крепостью»
(I, 189, 2)

«И будь нам, о неукротимый, для защиты мужей, великой железной крепостью в сто изгибов»
(VII, 15, 14)

Т.Я. Елизаренкова отмечает, что эпитет «железный» является условным переводом; точнее было бы сказать «металлический», «медный», «бронзовый», так как в русском языке это прилагательное широко употребляется в переносном смысле – «очень твердый», «несгибаемый». Это очень серьезное пояснение, которое мы можем отнести к другим ведическим и авестийским текстам, где встречаются слова со значением «очень твердый». В рамках современной (или, лучше сказать, «поздней») традиции они переводятся словом «железный», искажая хронологический смысл текста.

Переводчиков обычно смущает слово *Gatábhujū* – «в сто изгибов». Для нас наиболее близко толкование, которое принадлежит Гельднеру. Речь идет о концентрически расположенных валах – сотне колец крепостной стены (Елизаренкова, 1999, с. 199).

«Крепостями с сотней изгибов защитите, о Маруты, от коварства, от злой (речи) – того, кому вы помогаете!»
(I, 166, 8)

Лингвисты говорят о неясности эпитета, употребляемого в этом тексте, и о некорректности делать какие-либо выводы о реальной структуре крепости, исходя из ее определения как *Gatábhujū*. Все эти сомнения пусть остаются в научном дискурсе языковедов. Для археологов – исследователей «Страны городов» слова «крепость в сто изгибов», как и прочность стен, повторенная «десятикратно», находят полное соответствие в планах и конструкциях фортификационных сооружений среднего бронзового века Южного Зауралья.

Очень важно, что *r̥ūr* предполагает прочную защиту и «безопасность со всех сторон». То есть из текстов «Ригведы» следует, что крепостные сооружения ариев имели замкнутую систему обороны. Это очень важная характеристика «*r̥ūr*». Обычно в древнем мире крепости строились

на местности, которая обеспечивала естественную защиту поселка. Это могли быть глубокие балки, овраги, высокие береговые обрывы, мощные водные преграды. Искусственные сооружения – валы, стены, рвы – возводились только отдельными участками в местах, плохо защищенных естественными преградами. Крепости с замкнутой системой обороны строились на равнинах. В открытых степях Южного Зауралья в условиях слабо пересеченной местности и мелководья степных рек крепостные сооружения создавались с учетом круговой обороны. Так же, как и в текстах «Риг-веды», они способны были противостоять натиску врага на любом участке фортификации⁴.

«Сто изгибов крепости» – образная характеристика оборонительных сооружений, которая может быть отнесена как к круговым, так и прямоугольным крепостям. Однако это не просто образ. Глядя на планы укрепленных поселений «Страны городов», вы видите не только изгибы «кругов», «овалов», но и округлые углы «прямоугольников», «квадратов», «ромбов». Оборонительные стены в районах входов образуют овалы, заходя друг за друга, и создают длинные узкие коридоры, обращенные и вовне, и вовнутрь поселка. Такие проходы оказывались смертельно опасными для всякого непрошеного гостя, поскольку он становился беззащитным для тех, кто контролировал коридор с высоты стен (рис. 2, 3).

Похоже, что ворота (скорее, закладки из бревен) во входных проемах стен если и существовали, то не играли серьезной роли в обороне. Синонимом понятия «изгиб» было понятие «прочная защита». С помощью изменения «изгибов» внешних стен, например, создание «воронков» у северного и, особенно, западного входов на Аркаиме, поток возможных нападающих направлялся таким образом, чтобы защитники поселка могли его легко рассечь. Устремляясь в видимый широкий проем в стене, враг в реальности оказывался в устье настоящей ловушки.

Изгибы оборонительных стен образовывали окружности привратных башен, контрфорсов или бастионов, с выступов которых могла вестись перекрестная стрельба для защиты наиболее уязвимых участков фортификации. К «изгибам» следует отнести десятки «изломанных» коридоров и переходов, образующих подлинный лабиринт. Если при этом учитывать ступеньки, расположенные у входа в дом, грунтовые лестничные «марши», ведущие из жилища на кровлю, какие-то подвижные лестницы, которые должны были соединять радиальные и кольцевые стены-улицы, то описываемый лабиринт с его «изгибами» распространялся не только на горизонтальное пространство крепости, но и на ее вертикаль. При этом необходимо отметить, что ни один из исследованных выходов или щелей в оборонительных стенах памятников «Страны городов» (Берсуат, Синташта, Аркаим) не выводил напрямую за пределы крепости и создавался как излом лабиринта (Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с. 23–43, рис. 13).

⁴ Это еще один небольшой штрих в пользу того, что одной из древнейших прародин арийских племен были степи.

Прозрачной аналогией аркаимскому лабиринту может служить критский лабиринт легендарного царя Миноса, кстати, хронологически близкий «крепостям» «Страны городов».

Толкование Гольднером слова *Gatábhjuj* как крепости с концентрически расположенными валами – «сотнями колец крепостной стены» тоже находит яркое соответствие в планировочных схемах памятников «Страны городов». Вписанные друг в друга окружности или подпрямоугольники стен и рвов хорошо читаются на аэрофотоснимках (Зданович, Батанина, 2007). Часто между сдвоенными стенами пролегал глубокий ров. Со стороны поля фортификационное сооружение было обнесено довольно широкой, но не глубокой канавой, имеющей не столько оборонительное, сколько дренажное значение.

Небольшой археологический раскоп, заложенный на месте грабительской траншеи на поселении Аландское, позволил уточнить некоторые данные, полученные с помощью аэрофотосъемки⁵. Толщина основной оборонительной стены, которая окружала жилую площадку, составляла по основанию 5 м. Стена первоначально сложена из глиняных сырцовых блоков, на последующих этапах существования памятника она была дважды облицована каменными плитами. Ров на уровне древней поверхности имел ширину 3 м и глубину 3,5 м, стенки его были закреплены деревом. Вдоль внешней границы рва шла еще одна сырцовая стена толщиной около 1,5 м. Все это сооружение окружал широкий дренажный ров глубиной до 1 м, обложенный со стороны фортификационных сооружений каменными плитами. Перед дренажным рвом находилась грунтовая обваловка. Естественно, что и дренажное сооружение, и обваловка играли свою роль в защите крепости в случае нападения врага.

Таким образом, ширина внешней оборонительной системы (глубина обороны) с учетом торцевой стены жилища, с одной стороны, и обваловки дренажной системы, с другой, составляла 14–16 метров (Зданович, Малютина, 2004, с. 56–62; Зданович, Батанина, 2007, с. 54–60).

Если понимать «сотни колец крепостной стены» более буквально, то на укрепленном центре («протогороде») Аркаим можно насчитать не две, а девять концентрических стен. Аэрофотосъемка дает только общие, хотя и принципиальные представления о планиграфии памятника. Строительные же детали можно уловить только с помощью археологических методов и с учетом геофизических исследований. Подсчет концентрических сооружений вполне правомерен, т. к. поселения «Страны городов» создавались по заранее продуманным планам и наличию каких-то макетов. Это хорошо видно на примере выборки грунта под котлованы жилищ при оставлении материковых выступов для основания стеновых конструкций. Наличие плана нетрудно увидеть в том, как и где снимается гумусный слой на строительной площадке, как делаются заливки жидким грунтом

⁵ Авторы раскопок Т.С. Малютина, М.В. Кузнецова (Галлиулина), Д.Г. Зданович, Г.Б. Зданович.

или выравнивающие подсыпки при возведении нового кольца фортификации. Прямые указания на создание планов крепостных сооружений сохранились в «Авесте». В Видевдате (фрагмент 2) Ахура-Мазда учит Йиму: «... Сделай же Вар размером в бег на все четыре стороны для жилья людей и размером в бег на все четыре стороны для помещения скота...». «... В переднем круге [Вара] сделай девять проходов, в среднем – шесть, во внутреннем – три...» (Авеста, 1993, с. 178–179).

На сегодняшний день только материалы пос. Аркаим могут дать надежную информацию по этому вопросу, т. к. археологический раскоп охватил территорию от центральной площади через всю жилую площадку с выходом за пределы второй оборонительной стены и обводного рва.

Начнем подсчет концентрических стеновых конструкций с центральной части поселения. Прежде всего, это обводная галерея вокруг площади (1), далее следуют торцевые стены домов внутреннего круга жилищ, слитые в два неразрывных кольца (2, 3), затем идет кольцо фортификационных сооружений цитадели (4). За деревянной мостовой и ливневой канализацией возвышается дувал – глинобитный кольцевой забор, построенный с использованием деревянного каркаса, который отгораживал закрытые дворики домов от кольцевой улицы (5). Следующие кольцевые постройки на внутрикрепостном пространстве – торцевые стены второго круга жилищ (6, 7). И, наконец, мы оказываемся на мощной внешней стене фортификации (8), за которой следует ров. Последний элемент кольцевых стеновых сооружений – это грунтовой вал, или выкладка из сырцовых блоков (9), построенная по изгибу внешней границы обводного рва.

Таким образом, на территории поселения Аркаим с учетом стен ограждения, стеновых кольцевых конструкций жилых домов, кругов цитадели, внешней оборонительной стены и обваловки рва насчитывается девять концентрических колец, играющих ту или иную роль в фортификационной системе поселения. Если быть формально точным и рассматривать стену цитадели и основную оборонительную стену как составные конструкции, т. е. учитывать отдельно опалубки из грунта или дерева, то количество крепостных колец достигнет одиннадцати. К этому числу можно добавить еще два-три кольца за пределами оборонительной стены. Это обваловка, возможно, небольшая стена с деревянным частоколом, которые ограждали территорию для содержания скота. Отдельные участки третьей стены хорошо читаются на аэрофотоснимках.

За одно из «сотен концентрических колец» можно принять и речные водотоки, окружающие Аркаим и многие другие укрепленные центры «Страны городов», подчеркивающие их «островное» расположение на местности и границы максимально полного освоения пространства (рис. 1).

Археологические данные по укрепленным центрам «Страны городов» и их возможная смысловая интерпретация соответствуют фактам и смыслам крепостей – *pūr* «Ригведы». Очевидно, это одна из важнейших позитивных посылок, которая позволит активизировать разработку темы о размещении прародины ариев на Южном Урале

Новые археологические материалы дают возможность отнести время создания основных текстов «Ригведы» не к середине II тыс. до н.э., а к рубежу III–II – началу II тыс. до н. э. Мы присоединяемся к авторам, рассматривающим «Ригведу» как последний памятник общеиндоевропейской традиции, который в конце концов стал и первым памятником традиции собственно индийской (Елизаренкова, 1999, с. 3).

Археологически «Страну городов» мы застаем на величайшей вершине духовного и культурного взлета индоиранского мира в его единении и, одновременно, разделении и крушении единства.

Мы убеждены, что в археологических комплексах средней бронзы вся динамика развития протоиндоарийского и протоираноарийского миров, весь пафос и трагизм исторического момента, породившего «Ригведу» и «Авесту», зафиксирован в археологическом материале. Однако сегодня культура Синташты и Аркаима изучается в основном в вещеведческом плане без необходимого внимания к «смыслу вещей», «смыслу места» и смыслу истории.

Литература

Авеста, 1993 – Избранные гимны из Видевдата. Перевод с авестийского И. Стеблин-Каменского // М.

Андреев Н.Д., 1986 – Раннеиндоевропейский праязык // Л.

Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф., 1985 – Индия в древности // М.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс., 1984 – Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историкотипологический анализ праязыка и протокультуры // Тбилиси

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992 – Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей // ч. 1, Челябинск

Дьяконов И.М., 1982 – О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ, М.

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В., 2002 – Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана // Караганда

Елизаренкова Т.Я., 1989 – «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV. М.

Елизаренкова Т.Я., 1999 – Слова и вещи в Ригведе // М.

Зданович Г.Б., Батанина И.М., 2007 – Аркаим – «Страна городов». Пространство и образы // Челябинск

Зданович Г.Б., Малютина Т.С., 2001 – Поселение Берсуат // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов междунар. науч. конференции. Оренбург

Зданович Г.Б., Малютина Т.С., 2004 – Укрепленное поселение Аландское. Строительные горизонты и керамические комплексы (к проблеме взаимосвязи синташтинско-аркаимской и петровской культуры) // Этнические взаимодействия на Южном Урале, Челябинск

Ковалева В.Т., 1997 – Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: поселение Ташково II // Екатеринбург

Кузьмина Е.Е., 1981 – Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). М.

Лившиц В.А., 1998 – Общество Авесты // История таджикского народа. Т.1. Древнейшая и древняя история. Душанбе

Малютина Т.С., Зданович Г.Б., 1995 – Куйсак – укрепленное поселение протогородской цивилизации Южного Зауралья // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Материалы 3-й Международной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия, ч. V, кн. 1, Челябинск

Мерперт Н.Я., 1988 – Об этнокультурной ситуации IV–III тысячелетий до н.э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток и этнокультурные связи. М.

Потемкина Т.М., 1985 – Бронзовый век лесостепного Притоболья // М.

Потемкина Т.М., 2001 – Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М.

Ригведа, 1989 – Мандалы I–IV. Перевод Т.Я. Елизаренковой // М.

Ригведа, 1999 – Мандалы V–VIII. Перевод Т.Я. Елизаренковой // М.

Сафронов В.А., 1989 – Индоевропейские прародины // Горький

Сухачев Н.Л., 1994 – Перспектива истории в индоевропеистике. К проблеме «индоевропейских древностей» // СПб.

Kirillov A.K., Zdanovich D.G., 2002 – Archaeoastronomical research in steppic Trans-Urals: fortified settlements of the «Country of Towns» and their surroundings // Astronomy of ancient societies. М.

Исследования Кизильского комплекса памятников эпохи бронзы на Южном Урале: перспективы и возможности

Малютина Т.С. (Челябинск)

Ведущим направлением в научных исследованиях Историко-культурного заповедника «Аркаим» и Челябинского государственного университета является развитие проблем вокруг и внутри синташтинско-аркаимского феномена конца среднего бронзового века Южного Зауралья (Зданович, Батанина, 2007; Зданович и др., 2007, с. 103–108.). В настоящее время четко выделились микрорайоны, где ведутся углубленные научные работы с использованием современных методических приемов и новейшей аналитической базы научных учреждений России и зарубежья. Один такой микрорайон изучается вокруг самого северного укрепленного поселения Степное на р. Уй в Пластовском районе Челябинской области. Работы ведутся под руководством Д.Г. Здановича с 2000 г. С 2007 г. в исследованиях принимает участие университет г. Питербурга штата Пенсильвания, США, руководитель проф. Б. Ханкс (Куприянова, 2008).

С разной степенью интенсивности продолжают работы в Аркаимской долине и на Синташтинском могильнике (Хохлова и др., 2008). Институт Археологии УрО РАН с 2005 г. осуществляет раскопки одного из самых восточных памятников «Страны городов» – укрепленного поселения Каменный амбар (Ольгино) на р. Караталы-Аят в Карталинском районе Челябинской области, руководители Корякова Л.Н. и Епимахов А.В.

В 2008 г. были начаты археологические исследования в районе расположения самого западного укрепленного поселения Кизильское на правом берегу р. Урал в Кизильском районе Челябинской области (Зданович и др., рис. 2,3). Памятник открыт и исследован в 1960–1980 гг. В.С. Стоколосом (Стоколос, 2004, с. 207–236). Раскопки проводились также и на могильнике, примыкающем к укрепленному поселению (Стоколос, 2004, с. 237–255). Опубликованные материалы относятся к эпохе поздней бронзы, характеризуют срубноалакульские древности и саргаринско-алексеевскую культуру общности культур валиковой керамики.

Раскопы, заложенные В.С. Стоколосом на укрепленном поселении Кизильское, не охватывают полностью ни одну жилищную впадину. У всех трех жилищ вскрывалась только самая углубленная центральная часть, стены построек определены не по всему периметру. Раскопы

не соотносены с фортификационными сооружениями. Исследования памятника проводились без учета опыта раскопок поселений единой большой площадью (Зданович, 1973; Зданович, 1988). Укрепленные поселения в Южном Зауралье как историко-культурное явление в то время еще не были известны.

В настоящее время необходимы уточнение стратиграфической ситуации на памятнике и поиск синташтинско-аркаимского слоя, а также применение современных методик для решения проблем, связанных с основанием крепости и ее развитием на протяжении бронзового века.

Округа укрепленного поселения Кизильское изобилует большим числом самых различных памятников (Малютина и др., 2009, с. 26–31; Зданович и др., 2003, рис. 3). Часть из них, расположенная в местах впадения в р. Урал малых рек, может соотноситься со временем раннего и среднего бронзового века и, возможно, представляет северо-восточный массив памятников Волго-Уральского варианта древнеямной историко-культурной общности. Более южные памятники этой общности по течению р. Урал в пределах Оренбургской области сейчас хорошо известны (Моргунова, Кравцов, 1994; Моргунова, 2006; Богданов, 2004). На территории распространения укрепленных поселений пока изучен только один такой памятник около Аркаима, это могильник Александровский IV (Малютина и др., 2010). Также здесь возможно получение материалов уральской абашевской культуры. Мы считаем, что этот район перспективен с точки зрения поисков истоков формирования состава населения крепостей «Страны городов».

В настоящее время территория укрепленного поселения и прилегающего к нему могильника, частично исследованных В.С. Стоколосом, входит в зону Заповедника «Аркаим» и достаточно хорошо сохранена. В 700 м от него на север располагается еще один памятник – Кизильский курганный могильник 1, который находится за пределами заповедника. Курганы его оказались сnivelированы и частично испорчены в результате активной хозяйственной деятельности населения поселка Кизильское.

В 2009–2010 гг. проведены дополнительные разведочные исследования (Рафикова М.Р.) и охранные раскопки двух курганов могильника Кизильский I (Малютина Т.С.), наиболее подверженных разрушению в результате перевыпаса скота и пролегания нескольких грунтовых дорог. Могильник Кизильский I, так же как и укрепленное поселение, располагается у бровки первой надпойменной террасы, на берегу старичного озера. Памятник занимает площадку берега, образованную изгибом русла старицы, представлен компактной группой курганов, расположенных вдоль линии берега на длину около 200 м и шириной 120 м.

Дешифрирование аэрофотоснимков выявило около 30 курганов (Зданович и др., 2003, с. 78). При работе с топографическим планом зафиксировано 18 курганов. Насыпи сnivelированы и почти не читаются на поверхности. При дешифрировании снимка было видно, что они расположены компактно и почти примыкают друг к другу. Иногда

фиксировалось, как одна насыпь наплывает на другую. Визуально при обследовании местности четко обозначились только наиболее крупные насыпи, имевшие диаметр 8, 10, 12 м и высоту до 0,3 м. В северной части памятника, на мысовой части площадки зафиксирован один крупный курган диаметром 22,0 м и высотой 0,4 м.

На местности вокруг курганов хорошо выражены ровики. Они обозначены понижениями шириной иногда до 2 м, глубиной до 0,3 м, поросшими травой более яркого цвета (типчаком). На насыпях курганов растет белая полынь.

Западнее компактной группы курганов могильника Кизильский I, ближе к коренному берегу р. Урал, располагается ложбина шириной 7–10 м, за ней наблюдается еще одно возвышение террасы. На этой террасе зафиксированы несколько жилищных впадин неукрепленного поселения эпохи бронзы Кизильское II и вокруг него около 10 курганов (разведочные материалы Рафиковой М.Р.).

Исследованные курганы могильника Кизильский I расположены в северной части памятника: *курган 1* – в районе компактного расположения насыпей, где они смыкаются друг с другом, *курган 2* – самый крупный – на изгибе мыса. Раскопано также сооружение 3, примыкавшее к кургану 2 с юго-восточной стороны.

Курган 1 имел уплощенную, едва видимую насыпь диаметром 10 м, высотой 0,15 м, раскоп также охватывал пространство диаметром 10 м (рис. 1). Насыпь сооружения имела многослойную структуру и представляла собой остатки сложного сооружения. Центральную часть кургана занимала могильная яма. Она располагалась на несколько неправильной подпрямоугольной площадке размерами 4,0–4,5 м, где была снята погребенная почва до уровня материка. Площадка окружена своеобразным валом. Погребенная почва здесь сохранена, на ней *in situ* лежал слой суглинка желтого и серо-желтого цвета, который и представлял собой остатки вала. Ширина вала около 1,0 м, высота – 0,35 м, диаметр внешнего кольца 5,0–5,5 м. С ЮЗ стороны отмечен прерыв размерами около 2 м. За валом располагался ров шириной 1,5–2,0 м. При вскрытии он разделился на пять отдельных углублений различной величины, глубиной до 1,2 м от уровня материка.

При совершении захоронения центральная площадка частично была засыпана гумусированным серым грунтом с содержанием карбонатов и, возможно, перекрыта слоем органического вещества, который четко обозначен в центральной части кургана в виде прослойки, насыщенной почти черным гумусированным грунтом. Прослойка выделяет центральную часть насыпи и опускается вглубь по стенам могильной ямы. Центральная часть насыпи, над ямой, состояла из очень плотного желто-серого суглинка с включениями крупных глыбок ярко-желтой глины. Сверху все эти напластования перекрыты гумусированным темно-серым грунтом.

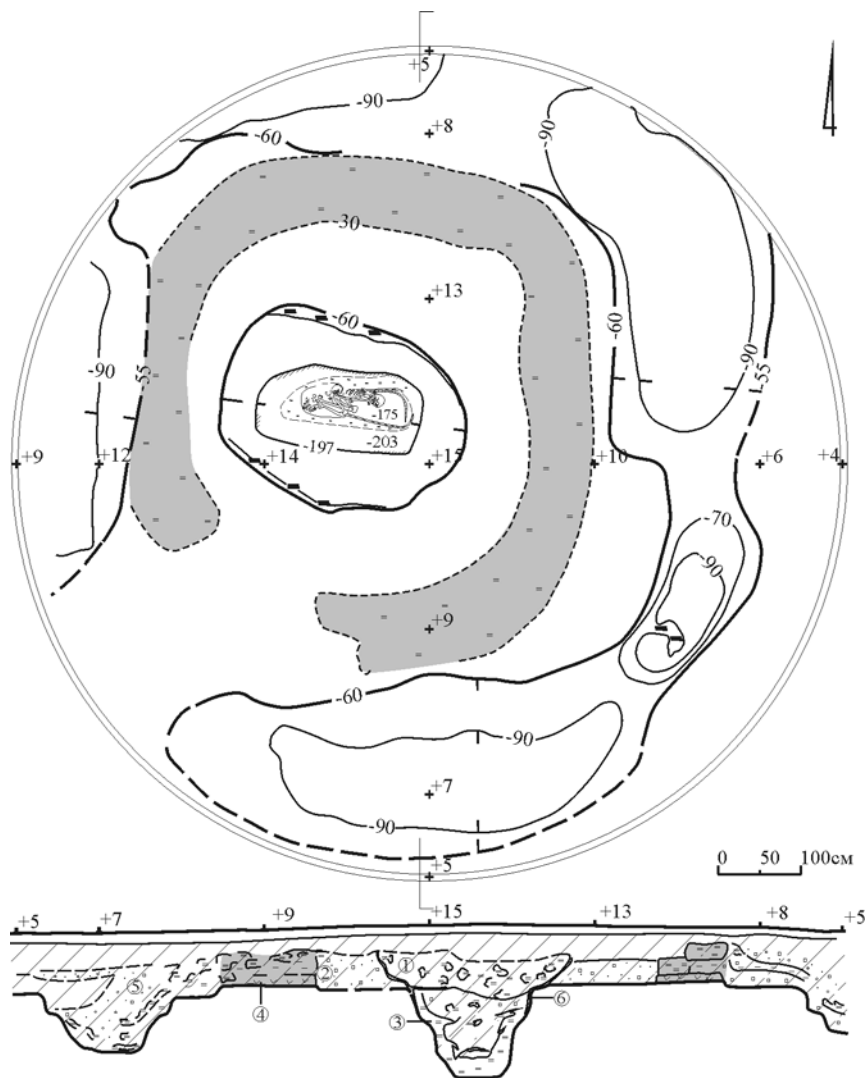

Рис. 1. Могильник Кизильский I. Курган 1. Общий план.

1 – серо-желтый суглинок с глыбками желтой глины, 2 – светло-серый гумусированный суглинок с карбонатами, 3 – глина желтого цвета, блоки, 4 – погребенная почва, 5 – плотный серый гумусированный суглинок с включениями прослоек желтой глины, 6 – гумусированный слой органики.

Могильная яма слегка смещена на СЗ от центра кургана. Она имела подпрямоугольную форму, ориентирована по линии СЗ–ЮВ, размерами 2,9×2,1 м. ЮВ часть ямы отличается округло-овальным абрисом, южный угол сглажен ступенчатыми изгибами. Стены сооружения уступами сужаются к дну. По их периметру фиксировалась черная прослойка органического вещества. Она же подчеркивала дно камеры (гл. 145 см от уровня материка) площадью 1,95×0,95 м. Погребение совершено на левом боку скорченно, но тазовые кости и кости ног развернуты в положение на спине. Кости правой руки вытянуты вдоль туловища, левой согнуты в локтевом суставе. Все кости пропитаны красной охрой. В области скелета многочисленные куски и порошок красной охры. Вокруг погребенного, сверху и под ним – остатки органических материалов бело-серого и черного цвета. По их конфигурации можно заключить, что умерший был завернут, как кокон, затем плотно замурован в слой чистой желтой глины. Выше глина была выложена вдоль стен ямы. Центральная часть заполнена жирным на ощупь черным грунтом. Около северной стены камеры исследовано непонятное сооружение из плотной серой глины, своеобразная емкость диаметром 1,1 м и глубиной 0,6 м. Судя по конфигурации органической прослойки, прослеженной в насыпи и на уровне материка в пределах ямы, можно предположить наличие здесь перекрытия. Вещей при погребенном и в могильной яме не обнаружено.

Курган 2 имел диаметр 22 м, высоту 0,4 м (рис. 2,3). Насыпь кургана состояла из различных по происхождению напластований. Под ними в центре располагалась могильная яма. Вокруг ямы на площадке диаметром 7,5–8,0 м была убрана погребенная почва. Площадку ограничивала кольцевая обваловка, сформированная на погребенной почве мощностью 0,2–0,25 м. Сохранилось основание обваловки, состоящее из вальков или блоков желтой глины и дерна. Ширина кольца обваловки достигает 2,0 м, высота от уровня центральной площадки 0,7–0,75 м, диаметр по внешнему краю 11,0–12,0 м. С ЮЗ стороны фиксировался прерыв, вход на погребальную площадку, шириной 1,5–2,1 м. Обваловка (стена!) с внешней стороны подчеркнута широкой ступенью, до 1,0 м, от которой начинается углубление рва. Ров опоясывал стену и образовывал слегка овальную форму, вытянутую с севера на юг. Ширина рва около 3,0 м, глубина 1,0–1,2 м от уровня материка. Ров заполнен, в основном, грунтом, оплывшим при разрушении обваловки. Внутренняя часть погребальной площадки сложена горизонтальными пластами гумусированного грунта различной цветности. Непосредственно около ямы и над ней, на гумусном слое, обнаружено еще одно, внутреннее кольцо желтой глины.

Могильная яма представляла собой округло-овальное сооружение с неровными стенами, ориентированное по линии СВ–ЮЗ, размерами 2,75×2,4 м, в восточной части она нарушена вводным погребением раннесарматского времени. Глина внутреннего кольца вдоль стен уходила вглубь камеры и практически полностью перекрывала ее.

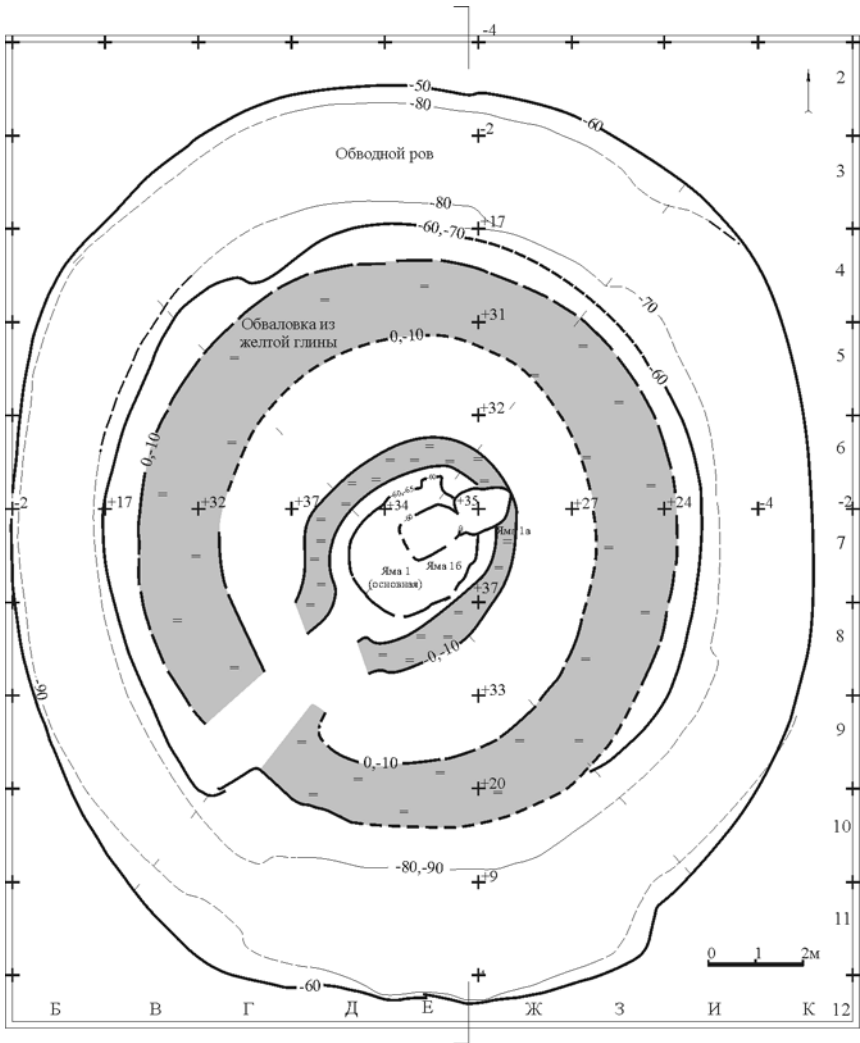

Рис. 2. Могильник Кизильский I. Курган 2. Общий план.

Под глиной, в гумусированном слое, обнаружены остатки деревянного перекрытия из тонких плах, которые крепились на уступах ямы и глиняной крепиде, идущей по периметру стен. Материковые стены отделяются от глиняной крепиды тонким слоем темного органического вещества. Размеры ямы на уровне ступени 2,5×1,7 м. В центральной части камеры грунт сильно гумусирован, жирный на ощупь, насыщен органическим веществом. Под ним снова слой чистой желтой глины, ограниченный двумя жердями вдоль продольных стен. Под ним обнаружено погребение взрослого человека. Скелет лежал скорченно на правом боку, головой ориентирован на СВ, кости рук согнуты в локтевых суставах и разведены в разные стороны, кисти направлены друг к другу, левая отсутствует. Кости скелета пропитаны красной охрой, слой охры сплошным массивом распространялся в области груди, до тазовых костей и ступней погребенной. Наблюдалась также остатки органических материалов от покрывала и подстилки. Вещей при погребении не обнаружено (рис. 3, II).

Однако следует привести интересный факт на этот счет. Вводное погребение раннесарматского времени опускается почти до уровня деревянного перекрытия древней камеры. Среди его остатков зафиксированы не только сосуды раннего железного века, но и скопление фрагментов сосуда эпохи бронзы (рис. 3, III). Типологически его можно отнести к ранним формам синташтинско-аркаимского комплекса (Малютина, Зданович, 2005).

Сооружение 3 располагалось около ЮВ границы рва кургана 2, представляло собой невысокую насыпь в виде купола, состоящую из желто-серого рыхлого суглинки, диаметром около 5,0 м. Под ним в центре располагалась могильная яма. Наибольшая высота купола от материковой поверхности 0,6–0,7 м.

Могильная яма прямоугольной формы (1,8×0,95 м) ориентирована по линии СВ–ЮЗ, имеет глубину около 1,0 м от уровня материка. Вдоль почти вертикальных стен яма заложена желтой глиной, в центральной части – гумусированное заполнение. На дне обнаружено погребение, скелет лежал скорченно на правом боку, головой на СВ. Череп зафиксирован практически стоя, верхний отдел скелета развернут на спину, кости рук согнуты в локтевых суставах и разведены, кисти лежат вместе в верхней части грудной клетки. В области груди и живота обнаружена посыпка темно-красной охрой. На дне могилы сильно гумусированный грунт, жирный на ощупь, возможно наличие органической подстилки. Сопроводительный инвентарь отсутствует.

Однако в основании купола насыпи с ЮВ стороны был обнаружен жертвенник, который состоял из крупной каменной наковальни, такого же ложила, скорее всего, по металлу, и сосуда. Сосуд баночной формы с утолщенным верхом и внутренним ребром по венчику, тесто обильно насыщено раковинной, орнамент состоит из горизонтальных насечек, каннелюр и зигзагов. Предварительно, его можно соотнести с синташтинскими или полтавкинскими комплексами.

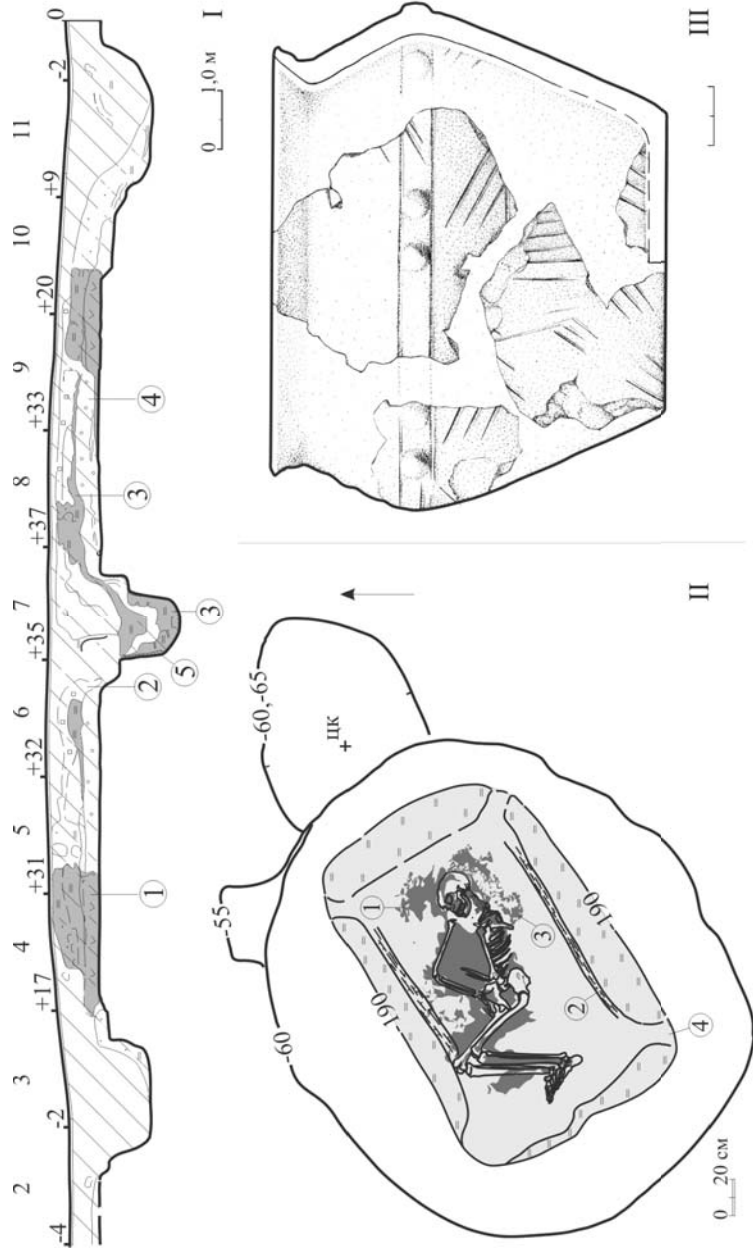

Рис. 3. Могильник Кизильский I. I – профиль бровки; 1 – погребенная почва; 2 – гумусированный серый суглинок с карбонатом; 3 – суглинок и глина желтого и желтосерого цвета; 4 – гумусированный серый суглинок неоднородной структуры; 5 – гумусированный слой органики. II – план погребения. 1 – фрагменты органики слоя 2; 2 – дерево, плаха; 3 – охра красная; 4 – остатки органики слоя 1. III – сосуд.

Представленный жертвенник, скорее всего, принадлежит погребению, которое соответственно можно определить как погребение кузнеца-металлурга.

В целом вся исследованная группа сооружений представляет несомненный интерес с точки зрения соотношения погребального обряда с традициями ямной культурной общности и синташтинско-аркаимской культуры. Мы только затронули эту тему, слегка прикоснулись к ней и она как бы готова раскрыться перед нами. При дальнейших исследованиях предстоит решить целый ряд проблем. Прежде сего, необходимо уточнить насколько повторяются наши наблюдения относительно обустройства подкурганной площадки в виде своеобразного укрепления со стенами и рвом вокруг могильной ямы. Насколько технологически и ритуально осмысленны были действия, связанные с использованием желтой глины и суглинков в устройстве надмогильного сооружения и в могильной яме. Действительно ли можно связывать материальные артефакты (сосуды, наковальня и лощило), найденные нами на перекрытии ямы или в основании надмогильной конструкции, с основными захоронениями с охрой и органическими материалами? Хотелось бы раскопки могильника вести параллельно с раскопками укрепленного поселения Кизильское.

Необходимо расширить спектр естественнонаучных работ на памятнике. В настоящее время проведены палеопочвенные исследования по гранту Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, г. Пущино Московской обл. и Чибо университета из Японии (Иванов И.В., Приходько В.Е., Инубуши К). В 2010 г. с Ивановым И.В. уточнено залегание погребенной почвы и перемещенных грунтов под курганом. С антропологическими материалами работали антропологи Хохлов А.А. и Нечвалода А.В. Погребение в кургане 1 определено как детское, возраст 12–13 лет. В основной яме кургана 2 погребена женщина 24–25 лет, выполнен скульптурный портрет-реконструкция лица по черепу. Однако радиоуглеродное датирование пока не проведено.

В конечном итоге увлекательно предположить, что материалы могильника Кизильский 1 представляют начальный этап зарождения аркаимских традиций из среды древнеямной культуры, принимающей и транслирующей инновации из южнорусских степей и предкавказских территорий (Моргунова, 2006). Здесь на Урале формируется своеобразный культурный очаг, в котором появляются и воплощаются идеи строить крепости не только предкам, но и обустраивать жизнь современного им социума (Малютина и др., 2010).

Литература

- Богданов С.В., 2004 – Эпоха меди Степного Приуралья // Екатеринбург
- Зданович Г.Б., 1973 – Стратиграфия поселения Новоникольское I // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата
- Зданович Г.Б., 1988 – Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации) // Свердловск
- Зданович Г.Б. и др., 2003 – Батанина И.М., Левит Н.В., Батанин С.А. – Археологический атлас Челябинской области. Вып. 1. Степь-лесостепь. Кизильский район Челябинской области // Челябинск
- Зданович Г.Б. и др., 2007 – Малютина Т.С., Зданович Д.Г. – Материалы к исследованию ранних этапов синташтинской культуры (укрепленное поселение Аландское) // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной). Сб. статей / Отв. ред. М.П. Вохменцев // Курган
- Зданович Г.Б., Батанина И.М., 2007 – Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований) // Челябинск
- Куприянова Е.В., 2008 – Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана) // Челябинск
- Малютина Т.С., Зданович Г.Б., 2005 – Керамика Аркаима. Сравнительный анализ // РА, № 2.
- Малютина Т.С. и др., 2009 – Куприянова Е.В., Рафикова М.Р. – Раскопки курганного могильника «Худолозские курганы» на Южном Урале в 2008 г. // Этнические взаимодействия на Южном Урале. IV региональная научно-практическая конференция. Челябинск.
- Малютина Т.С. и др., 2010 – Зданович Г.Б., Гаврилюк А.Г. – Некрополи укрепленного поселения Аркаим: Александровский IV. Захоронения патриархов аркаимской долины // Аркаим – Синташта древнее наследие Южного Урала. К 70-летию Г.Б. Здановича. Сборник научных трудов. Ч. 1 // Челябинск
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1994 – Памятники древнеямной культуры на Илеке // Екатеринбург
- Моргунова Н.Л., 2006 – Периодизация и хронология ямных памятников Приуралья по данным радиоуглеродного датирования // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург
- Стоколос В.С., 2004 – Поселение Кизильское позднего бронзового века на реке Урал (по материалам раскопок 1971, 1980, 1981 гг.) // Вестник Челябинского госуд. педагог. ун-та, серия 1, исторические науки, № 2.
- Хохлова О.С. и др., 2008 – Хохлов А.А., Гольева А.А., Зданович Г.Б., Малютина Т.С. – Естественнонаучные исследования Большого Синташтинского кургана в Челябинской области // Вестник ОГУ, № 10 (92).

Уральско-арийские взаимоотношения: история исследований, новые решения и проблемы

Напольских В.В. (Ижевск)

(Данная работа написана при поддержке РФФИ
(грант 10-06-00408а)

Контакты носителей уральских языков с представителями арийской ветви индоевропейской семьи продолжались как минимум со второй половины III тыс. до н. э. до конца I тыс. н. э., и их стратификация и историческая привязка, в том числе – и в соотношении с археологическим материалом – могут стать ключом к решению многих проблем этнической истории Северной Евразии.

Ясно, что столь продолжительный период взаимодействий отложился в виде многих слоев заимствованной лексики, в разной степени представленной в разных уральских языках¹. Источником этой лексики могли быть различные арийские языки – как реконструируемые стадии арийского развития (праарийский, праиранский, средне(восточно)иранский, древнеосетинский и др.), так и такие арийские языки (далее – *параарийские*), которые не оставили живых языков-потомков, и в отдельных своих чертах могли отклоняться от любой из трех / двух известных арийских ветвей или парадоксальным образом сочетать их особенности. Однако, поскольку исторически в степной зоне Евразии, соседствующей с древним лесным хабитатом уральцев, из всех ариев были зафиксированы только иранцы, в большинстве работ присутствует имплицитно и обычно даже обозначается, в том числе и в названиях (Штакельберг, 1893; Jakobsohn, 1922, s. 184–222; Korenchy, 1972; Joki, 1973, s. 364), убежденность в том, что носители финно-угорских языков могли контактировать только с прямыми языковыми предками *иранцев* в последовательности: праиндоевропейцы – праарии – праиранцы – (восточные) иранцы. Возможность же непосредственных контактов древних финно-угров с носителями *индоарийских* языков или былое существование в контактном ареале (в степях и лесостепях Евразии) *параариев* (неиранцев, неиндоариев

¹ Вопрос об уральских заимствованиях в арийских языках исследован гораздо хуже, и, хотя определенные факты в пользу существования таковых имеются, в данной работе он не рассматривается.

и нунуристанцев) в подавляющем большинстве случаев попросту не рассматривается² (см. об этом ниже).

Обосновать наличие непосредственных *контактов* между прауральским и праиндоевропейским (наличие ПИЕ заимствований в ПУр) на сегодняшний день никому не удалось³ (по поводу списка из 7 слов преимущественно базовой лексики в (Rédei, 1986, с. 40–43) см. (Напольских, 1997, с. 146–148; Хелимский, 2000, с. 498); по поводу модных ныне в Финляндии и малопринятых за ее пределами изысканий в этой сфере Й. Койвулеhto и его школы см. (Хелимский, 2000, с. 489–501, 511–535; Напольских, Энговатова, 2000; Ritter, 1993). Если такие контакты и были, их значение в культурной истории уральцев было, по-видимому, невелико, или, по крайней мере, следы их на сегодняшний день не выявлены.

На «восточном фланге» уральского лингвистического мира контакты с ариями были, видимо, весьма поздними: в прасамодийском фиксируется только несколько иранских заимствований, одно из которых позволяет определить язык-источник как специально восточный среднеиранский (Janhunen, 1983, с. 121–124):

– ПСам **pulā* ~ **piā* ‘мост’ ← ср.-вост.-иран. **puhl* ‘мост’ < иран. **prtu-* ‘переход, брод’ (ср. ниже еще несколько примеров с заимствованием других слов со значением ‘мост’ из арийских в финно-угорские языки).

Поскольку древнее присутствие ариев и позднее – иранцев в степной зоне Западной Сибири не подлежит сомнению, эти данные следует интерпретировать скорее как результат позднего (не ранее сер. I тыс. до н.э.) выхода предков самодийцев в южнотаежные и лесостепные области, где контакт с восточными иранцами был возможен.

На «западном фланге» ситуация иная. Имеются арийские заимствования в прафинно-угорском с отражением старого праиндоевропейского вокализма **e* / **o* (> ар. **a*), часть которых можно объяснить позиционно (Лушникова, 1990), например (если нет других ссылок, этимологии приводятся по: (Joki, 1973; Rédei, 1986):

² В этом плане безусловным шагом назад является последняя большая работа по данной теме (сама по себе весьма интересная, содержащая много новых этимологий, но требующая отдельного критического обсуждения) – посмертно опубликованная диссертация Х. Катца (Katz, 2003), который интерпретировал практически все старые арийские заимствования в уральских языках как «ранние праиндоиранские» (так или иначе отражающие арийское языковое состояние на позднее второй половины III тыс. до н.э.). Несостоятельность такого подхода очевидна – помимо многих других причин – например, уже по тому, что в числе таких раннеарийских заимствований у него приводятся немало терминов скотоводства и даже земледелия (Katz, 2003, с. 186–223), появление которых у финно-угорского населения лесной зоны Западной Сибири и Восточной Европы ранее первой половины II тыс. до н.э. допускать едва ли возможно.

³ Вопрос о древнейшем *родстве* уральского и индоевропейского в рамках ностратической и под. гипотез интересен, но лежит за пределами темы данной работы.

– ф.-перм. **ertä* (*sz*) ‘бок, сторона (туловища)’ (удм. *urd-* и др.) ← ар. **erdha-* > **ardha-*: др.-инд. *árdha-* ‘часть, сторона, половина’ / ← ар. **rdha-* (с нулевой ступенью вокализма) при принятии гипотезы об отражении (анлаутного) ар. **r-* как **er-* в ФУ;

– ПФУ **orpa* (*sz*) ‘сирота’ (ф. *orpo* и др.) ← ар. **orbha-* > **arbha-*: др.-инд. *arbha-* / ← ар. **arbha-* при принятии гипотезы об отражении анлаутного ар. **a-* как **o-* в ФУ.

Однако, часть таких заимствований, кажется, не дает оснований для другого объяснения кроме сохранения в очень раннем арийском языке-источнике праиндоевропейского вокализма:

– ПФУ **mekše* ‘пчела’ (удм. *muš* и др.) ← раннее ар. **mekša-* > **makša-*: др.-инд. *makṣa-* ‘муха, пчела’;

– ПФУ **mete* ‘мед’ (удм. *mi* и др.) ← раннее ар. **medhu-* > **madhu-*: др.-инд. *madhu-* ‘мед’.

Приведенные две этимологии важны еще и в связи с тем, что позволяют сделать предположение относительно локализации древнейших арийско-финно-угорских контактов: они должны были иметь место на границе сибирской тайги (исконного экологического окружения уральцев) и либо лесостепной зоны на юге, либо зоны смешанных и широколиственных лесов на западе – там предки финно-угров могли познакомиться с медоносной пчелой и заимствовать ее название и название ‘меда’ у ариев (из того же источника, возможно, происходит и финно-пермское название ‘воска’:

– ф.-перм. **ši* (*k*) *štz* / **ši* (*k*) *štz* ‘воск’ (удм. *sus* и др.) ← ар.: др.-инд. (*madhu-*) *śiṣṭa* (Blažek, 1990, с. 43) (в угорских языках данное слово скорее всего просто не сохранилось).

Учитывая палеобиогеографические реконструкции и наиболее вероятную локализацию финно-угорской прародины, этот контакт следует помещать в районе Южного и Среднего Урала и на юго-западе Западной Сибири (гипотеза обоснована давно (Veres, 1971), но не потеряла своей ценности и сегодня).

Поскольку в последних примерах речь идет о корнях, представленных практически во всех финно-угорских группах, в прафинно-угорской древности заимствования слов ‘мед’ и ‘пчела’ нет сомнения. Датировки распада финно-угорского праязыка могут различаться у разных исследователей, но в целом следует думать, что это произошло никак не позднее второй половины III тыс. до н.э. Рассматриваемые заимствования, таким образом, попали в ПФУ скорее всего где-то в середине III тыс. до н.э. – время, которое с точки зрения хронологии арийского языкового развития вполне может соответствовать стадии, когда в праарийском уже произошли многие характерные изменения (сатемизация, например), но еще сохранялся старый вокализм.

Таким образом, начало уральско-арийских языковых связей следует связывать с контактами носителей прафинно-угорского и раннего праарийского языков, имевшими место на границе леса и степи или / и на границе тайги и смешанно-широколиственных лесов, скорее всего – на

Южном Урале и на юго-западе Западной Сибири, едва ли значительно раньше середины и скорее всего не позднее конца III тыс. до н.э.

По всей вероятности, период проникновения в финно-угорский праязык раннеарийских заимствований с сохранявшимися ПИЕ **o* / **e* плавно сменился периодом собственно праарийских заимствований, в которых переход ПИЕ **o* / **e* / сонант > ар. **a* уже завершился (→ ПФУ **a*), но при этом ар. **ś* и **s* (> индоар. **ś* и **s*; > иран. **s* и **h* соответственно) отражаются как ПФУ **ś* и **s* (то есть – как в индоарийском, но не в праиранском), например:

– ПФУ **as̥érz* ‘господин, богач’ (удм. *uzj̄r* ‘богатый’ и др.) ← ар.: др.-инд. *asura-* ‘божество’ при ав. *ahurō* ‘господин’;

– ПФУ **śata* ‘сто’ (удм. *śu* ‘сто’ и др.) ← ар.: др.-инд. *śatá-* при ав. *satəm*;

– ф.-перм. **sasare* ‘(младшая) сестра’ (удм. *suzer* и др.) ← ар.: др.-инд. *svásar-* ‘сестра’ при ав. *χʷanhar*;

– ф.-перм. **setz* (**sejtz*) ‘мост, пол’ (коми *sojd* и др.) ← ар.: др.-инд. *śétu-* ‘лента, плотина, мост’ при ав. *haētū-* ‘плотина’, осет. *xīd* / *xed* ‘мост’.

Если переход ар. **s* > иран. *h* можно рассматривать как относительно поздний, независимо и параллельно прошедший в иранских языках (Szemerényi, 1977; см. также новый обзор проблемы с литературой: (Lipp, 2009, с. 318–322)⁴, и наличие **s* в ПФУ еще может быть объяснено с позиций гипотезы об праиранском происхождении заимствований, то с **ś* дело обстоит сложнее, и заимствования с этим звуком в принципе должны были бы аттестовываться как собственно индоарийские (гипотеза наиболее четко аргументирована в: (Абаев, 1972). Однако, поскольку традиционно принято было думать, что населявшими в древности степи Евразии южными соседями финно-угров были иранцы, но никак не индоарии, эти

⁴ Замечу, однако, что данный вывод базируется всего на трех аргументах, каждый из которых допускает альтернативную интерпретацию: 1) др.-перс. ⁺(*h*)*ūša* ‘Элам’ ← **sūša* – название Элама в Эламских текстах и позднейшее название его столицы, Суз: запись др.-перс. слова позволяет и другие прочтения, например, ⁺(*h*)*uvaša*, в котором можно видеть композит с первой частью *huv-* ‘хороший’, и, следовательно, версия о связи с эламским названием Суз – не более чем предположение; 2) др.-перс. *Hindu* ‘Индия (провинция)’ ← др.-инд. *sindhu-*: как неоднократно предполагалось, др.-перс. название Индии может быть результатом «этимологического пересчета» близкородственного индийского слова (типа рус. *хлеботорб* ← укр. *хлібороб*), а не обычным старым заимствованием; 3) в ассирийской надписи времени Саргона II (722–705 гг. до н. э.) рядом с эламскими богами божество ^o*as-sa-ra* ^o*ma-za-āš* < **asura-mazdās* – рассматривается как раннее зап.-иран. отражение имени *Ахура Мазды* или продолжение праиранского еще имени божества: в данном случае ^o*as-sa-ra* ^o*ma-za-āš* вполне может быть не иранской, а митаннийско-арийской передачей имени *Ахура Мазды*, в которой этимологическим соответствием передан только первый компонент, в силу близости иран. *ahurō* и индоар. *asura-*, в отличие от второго компонента *mazdā* ~ *medha-*. Я ни в коем случае не настаиваю на необходимости датировать переход **s* > *h* праиранским временем, просто считаю необходимым указать на некоторые слабости в аргументации гипотезы о его позднем характере.

заимствования рассматривались как отражающие раннюю стадию фонетического развития праиранского согласно схеме: ПИЕ **k̂*, **ĝ*, **gĥ* > ар. **č̂*, **ĵ*, **ĵh* > ранне-праиран. (**č̂*) **š̂*, (**ĵ*) **ž̂*, (**ĵ*) **ž̂* > праиран. **ś*, **ẑ*, **ẑ* > ав. / др.-перс. *s* /*θ*, *z* /*d*, *z* /*d*, которая традиционно принимается многими иранистами и сегодня (Эдельман, 1986, с. 38–45). Следует, правда, иметь в виду, что решающим аргументом в пользу постулирования такой эволюции ПИЕ палатальных в иранском как раз и являются финно-угорские «иранизмы»: это восходит, видимо, к давно устаревшей и содержавшей многочисленные ошибки работе Х. Якобсона (Jacobsohn, 1922, s. 143–160) (критический обзор, не затрагивающий, однако, сути «иранской» гипотезы см. в: (Joki, 1973, с. 137–155), но аргумент повторяется и сегодня (Эдельман, 1986, с. 40, 42) – таким образом, здесь имеет место своего рода *circulus in probando*: существование праиран. **ś* постулируется на базе «иранских» заимствований в ПФУ, а заимствования из арийского языка с **ś* в ПФУ объявляются праиранскими.

Между тем, новая реконструкция эволюции ПИЕ палатальных в арийском, базирующаяся на собственно арийских данных и свидетельствах древних письменных источников, не дает возможности предполагать существование сибиланта типа **ś* на всем протяжении развития от ПИЕ до исторических иранских языков: ПИЕ **k̂*, **ĝ*, **gĥ* > ар. **č̂*, **ĵ*, **ĵh* > ранне-праиран. (иран.-нурист.) **c*, **ẑ*, **ẑ* > иран. (диал.) **s* /*t̂s*, **dz* /*t̂d̂*, **dz* /*t̂d̂* > ав. / др.-перс. *s* /*θ*, *z* /*d*, *z* /*d* (Lipp, 2009, с. 139–149, 330–336).

Возможность именно индоарийского, а не праарийского происхождения заимствований в финно-угорских языках оказывается еще более вероятной в свете наличия среди них финно-пермских терминов скотоводства (заимствованы едва ли ранее первой половины II тыс. до н.э., когда производящее хозяйство начинает реально распространяться в лесной зоне Восточной Европы; на их позднее происхождение может косвенно указывать и отсутствие угорских параллелей). Важно, что многие, если не большинство из этих слов либо не известны в иранских языках, либо имеют в последних иную семантику:

– ф.-волж. **utare* ‘вымя’ (ф. *udar* и др.) ← ар.: др.-инд. *ūdhar-* ‘вымя’ (в иранских языках не зафиксировано);

– приб.-ф. **terne* ‘молозиво’ (ф. *terni*) ← ар.: др.-инд. *tarṇa-* ‘теленки’ при ав. *tauruna-* ‘дитеныш’;

– ППерм **śumẑs* ‘ремень из сыромятной кожи’ ← ар.: др.-инд. *syūman-* ‘лента. ремень, пояс’ при иран. дериватах (осет. *xuḡun*, согд. *swm-* и др.), означающих ‘шить’;

– ф.-волж. (ф.-морд.) **akšterz* ‘неплодородный; яловая’ ← ар.: др.-инд. *a-kṣetra-* ‘неплодоносящий, невозделанный, заброшенный (о поле и т. п.)’ (Blažek, 1990, с. 40).

Индоарийская атрибуция источника значительной части арийских заимствований в финно-угорских языках, таким образом, с лингвистической точки зрения выглядит практически неопровержимой. Однако, даже те исследователи, которые осознают недостатки «иранской» гипотезы, отказываются принимать «индоарийскую» версию В. И. Абаева – исходя

при этом исключительно из тех же экстралингвистических соображений, что и Х. Якобзон – ср., например: «Наиболее многочисленная и репрезентативная часть заимствований, обычно рассматриваемых как иранизмы в обско-угорских и пермских языках⁵, в действительности не имеет никаких специфически иранских или раннеиранских черт. С равным успехом их можно было бы считать индоарийскими или раннеиндоарийскими заимствованиями, если бы только такая атрибуция имела исторические права на существование» (Хелимский, 2000, с. 508) <курсив мой – В.Н.> и далее: «отождествление андроновцев с индоариями (и тем более с нуристанцами) выглядит заведомой бессмыслицей, поэтому их предпочитают объединять с иранцами» (Хелимский, 2000, с. 509). Соответственно предлагается выход из положения: «язык <источник арийских заимствований в финно-угорских – В. Н.> скорее следует отнести к третьей (resp. четвертой) группе индоиранских языков, исчезнувшей еще в I тыс. до н. э., – группе, примерно равно отстоящей от иранских и от индоарийских языков» (Хелимский, 2000, с. 509–510). При этом не приводится ни одного указания на какие-либо отличия данного параарийского языка от индоарийских за исключением передачи краткого арийского *a как *ä /*ā в обско-угорских. Однако, сдвинутая вперед артикуляция краткого a в арийских языках – очень распространенное явление, которое ни в коем случае нельзя переоценивать: аналогично произносится краткий *a в осетинском, в персидском (персидское a [ä], например, передается обычно как ä в персидских заимствованиях в татарском); в памирских языках старое *k палатализовалось в позиции перед *a и *ā (Эдельман, 1986, с. 129), и т. д. Поэтому говорить о «примерно равном» удалении языка арийских заимствований в финно-угорских от иранского и от индоарийского неверно: язык этот резко отличен от иранских, но практически ничем не отличается от (пра)индоарийского.

Следовательно, если исходить из чисто лингвистических критериев, нет особых оснований говорить о том, что источником большинства арийских заимствований в финно-пермских языках был какой-то пра- / древнеиранский или параарийский язык: необходимо признать, что древние арийские заимствования в финно-пермских происходят из языка / языков индоарийского типа. Понятно, этот язык мог и, наверное,

⁵ Замечу также, что Е. А. Хелимский напрасно ограничивал круг финно-угорских языков, имеющих данные заимствования, пермскими и угорскими – даже немногие приводимые здесь примеры показывают, что и марийский, и прибалтийско-финско-мордовские языки отнюдь не выпадают из данного круга (на это указывал и он сам (Хелимский, 2000, с. 509). Причиной этой странности является не совсем понятное предположение Е. А. Хелимского о происхождении данных заимствований исключительно из языка носителей андроновской археологической общности, которое никак не может быть принято: контакты андроновцев даже с предками пермян сложно обосновать, тем более затруднительно предполагать андроновское влияние далее на западе. Поэтому и термин «андроновский» арийский, предложенный для обозначения языка арийских заимствований в финно-угорских (Хелимский, 2000, с. 508–510) и, к сожалению, получивший уже довольно широкое распространение, никак нельзя признать удачным.

должен был иметь какие-то отличия от древнеиндийского, однако, если таковые и можно сегодня установить, то разве что в семантике отдельных слов, что, естественно, недостаточно для постулирования его особой параарийской (неиндоарийской) аффилиации. Контакты финно-пермских языков с этим языком / языками были, видимо, непосредственным продолжением более древних праарийско-прафинно-угорских контактов и должны были продолжаться по крайней мере до первой половины – середины II тыс. до н.э. (до начала становления производящего хозяйства у населения лесной зоны Восточной Европы и Урала).

Сходная ситуация, как было выше показано в цитатах из Е. А. Хелимского, наблюдается и на востоке финно-угорского ареала: большая часть арийских заимствований в угорских языках, не имеющих параллелей в финно-пермских, также отражает индоарийский, но не праарийский или иранский консонантизм (ар. **č* и **s* > индоар. **ś* и **s* / иран. **s* и **h* → ПУг **ś* и **s* > **s* и **θ*) и обнаруживает другие фонетические и семантические черты близости скорее к индоарийским, нежели к иранским дериватам арийских корней (помимо работ (Joki, 1973; Rédei 1986) здесь используются этимологии из (Korenchy, 1972):

– ПУг **säptz* ‘семь’ (манс. (С) *sāt* и др.) ← ар.: др.-инд. *sapta-* при ав. *hapta-* (если только это числительное не является паратохарским заимствованием (Napol'skich, 2001, с. 375);

– ПУг **šepkz* ‘клин, колышек, гвоздь’ (венг. *szég* и др.) ← ар.: др.-инд. *śāṅkū* ‘колышек, гвоздь’, в иранских языках не зафиксировано;

– манс. (С) *šäšwä* ‘заяц’ (< **šäšyā*) ← ар.: др.-инд. *śāśa-* при иран. **saḡha-*: хот.-сак. *saha-* ‘заяц’ (Blažek, 1990, с. 42).

Проблема состоит в том, что индоарийская фонетика, видимо, пережила по сравнению с общеарийским состоянием меньше инноваций, чем иранская. Однако, наличие праарийских заимствований в финно-угорских языках (попавших, вероятно, еще в прафинно-угорский), наряду с индоарийскими (по большей части уже в финно-пермские диалекты и в праугорский сепаратно), едва ли подлежит сомнению, поскольку – помимо приведенных выше аргументов – имеются примеры, позволяющие довольно надежно определить источник финно-угорского слова именно как праарийский, а не индоарийский:

– ПФУ **oća* ~ **oića* ‘часть’ (возможно, сюда же и ПФУ **oića* ‘перед, передняя часть’ – см. (UEW, с. 333, 339) ← праар. **anča-* ‘часть, доля’ (др.-инд. *amśa-* ~ ав. *qsa-* < ПИЕ **onko-*) – только в праарийском можно предполагать сохранение аффрикаты **č*, индоар. **anśa-* дало бы скорее ПФУ ***oiśa*.

Ср. противоположный случай:

– ПФУ **śasra* ‘тысяча’ ← скорее из раннего индоар. *(*sa*)*śhasra-* ‘(одна) тысяча’ < ПИЕ **sm-gheslo-* (KEWAI III, с. 451–452), поскольку праар. *(*sa*)*śhasra-* (> др.-инд. *sahasra-* ~ ав. *hazanwem*) дало бы скорее ПФУ ***śasra*⁶.

⁶ Р. Липп указывает на возможное отражение раннего индоарийского **śh* (< **gh*) в хетт. *uašanna* ‘беговая дорожка, след повозки’ < мит.-ар. **uašhana-* (~ др.-инд.

По-видимому, ту же раннюю индоарийскую стадию развития отражает и:

– ф.-морд. **wašara* ‘топор, молот’ ← раннеиндоар. **važra-* ‘палица’, поскольку праар. **vajra-* (> др.-инд. *vajra-* ~ ав. *vazra*), равно как и близкая к др.-инд. форма, дали бы скорее ***wačara* – здесь я предполагаю, что логичнее реконструировать следующую линию развития первичных и вторичных палатальных в индоарийском: ПИЕ **k̥, *g̥, *g̥h* || **k^(u)i, *g^(u)i, *gh^(u)i* > праар. **č, *j, *j̥h* || **t, *d, *dh* > раннеиндоар. (деаффрикатизация первичных палатальных) **š, *ž, *žh* || **č, *j, *j̥h* с последующим слиянием звонких **ž* и **j̥* > **j̥*, а **žh* и **j̥h* > **h* и становлением четырехчленной древнеиндийской системы *ś [ṣ́], c [č̣], j [j̣], h*.

Интересен в этом плане и еще один пример:

– ПУГ **oč̣tṛz* ‘кнут, плетъ’ (венг. *ostor*, манс. (С) *āšṭar*) ← ар.: авест. *aštrā* ‘кнут, плетъ’, др.-инд. *aṣṭrā-* ‘стрекало’. Угорские данные ясно указывают на источник с палатальной аффрикатой вроде ар. **ač̣trā* < **aǰ̣-trā* (< ПИЕ **ag̣-* ‘гнать’), который мог существовать только в праарийском, если переход **č̣t* > **št* (> нурист. **st*) рассматривать как общеарийский (Lipp, 2009, с. 155, 202). Если исходить из того, что перед нами – культурный термин, связанный с коневодством, и что мар. *wošṭār* ‘росток, прут, хлыст’ с этим словом не связано (к этому склоняется, например, (UEW, с. 333), то едва ли датировать такое заимствование можно ранее начала II тыс. до н.э., что вряд ли соответствует праарийскому до перехода **č̣t* > **št*. Если же предполагать, что переход **č̣t* > **št* мог иметь место независимо в разных ветвях после распада арийского единства (близкая точка зрения, кажется, высказана в (Эдельман, 1999, с. 12), то форма типа **ač̣trā* / **aǰ̣trā* (с палатальной аффрикатой) могла существовать никак не в иранском или нуристанском, но только в раннем индоарийском.

Проблема наличия в финно-угорских языках старых иранских заимствований, отражающих праиранское состояние, на сегодняшний день требует нового рассмотрения. Традиционно приводимые для иллюстрации этого пласта арийских заимствований в ФУ языках этимологии не позволяют говорить именно о праиранском их происхождении (источником мог быть какой-то ранний восточноиранский язык – см. ниже).

Однако имеется предположение о возможном очень раннем праиранском (праирано-нуристанском) заимствовании в ФУ языках:

– перм.-мар. **oč̣(w)z* ‘жеребец’ ← раннеиран. **acwa-* ‘конь’ (> ав. *aspa-* ‘тж’) при др.-инд. *aśva-* (Koivulehto, 2001, с. 257)⁷. Проблема здесь состоит, однако, в том, что мар. *ožo* ~ удм. *už(pi)* ~ коми *už* ‘жеребец’, во-первых, не дает никаких оснований для реконструкции ни аффрикаты, ни **-w-* (ср. корректную реконструкцию **ašz* / **ošz* в: (UEW, 607), и, во-вторых,

vāhana- ‘повозка’ < ПИЕ **ueǵh-* (Lipp, 2009, с. 145).

⁷ Данная этимология является одной из немногих достойных обсуждения из сотен праиндоевропейских и т. п. этимологий финно-угорских слов, предложенных Й. Койвулехто и его последователями.

является скорее всего все же довольно поздним словом. Гораздо более вероятно предполагать здесь восточноиранское заимствование из формы типа **u(r)šz-* ‘самец’ (< **vr̥šana-*) – ср. осет. (*w*)*urs* ‘жеребец’ (к семантике) и вахан. *wəšəng* ‘бык-производитель’, согд. (будд.) *wəšn* ‘самец (бык, жеребец)’ (к фонетике) – см. (Стеблин-Каменский, 1999, с. 400). Однако подобное фонетическое соответствие обнаруживается в другом интересном случае:

– ПФУ **oča* ‘овца’ (удм. *iž* и др.) (UEW, с. 541) **učz*, однако форма **oča* имеет более оснований (Napolskikh, 2002, с. 271). Здесь перед нами *enfant terrible* уральской этимологии: единственное название домашнего животного на фоне лексики, отражающей охотничье-рыболовецкий уклад жизни прафинно-угров. В связи с этим предлагались самые разнообразные интерпретации, например: «Наличие слова для ‘овцы’ в ПФУ не является доказательством знакомства с овцеводством, но просто говорит о знании о каком-то похожем на овцу животном» (UEW, с. 541). Я предполагал возможность заимствования этого слова из какого-то раннего центральноевропейского (добалто-славянского) ИЕ диалекта, где имела место ранняя палатализация типа славянской: ПФУ **oča* ← **ovičā* : слав. *ovīca* < **ovikā* / (?) **ovikjā* < ПИЕ **ovi-* (Napolskikh, 2002, с. 271), однако слабым местом этой этимологии является безусловный анахронизм. С другой стороны, велярная аффриката в ПФУ может указывать на заимствование из ранне-праиран. **aza-* ‘коза, козел’ (> ср.-перс. *azak* ‘козел’) при др.-инд. *aja-* (< ПИЕ **aǵo-*). Возможно, предки финно-угров впервые познакомились с домашними животными в контакте с праирано-нуристанцами, и заимствовали у них слово ‘коза’ в значении ‘мелкий рогатый скот’ вообще (что косвенно указывает на простое знакомство с феноменом, без освоения скотоводства) с дальнейшим его переносом на овец: овцы и козы обычно ходят в одном стаде, в котором козы в силу их большей активности и самостоятельности более заметны. Если такая гипотеза приемлема, речь идет о, возможно, эпизодическом, но очень раннем контакте. Впрочем, о датировке и географической локализации данного заимствования в силу его единичности говорить преждевременно.

Реально иранские заимствования в финно-угорских языках представлены прежде всего формами, весьма близкими к авестийским, которые могут отражать какой-то древнеиранский язык скорее восточно- чем западноиранского типа (или иранский без возможности более точной спецификации):

– ф.-перм. *ajša* ‘оглобля’ (удм. *vajiž* и др.) ← иран. **aiša-* (ав. *aēša* ‘плуг’) (с сохранением архаичной семантики в заимствовании), при др.-инд. *iṣā* ‘оглобля, дышло’ (в данном случае древний праарийский источник маловероятен в силу вероятной позднего заимствования этого культурного термина);
 – приб.-ф. **ajwa* ‘только, всего, единственно’ ← иран. **aiwa-* (ав. *aiva*, *aēva* ‘один, единственный, лишь’) при др.-инд. *eva* ‘только, так, именно’; здесь, впрочем, вполне возможен и очень древний, праарийский источник (лишь узкое распространение данного корня в финно-угорских языках мешает этому предположению);

– Пуг **saraña* ‘золото’ (венг. *arany* и др.) ← иран. **zaranya-* (ср.-перс. *zarēn*) при др.-инд. *hiranya-*. Ср. отдельно заимствованное ППерм **zarñi* ‘золото’ ← ср.-иран.

Эти заимствования могли попасть в ФУ языки в конце II тыс. до н.э. Затем их сменяют весьма многочисленные слова уже совершенно определенно восточно-иранского происхождения, среди которых широко представлены термины скотоводства, земледелия, металлургии, социальные термины:

– ППерм **kört* || эрз., мокш. *kšñi* (< **kört-ñi*) || мар. *kürtñö* || манс. (С) *kēr* ‘железо’ (принято считать, что эти слова заимствованы из иранского сепаратно) ← ср.-иран.: осет. *kard* ‘нож, сабля, меч’, пехл. *kārt* ‘тж’; ав. *kar^{ti}* ‘нож’;

– ф.-морд. **wasā* ‘теленки’ ← вост.-иран.: осет. *wæss*, ягноб. *wasak* ‘теленки’;

– морд. **śaka* ‘коза’ ← вост.-иран.: осет. *say* ‘коза’ (при др.-инд. *chāga-* ‘козел’);

– ППерм **poda* ‘скот’ ← иран. **pāda-* ‘скот’;

– ППерм **eksz* ‘царь’ ← вост.-иран.: осет. *æxsīn* ‘госпожа, княгиня’, скиф. *aksaj* (< **xšaja-*);

– ППерм **gōn* ‘шерсть’ ← ср.-иран. **gun* : осет. *γun* ‘тж’ при ав. *gaona-*.

Заимствования эти сепаратно попадали в разные уральские языки, видимо, с начала I тыс. до н.э., наибольшее их количество имеется (по мере убывания) в венгерском, пермских, обско-угорских и марийском, наименьшее – в прибалтийско-финских и самодийских языках. При этом есть основания говорить о том, что позднейшие заимствования из языка индоарийского типа предшествовали проникновению в финно-пермские языки иранских заимствований – см., например, земледельческий термин (распространение земледелия в лесной зоне следует датировать еще более поздним временем, чем скотоводство):

– ф.-перм. **śuka* ‘зерно, мякина’ (коми *śu* ‘рожь, жито, хлеб (в зерне)’ и др. – слово представлено во всех финно-пермских языках) ← ар.: др.-инд. *śūka-* ‘колос; жало’ (при ав. *sūkā* ‘игла, колючка’) – раннее «индоарийское» заимствование – и:

– перм.-мар. **sukz* ‘колючка, щетина, щетка’ (удм. *zu* ‘щетина’ и др.) ← иран.: ав. *sūka-* ‘игла, колючка’ – более позднее и более узко ареальное заимствование из иранского (раннего восточноиранского?) языка.

Важное значение для географической локализации этих контактов имеют такие этимологии, как:

– эрз. *rav* (< **rayo-*) ‘Волга’ ← иран.: ав. *Rayhā-* – название мифической реки на краю мира (Сырдарья? Волга?), скиф. ‘Ρα – ‘Волга’ (у Птолемея) (Munkácsi, 1901, с. 533; Joki, 1973, с. 307). Возможно, данное иранское название Волги имело весьма большую значимость в мифологических, космологических представлениях, в силу чего и было заимствовано предками мордвы;

– ППерм **sarzǝ* ‘море, теплые края на юге’ (-зǝ, возможно, пермский суффикс; сюда же, возможно, и ф. *sarajas* ‘море (в фольклоре), река Похьолы’) ← ар.: ав. *zraya-* ‘море’, перс. *daryā* ‘море, большая река’. Подобно тому, как балтское слово для ‘моря’ (вполне, видимо, конкретного, Балтики) было заимствовано в прибалтийско-финский (ф. *meri* и др.), в прапермский было заимствовано иранское слово с тем же значением, – но уже как обозначение не столько конкретной географической реалии, а волшебной страны на юге;

– об.-уг. **mārtz-may* ‘южная страна перелетных птиц’ ← иран. **mart* ‘человек’ семантика очень близка ППерм **sarzǝ*.

Заимствования из восточноиранских языков продолжали попадать в угорские и в прапермский, по-видимому, до конца I тыс. н. э. (в том числе имеются термины, отражающие, по-видимому, христианские реалии), облик позднейших из них однозначно указывает на древнеосетинский (аланский) язык-источник:

– хант. **θāγər* ‘кольчуга’ ← ср.-иран.: осет. *zγær* ‘латы’;

– манс. **āsǝrmz* ‘стыд’ ← ср.-иран.: осет. *æfsærm* ‘тж’;

– манс. **šārkāš* ‘орел’ ← ср.-иран.: осет. *cærgæs* ‘тж’;

– манс. **širyz* ‘меч’ ← ср.-иран.: осет. *cīrq* ‘тж’;

– венг. *híd* ‘мост’ ← вост.-иран.: осет. *xīd / xed* ‘мост’ при ав. *haētū-* ‘плотина’.

– ППерм **gundzr* ‘чудовище: дракон, медведь’ ← иран.: осет. (*qāf*) *qwyndar* ‘дракон’;

– ППерм **andan* ‘сталь’ ← ср.-иран.: osset. *endon* ‘сталь’ ~ греч. (визант.) *indānikos (sidēros)* ‘особый вид стали’ ~ лат. (у Марко Поло) *andanicum* ‘индийская сталь’ ← перс. **(h)ind(aw)āni* ‘индийский’ (Kalima, 1934, с. 10–11; Szemerényi, 1988, с. 58) или ← иран. **han-dāna* ‘уклад’ (ср рус. уклад ‘сталь’) (Абаев ИЭСОЯ I, с. 157);

– удм. *badžjn* ‘большой’ ← ср.-иран.: осет. *bæzgin* ‘толстый, густой’;

– коми (др.-перм.) *ideg* ‘ангел’ ← ср.-иран.: осет. *idawæg* ‘божество’;

– коми (др.-перм.) *nebeg* ‘книга’ ← ср.-иран.: пехл. *nībeg* ‘тж’;

Таким образом, можно представить схему смены языков-источников арийских заимствований в уральских языках и, соответственно, эволюцию языков населения степной зоны Восточной Европы и Западной Сибири в виде двух сменяющих друг друга линий непрерывного развития: 1) ранний праарийский (с сер. III тыс. до н.э.) – праарийский (вторая половина III тыс. до н.э.) – индоарийский (конец III – вторая половина II тыс. до н.э.); 2) древнеиранский (ранний восточноиранский, конец II тыс. до н.э.) – восточноиранский (с начала I тыс. до н.э.) – аланский (до конца I тыс. н.э.)⁸. Очевидно следует предполагать, что где-то во второй половине – в конце

⁸ Следует также оставить возможность – пока достаточно гипотетическую – наличия, скорее всего, единичных заимствований из раннего праиранского (праирано-нуристанского).

II тыс. до н.э. на южной периферии уральского мира, в степной и лесостепной зоне Восточной Европы и Западной Сибири произошла довольно резкая смена языка / языков индоарийского типа на иранскую или, точнее, восточноиранскую речь.

С точки зрения археологии первую линию (ранний праарийский – праарийский – индоиранский, с сер. III до второй половины II тыс. до н.э.) можно сопоставлять с развитием древнеямно-катакомбного, абашевско-синташтинско-петровского и срубно-андроновского культурных горизонтов. Возможно, среди создателей этих культур были и носители языка раннеиранского типа, рано ушедшие на юг, но этот вопрос требует дальнейшей проработки. Смену же индоарийской речи на восточно-иранскую и начало второй линии развития можно связать с распространением в степной зоне культур валиковой керамики в конце II тыс. до н.э.

Таким образом, следует полагать, что ареал первоначального формирования иранских (и нуристанских) языков находился не в степной зоне Евразии, а достаточно далеко от границ лесной зоны, вероятнее всего – на юге Средней Азии и на территориях современного (северного) Афганистана и (восточного) Ирана, куда предки иранцев должны были достаточно рано переселиться из степной зоны Евразии и откуда в конце II тыс. носители восточноиранской речи проникли в степи, достаточно быстро вытеснив и ассимилировав там ариев, говоривших на языках индоарийского типа.

Генезис же той части индоариев, которые принесли арийский язык в Индию, можно связывать не только с Уралом, Казахстаном и путем в Индию с севера через Среднюю Азию и Афганистан, но и со степями Северного Кавказа, предполагая возможность их дальнейшего продвижения в Закавказье, на север современного Ирака (митаннийский арийский очевидно представляет собой раннюю стадию индоарийского) и далее через Иран и Афганистан в Индию. Выбор между этими двумя возможностями – дело будущих исследований. Отсутствие видимых археологических следов такой миграции объясняется, видимо, тем, что праиндоарии представляли собой достаточно замкнутые в религиозном и культурном отношении, хорошо организованные подвижные группы воинов-скотоводов, которые могли довольно легко достигать политического и военного господства (как это было, видимо, в Митанни), а в случае необходимости быстро пересекать большие пространства, не оставляя особых следов (такая миграция на восток могла иметь место после разгрома Митанни в XIII в. до н.э. или раньше, вследствие вытеснения в верхушке этого государства ариев хурритами). Весьма близким аналогом индоарийской миграции может быть расселение тюрков-огузов от Сырдарьи до Анатолии в XI–XII веках – не будь письменных источников, оно также едва ли могло бы быть зафиксировано археологически (существенным различием является, однако, то, что огузы начали свое движение на запад уже будучи

мусульманами, измеждуними населением стран, где они проходили, не было религиозного и культурного барьера, который, видимо, существовал или даже специально культивировался у индоариев).

Близость религиозно-культурной традиции иранцев Авесты и индоариев Ригведы с этой точки зрения следует объяснять не общеарийским наследием (обратим внимание на значительно отличие от ригведийско-авестийской традиции религии и фольклора скифо-сарматского мира, например), а вторичным контактом где-то на территории современного Афганистана во второй половине II тыс. до н.э., в результате которого у восточных иранцев и индоариев сложились весьма близкие формы религиозного культа и поэтической традиции, отложившиеся в оформившихся позднее текстах Ригведы и Авесты.

Сокращения

ав. – авестийский,	мокш. – мокшанский,	ранне-праиран. – ранне-праиранский,
ар. – арийский,	морд. – общемордовский,	рус. – русский,
вахан. – ваханский,	нурист. – нуристанский,	скиф. – скифский,
венг. – венгерский,	об.-уг. – обско-угорский,	согд. (будд.) – согдийский (буддистский),
вост.-иран. – восточно-иранский,	осет. – осетинский,	ср.-вост.-иран. – средневосточноиранский,
греч. (визант.) – греческий (византийский),	перм.-мар. – пермско-марийский,	ср.-иран. – среднеиранский,
диал. – диалектный,	перс. – персидский,	ср.-перс. – среднеперсидский,
др.-инд. – древнеиндийский,	пехл. – пехлеви,	удм. – удмуртский,
др.-перм. – древнепермский,	ПИЕ – праиндоевропейский,	укр. – украинский,
др.-перс. – древнеперсидский,	праар. – праарийский,	ф. – финский,
зап.-иран. – западно-иранский,	праиран. – праиранский,	ф.-волж. – финно-волжский,
ИЕ – индоевропейский,	приб.-ф. – общеприбалтийско-финский,	ф.-морд. – финно-мордовский,
индоар. – индоарийский,	ППерм – прапермский,	ф.-перм. – финно-пермский,
иран. – иранский,	ПСам – прасамодийский,	ФУ – финно-угорский,
лат. – латинский,	ПУг – праугорский,	хант. – хантыйский,
манс. (С) – мансийский (северный),	ПУр – прауральский,	хетт. – хеттский,
мар. – марийский,	ПФУ – прафинно-угорский,	хот.-сак. – хотаносакский,
мит.-ар. – митаннийский арийский,	раннеиндоар. – раннеиндоарийский,	эрз. – эрзянский.

Литература

Абаев ИЭСОЯ I-IV – Абаев В.И., 1958–1989 – Историко-этимологический словарь осетинского языка // Т. 1–4, М. -Л.

Абаев В. И., 1972 – К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. М.

Лушникова А. В., 1990 – Стратификация ирано-уральских языковых контактов // М.

Напольских В. В., 1997 – Введение в историческую уралистику // Ижевск

Напольских В. В., Энгватова А. В. 2000 – Симпозиум «Контакты между носителями индоевропейских и уральских языков в неолите, энеолите и бронзовом веке» // РА, № 4.

Стеблин-Каменский И. М., 1999 – Этимологический словарь ваханского языка // С-Пб.

Хелимский Е. А., 2000 – Компаративистика, уралистика: лекции и статьи // М.

Штакельберг Р. Р., 1893 – Ирано-финские лексикальные отношения // Древности Восточные. Труды Восточной комиссии Имп. Московского археологического общества, 1:3. М.

Эдельман Д. И., 1986 – Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М.

Эдельман Д. И., 1999 – Индоиранские языки // Языки мира. Дардские и нуристанские языки. М.

Jacobsohn H., 1922 – Arier und Ugrofinnen // Göttingen

Janhunen J., 1983 – On early Indo-European-Samoyed contacts // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 185. Helsinki

Joki A. J., 1973 – Uralier und Indogermanen / Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 151. Helsinki

Kalima J., 1934 – Zur permischen Lautgeschichte // Finnisch-ugrische Forschungen. Bd. 22. Helsinki

Korenchy É., 1972 – Iranische Lehnwörter in den obugrischen Sprachen // Budapest

Lipp R., 2009 – Die indogermanischen und einzelsprachlichen Palatale im Indoiranischen // Band I. Neurekonstruktion, Nuristan-Sprachen, Genese der indoarischen Retroflexe, Indoarisch von Mitanni. Heidelberg

Munkácsi B., 1901 – Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben. Köt. 1. Magyar szójegyzék. Budapest

Napolskikh V. V., 2002 – Zu den ältesten Beziehungen zwischen Finno-Ugriern und zentraleuropäischen Indogermanen // Finno-Ugrians and Indo-Europeans: linguistic and literary contacts. Proceedings of the Symposium at the University of Groningen, November 22–24, 2001. Ed. by Rogier Blokland, Cornelius Hasselblatt / Studia Fenno-Ugrica Groningana, 2. Maastricht

Rédei K., 1986 – Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten // Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte, 468. Wien

Ritter R.-P., 1993 – Studien zu den ältesten germanischen Entlehnungen im Ostseefinnischen // Göttingen – Frankfurt-am-Main

Szemerényi O., 1977 – Besprechung von Joki A. J. Uralier und Indogermanen // Uralaltaische Jahrbücher, 49. Wiesbaden

Szemerényi O., 1988 – On contacts between Indo-European and Uralic // Uralaltaische Jahrbücher. Bd. 60. Wiesbaden

UEW – Rédei K., 1986–1991 – Uralisches etymologisches Wörterbuch // Budapest.

Veres P., 1971 – Újabb adatok a finnugor és magyar ostörténethez // Néprajzi értesítő, 53. Budapest

К вопросу о происхождении носителей археологических культур Эгеиды эпохи неолита

Чередниченко А.Г. (Белгород)

В конце XX – начале XXI вв., когда общественное сознание заполонило великое множество наукообразных мифов, индоевропеистика продолжает свой путь к решению проблемы локализации индоевропейской прародины. На фоне попыток связать прародину индоевропейцев с арктическими областями и датировать возникновение их языка и культуры эпохой верхнего палеолита исследования В.А. Сафронова, О.Н. Трубачева, В.Н. Топорова, И.М. Дьяконова, В.В. Иванова, Т.В. Гамкрелидзе, В. Георгиева, Г. Чайлда, М. Гимбутас, К. Ренфрю, Дж. Мэллори и др. представляют большую ценность. Так, согласно гипотезе, которую выдвинул известный британский археолог Эндрю Колин Ренфрю, барон Ренфрю из Кеймсторна, протоиндоевропейцы примерно за 2000 лет до вторжения носителей так называемой «курганной культуры» (древнеямной культурно-исторической общности) в Европу обитали в Анатолии, и позднее распространились в Греции, Италии, Сицилии, по Средиземноморскому побережью Франции, Испании и Португалии. Еще одна ветвь протоиндоевропейцев мигрировала вдоль плодородных речных долин Дуная и Рейна в Центральную и Северную Европу (Renfrew, 1989, p. 82–90). Гипотеза лорда К. Ренфрю во многом согласуется с точкой зрения исследователя неолитических древностей Чатал-Хююка и Хаджилара Джеймса Мелларта (Mellaart, 1981, p. 135–149). Лорд Ренфрю учел и концепцию своей коллеги по раскопкам в Ситагри в Греции Марии Гимбутас (Гимбутас, 2004, с. 41–59).

Однако гипотеза М. Гимбутас об экспансии в конце III тыс. до н.э. в Центральную и Южную Европу из степной зоны Поволжья и Северного Причерноморья протоиндоевропейцев, издавна занимавшихся скотоводством в степях Евразии и создавших «курганную культуру», не выдерживает критики. Как убедительно доказал Владимир Александрович Сафронов, ядро древнеямной культурно-исторической общности¹ сложилось на рубеже IV–III тыс. до н.э. в Северном Попрутье, в степной полосе восточнокарпатских предгорий, на основе центральноевропейских культур

¹ В работах М. Гимбутас и Э.К. Ренфрю древнеямной культурно-исторической общности соответствует «курганная культура».

Лендъел и воронковидных кубков, а первые курганные погребения в Сарново и Баальберге могут быть датированы последней третью IV тыс. до н.э. (Сафронов, 1989, с. 190–205).

Главный оппонент Колина Ренфрю Джеймс Патрик Мэллори локализует прародину индоевропейцев в Понтийско-Каспийском регионе, что в значительной степени согласуется с гипотезой М. Гимбутас (Мэллори, 1997, с. 61–82; Mallory, 1992, р. 215–221). Однако и М. Гимбутас, и К. Ренфрю, и Дж. Мэллори свои концепции построили, опираясь, в первую очередь, на результаты археологических изысканий, в то время как индоевропейская проблема – преимущественно лингвистическая. Кроме того, все еще не решена проблема построения «генеалогического древа» археологических культур. В.А. Сафронов предложил для решения данной проблемы выделять этническое ядро археологической культуры (керамика, погребальный обряд, металлический инвентарь, тип поселений, укреплений, жилищ, орнаментация на сосудах) (Сафронов, 1989, с. 56–64). Однако, чтобы установить генетическое родство археологических культур, необходимо подтвердить генетическое родство их носителей, проведя ДНК-анализ костных останков, обнаруженных в погребениях (Клесов). Масштабных исследований по проблеме ДНК-генеалогии индоевропейцев пока не проводилось.

Тем не менее, К. Ренфрю сформулировал важную идею, согласно которой ареал обитания этноса-носителя праиндоевропейского языка следует связать с одним из очагов возникновения производящей экономики, что согласуется с достижениями лингвистической палеонтологии (Георгиев, 1958, с. 242, 247, 272–277; Одри, 1988, с. 24–121, 532–533). Таким образом, индоевропейская прародина может быть локализована на землях ближневосточного Плодородного Полумесяца, в Анатолии, Эгеиде или на Балканах. Решать индоевропейскую проблему возможно лишь в рамках сравнительно-исторического языкознания, так как из всех базовых знаковых систем праиндоевропейского этноса реконструируется только индоевропейский праязык. Своеобразным индикатором пребывания носителей языка в каком-либо ареале является древняя ономастика региона. Объективно же связать археологическую культуру с носителями языка можно лишь при наличии надписей на артефактах (Снодграсс, 1992, с. 32–40).

Что касается времени возникновения индоевропейского праязыка, в палеолите, мезолите и неолите еще не возникли праязыки известных языковых семей. Существовал первобытный языковой континуум («*babana languages*»), реликтом которого является «языковая непрерывность» Новой Гвинеи (Беллвуд, 1986, с. 128–153; История древнего Востока, 1983, с. 90–93; Молчанов, 1992, с. 59–66; Чебоксаров, Чебоксарова, 1985, с. 48–49). Первобытный языковой континуум Старого Света стал распадаться на формирующиеся языковые семьи во второй половине IV тыс. до н.э.

В самом начале III тыс. до н.э. уже обособились шумерская семья (диалекты *eme-KU* и *eme-sal*, 30–40 говор) и афразийская семья,

довольно рано разделившаяся на древнеегипетскую группу (1 язык и около 40–50 говоров) и семитскую группу (в последней трети III тыс. до н.э. зафиксированы клинописью аккадский, эблаитский языки) (Дьяконов, 1967, с. 21–29, 35–37, 44–51, 179–189; Дьяконов, 1985, с. 318–349; Языки Азии..., кн. 1, с. 6–16, 70–71, 110–111; Языки Азии..., кн. 2, с. 268–269).

Достоверных лингвистических фактов выделения индоевропейских языков из первобытного языкового континуума до рубежа III–II тыс. до н.э. не наблюдается, хотя этот процесс мог начаться в конце IV – начале III тыс. до н.э. С XVIII в. до н.э. появляются памятники старохеттского языка, лувийских диалектов (выполненные иероглифическим письмом), языка линейного письма А на Крите.

Возможно, первые родоплеменные группы носителей диалектов индоевропейского праязыка сформировались именно в Эгеиде, включая юг Балканского полуострова и Западную Анатолию (Шапошников, 1999, с. 44–55; Шапошников, 2000, с. 192–200; Шапошников, 2004, с. 97–106; Шапошников, 2005, с. 30–67; Шапошников, 2007, с. 74–83; Шапошников, 2009, с. 303–311). Еще Владимир Георгиев отмечал, что в бассейне Эгейского моря, на Балканах нет древней неиндоевропейской ономастики и других следов пребывания неиндоевропейцев (Георгиев, 1958, с. 109–110, 144–145, 247). Правда, на острове Лемнос были обнаружены тирренские надписи (Кречмер, 1976, с. 335–338). Но тот же В. Георгиев указал на близость языка тирренов-этрусков индоевропейским языкам (Георгиев, 1958, с. 194–197). Судя по всему, Эгеида и Западная Анатолия являлись прародиной не только индоевропейских этносов, но и близких им по происхождению этрусков.

Что касается механизма миграций протоиндоевропейцев, как показали исследования Стефана Йорданова, его отражает обряд *Ver sacrum* («священная весна») (Йорданов, 2009, с. 232–251). Во время совершения инициационных ритуалов 50 юношей и 50 девушек (младшие или старшие дети в зависимости от системы минората или майората) покидали родовую общину, чтобы основать новую. Переселенцы путь держали, следуя за священной коровой. Корова, остановившись, указывала место для нового поселения (ср., например, эллинские мифы о странствиях телицы Ио).

Реконструкция праиндоевропейской просодики показывает, что в и.-е. праязыке со времени его выделения из первобытного языкового континуума до первого «полураспада» (на *centum* ~ *catem*) было в лучшем случае два ряда согласных – сильные и слабые (напряженные и ненапряженные, звонкие и глухие), а в худшем – нейтральная оппозиция согласных и по звонкости, и по придыхательности (это – наследие первобытного континуума, в котором $p \sim b \sim m$, $t \sim d \sim n$, $k \sim g \sim \eta$). Просодические признаки еще не перешли на уровень согласных и гласных. Все дальнейшие преобразования и перебои в системе согласных были вызваны особенностями перехода просодического признака на уровень консонантизма при обособлении отдельных дочерних и.-е. языков (Герценберг, 1981).

Представляется вполне удовлетворительным следующее объяснение возникновения и.-е. апофонии (чередования *e – a – o*). Сначала это явление фономорфологического уровня праязыка зародилось в первобытной системе глагола для различения имперфектных и перфектных форм (соотносимых с номинативной и эргативной конструкциями), а затем, через формы типа германского причастия совершенного вида, проникло в систему имен. Апофония развилась посредством перехода просодических признаков на уровень вокализма (еще небогатого), путем превращения в отдельные фонемы прежних вариантов одной гласной фонемы в зависимости от акцента и фонетического окружения (последующие губные, носовые и плавные согласные, гласные заднего ряда в последующем слоге и т.п.). Затем новообразованная лексика подверглась воздействию языковой аналогии, которая несколько редуцировала и унифицировала первоначально пеструю систему. И лишь впоследствии вступил в действие фактор повышенной частотности словоупотребления.

Большая часть и.-е. языковых групп, имеющих вполне оформившуюся апофонию типа *e/o*, обособилась и развивалась в Эгеиде, на Балканах и в Южной Италии с окружающими ее островами. Однако выделение индоевропейского праязыка из первобытной «языковой непрерывности» можно отнести, используя археологическую терминологию, не к эпохе неолита, а к энеолиту и эпохе бронзы. Таким образом, создатели неолитических культур Эгеиды были носителями говоров первобытного языкового континуума.

Археологические исследования показали, что на юге Балканского полуострова в VII тыс. до н.э. сформировался самостоятельный центр неолитизации (Мерперт, 1978, с. 20–27; Мерперт, 1988, с. 19–23; Монгайт, 1973, с. 198; Титов, 1969; Титов, 1970, с. 32–41). При раскопках пещеры Франтки к северо-западу от Портохели в Арголиде получены свидетельства непрерывного обитания там людей от позднего палеолита до неолита (Маринович, 1973, с. 170–171). В неолитических слоях обнаружены орудия труда из обсидиана, кремня и кости, каменные и глиняные статуэтки. Обсидиан, который был предметом торговли в бассейне Эгейского моря уже в конце VIII тыс. до н.э., добывался на острове Мелос (Думас, 1992, с. 143). Анализ обуглившихся остатков растений показал, что в раннем неолите (VII тыс. до н.э.) в Арголиде появился ячмень, в среднем неолите – пшеница. В слоях последней фазы докерамического неолита найдены кости козы и овцы и в значительно большем количестве кости свиньи, что объясняется ее одомашниванием. Памятники докерамического неолита Фессалии, связанные с древнейшими неолитическими культурами Пелопоннеса и Анатолии, датируются второй половиной VII тыс. до н.э. (Титов, 1969, с. 214; Renfrew, 1990, p. 106–109). Памятники неолитических культур на юге Балкан обнаружены в районе Олимпов ('*Όλυμπος* – 'гора', этимологически 'пуп земли' < и.-е. **omb(h)-/*ump-*, ср. др.-греч. рефлекс '*ομφαλός* 'пуп, острый выступ, стержень, краеугольный камень' (Chantraine, 1974, p. 795, 800–801)), т.е. Олимпа Элидского и Олимпа Фессалийского

(Страбон. География. VIII, 3, 30–31). Возможно, почитание Олимпа как обители богов в эллинской и римской традициях, представления индоариев о существовании священной горы Меру в центре мира, ираноариев – о священной горе Хара Березайти (Эльбурс) восходят к доиндоевропейской древности².

В греческой Македонии, в долине реки Вистрица, на небольшом холме Неа Никомидия в 60 км к западу от Салоник исследованы слои, представляющие ранний неолит (конец VII – первая половина VI тыс. до н.э.) (Лисицына, Филипович, 1980, с. 5–76; Мерперт, 1988, с. 19–23; Титов, 1969, с. 195–219; Renfrew, 1990, p. 198–200). Характерные черты культуры Неа Никомидии указывают на тесные связи с Фессалией. В нижних горизонтах Неа Никомидии преобладает керамика с покрывающим наружную поверхность розовым ангобом, сходная с посудой раннекерамического неолита Фессалии. В тесте заметна примесь известняка, как и в фессалийской керамике Протосескля. Почти у всех сосудов есть круглые, овальные, кольцевые или дискообразные основания. Основная форма сосудов – открытая или полужакрытая чаша. Края простые, и лишь у полужакрытых чаш они бывают слегка отогнуты или утолщены. Этот признак характерен и для посуды раннекерамического неолита Фессалии. В Неа Никомидии найдены сосуды с изображением человеческого лица, моделированным на шейке сосуда, ниже края. Аналогии этим сосудам найдены в Пирассосе, где лицо также моделировано в глине, в Хаджиларе, Хассуне, где антропоморфный характер сосуда подчеркивается росписью. Расписная керамика Неа Никомидии украшена красной росписью по кремовому или белому фону. Основные мотивы росписи – треугольники и квадраты с прямыми и иррегулярными краями. Аналогии расписной керамики Неа Никомидии ведут на Пелопоннес, в Немею, и в Юго-Западную Анатолию, в Хаджилар. В Неа Никомидии (Чатал-Хююк, Хаджилар, ранне-неолитические культуры Пелопоннеса, Фессалии и др.) открыты столбовые дома крупных размеров. Столбы, служившие основаниями стен, ставились в предварительно вырытые и обмазанные глиной траншеи, к каркасу из дубовых балок прикреплялись тростниковые маты, а затем вся

² Первоначально Олимпом именовалась высочайшая в данной местности гора, на вершине которой наблюдались восход и заход небесных светил. У индоевропейцев возник в связи с этим культ гор. Священными считались горные хребты Гем, Демавенд, Гималаи и т.д. Название гор Ἄϊμος (Hæmus, Гем, Стара Планина) формально образовано от др.-греч. αἷμα, αῖμα «кровь» (< и.-е. *saim – «густая жидкость»), т.е. «кровь Тифона» (Аполлодор. Мифологическая библиотека. I, 6, 3). Но можно предложить этимологию из др.-инд. hema, haima < и.-е. *gheima «зима, снег» (ср. санскр. Hima-laya – «заснеженная (горная) цепь», перс. Demavend < *daimavant-) и трактовать этот ороним как напоминание о пребывании индоиранцев в древности еще и на востоке Балкан. Для названия Hæmus можно подобрать также германскую этимологию, сходную с этимологией хоронима Vœhætia < *Voio-haim-ia – «родной дом (кельтского) племени бойев» (ср. др.-англ. hām = англ. home, нем. Heim) или «(горы) Гем бойев».

конструкция обмазывалась глиной. Подобные сооружения возводились в Фессалии в периоды докерамического неолита и Протосескло. Очень близка к Протосескло пластика Неа Никомидии. Это фигурки с прямым носом, глаза у них вырезаны вкось или переданы в виде зернышек кофе. В Неа Никомидии найдены ядра от пращи из плохо обожженной глины, но нет наконечников стрел, что было характерным для всего древнейшего неолита юга Балкан. Носители неолитических культур Фессалии и Неа Никомидии выращивали пшеницу-однозернянку, пшеницу-двузернянку, ячмень, чечевицу, горох. Таким образом, связи культуры Неа Никомидии в греческой Македонии с более древними неолитическими культурами юга Балканского полуострова и Анатолии (Мелларт, 1982, с. 107–111; Yakar, 1981, р. 94–112). С культурами фессалийского неолита связаны нео-энеолитические культуры Балкано-Дунайского региона Старчево–Караново, Винча–Плочник и др. (их объединяет сходство монокромной и расписной керамики и т.д.) (Лисицына, Филипович, 1980, с. 5–76; Мерперт, 1988, с. 19–23; Титов, 1969, с. 200–210; Тодорова, Вайсов, 1993, с. 15–93).

Подводя итоги, отметим, что памятники неолитических культур Балкан и Эгеиды были созданы носителями говоров первобытного языкового континуума, из которого в конце IV – начале III тыс. до н.э. выделился индоевропейский праязык. Названия, тем более, самоназвания, родоплеменных групп носителей вышеназванных говоров не сохранились. Возможно, этногенеалогические предания эллинов сохранили память о носителях говоров доиндоевропейской «языковой непрерывности», обозначив их мифологическими именами гекатонхейров («сторухих», Ἑκατόνχαιροι) и киклопов («круглоких», Κύκλωπες) (Аполлодор. Мифологическая библиотека. I, 1, 1 – 2).

Литература

Беллвуд П., 1986 – Покорение человеком Тихого океана: Юго-Восточная Азия и Океания в доисторическую эпоху / Пер. с англ. Предисл. М.В. Крюкова. Комментар. В.А. Шнирельмана, М.С. Полинской // М.

Георгиев В.И., 1958 – Исследования по сравнительно-историческому языкознанию: Родственные отношения индоевропейских языков // М.

Герценберг Л.Г., 1981 – Вопросы реконструкции индоевропейской просодики // Л.

Гимбутас М., 2004 – Балты. Люди янтарного моря / Пер. с англ. С. Федорова // М. *Думас К., 1992* – Кикладская цивилизация бронзового века в Эгееде // ВДИ (М.), № 2.

Дьяконов И.М., 1967 – Языки древней Передней Азии // М.

Дьяконов И.М., 1985 – Значение Эблы для истории и языкознания // Древняя Эбла (Раскопки в Сирии): Пер. с англ., ит., нем. и фр. языков / Сост. и введение П. Маттиз; Общ. ред. и закл. статья И.М. Дьяконова. М.

История древнего Востока, 1983 – Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1: Месопотамия / Под ред. И.М. Дьяконова // М.

Йорданов Ст., 2009 – Проблеми на потестарно-политическата и историческата етнология: Библиография, историографско и проблемно-теоретично проучване. Част първа: Въведение в проблематиката // Велико Търново

Клесов А.А. – Происхождение евреев с точки зрения ДНК-генеалогии // Режим доступа: <http://u620.17.spylog.com/cnt?f=3&p=1&rn=0.4546501018963074>.

Кречмер П., 1976 – Тирренские надписи Лемносской стелы // Тайны древних письмен: Проблемы дешифровки: Пер. с англ., нем., франц. и ит. языков / Сост., ред. и предисл. И.М. Дьяконова // М.

Лисицына Г.Н., Филипович Л.А., 1980 – Палеоэтноботанические находки на Балканском полуострове // *Studia Praehistorica*, № 4, София

Маринович Л.П., 1973 – Изучение Пелопоннеса в 1967–1970 гг. // ВДИ (М.), № 1.

Мелларт Дж., 1982 – Древнейшие цивилизации Ближнего Востока / Пер. с англ. и комментарий Е.В. Антоновой; Предисл. Н.Я. Мерперта // М.

Мерперт Н.Я., 1978 – Миграции в эпоху неолита и энеолита // СА (М.), № 3.

Мерперт Н.Я., 1988 – Об этнокультурной ситуации IV – III тысячелетий до н.э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток: Этнокультурные связи / Отв. ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Г. Ардзинба // М.

Молчанов А.А., 1992 – Посланцы погибших цивилизаций: Письмена древней Эгеиды // М.

Монгайт А.Л., 1973 – Археология Западной Европы: Каменный век // М.

Мэллори Дж.П., 1997 – Индоевропейские прародины: Пер. с англ. // ВДИ (М.), № 1.

Одри Ж., 1988 – Индоевропейский язык: Пер. с франц. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 21: Новое в современной индоевропеистике / Сост., вступ. ст. и общ. ред. В.В. Иванова. М.

Сафронов В.А., 1989 – Индоевропейские прародины // Горький

Снодграсс А.М., 1992 – История Греции в свете археологии: Пер. с англ. // ВДИ, № 2.

Титов В.С., 1969 – Неолит Греции: Периодизация и хронология // М.

Титов В.С., 1970 – К вопросу о соотношении этно-лингвистических слоев и культурно-исторических общностей на юге Балканского полуострова // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 123: Памятники эпохи энеолита и бронзы, М.

Тодорова Х., Вайсов И., 1993 – Новокаменная эпоха в България (края на седмото – шестото хилядолетие преди новата ера) // София

Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А., 1985 – Народы. Расы. Культуры. 2-е изд., испр., доп. // М.

Шапошников А.К., 2000 – Этимологические наблюдения // Этимология. 1997–1999: Посвящается 70-летию академика О.Н. Трубачева / Отв. ред. Ж.Ж. Варбот // М.

Шапошников А.К., 2004 – Место Потисья и Паннонии в древнейших этногенетических преданиях славянских народов // *Slavica Slovaca* (Bratislava). R. 39. Č. 2.

Шапошников А.К., 2005 – Indoarica в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания (М.). 2005. № 5.

Шапошников А.К., 2009 – Лексический комплекс пеласгического вида в праславянском // *Studia etymologica Brunensia* 6 / Editorky: I. Janůšková, H. Karlíková, Praha

Шапошников О.К., 2007 – Найдавніша ономастика Малої Скіфії // Науковий вісник Чернівецького університету: Збірник наукових праць. Випуск 354–355: Слов'янська філологія, Чернівці

Языки Азии..., кн. 1, 1991 – Языки Азии и Африки. IV. Афразийские языки. Кн. 1: Семитские языки / Отв. ред. И.М. Дьяконов, Г.Ш. Шарбатов // М.

Языки Азии..., кн. 2, 1991 – Языки Азии и Африки. IV. Афразийские языки. Кн. 2: Кушитские языки. Ливийско-гуанчские языки. Египетский язык. Чадские языки / Отв. ред. И.М. Дьяконов, Г.Ш. Шарбатов // М.

Chantraine P., 1974 – Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Т. 3 // Paris.

Mallory J.P., 1992 – In Search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology and Myth // London.

Mellaart J., 1981 – Anatolia and the Indo-Europeans // Journal of Indo-European Studies (Washington). Vol. 9, № 1–2.

Renfrew C., 1989 – The Origins of Indo-European Languages // Scientific American (New York), № 10.

Renfrew C., 1990 – Before Civilization: The Radiocarbon Revolution and Prehistoric Europe. London.

Yakar J., 1981 – The Indo-Europeans and Their Impact on Anatolian Cultural Development // Journal of Indo-European Studies (Washington). Vol. 9, № 1–2.

Индоевропейский этногенез – свидетельствуют мифология, лингвистика, ономастика и ДНК-генеалогия

Шапошников А. К. (Москва)

Представленная на суд публики работа призвана оживить несколько ослабевший в 90-е гг. интерес научной общественности к проблемам индоевропейского праязыка, праэтноса и прародины. Она призвана побудить к научной дискуссии лингвистов, этнологов, археологов и историков. К дискуссии, в которой научное сознание очередной раз, обретая некую относительную истину, еще на один шаг приближается к постижению вечно недостижимой абсолютной истины.

Одна из проблем индоевропейской древности, издавна волновавшая автора, – определение индоевропейской прародины подлинно научными методами, а также выявление миграционных путей этносов, носителей отдельных индоевропейских праязыков, и местоположения их промежуточных прародин, до того момента, когда индоевропейские по языку народности попадают в те места, где их застаёт история.

С одной стороны, эта проблема занимает особое место в индоевропейистике и все еще далека от решения, которое бы примирило большую часть лингвистов (ее решение очень важно методологически для сравнительно-исторического языкознания) и историков, а с другой – она весьма занимает археологов, этнологов и этнографов.

Ибо положительный результат ее разрешения позволил бы построить единую с собственно исторической «историю предыстории». Однако до сих пор (после двухсотлетних дерзаний) обширные полезные сведения, полученные археологией, этнографией и языкознанием, несоединимы в единую картину исторического развития культур и этносов Евразии.

Не скрою также того факта, что одним из побудительных мотивов создания этой работы была реакция на издания последних 20 лет, связанные с данной проблемой (Сафронов, 1989; Мэлори, 1989–1994; Ренфрю, 1988–1989). Размышлениями по поводу этих и подобных публикаций мы и хотели бы поделиться с коллегами, и подвигнуть их к более живому обсуждению данной проблематики.

Со времен последней дискуссии по этой проблеме (статьи Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванова, И.М. Дьяконова, Л.А. Лелекова в ВДИ № 3–1980, № 2–1981, №№ 3, 4–1982, № 2–1984) в свет вышел целый ряд публикаций,

подытоживших достижения лингвистической и археологической индоевропеистики XX века и предложившие новые решения старой проблемы.

Согласно академической этнологии, индоевропейский праэтнос должен был обладать: определенной территорией (прародиной), общими чертами и относительно стабильными особенностями культуры, включая праязык, самосознанием и (возможно) самоназванием.

Мои собственные наблюдения над этнической историей подсказывают еще одно уточнение термина этнос (праэтнос).

Этнос – это особенная часть общего и целого человечества, тождественность и единство которой может зиждиться на:

на единстве происхождения (генетическом родстве популяции),

на единстве знаковых систем (язык и прочие семиотические системы),

на единстве общественного сознания (идеологическом).

Этнос зачастую не лимитирован жестко ни во времени, ни в пространстве (может не иметь определенной территории, ограниченной стабильными пределами) и может складываться при доминанте любого из вышеперечисленных единств (психосоматическое генетическое родство нередко уступает первенство идеологии, особенно религии, в деле этногенеза, а язык, обслуживая все сигнальные системы и все три единства этноса, сам может стать ведущим в этногенезе).

Завершая обсуждение термина «этнос», перечислим базовые знаковые системы этноса: народные приметы, народные гадания, предзнаменования, пластика тела и танец, пение и музыка, изобразительные искусства, орнаменты, народная архитектура, прикладные искусства, костюм и татуировка, меры, ориентиры, команды и сигналы, игры, обряды, язык.

Формы общественного сознания чаще всего представлены политической, правом, моралью, эстетикой, наукой, религией, и философией. Нет нужды обосновывать положение о том, что в глубокой древности все эти семь форм общественного сознания уживались в универсальной идеологии седой старины – мифологии, которая и была, в сущности, единственной универсальной формой общественного сознания.

Еще раз отметим, что все эти знаковые и идеологические системы обслуживаются универсальным сигнальным средством – языком.

Таким образом, индоевропейский этнос, как и всякий другой, должен был обладать:

психосоматическим единством (генетическим родством);

единством оригинального стереотипа поведения;

самосознанием и самоназванием (?);

единством базовых семиотических систем (особенно языка);

единством форм общественного сознания (особенно мифологии);

территориальным единством.

Все эти многочисленные составляющие – неперенные атрибуты реального праэтноса – нередко имеют материально-вещественные проявления, доступные непосредственному наблюдению.

Обращаясь к индоевропейской проблеме, обнаруживаем, что доступных наблюдению материально-вещественных реализаций этнических характеристик и. -е. праэтноса немного, они фрагментарны, но все-таки они имеются.

Психосоматическое единство всех дочерних и. -е. этносов (их генетическое родство) и восхождение к праэтносу едва намечалось в генетических исследованиях конца XX века. Только в 1986 году появилась возможность использования биологических веществ (энзимов) для отделения пяти фрагментов ДНК от гена, отвечающего за получение части молекулы гемоглобина красных кровяных телец (Джеймс Уэйнскот и Адриан Хилл, 1986).

Данные, полученные на основании изучения фрагментов ДНК у 600 человек разных рас и наций, свидетельствуют о том, что генетическое родство между современными индусами, киприотами, итальянцами и англичанами много ближе, чем с представителями других групп (арабы, монголы, негры, таи, меланезийцы, полинезийцы).

Продолжение подобных исследований и усовершенствование методик со временем позволило значительно более точно определить степень генетического родства современных индоевропейских народов и реконструировать генетическое родословное древо вплоть до праэтноса.

В начале XXI в. начался подлинный расцвет ДНК-генеалогии или генеалогии Y-хромосомы.

Последовательность блоков нуклеотидов в Y-хромосоме ДНК называется аллель. Последовательность 25 аллелей образует 25-маркерный гаплотип.

Гаплотип R1a1 признан за изначальный предковый род индоевропейцев.

Самые древние гаплотипы рода R1a1 бытовали 488 поколений назад (12200/9760 лет назад, т.е. ок. –10200 г. или –7760 г.) и обнаруживаются в Динарских Альпах, а также в примыкающих областях Хорватии, Боснии и Герцеговины, Черногории, Сербии, Косово и Македонии, где они проживали около 6000 лет без значительных передвижений.

Позднее гаплогруппа R1a1 стала распространяться по морю и по суше.

В Ирландии обитало 208 поколений рода R1a1, который составляет 2–4 % населения страны (наряду с R1b гаплогруппой, составляющей до 75 % населения) с –3200 г. или –2160 г.

В Венгрии обитало 201/200 поколений рода R1a1, составляющего ныне 20–25 % населения (наряду с 20 % R1b, I1 (циркумбалтийская) и I2 (балканская) совокупно 26 %), с –3025/–3000 г. или –2020/–2000 г.

Пишут, что археологическая культура Винча и археологическая культура Триполье могут быть приписаны этому роду R1a1, правда, не уточняется, на основании каких данных (ископаемых проб или?).

В Германии обитало 192 поколения рода R1a1, составляющего ныне 18 %, в некоторых областях до 33 % населения (наряду с R1b (зап.-европ.) 39 % и I1 (циркумбалтийская) 24 %), с –2800 г. или –1840 г.

В Англии обитало 192 поколения рода R1a1, который составляет 2–9 % населения (наряду с R1b 71 % и I1 16 % гаплогруппами) с –2800 г. или –1840 г.

В Польше обитало 185/184 поколений рода R1a1, составляющих 57 % мужчин, в некоторых местностях до 64 % (наряду с гаплогруппой I1 (циркумбалтийской) 17 % и гаплогруппой R1b (зап.-европ.) 12 %), с –2600/–2575 г. или –1700/–1680 г.

Все эти ареалы раннего расселения рода R1a1 не подлежат языковой атрибуции. Можно было бы связать с миграциями и.-е. гаплогруппы часть так называемой древнеевропейской гидронимии Краэ.

Около 181 поколения тому назад началась массовая европеизация Евразии.

В России обитало 181/180 поколений рода R1a1, составляющего ныне 45–48 %, в старых городах – до 70–80 %, в ЦФО и ЮФО до 60–75 % населения. Заселение шло с юго-запада около –2525/2500 г. или –1620/1600 г.

Около того же времени появился этот род и в Эстонии (ныне 32–37 % населения), в Латвии (ныне 40 % населения), в Литве, где обитало 180 поколений рода R1a1, составляющего 41 % с –2500 г. или –1600 г.

В Беларуси обитало 180 поколений рода, 40 % населения, с –2500 г. или –1600 г.

В Украине (Буковина) обитало 180 поколений рода R1a1, 45–54 % населения, с –2500 г. или –1600 г.

В Молдавии обитало 180 поколений рода R1a1, 22–39 % населения, с –2500 г. или –1600 г.

В Румынии обитало 180 поколений рода R1a1, 20 % населения, с –2500 г. или с –1600 г.

В Болгарии обитало 180 поколений рода R1a1, составляющего ныне только 12–15 % населения (остальные гаплотип I2 – балканский), с –2500 г. или –1600 г.

В Македонии также обитало 180 поколений этого рода, составляющего ныне 15–20 % населения.

В Греции обитало 180 поколений рода R1a1, составляющего ныне 8–11 % населения, в Салониках – до 25 %, с –2500 г. или –1600 г. (Водворение рода Инаха в Арголиде).

В Албании обитало 180 поколений рода R1a1, составляющего ныне 10 % населения, с –2500 г. или с –1600 г. (Иллирийцы?).

В Сербии и Черногории обитало 180 поколений рода R1a1, составляющего ныне 14–17 % всего населения, с –2500 г. или –1600 г. (Иллирийцы?)

В Герцеговине 12–15 % населения (Иллирийцы?).

В Боснии 15–25 % населения (Иллирийцы?).

В Хорватии обитало 180 поколений рода R1a1, составляющего ныне 29–34 % всего населения, с –2500 г. или с –1600 г. (Иллирийцы?).

В Словении обитало 180 поколений рода R1a1, составляющего ныне 30–37 % всего населения, с –2500 г. или с –1600 г. (Кельты?). В Венеции до 19 % населения (Венеты?).

В Италии обитали 180 поколений рода R1a1 (от 4 % населения, в Калабрии до 19 %) с –2500 г. или –1600 г. (Галатея, Гала, Кельт и Иллирий?).

В Швейцарии обитало 180 поколений рода R1a1 (15–25 % населения) с –2500 г. или –1600 г. (Кельты?).

Во Франции обитало 180 поколений рода R1a1 (4–6 % населения) с –2500 г. или –1600 г. (Кельты?).

В Бельгии обитало 180 поколений рода R1a1 (от 4–6 % населения) с –2500 г. или –1600 г. (Кельты?).

В Голландии обитало 180 поколений R1a1 (от 4 % населения) с –2500 г. или –1600 г. (Кельты?).

В Дании обитало 180 поколений рода R1a1 (14–17 % населения) с –2500 г. или –1600 г. (Кельты?).

В Исландии обитало 180 поколений рода R1a1, составляющего ныне 23 % населения с –2500 г. или –1600 г.

В Испании обитало 180 поколений рода R1a1 с –2500 г. или –1600 г. (Галаики?).

В Анатолии обитало 180 поколений рода R1a1 с –2500 г. или –1600 г. (Амазонки?).

В Восточном Иране обитало 180 поколений рода R1a1, составляющего 20 % населения наряду с гаплогруппой J2 (ближневосточной и средиземноморской), которая составляет большинство, с –2500 г. или –1600 г. (куреты Ио?).

Таким образом, уже 180 / 181-е поколение рода R1a1 населяет Литву, Румынию и Молдавию, Болгарию, Анатолию, Грецию, Албанию, Черногорию, Хорватию, Словению, Италию, Швейцарию, Францию, Бельгию, Нидерланды, Данию, Исландию, Испанию, Восточный Иран.

Следующая волна миграций рода пришла после Девкалионова потопа – 1539 г. в аттической хронологии.

На Крите, плато Ласити, префектура Гераклион, обитало 176 поколений рода R1a1, с –2400 г. или –1520 г. (Астерий, Европа и ее сыновья, Миноя, Радамант, Сарпедон).

В Армении обитало 176 поколений рода R1a1 с –2400 г. или –1520 г. (Агенор и Килик).

Общий предковый гаплотип индусов и славян (данайцы) выделился 172 поколения назад между –2300 и –1440 гг. (Агенор, отец Финика и Финея).

В Шотландии обитало 172 поколения рода R1a1, составляющие от 2–5 % на юге до 27 % населения на Шетландских о-вах (наряду с R1b гаплогруппой 65–67 %) с –2300 г. или –1440 г. (те самые Северные острова, где жили племена Фир-болг или Дану?).

В Норвегии обитало 172 поколения рода R1a1, составлявшего 18–25 % населения (наряду с I1 (балтийская) 41 %, и R1b (зап.-европ.) 28 %), с –2300 г. или с –1440 г.

В Швеции обитало 170 поколений рода R1a1, составляющие сейчас 17 % населения (наряду с I1 (циркумбалтийская) 48 % и R1b (зап.-европ.) 22 %), с –2250 г. или –1400 г.

В Словакии обитало 168 поколений рода R1a1, который составляет сейчас 40 % населения (наряду с R1b (зап.-европ.) 22–28 %, I2 (балканская) и I1 (циркумбалтийская) гаплогруппами совокупно 18 %), с –2200 г. или –1360 г.

В Чехии обитало 168 поколений рода R1a1, составляющего ныне 40 % населения (наряду с R1b (зап.-европ.) 22–28 %, I2 (балканская) и I1 (циркумбалтийская) гаплогруппами совокупно 18 %), с –2200 г. или с –1360 г. (Иллиры или Кельты?).

В Катаре и ОАЭ обитало 160 поколений рода R1a1 с –2000 или –1200 г. (Таз и Тазак на равнине Тазиган арабской?).

На Южном Урале (Синташту, Аркаим) род R1a1 обитал с –1800 по –1600 гг. (датировка дана по радиоуглероду, а сколько поколений?). Останки захоронений представителей рода R1a1 обнаружены в погребениях Андроновской археологической культуры.

В Афганистане 156 поколений назад выделилась (арийская) гаплогруппа R1a1, т. е. в –1900 или –1120 г.

На Индостане обитало 154 поколения рода R1a1, составляющего среди индусов 16 % (наряду с 20 % аборигенной гаплогруппы H1, в высших кастах R1a1 охватывает почти 45 %), с –1850 г. или с –1080 г. Общий предок всех индоариев жил между –1850 г. и –1080 г.

В Кашмире обитало 146 поколений рода R1a1 с –1650 г. или –920 г.

Южноиндийское племя ченчу имеет в составе род R1a1 на протяжении 116 поколений с –900 г. или с –320 г.

До сих пор характерной чертой индоевропейских популяций спекулятивно считались серповидные клетки красных кровяных телец, появившиеся некогда у одной особи в результате мутации. Ген S, отвечающий за их образование, повышает сопротивляемость организма к заболеванию малярией, но вызывает анемию в том случае, если он унаследован от обоих родителей. Отметим в этой связи высокую концентрацию гена S (15–35 % особей) в поражаемых малярией областях – вся территория современной Греции, некоторые ареалы Турции – Таврийский хребет, южная Италия (Чебоксаровы, 1985, с. 136; Ламберт, 1991, с. 180–181).

«Тривиальная» белокурость издавна приписывалась и.-е. нарративными традициями их носителям (Лелеков, 1991, с. 33–34) и каким-то образом связана с общеиндоевропейским этногенезом. И.-е. этносы от Греции до Индии с завидным упорством приписывали себе определенный первоначальный (истинный) антропологический облик – «белокурый, светлый, (иногда) голубоглазый».

В деле исследования и реконструкции архетипических стереотипов поведения, социальной структуры, правовых, производственных установлений, мифологии, поэтического языка многое уже проделано (см. работы Бенвениста, Уоткинса, Дюмезиля, Тиме, Ломелля, Кейпера, Гамкрелидзе, Иванова, Топорова, Трубачева, Ренфрю и др.). Однако многие из выводов о хозяйственно-культурном типе древних индоевропейцев, их социальном строе, сделанных на основе языковых реконструкций, подверглись излишней модернизации, идеализации, чрезмерно абстрагированы.

О ранних этапах становления этнического самосознания и.-е. праэтноса трудно сообщить что-нибудь достоверное. В период развитого и.-е. праязыка уже существуют лексические архетипы с понятием «иной, чужой, другой», что свидетельствует о наличии развитого самосознания «свой, свои».

Подобным образом обстоит дело с и.-е. праэтническим самоназванием. Здесь можно с уверенностью утверждать только, что древнейшим архетипом и.-е. самоназвания было определение типа «дети праматери (богини) X» сравни: племена богини Дану, данайцы – потомки Данаи, Данаид и Даная, киммерийцы – потомки великой матери богов Киммерис, тавры – потомки богини Тавро, данавы – дети Дану, дайтыи – потомки Дити, адитыи – потомки Адити и т. п.

Позже формируются самоназвания от имени мифического прародителя типа пеласги – потомки Пеласга, аргивяне – потомки Аргоса, ликаонийцы – потомки Ликаона, аркадцы – потомки Аркада, кауравы – потомки Куру, пандавы – потомки Панду, арийцы – потомки Арьи, туранцы – потомки Туры, сарматы – потомки Саримы и т. п. Глубинные этимологии этих собственных имен, как правило, приводят к именам водных объектов (особенно рек) или именам тотемов птиц и зверей (аиста, волка, медведя, быка, кобылы).

Еще позже появляются самоназвания, восходящие к собирательным именам особых социальных подразделений – куреты, ахайой, квириты, корибанты, дактили, кабейры и т. п. О древнейших и.-е. самоназваниях мы выскажемся ниже.

В XX веке необычно расширились наши представления о древнейших формах базовых семиотических систем и.-е. праэтноса. Бурное развитие этнографии, археологии, лингвистики за последние лет накопило огромную информацию, позволившую заглянуть в доисторию. Со второй половины XX века археологи и историки перехватили у лингвистов инициативу в деле определения и.-е. прародины и путей миграций отдельных и.-е. этносов к местам их современного проживания.

Несмотря на мое уважение и глубокий интерес к археологии, я осознаю, что в рамках археологии принципиально невозможно решить проблему локализации и.-е. прародины. Это неутешительное положение может вызвать возмущение многих археологов, посему сформулирую методом от противного несколько аргументов в поддержку моего положения.

1. Ввиду очевидной фрагментарности реконструируемых знаковых систем, характеризующих и.-е. праэтнос, бессмысленно подыскивать конкретную археологическую культуру, соответствующую и.-е. праязыковому состоянию, ибо это соотнесение оказывается недостаточным. Столь же бессмысленно подбирать археологические культуры и к промежуточным состояниям и.-е. группы праязыков, т. к. последние подлежат лишь фрагментарному описанию через реконструкты языкового материала.

2. Редко задумываются археологи и над вопросом: как связать одну из базовых знаковых систем праэтноса (пусть даже и самую

универсальную – язык) с остальными знаковыми системами праэтноса, которые оставили материальные следы в виде археологических артефактов (орнаменты, изделия прикладных искусств, погребения, остатки зданий и строений и т. п.). Как далее связать конкретный праязык с конкретными остатками материализации этнических характеристик и доказать единство их комплекса. Наши наблюдения за ходом мысли и построением доказательств в некоторых археологических работах приводят нас к заключению, что археология как наука не обладает пока методами научного установления принадлежности конкретного языка к комплексу материализаций других базовых семиотических систем этноса (т.е. языка к археологической культуре).

3. Наконец, внутри самой археологической науки совершенно не разработаны методы и методики установления и обоснования генетического родства двух археологических культур, как оставленных двумя генетически родственными этносами. Это состояние не позволяет археологам выстроить родословное древо археологических культур в их пространственно-временной соотнесенности. До тех пор пока не будут найдены археологические критерии различия дивергентных и конвергентных процессов в археологических культурах, не может быть и речи об установлении генетической преемственности археологических культур и определении первичного центра их происхождения.

Все эти соображения принуждают меня отказаться от ставшего уже привычным способа поиска и.-е. прародины путем движения от одной археологической культуры к другой, имея путеводным ориентиром интуицию в подборе соответствий. Это, очевидно, ненаучный способ обоснования.

В своем дальнейшем изложении мы придерживаемся следующих положений:

1. Само понятие и.-е. праязыка (а, следовательно, и этноса) является порождением языкознания (сравнительно-исторического), и потому может и должно изучаться в рамках языкознания. Это положение относится не только к праязыку, но и ко всем его атрибутам – праэтносу, пракультуре, прародине.

2. Поиск и.-е. прародины и археологического соответствия и.-е. пракультуре должен вестись в строгом соответствии с методиками реконструкции праязыкового состояния в генетическом, ареальном и типологическом аспектах. Этимология и семиотика совершенно необходимы в этом деле.

Дивергенция и конвергенция языков и.-е. группы диагностирует становление и эволюцию праязыков в реальных пространстве и времени.

Пограничные контакты и экспортно-импортные отношения с соседями отражаются в праязыке сериями заимствований (неадаптированных, несубституированных фонетически и семантически).

Территориальная смежность и пограничное двуязычие отражаются в праязыке в виде лексических инноваций-проникновений, фонетически и семантически адаптированных (субституция).

Этнический и культурный симбиоз и синтез отражаются в праязыке лексическими ингредиентами, грамматическими сдвигами и перестройками через этапы пиджина, креола к гибриднему (синтезированному) языку.

Этимология и палеолингвистика представляют необходимые условия для определения ареала интересующего и.-е. праязыка.

Единственным способом связать языковую знаковую систему (и сопряженные с ней иные знаковые системы этноса) с определенной территорией является установление генетического родства (этимологической гомогенности) лексики данного языка с комплексом топонимов данного региона.

Этот способ, как будто хорошо известный археологам и историкам, на практике совершенно ими игнорируется. Такое положение дел всегда вызывало у меня глубокое удивление. Поэтому в своей дальнейшей работе я уделяю этой проблеме значительно большее место, чем это делается в трудах историков и археологов (ср. публикации Ренфрю, Мелори, Сафронова).

Историческая ономастика любого региона, как правило, состоит из разных хронологических и этимологических пластов топонимов. Последовательное снятие таких пластов, начиная с последнего, происходящего из современного языка данного ареала, вскрывает последовательность языкового и этнического освоения этого региона в разные эпохи. Для большей части европейских регионов подобная работа уже проделана, гораздо хуже обстоят дела с исторической ономастикой Азии, где поверхностным наблюдениям над ономастикой некоторых ареалов приходится доверять, не имея возможности обозреть весь ономастический комплекс в целом.

Как бы то ни было, только палеоономастика может представить необходимые и достаточные условия для обоснованного определения и.-е. прародины и промежуточных прародин отдельных и.-е. языков.

Наконец, обращу внимание историков и языковедов на огромное значение свидетельств мифологических традиций и.-е. народов для выявления первичной и промежуточных прародин этой языковой семьи. Значение этих данных давно осознали лингвисты-этимологи, компаративисты и филологи (см. интереснейшие публикации в духе «сравнительно-исторической мифологии» В. Абаева, В.В. Иванова, О.Н. Трубачева, В.Н. Топорова). Однако у историков и археологов эти штудии не вызывают симпатий. К фактам, предоставляемым мифологией, относятся с пренебрежением; в лучшем случае, отдавая дань моде, используют их иллюстративно.

Между тем, мифология, как некогда универсальная форма общественного сознания, неизбежно содержит в иносказательном виде древнейший комплекс политических, правовых, нравственных, эстетических, религиозных, научных и философских воззрений, представлений, понятий и построений, которые могут быть локализованы и хронологизированы.

Помимо такого типа пространственно-временной соотнесенности данных мифологии, она предоставляет филологу уникальную ономастику, также пространственно и временно соотнесенную и этимологически значимую.

Мифология имеет еще одно редкое свойство: отношения ее главных действующих лиц (богов, полубогов, героев, прародителей, родоначальников), как правило, строятся по принципу генеалогии. Родственные отношения связывали все представления и понятия явлений окружавшего древнего человека мира живой и неживой природы, особенно, родоплеменные таксоны. Мифология была идеально приспособлена для фиксации, хранения и передачи информации из поколения в поколение именно благодаря генеалогическому принципу классификации информативного материала. Все характерные вышеперечисленные черты традиционной и.-е. мифологии – универсальность, «ономастичность» и «генеалогичность», подкрепленные сакральным авторитетом и народной любовью, позволили мифологии зафиксировать, сохранить и донести до наших дней системно и структурно организованную древнейшую картину мира, реальные таксоны и их явления под иносказательными образными именами.

Поэтому мы рассматриваем данные мифологии как путеводные знаки в поисках и.-е. прародины. Мифология не в состоянии доказать верность той или иной локализации прародины, но она отчетливо и внятно указывает, где имели место те или иные события, связанные с персонажами и мифологемами, имеющими фиксированное положение в генеалогической структуре мифологической системы. Именно поэтому мифология предоставляет огромные ресурсы для этимологии и сравнительно-исторического языкознания, а также для общей истории, но это богатство мифологии пока не получило достойной оценки.

Ввиду всего вышеизложенного мы предлагаем непривычную и нетрадиционную последовательность операций анализа в процессе поиска и.-е. прародины:

1) путем сопоставления др.-греч. мифологемы с другими и.-е. мифологемами следует выявить сущностный архетип и использовать его как указатель основного направления поиска;

2) затем необходимо продолжить поиск в указанном направлении путем приведения данных исторической ономастики и этимологии;

3) кроме того, нужно дополнить картину этнических перемещений, возникшую из приведенного ономастического материала, свидетельствами лингвистической контактологии (на основе обнаруженных лексических ингредиентов, проникновений и заимствований в сопредельных языках);

4) следует также проиллюстрировать, где это представляется возможным и необходимым, выводы о локализации данного языкового ареала данными археологии, палеоботаники, палеозоологии и ДНК-генеалогии.

При этом только данные ономастики и лингвистики имеют статус необходимых и достаточных условий аргументации положений о первичной и промежуточных прародинах; данные же не лингвистических дисциплин имеют статус необходимых, но недостаточных условий и носят, скорее, иллюстративно-пояснительный характер.

Литература

- Lambert D. and the Diagram Group, 1987* – The Cambridge Guide to Prehistoric Man // London
- Mallory J.P., 1991/1992* – In Search of the Indo-Europeans. Language, Archeology and Myth // London
- Renfrew C., 1988* – Archeology and Language: the Puzzle of Indo-European Origins // New-York
- Renfrew C., 1989* – The Origins of Indo-European Languages // Scientific American
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984* – Индоевропейский язык и индоевропейцы // Тбилиси
- Лелеков Л.А., 1982* – К новейшему решению индоевропейской проблемы // ВДИ, № 3.
- Сафронов В.А., 1989* – Индоевропейские прародины // Горький

Приложения

Основные гаплогруппы Индостана начала XXI в.: С – монголоидная; G – кавказоидная; H – аборигенная (дравидская) группа составляет 37 % мужчин дравидских племен; H1 – аборигенная (цыганская) составляет 12 % высшей индоевропейской касты и 7 % высшей дравидской касты; J1 – ближневосточная (еврейская); J2 – ближневосточная и средиземноморская составляет 9 % высшей касты и. -е. и 15 % высшей касты дравидской; L – аборигенная составляет 5 % высшей и. -е. касты и 17 % высшей дравидской касты; O – восточноазиатская группа составляет 53 % австрало-азиатских племен, 66 % тибето-бирманских племен, 29 % индоевропейских племен; Q – сибирская; R1a1 – восточно-европейская составляет 45 % высшей и. -е. касты (варны брахманов и кшатриев) и 29 % дравидской высшей касты; R1b – западно-индоевропейская составляет 2–3 %; R2 – цыганская составляет 16 % высшей и. -е. касты и 10 % высшей дравидской касты. Цыгане в подавляющем большинстве имеют гаплогруппы H1 и R2, которые считаются сугубо аборигенными локальными гаплогруппами, непременно сопровождающими гаплогруппу R1a1.

Перечень гаплотипов

- Гаплогруппа С – монгольская.
- Гаплогруппа G – кавказская.
- Гаплогруппа H – дравидская (составляет 37 % мужчин дравидских племен).
- Гаплогруппа H1 – аборигенная цыганская (составляет 12 % высшей индоевропейской касты и 7 % высшей дравидской касты).
- Гаплогруппа I1 (циркумбалтийская).
- Гаплогруппа I2 (предковый род болгар), отличающийся на 21 мутацию от R1a1, что предполагает около 462 поколений (по 22 поколения на одну мутацию), существовал отдельно от рода R1a1 уже в –9550 г. или –7240 г. (поколение в 25 или в 20 лет) 13–24–16–11–14–15–11–13–13–13–11–31–17–8–10–11–11–25–15–32–12–14–15–15.

Гаплогруппа J1 (ориентальная, род евреев) имеет 32 отличительные мутации от гаплотипа R1a1, т.е. отделился от него 704 поколения тому назад, т. е. –15600 г. или –12080 г. 12–23–14–10–13–15–11–16–12–12–13–11–30–17–8–9–11–11–26–14–21–27–12–14–16–17.

Гаплогруппа J2 – ориентальная, ближневосточная и средиземноморская составляет 9 % высшей и.-е. касты и 15 % высшей дравид. касты, а также до 67 % иранцев.

Гаплогруппа L аборигенная (Индостан) составляет 5 % высшей и.-е. касты и 17 % высшей дравидской касты.

Гаплогруппа N3 (род угро-финнов) имеет 29 отличительных мутаций от гаплотипа R1a1, т. е. отделился от него 638 поколений, т. е. 12760 или 9570 лет назад 14–24–14–11–11–13–11–12–10–14–14–30–17–10–10–11–12–25–14–19–30–12–12–14–14.

Гаплотип O – восточноазиатская группа составляет 53 % австралоазиатских племен, 66 % тибето-бирманских племен, 29 % индоевропейских племен.

Гаплогруппа Q – сибирская.

Гаплогруппа R1a1 – восточноевропейская составляет 45 % высшей и.-е. касты (варны брахманов и кшатриев) и 29 % дравидской высшей касты.

Гаплогруппа R1b – западноевропейская.

Гаплогруппа R2 – цыганская составляет 16 % высшей и.-е. касты и 10 % высшей дравидийской касты.

Предковый гаплотип индоарийцев и балтославян: 13–25–16–10(10.??)–11–14–12–12–10–13–11–30–15–9–10–11–11–24–14–20–32–12–15–16.

Предковый гаплотип индусов: 13–25–16–11(10.53)–11–14–12–12–10–13–11–31–15–9–10–11–11–24–14–20–32–12–15–16.

Предковый гаплотип славян (гаплотип общего предка славян): 13–25–16–10(10.46)–11–14–12–12–10–13–11–30–15–9–10–11–11–24–14–20–32–12–15–16.

Гаплотип современного славянина: 13–24–16–11(10.5?)–11–15–12–12–10–13–11–30–16–9–10–11–11–24–14–20–34–15–15–16–16.

О раннем присутствии «народов моря» в Восточном Средиземноморье в 14 – первой половине 13 вв. до н.э.

Сафронов А.В.

Египетские надписи XIX–XX династии, упоминающие о нападении «народов моря» на Египет, либо называют их обобщенно «северянами, пришедшими из всех стран» (*mh[.tjw] jw.w n t3.w nb.w*) (Manassa, 2003, Pl. 2:1), либо обозначают их как «северные чужеземные страны (букв. «нагорья»), которые на островах их» (*h3s.w.t mh.tj.w.t n.tj m n3j=sn jw.w*) (Kitchen, 1983, P. 32:6–7, 33:4) и локализуют «посреди Великой Зелени/моря» (*m-hrj-jb W3d-Wr/p3 ym*). Современный же термин «народы моря», введенный в научный оборот в 19 веке Гастоном Масперо (Maspero, 1897, P. 432), достаточно условен, поскольку создает некую иллюзию единой общности нападавших на Египет и Восточное Средиземноморье северных племен, на самом деле никогда не существовавшей.

Принято выделять две основных волны «народов моря»: первая относится к 5-му году правления Мернептаха (1219 г. до н.э. по средней линии новоегипетской хронологии), вторая – к 5-му и 8-му годам правления Рамсеса III (1193 и 1190 гг. до н.э. соответственно). Однако, как показывают письма из дипломатического архива эль-Амарны, отдельные племена «народов моря», которые позднее участвовали в нашествиях северян конца 13 – начала 12 в. до н.э. на Египет, появляются в Восточном Средиземноморье еще в 14 в. до н.э. Кроме того, сама угроза египетскому побережью со стороны Средиземного моря существовала уже с 15 в. до н.э., о чем недвусмысленно свидетельствуют надписи XVIII династии. Рассмотрению этих ранних контактов «народов моря» с Египтом и государствами Восточного Средиземноморья до начала их крупных вторжений и посвящена данная статья.

С эпохи Нового Царства контакты между Египтом и Эгеидой усилились и приобрели регулярный характер. Египтяне были хорошо знакомы с народами, населявшими Крит и юг Балканского полуострова. В гробницах египетских вельмож XVIII династии встречаются изображения приносящих дары критян-*kft.w* (Davies, 1943, Pl. 18–20). Многочисленные египетские

импорты в Эгеиде и эгейские импорты в Египте подтверждают наличие оживленных связей между обоими регионами (Warren, 1995, p. 1–18; Cline, 1995, p. 91–110). То, что контакты не были опосредованными, хорошо иллюстрируется списком северных стран на цоколе статуи Аменхотепа III (1402–1364 гг. до н.э.), среди которых упоминаются не только критяне, но и данайцы-*tmj*, а также центры Крита и Пелопонесса – Микены, Кносс, Фест, Кидония и т.д. (Edel, Görg, 2005, S. 166–191).

Однако контакты египтян с народами Эгеиды носили не только характер торговых связей. Угроза нападения северных морских разбойников, заставляла фараонов, по крайней мере, начиная с 15 в. до н.э. уделять постоянное внимание укреплению средиземноморского побережья Египта. Еще при Тутмосе III (1490–1436 гг. до н.э.) устья Нила находились в ведении особого чиновника фараона, который назывался «начальник всех нильских устьев Великой Зелени (моря – А.С.)» (*jm.j-r3 r3-h3.t nb n.t W3d-wr*) (Sethe, 1907, S. 889:7; Vallogia, 1976, P. 92). Писец Са-амаунет (*s3-Jmn.t*), живший, видимо, при Аменхотепе III или ком-то из его ближайших предшественников (Haider, 1988, S. 49:161), именовал себя как «тот, кто получал приношения иноземцев (букв. злокозненных – А.С.), пришедших из-за славы Его Величества, да будет он жив, невредим (и) здоров, начальник крепостей северных стран» (*šsp(.w) jn.w nbd.w-kd jy(.w) n b3.w n Hm=f ʕ.w.s. jm.j-r3 htm.w h3s.w.t mh.tj.w.t*) (Capart, 1901, P. 107). Поскольку этот чиновник также упоминается с титулом «начальник великой крепости Великой Зелени (моря)» *jm.j-r3 htm wr n(j) W3d-wr*) (Capart, 1901, P. 106), ясно, что в его ведении находились приморские крепости. Соответственно, речь может идти не только о дани азиатов, попадавших в Египет *via maris*, но и о приношениях обитателей островов Средиземного моря и Эгеиды. Факт же наличия египетских укреплений по береговой полосе красноречиво свидетельствует о постоянной угрозе, исходившей со стороны моря.

Еще более явственно это следует из надписи на статуе ближайшего соратника Аменхотепа III и его архитектора Аменхотепа, сына Хапу. Помимо прочего среди своих деяний он упоминает укрепление побережья Египта: ⁽¹³⁾ *ts.n=j nfr.w* ⁽¹⁴⁾ *dj.n=j js.w.t hr-tp w3.t r šnʕ h3s.tjw hr st=sn jnh.w jdb.wj m s3wj hr hns nmj.w-sʕ jr.n=j m-mj.tjt hr-tp m3ʕ š r3-h3.wt ʕrf hr ts.t=j hr.w-r js.wt ʕpr.w nswt* ⁽¹³⁾ Я мобилизовал (букв. собрал) новобранцев, ⁽¹⁴⁾ я поставил отряды на дороге, чтобы удерживать чужеземцев на местах их. Огражден Египет (букв. «Оба берега») наблюдением за шныряньем бедуинов. Сделал я то же самое на берегу моря и устьев Нила, заперев (их) своими отрядами, не считая отрядов и корабельных команд царя (транслитерация по: Helck, 1958, S. 1821: 13–14).

Однако все же самое раннее конкретное свидетельство о присутствии некоторых групп «народов моря» на Переднем Востоке относится ко времени правления Аменхотепа IV/Эхнатона (1364–1347 гг. до н.э.). В архивах Ахетатона (совр. эль-Амарна) были обнаружены письма на аккадском языке, составленные как фараоном, так и ближневосточными правителями, и освещающие политическую ситуацию в первой половине 14 в.

до н.э. на Переднем Востоке. Отправителем ряда писем является князь Библа Риб-Адди, который вступил в конфликт с царем соседнего государства Амурру Абди-Аширтой (Lehmann, 1983, S. 80). Риб-Адди жалуется Эхнату на происки Абди-Аширты и его сыновей и просит прислать египетские войска, чтобы обуздать произвол, чинимый властителем Амурру. Он также упоминает о волнениях в Библе, которые, в конечном итоге, привели к тому, что жители этого города подняли восстание против Риб-Адди и возвели на престол его брата (Янковская, 1988, с. 248–250). В одном из писем правителя Библа (EA 122) (Knudtson, 1915, S. 528–529) впервые встречается упоминание о знаменитых впоследствии «воинах моря» *шардана*¹: (31) Пахура (32) совершил преступление большое (33) против меня (т.е. против правителя Библа – А.С.). Он послал (34) людей страны Суту, и (35) они убили людей *шардана*, (36) и трех человек он увел в страну Мицри (Египет – А.С.).

Эти же события описываются в письме EA 123, в котором, однако, называются имена захваченных в плен: Абди-Ирама, Иддин-Адду и Абди-Милки (Knudtson, 1915, S. 530). Так как эти имена явно хананейского происхождения, резонно предположить, что убитые *шардана* являлись охраной захваченных в плен знатных хананеев Библа. Возможно, что контингент *шардана* состоял также на службе у властителя Библа и, вероятно, был его личной гвардией (Lehmann, 1983, S. 80), хотя прямых указаний на это не сохранилось.

В другом письме (EA 81) правителя Библа упоминается «человек (народа) *шардана*», который совершил нападение на Риб-Адди. Этот наемный убийца, вероятно, находился на службе у враждебного Риб-Адди правителя Амурру. По всей видимости, именно так следует трактовать данные, которые содержатся в поврежденных строках 15–18 этого письма: «⁽¹⁵⁾ появился человек с кинжалом из бронзы..... против меня, ⁽¹⁶⁾ но я его убил, и человек *шардана* ⁽¹⁷⁾ не [текст разрушен – А.С.] перед ⁽¹⁸⁾ Абди-Аширтой. По его наущению было совершено ⁽¹⁹⁾ преступление против меня» (Knudtson, 1915, S. 394).

Таким образом, из данных писем можно заключить, что упоминаемые в амарнских текстах воины *шардана* находятся в ближайшем окружении сиро-палестинских князей, очевидно, являясь их телохранителями.

Район первоначального происхождения *шардана*, вероятно, следует локализовать на Балканах (территории античных Фракии и Иллирии), что подтверждается сходством топонимики этих областей с этнонимом, упоминаемым в древневосточных текстах (Lehmann, 1983, S. 177 и сл.)².

¹ Здесь и далее египетские названия «народов моря» приводятся курсивом.

² Первоначальную родину *шардана* Г. Леман помещает на севере Балкан, приводя в качестве параллели этноним *Sardeates/Σαρδιῶται*, зафиксированный на далматинском побережье еще в римское время (Lehmann, 1985, S. 45). Кроме того, на территории Фракии (верхнее течение р. Стримон) существовало племя *Σαρδοί/Σερδοί* и область *Σαρδική/Serdica* (Lehmann, 1985, S. 45:88; Detschew, 1957, S. 430–432).

Характерный головной убор (рогатый шлем), оборонительное и наступательное вооружение, которое впоследствии зафиксировано на египетских рельефах, также свидетельствует о связи *шардана* с районами Южной Европы (Сафронов, 2005, С. 11). Факт отдаленных миграций *шардана* не может особенно удивлять. Например, данные этнографии народов Африки свидетельствуют, что военные или охотничьи отряды уходили от основного этнического массива на отдаленное расстояние, и зачастую уже сами становились фундаментом для возникновения нового этноса (Куббель, 1988, С. 187). Причины подобной сепарации части этнического массива хорошо известны из древней истории. Так, например, Геродот (I, 94) упоминает, что причиной разделения населения Лидии в древности и ухода его части в Италию был страшный голод.

В 12 в. до н.э. часть *шардана* мигрировала на Сардинию и дала этому острову свое имя (Vagnetti, 2000, Р. 306). Это подтверждается данными античной традиции. Например, у Павсания (X, 17, 2) сохранились сведения, согласно которым Сардиния первоначально называлось Ихнусой (Ιχθυόσσα), а свое сегодняшнее название она получила от героя Сарда, который прибыл на остров с войском из Ливии и там обосновался³. Нетрудно заметить, что за преданием о прибытии на остров героя-эпонима скрывается реминисценция о реальном заселении острова новыми поселенцами. Данные античной традиции хорошо подтверждаются данными археологии: найденные на Сардинии бронзовые фигурки по защитному и наступательному вооружению идентичны изображениям воинов *шардана* на египетских рельефах 13–12 вв. до н.э. (Vagnetti, 2000, Р. 319).

Сведения еще об одной группе воинов, которые позднее участвовали в нападениях «народов моря» на Египет, содержит письмо EA 38. Его отправил фараону (либо Аменхотепу III, либо Аменхотепу IV) царь Аласии (совр. Кипр). В строках 10–14 царь Аласии упоминает о людях страны Лукка, которые регулярно нападали на Кипр: ⁽¹⁰⁾ ... теперь люди страны Лукка ⁽¹¹⁾ год за годом в моей стране (т.е. на Кипре) поселения мелкие ⁽¹²⁾ захватывают. ⁽¹³⁾ Брат мой (т.е. правитель Египта – А.С.), ты говоришь мне: ⁽¹⁴⁾ «Люди страны твоей вместе с ними». В дальнейшем тексте письма царь Аласии отрицает свою вину, говоря, что ничего о враждебной деятельности своих подданных он не знает (Cochavi-Rainey, 2003, Р. 32). Очевидно, что фараон обвиняет царя Аласии в попустительстве с его стороны к деятельности своих подданных, которые участвуют в набегах людей страны Лукка либо на египетские торговые фактории, находившиеся на Кипре, либо, что более вероятно, на сам Египет⁴.

³ О совместном нападении на Египет в правление фараона Мернептаху ливийцев и «народов моря», в число которых входили *шардана*; см.: (Сафронов, 2009, С. 88-90).

⁴ В связи с этим следует вспомнить упомянутые выше меры фараонов XVIII династии, которые были направлены на усиление обороноспособности приморской полосы Египта.

Однако правитель Кипра оправдывается, говоря, что сам ничего не может поделаться с пиратствующими людьми страны Лукка, которые грабят его города.

Жители страны Лукка (политоним, зафиксированный в хеттском и аккадском языках=этноним *луку* египетских надписей XIX-XX династий – А.С.) тождественны обитателям юго-западной окраины Малой Азии, которая в античное время называлась Ликией. Это подтверждается совпадением 10 из 16 топонимов, которые зафиксированы в хеттских документах, с городами Ликии I тыс. до н.э. (Garstang, Gurney, 1959, P. 81; Schachermeyr, 1986, S. 321 и сл.).

В связи с упоминанием пиратской активности жителей страны Лукка автор данной статьи сопоставил письмо EA 81 с хеттским документом конца 15 в. до н.э. (KUB XVI, 1). В хеттском документе упоминается западно-малоазиатский правитель Маддуваттас, предпринявший грабительский набег на Кипр, который, как следует из текста, цари Хеттского царства считали своим владением (Goetze, 1928, S. 36–38). Тот факт, что в число территорий, подвластных Маддуваттасу, входили города страны Лукка, позволяет автору данной работы предположить, что и хеттские, и египетские документы отражают одни и те же события, а именно усиление пиратской активности обитателей юго-запада Малой Азии. Это следует связывать с упадком могущества Новохеттского царства в конце 15 – первой половине 14 в. до н.э. и Египта в эпоху Амарны (Сафронов, 2007, С. 62–63).

Суммируя данные египетских источников и хеттских документов, можно констатировать, что уже в конце 15 – первой половине 14 в. до н.э. на Переднем Востоке появляются отдельные группы воинов «народов моря», которые либо служат наемниками у правителей городов-государств Сирии и Палестины, либо совершают пиратские набеги на границы «мировых» держав того времени, пользуясь их ослаблением вследствие внутренних потрясений.

Следующее по времени упоминание «народов моря» относится ко второму году правления Рамсеса II (1290–1224 гг. до н.э.). В тексте стелы из Таниса упоминается о нападении *шардана* на Нижний Египет:
 $(14) \dots \check{S}rdn.w \ bst.w-h3.tj \ jw \ bw \ rh=tw \ h3=w \ dr \ nhh \ jw \ jwi=(15) \ sn \ shm \ [jb=sn \ skd.n=sn \ m \ h^c.w] \ h3.w \ m \ hr \ j-jb \ p3 \ ym \ jw \ bw \ rh=tw \ h^c \ (16) \ r-h3.t=sn \ [h3k.n=f \ sn \ m \ nht.w \ n \ hp\check{s} \ kn \ jn.w \ r \ Km.t] \ nswt-bj.tj \ Wsr-M3^c.t-R^c \ stp.n \ R^c \ s3 \ R^c \ R^c-ms(j.w)-sw \ mr(j.j) \ Jmn \ dj \ h^c \ nj \ mj \ R^c \ (14) \dots$ (Что до) *шардана*, мятежных сердцем, то не знали, как с ними бороться со времен вечности. Пришли ⁽¹⁵⁾ они, и были мощными [сердца их. Приплыли они на кораблях] боевых из середины моря. Не знали, (как) устоять ⁽¹⁶⁾ перед ними. [Захватил он (Рамсес II – А.С.) их в плен силой могучей длани своей, приведя в Египет], царь Верхнего и Нижнего Египта Усермаатра Сетепенра, сын Ра, Рамсес Мериамон, тот, которому дана жизнь подобно Ра» (транслитерация по: Kitchen, 1979, P. 290:2–4).

Асуанская стела содержит точную дату пленения *шардана* – «2-й год правления (Рамсеса II). 3-й месяц сезона шему, день 26»⁵. Из Асуанской надписи следует, что Рамсесу II удалось захватить воинов *шардана* в плен, когда они спали: ⁽⁸⁾ .. fh=f n ḥ3.w n.jw W3d-wr š ḥ3 mh.w sdr nkdd=sn ⁽⁸⁾ Связал он (Рамсес II) воинов Вадж-ур (Великой Зелени), великого озера севера, (когда) лежали спящими они (транслитерация по: (Kitchen, 1979, P. 345:3–4).

Очевидно, благодаря своей боевой выучке *шардана* были инкорпорированы фараоном в египетскую армию. Об этом свидетельствует появление контингента *шардана* в 1285 г. до н.э. в эпохальной битве хеттов и египтян при г. Кадеш в Сирии на стороне последних (Gardiner, 1947, P. 194). В дальнейшем *шардана* составили элитное подразделение египетской армии. Так, например, в папирусе Анастази I (17.4) упоминается отряд из 520 *шардана*, который входил в контингент египетских войск, отправленных в набег на Палестину (Gardiner, 1911, P. 58; Fischer-Elfert, 1983, S. 120). Незначительное количество *шардана* по сравнению с отрядами других наемников (ливийцев и нубийцев), упомянутых в тексте папируса, говорит об их сравнительно небольшой численности в Египте. Однако тот факт, что *шардана* упоминаются как значимая сила, явно говорит о том, что они были элитной группировкой войск в составе египетской армии (Stobel, 1976, S. 192–193). За свою службу *шардана* получали земельные наделы. В папирусе Вильбур, который относится ко времени Рамсеса V (1159–1155 гг. до н.э.), упоминается 42 *шардана*, которые являлись земельными собственниками в Египте (Gardiner, 1948, P. 80; Helck, 1962, S. 241). Таким образом, если экстраполировать данные папируса Вильбур на правление Рамсеса II, можно констатировать, что к началу XIX династии на службе у фараонов впервые появляются значительные отряды профессиональных воинов-наемников *шардана*, которые составили элитные сухопутные части египетских войск и получали за службу наделы египетской земли.

Около середины 13 в. до н.э. сходная ситуация зафиксирована в Угарите, важнейшем северосирийском торговом городе. В угаритских текстах, составленных аккадским письмом, зафиксирован этноним *še-er-da-na*, который с уверенностью можно сопоставить с *še-er-da-nu* Амарнских текстов и *šrdn.w* египетских надписей XIX-XX династий (Liverani, 1969, P. 195; Dietrich, Loretz, 1972, S. 40–41; Loretz, 1995, S. 128–130). Судя по текстам, угаритские *шардана*, так же как их египетские «коллеги», получали за службу земельные наделы (Heltzer, 1979, S. 9–11). То, что эта служба была военной, следует из угаритских списков населения и профессиональных групп, составленных т.н. квазиалфавитным письмом.

⁵ Хотя в этом тексте противники Рамсеса II перифрастически названы «воинами Великой Зелени» (т.е. моря – А.С.), совершенно очевидно, что речь идет о *шардана* и о том же военном столкновении, которое описано в стеле Таниса.

Шардана (угар. *trtn(m)*)⁶ упоминаются наряду с колесничими, пехотинцами и охранниками под общим обозначением *hrd* «воины» (Dietrich, Loretz, 1972, S. 40–41). Чрезвычайно любопытно, что сохранившиеся имена угаритских *шардана* – западносемитского происхождения⁷. Однако из этого вовсе не следует, что *шардана* следует считать западными семитами, что иногда предполагалось (Sandars, 1978, P. 106–107). Скорее всего, мы имеем дело с результатом ассимиляции, которой *шардана* подверглись, находясь среди более многочисленного западносемитского населения Угарита. В Египте мы обнаруживаем сходную картину. В 12 в. до н.э. ряд *шардана*, которые упоминаются в папирусе Вильбур, уже носят типично египетские имена – Сетэмхеб, Сиптах, Кенихерхепешев, Джхутиэмхеб, Сети и т.д., в то время как ряд имен (Деди, Па-хару – бук. «тот, который из Сирии») (Cavillier, 2005, P. 70–74) явно неегипетского происхождения. Все это наводит на мысль, что речь может идти о процессе превращения первоначального этнонима в соционим, когда с течением времени имя *шардана*, пришедших с Балкан на Ближний Восток, трансформируется в обозначение профессиональной группы воинов⁸.

Представители второго «народа моря» луку, нападавшие на Египет в 14 в. до н.э., в битве при Кадеше, напротив, воюют на стороне хеттов. Страна Лукка зафиксирована в списке врагов Рамсеса II наряду с другими западномалоазийскими государствами, союзниками хеттов (Kitchen, 1979, P. 4:4). Это связано с тем, что, по крайней мере, со второй половины 14 в. до н.э. Хеттское царство укрепляется, и его цари покоряют эту достаточно удаленную от центра Хеттского царства малоазийскую область (Garstang, Gurney, 1959, P. 82).

Таким образом, в первой половине 13 в. до н.э. взаимодействие отдельных групп «народов моря» с государствами Древнего Востока не претерпевает качественных изменений по сравнению с 14 в. до н.э. и носит характер пиратства и наемничества. Однако со второй половины 13 в. до н.э. контакты между «народами моря» и государствами Восточного Средиземноморья кардинально меняются. Они приобретают характер массовых вторжений «народов моря» на территорию Египта и Восточного Средиземноморья, что связано с кардинальными этнополитическими изменениями в Эгеиде и Западной Малой Азии в конце 13 – начале 12 в. до н.э. (см. подробнее: Сафронов, 2009, С. 88–93; Сафронов, 2009а, С. 51–55).

⁶ В угаритском квазиалфавитном письме *l* передавал *š* в анлауте слова и в словах иностранного происхождения (Dietrich, Loretz, 1972, S. 41).

⁷ Например, в одном угаритском юридическом тексте упоминается Амар-Адду, «сын Мут-Баала, человека (народа) *шардана*» (Heltzer, 1979, S. 12–13).

⁸ Как прекрасную иллюстрацию можно привести пример нубийского племени маджаев, наемники из которого использовались египтянами как вспомогательные отряды еще с конца III тыс. до н.э. Впоследствии термин «маджаи» стал применяться для обозначения полицейских.

Литература

- Куббель Л. Е., 1988 – Очерки потестарно-политической этнографии. М.
- Сафронов А. В., 2005 – Этнополитические процессы в Восточном Средиземноморье в конце XIII–начале XII вв. до н.э. – Автореф. канд. дис. М.
- Сафронов А. В., 2007 – Пиратские набеги ликийцев на периферию Египта и Хатти в конце 15 – начале 14 вв. до н.э. (сравнение EA 38 и KUB XIV, 1) // Восток в эпоху древности: новые методы исследований, междисциплинарный подход, общество и природная среда. М.
- Сафронов А. В., 2009 – «Воины Великой Зелени»: «народы моря» и этнополитические процессы в Восточном Средиземноморье в конце 13 – начале 12 вв. до н.э. (часть 1) // Східний Світ. The world of the Orient. Київ, № 3.
- Сафронов А. В., 2009а – «Воины Великой Зелени»: «народы моря» и этнополитические процессы в Восточном Средиземноморье в конце 13 – начале 12 вв. до н.э. (часть 2) // Східний Світ. The world of the Orient. Київ, № 4.
- Янковская Н. Б., 1988 – Амарнский период: господство Египта и движение хапир // История Древнего Востока. Зарождение классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Т. 2. М.
- Capart J., 1901 – Mélanges // Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes. P. T. 22.
- Cavillier G., 2005 – Gli Shardana nell'Egitto Ramesside. Oxford = British Archaeological Report. International Series 1438.
- Cline E., 1995 – Egyptian and Near Eastern Imports at the Late Bronze Age Mycenae // Egypt, the Aegean and the Levant. Interconnections in the Second Millennium BC. London
- Cochavi-Rainey Z., 2003 – Alasia letters reconsidered. Münster
- Davies N., 1943 – The Tomb of Rekh-mi-Re at Thebes. Vol. 2. New York
- Detschew D., 1957 – Die thrakischen Sprachreste. Wien
- Dietrich M., Loretz O., 1972 – Die Shardana in den Texten von Ugarit // Antike und Universalgeschichte. Festschrift Hans Erich Stier zum 70. Geburtstag am 25. Mai 1972. Münster
- Dietrich M., Loretz O., 1978 – Das seefahrende Volk von Šikila (RS 34. 129) // Ugarit-Forschungen. Bd 10. Neukirchen-Vluyn
- Edel E., Görg M., 2005 – Die Ortsnamenlisten im nördlichen Säulenhof des Totentempels Amenophis' III. Wiesbaden
- Fischer-Elfert H.-W., 1983 – Die satirische Streitschrift des Papyrus Anastasi I. Textzusammenstellung von H.-W. Fischer-Elfert. Wiesbaden
- Gardiner A. H., 1911 – Egyptian hieratic texts. Series I: Literary texts of the New Kingdom. Part I: The papyrus Anastasi and the papyrus Koller, together with the parallel texts. Leipzig
- Gardiner A. H., 1947 – Ancient Egyptian Onomastica. Vol. 1. Oxford
- Gardiner A. H., 1948 – The Wilbour papyrus. Vol. 2. Oxford
- Garstang J., Gurney O., 1956 – The Geography of the Hittite Empire. London
- Goetze A., 1928 – Madduwattaš. Leipzig
- Haider P. W., 1988 – Griechenland-Nordafrika. Ihre Beziehungen zwischen 1500 und 600 v. Chr. Darmstadt
- Helck W., 1958 – Urkunden der 18. Dynastie. Heft 21: Inschriften von Zeitgenossen Amenophis' III. Berlin, 1958.
- Helck W., 1962 – Die Beziehungen Ägyptens in 3. und 2. Jahrtausend vor Chr. Wiesbaden

- Heltzer M.*, 1979 – Some Questions concerning the Sherdana in Ugarit // Israel Oriental Studies. Bd. 11. Tel-Aviv
- Kitchen K. A.*, 1979 – Ramesside Inscriptions. Historical and Biographical. Oxford, Vol. 2.
- Kitchen K. A.*, 1983 – Ramesside Inscriptions. Historical and Biographical. Oxford, Vol. 5.
- Knudtzon J.A.*, 1915 – Die El-Amarna Tafeln. Leipzig
- Lehmann G.A.*, 1983 – Zum Auftreten der «Seevölker»-Gruppen im östlichen Mittelmeerraum // Griechenland, die Ägais und die Levante während der «Dark Ages» vom 12. bis zum 9. Jh. v. Chr. Akten des Symposiums von Stift Zwettl, 11–14 October, 1980. Wien
- Lehmann G.A.*, 1985 – Mykenische Welt und östliches Mittelmeer zur Zeit der «Seevölker»-Invasionen um 1200 v. Chr. Opladen
- Liverani M.*, 1969 – Il corpo di del palazzo di Ugarit // Rivista degli studi orientali. T. 44. Roma
- Loretz O.*, 1995 – Le Serdanu et la fin d'Ougarit // Le pays d'Ougarit autour de 1200 av. J.-C. (Actes du Colloque International, 1993). Paris
- Manassa C.*, 2003 – The Great Karnak Inscription of Merneptah: Grand Strategy in the 13th Century BC. New Haven
- Maspero G.*, 1897 – Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique. T.2. Paris
- Sanders N.*, 1978 – The Sea peoples. Warriors of Ancient Mediterranean. London
- Schachermeyr F.*, 1986 – Mykene und das Hethiterreich. Wien
- Strobel A.*, 1976 – Der spätbronzezeitliche Seevölkersturm. Berlin
- Sethe K.*, 1907 – Urkunden der 18. Dynastie. Heft 12: Zeit Thutmosis III und Amenophis' II. Leipzig
- Vagnetti L.*, 2000 – Western Mediterranean Overview at the time of the Sea Peoples // Sea Peoples and their world: the Reassessment. Philadelphia
- Valloggia M.*, 1976 – Recherche sur les «messagers» (wpwtw) dans les sources gyptiennes profanes. Genève–Paris
- Warren P.*, 1995 – Minoan Crete and Pharaonic Egypt // Egypt, the Aegean and the Levant. Interconnections in the Second Millenium BC. London

«Страна кедр», «Верх» и «Низ» в географических представлениях ранней Месопотамии

Немировский А.А. (Москва)

Предметом настоящей работы является эволюция месопотамской макрогеографической оппозиции «верхнее–нижнее» в связи с представлениями месопотамцев о «Горной стране кедр». Как было давно показано в литературе, шумеро-аккадская традиция в разное время знает две совершенно разные области, определяемые в ней как «Гора / Горная страна кедр»¹: это, с одной стороны, хребты Аманус и Ливан, лежащие при Средиземном Море, далеко на северо-западе от Шумера, а с другой – некая область к востоку от Шумера, в горах Загроста или на его восточных склонах. При этом представление о Горной стране кедр было связано с какой-то областью востока в Раннединастическую эпоху, но в следующий же, староаккадский период оказалось перенесено на горы Амануса – Ливана и закреплено за ними на все последующие времена (Kramer, 1944, p. 20 и сл.; Hansman, 1976; Якобсон, 1988; Steiner, 1996, s. 198; Klein, Abraham, 2000). Особенно наглядно это видно на примере аккадского Эпоса о Гильгамеше, сложившегося, по-видимому, именно в староаккадское время (Дьяконов, 1961, с. 173 сл.). И этот эпос, и более древние шумерские «былины», к которым восходит его сюжет, содержат эпизод успешного похода Гильгамеша против хозяина интересующей нас области, «Горной страны кедр» – демона Хумбабы (шум. Хувавы), стража кедрового леса²; Гильгамеш сразил Хумбабу и овладел кедром. Уже первая дошедшая до нас версия аккадского эпоса о Гильгамеше, т.н. «старовавилонская», хорошо известная нам по нескольким копиям старовавилонского периода, твердо отождествляет Горную страну кедр, где обитает Хумбаба, с Ливаном³. Однако являющаяся прямым прототипом соответствующего повествования в Эпосе более ранняя шумерская былина о Гильгамеше и Хуваве, сложившаяся еще в Раннединастический период, помещает ту же самую Горную страну кедр Хувавы в совершенно ином месте – к востоку от Шумера, на Загросте. В самом деле, путь Гильгамеша в край Хувавы из Урука описывается так: сразу после констатации того, что Гильгамеш выступил из Куллабы и «встал на путь в Горную страну кедр», говорится о его переходе через «семь гор», за которыми и лежит Горная страна кедр Хувавы («Гильгамеш и Хувава» (ETCSL, 1.8.1.5,

A:61–62, В:57–66, сводная версия 60–70а (Афанасьева, 1997, с. 209). Так можно было описать только движение на восток, в Загрос: если бы под кедровым краем Хувавы и здесь подразумевались горы Амануса – Ливана, то двигаться бы к ним Гильгамешу пришлось исключительно по равнинам Месопотамии, и эти хребты сами были бы первым (и единственным) горным массивом, на который пришлось бы подниматься путнику, идущему из Урука, на пути к их кедрам. Кроме того, в качестве проводников в край Хувавы Уту дает Гильгамешу семь духов, в числе эпитетов которых значится «указующие пути к Аратте» («Гильгамеш и Хувава», В:47, сводная версия, 44 г. (Афанасьева, 1997, с. 206), причем больше никаких географических ориентиров в связи с ними не упоминается вообще. Между тем Аратта лежала далеко к востоку от Шумера (вернее всего, в южноцентральной Иране, за Загросом, как четко показывает описание пути туда в шумерской былине «Эн-меркар и правитель Аратты» (ETCSL, 1.8.2.3, 160–173, ср. 73–76; 106–111; библиографию основных локализаций Аратты см. (Юсифов, 1987, с. 20–21, прим. 5–10), причем локализация, предложенная самим Ю.Б. Юсифовым, несовместима с данными текста. О вероятном отведении недавнего «сенсационного» предложения Ю. Маджидзаде отождествлять Аратту с Джирофтом см.: (Muscarella, 2005), и если духи, характеризующиеся как знатоки путей именно в Аратту, специально придаются Гильгамешу как проводники в край Хувавы, то, значит, и этот край лежит в том же направлении от Шумера, что и Аратта, т.е. на востоке (Якобсон, 1988, с. 129 сл.). Возможно, реликтами той же картины в самом аккадском Эпосе о Гильгамеше являются содержащиеся там заявления о том, что Энкиду хорошо знает лес Хумбабы и неоднократно бывал там в первое, «дикое» время своей жизни (что подразумевает скорее близость леса Хумбабы к Месопотамии (Якобсон, 1988, с. 131), и о том, что Гильгамеш и Энкиду бродили (во время похода на Хумбабу или в рамках действия какого-то не дошедшего до нас эпизода?) по берегам Улая-Каруна (Gurney, 1954, 91 f.).

Аналогично, в шумерском гимне Инанне (Инанна Е (*tigi* Инанне, ETCSL 4.07.5, 27–28) бог Солнца Уту «поднимается из-за Горы/Горной страны душистого кедра», расположенной тем самым на востоке.

Остается заключить, что в конце III тыс., в результате близкого знакомства месопотамцев с наиболее богатыми кедровыми лесами Ливана – Амануса обозначение «Горная страна Кедр» было перенесено на них с первоначально обозначавшейся этим выражением области к востоку от Шумера, и соответствующим образом был перенесен определяющий этим названием край Хумбабы в ходе эволюции традиции о Гильгамеше от ее раннединастически-шумерской стадии к стадии пост-староаккадской.

В связи с этим необходимо коснуться вопроса о географической оппозиции «верх – низ» (как страны света) в месопотамской традиции. Парные выражения вида «от низа до верха» устойчиво обозначают в месопотамских текстах целокупность земель, образующих, с точки зрения месопотамцев, центральный ареал известного им мира (то есть Нижнюю

Месопотамию или всю Месопотамию в целом). При этом существует три варианта этих выражений. Первый, известный по шумерским текстам, опять-таки сложившимся в Раннединастический период, противопоставляет «низ» как «море» «верху» как «Горе кедра». Так, в шумерской «былине» сановник иранского государства Аратта выражает намерение покорить Урук, после чего, опираясь на господство в Уруке, подчинить Аратте все земли «от нижнего (края) до верхнего (края), от моря до Горы кедра, до верхнего (края), до Горы душистых кедров» («Эн-меркар и Эн-сухгир-ана» (ETCSL, 1.8.2.4, 146–147, 159–160⁴); «Энлиль... обратил лицо к низу и увидел широкое море, обратил лицо к верху и увидел Горную страну душистого кедра» («Как зерно явилось в Шумере» (ETCSL, 1.7.6, 5–6), «Бог Луны, в верхнем (краю), на твоей Горе душистых кедров буду я жить» (гимн Nanna K (*šir-namšub* Суэну, ETCSL 4.13.11, сегмент B, 20). Такое противопоставление «низа» «верху» как «моря» «кедру», разумеется, совершенно исключает то, что сам «верх/кедр» лежит при море: верхний край/гора Кедр могут противопоставляться морю только если это некое нагорье хинтерланда. Но тогда эта «Гора Кедр» не может быть Ливаном-Аманусом, которые как раз лежат при море – Средиземном море – и ее остается отождествлять с какими-то горами к северо-востоку / востоку от Шумера («низ» с его «морем» – это, во всяком случае, южный край Шумера при Персидском заливе).

Характерно, что в более поздние времена, начиная со староаккадской эпохи, утверждаются два других варианта биннома «верх – низ», в которых, в противоположность рассмотренной выше раннешумерской практике, оба члена биннома – и верх, и низ – маркируются как «моря». Первый из этих вариантов – крайне распространенное выражение «от Нижнего Моря до Верхнего моря», где Нижнее море – Персидский залив, а Верхнее море – Средиземное море; это выражение появляется уже в стандартной надписи Лугальзагеси, современника основания Аккадской державы⁵. Второй, весьма редкий вариант, формально выглядел так же, но здесь под «Верхним морем» подразумевался уже какой-то водный массив северо-востока – вернее всего, Каспий (не исключены также Ван, Урмия и Дарья-чейе-Немек). Так, уже Анубанини, царь Луллубума, области в долине верхней Диялы, в конце III тыс.⁶, в своей надписи в разрушенном контексте употребляет выражение «Море Верхнее и Нижнее», несомненно, как обозначение пределов своей власти. Как бы могуществен ни был царь Луллубума, до Средиземного моря он не мог простираť свою власть даже на словах; остается считать, что под «Верхним морем» здесь имеется в виду Урмия или Каспий (а под «Нижним» – как обычно, Персидский залив) (Юсифов, 1987, с. 29). Одна из надписей Шусуэна, царя III династии Ура говорит о «стране Забшали (одна из «стран Симашки» – эта совокупность стран прилежала с севера к Эламу и в итоге вошла в его состав) от Аншана (восточная часть Элама, совр. Фарс) до Верхнего моря»; здесь «Верхнее море» уже заведомо не может относиться ни к чему, кроме Каспия (RGTC, XI, CXXVII) или Дарья-чейе-Немек.

Каждому из этих вариантов размещения «Верхнего моря» отвечало свое употребление особого термина «Верхняя страна» как названия региона, выводящего месопотамцев к соответствующему «Верхнему морю»: так, у царей Аккада «Верхней страной» называются области Среднего Евфрата и Сирии, через которые месопотамцы двигались к Средиземному морю⁷; но у Шамшиадада I (ок. 1815–1775) «Верхней страной» называется район к северо-востоку от Месопотамии⁸. При этом уже в староаккадскую эпоху с «Верхним морем» в значении «Средиземное море» ассоциировался и хороним «Кедровый лес», здесь однозначно подразумевающий леса Ливана – Амануса: Нарамсуэн Аккадский говорит в одном тексте, что владеет «страной Субарту (Верхней Месопотамией) до Кедрового Леса»⁹, а в другом тексте он же (или другой царь аккадской династии) заявляет, что то же Субарту лежит «при Верхнем Море» (RIMA 2, Naram-Sin, E2.1.4.1004, 9).

Итак, в словоупотреблении, утвердившемся в староаккадскую эпоху, «верх» как географический ориентир по-прежнему ассоциируется с «кедрами» как таким же географическим ориентиром, но утрачивается бывшее противопоставление «верха» и «кедра» вместе «морю»: теперь, напротив, сами «верх» и «кедр» связываются с морем – соответственно «Верхним (Средиземным) морем». Это изменение можно объяснить только описанным выше переносом хоронимического понятия «Гора Кедр» с некоей периферийной для шумеров области северо-восточного хинтерланда на Ливан-Аманус: поскольку географический «верх» уже в раннединастическом восприятии был, как мы видели, прочно связан с «кедром», с переносом «кедра» к Средиземному морю туда же должен был автоматически переместиться и «верх»; но раз так, то ни «кедр» ни «верх» уже нельзя было противопоставлять «морю», как раньше: они сами лежали теперь при море – и в этом новом, приморском варианте «верх» закономерно реализовался уже как «Верхнее море» (топоним, являющийся совершенно абсурдным оксюмороном с точки зрения былой шумерской номенклатуры, так как в ней, как мы видели, «верх» был сам по себе антонимом «моря»).

С другой стороны, прежнее соотнесение «верха» как географического ориентира с северо-востоком тоже продолжало оказывать какое-то влияние на месопотамскую традицию; это влияние как раз и реализовалось в появлении второго значения самого же нового термина «Верхнее море», при котором этот термин прилагался к водоемам северо-востока. Здесь в паре с ним «кедр» уже не появлялся, так как берега соответствующих водоемов деревьями нужного вида действительно не славилась.

Итак, появление термина «Верхнее море» в обоих вариантах было следствием переноса понятия о Горной стране кедрового леса с Загроса в Сирию. Когда именно произошел этот перенос, можно твердо определить по датировкам соответствующих текстов: шумерские былины об Эн-меркаре и Гильгамеше, урукских царях 27–26 вв. (РД II – нач. РД III) твердо исходят из загросской локализации Горной страны кедр (см. выше), тексты грани Раннединастического и староаккадского

периодов (Лугальзагеси с его термином «Верхнее (Средиземное) море», что, как мы только что видели, неотделимо от переноса «кедрового» хоронима к берегу этого моря) и самого староаккадского периода (Нарамсуэн с его «Кедровым лесом» как западным пределом Субарту у берегов «Верхнего»/Средиземного моря) уже отталкиваются от сирийской локализации этой страны. Перемена произошла, таким образом, на исходе раннединастического периода.

Этот вывод позволяет заново обратиться к апокрифической старовавилонской шумероязычной «надписи Лугальаннемунду» (царь Адаба ок. 2400 г. до н.э.), которую через много веков после его смерти не то воспроизвели более или менее близко по недошедшим до нас памятникам самого Лугальаннемунду, не то просто сочинили от его имени. Эта известная в нескольких экземплярах надпись (таблички CBS 474 (записана при Абиешу), 1217 (записана при Аммицадуке) и 342) превозносит «мировые» завоевания Лугальаннемунду и трижды приводит их перечень: «Горная страна кедра, Элам, Мархаши, Гутиум, Субарту, Марту, Сутиум и Горная страна Анны»¹⁰. Этот список перечисляет окружающие шумеро-аккадскую Месопотамию регионы «против часовой стрелки», отсчитывая от Персидского залива и снова возвращаясь к нему, описав почти полный круг. Место открывающей этот список «Горной страны кедра» определяется тем самым однозначно: эта страна с точки зрения составителей перечня лежит непосредственно к востоку от Шумера (в общем – между Шумером/Персидским заливом и Эламом). Иными словами, приведенный перечень выражает представления раннединастической шумерской архаики (то есть того самого времени, когда жил реальный Лугальаннемунду) о «Горной стране кедра» на востоке, вышедшие из актуального употребления еще в староаккадскую эпоху. Это несовместимо с той распространенной в литературе мыслью, что этот перечень сочинили в ходе собственных, достаточно свободных историко-литературных упражнений, старовавилонские писцы (Güterbock, 1934, s. 29, Anm. 5, 46 и сл.; Falkenstein 1951, s. 18; Curchin, 1977, p. 94; Cooper, 1983, p. 18, 32): будь так, они исходили бы из сирийской, западной локализации «Горной страны кедра»¹¹. Перечень стран из «надписи Лугальаннемунду» (а с ним, возможно, и ее содержательное ядро) действительно принадлежит Раннединастической эпохе.

Примечания

¹ Шум. *kur giš-erin-na*; деривативные варианты того же названия в шумерских текстах: «Гора/Горная страна, где рубят кедр», *kur giš-erin-kud*, и «Гора/Горная страна душистого кедра», *kur šim giš-erin-na*, см. (RGTC I, S. 49; Kramer, 1944, p. 18, 20 и сл.). Подчеркнем, что перевод «кедр» здесь достаточно расплывчат, в действительности соответствующий термин (*eren*) называл ряд близкородственных деревьев, из которых собственно ливанский «кедр» рос лишь на западе от Месопотамии, а т.н. «белый кедр» и др. – и в горах Загроса и Армянского нагорья (Якобсон, 1988, с. 132).

- ² Название «Горная страна кедр» прямо выступает как обозначение обиталища Хумбабы в «Ниневийской версии» Эпоса (V.I, 6). То, что кедровый лес Хумбабы расположен именно в горах, всячески подчеркивается в Эпосе вообще (песни II-V). Таким образом, край Хумбабы точно отвечает топонимическому определению «Гора/Горная страна кедр». В самом деле: то, что лес Хумбабы – не одна из множества кедровых рощ, но некий главный кедровый лес мира, обобщенный образ кедрового леса как такового, следует и из гиперболических описаний его могущества, и из того, что стеречь кедровый лес ему поручил сам Элليل (старовавилонская версия, далее II. CB, III.IV, 2; ниневийская – II.V, 2; 5) – верховный распорядитель земных дел в месопотамской мифологии. Ср.: в шумерской былине о Гильгамеше и Хуваве, послужившей основой соответствующего сюжета в Эпосе, край Хувавы прямо именуется «Горная страна, где рубят кедр» (A:8–12, B:25–28 etc.; сводная версия, стк.12, 18 (Афанасьева, 1997, с. 207) – то есть это и есть интересующая нас «Гора/Горная страна кедр» месопотамской географической номенклатуры.
- ³ Хумбаба в обобщающей, заключительной его характеристике в Эпосе определяется единственно тем, что ему повиновались «Ливан и Сариа (г. Хермон в Северной Палестине)» (V.CB, 30), а при описании того, как Гильгамеш в результате победы над Хумбабой добыл много кедровых стволов, в разрушенном контексте упоминается Евфрат (V.CB, 44) – очевидно, как река, по которой Гильгамешу предстояло сплавливать добытые кедры домой, в Урук (Дьяконов, 1961, с. 37).
- ⁴ В.К. Афанасьева прямо переводит здесь «низ» как «запад» а «верх» как «восток» (Афанасьева, 1997, с. 176), отталкиваясь, очевидно, от ассоциаций со спуском солнца вниз на западе и подъеме его вверх на востоке. Море на западе в этом случае оказалось бы разве что Средиземным. Зарубежные шумерологи соотносят «верх» с горным «севером» и «востоком», а «низ» – с «югом» при Персидском заливе. С этим следует согласиться, не говоря о том, что выражение «Нижнее море» в последующей месопотамской традиции означает исключительно Персидский залив (а Средиземное море называется только «Верхним»), предложенные В.К. Афанасьевой переводы маловероятны для самого текста об Эн-меркаре и Эн-сугхир-ане, сановнике Аратты. Араттец (в уста которого вложена обсуждаемая фраза) едва ли мог бы, описывая свои будущие завоевания, употреблять выражение «от запада до востока», поскольку сами эти завоевания должны были происходить исключительно к западу от Аратты, и таким образом получилось бы, что его «от... до» задают направление не от Аратты на запад (в котором эти завоевания шли бы в действительности), а, наоборот, от запада к самой Аратте (от приведенного возражения можно было бы попробовать уйти, предположив, что составители текста попросту вложили в уста сановнику Аратты стандартное шумерское клише, не думая, насколько осмысленным оно было бы для араттца, но дело в том, что и для шумера описание своих завоеваний в направлении от Средиземного моря до какого-то пункта на востоке выглядело бы совершенно неестественным, ибо таким образом он тоже вел бы линию своих завоеваний не «от себя», а «к себе», то есть в обратном ожидаемому направлении).
- ⁵ В указанной надписи Лугальзагеси заявляет, что Энليل дал ему путь от Нижнего моря по Тигру и Евфрату до Верхнего моря; поскольку, таким образом, от Нижнего моря к Верхнему равно ведут Тигр и Евфрат, под Верхним морем здесь может разумеаться только Средиземное (а под Нижним, как обычно – Персидский залив), см. (Дьяконов, 1983, с. 211).

- ⁶ По-видимому, Анубанини был современником упадка и крушения Аккадской державы ок. 2200 г. до н.э.: независимо от языка и палеографии его надписи, которые разные исследователи относят то к староаккадскому периоду, то ко времени ок. 2000 г. и позднее (ср. сводки мнений (Юсифов, 1987, с. 29, прим. 66; RIMA 4, р. 700. Е 4. 18. 1), такая датировка следует из того, что месопотамский эпос «Царь Куты», посвященный падению Аккада, считает Анубанини могущественным главой группы опасных внешних врагов Нарамсуэна Аккадского (Glassner, 1986, р. 81 и сл.; Westenholz, 1997, р. 310 и сл.).
- ⁷ Надпись Саргона (Gelb, Kienast, 1990, Sargon C2.XIV, 24–32) специально описывает «Верхнюю Страну» как совокупность Мари, Ярмути и Эблы до Кедрового Леса. Как регион, смежный с Субарту, «Верхняя Страна» упоминается и у Нарамсуэна, см. (Архипов, 2002, с. 81 (2,4), 92).
- ⁸ Шамшиадад сообщает в своей надписи (IAK VIII, 1, 4–18): «Тогда дань царей Тукриша и царя Верхней страны я воистину получил посреди града моего, Ашшура; имена мои великие и мои каменные надписи в стране Лабан (Ливан), на берегу Моря Великого я воистину установил». Тукриш – город, во всяком случае лежащий далеко к северо-востоку от Месопотамии (Комороци, 1976, с. 12 сл.; RGTC XI, CXX и сл.), «Лабан, берег Великого моря» может относиться только к Ливанским горам при Средиземном море – стандартном маркере предельного проникновения месопотамских владык на запад. Тем самым весь пассаж приобретает стройный вид: сначала Шамшиадад заявляет о своей власти на крайних восточных, а потом – на крайних западных пределах своего мира. Между тем Верхняя Страна здесь помещена в одно предложение с Тукришем, составляя вместе с ним пару, маркирующую восточное продвижение Шамшиадада и противопоставленную паре Ливан – Великое Море, помещенной в следующее предложение и маркирующей западные пределы власти Шамшиадада. Таким образом, и сама «Верхняя страна» Шамшиадада находится на востоке. Характерно, что Средиземное море, к которому выходит Ливан, названо у Шамшиадада не стандартно, «Верхним морем», а необычным термином «Великое море»; в свете всего сказанного выше это легко объяснимо: раз закрепив семантику «Верха» (как мы только что видели на примере его «Верхней страны») за северо-восточным направлением, Шамшиадад тем самым уже не мог бы определять термином «Верхнее» лежащее на западе Средиземное море. Вновь оказывается, что определенное размещение «Верхней» страны взаимообусловлено с соответствующим размещением «Верхнего» моря (так что последним термином у Шамшиадада мог бы определяться только некий северо-восточный водоем). Подчеркнем, что «Верхняя страна» аккадских царей (т.е. приевфратские области) входила в державу Шамшиадада прямо, образовывала несколько его наместничеств и никакого своего «царя», вассального по отношению к Шамшиададу и присылающего ему дары (причем это оказывается достойным специального упоминания в разбираемой надписи – в отличие от подати с обычных наместничеств!), не имела, так что в любом случае не имеет ничего общего с «Верхней страной» рассматриваемой фразы Шамшиадада.
- ⁹ В составе выражения: «царь Аккада, повелитель страны Элам целиком до Бараксума и страны Субарту до Кедрового леса» (RIMA 2. Naram-Sin E2. 1.4.25, 2–16). Поскольку здесь, как видим, Нарамсуэн устанавливает крайнее протяжение своей державы сначала на восток, а потом на запад (Бараксум-Мархаси лежит по ту сторону Элама, считая от Аккада), то «Кедровый лес» как ориентир, отмечающий предел Аккадской державы и страны Субарту (Верхняя Месопотамия – Северная

Сирия) в западном направлении, может покрывать только кедровые леса Ливана и Амануса – гор, лежащих при Средиземном море, образующих действительный западный предел державы Нарамсуэна, ср. (Gelb, 1944, p. 35 и сл.).

¹⁰ CBS 474 III 29' sukka-mah kur giš erin-na Elam ki Ma(r-.....) 30' Mar-tu Su-ti-u(m....); CBS 474 IV 10' (kur) giš erin-na Elam ki Mar-ha-ši ki Gu-ti-um ki (...) 11' Su-bir4 ki Mar-tu Su-ti-um ki kur-e-an-na-bi; CBS 474 IV 27' ...EN-si kur giš erin-na Elam ki Mar-ha-ši ki Gu-ti-um ki 28' Su-bir4 ki Mar-tu Su-ti-um kur-e-an-na-bi-da (издание текста: (Güterbock, 1934, s. 40–47).

¹¹ Кроме того, в тексте, всячески подчеркивающим власть Лугальаннемунду над землями, реально простиравшимися как раз до Средиземного моря, ни разу не появляется само выражение «Верхнее море» и формульное клише «от Нижнего до Верхнего моря» (хотя это клише – обычный для месопотамца способ возвещения о распространении его державы до средиземноморского берега, начиная по крайней мере с Лугальзагеси!). Эта черта надписи Лугальаннемунду объяснилась бы сама собой, если бы его перечень отражал те самые раннешумерские представления, в которых пары «Верхнее – Нижнее море» еще не существовало (а применять реальную аналогичную пару того времени: «от низа/моря до верха/кедра» – в надписи Лугальаннемунду вообще не имело мысла, так как эти рамки его перечень намного перекрывает; в итоге надписи как раз и пришлось бы вовсе обойтись без клише «от... до», что в ней и наблюдается). Но сочиняй этот текст старовавилонские писцы, они едва ли миновали бы клише «...до Верхнего моря».

Литература

Архипов И.С., 2002 – Топоним Субир/Субарту в Месопотамии III – первой половины II тыс. до н.э. // ВДИ, № 4.

Афанасьева В.К., 1997 – От начала начал. Антология шумерской поэзии // СПб.

Дьяконов И.М., 1961 – Эпос о Гильгамеше // М.

Дьяконов И.М., 1983 – Раннединастический период в Двуречье и Эламе // История Древнего Востока. Ч. 1. Месопотамия. М.

Комороци Г., 1976 – Гимн о торговле Тильмуна (интерполяция в тексте шумерского мифологического эпоса «Энки и Иннхурсаг») // Древний Восток. 2. Ереван.

Юсифов Ю.Б., 1987 – Ранние контакты Месопотамии с северо-восточными странами (Приурмийская зона) // ВДИ, № 1.

Якобсон В.А., 1988 – Куда Гильгамеш ходил за кедром? // Кавказско-ближневосточный сборник. 8. М.

ETCSL – The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature, Oxford University, 2006. <http://etcsl.orinst.ox.ac.uk/>.

Gelb I., Kienast V., 1990 – Die altakkadischen Königsinschriften des dritten Jahrtausends v. Chr. Freiburg

Cooper J. S., 1983 – The Curse of Agade // Baltimore

Curchin L., 1977 – Eannatum and the Kings of Adab // RA, 71.

Falkenstein A., 1951 – Zur Chronologie der sumerischen Literatur // Compte Rendu de la seconde Rencontre Assyriologique Internationale, Paris

Gelb I. J., 1944 – Hurrians and Subarians // Chicago

Glassner J.-J., 1986 – La chute d'Akkade: L'événement et sa mémoire // Berlin.

Gurney O. R., 1954 – Two Fragments of the Epic of Gilgamesh from Sultantepe // Journal of Cuneiform Studies, 8.

Güterbock H., 1934 – *Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babyloniern und Hethitern bis 1200*. I. Babylonier // ZA 42 = ZA NF 8.

Hansman J., 1976 – Gilgamesh, Humbaba, and the Land of the *ERIN-Trees* // Iraq. 38.
IAK – Ebeling E., Meissner B., Weidner E. F., 1926 – Die Inschriften der Altassyrischen Könige // Leipzig

Klein J., Abraham K., 2000 – Problems of Geography in the Gilgamesh Epics: The Journey to the 'Cedar Forest' // *Landscapes, Territories, Frontiers and Horizons in the Ancient Near East* / ed. L. Milano et al. Padua

Kramer S. N., 1944 – Dilmun. The Land of the Living // BASOR. 96.

Muscarella O. W., 2005 – Jiroft and "Jiroft-Aratta": A Review Article of Yousef Madjidzadeh, Jiroft: The Earliest Oriental Civilization // *Bulletin of the Asia Institute*. 15.

RGTC I – Edzard D.O., Farber G., Sollberger E., 1977 – Die Orts- und Gewässernamen der prä-sargonischen und sargonischen Zeit (Répertoire Géographique des Textes Cunéiformes 1) // Wiesbaden

RGTC XI – Vallat F., 1993 – Les noms géographiques des sources suso-élamites (Répertoire géographique des textes cunéiformes XI) // Wiesbaden

RIMA 2 – Frayne D.R., 1993 – *Sargonic and Gutian Periods, 2234–2113 BC* (The *Royal Inscriptions of Mesopotamia* 2) // Toronto

RIMA 4 – Frayne D.R., 1990 – *Old Babylonian period, 2003–1595 BC* (The *Royal Inscriptions of Mesopotamia* 4) // Toronto

Steiner G., 1996 – Huwawa und sein „Bergland“ in der sumerischen Tradition // *Acta Sumerologica*. 18.

Westenholz J. G., 1997 – Legends of the Kings of Akkade // Winona Lake

К вопросу о храмовой экономике на Ближнем Востоке в эпоху энеолита и бронзового века

Авилова Л.И. (Москва)

Периоды энеолита и бронзы в Восточной и Юго-Восточной Анатолии, Северной Сирии и Месопотамии отмечены развитием социально-экономической модели протогородской и раннегосударственной цивилизации ближневосточного типа. Ее важной составляющей были святилища и храмы, которые функционировали не только как специфически культурные центры, но и как субъекты административной и хозяйственной деятельности. Неслучайно в приложении к месопотамским материалам применяется термин «храмовая экономика» (впервые его употребил А. Даймель – Demmel, 1931). И. Гельб (Gelb, 1969) и И.М. Дьяконов (Дьяконов, 1949, с. 19; 1959, с. 145) на основании анализа письменных источников подчеркивали, что в III–II тыс. до н.э. значительная часть прибавочного продукта производилась на храмовых землях и перераспределялась в ходе обменных операций, осуществлявшихся как храмами и дворцовыми хозяйствами, так и отдельными семьями. Что касается предшествующего урукского периода (IV тыс. до н.э.), масштабы обмена вне храмовых хозяйств тогда не могли быть значительными, поскольку только храмы обладали реальными возможностями накопления, потребления и перераспределения продукции путем организации обмена на далекие расстояния (Маккау, 1983).

Почему храмовые организации оказались важными субъектами экономических процессов накопления и перераспределения продуктов, собственниками земельных угодий? На этот счет существуют разные мнения. Несомненно, большую роль играл распад родоплеменной структуры общества, рост населения и развитие обмена (Gibson, 1973). И.М. Дьяконов подчеркивал значение внеэкономических факторов: религиозно-идеологического (в том числе необходимость накопления продуктов в общинных святилищах для жертвоприношений), а также прямого принуждения (ИДВ, с. 46 и сл.). Дж. Маккей считает идеологические факторы вторичными по отношению к экономическим, хотя и признает, что поскольку святилища, а затем и храмы функционировали в обществе начиная с раннего неолита (см.: Корниенко, 2006), это давало им преимущество в области хозяйственной деятельности перед складывавшейся значительно позже административной государственной системой (Маккау, 1983, р. 2).

Существуют археологические данные, проливающие свет на некоторые черты «храмовой экономики». Это специфические сооружения, интерпретируемые как хранилища продуктов, мастерские, административные центры. Кроме того, ряд находок может быть идентифицирован как приношения и храмовая утварь.

Уже на раннеолитическом поселении Умм Дабагия существовал участок, где концентрировались хранилища, обслуживавшие нужды всего поселения (Kirkbride, 1974). Хорошо документирована связь хранилищ со следами ритуальной деятельности в Чатал Хейюке: антропоморфные статуэтки встречаются преимущественно в зерновых ямах (Mellaart, 1965). В халафское время на поселениях Ярым Тепе II–III прослеживается стабильное сочетание круглоплановых построек (толосов) с многокамерными прямоугольными сооружениями. Авторы раскопок считают толосы жилищами, а прямоугольные – хозяйственными постройками. В некоторых постройках обнаружены следы ритуальных церемоний: так, в толосе 67 на Ярымтепе II среди закладных жертв были найдены расписные сосуды, обсидиановые орудия, а также уникальная для столь раннего времени медная печать-подвеска (Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 178, рис. 51: 3).

Очевидна связь «храмовой экономики» с природными условиями аридной зоны: повторявшиеся засухи требовали организации труда и контроля над распределением, накоплением, хранением продуктов. Начиная с позднего Убейда здесь имеются свидетельства такого контроля со стороны элиты, а также фиксируются монументальные общественные постройки и святилища. На поселении Тепе Гавра в период Убейда (слои XVI–XV) общинные зернохранилища концентрируются на северном участке холма, а в позднеурукских слоях IX и VIII функционируют храмы развитых форм с примыкающими к ним кладовыми (помещениями малых размеров без входов (Speiser, 1935, p. 31–32).

На поселении раннединастической эпохи Хирбет эль-Керак исследован крупный культово-хозяйственный комплекс. Здесь вокруг внутреннего двора храма находилось 9 сводчатых зернохранилищ. По оценке авторов раскопок, они могли вмещать от 500 до 700 тонн зерна (Maisler, Stekelis, Avi-Yonah, 1952). Зернохранилища наделялись сакральным смыслом, о чем говорят не только следы ритуальных действий, но и факт помещения их изображений на цилиндрических печатях: это сцены загрузки запасов в комплекс больших купольных сооружений (об их величине говорит то, что люди взбираются с грузом по приставным лестницам – рис. 3: 5). Печати являлись знаками власти, поэтому сцены и объекты, изображаемые в месопотамской глиптике, отражают не явления повседневной жизни, а раскрывают их сакральный смысл, основополагающие понятия своего времени.

Эти факты свидетельствуют, что общественные хранилища запасов, куда входило как продовольствие, необходимое для жизни общины, так и товары, предназначенные для обмена, начиная с эпохи неолита находились вблизи или на территории святилища или храма, под его ритуальной защитой, поскольку именно здесь осуществлялись соответствующие религиозные церемонии.

Убейдская культура отражает значительные успехи южномесопотамских общин, базирующихся на развитии поливного земледелия, которое было решающим рычагом прогресса. Крупные убейдские центры с монументальной архитектурой и специализацией производств становятся предтечей позднейших шумерских городов, которые, как правило, складывались на местах убейдских поселков. В убейдское время формируются устойчивые культурные эталоны от типов керамики и терракот до архитектурно-храмовых комплексов. Судя по всему, была налажена система торговых связей, без которых в Южном Двуречье, лишенном руды, строительного леса и камня, подобный прогресс был практически невозможен.

Месопотамская строительная техника, основанная на применении сырцового кирпича, обеспечивала возведение как утилитарных построек, так и создание монументальных зданий, подлинных произведений большой архитектуры. Монументальные храмы на платформах господствовали в архитектурном облике крупных убейдских центров и, возможно, осуществляли функции общей хозяйственной и административной координации. В Эриду исследован храмовый участок с последовательно сооруженными здесь постройками культового назначения (рис. 1: 1), от культовой постройки в слое XVI эпохи Убейда 1 до величественного зиккурата времени 3-й династии Ура (Корниенко, 2006, с. 134–147). Здания ориентированы углами по странам света. В сложной планировке храмов в слоях VII–VI выделяется целла со ступенчатым алтарем и столом для жертвоприношений, расположенные в противоположных концах зала и обрамленные профилированными пилястрами. Массивные стены снаружи и внутри также декорированы ступенчатыми в плане пилястрами. Парадный вход находился в длинной юго-восточной стене здания. Размеры храмов достигают 23,5×12,5 м, размеры платформы, на которой высятся этот культовый центр, – 26,5×16 м. В зданиях находились многочисленные остатки рыбы, на столах для жертвоприношений – следы сожжений. По мнению Т.В. Корниенко (2006, с. 147), эти факты можно связывать с культом божества пресных вод Энки – покровителя Эриду. Последовательность культовых зданий Эриду показывает, что характерные сооружения храмовой архитектуры Шумера – ступенчатые башни-зиккураты – восходят к храмам на платформе эпохи Убейда.

Из числа северубейдских памятников лучше всего изучено поселение городского типа Тепе Гавра на р. Тигр. Здесь, начиная с самых ранних слоев, относящихся к убейдскому времени, известны и большие прямоугольные жилые дома, и храмовые комплексы, в течение длительного времени функционировавшие на так называемом Акрополе. В слое Гавра XIII представлен большой культовый комплекс (рис. 1: 2), состоящий из трех храмов, чрезвычайно схожих с храмами Эриду. Они располагались по трем сторонам внутреннего двора. Размеры храмовых строений также довольно значительны, они имеют в длину от 12 до 14 м. Фасад одного из храмов покрыт белой штукатуркой.

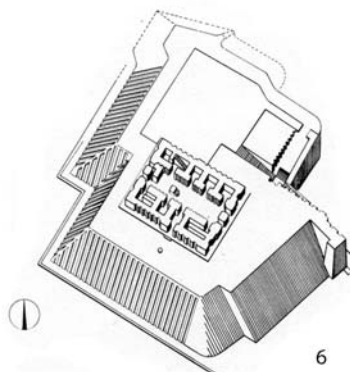
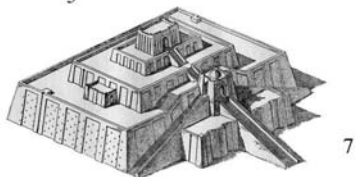
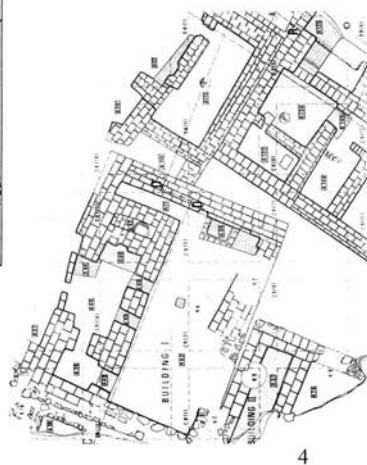
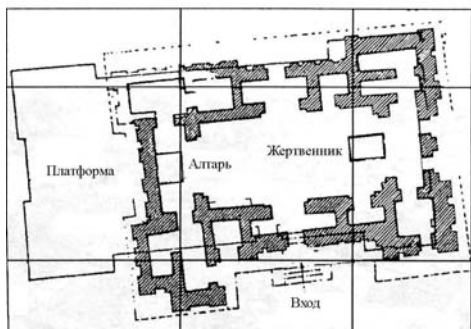
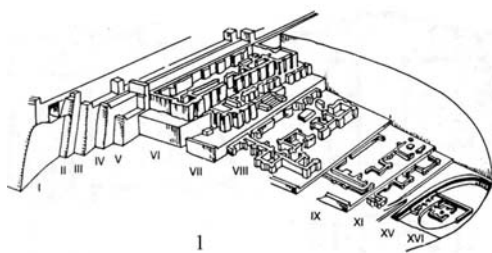

Рис. 1.

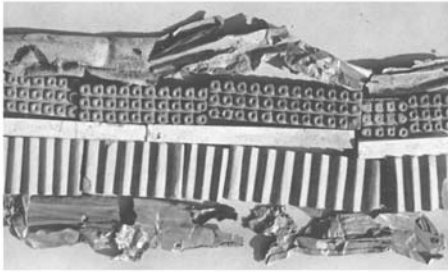
Вход в Северный (лучше сохранившийся) храм находился по центру фасада и вел не прямо в зал, а соединялся с ним через вспомогательное помещение. Стоит отметить, что в центральном помещении этого храма был обнаружен глубокий (13 м) колодец с интереснейшими находками, включая керамику и печати (Корниенко, 2006, с. 155).

Урук. Общественная элита в Месопотамии складывалась в специфических формах на основе интенсивного внутреннего развития: прогрессивного земледелия, животноводства, системы обмена, роста ремесленного производства. Военный фактор (грабительские походы, захват территорий и добычи) в урукское время еще не играл существенной роли. Строительство, и, прежде всего, сооружение храмов считалось в древней Месопотамии важнейшей сферой деятельности обожествляемого правителя, вождя-жреца. Неслучайно изображения общественного лидера додинастического периода часто показывают его в ситуации руководства созидательной деятельностью – строительством, сельскохозяйственными работами. Эта тема присутствует и в искусстве раннединастической эпохи (рис. 2: 5; 3: 4).

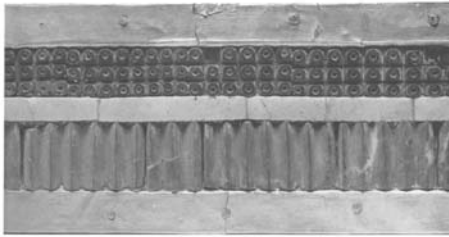
Важнейшим достижением урукского периода было создание системы магистральных каналов, на которой базировалось регулярное орошение полей, в сочетании с продуманной агротехникой. Одним из результатов этого стал резкий рост населения: только в районе Урука археологами зафиксировано свыше 120 различных поселений. В большинстве своем это небольшие сельские поселки, но выделяются и городские центры площадью свыше 10 га. Сам Урук в это время был подлинным мегаполисом с территорией 45 га.

В это время в Северной и Южной Месопотамии строятся многочисленные монументальные храмы. Обычно они располагались на специально отведенном участке и функционировали длительное время с перестройками и расширениями (рис. 1: 3). На юге наиболее полно изучены храмы в Уруке, на севере – в Тепе Гавре.

Археологические исследования Урука были сосредоточены в его культовом центре, на участке Эанна. Здесь располагалось несколько одновременно функционировавших монументальных комплексов, в основном храмового характера, неоднократно перестраивавшихся. Храмовое здание возводилось из сырцового кирпича на специально подготовленном основании из ритуально чистой земли – песчаной насыпи, под которую сооружали специальный котлован, вынимая грунт с культурными остатками как ритуально нечистый. Затем возводили высокую платформу; размещенный на ней храм в прямом и переносном смысле возвышался над обычной жизнью поселения. При новом строительстве руины более ранних построек забутовывали, а высота платформы увеличивалась. План урукского храма развивает традиции убейдской эпохи: это трехчастное сооружение с вытянутым центральным залом, где находилась статуя божества.

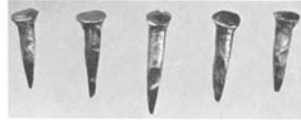
1

2

3

4

5

6

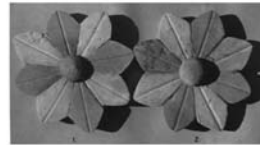
7

8

9

10

Рис. 2.

Продолжается и традиция оформления стен чередующимися пилястрами и нишами, появляется декор в виде окрашенных глиняных конусов, с помощью которых на стенах создавали сложные геометрические орнаменты коврового типа. Храмы отличались значительными размерами. Так, ансамбль храма богини плодородия Инанны имел размеры 75×25 м. Еще более внушительны размеры ансамбля Белого храма – 83×53 м, здание самого Белого храма имело размеры 17×22 м и помещалось на платформе около 13 м высотой – рис. 1: 6). Его цоколь был облицован известняком, доставленным на равнину с предгорий Загра за многие десятки километров. Весь комплекс был окружен крепостной стеной.

В Восточной Анатолии хорошо изучен комплекс культово-административных зданий (№ I, III, IV) со стенами, украшенными нишами и росписью. В соответствии с урукской строительной традицией интерьер включал подиумы, жертвенные столики, бассейн, скамьи-платформы (рис. 1: 4). В ряде комнат найдено множество крупных сосудов для хранения и оттисков печатей (рис. 2: 3), что говорит о процессах перераспределения ценностей, происходивших в зданиях (Palmieri, 1973, p. 315–325).

Храмы на платформе и ступенчатые башни-зиккураты последующего периода ассоциировались с горой – местом обитания бога (рис. 1: 7). Храмы часто изображаются на цилиндрических печатях Месопотамии, начиная с эпохи Урука. Они выглядят как высокие сооружения с богато орнаментированным фасадом, часто здание украшено тремя парами рогов – символом мужского божества. Возле постройки могут помещаться «столбы», украшенные лентами – идеограмма храма (рис. 3: 1–3).

Монументальные храмовые комплексы существовали во всех крупных городских центрах Шумера, подчеркивая важное общественное и экономическое положение храмовой организации и храмовых хозяйств. И.М. Дьяконов дает следующую характеристику храмового строительства в Двуречье. На севере и на юге Месопотамии формируется определенный тип культового сооружения, где закрепляются и становятся традиционными для всей позднейшей месопотамской архитектуры некоторые строительные принципы:

1) постройка святилища на одном месте (все более поздние перестройки включают в себя предшествующие, и здание, таким образом, никогда не переносится);

2) высокая искусственная платформа, на которой стоит центральный храм и к которой с двух сторон ведут лестницы (впоследствии в результате обычая строить храм на одном месте вместо одной платформы мы встречаем три, пять и, наконец, семь платформ, одну над другой, с храмом на самом верху – так называемый зиккурат). Стремление строить высокие храмы подчеркивало древность и исконность происхождения общины, а также связь святилища с небесной обителью бога;

3) трехчастный храм с центральным открытым внутренним двором, вокруг которого группируются боковые пристройки (на Севере двор мог быть крытым);

Рис. 3.

4) членение наружных стен храма, а также платформы, чередующиеся пилястрами и нишами (История Востока, 2002, с. 69–70).

Храмы играли ключевую роль в процессе возникновения городов и формирования государств в древней Месопотамии. Они были центрами не только религиозной, но и общественной, экономической, административной и интеллектуальной жизни города. Эту роль храмов, несомненно, осознавали и сами шумеры: в соответствии с древней шумерской исторической традицией, создание храмов предшествовало образованию городов (ИДВ, 1983, с. 110–111).

Именно храмы вели учет и контроль сельскохозяйственного и ремесленного производства, здесь происходило накопление и перераспределение продуктов с целью обмена. Они были центрами обучения грамоте, астрономических наблюдений, их архивы служили хранилищами разнообразных знаний, в храмах формировалась «протонаука». Судя по литературным текстам III тыс. до н.э., важнейшее место в организации обмена также принадлежало храмам, они же были и потребителями привозных строительных и поделочных материалов. Необходимо принимать во внимание, что в бедной ресурсами Южной Месопотамии строительный и поделочный камень, металлы, дерево – все доставлялось в обмен на сельскохозяйственную продукцию. Сложная архитектура храмов – свидетельство появления и совершенствования многих видов профессиональной и ремесленной деятельности. В связи с храмовым строительством возникает постоянная потребность в зодчих, строителях, специалистах по обработке камня, дерева и металлов. В храмовых хозяйствах работают многочисленные профессиональные ремесленники: храм обеспечивает заказ изделий и сырье для их изготовления, производит выдачу продуктов питания (о чем свидетельствуют не только многочисленные письменные документы, но и сосуды стандартных размеров, соответствующие норме потребления зерна одним работником – так называемые чаши со скошенным венчиком).

Закономерно, что в пору сложения древнейших государств предметы роскоши накапливались и хранились в храмовых сокровищницах. Многие ценные находки урукского и раннединастического времени обнаружены на территории храмов. Кажется небезынтересным привести краткий обзор находок особо ценных вещей с выраженной символической нагрузкой, в основном металлических, связанных с храмовыми комплексами урукского и раннединастического времени. Их можно разделить на несколько групп согласно функциональному назначению находок.

Для украшения интерьеров шумерских храмов широко использовались различные ценные материалы.

Один из наиболее ранних и хорошо сохранившихся примеров – храм в Телль Браке на верхнем Хабуре (Сирия). Брак во второй половине IV тыс. до н.э. был крупным городским центром площадью почти 50 га. Как и другие месопотамские поселения урукского времени, он имел культово-административный комплекс с примыкающими мастерскими. В него входил «Храм священного глаза» (рис. 1: 5) размером 30×25 м, построенный

по принципу трехчастной планировки (Mallowan, 1947, p. 93–94, табл. 3; 4; 48.4). Храм датируется второй половиной IV тыс. до н.э. Внешние поверхности стен в соответствии с урукскими архитектурными канонами декорированы раскрашенными глиняными конусами и розетками, в интерьере в обмазку стен вмонтировано множество алебастровых фигурок идолов с подчеркнуто большими глазами – символ всевидящего ока божества. Интерьер храма включал алтарь, украшенный наборным фризом из сланца и известняка с окантовкой из массивного листового золота (шириной 2 см и на столько же заглубленной в стену). Окантовка крепилась на деревянной раме 42 гвоздями с серебряными стержнями и золотыми шляпками (рис. 2: 1, 2, 4, 10).

Судя по фрагментированным находкам из Урука, подобные алтари существовали и в Южной Месопотамии (Heinrich, 1936, p. 47, табл. 34b, f, h; 35a). Есть такие находки и в архаическом зиккурате Ура (Woolley, 1956, p. 181).

Известны металлические закладные конусы с посвятельными надписями, указывающими имя правителя, построившего храм, и имя божества, которому он был посвящен; они могли изготавливаться в виде антропо- или зооморфной статуэток (рис. 3: 6–8). Существуют сведения и о золотых закладных табличках с надписями. Так, нео-вавилонский царь Набонид (VI в. до н.э.) упоминает о золотой табличке царя Нарамсина (XXIII в. до н.э.), найденной им в процессе реставрации храма-зиккурата Сина в Харране. Подтверждением этого является находка реальной золотой таблички с именем Нарамсина в Бисмайя (Moorey, 1994, p. 224).

Известны статуи и статуэтки божеств, изготовленные с применением драгоценных металлов, в основном золота. В урукскую эпоху изготавливались составные статуэтки животных с деталями, отлитыми из золота. В Уруке найден комплекс (Sammelfund), включавший храмовую утварь: лист золотой фольги для покрытия какого-то предмета, золотой носик сосуда, серебряный кувшин и части статуэток животных, в частности, рога из листового золота, наложенного на основу из другого материала (Heinrich, 1936, p. 40, табл. 30d, 35d, 29). Сюда же входят две медно-бронзовые булавки с навершиями в виде лежащих телят, фигурка льва (Heinrich, 1936, табл. 17a, b; 13a), две лазуритовые цилиндрические печати. На храмовом участке Эанна, слой III, обнаружены части составных статуэток из меди-бронзы, серебра и золота (ноги, уши), фигурка козла из битума, обтянутая золотой фольгой (Moorey, 1982, p. 21). Из храма в Эль-Убейде времени РД III также известны рога из листового золота на основе (Moorey, 1994, p. 224).

О том, что в раннединастический III период храмы украшали монументальными статуями и панно из ценных материалов, свидетельствует уникальная коллекция находок из Эль-Убейда (Moorey, 1994). При раскопках храма покровительницы города богини Нинхурсаг найдены два панно, некогда закрепленные на фасаде. Одно длиной 69,9 см представляет сцены из жизни храмового хозяйства: дойку коров и изготовление масла (рис. 2: 5). На деревянную основу нанесены листы меди, закрепленные

медными гвоздями, наборный фон изготовлен из черного сланца, мозаичные фигуры – из раковин. Второе панно (рис. 2: 6) имеет длину 2,59 м. Деревянная основа была покрыта битумом, на нем с помощью гвоздей закреплены фигуры из листовой бронзы, изготовленные в высоком рельефе. Геральдическая композиция состоит из двух фигур оленей (их головы и рога объемные), над ними находится орел с распростертыми крыльями и львиной головой – Имдугуд, символ бога Нингирсу. В той же технике с использованием деревянной основы и битума изготовлены 4 статуи быков. Высота статуи из Британского музея 60,96 см (рис. 2: 7). Многочисленность изображений коров и быков, видимо, связана с тем, что богиня Нинхурсаг являлась покровительницей стад, ее имя означает «госпожа степи». Двери храма, видимо, охраняли статуи львов: найдена голова льва из листовой меди высотой 20 см (рис. 2: 8). Фигуры львов, стерегущих храмовое пространство, встречаются и в более позднее время – к эпохе 3-й династии Ура относятся парные протомы львов из храма в Мари (рис. 2: 9).

Антропоморфные изображения представлены в основном небольшими статуэтками; некоторые из них являются изображениями божеств, другие – адорантами. Монументальные антропоморфные изображения появляются в культовых комплексах уже в позднеурукский период, о чем свидетельствует каменная голова статуи из Телль Брака высотой 17,8 см. Статуя, скорее всего, была составной, поскольку на тыльной стороне головы имеется желобчатое углубление для крепления к какой-то основе (рис. 3: 9).

Довольно многочисленны изображения адорантов, укажу на мужскую алебастровую статуэтку из Телль Асмара (РД II) высотой почти 30 см (рис. 3: 13) и женскую известняковую статуэтку из Ниппура (РД III) высотой 25 см (рис. 3: 14). Обе они – яркие образцы шумерского стиля в скульптуре.

В пластике применялся металл. К раннединастическому времени относится клад из 6 бронзовых статуэток (по 3 мужских и женских) из Телль Джудейде (Амук G) с характерными деталями: шлемы, пояса и оружие у мужчин, украшения и части прически – у женщин (рис. 3: 1–12). Применяется традиционный шумерский прием покрытия золотой фольгой. Так, гипсовая статуэтка из Ниппура эпохи РД III имеет накладку из листового золота на лице; этот прием повторяется и в более позднее время (Amiet, 1977, табл. 3b, 433, 434). Знаменитая статуэтка «бога с золотой рукой» из Суз рубежа III и II тыс. до н.э. (высота 17,5 см) изображает стоящее божество в рогатой тиаре и длинном одеянии (рис. 3: 20). Статуэтка была первоначально вся покрыта золотой фольгой, которая сохранилась на левой руке (отсюда название) (Tallon, 1987, № 1337). К средне-эламскому периоду (ок. XIV в. до н.э.), относится роскошная статуя из Акрополя Суз (раскопки де Моргана) (рис. 3: 19). Золотая статуя высотой 75 см (!) найдена в составе клада драгоценных вещей возле зиккурата храма покровителя города бога Иншушинака. Статуя изображает мужскую фигуру с диадемой на голове, в длинном орнаментированном одеянии с бахромой внизу.

В руках у персонажа приношение – козленок. Судя по всему, это votивная статуя местного царя (Moogeu, 1994, p. 225). Несмотря на позднюю дату, эта находка дает понятие о том, какими роскошными были интерьеры ближневосточных храмов.

В культовых комплексах встречается оружие и орудия труда. К наиболее ярким находкам относится клад из храмово-административного комплекса в Арслантепе VI A в Восточной Анатолии (Palmieri, 1981, p. 104, 109, рис. 3: 1–4) (рис. 3: 21). Клад металлических изделий найден в здании III, помещение A 113 в виде двух связок предметов: 12 черенковых листовидных копий (длина от 42 до 53,7 см), 9 мечей с цельнолитой рукоятью, из них 3 с серебряной инкрустацией (их длина от 46 до 62 см), а также четырехспиральной бляхи. Это наиболее ранние мечи, известные на Ближнем Востоке; то же относится и к черенковым листовидным копьям. Лезвия мечей хорошо заточены, и хотя плоская рукоять делает их не слишком удобными для боя, оружие вполне соответствует церемониальному назначению.

Контекст комплексов, содержащих парадное оружие и знаки власти, в том числе изготовленные с применением драгоценных металлов, указывает на то, что подобные предметы играли роль символов власти обожествляемого правителя – царя-жреца (термин П. Амье). О том же говорит и факт нахождения ценного оружия в храмовом комплексе.

Существовали и ремесленные орудия, предназначенные для использования в религиозных церемониях. Анализ древних письменных источников и изобразительных материалов позволяет утверждать, что, начиная с раннединастического периода, в Месопотамии и тесно связанной с ней общим направлением культурного развития Анатолии строительная деятельность осмыслялась как важнейшая функция правителя по поддержанию жизни конкретной городской общины и миропорядка в целом (Авилова, 2008, с. 170–178). Плотницкие инструменты служили атрибутами божеств. Так, солнечный бог Шамаш изображался с пилой. Поэтому весьма выразительно нахождение клада бронзовых плотницких орудий на храмовом участке раннединастического городского поселения Телль Хазна 1 в Северо-Восточной Сирии (рис. 3: 15–18). В состав комплекса входили два тесла разных типов, долото с желобчатым рабочим краем, орудие типа стамески, а также черенковая пила, которую автор считает кинжалом с зубчатым лезвием (Мунчаев, 2005, с. 15, рис. 1, 4; 4, 1–5).

Даже беглый обзор находок из храмовых комплексов приводит к мысли о том, что в эпоху раннего металла на Ближнем Востоке отчетливо проявляются черты «престижной экономики». Ее особенность заключается в том, что в условиях натурального хозяйства при ограниченности ресурсов и производительных сил в самодостаточных коллективах высокую ценность имели предметы – знаки высокого общественного статуса, духовного лидерства (тем более что эти аспекты власти были связаны теснейшим образом). Такие вещи изготовлялись из редких, ценных, красивых, а значит, практически всегда привозных материалов. Способом их

получения был обмен между родоплеменными группами. Организатором широких связей экономического и политического характера с территориями, имевшими богатые природные ресурсы, выступает общественная элита, связанная с храмовыми хозяйствами, этими центрами общественной и экономической жизни (Антонова, 1998, с. 131).

Отсутствие минеральных ресурсов в Южной Месопотамии служило стимулом для обмена на далекие расстояния и тем самым для расширенной добычи ценных и экзотических материалов – дерева, металлов, строительного и поделочного камня в регионах, располагавших такими ресурсами. Высокой интенсивностью обмена отмечен поворотный момент в истории Переднего Востока – урукский период. Древнейшие государства в это время ведут интенсивное храмовое строительство, вследствие этого велика потребность в привозных материалах. Именно храмы играли определяющую роль в функционировании широкой сети обменных связей урукского периода. Подчеркну, что в представлениях самих шумеров обмен сырьем, доставка различных ценностей осуществлялась в первую очередь с целью строительства и украшения земных обителей богов. В эпическом произведении «Энмеркар и правитель Аратты» (Крамер, 1965) имеется красочное повествование о доставке из горной страны Аратты ценных материалов, в том числе серебра и лазурита, для украшения храма в южномесопотамском городе Уре. Древние письменные документы относятся именно к храмовым хозяйствам и свидетельствуют о том, что в это время обмен производился храмами, которые являлись организаторами производства и распределения продуктов, в том числе привозных. О процессах перераспределения продуктов говорят и многочисленные оттиски печатей, сосредоточенные во вспомогательных помещениях храмовых комплексов. Многочисленные находки особо ценных вещей в храмах указывают на сосредоточение в них общественных богатств. Таким образом, служители культа распоряжались и пользовались этими вещами в ходе совершения религиозных обрядов и управления экономической деятельностью общины.

Эти факторы при постоянном росте населения имели ключевое значение для формирования централизованного контроля над сельскохозяйственными работами и ирригационными системами, потреблением, а также для создания резервов продовольствия. Запасы храмовых житниц могли использоваться при неурожае, для обмена, поддержания и пропаганды власти элиты, организации вооруженных отрядов. Рост городского населения и риск локальных неурожаев были среди причин, вынуждавших урукские общины конца IV тыс. до н.э. совершать дальние торговые экспедиции и основывать колонии далеко за пределами аллювиальной долины (Algaze, 1989). Не случайно урукские поселения-колонии расположены в рудоносных зонах – в Восточной Анатолии, Иране, богатых месторождениями меди и серебра. В эпохи раннего и среднего бронзового века (IV и III тыс. до н.э.) в месопотамском обществе достаточно четко выражены признаки централизации и экспансионизма.

Сложение системы «храмовой экономики» стало своеобразным ответом ближневосточного общества Эпохи раннего металла на сложность физико-географических и историко-культурных условий.

Литература

- Авилова Л.И., 2008* – Металл Ближнего Востока. Модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке // М.
- Антонова Е.В., 1998* – Месопотамия на пути к первым государствам // М.
- Дьяконов И.М., 1949* – Развитие земельных отношений в Ассирии // Л.
- Дьяконов И.М., 1959* – Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер // М.
- История Востока, 2002* – Восток в древности // т. I, М.
- ИДВ – История древнего Востока, 1983* – Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации // ч. I, Месопотамия. Ред. И.М. Дьяконов. М.
- Корниенко Т.В., 2006* – Первые храмы Месопотамии // СПб.
- Краммер С., 1965* – История начинается в Шумере // М.
- Мунчаев Р.М., 2005* – Месопотамия, Кавказ и Циркумпонтийская металлургическая провинция // РА, № 4.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., 1981* – Древнейшая металлургия Месопотамии // Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.
- Algaze G., 1989* – The Uruk expansion: cross-cultural exchange in early Mesopotamian civilization // Current Anthropology, vol. 30.
- Amiet P., 1977* – L'Art antique du Proche-Orient // Paris
- Deimel A., 1931* – Sumerische Tempelwirtschaft zur Zeit Urukaginas und seiner Vorgänger // AnOr, vol. 2, Roma
- Gelb I.J., 1969* – On the alleged temple and state economies in Ancient Mesopotamia // Studi in onore di E. Volterra. Vol. VI. Roma
- Gibson McG., 1973* – Population shift and the rise of Mesopotamian civilization // The explanation of cultural change: Models in prehistory. Ed. C. Renfrew. Pittsburgh
- Heinrich E., 1936* – Kleinfunde aus der archaischen Tempelschichten in Uruk // Ausgrabungen der Deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka. Vol. I. Leipzig
- Kirkbride D., 1974* – Umm Dabaghiyah: a trading outpost? // Iraq. Vol. 36.
- Maisler B., Stekelis M., Avi-Yonah M., 1952* – The excavations at Beth Yerah (Khirbet el-Kerak // Israel Exploration Journal. Vol. 2.
- Makkay J., 1983* – The origins of the «Temple-Economy» as seen in the light of pre-historic evidence // Iraq. Vol. 45, N 1.
- Mallowan M.E.L., 1947* – Excavations at Brak and Chagar Bazar // Iraq. Vol. 9.
- Mellaart J., 1965* – Earliest civilizations of the Near East // London
- Moorey P.R.S., 1982* – Archaeology and pre-Achaemenid metalworking in Iran: A fifteen year retrospective // Iran. Vol. 20.
- Moorey P.R.S., 1994* – Ancient Mesopotamian materials and industries. The archaeological evidence // Oxford
- Palmieri A., 1973* – Scavi nell'area sud-occidentale di Arslantepe // Origini. Vol. VII.
- Palmieri A., 1981* – Excavations at Arslantepe (Malatya) // Anatolian Studies. Vol. 31.
- Tallon F., 1987* – Métallurgie susienne I. De la fondation de Suse au XVIIIe siècle avant J.-C. I-II // Paris
- Speiser E.A., 1935* – Excavations at Tepe Gawra. Vol. I // Philadelphia
- Woolley C.L., 1956* – Ur excavations. The early periods. Vol. IV // London, Philadelphia

К вопросу об истоках культа Диониса

Шепард Генри (Филадельфия)

Рассматриваемый нами материал позволяет по-новому поставить вопрос о происхождении известнейшего индоевропейского элемента мифологии: верховного бога-громовержца Зевса и его сына Диониса, не только исключительно на почве религиоведческих и культурологических построений, но и на основе археологических находок, и данных по исследованию языка. Постараемся показать, как мифологическая тема, первоначально заключенная в ее внутренней структуре, по мере ее десемантизации и «упрощения» начинает воплощаться в ее внешних отношениях и логических связях.

В наиболее отдаленные дописьменные времена (пра)фракийцы оказали влияние на ряд народов западной цивилизации и подтолкнули их к технологическому прогрессу, в частности, к появлению промышленного виноделия. Дикий виноград рос повсеместно в тех зонах, где наместились первые очаги развитого человеческого сообщества, и поскольку их было несколько, окультуривание винограда возникло, вероятно, в нескольких местах (McGovern, 2003, p. 152–171). Местности, в которой происходило культурное возделывание винограда, должны были соответствовать определенным условиям: вхождение в зону распространения дикого винограда, наличие специфических климатических и погодных условий, а также появление и использование определенных слов и терминов, в лингвистической системе данной территории, указывающих на процесс изготовления и употребления вина. Однако ключевым моментом в таком поиске является степень развития религиозно-духовной жизни древнего общества с ранней дифференциацией божеств, в которой вино являлось отдельной и важной смысловой частью обрядового действия. Если исходить из предпосылки о том, что чем выше уровень развития виноделия, тем больше вероятность появления в пантеоне специального божества вина, то следует искать именно ту территорию, где это божество впервые появилось. В данной ситуации можно с определенной уверенностью утверждать, что наиболее ранним религиозным верованием, связанным с вином, является культ Диониса (Hesiod, 609; Euripides. *Vacchae*, 535, 650, 705–710, 770), распространенный в античный период в Эгейском мире и на Балканах. Согласно Геродоту (2.49, 52, 143–146) и другим античным авторам (Euripides. *Vacchae*, 230ff, 350ff; Apollodorus. 2.191) Дионис имел фракийское происхождение (Herod., 5.7; Diod. Sic. 4.81.1), являлся сыном

земной женщины Семелы и бога Зевса. Повествуя о Дионисе, письменные источники Древней Греции свидетельствуют о легендарном мифическом полубоге (Herod., 2. 52; Hyginus. Fabulae, 224), но в то же время в образе Диониса прослеживаются черты реальной исторической личности.

Имя Диониса, переведенное лингвистом Цымбурским через фракийскую ономастику, читается как имя эпиклеза: «Бога-Нашего», бога Среднего мира между Землей и Небом (Цымбурский, 2002). Тем самым он является, по сути, выражением культа бессмертия (Rohde, 1890–1894, p. 257–272; Rohde, 1925, 2: 27). Внешние атрибуты дионисийского культа: свита Диониса – Силен, научивший его виноделию, силены (демоны рек), сатиры (демоны лесов и предгорий), менады и особенно его главный атрибут – посох-тирс (Euripides. Bacchae, 705–710), указывают на определенную область – Нижнее Поднестровье. И не только из-за семантической и фонетической аттракции к слову Тирас – Днестр. Данная территория служила местом обитания (пра)фракийцев (Morintz, 1977, p. 1465–1488) и соответствует ареалу произрастания дикого винограда (Маркевич, 1981, с. 193). В данной ситуации исследователи отождествляют наиболее раннюю группу (пра)фракийцев с рядом культурно-хронологических образований периода позднего энеолита-ранней бронзы (Eliade, 1982, 2, p. 170–179), в том числе и с Усатовской культурой, что на самом деле, имеет под собой археологическую основу (Morintz, 1977, p. 1465–1488).

Появление памятников Усатовского типа в Северо-Западном Причерноморье связано с проникновением в регион с востока племен ямной культуры и их возросшей активностью, в результате которой постепенно приходит в упадок классическая культура Кукутень-Триполье. В этот же период, в Нижнем Поднестровье впервые появляются амфоры и кубки раннебронзовых культур Волини и Прикарпатья, шнуровая орнаментация которых отразилась на орнаментальных мотивах Усатовской культуры (Збенович, 1974, с. 141–147). Крупные усатовские кухонные и столовые сосуды, украшенные орнаментом из треугольников, заштрихованных отпечатками шнура или разрисованные кривой сеткой, вполне могут быть ассоциированы с употреблением и хранением вина. При этом следует отметить, что усатовские амфоры и кубки во многом типологически отличаются от керамических форм предшествующих этапов раннего и среднего Триполья Пруто-Днестровского междуречья (Петренко и др., 1989, с. 50–125).

Спустя определенный промежуток времени, в период поздней бронзы (XIII–XII вв. до н.э.) в Северо-Западном Причерноморье развивается такой тип амфоровидной посуды, как корчаги, ведущий свое происхождение из раннегалльштатских культур Среднего и Нижнего Дуная (Ванчугов, 1982, с. 50). Высота корчаг варьирует от 30 до 90 см (Ванчугов, 1982, с. 45), а объем исчисляется десятками литров. Вполне возможно, что и этот тип посуды активно использовался для изготовления и хранения вина. Кроме того, в позднем бронзовом веке развивается и такой тип посуды, как пифосы-горшки крупных размеров, зачастую вкапывавшиеся до горловины

в землю (Черняков, 1984, с. 37–39). Фрагменты крупных корчаг и пифосообразных сосудов были найдены в результате раскопок эпонимного Турдоровского поселения на Нижнем Днестре (Мелюкова, 1961, с. 113–134). В целом, пифосообразные сосуды с валиковой орнаментацией, а также корчаги относятся к генетически родственным, но более поздним сабастиновской и белозерской культурам Северного и Северо-Западного Причерноморья (Черняков, 1985, с. 146, 151).

В связи с тем, что в период энеолита – ранней бронзы у древнейших скотоводов преобладала мясная пища, кожа как производственное сырье имела в избытке. А излишки кожи были не только предметом экспорта, но и являлись материалом для хранения и транспортировки вина. Так, остатки кожаных изделий, в том числе мешков и даже бурдюков имеются в инвентаре подкурганых захоронений ямной культуры Нижнего Поднестровья (Субботин, 1980, с. 52–63). А ведь известно, что при изготовлении первых вин вначале использовались кожаные бурдюки-емкости, называемые фракийцами «залмос». Отсюда происходит Залмоксис – божество гетов Причерноморья, которого Гатри идентифицировал с подлинным фракийским божеством Дионисом (Элиаде, 1991, с. 7).

Вызывает интерес тот факт, что в современном румынском языке, имеющем фракийские корни, слово *zeamă într-un strugure* (зямэ ынтр-ун стругуре) – сок в виноградине, созвучно с кносским *zo-a/zoá* «отвар» (при приготовлении снадобья, зелья) (KN Fh 343), ζέω (зео) классического греческого «варить» и Зевс – «божество». В древнейшее время в процессе изготовления ряда хмельных напитков использовалось «варение» сока, меда и трав в кожаном мешке с завязанным горлышком, называемым *askos* или *korykos* (Kerényi, Manheim, 1976, p. 38, 43), останки которых, как отмечалось выше, обнаружены на Нижнем Днестре. Даже внешне процесс естественного брожения выглядит, как варение. Данная параллель с божеством винограда и Зевсом (Bloedow, 1991, p. 139–77), как выражением этого слова, не безосновательна. Оба божества имеют и схожие эпитеты – Элеутер, Сабазий и Меланегис. Тесная взаимосвязь фракийского Диониса – Сабазия с Зевсом, совместный культ которых отправлялся на Крите (KH Gh3), не ограничивается именем и мифологическим родством, но проявлялся и в конкретно протофракийских символических атрибутах, отождествляемых с обоими божествами – быком и дубом. Следует заметить, что вышеназванная символика являлась ведущей семантической составляющей в процессе сооружения древнейших храмов-святилищ в курганах Нижнего Поднестровья.

Фракийский язык был частью индоевропейской семьи языков. В прошлом даже считалось, что фракийский совместно с фригийским и другими исчезнувшими в этой группе языками принадлежали иранской ветви индоевропейских языков. С большой вероятностью древними индоевропейцами (или одной из их ветвей) можно считать так называемую «ямную культуру», носители которой в III тыс. до н.э. обитали в Молдавии, на востоке современной Украины и юге России (Szemerényi, 1999, p. 12, footnote 6).

Цымбурский, поправляя Дечева, выдвинул идею доиндоевропейского субстрата во всей балто-балканской полосе. Индоевропейские языки сатемного типа (языки германской ветви, фракийский и фригийский) оказались охвачены под влиянием этого субстрата передвижением смычных согласных звуков, пришедших с Востока (Цымбурский, 2003; Дечев, 1952, с. 55–56). Фракийская топонимика богата сквозными балтийскими аналогами и достаточно наглядно дополнена археологической схематикой школы Гимбутас, некоей фракийской семантической и морфологической спецификой, выделяющими такие случаи на фоне диалектных рефлексов тех же основ по иным диалектным ветвям индоевропейской семьи.

Итак, идея фракийской прародины в приморской зоне Нижнего Днестра могла бы существенно подкрепиться тем, что на этой прародине (пра)фракийцы заимствовали у ранних индоевропейцев имена, восходящие – в характерной фракийской аранжировке – к характернейшим терминам индоевропейского культурного словаря, включая обозначения для «сакрального царя», «жреца – совершителя возлияний», «коня» и смыслового комплекса «бога-громовержца». Этот гипотетический доиндоевропейский субстрат – источник, повлиявший на (пра)германский, затем верхний старогерманский и староанглийский.

Расшифровка слова «тирс» из дионисийского мифа напрямую затрагивает процессы, которые происходили в то время в Северном Причерноморье. Известно, что существовал некоторый догерманский субстрат в верхней части этого ареала, который и являлся тем самым доиндоевропейским субстратом. По мнению британского лингвиста Хоукинса, носители (пра)германского языка встретились с носителями некоего неиндоевропейского языка, из которого были заимствованы многочисленные элементы. Хокинс предполагает, что трансформации, описываемые законом Гримма, являются результатом попытки людей, говоривших на неиндоевропейском языке, выговорить звуки, опираясь на фонетику собственного языка. Хоукинс связывает этих людей с носителями культуры шнуровой керамики, которая, согласно некоторым гипотезам, сложилась в результате влияния индоевропейских мигрантов на носителей доиндоевропейской культуры воронковидных кубков. Новый свет на гипотезу догерманского субстрата пролила генетическая генеалогия. Если среди большинства индоевропейских народов по мужской линии доминируют различные субклады Y-хромосомной гаплогруппы R, то среди носителей германских языков отмечен исключительно высокий, по сравнению с прочими народами, процент гаплогрупп I1 и I2b, предположительно преобладавших среди доиндоевропейского населения Европы.

Нам еще придется вернуться к этим вопросам, но теперь мы имеем возможность пояснить, что хотели этим сказать, определяя обстановку на примере со словом из дионисийского культа – *тирс* – жезл-посох всех действующих лиц дионисийского мифа. Этимология исходит от значения на языке, где формировалась индоевропейская группа языков, через которую протекал Тирас – Днестр, и означало «великан, демон, волшебник,

колдун» (Wentersdorf, 1981, p. 492–516) – слова, сохранившегося в виде реликта в старо-английском и древнегерманском, с неясной этимологией, заимствованное из доиндоевропейского субстрата (Hawkins, 1990) Северного Причерноморья.

В дописьменное время, в Гомеровскую эпоху само слово «тирс» и его значение было почти утеряно. Гомер дает нам взамен (пра)– или негреческое заменяющее слово – Aigaion (Aigáiwv) (Fowler, 1988, p. 95–113), используя народную этимологию и интерпретируя его – «сильнее чем другие»; а другие прямо «гигант» (Gudemann, 1907, p. 85). Радермахер (Radermacher, 1938, p. 266 ff) считал его догреческим божеством, что и подтверждено находками. Конкретное доказательство существования человека с таким именем, связанным с находками Нижнего Днестра – *Тирис-ерое* – «Тирс предок-герой» (Antonaccio, 1995, p. 384) – родовое божество жреческой и гражданской микенской знати, обнаруженное в тех же линейных микенских табличках, на которых одновременно с ним фигурируют Дионис и Зевс (Тп 316.5, РУ 1204, Кп 02). Ведь греческое новообразование Дионис означало в тот микенский период всего лишь одного из богов плодородия, которое могло быть присуще его образу на предисторической ступени его генезиса. Подтверждает это и находки в легендарной Трое (Троя-VI) Малой Азии, в микенском стратуме которой найдена любопытная надпись (Schuchardt, 1922, p. 334–335) *па-то-ри Тури* (pa-to-ri Tu-ri) – отцу Тирису, описанная в работе Кембриджского классика А. Сэйса (Sauce, 1932, p. 11).

В связи с изучением феномена Диониса стало известно, что само слово *бог* и его понятие прошло некоторую эволюцию. Этот индоевропейский термин греки утратили уже к микенскому времени, но следы его сохранились лишь в реликтовых производных. Микенское слово *di-wo-ni-so-jo* являлось греческим новообразованием, возникшим в силу маргинализации и последующей непонятности старого термина, первоначально входившего в состав теонима. Как прозорливо заметил Цымбурский: «вытеснение, по-видимому, еще в домикенское время продолжения индоевропейской «*deiwo*s» формой *теос* (θεός), микенской *te-o* [древнефракийской – *desa(s)*, *disa(s)*] может свидетельствовать о существенном изменении самой концепции божества у расселявшихся по Балканам (пра)греков, в какой-то момент начавших трактовать его не в качестве аффлектоносного зрительного феномена, дива (и.-е. **dei* – «сиять, светить», др.-инд *didyati* и т.д.), но в смысле «веяния, наития, одержания» (*qeov*) < и.-е. **dhwes*– «дыхание, дух»), проявлявшегося, как показал – в том числе, на гомеровском материале – Э. Додс (2000), в иррациональных зигзагах человеческого поведения, в непредсказуемых, часто абсурдных, актах-эксцессах, «похищениях разума», но также в энтузиастических приливах мощи, пророческих внутренних голосах и т.д.» (Цымбурский, 2002).

Как раз этим фактором, вследствие чего и произошло то существенное изменение концепции божества, являлось создание напитка, способного не только на «похищение разума», пророческие внутренние голоса

(Силен ведь пророчествовал (Aelian. iii. 18) только после употребления хмельных напитков), но и консолидировать появившееся социальное расслоение путем создания эффективной религиозной концепции. Этот фактор, несомненно, должен был оставить след в истории в виде определенных материальных останков и лингвистических реликтов.

Человеку, употребившему хмельные напитки, хотелось выразить свои положительные эмоции в отношении окружающего его мира. Сначала это проявлялось в виде использования примитивного пения и такого же примитивного музыкального сопровождения, затем появилась другая форма метаязыка – устный рифмованный (по сути повторяющий примитивные аккорды музыкального такта), выраженный в форме дифирамба. Далее следует заметить, что истоки дифирамба лежат в дионисийском культе, его ритуале и ритмике, являясь основополагающей центральной линией (Mendelsohn, 1992, p. 105–124; Hauvette-Besnault, 1905, p. 170, 182; Privitera, 1977). Дифирамб – эпитет Диониса (Еврипид, 527–529), непосредственно связан с употреблением вина и музыкальным сопровождением. Первые дифирамбы в дописьменное время были чисто музыкальными, поэтому находки музыкальных инструментов особенно ранних, таких как, к примеру, в Оланештах (Иванова, 2001, гл. 2, п. 3; гл. 3, п. 5, рис. 7, 8), которыми воспроизводились ритмические действия, хорошо иллюстрируют наличие признаков ранней дионисийской традиции на земле Нижнего Поднестровья. Из произведений древнегреческих поэтов (Arkhiokhos. fr. 77B) в сферу словаря дифирамба дионисийского культа входили слова *συχκεραυοῖσαι*, *συχτρίαυοῖσαι*, *συχκεραυῶν*, означающие удар твердым предметом с последующим расчленением. Эти элементы культа наглядно представлены в энеолитических и раннебронзовых захоронениях на Нижнем Днестре. Это проявилось в находках целых, а также фрагментированных каменных топоров, особенно ранних, таких как, к примеру, в Оланештах. С другой стороны, производимое ими ритуальное убийство осуществлялось с целью имитации удара молнии Зевса громовержца (слово «Бог» на том этапе означало – «сиять, как сияют молнии»). Очевидно, действующие лица находились под влиянием алкоголя и эмоционального исступления и, что характерно, исполняли танец, идентифицированный под названием «тирбасия» (Pollux. Onomasticon, iv, 104), бывшим одной из ранних форм дифирамба. Само слово имеет фонетическую аттракцию с современным словом «сырба», один из видов танцев, сохраненный потомками фракийцев – молдаванами, румынами, болгарями, македонцами и частично греками.

Попытаемся провести определенный опыт исторической реконструкции, базирующийся на конкретных археологических источниках – материалах из раскопок курганов периода энеолита – ранней бронзы на Нижнем Днестре. Пробразом легендарного «Нисейского царя» Силену вполне мог быть вождь и верховный жрец эпохи энеолита, захоронение которого было исследовано в 1980 г. в кургане 1 у села Пуркарь (Яровой, 2005, с. 87–96). Усатовское погребение 21 являлось основным для

первоначальной насыпи кургана, которая имела высоту 5 м и диаметр 60 м (Яровой, 1990, с. 63, рис. 30). Эта насыпь перекрывала еще 2 сопровождающих захоронения Усатовской культуры (9 и 30), которые были совершены в погребальных камерах меньших размеров и имели более бедный погребальный инвентарь. Дальнейшие досыпки кургана связаны с раннебронзовыми племенами ямной культуры.

Согласно визуальным наблюдениям, мужчина в захоронении 21 у с. Пуркарь был высокого роста и, судя по массивному скелету, обладал недюжинной физической силой.

В инвентаре захоронения присутствовали все три инсигнии власти: 1) жреческая – один небольшой изящный кубок, украшенный сложным орнаментом (подробный анализ семантики орнамента данного сосуда см. далее), и еще четыре ритуальных сосуда изысканной формы с символической росписью разноцветной охрой и украшенных оттисками шнура; 2) военная – бронзовый кинжал и топор; 3) гражданская власть – резной деревянный дубовый скипетр-посох, роговая мотыга и одиннадцать кремневых вкладышей составного серпа.

Под крупным сосудом – амфорой находилось бронзовые шило и короткий нож с наполовину сточенной рабочей частью, а у лицевой части черепа были положены бронзовые долото, тесло и другие находки. Все эти предметы являлись в древности орудиями производства, и их значение в погребальном инвентаре отождествляется с гражданской властью погребенного в данном родоплеменном формировании. Ритуальные принадлежности, уложенные под амфорой, указывают на культ некоего божества, олицетворяемого содержимым данного сосуда, а форма и размеры сосудов наводят на мысль о том, что они могли использоваться для манипуляции с вином. Головной убор погребенного в древности был богато украшен плотно нашитыми цепочками из десятков мелких костяных бусин, а в области черепа было найдено четыре височных кольца, выполненных из серебра. Всего в погребении 1/21 у с. Пуркарь было обнаружено несколько сотен различных находок, из которых шесть изделий (орудия) выполнено из меди, а четыре (украшения) из серебра, редчайших и дорогих на тот период в Европе металлов.

Вызывают интерес и необычно крупные размеры амфор из трех основных усатовских погребений 11, 21 и 30 кургана 1 у с. Пуркарь. Их высота варьирует от 29 до 54 см, а наибольший диаметр тулова варьирует от 28 до 63 см. Это выделяет их из общей массы усатовской керамики, где преобладает посуда средних размеров, а самые большие емкости имеют высоту всего 17–27 см (Петренко и др., 1989, с. 50–125). Не противоречит общему культовому контексту погребального инвентаря и находка у черепа погребенного расписного тонкостенного кубка – специального парадного сосуда для определенных обрядов и церемоний. Вызывает интерес пластический орнамент и роспись, выполненная темно-коричневой и красной краской (охрой) на миниатюрной амфоре из погребения 21 (сосуд 3). На верхней части крышечки сосуда и по бокам амфоры имелись

ручки-упоры, выполненные в виде стилизованного изображения рогов быка (букрании!), а на крышечке и тулове сосуда имелись извилистые линии в сочетании с сетчатой раскраской, допускающие возможность трактовки данных линий, как изображение реки (Тирас, тирс). Подобная форма орнамента не случайна, она отмечена только на данном сосуде. Редкую для энеолита Северо-Западного Причерноморья пышность погребального обряда, как в самом захоронении, так и в связанном с ним святилище-бофре (культовая яма 1) (Яровой, 1990, с. 69, рис. 30), подтверждает и размер заупокойного пира-трапезы, с жертвоприношениями животных в честь умершего. Эта немаловажная деталь подтверждает нашу догадку, поскольку Дионис считался божеством пиршеств. Всего в погребальном жертвенном комплексе были найдены многочисленные кости овец, быков и благородных оленей. В том числе и скелет козы (козла?) (ипостась критского Диониса – Загрея (PY Ea 75 и PY Gn 431), считавшегося богом козы, которая разрывалась и съедалась в его честь. Его самый древний эпитет – *Melanaegis* (Pausanius. i. 38. § 8; ii. 35. § 1), т.е. «носящий шкуру черной козы», а именно с этим эпитетом он впервые появился в Греции, находился непосредственно в погребальной камере среди жертвенных сосудов. В какой-то степени, подобное соотношение погребального инвентаря (крупные амфоровидные сосуды, кубок, расписная амфорка и кости жертвенного козла) и его семантика имеет прообраз ряда составляющих элементов будущего Дионисийского культа.

На самом деле, необычный и богатый набор артефактов в качестве погребального инвентаря в одном захоронении, с которым связано строительство древнейшей курганный насыпи и связанной с ним мощной, до 2 м в высоту, каменной ограды – кромлеха, еще раз доказывают высокий социальный статус погребенного, учитывая объем работ по сооружению подкурганного комплекса и затраты на совершение заупокойных действий. Следует отметить, что курганы Усатовской культуры, исследованные в 1980 г. у с. Пуркарь, составляли компактный могильник из 5 курганных насыпей, в котором в общей сложности было исследовано 13 поздне трипольских захоронений с достаточно богатым инвентарем. С этими захоронениями также были связаны сложные культовые сооружения в виде каменных оград, вымосток и углубленных ям сложной конструкции – святилищ, заполненных костями животных и фрагментами керамики. На этом фоне погребение 21 из кургана 1 у с. Пуркарь выделяется размерами погребальной камеры, сложным двухсоставным перекрытием из дубовых бревен и более чем богатым набором погребального инвентаря, но самое главное – гигантским ростом погребенного. Данный погребальный комплекс, без сомнения, можно связать с представителем родоплеменной знати или же жреческого сословия Усатовского общества. Набор артефактов и детали погребального обряда достаточно убедительно доказывают наличие тех составляющих, которые, в дальнейшем, прослеживаются в культах, связанных с поклонением Дионису.

Набор ритуальных предметов и высокий социальный статус погребенного в Пуркарском кургане с большой долей уверенности могут быть связаны с тем мифическим персонажем, который дошел до античной эпохи в образе Силена, научившего Диониса виноделию. Опыт социально-исторической реконструкции неоднократно доказывает то, что легендарные персонажи нередко оказывались вполне реально существовавшими людьми. Следует предположить, что его реальное историческое имя звучало близко к слову Тирс. Теоретически, божеством, которому поклонялся этот вождь-жрец, мог являться Зевс-Сабазий (Aristophan. Av. 873), вернее, его доисторический праобраз. (Пра)фракийцы и другие, известные сугубо по археологической терминологии, индоевропейские народы эпохи энеолита-бронзы, поклонялись ему, представляемому в образе быка или человека с небольшими бычьими рогами. Результат этого поклонения отчетливо прослеживается в виде культа быка, свойственного ряду индоевропейских культур далеко за пределами территории Нижнего Поднестровья. И если первоначально данный культ нес сугубо скотоводческо-земледельческую нагрузку, то в дальнейшем с развитием виноделия он переходит в обрядовые действия вакхического характера, соответственно трансформируясь в элементы верования, связанного с поклонением Дионису.

Следует особо отметить, однако, что народная память с трудом удерживает «индивидуальные» события и «подлинные» лица. В своем функционировании она опирается на отличные от истории структуры: использует категории вместо событий, архетипы вместо исторических персонажей. Историческое лицо ассимилируется со своей мифической моделью (герой, праотец, и т. п.) и даже мифологическим элементом (посох-тирс), а событие интегрируется в категорию мифических действий (борьба с чудовищем Гренделем, борьба с титанами и т. д.). Тирс как историческое лицо просуществовал в памяти потомков, скорее всего, два, от силы три поколения, несмотря на свои незаурядные, природой данные, физические качества и способности. Этому также способствовал и немаловажный фактор отсутствия письменности. Обстановку в целом отчасти может объяснить появление на материальных предметах его имени, как героя и праотца, а в языках древних народов – слов, отражавших его наиболее значимые физические и социальные особенности.

К этому можно добавить, что слово «маг» пришло в древнегреческий и другие европейские языки из древнеиранского языка (а ведь археологически Северное Причерноморье не противоречит реконструкции места прахетто-лувийцев в ближайший преданатолийский период их истории между праиндоиранцами и племенами древнеевропейской общности (Gusmani, 1968, p. 79)), на котором создана священная книга древних персов Авеста. Греки классического периода стали именовать этим словом самих зороастрийцев, а в позднеантичной культуре слово «маг» потеряло свой этноконфессиональный оттенок и стало обозначать любого жреца, астролога и колдуна негреческого происхождения. Дело в том, что в индоевропейских языках есть корень *magh* – «высокий, большой», откуда в русском «могущество; мощь; помощь; я могу (т. е. «я в силе, я способен

на что-то»)», в английском *might, may*, в немецком *Macht, mogen* (те же значения). Древнеиранское слово *mogu* – «жрец» может происходить от того же общего корня. И если это так, то известна этимология слова «маг»: это человек, имеющий силу для какого-либо действия, тот, кто в состоянии что-то предпринять, либо человек, наделенный вообще недюжинной силой и ростом, что характерно для захоронения 21 у с. Пуркарь, как косвенного доказательства такой реминисценции.

Являлась ли эта область в древности винной и связана ли она с религиозной деятельностью? Судя по тем же микенским табличкам – можно ответить утвердительно. *Во-но-ва-ти-си* (*wo-no-wa-ti-si*) (PY Vn 48.6; Palmer, 1963, p. 414) – местность Ойна (*Oinoa* (Οἶνά)) или Ойне (*Oine* (Οἶνη)), вероятно, несет в себе значение «винная местность» (Pylos Xb1519; Puhvel, 1964, p. 168). *Ойум* также означает святую землю и указывает на Нижний Днестр. Территория эта (пра)фракийцами самоназывалась «*Перке*» – святая земля, земля священного огня, и если убрать не имеющие значение в лингвистике гласные – как связующие, то видна явная семантическая и фонетическая аттракция с «*Пурка*» (Цымбурский, 2003), т.е. Пуркары – чудом сохранившееся реликтовое производное. *Перкῶτη* – топоним на обращенном к Фракии троянском побережье (Илиада. II 835, XI 229, XV 547). Сюда же известные фракийские вотивы богу-коннику *Перкω Нρω* и «*Нрwei Перкωwei*» – образования, входящие в известный индоевропейский ряд дериватов от основ **perkwo-*, **perkwo-*, которые обозначают «гору (курган), скалу», «горный лес, дубовый(!) или сосновый», «обитающего на горах (курганах) грозового бога» (Зевса, Диониса, хеттского Тархуна).

Сами же (пра)фракийцы были известны под именем куреты (пеласги – странники, переселенцы) (Гиндин, 1967). Земля куретов отмечена специальным знаком еще в протописьменности Крита времен Фестского диска (Молчанов, 1980/1988: см. перевод В29, где вместо названия города стоит: 29–34–23–25 = KU – R. – TO – P2A = земля куретов). Слово Пуркары может также происходить из фракийского – *πορις* «сын» в смысле «богорожденного», т.е. Диониса.

В эпоху неолита – ранней бронзы племена, жившие в Северном Причерноморье, устанавливают связи с далекими средиземноморскими странами (Иевлев, 2003), где и появляются первые сведения о данном культе. Появление в ряде пунктов Эгейского мира определенного типа лепной посуды, не схожей с ахейской, в период, предшествующий падению микенских городов, обратило на себя внимание исследователей (Lewartowski, 1989, p. 64–182). Д. Раттер, впервые обративший серьезное внимание на этот элемент, чуждый микенской культуре, отмечал, что ареал этой керамики довольно обширен: Подунавье, Малая Азия-Троя, Север Италии, но исходным центром «варварской керамики» он все же считал территории «фракийского гальштата», простиравшиеся от Балкан до Днестра (Rutter, 1975, vol. 79; Сафронов, 2000) и далее до Буга. Эта грубая лепная посуда, по мнению Раттера, морфологически была очень близка керамике культурно-исторического массива Ноуа-Сабатиновка-Кослоджень, занимавшего территории от Нижнего Дуная до Нижнего Днестра в XIV–XII вв. до н.э.

И.Т. Черняков относил «варварскую керамику» из ахейских центров и Трои к культуре Сабатиновка (Черняков, 1984, с. 34–42). Немаловажное значение для данного вопроса имеют находки северопричерноморских образцов бронзового вооружения, обнаруженные при раскопках памятников Крито-Микенской цивилизации (Klochko, 1993, р. 74–76). Находки наконечников копий и кинжалов сабастиновского типа фиксируются в Восточном Средиземноморье на Крите, в Кноссе и на Кипре (Sandars, 1978, р. 93–94).

Имеются неоспоримые языковые соответствия гомеровской Трои с ранними фракийцами. В частности, *Zéleia* – местность на северо-востоке Трои – фракийские глоссы: *ζεας, ζήλας, ζίλαι* со значением «вино» < индо-европейское *g'hel(H)-yo-/*g'hl(H)-yo-, греческое *χάλις* «молодое вино», славянское «зелье». Отражение древности фрако-троянской общности периода эпохи ранней бронзы (III тыс. до н.э.) Гиндин видел даже в самом названии Трои (*Τροία*) и троянцев (*Τρωες*) с этимологической основой *Trous-, и доказывал, что это та самая основа, служащая исконным обозначением (пра)фракийских этносов, давшая в конечном итоге, собирательный термин *Θράκες, Θράκιες* < *Traus-ik = «фракийцы». Гиндин создает образ Трои, в древности своим именем включавшейся в «Пра-Фракию». Эта проблема также представляет собой немалый интерес для исследователей, так как известно, что в греческой мифологии царь Трои – Трос (близкое – Тирс) назвал страну по своему имени Троей. Имя «Троя» фигурирует в хеттских архивах как Таруиша. На египетской стеле времен Рамзеса III упомянута его победа над морским народом «турша». Это название часто сопоставляют с народом «тереш», упомянутым несколько ранее на знаменитой стеле Мернептаха. Единства во мнениях о том, были ли эти пришельцы троянцами, в научном мире не наблюдается.

В слоях Трои VII была обнаружена печать с лувийскими иероглифами (Latacz, 2004, р. 69). В сочетании с последними данными о том, что имена Приама и других троянских героев, скорее всего, имеют лувийское происхождение, в научном мире все более укореняется мнение о том, что древние троянцы говорили на лувийском наречии, и он был официальным языком гомеровской Трои. Многообразие живых контактов малоазийских греков с носителями хетто-лувийского религиозного наследия (Blümel, 1926, р. 78–84) посредством гомеровских элементов «эпического словаря» (Илиада.VII, 85, XVI, 456, 674) привело к тому, что при усвоении таких слов как *taràu-*, *taràuii* «геройский», *taràuilatar* «сила», мифологической фигуры бога грозы – верховного божества хетто-лувийцев *Тархунта*, или *Тарху* (являющиеся производными (пра)фракийской основы *Тирс*) греческим языком их мифологические отсылки оказались редуцированы, связь с центральной фигурой хетто-лувийского пантеона утерялась. Цымбургский (Цымбургский, 2007, 1.2–21) не видел принципиальной типологической разницы между предполагаемым соотношением анатолийского *Tarhu-*: **tarhuwa*, греч. *ταρχύω* и греческой моделью *Βάκχος : βακχεύω* «праздновать Вакховы празднества», «быть посвящаемым в Вакховы мистерии» – собственно «проникаться Вакхом, уподобляться ему», скалькированной в латинском *Bacchus: bacchor, -ari*. В греко-малоазийском *ταρχύω* отразился

мотив героического погребения с превращением усопшего в существо, наделенное сверхъестественной силой – в одного из богов или полубогов (= греч. *αὐτρωΐζω* (Надь, 2002, с. 176–178, 181), толкование, основанное на идее преодоления смерти в культе. Здесь имеет место отдаленное преломление в тархуш неких «хтонических» свойств и связей малоазийского громовержца *Тархунта*, или *Тарху* (Pugliese, 1954, p. 79–82). Просмотр всех контекстов, приводимых в текстах «Thesaurus Linguae Graecae» – *тархуш*, без исключения, обозначает непосредственно погребение останков – чаще всего в земле с насыпанием надгробного кургана, изредка с каменной нишей, что мы и наблюдаем в 21-ом пуркарском захоронении Тирса и других курганов из группы захоронений Нижнего Поднепровья.

В произведениях античного мифографа Гая Юлия Гигина и Плиния Старшего наиболее наглядно выражено имя первооткрывателя виноделия – Керас (Cerasus) (Plin. 7, 436; Гигин. Фабулы, I.274) – Терас, Тирс. Его семантика – рог, рогатый. У Тирса даже жертвенные сосуды – рога-тые, а изображения реки на сосудах это смешивание вина с водой священной реки. Мы хотели бы развить и дополнить эту догадку следующими соображениями, поскольку на это указывают, по-видимому, некоторые данные по исследованию языка. Имеет смысл сравнить греческое слово *kšraj* (Beekes, 2009, p. 337), означавшее «рог, в который дуют, или при помощи которого пьют», с метафорическим значением – «ответвление русла реки». Микенская диалектная форма *keraa /keraha/*, дериваты формы «*keras-tj m.* – «рогатого существа», вероятно, восходят к ранней основе *тирс*. Днестр в древнее время перед слиянием с Черным морем разделялся на две ветви, где сейчас болотистые топи днестровского лимана, поэтому значение дионисийского посоха-тирса – как ветви имело двойной мифологический смысл – и как ветви винограда, и как аллегорической формы ветви реки Тирас. Также, в том же этимологическом словаре греческое слово *kerauŋŌj* – «гром, гроза, молния» и *terpi-kšraunoj* (s. v.), *gcei-kšraunoj* – «тот, кто мечет молнией» (даже в эпитете Диониса *Сабазиос* проглядывается форма божества *Зиос* – Зевс) или производное *kerauŋ... aj, -n...thj* – «камень-молния» Зевса – и глагол *kerauŋŌmai, -Ōw* – «пораженный молнией» Зевса, все семантически связаны в контексте рассматриваемой нами проблемы.

Тирс, как мы уже отметили ранее, поклонялся своему отцу громовержцу Зевсу в форме *Сабазия*. Только с изобретением им вина, давшего ему путь к прозрению тайн бессознательного, привело его к созданию стройной религиозной системы. Легко можно себе представить, что спустя почти три тысячи лет со времени происходивших событий, в период, когда отсутствовала письменность, дошли до Гигина и Плиния, хоть и в несколько искаженном, но почти в неизменном виде сведения о легендарном Тирсе, вероятно, проживавшем и захороненном в окрестностях молдавского села Пуркары.

Похоже, что впечатляющие факты такого рода действительно есть. Их не так много, но эта немногочисленность объясняется в частности и тем, что языковой материал – это в массе своей личные имена, между тем как

в археологическом материале этот пласт лишь в очень ограниченной мере допускает убедительное этимологизирование. Тем не менее, эти считанные случаи, похоже, способны пролить дополнительный свет на раннюю северо-причерноморскую, нижнеднестровскую стадию (пра)фракийского этно- и культурогенеза в общем процессе формирования индоевропейского языка и культуры.

Литература

Ванчугов В.П., 1982 – О появлении корчаг в памятниках эпохи поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев

Гиндин Л.А., 1967 – Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. Фрагмент индоевропейской ономастики // М.

Гиндин Л.А., 1993 – Население гомеровской Трои // М.

Дечев Д., 1952 – Характеристика на тракийский язык // София

Збенович В.Г., 1974 – Позднетрипольские племена Северного Причерноморья // Киев

Иванова С., 2001 – Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья // Одесса

Иевлев М., 2003 – К проблеме связей Северного Причерноморья с Восточным Средиземноморьем в XV–V вв. до н. э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в Средние Века. Резюме докладов XI международной научной конференции, 31 мая – 5 июня 2003 г., Ростов-на-Дону

Маркевич В.И., 1981 – Позднетрипольские племена Северной Молдавии // Кишинев

Мелюкова А.И. 1961 – Работы в Поднестровье в 1958 г. // КСИА АН СССР, М.

Молчанов А.А., 1980 – Таинственные письмена первых европейцев // М.

Надь Г., 2002 – Греческая мифология и поэтика // М.

Петренко В.Г. и др., 1989 – Новые источники и проблемы изучения позднего Триполья на западе Причерноморских степей // Патокова Э.Ф., Петренко В.Г., Бурдо Н.Б., Полищук Л.Ю. Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье, Киев

Сафронов А.В., 2000 – Проблема датировки Троянской войны в контексте великого переселения народов в последней четверти II тыс. до н.э. // Сборник Русского исторического общества, вып. 2 (150).

Субботин Л.В., 1980 – Некоторые особенности погребальных обрядов племен ямной культуры устья Днестра (По данным раскопок Семеновской экспедиции) // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытно-общинного строя, Киев

Цымбурский В.Л., 2002 – Имя Диониса // *Colloquia classica et indogermanica* III. Классическая филология и индоевропейское языкознание. СПб.

Цымбурский В.Л., 2003 – Славянское и балканское языкознание: Человек в пространстве Балкан. Поведенческие сценарии и культурные роли // М.

Цымбурский В.Л., 2003 – Этно- и лингвогенез Трои как преломление индоевропейской проблемы // Вопросы языкознания, № 3.

Цымбурский В.Л., 2007 – Греческий глагол ΤΑΡΧΥΩ «погребая» и малоазийский миф о поражении бога-победителя // ВДИ, 2007, № 1.

Черняков И., 1984 – Связи сабастиновских племен Северо-Западного Причерноморья с Восточным Средиземноморьем: по керамическим находкам // Северное Причерноморье (Материалы по археологии), Киев

- Черняков И., 1985* – Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. // Киев
- Элиаде М., 1991* – От Залмоксиса до Чингиз-хана // Кодры, № 7.
- Яровой Е.В., 1990* – Курганы эпохи энеолита-бронзы Нижнего Поднестровья // Кишинев
- Яровой Е.В., 2005* – Мистика древних курганов // М.
- Antonaccio C., 1995* – The Thrice Hero and ancestor cult // Ancient Greece: from the Mycenaean palaces to the age of Homer, by Sigrid Deger-Jalkotzy, Irene S. Lemos. Edinburgh
- Beekes R., 2009* – Greek etymological dictionary // Leiden
- Bloedow E., 1991* – Evidence for an Early Date for the Cult of Cretan Zeus // Kernos, vol. 4.
- Blümel R., 1926* – Homerisch τὰρχύω // Glotta 15, 1926.
- Eliade M., 1982* – A History of Religious Ideas // vol. 2, Chicago–London
- Fowler R.L., 1988* – ΑΙΓ // Early Greek Language and Myth. Phoenix. Vol. 42, No. 2.
- Gudemann A., 1907* – Grundriss der Geschichte der Klassischen philology // Lpz.
- Gusmani R., 1968* – Il lessico ittito // Napoli
- Hawkins J.A., 1990* – Germanic Languages // The Major Languages of Weste in Europe, ed. Bernard Comrie, Routledge
- Kerényi K., Manheim R., 1976* – Dionysos: Archetypal Image of Indestructible Life // Princeton
- Klochko V.I., 1993* – Weapons of the tribes of the Northern-Pontic zone in the 16TH-10TH centuries B.C. // Baltic-Pontic studies, vol. 1, Poznan
- Latacz J., 2004* – Troy and Homer // Oxford
- Lewartowski K., 1989* – The Decline of the Mycenaean Civilization: An Archaeological Study of events in the Greek mainland // Archiwum Filologiczne, № 43, Wrocław
- McGovern P., 2003* – Ancient Wine: The Search for the Origins of Viniculture // Princeton.
- Mendelsohn D., 1992* – The Classical Journal. 87.
- Hauvette-Besnault A., 1905* – Archiloque: Sa vie et ses posies // Paris
- Privitera G., 1977* – Il ditirambo da canto culturale a spettacolo musicale // Rito e poesia corale in Grecia, ed. Claude Calame, Bari
- Morintz S., 1977* – Probleme privind originea tracilor in lumina cercetărilor arheologice // Revista de istorie, 18, t. 30, București
- Pugliese Carratelli G., 1954* – τὰρχύω // Archivio glottologico italiano, 39.
- Puhvel J., 1964* – Eleuther and Oinoatis: Dionysiac Data from Mycenaean Greece // Mycenaean Studies, ed. Emmett L. Bennett Jr. Madison
- Radermacher L., 1938* – Mythos und Sage bei den Griechen // Munich
- Rohde E., 1890–1894* – Psyche. Seelencult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen, zwei Bände // Leipzig
- Rohde E., 1925* – Psyche: The Cult of Souls and the Belief in Immortality among the Greeks, trans. by W. B. Hillis // London
- Rutter J., 1975* – Ceramic evidence for northern intruders in Southern Greece at the beginning of the Late Helladic IIIC period // American Journal of Archaeology, Boston, vol. 79.
- Sandars N.K., 1978* – The Sea People. Warriors of ancient Mediterranean 1250–1150 B.C. // London
- Sayce A.H., 1932* – The Phrygian Hero Tyrus // The Classical Review, vol. 46, No. 1, Cambridge
- Schuchardt H., 1922* – Schliemann's Discoveries
- Szemerényi Oswald J. L., 1999* – Introduction to Indo-European Linguistics // Oxford.
- Wentersdorf Karl P., 1981* – Speculum. Vol. 56, № 3.

К семантике некоторых изображений на медно-бронзовых амулетах Маргианы и Бактрии

Сарианиди В. И. (Афины)

Владимир Александрович Сафронов, к которому я всегда относился с большой симпатией, был светлым, душевным, по-настоящему русским человеком. Он внес в отечественную археологию огромный вклад своими полевыми исследованиями и великолепными трудами, которые заняли в ней заслуженное место. Будучи филологом по первому образованию, он разобрал все аргументы лингвистов, и смело обратился к решению индоевропейской проблемы, сочетая в своей работе данные индоевропейского языкознания и археологии (Сафронов В.А., 1989). Он первым среди отечественных археологов критически рассмотрел доминирующую в археологии «курганную» концепцию Марии Гимбутас и «степную» – Дж. Мэллори, и в числе первых откликнулся на известный труд лингвистов Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова «Индоевропейцы и индоевропейский язык», увидев в отличие от многих в «археологической» части их труда рациональное зерно в виде ближневосточного контекста для индоевропейцев. Он сформулировал свою, оригинальную концепцию трех индоевропейских прародин, в которой убедительно показал роль Анатолии в истории праиндоевропейцев. В последний год жизни Владимир Александрович Сафронов обратился к сравнительно-исторической мифологии, где показал методiku хронологизации мифа и связь разных мифологических сюжетов с евразийским и ближневосточным периодом истории праиндоевропейцев (Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1999).

Эта тема близка и нам. Обратимся к новейшим археологическим данным, полученным во время многолетних работ в современном Туркменистане и Афганистане.

Две древние страны Бактрия в Афганистане и Маргиана в Туркменистане резко отличаются от многих остальных государств Ближнего Востока наличием большого числа каменных и бронзовых печатей и амулетов с нанесенными на них смысловыми изображениями. Такое положение позволило за достаточно короткие полевые, экспедиционные сезоны собрать, раскопать и опубликовать достаточно представительную коллекцию таких печатей и амулетов в виде отдельной книги, включающей около двух тысяч таких печатей и амулетов (Sarianidi, 1998).

Рис. 1.

Среди медно-бронзовых амулетов и печатей, найденных в афганской Бактрии, выделяется один, который был выставлен на аукционе отеля Друот. Сам амулет имеет плоскую, круглую форму с двухсторонним изображением с обеих сторон. На одной его стороне изображена композиция в виде коленопреклоненной человеческой фигуры с птичьей головой, держащей за хвосты двух змей, заканчивающихся в свою очередь парой рогатых козлов, как бы прыгающих на упомянутого птице-человека (Sarianidi, 1998, fig. 916). На второй стороне этого же амулета четко прослеживается изображение гордо шагающего двугорбого верблюда, которого за повод ведет явно ребенок, если не младенец.

Второй, аналогичный медно-бронзовый амулет был обнаружен при раскопках храмового памятника Дашлы-3. На одной стороне этого амулета изображено дерево с парой порхающих птиц, а на другой имеется рисунок также двугорбого верблюда, перед которым располагается пухлый ребенок (Sarianidi, 1998, fig. 888). Представляется, что только недостаток свободного места на этой композиции объясняет отсутствие изображения «повода», связывающего ребенка, скорее всего «подпаска», с шагающим за ним верблюдом.

Здесь же отметим, что на печатях и амулетах Бактрии и Маргианы нередко изображения других животных и иногда именно двугорбого верблюда. Обычно рисунок подпаска-погонщика отсутствует, возможно, из-за недостатка свободного места. Надо отметить, что изображения

людей (нередко крылатых) достаточно часто встречаются на печатях Бактрии (Sarianidi, 1998, fig. 1–63). Почти столь часты рисунки обезьян (Sarianidi, fig. 68–73), что, конечно, не случайно, особенно, если учесть, что в естественном виде они в Бактрии не известны. Вполне логично предположить, что такие изображения могут указывать на связи с Индией еще в III–II тыс. до н.э.

Единичные изображения верблюдов есть в Маргиане и особенно Бактрии (Sarianidi, fig. 108–110), где они бывают показаны даже в такой редкой позе, как в процессе копуляции (fig. 111). Такие рисунки с изображениями одногорбых верблюдов известны в той же Бактрии и Маргиане, не оставляя никакого сомнения в том, что это и была страна, где вполне вероятно, впервые появились и были одомашнены эти животные.

Ряд исследователей высказывали предположение, что Зарашутра в детстве был подпаском. На основании повторяющихся изображений на описанных амулетах можно говорить об устойчивой иконографии Зарашутры для этих регионов

Литература

- Сафронов В.А., 1989* – Индоевропейские прародины // Горький
Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1999 – Истоки славянской и евразийской мифологии // М.
Sarianidi V. I., 1998 – Myths of Ancient Bactria and Margiana on its seals and amulets // М.

Резьба на ножнах из Тахти-Сангина в свете сравнительной индоевропейской мифологии

Коровчинский И.Н. (Москва)

Храм Вахшу (в греческом произношении – Окса), бога реки Амударьи, на городище Тахти-Сангин (южный Таджикистан, древняя Северная Бактрия) является, несомненно, одним из наиболее ярких археологических памятников эллинистической Бактрии. Раскопки, проведенные в 1976–1991 гг. Кобадянским отрядом Южно-Таджикистанской археологической экспедиции и возобновленные в 1998 г. Институтом археологии АН Таджикистана, выявили крупное и величественное архитектурное сооружение, возведенное в III в. до н.э. и исключительно богатое археологическими находками. В частности, в храме было найдено колоссальное количество предметов вооружения эллинистического периода, часть из которых представляют собой также произведения искусства, будучи украшены художественными изображениями¹.

Некоторые из этих изображений обнаруживают связь с культами водной стихии. Например, на бутероли ножен № 1155 изображена ихтиокентавресса – существо, сочетающее в себе черты человека, лошади, птицы и рыбы. Рукоять ксифоса (меча) № 1124 украшена сценой борьбы Геракла с речным богом Ахелоем. Все это заставляет предполагать, что оружие с данными изображениями не случайно оказалось в храме, посвященном Оксу – богу одноименной реки (теперешней Амударьи). Весьма вероятно, что данные предметы вооружения с самого начала были изготовлены с целью посвящения их в данный храм. В зороастризме известна практика украшения стен храмов огня предметами вооружения, символизовавшими «воинские» качества огня как стихии – защитницы сил света от сил тьмы (Бойс, 2003, с. 104). В храме Окса имелись алтари огня, вместе с тем этот храм в целом был посвящен божеству реки. Неудивительно поэтому, что хранившиеся в нем предметы вооружения посвящались одновременно огню и водной стихии.

¹ Храм и сделанные в нем находки подробно описаны в многотомном издании: Литвинский, Пичилян, 2000; Литвинский, 2001. Готовится к печати третий том, посвященный найденным в храме произведениям искусства. Находки, сделанные начиная с 1998 г., публикуются А. Дружининой в «Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan».

Особенно очевидным нам представляется изначальное вотивное предназначение ксифоса 1124. Уже первые исследователи храма, Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян, признали, что тот «был, очевидно, предназначен для использования в церемониальных целях» (Litvinskij, Pičikjan, 1999, p. 77). Согласно описанию Б.А. Литвинского, его «рукоять очень нарядная, очевидно, парадная. Выполнена из куска слоновой бивня. Сверху рукоять завершается низким цилиндром, в центре расширена, а в нижней своей части переходит в раздвоено-уплощенную форму «ласточкиного хвоста». В целом несколько напоминает очертания рыбы» (Литвинский, 2001, с. 264). Сама сцена борьбы, согласно Б.А. Литвинскому и И.Р. Пичикяну, представлена следующим образом: «На обеих сторонах [рукояти – И.К.] Геракл стоит, выпрямившись в полный рост. Левой рукой он пригибает книзу голову Ахелоя, упершись левой ногой в бедро соперника. Ахелой, согнув одну ногу, пытается высвободиться, стремясь отделить левую руку Геракла от своих волос. Геракл облачен в свой обычный атрибут – плащ из шкуры льва, завязанный узлом под подбородком. Ахелой может быть опознан по своему неизменному атрибуту – заостренному вверх козлиному уху; он облажен. Оба персонажа обладают атлетическим телосложением, изображенным анатомически корректно» (Litvinskij, Pičikjan, 1999, p. 77–78) (рис. 1).

Мы видим, что перед нами «очень нарядное парадное» оружие с дорогой рукоятью из слоновой кости, украшенной высокохудожественной резьбой. Такого рода оружие едва ли могло использоваться в бою, где дорогому, хрупкому и тонко выполненному изделию были бы скоро нанесены повреждения. Скорее оно могло быть предназначено для церемониальных целей. Вызывает интерес и форма рукояти, напоминающая очертания рыбы. Рыба была символом бога Окса. С рыбой в руке он постоянно изображается на кушанских монетах (Rosenfeld, 1967, p. 92, 101); кроме того, рыба как символ Окса могла изображаться упрощенно – наподобие лежащей на боку строчной греческой буквы «гамма». Такой упрощенный символ имеется на знаменитом перстне 105 из Клада Окса, на котором, кроме того, выгравировано изображение быка, сопровождающееся подписью WHŠW – «Вахшу» (Литвинский, Пичикян, 2000, с. 33). Перстень с гравировкой в виде такой «гаммы» был найден и в храме Окса в Тахти-Сангине (Там же, с. 71). «Хвост» этой «гаммы» также вызывает ассоциации с формой рукояти ксифоса 1124.

Все это заставляет предположить, что форма рукояти также была выбрана не случайно и символически связана с культом Вахшу. Отсюда напрашивается вывод о том, что ксифос, возможно, с самого начала был изготовлен с целью посвящения его в храм Вахшу в качестве вотивного или ритуального предмета. Если же так, то и сцена, выгравированная на его рукояти, может быть не случайной и как-то связана с культом Вахшу.

Уже руководитель раскопок храма, И. Р. Пичикян, предложил отождествить изображенного на рукояти Ахелоя с Вахшу (Пичикян, 1991, с. 177–178). Возможность такого отождествления подтверждается

найденным в том же храме аналогом – вотивной фигуркой, представляющей собой с точки зрения иконографии типичное изображение играющего на флейте Марсия, бога одного из рукавов малоазийской реки Меандр. На постаменте этой фигурки имеется греческая надпись ΕΥΧΗΝ ΑΝΕΘΗΚΕΝ ΑΤΡΟΣΩΚΗΣ ΟΞΙΝΙ («По обету посвятил Атросок Оксу») (Перевод Ю.Г. Виноградова). В связи с этой статуэткой тот же И.Р. Пичикян заметил, что бог, изображенный как греко-фригийский Марсий, на деле оказывается Вахшу-Оксом, представленным в виде Марсия (Пичикян, 1991, с. 171–172). Соответственно, ничто не мешает предположить, что и бог крупнейшей реки европейской Греции – Ахелой, изображенный на рукояти ксифоса 1124, также может быть Вахшу, представленным в виде Ахелоя. Приведенные выше соображения о предназначении ксифоса делают это весьма вероятным.

Другие источники, связанные с культом Вахшу, показывают, что он обладал и иными чертами, сближающими его с Ахелоем. Например, если Ахелой был оборотнем, способным принимать облик быка или человека с бычьей головой (Soph. Trach. 9–13; Apollod. II. 7. 5; Ovid. Met. IX. 81–86), то Вахшу, судя по перстню 105 из клада Окса (см. выше), также мог изображаться в облике быка.

Связь водных божеств с образом быка характерна как для греческой, так и для индоиранских религий. М. Нильссон пишет, имея в виду Грецию: «У каждой реки был свой бог. Изображались такие боги в виде быков или же быков с человеческими головами» (Нильссон, 1998, с. 16). Это подтверждается находкой изображения быка в храме речного бога Памиса в Мессении, сделанной шведскими археологами (Литвинский, Пичикян, 2000, с. 320). Подобные примеры можно найти и в других мифологических системах. В Шумере лунный бог Нанна, от которого зависел разлив Евфрата, изображался в виде быка (Афанасьева, 1992, с. 386). В пехлевийском трактате «Дадестан-и Меног-и Храд» упоминается человекобык Гопатшах, который «вечно сидит на берегу моря (реки)» (цит. по: Ртвеладзе, 1995, с. 71; см. тж.: Тревер, 1940, с. 75). В Ригведе (X. 75. 3–4) река Инд сравнивается с быком, а ее притоки – с бегущими к быку коровами. В Армении источники украшались вырезанными из камня бычьими шкурами и головами рыб (Тревер, 1940, с. 76). Все эти примеры свидетельствуют в пользу того, что образы как Ахелоя, так и Вахшу восходят к общему индоевропейскому (а судя по шумерскому примеру, даже более древнему – но, во всяком случае, общеиндоевропейские корни здесь очевидны) прототипу. Сходство двух божеств вновь могло быть замечено в эллинистический период, когда два индоевропейских народа – греки и бактрийцы – вновь вступили в тесный контакт.

Некоторые признаки указывают на то, что Ахелой, равно как и Вахшу, были богами не только конкретных рек, но покровительствовали целому ряду водных источников. Например, согласно средневековому исламскому ученому Бируни, хорезмийцы видели в Вахшу «ангела,

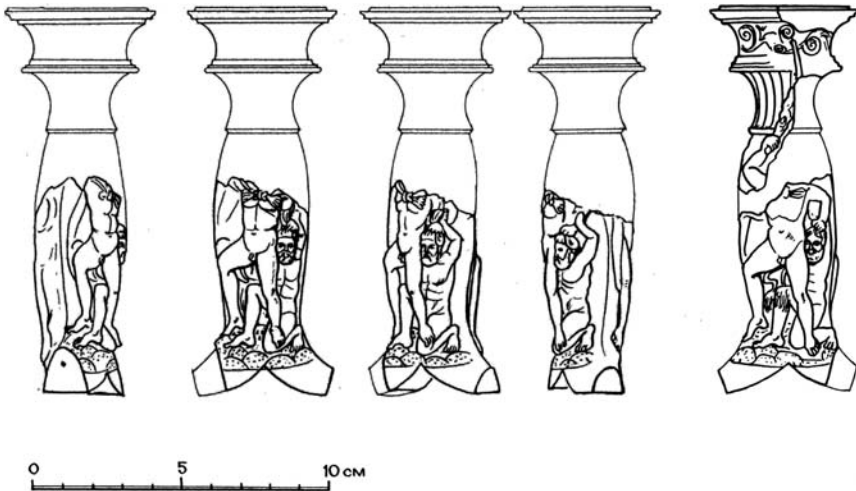

Рис. 1. Рукоять ксифоса 1124.

поставленного [наблюдать] над водами, в частности над рекой Джейхуном» (т.е. Амударьей) (Бируни, 1957, с. 258). У Платона в «Федре» читаем о роще с источником в окрестностях Афин: «Судя по изваяниям дев и жертвенным приношениям, видно, здесь святилище каких-то нимф и Ахелоя» (230b, перевод А.Н. Егунова) – хотя река Ахелой протекает значительно западнее Аттики. Это могло послужить поводом к отождествлению двух богов разных народов, весьма типичному для древнего мира (ср. для Ирана отождествление Ахурамазды с Зевсом, Митры с Аполлоном и т. п.).

Но если это так, то изображенная на рукояти сцена борьбы, взятая в целом, тоже не может не иметь отношения к мифологии и культу Вахшу. Соответствие в бактрийском пантеоне, несомненно, должно было иметься не только у Ахелоя, но и у Геракла.

Сама по себе бактрийская мифология крайне плохо освещена источниками. На наш взгляд, однако, было бы вполне правомерно обратиться за аналогией к материалу скифских мифов. Скифы, как и бактрийцы, говорили на языке одной и той же восточноиранской подгруппы языков. Столь значительная степень родства языков не может не сопровождаться также значительной близостью культуры и религии говорящих на этих языках народов. В скифской мифологии имелся миф о борьбе Геракла с богом реки Аракс. В греческой надписи, найденной неподалеку от Рима и давно привлекавшей внимание скифологов, излагаются события жизни Геракла, в том числе следующие: «Переправившись же отсюда [из Фракии – И.К.] в Скифию, он (Геракл) в схватке победил Аракса и, вступив в связь с его дочерью Ехидной, произвел сыновей, Агафирса и Скифа» (IG XIV 1293a, 93–94, перевод И.И. Толстого

(Толстой, 1966, с. 235)). И.И. Толстой убедительно показал единство мифа о борьбе с Араксом с рассказом Геродота (IV. 9–10, здесь и далее цитаты из Геродота в переводе Г.А. Стратановского), повествующим о связи Геракла со скифской змееной девой (Ехидна – «змея») и о рождении от нее сыновей. Последние, в свою очередь, согласно Геродоту, были предками двух одноименных степных народов – агафирсов и скифов. Кроме того, от Скифа, согласно Геродоту, «произошли все скифские цари» (IV. 10).

Согласно греческому мифу о борьбе Геракла с Ахелоем, схватка между ними также произошла из-за Деяниры, дочери калидонского царя Ойнея. Геракл, победив в борьбе, женился на Деянире, которая родила ему сыновей, ставших предками многочисленных царских династий Гераклидов – от полумифических правителей крупнейших центров Пелопоннеса II тыс. до н.э. до одной из династий Спарты и македонских Аргеадов (Любкер, 1888, с. 471–472). Сходство между скифским и греческим мифом совершенно очевидно, и поскольку крайне маловероятно, что важнейший для скифов миф о происхождении их народа и царской власти был заимствован ими у греков, речь, несомненно, должна идти об общих индоевропейских корнях того и другого сказания.

Согласно Д.С. Раевскому, в скифском Геракле следует видеть Таргитая – первочеловека (аналог зороастрийского Гайомарда), который был сыном богини Апи, дочери реки Борисфен (Днепр) и позднее вступил с ней в типичный для иранцев сакральный кровосмесительный брак. Аналогом служат отношения Гайомарда и язата земли Спэнта-Армаити, как они описаны в пехлевийском «Денкарте». Это служит гарантией того, что в своей основе данное сказание является общим для всех мифологических систем ираноязычных народов – следовательно, и бактрийской.

Примечательно, что Геродот называет жену-мать Геракла дочерью не Аракса (Волги), а Борисфена (Днепра) (IV. 5), т. е. в различных версиях данного скифского мифа могли фигурировать боги разных рек Скифии. Д.С. Раевский пишет: «Сопоставление версий... свидетельствует, что конкретным обиталищем богини мыслился водный источник, протекающий в местности, где разветвляется действие легенды согласно данной версии, или, в конечном счете, *каждый* источник» (Раевский, 1977, с. 49).

Название «Аракс» в древности могла носить не только Волга, но и Амударья (Раевский, 1992, с. 54; Пьянков, 1997, с. 284). Если к этому прибавить то, что уже у скифов в мифе о борьбе с Гераклом мог фигурировать бог любой водной артерии, то ничто не мешает предположить, что у близко родственных скифам бактрийцев персонажем подобного мифа мог выступить бог Амударьи.

Таким образом, вполне вероятно, что на рукояти ксифоса из Тахти-Сангина под видом сцены из греческого мифа в действительности представлена сцена из сходного бактрийского мифа, в котором Вахшу-Окс терпит поражение от героя, отождествленного с Гераклом – скорее

всего, также в борьбе за руку женщины. Степень сходства греческого и скифского мифа не делает невероятным предположение о том, что и в бактрийском мифе от брака местного «Геракла» с этой женщиной произошли местные бактрийские правители.

Доказательством того, что данный миф был известен бактрийцам не только в период эллинизма, может, на наш взгляд, служить пластинка, найденная в 1977 г. возле кишлака Кара-Пичок в Гиссарской долине на западе Таджикистана (территория древней Согдианы) и датированная III–IV вв. н.э. (кушано-сасанидский период), на которую нанесено примитивное по стилю, но весьма интересное изображение (рис. 2). Главным персонажем изображенной на пластинке сцены является Геракл, опознаваемый по львиной шкуре на плечах и дубинке, которую он держит в правой руке, занеся ее над головой, как и тахти-сангинский Геракл. Как и этот последний, он стоит, расставив ноги, лицом к зрителю; на голове у него – корона, на поясе – колчан. Правой рукой он держит за волосы антропоморфное существо, изображенное крайне условно, но обладающее, тем не менее, двумя характерными признаками – большой длиной волос и низким ростом. Первое явно сближает его с тахти-сангинским Ахелоем, второе, видимо, является отражением характерного приема восточного искусства, позволяющего по росту персонажей судить об их силе и значении, отличать победителей от побежденных. Эллинистический мастер, не посмеяв отойти от реализма греческого искусства, передал ту же идею более тонко, «поставив» Ахелоя на одно колено и тем самым зрительно уменьшив его рост; однако цели использования того и другого приема, несомненно, совпадают. Наконец, следует добавить, что персонаж с длинными волосами, как и Ахелой на рукояти из Тахти-Сангина, оказывает сопротивление Гераклу, пытаясь оторвать его руку от своих волос (Виноградова, Пьянкова, 1983, с. 65–68; Абдуллаев, 1988, с. 29, 32–34)².

Рис. 2. Пластинка из Кара-Пичока (III–IV вв. н.э.)

² Последний автор считает, основываясь главным образом на низком росте противника Геракла и не учитывая при этом, что в искусстве многих восточных народов подчиненные и побежденные изображаются низкорослыми, что здесь изображена сцена убийства Гераклом в приступе безумия собственного сына. Но маловероятно, что неумелый провинциальный (может быть, даже деревенский) мастер, живший много веков спустя после гибели Греко-Бактрии, знал этот не слишком популярный сюжет греческой мифологии.

В конечном итоге можно предположить, что миф о борьбе бактрийского героя с Вахшу – богом реки Амударьи – за руку девушки, которая позднее стала женой героя, был известен в Бактрии на протяжении многих веков, как минимум, начиная с периода эллинизма и заканчивая кушано-сасанидским периодом. Возможно, какие-либо новые находки в будущем смогут пролить дополнительный свет на данный аспект бактрийской мифологии.

Если же наше предположение верно, то изображение на ксифосе, по сути, отождествляющее бактрийский миф с греческим, может служить интересным примером как бы вторичного «воссоединения» мифов, происходящих от единого индоевропейского прототипа. Распад индоевропейского единства закономерно привел к тому, что и единый праиндоевропейский миф о борьбе героя с речным богом также разделился на множество вариаций, но эпоха эллинизма, когда народы, прежде потерявшие контакт друг с другом, вновь начали обретать его в рамках мировых держав, привела как бы к вторичной попытке восстановить прежнее единство в том числе в плане религии и мифологии. Разумеется, эта попытка не могла прийти к полному успеху – слишком велики были накопившиеся культурные и исторические различия между индоевропейскими народами – но само по себе наличие подобной попытки не может не вызвать интерес как яркая черта эпохи.

Литература

- Абдуллаев К., 1988* – О культе Геракла в Бактрии (некоторые вопросы иконографии) // История материальной культуры Узбекистана, вып. 22, Ташкент
- Афанасьева В.К., 1992* – Нанна // Мифологический словарь. М.
- Бируни, 1957* – Бируни Абурейхан Мухаммед ибн Ахмед. Избранные произведения // т. 1, Ташкент
- Бойс М., 2003* – Зороастрийцы: верования и обычаи // СПб.
- Виноградова Н.М., Пьянкова Л.Т., 1983* – Работы в Гиссарской долине в 1977 г. // Археологические работы в Таджикистане, вып. 17, Душанбе
- Литвинский Б.А., 2001* – Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан) // т. 2, Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.
- Литвинский Б.А., Пичикян И.Р., 2000* – Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан) // т. 1, М.
- Любкер Фр., 1888* – Реальный словарь классической древности // СПб.
- Нильссон М., 1998* – Греческая народная религия // СПб.
- Пичикян И.Р., 1991* – Культура Бактрии: Ахеменидский и эллинистический периоды // М.
- Пьянков И.В., 1997* – Средняя Азия в античной географической традиции // М.
- Раевский Д.С., 1977* – Очерки идеологии скифо-сакских племен // М.
- Ртвеладзе Э.В., 1995* – Бактрийский Гопатшах. (Нефритовая пластинка с изображением бактрийского правителя и человеко-быка) // ВДИ, № 1.
- Толстой И.И., 1966* – Черноморская легенда о Геракле и змееной деве. // Толстой И. И. Статьи о фольклоре. М.
- Тревер К.В., 1940* – Гопатшах – пастух-царь // Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа, т. 2, Л.
- Litvinskij B.A., Pichikjan I. R., 1999* – Handles and Ceremonial Scabbards of Greek Swords from the Temple of the Oxus in Northern Bactria // East and West, 49.
- Rosenfeld J.M., 1967* – The Dynastic Art of Kushans // Berkeley-Los Angeles

Древнеримское жречество и сенат (по поводу концепции Р. Митчелла)

Сморчков А. М. (Москва)

Роль и значение жречества в республиканском Риме отличались значительным своеобразием по сравнению с другими стадияльно близкими цивилизациями, что определялось, в первую очередь, возникновением в античности уникального социально-политического феномена гражданской общины. Для классической и поздней Республики, а, на мой взгляд, и для ранней Республики, можно говорить лишь о косвенном политическом влиянии жрецов (собственно, понтификов и авгуров). Тем не менее, у авторов конца Республики и эпохи Империи, чьи сведения лежат в основе наших знаний об архаическом Риме, общим местом стало представление о большой роли, которую во времена предков играло мудрое руководство со стороны жрецов (Cic. Div. I. 89; Leg. II. 21; 30; III. 11; 43; Liv. I. 20. 6; 36. 6; Dionys. II. 73. 1–2; Val. Max. I. 1. 1; Fest. P. 113L; 200L; Plut. Numa. 9). Наиболее полное выражение этот тезис получил уже за пределами античности в сочинении ранневизантийского автора Иоанна Лиды «О магистратах» (VI в. н.э.), который утверждал, что первоначально Римом правили именно жрецы, чья власть позднее перешла к светским (гражданским) органам: «Всякому известно, что прежде жрецы стали впоследствии магистратами римского государства» (Lyd. Mag. Praef., ср. I. 35). Впрочем, следует отметить, что представления Лиды о римской Республике не отличаются точностью, а порой просто парадоксальны. Для примера можно привести его рассказ о мерах, якобы принятых римлянами из страха перед Александром Македонским (Ibid. I. 38). По этому поводу в свое время Ливий едко заметил, что в ту пору римляне и имени такого не слышали (Liv. IX. 18. 6).

Конечно, наличие властных полномочий у жрецов весьма распространено в архаичных обществах. Поэтому в современной историографии имеется направление (хотя не преобладающее), стремящееся придать римскому жречеству самостоятельную политическую роль. Неформальным центром политического и религиозного управления в эпоху Республики являлся сенат, чью роль не стоит недооценивать и для царского периода. Поэтому вопрос о взаимоотношениях жречества с этим органом власти имеет особое значение. Наиболее последовательную концепцию предложил известный американский исследователь, профессор университета штата Иллинойс, Ричард Митчелл, считающий,

что жрецы после получения жреческого достоинства автоматически становились сенаторами, образуя там группу т. н. *patres*, наделенных особыми сакрально-политическими полномочиями – назначать интеррексов и давать религиозную санкцию общественным решениям, т. е. *auctoritas patrum* (Mitchell, 1990, р. 63 (общая формулировка гипотезы); 69–70, 73, 98, 104–105, 115, 130). Причем за членами важнейших жречеств указана привилегия, по его мнению, сохранялась вплоть до конца Республики (Ibid., р. 69, 109, 114). Эту концепцию разделяет и ученик Р. Митчелла Г. Форсайт (Forsythe, 2005, р. 167–169). В отечественной науке ее поддержал Л. Л. Кофанов (2006, с. 124–126).

Конечно, нельзя исключить, что некогда в начале римской истории некий орган управления («сенат») действительно пополнялся в первую очередь жрецами. Вряд ли здесь найдутся какие-либо иные аргументы помимо общих соображений и аналогий. Однако, признание автоматического получения жрецами членства в сенате и при Республике – серьезное и важное утверждение, в корне меняющее распространенные представления о социально-политической роли и значении республиканского жречества, а потому на нем следует остановиться особо.

Главный аргумент Р. Митчелла (1990, р. 74–75, 115, 121) заключается в уникальном случае, который произошел в 209 г. до н.э.: фламмин (жрец) Юпитера Г. Валерий Флакк потребовал и получил право доступа в сенат, т. е. политические полномочия, именно в силу своего избрания на эту жреческую должность (Liv. XXVII. 8. 4–10). Помимо Ливия, эту историю изложил также Валерий Максим (VI. 9. 3), но он ограничился лишь моральной стороной рассказа (обращение развратного Флакка к строгому соблюдению религиозных требований), опустив все, связанное с сенатскими претензиями жреца. Несомненно, важную роль в событиях сыграл понтифик Л. Валерий Флакк, старший брат Г. Валерия, явно повлиявший на выбор, сделанный верховным понтификом П. Лицинием (Fowler, 1893, р. 194). Видимо, он надеялся таким образом образумить своего непутевого брата, и надежды его, надо сказать, оправдались.

Фламмин Юпитера (наряду с весталками) представлял собой один из немногих реликтов чрезвычайно архаичного жречества, отличительными чертами которого являлись особый сакральный статус личности жреца, выделенность из мирского жизни, полная посвященность службе богам. Все сказанное целиком относится к фламину Юпитера, чья жизнь определялась несколькими десятками религиозных запретов (Gell. X. 15; Plut. QR. 40), а сам он считался «ежедневно священнодействующим» (*cotidie feriatus*: Gell. X. 15. 16, ср. Serv. auct. Ad Aen. VIII. 552), т. е. каждый момент находящимся при исполнении обрядов. Другими словами, вся его жизнь представляла собой сплошной ритуал, так что ему вменялось в обязанность даже постоянно носить свою жреческую шапку (Gell. X. 15. 17; Plut. QR. 40; App. BC. I. 65; Serv. auct. Ad Aen. I. 305; VIII. 552; Isid. Etym. VII. 12. 18–19). Многочисленные сакральные ограничения, окружавшие личность этого жреца, явно выдают в нем хорошо известную в этнографии

фигуру «священного царя», характерную для поздней первобытности и стадии политогенеза. Обозначавший его термин *Dialis* уводит нас в чрезвычайно далекую древность индоевропейской общности, являясь производным от слова *dies* «день, свет» (индоевр. **dyuṣi*) (Ernout, Meillet, 1939, p. 268–270), связанного с обозначением высшего божества: *Diespiter* = *Iuppiter*, *Zeus* > *gen. Dios*. Все эти обстоятельства определяют значимость анализа указанной истории, единственной в своем роде.

В первую очередь, обращает на себя внимание, что претензии Г. Валерия Флакка вызвали серьезные сомнения и у современников, и у позднейшего историка (Ливия), изложившего данный эпизод: «тем не менее, все считали, что фламин добился этого (доступа в сенат. – А.С.) скорее за святость (своей) жизни, чем по праву (своего) сана» (*Liv. XXVII. 8. 10*). Воспротивился притязаниям фламينا претор Л. Лициний, указывавший, что такого прецедента не было на памяти ни отцов, ни дедов (*Ibid. 9*). На стороне Г. Валерия выступили плебейские трибуны – явно в силу каких-то собственных сиюминутных интересов, ибо трудно представить их охранителями старинных патрицианских привилегий. Впрочем, нельзя не отметить, что для Р. Митчелла это не аргумент: исследователь считает плебейских трибунов дореспубликанской магистратурой (1990, p. 150), изначально важной частью государственного аппарата (*Ibid.*, p. 191–220), сравнивает их со жрецами (*Ibid.*, p. 212–217).

Не меньшее недоумение вызывает и утверждение (видимо, Г. Валерия), что требуемое право было забыто из-за «недостойного поведения» (*ob indignitatem*: *Liv. XXVII. 8. 7*) прежних фламинов. Что понимать под этим, учитывая высокое сакральное значение юпитерова фламината? Предшественник Г. Валерия некий, ближе неизвестный, Г. Клавдий в 211 г. до н.э. был вынужден отказаться от сана из-за ритуальной ошибки – неправильно передал на алтарь внутренности при жертвоприношении (*exita perperam dederat*: *Liv. XXVI. 23. 8*; *Val. Max. I. 1. 4*). Вряд ли этот пример жесткого ритуализма, характерного для римской религии, может что-либо сказать о самом фламинате. Несколько ранее (около 223 г. до н.э.) ту же ритуальную ошибку совершил М. Корнелий Цетег и также лишился какого-то жреческого сана, по всей видимости, опять-таки юпитерова фламината (*Val. Max. I. 1. 4*; *Plut. Marcel. 5*. Анализ см.: *Szemer 1972, 70, 96–97, 105*). Тем не менее, трудно обвинить в недостойном поведении человека, удостоившегося затем (в 213 г. до н.э.) понтификата, в 209 г. до н.э. – цензорства, а в 204 г. до н.э. – консульства (*Münzer, 1900, Sp. 1279*), можно сказать, на глазах того же Г. Валерия.

В свою очередь, плебейские трибуны указывали на «нерадение» (*inertia*: *Liv. XXVII. 8. 10*) прежних фламинов в этом вопросе, что весьма сомнительно ввиду исключительной амбициозности римской знати. Амбициозен был и молодой Г. Валерий, о чем свидетельствует весьма неплохая политическая карьера: несмотря на все сложности, с которыми он столкнулся в силу многочисленных религиозных табу, связанных с этим фламинатом, он стал курульным эдилом (*Ibid. XXXI. 7–9; XXXII. 7. 14*)

и претором (Ibid. XXXIX. 45. 2; 4). Никакие другие жрецы не выдвигали подобных претензий. Считать же, что они по умолчанию входили тогда в сенат, нет никаких оснований. Было бы странно, если бы стоявшие ниже по рангу фламина Марса и Квирина входили в сенат, а их старшие товарищи, фламины Юпитера, «забыли» об этом до Г. Валерия. Явно на этот шаг его подвигло наличие у юпитерова жреца, подобно магистратам, тоги-претексты, курульного кресла и ликтора (Liv. I. 20. 2; XXVII. 8. 8; Serv. Ad Aen. VIII. 552; Plut. QR. 113; Fest. P. 82L, s. v. flaminus lector; Ovid. Fast. II. 21–24). Исходя из названных почетных прав, Й. Вангаард считал фламина Юпитера если не магистратом, то, по крайней мере, в качестве точного эквивалента магистрата (Vanggaardt, 1988, p. 63, 67). Все же вряд ли эти параллели могут свидетельствовать о наличии политических прерогатив у жреческой должности. Ведь ликторов имели и весталки (Plut. Numa. 10), а тогу-претексту носили юноши до получения взрослой тоги и должностные лица, не являвшиеся сенаторами: магистраты в колониях и муниципиях и магистры городских кварталов (Liv. XXXIV. 7. 2). Во всяком случае, такого рода аргумент не может считаться самодостаточным и наглядным. И ни в коем случае нельзя забывать о том, что речь идет о политических претензиях одного-единственного жреца: даже если фламин Юпитера некогда имел право заседать в сенате, данное обстоятельство еще не доказывает общезреческий характер указанной привилегии.

Интересную информацию дает история снятия освящения с дома Цицерона в 57 г. до н.э., в которой важную роль сыграла коллегия понтификов. То, что в указанном году не все ее члены были сенаторами, ясно следует из письма Цицерона Аттику (IV. 2. 4) по этому поводу: «присутствовали все понтифики, которые были сенаторами» (*adhibentur omnes pontifices qui erant senatores*), т. е. имелись понтифики (понтифик) и не сенаторы. Этот смысл допускает и Р. Митчелл, предлагает следующее объяснение: «Предположительно (*admittedly*) язык намекает, что не все *pontifices* были сенаторами, но не все члены понтификальной коллегии были одинаково важны. Коллегия включала всех *flamines*, *rex sacrorum*, многих младших жрецов, служителей и подчиненных (включая весталок)» (Mitchell, 1990, p. 68). При чем здесь две последние категории (весталки и служители) – не ясно. Но, главное, исследователь не обратил внимания, что эта фраза была повторена в речи Цицерона «Об ответе гаруспиков» (§ 13): *cum omnes pontifices, qui erant huius (senatorii: речь была произнесена перед сенатом. – А. С.) ordinis, adessent*. Чуть ранее здесь же (§ 12) он поименно перечислил членов коллегии понтификов, присутствовавших при принятии решения в его пользу. Всего присутствовало 13 понтификов (из 15), оба старших фламина (место юпитерова было вакантно на тот момент), царь священнодействий и все три младших понтифика. Верховный понтифик (и проконсул) Г. Юлий Цезарь находился в своей провинции. Не назван был и, соответственно, отсутствовал лишь один понтифик – враг Цицерона, тот самый, который совершил упомянутое посвящение, Л. Пинарий Натта. Цицерон характеризует его как молодого человека

(*adulescens*: Cic. Dom. 118; 139), противопоставляя понтификам, которые уже занимали магистратуры: *honoribus populi Romani ornati* (Ibid. 118). Соответственно, он и был тем понтификом, который не входил в сенат.

Следует отметить, что по сути неверен неоднократно приводимый Р. Митчеллом аргумент типа «Гальба был сенатским легатом годом ранее (110 г. до н.э. – А.С.), но мы не знаем никакой светской должности, которая дала бы ему право на членство в сенате..., следовательно, его назначение базировалось на его жреческом достоинстве» (Mitchell, 1990, р. 111). Все же мы весьма недостаточно информированы о персональном составе римских магистратур, особенно низших, в т. ч. для конца II в. до н.э., как в данном примере. К тому же прохождение магистратуры не было строго обязательным для членства в сенате. Составление списка сенаторов (*lectio*) после плебисцита Овиния (около 312 г. до н.э.) находилось в руках цензоров, и разные обстоятельства могли повлиять на их решение. Крайний пример – пополнение сильно поредевшего сената после битвы при Каннах диктатором, специально назначенным для исполнения цензорских функций: из-за нехватки кандидатур диктатор М. Фабий Бутеон записал в сенат не только экс-магистратов, но и выдающихся воинов, например, тех, кто получил т. н. гражданский венок (Liv. XXIII. 23. 5–6). Так что, по крайней мере, после плебисцита Овиния об автоматическом получении места в сенате говорить не приходится, в т. ч. и для экс-магистратов, о чем свидетельствует интересная история, рассказанная Валерием Максимом (II. 2. 1а). В ней упомянут экс-квестор, занимавший должность тремя годами ранее, но еще не включенный цензорами в состав сената. Каким образом пополнялся сенат ранее – в силу отсутствия данных возможно любое предположение.

Конечно, все или почти все члены ведущих жреческих коллегий были сенаторами, но это обстоятельство не придавало сенату жреческий характер. Тем более неуместна аналогия такого рода: «...сенат часто действовал как жреческая коллегия, заседая в храме» (Кофанов, 2006, с. 124). Сенат, действительно, мог заседать только в *templum* (Varro ap. Gell. XIV. 7. 7 (общая формулировка требования); Varro. LL. VII. 10; Cic. Dom. 131; 137; Mil. 90; Liv. I. 30. 2; XXVI. 30. 11; 31. 11; 33. 4; XXIX. 19. 3; XXXVII. 49. 4; 52. 9; 53. 1; Serv. Ad Aen. I. 446; IV. 200; VII. 153; 174; IX. 4; XI. 235). Этот термин первоначально означал участок земли, освященный авгурами и выделенный из профанного пространства. Соответственно, он мог означать и храм, ибо храмы строились именно на таком месте. Но *templum* являлись и Ростры (Liv. II. 56. 10; III. 17. 1 (сп. 20. 6); VIII. 14. 12; 35. 8 (сп. 33. 9); Cic. De imp. Gn. Pomp. 70 (сп. 1); Vatini. 24; De inv. II. 52; Val. Max. IV. 5. 3), откуда магистраты обращались к народу и где стояли кандидаты во время выборов: разве это говорит об их жреческом статусе? С другой стороны, римские жрецы не были напрямую связаны с храмами, а их заседания могли проходить и в доме магистра коллегии, как явствует из протоколов арвальских братьев (Источники и анализ см.: Сморгков, 2001, с. 218–219, 222). Вполне естественно желание сената решать

общественные дела под эгидой богов в освященном месте, и это желание не являлось монополией жречества.

На мой взгляд, нельзя согласиться и с мнением, что жреческие коллегии можно рассматривать как постоянные комитеты сената (Szemler, 1971, p. 106; Beard, 1990, p. 38, 40; Gordon, 1990, p. 180; Rosenberger, 2007, p. 293). Это некорректно хотя бы потому, что комплектовались коллегии без участия сената, путем самостоятельной кооптации. Предложивший эту идею Г. Сземлер сам же показал, что в I в. до н.э. наличие жреческого сана не давало сенатору формального преимущества (*ius*) в высказывании своего мнения, имея лишь моральное значение (Szemler, 1976, p. 53–58; см. также: Scheid, 1984, p. 269), т. е. в сенате он считался прежде всего сенатором. Никаких сведений, что ранее было иначе, у нас нет. Организационно и хронологически принятие решения жреческой коллегией по поручению сената отделялось от его заседания, что показывает та же история со снятием освящения с дома Цицерона в 57 г. до н.э. Тогда сенат постановил доложить о религиозном запрете коллегии понтификов (Cic. *Har. Resp.* 11), и хотя почти все понтифики были сенаторами, необходимость специального доклада уже фактически информированным жрецам не вызывала сомнений. Далее Цицерон отметил, что его дело заслушивалось «в двух местах» (*duobus locis dicta*: *Ibid.* 12), явно имея в виду место заседания сената и место заседания понтификов, т. е. коллегия собралась отдельно, что подчеркивает ее организационную обособленность от сената. И лишь на следующий день после принятия понтификами решения оно было сообщено сенату, после чего тот утвердил окончательное постановление (*Ibid.* 13). Весь этот механизм определенно является пережитком другой эпохи, когда доклад в жреческой коллегии не представлял собой всего лишь необходимой формальности в силу установившегося обычая. Деятельность в качестве сенатора и деятельность в качестве понтифика четко различались, даже если оба достоинства соединялись в одном лице (Bleicken, 1957, S. 366). В данной истории это ясно выражено в ответе понтифика М. Лукулла на вопрос, чем понтифики руководствовались, принимая решение о доме Цицерона (Cic. *Ad Att.* IV. 2. 4): «Он сам и его коллеги вынесли постановление с точки зрения религии; в сенате же они намерены решать вместе с сенатом с точки зрения закона» (*se et collegas suos de religione statuisse, in senatu de lege statuturos cum senatu*). Соответственно, жреческая коллегия воспринималась как нечто особое, не сливаясь с сенатом, несмотря на сенаторский ранг почти всех ее членов.

Таким образом, хотя жрецы в эпоху Республики, несомненно, входили в сенат, но не вследствие своего жреческого достоинства: не оно определяло членство в сенате, а иные, светские, основания. В тесной связи с возникновением гражданской общины характерными чертами республиканской религиозной организации стали подчиненность жречества светской власти, отсутствие у него собственных корпоративных интересов, разделение сакральной (*sacrum*) и политической (*publicum*) сфер, прямая связь гражданина с общественным культом. Формирование их было обус-

ловлено, прежде всего, результатами патрицианско-плебейской борьбы, но в немалой степени – и логикой борьбы с царской властью. Ведь, собственно говоря, опасным для общественной системы являлось не столько получение жрецом политических функций в силу избрания его на политическую должность, сколько получение политических полномочий одновременно с введением в жреческий сан. Когда само жреческое достоинство сочетается с определенными элементами властвования, это грозит возможностью создания альтернативного аппарата управления. Разделение двух сфер, достаточно четко осуществленное в Риме после свержения царской власти, исключало подобную возможность.

Литература

- Кофанов Л.Л.*, 2006 – Lex и Ius: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н.э. // М.
- Сморчков А.М.*, 2001 – Коллегия арвальских братьев // Жреческие коллегии в Раннем Риме. М.
- Beard M.*, 1990 – Priesthood in the Roman Republic // Pagan Priests. Religion and Power in the Ancient World. Ithaca (New-York)
- Bleicken J.*, 1957 – Oberpontifex und Pontifikalkollegium. Eine Studie zur römischen Sacralverfassung // Hermes. 85, 3.
- Ernout A., Meillet A.*, 1939 – Dictionnaire étymologique de la Langue Latine // Paris.
- Forsythe G.*, 2005 – A critical history of early Rome: from prehistory to the first Punic War // Berkeley
- Fowler W.W.*, 1893 – The Strange History of a Flamen Dialis (Note on Livy XXVII. 8) // The Classical Review. 7, 5.
- Gordon R.*, 1990 – From Republic to Principate: priesthood, religion and ideology // Pagan Priests. Religion and Power in the Ancient World. Ithaca (New-York)
- Mitchell R.E.*, 1990 – Patricians and Plebeians. The Origin of the Roman State. Ithaca (London)
- Münzer F.*, 1900 – Cornelius (№ 92) // Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft von Pauly-Wissowa. Halbbd 7 // Stuttgart
- Rosenberger V.*, 2007 – Republican nobiles: Controlling the Res Publica./ A Companion to Roman religion // Ed. J. Rüpke, Oxford
- Scheid J.*, 1984 – Le prêtre et le magistrat. Réflexions sur les sacerdotés et le droit public à la fin de la République // Des ordres à Rome. Ed. C. Nicolet, Paris
- Szemler G. J.*, 1971 – Religio, Priesthoods and Magistracies in the Roman Republic // Numen. 18, 2.
- Szemler G. J.*, 1972 – The Priests of the Roman Republic // Bruxelles
- Szemler G. J.*, 1976 – Sacerdotes publici and ius sententiam dicendi // Hermes. 104, 1.
- Vanggaardt J.H.*, 1988 – The Flamen. A Study in the History and Sociology of Roman Religion // Copenhagen

Палеоэкологические условия Волго-Донских степей в эпоху энеолита и бронзы (IV–II тыс. до н.э.)

***Демкин В.А., Борисов А.В., Удальцов С.Н., Демкина Т.С.,
Хомутова Т.Э., Каширская Н.Н., Саламахин А.Ю. (Пушино)***

Достигнутый в последние десятилетия существенный прогресс в познании истории развития природной среды в древности и средневековье в первую очередь обязан широкомасштабным естественнонаучным исследованиям грунтовых поселенческих и погребальных (курганы) археологических памятников. Комплексные работы специалистов в области естественных наук и археологии привели к формированию новых междисциплинарных направлений, в частности, геоархеологии, петроархеологии, зооархеологии, археофитоиндикации, археоастрономии и др. К числу наиболее информативных объектов в решении вопросов эволюции почв и динамики климата за историческое время, в оценке роли окружающей среды в жизни древнего населения относятся палеопочвы, погребенные под разновозрастными курганными насыпями эпох энеолита, бронзы, раннего железа и средневековья (V тыс. до н.э. – XIV в. н.э.). Поэтому далеко не случаен давний взаимный интерес почвоведения и археологии, имеющий в России более чем вековую историю, истоки которой связаны с выдающимися отечественными учеными В.В. Докучаевым и В.А. Городцовым. Но лишь в 60-е гг. прошлого века начались обстоятельные палеопочвенные исследования археологических памятников в Среднем Поволжье (П.В. Маданов и др.), в Средней Азии (И.Н. Степанов), на юге Украины (В.П. Золотун). В 70-е – 80-е гг. междисциплинарные работы, названные «почвенно-археологическими», стали носить систематический характер, причем особенно широкое распространение они получили в степной зоне страны (И.В. Иванов, В.А. Демкин, С.В. Губин, А.Л. Александровский, А.Н. Геннадиев, Т.А. Пузанова, Л.С. Песочина и др.). Первые результаты палеопочвенных исследований археологических памятников Волго-Донских степей показали перспективность этого междисциплинарного направления (Губин, Демкин, 1977; Иванов, Демкин, 1977; Иванов, Демкин, Губин, 1978). Дальнейшая активизация почвенно-археологических работ позволила наполнить новым содержанием существовавшие представления об эволюции почв степей Восточной Европы за историческое время, впервые на основе палеопочвенных данных реконструировать вековую

динамику климата в регионе, оценить роль природной среды в жизни древних и средневековых племен, предложить новые методические подходы в изучении стратиграфии и технологии сооружения курганов, атрибутов погребального обряда и др. В итоге уже в конце 80-х гг. появились основания говорить о возможности выделения самостоятельного междисциплинарного научного направления – археологического почвоведения (Демкин и др., 1989). Спустя несколько лет были разработаны его методические и теоретические основы, определены основные объекты и задачи (Демкин, 1993). Волго-Донские степи послужили своего рода полигоном становления и развития археологического почвоведения (Демкин, 1997). Во-первых, этому способствовала чрезвычайно высокая насыщенность территории погребальными археологическими памятниками, причем время их сооружения охватывало весьма длительный период развития общества с древности (эпохи энеолита, бронзы, раннего железа) до начала позднего средневековья, то есть с V тыс. до н.э. до XIV в. н.э. Во-вторых, засушливый климат региона и приуроченность подавляющего большинства курганов к автоморфным ландшафтам обусловили необходимую степень сохранности исходных морфологических, химических, микробиологических свойств погребенных почв. Поэтому исследованные подкурганые педохроноряды характеризовались весьма высокой репрезентативностью и достоверностью фактического материала как в хронологическом, так и в географическом аспектах.

Основные задачи данной работы состояли в установлении пространственно-временных закономерностей изменчивости морфолого-генетических, химических свойств и биологической активности почв Волго-Донских степей, направленности и скорости почвенных процессов, в выявлении особенностей эволюции почв и почвенного покрова, в реконструкции вековой динамики климата в IV–II тыс. до н.э.

Исследованная территория Волго-Донских степей включает юго-восточную часть Среднерусской (Донская гряда), юг Приволжской и Ергенинскую возвышенности, северную и западную части Прикаспийской низменности в пределах Волгоградской, Ростовской областей и Республики Калмыкия. Климат региона умеренно континентальный. С северо-запада на юго-восток количество атмосферных осадков уменьшается с 400 до 280–300 мм/год, а среднегодовая температура возрастает с 5,4° до 8,1°С. В почвенно-географическом отношении регион входит в зоны сухих и пустынных степей с темно-каштановыми и каштановыми, светло-каштановыми и бурыми полупустынными почвами соответственно. Наличие микрорельефа обусловило комплексный характер почвенного покрова, где наряду с зональными типами развиты солонцы и лугово-каштановые (или лугово-бурые) почвы.

Объектами изучения послужили палеопочвы археологических памятников (курганов) эпох энеолита (IV тыс. до н.э.) и бронзы (конец IV–II тыс. до н.э.), а также современные фоновые почвы. Раскопки курганов проводились археологическими экспедициями Волгоградского государствен-

ного университета, Волгоградского государственного педагогического университета, Института археологии РАН и Государственного Исторического музея под руководством А.С. Скрипкина, И.В. Сергацкова, В.М. Клепикова, А.Н. Дьяченко, В.А. Кригера, А.В. Лукашова, В.И. Мамонтова, А.В. Кияшко, В.В. Дворниченко, Н.И. Шишлиной.

Коротко остановимся на методических вопросах полевого палеопочвенного исследования курганов. После вскрытия курганной насыпи и верхней части профиля палеопочв траншеями или по секторам проводится предварительное морфологическое изучение вертикального среза бровок с целью выбора наиболее типичных и ненарушенных участков для дальнейшего исследования. Следует отметить, что в зависимости от диаметра курганов, который преимущественно колеблется от 10–20 до 40–50 м, площадь погребенного почвенного покрова составляет от 100–200 до 2000 м² и более. При такой площади погребенной почвы практически исключается ошибка в выборе объекта, а в случае комплексного почвенного покрова существует возможность выявить и изучить все его основные компоненты. Исследуемые затем конкретные профили включают насыпь, погребенную почву и подстилающую грунтовую толщу до глубины не менее двух метров от уровня древней поверхности. Параллельно в серии разрезов или траншее проводится изучение окружающей курган современной фоновой почвы. В подкурганных и современных почвах определяются мощность генетических горизонтов, их цвет и структура, глубина залегания солевых аккумулятивных горизонтов, формы и количество различных новообразований, гранулометрический состав, глубина вскипания от HCl, полевым каппаметром измеряется величина магнитной восприимчивости. Также проводится нивелировка древней и прилегающей к кургану современной поверхности. Заключительная операция полевого этапа почвенно-археологических исследований – отбор образцов по генетическим и солевым горизонтам для лабораторных анализов (химические, микробиологические, биохимические, минералогические, микроморфологические, изотопные и др.). Количественное определение содержания и состава гумуса, легкорастворимых солей, гипса, карбонатов, обменных катионов и др., особенности их распределения по профилю дают возможность уточнить и дополнить данные морфолого-генетического анализа и определить типовую и подтиповую принадлежность изучаемой подкурганной палеопочвы. Полевое морфологическое изучение курганной насыпи с использованием методов почвоведения заключается в выяснении ее архитектурных особенностей и стратиграфии, в установлении возможных внутренних почвенно-грунтовых конструкций (обваловки, блоки, досыпки и т.п.), в идентификации слагающего материала (древний гумусовый слой, смесь горизонтов палеопочв и др.). Такого рода анализ дает возможность реконструировать технологию и сезон сооружения памятника, выявить почвенно-грунтовые признаки в строении насыпи, связанные с ритуально-мифологической практикой и особенностями погребального обряда древних и средневековых племен.

Исследованиями многих авторов показано, что в палеопочвах, погребенных под культурными слоями поселений, курганными насыпями, оборонительными валами и пр., до настоящего времени сохранились многие признаки и свойства, в той или иной степени характеризующие климатические, литологические, геоморфологические, геохимические, биологические, гидрологические условия почвообразования в прошлые эпохи. На основе сравнительного изучения морфологических, химических, магнитных, микробиологических свойств разновозрастных подкурганных палеопочв эпох энеолита, бронзы, раннего железа и средневековья (IV тыс. до н.э. – XIV в. н.э.) в степной зоне юга России нами выявлены основные диагностические показатели, отражающие состояние и вековую динамику природных условий за историческое время. К их числу относятся: глубина залегания в почвенном профиле аккумуляции карбонатов, гипса и легкорастворимых солей, их запасы в различных слоях; формы новообразований карбонатов; степень выраженности признаков солонцеватости, цвет и структура солонцового горизонта и наличие/отсутствие в нем новообразований оксидов марганца; окраска и мощность гумусового слоя; содержание и состав гумуса; величина магнитной восприимчивости, параметры состояния микробных сообществ. Сравнительный анализ количественных и качественных показателей морфолого-химических, магнитных и микробиологических свойств разновозрастных подкурганных палеопочв дает возможность установить хроногеографические закономерности голоценового степного почвообразования, реконструировать направленность и масштабы вековой изменчивости увлажненности климата, оценить влияние гумидных и аридных климатических эпох на состояние почвенного покрова в древности и средневековье. Таким образом, многочисленные курганы евразийских степей являются не только памятниками истории древних и средневековых обществ, но и памятниками природы. До настоящего времени под курганными насыпями сохранились палеопочвы прошлых эпох, «записавшие» в своем профиле историю развития природной среды на протяжении последних тысячелетий.

Наши представления о палеоэкологических условиях Волго-Донских степей в энеолите и бронзовом веке базируются на материалах палеопочвенных исследований около 200 курганов, приуроченных к разным природным районам и элементам рельефа. В рамках этих археологических эпох изучено свыше 20 подкурганных педохронорядов. Полученные данные позволили выявить региональные особенности эволюции почв и закономерности вековой изменчивости климата на протяжении IV–II тыс. до н.э.

Приволжская возвышенность (подзоны темно-каштановых и каштановых почв). Исследования проводились на девяти ключевых объектах, расположенных на водораздельных участках и высоких надпойменных речных террасах юга возвышенности (Волгоградская область). Изученные курганы относятся к ямной (конец IV – 1-я четверть III тыс. до н.э.), катакомбной и полтавкинской (середина – 2-я половина III тыс. до н.э.),

покровской (XVIII–XVII вв. до н.э.) и срубной (XVI–XIII вв. до н.э.) культурам эпохи бронзы. Установлено, что в конце IV – в 1-й половине III тыс. до н.э. здесь доминировали темно-каштановые и каштановые почвы различной степени засоленности и солонцеватости. По своим свойствам почвы в целом были близки современным. Во 2-й половине III тыс. до н.э. резко активизировались процессы соленакопления, дегумификации, окарбоначивания, эрозии почв, что привело к опустыниванию ландшафтов и формированию около 4000 лет назад эродированных, засоленных, карбонатных каштановидных палеопочв. В 1-й четверти II тыс. до н.э. каштановидные палеопочвы эволюционировали в зональные каштановые почвы и солонцы, которые на протяжении последующих веков изменялись преимущественно на уровне родовых признаков. Вместе с тем, в ряде районов возвышенности во 2-й половине II тыс. до н.э. выявлена эволюция каштановых почв в темно-каштановые со смещением природных границ к югу (юго-востоку). В целом же палеопочвы позднебронзового века (XV–XIII вв. до н.э.) характеризовались большей гумусированностью и меньшей засоленностью по сравнению с предшествующим и последующим периодами. Свойства палеопочв исследованных хронорядов дают основание считать, что около 5000 лет назад количество атмосферных осадков в сухих степях Приволжской возвышенности было близко их современному значению. В начале III тыс. до н.э. началась постепенная аридизация климата, продолжавшаяся на протяжении тысячелетия и достигшая максимума на рубеже III–II тыс. до н.э. Однако уже в XVIII–XVII вв. до н.э. началось смягчение климатических условий с увеличением степени атмосферной увлажненности. Пик этой гумидизации скорее всего пришелся на середину – 3-ю четверть II тыс. до н.э.

Среднерусская возвышенность (подзона темно-каштановых почв). Исследования проводились в юго-восточной части возвышенности на территории Донской гряды (Волгоградская область) в зоне сухих степей. Курганные могильники расположены в ареалах темно-каштановых и каштановых почв.

В подзоне темно-каштановых почв исследованные археологические памятники приурочены к вершинам межбалочных водоразделов, отличающихся литологическим строением верхней двухметровой почвенно-грунтовой толщи. Время их сооружения относится к раннекатакомбной (середина III тыс. до н.э.), покровской (XVIII в. до н.э.) и срубной (XVI–XV вв. до н.э.) культурам. Установлено, что на протяжении 2-й половины III–II тыс. до н.э. произошли существенные эволюционные преобразования почв, обусловленные сменой климатических условий от аридных к более гумидным. В этом хроноинтервале эволюция почв на отдельных водораздельных участках в зависимости от их литологии характеризовалась своими закономерностями. В одних условиях происходила последовательная смена каштановых остаточно-солонцеватых незасоленных почв каштановидными карбонатными эродированными, а затем темно-каштановыми незасоленными. В других – каштановые солонцеватые

засоленные почвы эволюционировали в темно-каштановые незасоленные с вероятной промежуточной стадией каштановидных почв. И, наконец, в-третьих, произошла эволюция каштановых засоленных почв в темно-каштановые незасоленные. Общим для всех выявленных схем педогенеза является то, что эволюционные преобразования почв происходили на таксономическом уровне подтипа от каштановых к темно-каштановым с вариациями родовых признаков. Мы полагаем, что формирование темно-каштановых почв в исследуемом районе имело место примерно 3500–3300 лет назад. Особого внимания заслуживает факт существования в рассматриваемом регионе каштановидных палеопочв в срубное время (XVI–XV вв. до н.э.). Подобного облика палеопочвы обнаруживались нами на территории Приволжской и Ергенинской возвышенностей, в Прикаспийской низменности лишь под курганами полтавкинского, позднекатакомбного и посткатакомбного времени, датируемыми последней четвертью III – началом II тыс. до н.э. (Демкин и др., 2004; Демкин и др., 2007). Вероятно, литолого-геоморфологическая специфика условий почвообразования в излучине Дона обусловила более продолжительное существование каштановидных палеопочв по сравнению с другими исследованными природными районами Нижнего Поволжья, где верхняя двухметровая почвенно-грунтовая толща, как правило, представлена однородными лесовидными средними и тяжелыми суглинками.

Свойства подкурганых палеопочв свидетельствуют о том, что в катакомбное и покровское время климат в регионе был более засушливым, чем в настоящее время. Наиболее аридные климатические условия приходились на конец III – 1-ю четверть II тыс. до н.э.

Среднерусская возвышенность (подзона каштановых почв). В этой подзоне исследованные объекты расположены на плоской вершине межбалочного водораздела в 40 км к юго-востоку от рассмотренного выше ключевого участка. Сравнительный анализ морфологических и химических свойств палеопочв археологических памятников, сооруженных в середине III тыс. до н.э. (курганы) и на рубеже XIII–XII вв. до н.э. («святилище»), а также современных фоновых почв дали возможность судить о закономерностях почвообразования и динамики климатических условий в регионе на протяжении III–II тыс. до н.э. Подкурганые палеопочвы весьма существенно отличаются от палеопочвы, погребенной под насыпью «святилища». На рубеже XIII–XII вв. до н.э. на исследуемом участке были развиты не каштановые (как под курганами и в настоящее время), а темно-каштановые почвы. Они характеризовались мощным гумусовым профилем черной окраски, высокими гумусированностью и микробной активностью, отсутствием солонцеватости, выщелоченностью от легкорастворимых солей и гипса, глубоким залеганием карбонатного горизонта, высокими значениями магнитной восприимчивости в гумусовом слое. Перечисленные почвенные свойства дают основания считать, что период создания и функционирования памятника характеризовался повышенной атмосферной увлажненностью.

Таким образом, полученные палеопочвенные данные свидетельствуют о существенной динамике природных условий в сухих степях Среднерусской возвышенности на протяжении бронзового века. III тыс. до н.э. характеризовалось нарастанием засушливости климата, которая достигла максимума скорее всего в конце данного хроноинтервала. В 1-й четверти II тыс. до н.э. началось смягчение климатических условий. В результате повышения атмосферной увлажненности в хроноинтервале 3800–3300 лет назад произошла эволюция каштановидных эродированных почв в каштановые и затем в темно-каштановые. Это привело к миграции границ почвенно-географических подзон к юго-востоку (югу). В дальнейшем (конец II – 1-я четверть I тыс. до н.э.) вновь наступил засушливый период, обусловивший очередной сдвиг природных рубежей, но к северо-западу (северу), и эволюционные преобразования почв, теперь уже темно-каштановых в каштановые, которые занимают доминирующее положение в почвенном покрове последние 2500 лет. Сравнительный анализ свойств современных и погребенных почв, масштабы изменчивости их таксономической принадлежности (род, подтип) позволяют считать, что количество атмосферных осадков в исследуемом регионе в середине III тыс. до н.э. на 40–50 мм было меньше по сравнению с современной (~360 мм/год). Во второй половине II тыс. до н.э. оно превышало современные среднегодовые показатели не менее чем на 50–60 мм.

Северные Ергени (подзона каштановых почв). Северную часть Ергенинской возвышенности, протяженность которой между долинами Волги и Дона составляет около 100 км, занимают пустынные и сухие степи соответственно со светло-каштановыми и каштановыми почвами. Причем смена зон происходит с востока на запад. Граница между ними языковатая, нередко встречаются островные ареалы сухостепных ландшафтов в пределах пустынно-степных, и наоборот.

Объекты, исследованные в ареале каштановых почв, расположены на западном склоне Северных Ергеней (Волгоградская область). Были изучены курганы энеолита (1-я четверть IV тыс. до н.э., датировка по ^{14}C 5780±150 лет назад (ИГАН-2401). Погребенные почвы этого времени диагностированы как темно-каштановые маломощные несолонцеватые глубоко солончаковатые. Другая группа памятников датируется позднекакомбным временем (конец III тыс. до н.э.), а подкурганые палеопочвы относятся к каштановидным.

Полученные палеопочвенные данные позволили решить ряд важных вопросов, связанных с реконструкцией ландшафтных и климатических условий района исследований. Можно утверждать, что в 1-й половине IV тыс. до н.э. климатические условия отличались повышенной атмосферной увлажненностью. Именно этим объясняется формирование на месте нынешних каштановых почв высоко гумусированных темно-каштановых, содержание гумуса в которых (гор. А1) было не менее 5–6%. В течение 1-й половины III тыс. до н.э. темно-каштановые почвы эволюционировали в каштановые, то есть произошел сдвиг природных рубежей

к западу (юго-западу). Дальнейшее нарастание аридизации климата во 2-й половине III тыс. до н.э. инициировало дефляцию упомянутых почвенных подтипов, обусловило значительное засоление почвенно-грунтовой толщи, дегумификацию, перестройку карбонатного профиля и в конечном счете привело к формированию на рубеже III–II тыс. до н.э. эродированных каштановидных почв. В 1-й половине II тыс. до н.э. на севере Ергеней наступила очередная смена условий почвообразования, обусловленная постепенным ростом степени атмосферной увлажненности. К началу эпохи поздней бронзы (XVII–XVI вв. до н.э.) произошло вторичное формирование ареалов каштановых солонцеватых засоленных почв на месте каштановидных.

Северные Ергени (подзона светло-каштановых почв). В почвенно-географическом отношении исследуемый участок находится в западной части ареала светло-каштановых почв, занимающих вершину и восточный склон Ергенинской возвышенности. В 5–10 км к западу пустынно-степная зона сменяется сухостепной с каштановыми почвами. Исследованы палеопочвы курганов бронзового века, которые датируются рубежом IV–III тыс. до н.э. (ямная культура) и XIX–XVIII вв. до н.э. (посткатакомбное время).

Палеопочва ямного времени относилась к каштановой, тогда как современные фоновые почвы являются светло-каштановыми. Для нее были характерны: сравнительно высокая гумусированность, отсутствие солонцеватости, значительные запасы легкорастворимых солей и гипса, близкое залегание к поверхности их аккумуляций, слабая текстурная дифференцированность профиля, хорошая оформленность карбонатного горизонта, обильная и крупная белоглазка, отсутствие белесоватости в гор. А1. Сочетание перечисленных признаков и свойств в почвенно-грунтовой толще свидетельствует о начале заметных изменений условий почвообразования от относительно гумидных к более засушливым. Палеопочва посткатакомбного времени (XIX–XVIII вв. до н.э.) относится к светло-каштановой солонцеватой солончаковатой. Ее свойства заметно отличаются от ямной палеопочвы. Прежде всего это касается появления признаков солонцеватости на фоне несколько меньшей засоленности. Резко усилилась степень текстурной дифференциации верхней части профиля. Запасы гипса увеличились вдвое. Несколько возросла величина магнитной восприимчивости в гор. А1 и В1. Снизилась щелочность в средней части профиля. Приведенные факты свидетельствуют о заметных различиях в условиях почвообразования, существовавших в XIX–XVIII вв. до н.э. по сравнению с таковыми на рубеже IV–III тыс. до н.э. На протяжении III тыс. до н.э. произошли эволюционные преобразования каштановых палеопочв в светло-каштановые со сдвигом границ почвенных подзон к северу (северо-западу). Свойства палеопочвы посткатакомбного времени дают основания говорить о некотором увеличении увлажненности климата в первой четверти II тыс. до н.э. по сравнению с предшествующей аридной эпохой, приходившейся на 2-ю половину III тыс. до н.э.

Западные Ергени (подзона светло-каштановых почв). Исследованные курганные могильники (всего шесть) расположены в пределах Сальско-Маньчской гряды (Ростовская область). Они находятся на водоразделе и речных надпойменных террасах, сложенных с поверхности лессовидными карбонатными засоленными суглинками. Грунтовые воды залегают на глубине от 5–7 до 10–15 м. Памятники относятся к ямной (два кургана) и раннекатакомбной (четыре кургана) культурам ранне- и среднебронзового века и датируются рубежом IV–III и серединой III тыс. до н.э. соответственно. Современный почвенный покров всех ключевых участков комплексный с участием светло-каштановых почв различной степени засоленности и солонцеватости и солонцов.

Установлено, что в светло-каштановых палеопочвах ямного времени признаки солонцеватости отсутствовали. Они характеризовались рассоленностью профиля, достаточно мощным гумусовым горизонтом, преобладанием сегрегационных форм карбонатных новообразований в зоне аккумуляции (гор. ВСса). Вероятно, солонцовый процесс получил активное развитие во 2-й четверти III тыс. до н.э., так как уже в XXVI–XXIV вв. до н.э. зональные палеопочвы характеризовались текстурной дифференциацией профиля, наличием призматической структуры в гор. В1 с органо-глинистыми кутанами на гранях структурных отдельностей, заметно возросла доля обменного натрия в ППК. Приуроченность катакомбных курганов одного возраста к различным элементам рельефа (первая и вторая надпойменные террасы р. Джурак-Сал и прилегающая часть водораздела) позволила получить представления о состоянии почвенного покрова в регионе в середине III тыс. до н.э. и пространственно-временных закономерностях развития солонцового процесса. Так, на низкой первой террасе наряду со светло-каштановыми палеопочвами были развиты солонцы, которые не обнаружены на второй террасе и водоразделе. На этих участках почвенный покров был представлен только светло-каштановыми солонцеватыми солончаковатыми палеопочвами, отличающимися по степени засоленности и выраженности признаков солонцеватости. Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что около 5000 лет назад климатические условия в западной части Ергеней были близки современным. Во второй четверти III тыс. до н.э. отмечалось нарастание засушливости климата, что привело к засолению почвенно-грунтовой толщи, перемещению солевых и карбонатной аккумуляций ближе к поверхности, активизации солонцового процесса, уменьшению содержания гумуса и в итоге к формированию в раннекатакомбное время комплексной структуры почвенного покрова.

Южные Ергени (подзона светло-каштановых почв). Изученные курганные могильники расположены на плоских водораздельных участках на юге возвышенности в зоне пустынных степей (Республика Калмыкия). Время сооружения курганов относится к раннему и среднему этапам бронзового века (5000–4000 лет назад).

Исследования подкурганых педохронорядов позволили установить, что на протяжении времени существования майкопской, ямной и раннекатакомбной культур (5100–4300 лет назад) в регионе доминировали светло-каштановые солонцеватые солончаковатые почвы. В ходе их развития в течение этих восьми веков произошла интенсификация процессов соли- и гипсонакопления в верхней двухметровой почвенно-грунтовой толще, причем значительное место занимала эоловая аккумуляция хлоридов натрия. В позднекатакомбное время (4300–4100 лет назад) произошло резкое изменение условий почвообразования, вызвавшее катастрофическую дефляцию верхних почвенных горизонтов, активную миграцию к поверхности карбонатов, легкорастворимых солей, гипса, что привело к формированию необычных эродированных каштановидных палеопочв. В дальнейшем в связи с изменениями природной среды они эволюционировали в светло-каштановые почвы. Этот процесс начался уже в посткатакомбное время (XVIII–XVII вв. до н.э.) и в целом завершился в эпоху поздней бронзы (XVI–XIII вв. до н.э.).

Полученные палеопочвенные материалы позволяют реконструировать динамику климата в пустынно-степной зоне Южных Ергеней на протяжении бронзового века. Особенности свойств палеопочв майкопского времени (конец IV тыс. до н.э.) свидетельствуют о том, что их развитие пришлось на смену сравнительно гумидных условий почвообразования более аридными. Например, это подтверждается формированием хлоридно-натриевого типа засоления почвенно-грунтовой толщи при небольшом содержании легкорастворимых солей и отсутствии их аккумуляции. Как известно, в аридные эпохи в Нижнем Поволжье возрастает число пыльных бурь, усиливается процесс импульверизации солей с акватории Каспия. На протяжении III тыс. до н.э. засушливость климата постепенно нарастала и скорее всего достигла максимума в последней трети этого хроноинтервала. В итоге процесс аридизации завершился палеоэкологическим кризисом, вызвавшим интенсивную дефляцию почв. Результаты биоморфного исследования подкурганых палеопочв также свидетельствуют о резком ухудшении палеоэкологической ситуации на юге Ергеней в конце III тыс. до н.э. (Бобров, 2002; Гольева, 2000).

Прикаспийская низменность (подзона светло-каштановых почв и зона бурых пустынно-степных почв). Исследуемая территория, расположенная в пределах низменности, входит в пустынно-степную почвенно-географическую зону (Волгоградская область, Республика Калмыкия). Вместе с тем, в Северном Прикаспии встречаются островные сухостепные ареалы с каштановыми почвами, формирование которых обусловлено спецификой местных условий почвообразования, прежде всего лучшей дренированностью местности, сравнительно легким гранулометрическим составом почвообразующих пород, подстилаемых песчаными отложениями (Демкин, 1997).

Одним из таких природных феноменов является равнина, окружающая оз. Эльтон полосой до 15–20 км. С поверхности она сложена

легкими (реже средними) суглинками, которые со 100–150 см подстилаются песками. Территория хорошо дренируется многочисленными мелкими реками, оврагами, балками и озерной котловиной. Грунтовые воды залегают глубже 10 м. В почвенном покрове равнинных участков преобладают незасоленные каштановые почвы и выщелоченные остаточные солонцы. В пределах Эльтонской равнины нами исследованы пять курганных могильников, расположенных в ее западной и восточной частях. Всего изучено 24 кургана, время сооружения которых относится к ямной (1-я половина III тыс. до н.э.), полтавкинской (конец III тыс. до н.э.) и срубной (XVI–XV вв. до н.э.) культурам.

Установлено, что в ямное время здесь были развиты каштановые несолонцеватые солончаковатые палеопочвы, а природные условия скорее всего были близки современным. Палеопочвы полтавкинских памятников диагностированы как каштановидные карбонатные солончаковатые. По сравнению с предшествующей эпохой в них заметно возросла засоленность, запасы гипса в полутораметровой толще увеличились почти в два раза, резко уменьшилось содержание гумуса, вскипание отмечалось с поверхности. Однако уже в срубное время доминировали каштановые солонцеватые глубоко солончаковатые палеопочвы. По сравнению с каштановидными средневзвешенное содержание легкорастворимых солей и гипса в слое 0–150 см в них уменьшилось в два раза, резко возросло содержание гумуса в гор. А1, линия вскипания опустилась до 30–35 см (Демкин, Лукашов, 1993). Следовательно, мы имеем основания считать, что около 4000 лет в исследуемом регионе имел место палеоэкологический кризис, обусловленный резкой аридизацией климата. В середине II тыс. до н.э. отмечалось заметное повышение атмосферной увлажненности.

Другой из исследованных объектов Заволжья расположен в западной части ранневалынской равнины, примыкающей к долине Волго-Ахтубы, в ареале современных светло-каштановых почв. Время сооружения курганов относится к эпохам средней (конец III тыс. до н.э., полтавкинская культура) и поздней (XVI–XV вв. до н.э., срубная культура) бронзы. Установлено (Демкин, Демкина и др., 2004), что в хроноинтервале 4200–3600 лет назад произошла эволюция каштановидных палеопочв в светло-каштановые солонцеватые и солонцы. В середине II тыс. до н.э. здесь сформировалась комплексность почвенного покрова. По нашему мнению, на рубеж III–II тыс. до н.э. пришлось аридизация климата, вероятно, продолжавшаяся вплоть до эпохи поздней бронзы. В XVI–XV вв. до н.э. наступило увеличение атмосферной увлажненности с максимумом скорее всего в XIV–XIII вв. до н.э.

Эволюция почв недренированных равнин Прикаспийской низменности в эпоху бронзы характеризовалась иными закономерностями (Борисов и др., 2006; Демкин, 1997). Так, в III – в 1-й половине II тыс. до н.э. в пределах Еруслано-Торгунской и Бессточной равнин, Сарпинской низменности доминировали гидроморфные и полугидроморфные условия почвообразования. Поэтому ведущее место занимали лугово-каштановые либо

лугово-бурые почвы, характеризовавшиеся поверхностной карбонатностью и высокой засоленностью. Примерно с середины II тыс. до н.э. в связи со снижением базиса эрозии и, следовательно, уровня залегания минерализованных грунтовых вод началось остепнение ландшафтов. Оно привело к формированию каштановых, светло-каштановых либо бурых полупустынных почв различной степени солонцеватости и засоленности, а также солонцов. В хроноинтервале 3500–3000 лет назад на недренированных участках низменности сформировались трехчленные солонцовые комплексы, столь характерные для современного почвенного покрова.

Итак, нами установлено, что на протяжении IV–III тыс. до н.э. эволюция почв Волго-Донских степей происходила на уровне подтипов от темно-каштановых к каштановым, от каштановых к светло-каштановым со сдвигом границ почвенных подзон к северу. Смещение границ природных зон (подзон), вероятно, происходило лишь в пограничной полосе шириной в несколько десятков километров. В каждом из исследованных природных регионов (Среднерусская, Приволжская, Ергенинская возвышенности, Прикаспийская низменность) отчетливо прослеживается усиление аридизации климата во второй половине III тыс. до н.э. Увеличение засушливости вызвало интенсификацию процесса дефляции, обусловило значительное засоление, дегумификацию и окарбоначивание палеопочв. Это привело к опустыниванию ландшафтов и формированию в конце III тыс. до н.э. на водоразделах и высоких речных террасах, древнеморской равнине каштановидных полупустынных палеопочв. Для них были характерны отсутствие признаков солонцеватости и текстурной дифференциации профиля, монотонность окраски, маломощный гумусовый горизонт с содержанием гумуса менее 2 %, поверхностная карбонатность, отсутствие сегрегационных форм карбонатных аккумуляций, значительная засоленность профиля, низкие значения магнитной восприимчивости. По сравнению с предшествующим временем в каштановидных палеопочвах запасы карбонатов в слое 0–50 см возросли в 1,5–2 раза, легкорастворимых солей и гипса в верхней двухметровой толще – в 2,5–3 раза. По организации профиля и морфолого-химическим свойствам они были весьма близки современным бурым почвам, развитым в настоящее время на буграх Бэра в низовьях Волги в полупустынной зоне. Следует отметить, что подобного облика палеопочвы, названные «лессовидными» (Герасименко, 2009), были обнаружены под курганами возрастом около 4000 лет в сухостепной зоне Северного Причерноморья. Изменение условий почвообразования отразилось и на состоянии микробных сообществ палеопочв. На протяжении III тыс. до н.э. биомасса активных микроорганизмов снизилась в десятки раз. В эколого-трофической структуре микробных сообществ отмечен сдвиг в сторону увеличения олиготрофности. Каштановидная палеопочва отличается наиболее богатым филогенетическим разнообразием микробных сообществ, определяемым с помощью генетических методов. Они имеют черты как предшествующих, так и последующих периодов развития, что свидетельствует о сукцессии микробных сообществ в результате

изменения климатических условий. Таким образом, в результате аридизации климата во 2-й половине III тыс. до н.э. произошла конвергенция почвенного покрова с преобразованием темно-каштановых, каштановых, светло-каштановых почв и солонцов в каштановидные полупустынные почвы, которые в хроноинтервале 4200–3900 лет назад занимали доминирующее положение в регионе. В первой половине II тыс. до н.э. наступила очередная смена условий почвообразования, вызванная ростом степени атмосферной увлажненности. Она обусловила дивергенцию почвенного покрова со вторичным формированием к середине II тыс. до н.э. ареалов зональных каштановых почв и солонцов на месте каштановидных. Следовательно, возраст современных каштановых солонцовых комплексов региона не превышает 3500 лет. Гумидизация климата обусловила увеличение содержания гумуса и возрастание мощности гумусового горизонта почв, интенсификацию нисходящей миграции легкорастворимых солей и гипса, перестройку карбонатного профиля. Таким образом, в эпохи средней и поздней бронзы (~4300–3500 лет назад) в Волго-Донских степях произошли весьма существенные, быстрые и обратимые эволюционные преобразования почв на таксономическом уровне типа.

Полученные данные свидетельствуют о том, что в IV тыс. до н.э. палеопочвы Волго-Донских степей развивались в условиях повышенной атмосферной увлажненности с нормой осадков более 400 мм/год (табл. 1).

Таблица 1

Реконструкция увлажненности климата Волго-Донских степей в эпохи энеолита и бронзы (IV–II тыс. до н.э.)

Археологические культуры	Время	Волго-Донское междуречье, сухостепная зона	Заволжье, пустынно-степная зона
		Количество атмосферных осадков, мм/год	
Энеолит			
Новоданиловская	Конец V–1-я четв. IV тыс. до н.э.	>400	>350
Эпоха бронзы			
Ямная	XXXI–XXVIII вв. до н.э.	350–370	280–300
Раннекатакомбная	XXV–XXIII вв. до н.э.	300–350	250–300
Поздне- и посткатакомбные	XXII–XIX вв. до н.э.	200–250	<200
Покровская, срубная	XVIII–XIII вв. до н.э.	300–400	250–350
Золотая Орда	XIII–XIV вв. н.э.	420–450	350–400
Современность		350–370	280–300

Природная обстановка, наиболее близкая современной, имела место в конце IV – 1-й половине III тыс. до н.э. Около 5000 лет назад началась постепенная аридизация климата, продолжавшаяся на протяжении тысячелетия и достигшая максимума на рубеже III–II тыс. до н.э. За это время среднегодовая норма атмосферных осадков снизилась не менее чем на 100–150 мм и достигла уровня 200–250 мм/год. В конечном счете около 4000 лет назад в Волго-Донских степях возник самый масштабный палеоэкологический кризис за последние 6000 лет. Мы считаем, что резкая аридизация климата в конце III тыс. до н.э. имела глобальный характер. Она зафиксирована в ряде регионов степей и пустынь Евразии, в частности, на Ближнем Востоке (Глушко, 1990; Weiss, Courty, 1993), в Верхней Фракии (Болгария) (Балабина, Мишина, 2008), в Северном Причерноморье (Герасименко, 2009), в Средней Азии (Виноградов, Мамедов, 1975). В XVIII–XVII вв. до н.э. в исследуемом регионе началось смягчение климатических условий с увеличением количества атмосферных осадков до 300–400 мм/год в сухих степях Волго-Донского междуречья и до 250–350 мм/год в пустынно-степной зоне Заволжья. Пик этого увлажнения пришелся, вероятно, на середину II тыс. до н.э. и повлек за собой значительные эволюционные преобразования почв со сдвигом ландшафтных рубежей к югу. Очередной засушливый этап приходился на конец II – первую треть I тыс. до н.э.

В заключение необходимо остановиться на возникшей в ходе наших исследований дискуссионной проблеме, решение которой имеет важное значение как для почвоведения, так и археологии. Она связана с хроноинтервалом существования полтавкинской культуры Нижнего Поволжья, который, по мнению ряда исследователей, относится к 1-й четверти III тыс. до н.э. (Археологическая энциклопедия..., 2009), то есть удревнен почти на тысячелетие по сравнению с прежней хронологией. В свете палеопочвенных данных такая точка зрения вызывает у нас определенные сомнения. Попытаемся их обосновать. Изучение многочисленных подкурганых педохронорядов, приуроченных к различным природным районам и включающих палеопочвы ямного, катакомбного, посткатакомбного, покровского, срубного времени, позволило нам разработать достаточно детальную и обоснованную репрезентативным фактическим материалом концепцию развития почв и климата Нижнего Поволжья в эпоху бронзы (IV–II тыс. до н.э.), основные положения которой рассмотрены выше. В предложенной схеме педогенеза принципиально важным и новым является установление этапа формирования и развития каштановидных полупустынных палеопочв. Особо следует подчеркнуть следующее. Во-первых, во всех исследованных природных районах волго-донских степей (юг Приволжской возвышенности, Северные и Южные Ергени, Сарпинская низменность, террасы Волги и Волго-Ахтубы, Эльтонская и Бессточная равнины Северного Прикаспия) каштановидные палеопочвы имели идентичные морфолого-стратиграфические и химические свойства и признаки. Во-вторых, они всегда обнаруживались только под курганами, сооружение

которых датируется последней четвертью III – началом II тыс. до н.э. (поздне- и посткатакомбные культурные образования, исследовано около 15 памятников), а также под курганами полтавкинской культуры (исследовано более 25 памятников). Как уже отмечалось, главной причиной формирования каштановидных палеопочв явилась катастрофическая аридизация климата в конце III тыс. до н.э., имевшая глобальное распространение в степях и пустынях Евразии и обусловившая возникновение палеоэкологического кризиса. На территории Нижнего Поволжья она выявлена не только по материалам наших палеопочвенных исследований, но и по данным палинологического изучения среднеголоценовых болотных отложений (Кременецкий, 1997), фитолитного анализа подкурганых палеопочв позднекатакомбного времени (Гольева, 2000; Бобров, 2002). Следовательно, если время существования полтавкинской культуры в 1-й четверти III тыс. до н.э. соответствует действительности, то следует признать, что в этот период также имели место резкая аридизация климата и палеоэкологический кризис. Однако наличие подобной природной ситуации в степях Восточной Европы в целом и в Нижнем Поволжье в частности не подтверждается данными как наших исследований, так и исследованиями других авторов. Напротив, климатические условия конца IV – 1-й четверти III тыс. до н.э. в рассматриваемом регионе были близки современным или даже несколько влажнее (Спиридонова, 1991; Иванов, Васильев, 1995; Кременецкий, 1997; Александровский, Александровская, 2005; Хохлова, Хохлов, 2005; Борисов и др., 2006; Демкин и др., 2009). Подкурганые палеопочвы памятников этого и более позднего времени (середина – 3-я четверть III до н.э.) на территории Нижнего Поволжья представляли собой аналоги современных зональных каштановых или бурых почв различной степени солонцеватости и засоленности. Какова же хронологическая позиция полтавкинской культуры в свете почвенно-климатических реконструкций? С одной стороны, ответ казался бы однозначным – не ранее последней четверти III тыс. до н.э. Однако здесь необходимо учесть следующее обстоятельство. Практически все исследованные нами полтавкинские памятники расположены в Заволжье, которое как в настоящее время, так и в прошлом было более засушливым по сравнению с Волго-Донским междуречьем. Поэтому можно полагать, что аридизация климата могла найти отражение в состоянии почв и ландшафтов полупустынного Заволжья быстрее и на 100–150 лет раньше, чем в Волго-Донском междуречьем. Но и в таком случае полтавкинская культура, на наш взгляд, должна была появиться не ранее XXIV в. до н.э. В заключение хотелось бы отметить, что авторы данной работы безусловно относят себя к дилетантам в области археологии и не претендуют на ломку или пересмотр сложившейся в последнее время хронологии культур бронзового века. Основная цель наших рассуждений состояла в обосновании возможности более широкого использования данных о развитии природной среды в этноархеологических исследованиях, в частности, принимать их во внимание при решении культурно-хронологических проблем развития древних обществ.

Исследования проводились при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН.

Литература

Александровский А.Л., Александровская Е.И., 2005 – Эволюция почв и географическая среда // М.

Археологическая энциклопедия Волгоградской области, 2009 – Волгоград
Балабина В.И., Мишина Т.Н., 2008 – Телль Юнаците в эпоху ранней бронзы: колебания климата и динамика хозяйственной деятельности // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда, т. III, М.

Бобров А.А., 2002 – Фитолиты степных растений Ики-Бурульского района Калмыкии: первые результаты // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. Москва-Элиста

Борисов А.В. и др., 2006 – Демкина Т.С., Демкин В.А. Палеопочвы и климат Ергеней в эпоху бронзы (IV–II тыс. до н.э.) // М.

Виноградов А.В., Мамедов Э.Д., 1975 – Первобытный Лявлякан // М.

Герасименко Н.П., 2009 – Изменения природной среды в степной зоне Украины в течение среднего и позднего периодов эпохи бронзы // Эволюция почвенного покрова. Пушино

Глушко Е.В., 1990 – Историко-географические исследования ландшафтов Западного Ирака по космическим снимкам // Известия ВГО, т. 122, вып. 3.

Гольева А.А., 2000 – Взаимодействие человека и природы в северо-западном Прикаспии в эпоху бронзы // Сезонный экономический цикл населения северо-западного Прикаспия в бронзовом веке. Труды Государственного Исторического музея, вып. 120, М.

Губин С.В., Демкин В.А., 1977 – Возможности и перспективы совместных почвенно-археологических исследований // Почвоведение и агрохимия. Пушино

Демкин В.А., 1993 – Почвы сухих и пустынных степей Восточной Европы в древности и средневековье // Автореф. дисс. ... д-ра биол. наук, М.

Демкин В.А., 1997 – Палеопочвоведение и археология: интеграция в изучении истории природы и общества // Пушино

Демкин В.А. и др., 2007 – Гугалинская Л.А., Алексеев А.О. и др. – Палеопочвы как индикаторы эволюции биосферы // М.

Демкин В.А. и др., 2009 – Борисов А.В., Т.С.Демкина, Хомутова Т.Э., Пампура Т.В. – Эволюция почв и динамика климата степей нижнего Поволжья в IV–II тыс. до н.э. // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург

Демкин В.А., Демкина Т.С. и др., 2004 – Демкина Т.С., Борисов А.В., Якимов А.С., Сергацков И.В. – Изменение почв и природных условий полупустынного Заволжья за последние 4000 лет // Почвоведение, № 3.

Демкин В.А. и др., 2004 – Ельцов М.В., Алексеев А.О., Алексеева Т.В., Демкина Т.С., Борисов А.В. – Развитие почв Нижнего Поволжья за историческое время // Почвоведение, № 12.

Демкин В.А., Лукашов А.В., 1993 – Почвенно-ландшафтные условия северо-западного Прикаспия во II тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // РА, № 4.

Демкин В.А. и др., 1989 – Рысков Я.Г., Алексеев А.О., Олейник С.А., Губин С.В., Лукашов А.В., Кригер В.А. – Палеопедологическое изучение археологических памятников степной зоны // Изв. АН СССР, сер. геогр., № 6.

Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995 – Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене // М.

Иванов И.В., Демкин В.А., 1977 – Изучение истории формирования почв и прогнозирование их естественных и антропогенных изменений // Почвоведение и агрохимия. Пушино

Иванов И.В., Демкин В.А., Губин С.В., 1978 – Вопросы истории развития степных почв в голоцене // Препринт. Пушино

Кременецкий К.В., 1997 – Природная обстановка голоцена на Нижнем Дону и в Калмыкии // Степь и Кавказ. Труды Государственного Исторического музея, вып. 97, М.

Спиридонова Е.А., 1991 – Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене – голоцене // М.

Хохлова О.С., Хохлов А.А., 2005 – Палеопочвенные исследования курганного могильника Мустаево V в Новосергиевском районе Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья, вып. VII, Оренбург

Weiss T.J., Courty M.-A., 1993 – The genesis and collapse of third millennium North Mesopotamia civilization // Science, vol. 261.

Региональные изменения экологических условий жизни древних обществ в степях Евразии

Иванов И.В. (Пушино)

(Работа выполнена при поддержке гранта
РФФИ №08–04–00976.)

Введение. В настоящей работе представлены общие закономерности глобального характера по периодам голоцена и особенное внимание уделено региональным – межрегиональным синхронностям и асинхронностям изменений климата и почвообразования в степях Евразии. Комплексному анализу подвергнуты материалы и выводы наиболее крупных и обобщающих работ почвоведов, палеогеографов – О.М. Адаменко, А.Л. Александровского, Н.С. Болиховской, А.А. Величко, П.Б. Виппера, И.М. Гаджиева, Е.В. Глушко, А.Н. Геннадиева, Н.П. Герасименко, А.А. Гольевой, В.А. Демкина, Л.Г. Динесмана, В.П. Золотуна, Н.А. Караваевой, В.А. Климанова, К.В. Кременецкого, Ю.А. Лаврушина, Э.Д. Мамедова, Л.С. Песочинной, Т.А. Серебряной, Е.А. Спиридоновой, С.А. Сычевой, П.Е. Тарасова, Н.А. Хотинского, Ю.Г. Чендева и других авторов. Почвообразование рассматривается как индикатор климатических условий. Приведены примеры возможных воздействий региональных изменений климата на становление и взаимодействие древних обществ.

В работе использована традиционная археологическая хронология и некалиброванные радиоуглеродные даты.

Контрастность климата и климатической эволюции почв по периодам голоцена

Позднеледниковье. Предыстория голоценовых почв относится к вюрм-валдай-зырянскому оледенению Евразии, максимум которого наблюдался к 18–20 т.л.н. Хроноинтервал 20–10 тыс. лет назад называют «позднеледниковьем». В это время в условиях очень сухого и холодного климата происходила деградация континентального ледникового покрова Европы, продолжал формироваться лессовый покров, испытывавший существенное влияние криогенных процессов. Заключительные стадии формирования лессов и лессовидных отложений относятся ко времени

10–14 т.л.н. Лессы, лессовидные отложения и продукты их перемещения служили минеральной основой почвообразования. В пределах перигляциальной природной гиперзоны с севера на юг сменялись зоны тундры, тундро-степей, тундролесостепей и криоаридных степей.

Современные области черноземных и каштановых степей располагались в пределах тундролесостепи и криоаридных степей. Годовые температуры были ниже современных на 5–10°C, количество атмосферных осадков меньше на 50–100 мм. Почвы были слабокарбонатными, местами слабосульфатными с поверхности, имели маломощные (до 20–30 см) гумусовые горизонты, над мерзлотным водоупором местами формировались маломощные верховодки с переменной окислительно-восстановительной обстановкой, железомарганцевые пятна и конкреции. Классификационно почвы можно отнести к дерновым слабогумусовым.

Поверхность рельефа имела полигонально-блочный характер, почвенная масса была разбита трещинами промерзания-усыхания, местами до глубины 2–3 метров, которые засыпались гумусированным материалом, и их положение фиксировалось. В дальнейшем они выполнялись, а в нижней части продолжают выполнять, роль магистральных путей миграции вещества в почвенном профиле вплоть до наших дней. Криогенное выветривание минеральной массы готовило ее к дальнейшему почвообразованию. Полигонально-блочная поверхность оказывала большое влияние на формирование линейных форм микро- и мезорельефа и структуры почвенного покрова.

Переходным к голоцену был климат 14–10 т.л.н., когда происходили резкие колебания годовых температур (до $\pm 3\%$) и осадков (± 50 –100 мм) без явно выраженного их тренда – потепления белинг и аллеред, разделенные тремя дриасовыми похолоданиями (DR-1, DR-2, DR-3).

Вопросам локальной и региональной палеоэкологии уделяется заметное внимание в археологии палеолита.

Ранний голоцен. Пребореальный и бореальный периоды (РВ, ВО), 10,3–8 т.л.н. В степях происходило колебательное повышение годовых температур и количества атмосферных осадков.

Из числа 14 климатических интервалов на территории Восточной Европы в 58 % случаев количество осадков было выше современного или близким к ним, в 42 % – было меньше современного. Колебание годовых температур составляло $\pm 1^\circ$ (рис. 1). Связи между температурами и количеством атмосферных осадков были в основном прямыми.

Существовали региональные почвенно-климатические различия. В Восточной Европе было холоднее и суше, чем в настоящее время, что было связано с остатками Фенноскандинавского ледника, в Монголии также было суше. Степные пространства между Уралом были теплее и влажнее современных в связи с уменьшением площади ледового покрова Северного Ледовитого океана и отсутствием континентального оледенения. Почвы были дерновыми, в них возрастала мощность гумусового горизонта, формировался карбонатный горизонт.

В целом почвы и почвенный покров эпохи мезолита в настоящее время изучен слабо.

Атлантический период, АТ, 8–4,5 т.л.н. Общепризнанный термический максимум голоцена. Почти на всей рассматриваемой территории годовые температуры были выше современных на 1–1,5°, иногда близки к современным. Связи между температурами и атмосферными осадками оставались прямыми.

Атмосферное увлажнение колебалось от –25 до +75 мм/год от современных и было более изменчивым, чем температуры. На территории степей Восточной Европы из 37 хроноинтервалов в 65 % случаев увлажнение было более высоким чем современное (35 %) или равным (27 %) ему. В 35 % случаев увлажнение было меньшим, чем современное. В целом же в степной зоне Евразии было влажнее, чем в настоящее время.

Более аридные условия по сравнению с современными в атлантическое время наблюдались в раннем неолите (некалиброванные радиоуглеродные даты) около 7000 лет назад в Восточной Европе (продолжительность сухого периода составляла 100–300 лет), в Казахстано-Аральском регионе в интервале времени 6–7-т.л.н. На территории юго-востока Восточно-Европейской равнины (Нижнее Поволжье, Прикаспийская полупустыня) климат был более засушливым по сравнению с современным на рубеже ВО-АТ на протяжении около 500 лет.

Период термического максимума пространственно сокращается при движении к востоку, а в Монголии сменяется на эпоху похолодания. В АТ период обособлялись две климатические области – все территории (за исключением Монголии) – теплая, с повышенным количеством атмосферных осадков, с противоречивым соотношением тепла и влаги, дававшим как эффект увеличения увлажнения и аридизации; и Монголия – прохладная и более влажная.

Площадь черноземов в атлантический период была наибольшей за весь голоцен. Черноземы занимали часть южной тайги Восточной Европы и Западной Сибири и северную часть каштановых степей. Основной вклад периода в почвообразование состоит в формировании гумусового горизонта, в усилении биохимического выветривания, формировании текстурности в горизонт В, в гомогенизации почвенной массы – переработке бывшей мерзлотной неоднородности в верхней части профиля. На обширной территории Среднеазиатских пустынь Устюрт и Бетпақдала почвы были каштановыми в северной ее половине и «коричневыми» субтропическими (в трактовке И.П. Герасимова) в южной половине.

В связи с широким распространением во второй половине голоцена курганного обряда погребений почвы степной зоны, погребенные под курганами, изучены сравнительно удовлетворительно. Палеоклиматические и палеоэкологические реконструкции для аридной области севера Евразии в целом выполнены И. В. Ивановым, для Восточно-Европейской равнины Л.Г. Динесманом и А.Л. Александровским, для лесостепи ЦЧО Ю.Г. Чендевым, для территории Украины В. П. Золотуном,

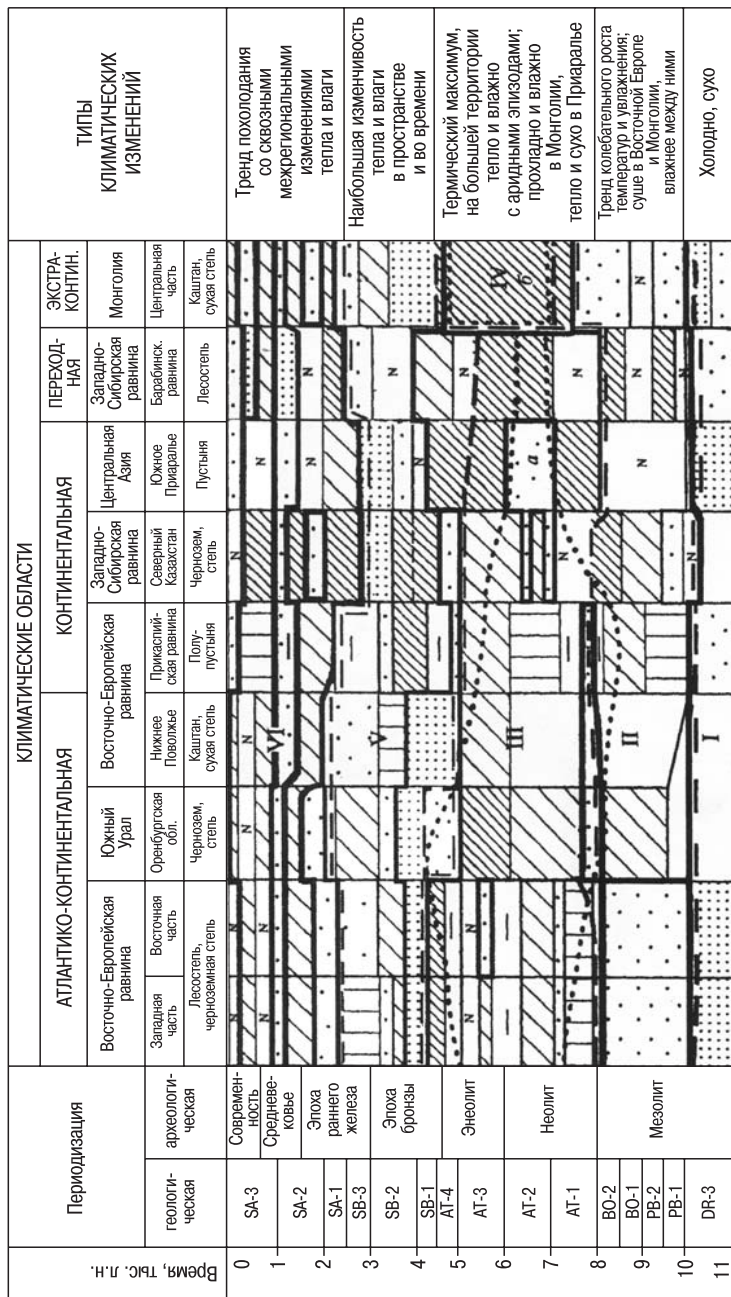

Рис. 1. Общие и региональные изменения биоклиматических условий аридных областей Евразии в голоцене. Условные обозначения: 1 – климатические эпохи (границы, индексы); 2 – границы сплошных и межрегиональных хроноинтервалов увлажнения; 3 – увлажнение, близкое к современному, норма (N); 4 – увлажнение меньше N на 20–50 мм/год; 5 – то же на 50–100 мм/год; 6 – увлажнение больше N на 20–50 мм/год; 7 – то же на 50–100 мм/год; 8 – увлажнение больше или равное N; 9 – интервалы с высокой изменчивостью увлажнения в пространстве; зоны несогласованности оценок различными исследователями; 10 – границы термических эпох: а – термический максимум, б – термический минимум.

для юго-востока Европейской России В. А. Демкиным, для южной части Волго-Уральского междуречья И.В. Ивановым, Я.Г. Рысковым и В.А. Демкиным, для территории Монголии Л.Г. Динесманом и Н.К. Киселевой.

Суббореальный период, SB, 4,5–2,5 т. л. н. В целом климат суббореального периода был засушливее по сравнению с современным более чем в половине учетных хроноинтервалов (для степей Восточной Европы). Среднегодовые температуры колебались в пределах $\pm 1^\circ\text{C}$ от современных. Важнейшей особенностью климата степей суббореального периода была его максимальная контрастность и континентальность во времени и пространстве по сравнению с любым периодом голоцена. Колебания увлажнения в соседних регионах часто характеризовались разнонаправленностью. Связь между температурами и атмосферными осадками в отличие от предшествующего времени сменяется на обратную.

В степях Восточной Европы на рубеже AT/SB началась резкая аридизация. Она сопровождалась увеличением запасов солей и подтягиванием их ближе к поверхности почвы, трещинной деградацией гумусовых горизонтов и уменьшением их мощности. На высоких поймах и на террасах речных долин, а местами на водораздельных прострехах широкое распространение получают солонцы и солонцеватые почвы. Общая продуктивность пастбищ существенно (до двух раз) уменьшалась, способствуя экологическому кризису в отношениях природы и древних обществ.

При аридизации климата изменялись почвы, растительность, происходило смещение природных зон-подзон к северу. Черноземы южные трансформировались в каштановые почвы, черноземы типичные – в обыкновенные, растительность настоящих степей трансформировалась в сухие степи.

Время наступления и глубина аридизации были неодинаковыми в разных регионах. В черноземных степях Восточной Европы аридизация происходила 4,2–3,7 т. л. н. в сухих каштановых степях 5–4 т. л. н. Далее в SB происходило колебательное рассоление, рост гумусового горизонта до современных значений.

В черноземных степях Северного Казахстана и юга Западной Сибири аридизация повторялась. На протяжении SB в почвах происходило обновление полигонально-трещинной сети и ее затушевывание, засоление (в том числе эоловое) – рассоление, осолонцевание, дифференциация и рост мощности профиля. Сократились площади черноземов, леса заняли современное положение, в почвах под ними образовался второй гумусовый горизонт.

Субатлантический период, SA, 2,5–0 т. л. н. Колебательные похолодания (на $+1^\circ - 2^\circ\text{C}$), увлажнение с короткими аридными и более длительными увлажненными эпохами, колебания относительно синхронны во всех районах, хронограницы варьируют. Срединные значения интервалов: аридных – I в. до н.э. – I в. н.э., IX–X вв. н.э.; влажных – V–VIII, XIII–XVI вв. н.э. Полноголоценовые почвы SA приобрели наибольшую за весь голоцен развитость. Главные итоги почвообразования

для черноземов – гумусонакопление, агрегирование, биогенизация, гомогенизация; для сухих степей и пустынь – циклические колебания свойств и процессов; для всех почв – рост мощности профиля. Антропогенная изменчивость почв в SA превышает амплитуды природных изменений.

Основные синхронности-асинхронности климата и почвообразования в голоцене

Хроноинтервалы увлажнения в соседних районах-регионах можно подразделить на три группы: сквозные – общие для всей аридной области, наиболее достоверные; межрегиональные – общие для нескольких территориально соседних районов-регионов; индивидуальные – не повторяющиеся в соседних регионах, требующие специальной проверки.

Наиболее яркими примерами сквозных синхронных однонаправленных изменений климата аридной области в голоцене глобального характера являются следующие: 1) сквозной аридный хроноинтервал с изменчивыми верхними и нижними границами и общей центральной хроноосью около 1000 лет назад (X в. н.э.); 2) сквозной влажный хроноинтервал с центральной хроноосью около 1500 лет назад (V в. н.э.); 3) аридные условия по сравнению с последующим временем – 2000 лет назад; 4) аридные условия в DR-3 во всей аридной области.

Примерами региональных разнонаправленных асинхронностей изменений климата являются:

1) аридные климатические условия в черноземных степях и лесостепи Восточной Европы 3,7–4,2 т.л.н. и относительно влажный климат в это время в континентальной области на юге Западной Сибири и в Средней Азии;

2) влажные условия в черноземных степях и лесостепи Восточной Европы 4,2–4,7 т.л.н. и сухие в это время в Нижнем Поволжье и Северном Прикаспии;

3) аридность в раннем голоцене (BO, PB) черноземных степей и лесостепи Восточной Европы и степей Центральной Монголии и повышенное увлажнение на территории между этими регионами;

4) существование короткого (300–400 лет) аридного хроноинтервала на рубеже BO-AT в срединной части климатической области (Южный Урал, Прикаспийская равнина, Северный Казахстан) и его отсутствие, более влажные условия западнее и восточнее;

5) хроносопряженный аридный интервал в соседних районах Северного Казахстана и Южного Приаралья (~3–3,5 т.л.н.);

6) последовательная «ступенчатость» изменений увлажнения в ряде соседних районов (сокращение длительности аридных периодов с востока на запад, начавшихся около 5,0 т.л.н. от Южного Урала до Северного Казахстана, и около 3,5 т.л.н. – от Нижнего Поволжья до Южного Приаралья).

Заключение

Таким образом, для субатлантического периода голоцена характерны сквозные синхронные колебания увлажнения и температур с трендом похолодания. Суббореальному периоду свойственна максимальная изменчивость и асинхронность увлажнения и температур во времени и пространстве. Атлантический период является термическим максимумом и временем с колебаниями соотношений тепла и влаги. В раннем голоцене происходило колебательное потепление и увлажнение климата. Древний голоцен (DR-3) характеризовался холодным сухим климатом с малой испаряемостью.

Литература

Иванов И.В., 2003 – Динамика атмосферного увлажнения и эволюция почв аридной области умеренного пояса Евразии в голоцене // Почвенные процессы и пространственно-временная организация почв. Отв. ред. В. Н. Кудяров, М.

Природные условия среды обитания древнего человека в степях Приазовья в эпоху бронзы

Песочина Л.С. (Пушино)

*(Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
(проект № 08-04-00976))*

В жизни древнего населения природная среда всегда играла важную роль, определяя особенности хозяйственной деятельности и миграционные процессы. Важнейшими палеоэкологическими компонентами являлись почвы и климат. Динамика климата обуславливала преобразования почвенно-ландшафтной обстановки, степень изменения параметров которой определяла комфортность природных условий для проживания человека.

В степной зоне главными лимитирующимися факторами развития земледелия и скотоводства являлись дефицит атмосферной влаги, а также засоление и осолонцевание почв.

Аридизация климата ухудшала качество земель и снижала продуктивность фитоценозов, что способствовало переходу древнего населения от оседлого образа жизни к кочевому скотоводству.

Увеличение атмосферной увлажненности обеспечивало существенный рост биомассы растительного покрова, возрастание продуктивности пастбищ.

В связи со значимостью природной среды в жизни человека проблема истории ее развития и отдельных компонентов занимает одно из ведущих мест в естественнонаучных дисциплинах.

Для реконструкции изменчивости климата в прошлом используются различные природные объекты: органогенные отложения, современные и ископаемые деревья, донные и ледовые отложения, уровень закрытых и открытых водоемов; почвы, погребенные под отложениями разного генезиса. Информация, получаемая при исследовании этих объектов, весьма различна. Наиболее информативно-емкими являются почвы археологических памятников.

Реконструкция климата по палеопочвенным материалам получила развитие относительно недавно. Однако почвы, погребенные под разновозрастными археологическими памятниками, проявили себя как уникальные объекты для восстановления истории развития ландшафтов и природной обстановки прошлого. Являясь продуктом интегрального

взаимодействия природных факторов, палеопочвы фиксируют в своем профиле как состояние почв, так и природных условий времени их погребения. Поэтому не случайно в последние десятилетия они вызывают особый интерес исследователей как индикаторы состояния и динамики природных условий в различные периоды голоцена.

В качестве индикаторных почвенных параметров используются такие, как засоленность, карбонатность, солонцеватость, состав гумуса, изотопный состав педогенных карбонатов и органического вещества, фитолиты, активность палеомикробиоценозов, магнитная восприимчивость. Индикатором состояния палеоэкологических условий служит и почвенный профиль в целом, который интегрально отражает существующий на данный момент комплекс внешних факторов и историю их развития в виде соответственно актуальных и реликтовых признаков.

В данной работе реконструкция изменчивости природных условий осуществлялась на базе палеопочвенных исследований. Археологические раскопки проводились в Неклиновском, Мясниковском и Багаевском районах Ростовской области сотрудниками Таганрогского музея (П.А. Ларенок и Е.И. Беспалый) и Института археологии РАН (В.Я. Зельдина). Объектами изучения послужили палеопочвы разновозрастных археологических памятников, в том числе курганов эпох бронзы (вторая половина III–II тыс. до н.э.).

Одним из важных результатов изучения почв археологических памятников было установление цикличности развития почвообразовательных процессов в голоцене и разработка концептуальной модели разнопериодной динамики природных условий на юге Русской равнины, базирующейся как на собственных данных, так и на литературном материале (рис. 1).

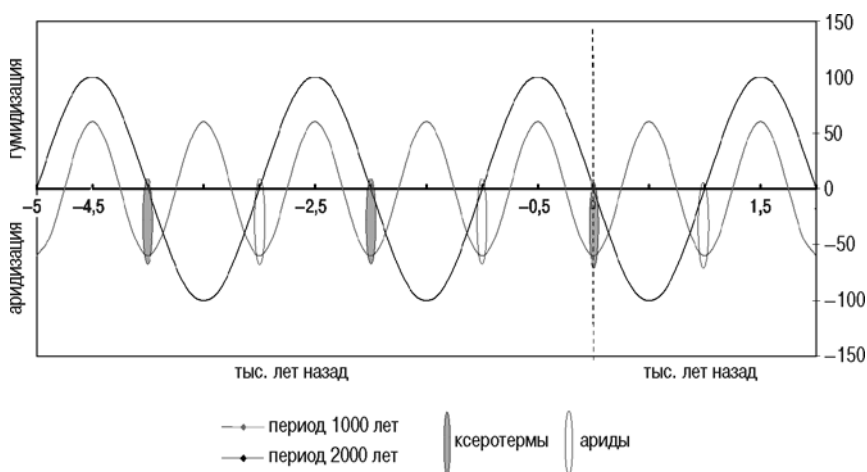

Рис. 1. Закономерности циклической изменчивости природных условия юга Русской равнины во второй половине голоцена.

Основным фактором стадийности педогенеза явились климатические флуктуации. Чередование аридных и гумидных фаз вызывало смену подтипа черноземообразования и цикличность изменчивости многих процессов.

Выявлены 2000- и 1000-летние временные интервалы в цикличности педогенеза на территории Приазовья. Оптимум имеет ярко выраженный 2000-летний ритм. Его рубежи фиксируются в середине 3-го тысячелетия до н.э., в середине 1-го тысячелетия до н.э., в XIV–XV вв. н.э. и свидетельствуют о наиболее благоприятных условиях для гумусообразования за последние 5000 лет. Почвы этих хроносрезов характеризуются максимальным содержанием гумуса, высокой биогенностью, прекрасной агрегацией, отсутствием легкорастворимых солей и поглощенного натрия в почвенном поглощающем комплексе. По палеогеографическим данным эти периоды фиксировались как высокообводненные, отмечалось резкое похолодание (имели место подвижки ледников, высокий уровень бессточных водоемов и т.д.). Они соответствуют, как правило, пониженной солнечной активности (Эдди, 1978). Зональным типом растительности в эти периоды были злаково-разнотравные степи (Кременецкий, 1997).

Почвы, в которых обнаруживались максимальные проявления деградации признаков зонального почвообразования, фиксировались с периодичностью около 1000 лет. В эти хроносрезы общее количество гумуса сокращалось, формировались малогумусированные почвы с ореховато-призмовидной структурой, наличием легкорастворимых солей, гипса в профиле, развитием процессов осолонцевания. Преобладали ксерофитные злаковые степи (Кременецкий, 1997).

Согласно полученным данным во второй половине голоцена имели место два 2-х тысячелетних цикла и пять тысячелетних. Циклы разной длительности накладывались друг на друга, формируя сложную «траекторию» пульсации с многочисленными резонансными взаимовлияниями и деформациями. Отмечены периоды как усиления их совместного влияния (оптимумы, ксероотермы), так и ослабление (ариды).

На основе регрессионного анализа связи годового количества осадков с некоторыми почвенными показателями проведена оценка вероятных масштабов колебаний увлажненности климата в отдельные периоды голоцена (Песочина, 2003). Амплитуда колебаний среднегодового количества атмосферных осадков в низовьях Дона составляла 380–500 мм. Минимальное их количество (380–400 мм), соответствующее подзоне современных южных черноземов, приходилось на аридную фазу. В периоды оптимумов количество осадков достигало 450–500 мм, что характерно для подзоны обыкновенных черноземов.

Бронзовый век, охватывавший период с III тыс. до н.э. до рубежа II–I тыс. до н.э. и включивший три последовательно сменявшиеся культурно-исторические общности (ямную, катакомбную и срубную),

характеризовался значительными природными изменениями. Наибольшая амплитуда изменчивости приходилась на III тыс. до н.э. Тренд увеличения увлажненности территории первой половины III тыс. до н.э. с формированием максимума в середине III тыс. до н.э. (климатический «оптимум») сменился иссушением во второй половине тысячелетия и резкой аридизацией на рубеже III – первые века II тыс. до н.э. («ксеротерм»). Среднегодовое количество осадков сократилось на 100–120 мм. Черноземы обыкновенные, сформированные в предшествующий этап, имевшие комковато-зернистую структуру и реликтовые признаки повышенной увлажненности, подверглись засолению. Его степень была невысокой и благоприятной для внедрения натрия в почвенный поглощающий комплекс и ощелачивания почвенного профиля (рН 8,4–8,5), активного иллювиирования гумуса по порам, ходам корней и червей, вертикальным граням структурных отдельностей, развитию призмовидно-столбчатой структуры к концу этого периода. Карбонаты аккумуляровались, в основном, в форме белоглазки, псевдомицелий был слабо выражен. Максимум карбонатов располагался на глубине около 1 м и его содержание здесь достигало 13,5%. Верхняя часть профиля характеризовалась слабым хлоридно-содовым засолением, с глубины 140 см сменяющимся средним сульфатным. Запасы гумуса в метровой толще не превышали 22 кг/м². К концу хроноинтервала сформировались черноземы южные, что свидетельствует о резкой аридизации.

Проведенные климатические реконструкции на базе палеопочвенных исследований подтверждаются данными, полученными с использованием палеогеографических материалов, в частности, с динамикой уровней морских бассейнов, изменчивостью спорово-пыльцевых спектров органических отложений болот и культурных слоев стоянок древнего человека, изменчивостью ландшафтов (Варущенко и др., 1987; Герасименко, 1997; Кременецкий, 1997).

Согласно данным С.И. Варущенко с соавторами (1987) в течение большей части бронзовой эпохи Каспийское море находилось в стадии регрессии (Махачкалинская, 5300–3600 лет назад), уровень моря опускался до отметок –39 – –42,5 м. При этом отмечалось два пика, прерываемые в интервале времени 4250±150 кратковременной трансгрессивной фазой, уровень моря достигал –18–22 м. Конец средней – начало поздней бронзы охарактеризовались подъемом уровня моря до –21 м. Трансгрессивная (туралинская) фаза просуществовала до XI в. до н.э.

Данные К.В. Кременецкого по спорово-пыльцевым спектрам органических слоев болот Липиги, Харабулук, Побочное, стоянок Раздорская, Самсоновская выявили следующую изменчивость растительности и климата: период времени 5–4,5 тыс. лет назад характеризовался увлажненностью территории, происходило расширение площади сосновых лесов на террасах и широколиственных долинных лесов; 4,5–3,5 тыс. лет назад – произошло снижение доли пыльцы деревьев, рост кривой пыльцы

маревых и падение сложноцветных. При этом максимальное распространение маревых и минимальное содержание пыльцы древесных пород отмечается в слое катакомбной культуры (около 3,8–3,7 тыс. лет назад). В это время сократилась площадь пойменных лесов. Период характеризовался иссушением климата. 3,5–3,2 (2,8) тыс. лет назад в составе спектров травянистой растительности слоя срубной культуры сильно сокращается доля маревых и возрастает доля сложноцветных, повышается доля пыльцы древесных пород в общем составе спектра. Это свидетельствует о мезофитизации растительности и об улучшении условий увлажненности территории.

Согласно Н.П. Герасименко (1997) суббореальный период голоцена на территории Донбасса характеризовался наиболее контрастными изменениями природной среды, проявляющимися в чередовании стадий увлажнения и резкого иссушения климата. Начало суббореального периода было отрезком увлажнения и похолодания климата. Резкое ухудшение природных условий, прежде всего иссушение, континентальность установлены около 3,8–3,7 тыс. лет назад. Сократилась роль широколиственных пород, уменьшились массивы боровых лесов на террасах, возросла доля ксероморфных семейств. Резко изменилась среда в эпоху срубной культуры (3300–2900 лет назад). Наступивший период характеризовался увлажнением, смягчением континентальности. Наибольшее увлажнение выявляется 3,2–3,1 тыс. лет назад. Облик растительности приближался к лесостепному, но с преобладанием открытых степных ландшафтов. На рубеже 3,0–2,9 тыс. лет назад вновь произошло снижение увлажненности климата, нарастание континентальности, максимально проявившееся 2800–2700 лет назад.

Закономерности изменчивости климата, выявленные нами в степях Приазовья, хорошо согласуются с палеоклиматическими данными, полученными для Северного Причерноморья (Герасименко, 1997; Золотун, 1974).

Заключение

Полученные материалы позволили выявить следующую картину изменчивости увлажненности климата на территории Приазовских степей в эпоху бронзы. Середина третьего тысячелетия до н.э. характеризовалась резонансным взаимовлиянием экстремумов увлажненности 2000 и 1000 цикличности. Относительно влажный и прохладный климат в эти хроноинтервалы способствовал интенсивному гумусообразованию, увеличению продуктивности растительных ценозов. Аридизация климата активизировала развитие в почвах региона процессов засоления, осолонцевания, карбонатизации, а также минерализации и пептизации гумуса. Признаки аридного педогенеза зафиксированы в почвах 4000–3700. Изменения климата в эпоху бронзы, несомненно, должны были влиять на жизненный

уклад степных племен. Племена ямной культурно-исторической общности оптимально приспособились к экологическим условиям степной зоны. Они практиковали пастушеское скотоводство, а в наиболее благоприятных природных районах (Поднепровье, Нижний Дон, Кубань) занимались примитивным пойменным земледелием. Катакомбные племена были более подвижными, являлись пастухами-кочевниками. Об этом свидетельствуют редко встречающиеся поселения, преобладание в составе стада овец. В эпоху поздней бронзы жизненный уклад степных племен изменился. Известны сотни поселений этой эпохи, тысячи погребений в курганах и грунтовых могильниках. Обнаружены находки, указывающие на наличие земледелия (Демкин и др., 2010).

Литература

Варущенко С.И. и др., 1987 – Варущенко А.И., Клиге Р.К. Изменение режима Каспийского моря и бессточных бассейнов в палеовремени // М.

Герасименко Н.П., 1997 – Природная среда обитания человека на юго-востоке Украины в позднеледниковье и голоцене // Археологический альманах, № 6, Донецк

Демкин В.А. и др., 2010 – Борисов А.В., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Золотарева Б.Н., Каширская Н.Н., Удальцов С.Н. Ельцов М.В. – Волго-Донские степи в древности и средневековье // Пушино

Золотун В.П., 1974 – Развитие почв юга Украины за последние 50–45 веков // Автореф. дисс... д-ра с.-х. н., Киев

Кременецкий К.В., 1997 – Природная обстановка голоцена на Нижнем Дону и в Калмыкии // Степь и Кавказ. Тр. ГИМ, вып. 97, М.

Песочина Л.С., 2003 – Закономерности изменчивости почв и природных условий Приазовья за историческое время // Проблемы эволюции почв. Пушино

Эдди Дж., 1978 – История об исчезнувших солнечных пятнах // Успехи физических наук, т. 125, вып. 2.

Микробные сообщества степных подкурганных палеопочв как индикатор динамики климата в эпоху бронзы (III–II тыс. до н.э.)

**Демкина Т.С., Хомутова Т.Э.,
Каширская Н.Н., Демкин В.А. (Пушино)**
*(Исследования проводились при поддержке РФФИ и Программы
фундаментальных исследований Президиума РАН)*

В последние годы одно из приоритетных мест в почвенно-археологических исследованиях занимает проблема изучения микробных сообществ подкурганных палеопочв. Известно, что почвенные микроорганизмы являются неотъемлемой составной частью почвы. Практически все процессы, протекающие в ней, в той или иной степени связаны с жизнедеятельностью микроорганизмов. Поэтому характеристика микробного сообщества относится к числу важнейших диагностических показателей, отражающих условия почвообразования. Это особенно убедительно показано на примере изучения вечномерзлых разновозрастных отложений в тундровой зоне России, в Арктике и Антарктиде (Звягинцев и др., 1985; Хлебникова и др., 1990; Friedmann, 1993), где микробный комплекс оказался законсервированным и практически сохранил исходные свойства. Полученные авторами сведения о состоянии микробного комплекса позволили судить об особенностях педогенеза и о динамике природных условий на протяжении плейстоцена, то есть в масштабе геологического времени. Проведенные микробиологические исследования более молодых подкурганных палеопочв сухих и пустынных степей Нижнего Поволжья показали (Демкина и др., 2000; Демкина и др., 2004 и др.), что в них до настоящего времени сохраняются микробные сообщества, существовавшие во время сооружения археологических памятников. Это подтверждено выявленными закономерностями распределения численности микроорганизмов в курганных насыпях, погребенных и современных почвах (Демкина и др., 2007), данными определения возраста микробной фракции с использованием метода ^{14}C атомной масс-спектрометрии (Demkina et al., 2008). Сохранению микроорганизмов прошлых исторических эпох способствовали их адаптационные механизмы выживания (анабиоз, переход бактерий в наноформы и др.) в неблагоприятных экологических условиях (Бухарин и др., 2005; Вайнштейн, Кудряшова, 2000). С применением

электронной микроскопии установлено, что в гор. А1 подкурганной каштановой почвы 77 % клеток относятся к наноформам (их объемы не превышают $0,09 \text{ мкм}^3$), а в современном аналоге – 63 % (Каширская, 2006). Цитологические исследования искусственно образованных наноклеток позволили предполагать, что их формирование представляет универсальную ответную реакцию организма на неблагоприятные условия и стресс-факторы (Вайнштейн, Кудряшова, 2000).

Следовательно, характеристики микробных сообществ разновозрастных палеопочв должны отражать экологические условия той или иной исторической эпохи. Нами используется широкий круг современных методов почвенной микробиологии, биохимии, молекулярной биологии. Определен комплекс различных параметров, характеризующих состояние микробных сообществ палеопочв, в частности: углерод активной микробной биомассы (С-СИД) (Anderson, Domsch, 1978); численность микроорганизмов разных трофических групп: растущих на почвенном агаре и использующих элементы питания из рассеянного состояния (ПА), на нитритном агаре и потребляющие гумус (НА), на богатой органической среде и разлагающие растительные остатки (БС) по общепринятой методике. Рассчитывали коэффициенты С-СИД/Сорг., БС/НА, индекс олиготрофности $\text{ПА/БС} \times 100$ (Никитин, Никитина, 1978). Дана оценка суммарной микробной биомассы (С-МБ), основанная на выделении микробной фракции из почвы и расчета полноты ее выделения (Хомутова и др., 2004). Впервые изучено биоразнообразие микробных сообществ палеопочв на основе молекулярно-генетического подхода с выделением ДНК микробного сообщества, амплификацией участка гена 16S рРНК и оценкой генетического разнообразия методом TRFLP (Tiedje et al., 1999). В исследованиях морфологии и структуры микробных клеток подкурганных и современных почв использовались методы электронной микроскопии (Каширская и др., 2009; Каширская и др., 2010).

Нами установлены микробиологические параметры, дающие контрастную характеристику микробного сообщества в степных палеопочвах в аридные и гумидные климатические периоды (Демкина и др., 2010). К их числу относятся: (1) активная биомасса микроорганизмов; (2) ее доля от Сорг. почвы; (3) эколого-трофическая структура микробного сообщества (ПА:НА:БС), характеризующаяся соотношением микроорганизмов (в %), растущих на почвенном агаре (ПА) и использующих элементы питания из рассеянного состояния, на нитритном агаре (НА) и потребляющие гумус, на богатой органической среде (БС) и разлагающие растительные остатки; (4) соотношение численности микроорганизмов, использующих легкодоступное органическое вещество – растительные остатки (БС) и труднодоступное – гумус (НА): БС/НА; (5) индекс олиготрофности (ПА/БС·100), который характеризует способность микробного сообщества ассимилировать из рассеянного состояния зольные элементы питания, то есть, чем выше его значение, тем к более бедным условиям питания приспособлены почвенные микроорганизмы и, наоборот, чем ниже, – тем к более богатым условиям, связанным с большим поступлением в почву растительных

остатков. Количественные характеристики состояния микробных сообществ, такие как значительная биомасса активных микроорганизмов и их высокая доля от Сорг почвы, преобладание в эколого-трофической структуре микроорганизмов, использующих легкодоступные органические вещества, высокие значения отношения численности микробов, использующих растительные остатки и гумус, низкие величины индекса олиготрофности дают основания говорить о возрастающем поступлении в почву растительной массы. Известно, что в засушливых областях, к каковым относится и исследованная территория Нижнего Поволжья, увеличение растительной массы прежде всего обусловлено повышением атмосферных осадков в тот или иной исторический период. Усиление же аридизации климата в масштабе исторического времени, напротив, приводит к снижению четырех первых показателей и увеличению пятого. Изменение палеоэкологических условий в прошлые эпохи вызывало и определенную перестройку биоразнообразия почвенных микробных сообществ.

Исследования проводились в сухо- и пустынно-степной зонах на территории Приволжской, Среднерусской и Ергенинской возвышенностей. Объектами изучения послужили палеопочвы, погребенные под курганами в эпохи ранней, средней и поздней бронзы (конец IV – II тыс. до н.э.), а также современные фоновые темно-каштановые, каштановые и светлокаштановые почвы.

Приволжская возвышенность. Исследованный участок расположен на высокой правобережной первой надпойменной террасе реки Иловли в сухостепной зоне. Терраса хорошо выражена в рельефе, имеет четкий уступ высотой 5–10 м над уровнем поймы. Абсолютные отметки поверхности составляют 50–85 м. Почвообразующими породами преимущественно являются покровные лессовидные суглинки, подстилаемые мелкозернистыми песками аллювиального происхождения. По происхождению терраса аккумулятивная, ее формирование связывают с позднечетвертичной хвалынской трансгрессией Каспийского моря. Поверхность расчленена многочисленными ложбинами стока, промоинами, оврагами и балками глубиной до 40–50 м. Это обеспечивает хорошие условия дренированности местности и глубокое (более 7–10 м) залегание грунтовых вод, которые, как правило, имеют незначительную минерализацию (менее 1 г/литр) и гидрокарбонатно-натриевый состав. Средняя норма атмосферных осадков составляет 350–400 мм/год. Естественный растительный покров ключевого участка представлен белопольно-злаковой и белопольно-ромашниково-злаковой ассоциациями. В почвенном покрове преобладают каштановые солонцеватые засоленные почвы, а также солонцы.

Изученный курганный могильник «Авиловский» находится в 1 км к западу от с. Авилон Иловлинского района Волгоградской области. Раскопки памятников проводились под руководством к.и.н. И.В. Сергацкова. Нами исследованы палеопочвы трех разновозрастных археологических памятников, а также современные фоновые каштановые почвы. Время сооружения курганов относится к ямной (рубеж IV–III тыс. до н.э. и 1-я четверть III тыс. до н.э.) и позднекатакомбной (рубеж III–II тыс. до н.э.) культурам.

Поддурганные палеопочвы относятся к каштановым солонцеватым солончаковатым (ямное время) и каштановидной карбонатной солончаковатой (позднекатакомбное время). Они характеризовались достаточно высокой карбонатностью. Средневзвешенное содержание CaCO_3 в верхней двухметровой толще оставалось практически постоянным и составляло около 10 %. Однако в хроноинтервале 5000–4000 произошло довольно значительное их профильное перераспределение, особенно в верхнем полуметровом слое. Наибольшее значение этого параметра было характерно для каштановидных палеопочв рубежа III–II тыс. до н.э., причем вскипание в них отмечалось с поверхности, тогда как в ямных палеопочвах – с 20–30 см. Содержание легкорастворимых солей также весьма заметно изменилось. На протяжении III тыс. до н.э. наблюдалось увеличение засоленности почв. Запасы легкорастворимых солей в слое 0–200 см возросли за этот отрезок времени почти в 1,5 раза. Глубина залегания солевой аккумуляции повысилась со 130 см (рубеж IV–III тыс. до н.э.) до 55 см (рубеж III–II тыс. до н.э.). Подобные же закономерности временной изменчивости были характерны для содержания и профильного распределения гипса.

Морфологические и химические свойства разновозрастных палеопочв бронзового века дают основания сделать следующее заключение о динамике природной среды на юге Приволжской возвышенности на протяжении III тыс. до н.э. В конце IV – первой четверти III тыс. до н.э. климатические условия были близки современным. Вместе с тем, на протяжении этого хроноинтервала появилась тенденция аридизации климата. В последующее время она заметно усилилась, что обусловило существенные эволюционные преобразования почв, трансформацию параметров гумусового, карбонатного, солевого профилей. К концу III тыс. до н.э. в регионе широкое развитие получили каштановидные эродированные карбонатные палеопочвы. В экологическом аспекте хроноинтервал 4200–3900 лет назад можно рассматривать как кризисный. Количество атмосферных осадков по палеопочвенным данным в этот исторический период снизилось не менее чем на 100–150 мм/год по сравнению с эпохой ранней бронзы.

Среднерусская возвышенность. Район исследований расположен на юго-востоке возвышенности на территории Донской гряды в излучине Дона. Поверхность гряды представляет собой полого-волнистую равнину, пересеченную многочисленными оврагами, балками, долинами малых рек. Абсолютные отметки водораздельных участков преимущественно 100–200 м. Климат района умеренно континентальный. Среднегодовая норма атмосферных осадков около 400 мм. Поверхностные отложения характеризуются значительным литологическим разнообразием. Мало-мощные покровные лессовидные суглинки с глубины 100–150 см подстилаются различными породами (песчаники, опоки, мел, пески и др.). Это обусловило существенную пестроту почвенно-растительного покрова даже в пределах плакорных частей водоразделов. Растительность целинных и старозалежных участков представлена полынно-разнотравно-злаковой ассоциацией. В почвенно-географическом отношении район

исследований входит в зону сухих степей с ареалом темно-каштановых почв в пограничной области с каштановыми почвами, которые распространены в нескольких десятках километров к юго-востоку.

Изученные объекты (курганы) расположены на вершине межбалочного водораздела в 2 км юго-востоку от с. Перекопка Клетского района Волгоградской области. Раскопки памятников проводились археологической экспедицией Волгоградского государственного университета под руководством к.и.н. И.В. Сергацкова. Нами исследованы палеопочвы пяти курганов эпох средней и поздней бронзы, а также современные фоновые почвы. Погребальные памятники сооружались носителями раннекатакомбной (середина III тыс. до н.э., два кургана), покровской (XVIII в. до н.э., два кургана) и срубной (XVI–XV вв. до н.э., один курган) культур.

На основе сравнительного анализа морфологических и химических свойств подкурганых палеопочв установлено, что на протяжении 2-й половины III–II тыс. до н.э. произошли их существенные эволюционные преобразования, обусловленные сменой климатических условий от аридных к более гумидным. В этом хроноинтервале эволюция почв на отдельных водораздельных участках в зависимости от их литологии характеризовалась своими закономерностями. В одних условиях происходила последовательная смена каштановых остаточно-солонцеватых незасоленных почв каштановидными карбонатными эродированными, а затем темно-каштановыми незасоленными. В других – каштановые солонцеватые засоленные почвы эволюционировали в темно-каштановые незасоленные с вероятной промежуточной стадией каштановидных почв. И, наконец, в третьих, произошла эволюция каштановых засоленных почв в темно-каштановые незасоленные. Общим для всех выявленных схем педогенеза является то, что эволюционные преобразования почв происходили на таксономическом уровне подтипа от каштановых к темно-каштановым с вариациями родовых признаков. Мы полагаем, что формирование темно-каштановых почв в исследуемом районе имело место примерно 3500–3300 лет назад. Особого внимания заслуживает факт существования в рассматриваемом регионе каштановидных палеопочв в срубное время (XVI–XV вв. до н.э.). Подобного облика палеопочвы обнаруживались нами на территории Приволжской и Ергенинской возвышенностей, в Прикаспийской низменности лишь под курганами полтавкинского, позднекатакомбного и посткатакомбного времени, датируемыми последней четвертью III – началом II тыс. до н.э. Вероятно, литолого-геоморфологическая специфика условий почвообразования в излучине Дона обусловила более продолжительное существование каштановидных палеопочв по сравнению с другими исследованными природными районами Нижнего Поволжья, где верхняя двухметровая почвенно-грунтовая толща, как правило, представлена однородными лессовидными средними и тяжелыми суглинками. Свойства подкурганых палеопочв свидетельствуют о том, что в катакомбное и покровское время климат в регионе был более засушливым, чем теперь. Наиболее аридные климатические условия приходились на конец III – 1-ю четверть II тыс. до н.э.

Ергенинская возвышенность. Палеопочвенные исследования курганов проводились в Ики-Бурульском районе Республики Калмыкия. Территория расположена в пустынно-степной зоне. В составе современного почвенного покрова доминируют светло-каштановые почвы различной степени солонцеватости и засоленности, а также солонцы. Среднегодовая норма атмосферных осадков 300–350 мм. Рельеф полого-волнистый, поверхность расчленена балками и оврагами, что обеспечивает достаточно хорошие условия дренированности водораздельных участков. Абсолютные отметки 100–200 м. Почвообразующие породы представлены лессовидными карбонатными засоленными суглинками. В растительном покрове преобладает полынно-злаковая ассоциация.

Изучено три кургана в составе могильников «Манджикины-1» и «Му-Шарет-4». Археологические раскопки проводились под руководством д.и.н. Н.И. Шишлиной.

Могильник «Манджикины-1» находится на выровненной водораздельной поверхности (абсолютная высота около 100 м), имеющей слабый уклон в юго-западном направлении. Участок с естественным растительным покровом (полынь, типчак, ковыль), проективное покрытие 80 %. Исследованы два кургана бронзового века. Время сооружения одного из них относится к майкопской культуре (конец IV тыс. до н.э., датировка по ^{14}C 5100±50 лет назад). Палеопочва диагностируется как светло-каштановая солонцеватая солончаковатая. Для ее профиля характерна текстурная дифференциация. Мощность гумусового горизонта A1+B1 в среднем 36 см. Содержание гумуса в гор. A1 исходно составляло около 2 %. Вскипание отмечается с 30 см, морфологические выделения карбонатов появляются с 35 см. Количество легкорастворимых солей и гипса невысокое (не более 0,6 %), по профилю они распределены равномерно без выраженной аккумуляции. Гипс представлен прожилочными новообразованиями, которые встречаются с 80 см. Прожилки легкорастворимых солей отмечаются с 60 см.

В составе курганного могильника «Му-Шарет-4», который находится в 10 км к северо-западу от объекта «Манджикины-1», исследован памятник катакомбного времени (третья четверть III тыс. до н.э.). Курган расположен на плоской вершине межбалочного водораздела, ориентированного в направлении запад-восток. Абсолютные отметки поверхности около 200 м. Почвообразующие породы представлены желто-бурыми лессовидными карбонатными засоленными суглинками. В настоящее время угодье сильно сбитый выгон. Растительный покров изреженный, проективное покрытие менее 30 %. Доминирует типчакowo-полынная ассоциация. Подкурганная палеопочва относится к светло-каштановой солонцеватой солончаковатой. Верхняя часть профиля резко дифференцирована на генетические горизонты по цвету и гранулометрическому составу. Средняя мощность гумусового горизонта 33 см, реконструируемое содержание гумуса в гор. A1 1,5–2 %. Линия вскипания располагается на глубине 30 см. Прожилки легкорастворимых солей встречаются с 60 см. Их основные запасы сосредоточены глубже 80 см, где величина плотного остатка водной

вытяжки почти 2 %. Аккумуляция гипса совпадает с солевой (с 80 см содержание CaSO_4 свыше 4 %). Среднепрофильное количество гипса 2,2 %.

Время сооружения второго исследованного здесь памятника могильника «Манджикины-1» относится к рубежу III–II тыс. до н.э. (позднекатакомбная культура). Подкурганная палеопочва определена нами как каштановидная карбонатная несолонцеватая солончаковая. В отличие от ранее рассмотренных она характеризуется отсутствием белесоватости в гор. A1 и признаков солонцеватости в гор. B1, монотонностью окраски, расплывчатыми границами между горизонтами. Текстульная дифференциация отсутствует. Гумусовый горизонт маломощный (A1+B1=22 см), исходное содержание гумуса в гор. A1 не более 2 %. Палеопочва характеризуется поверхностной карбонатностью, содержание CaCO_3 в гор. A1 превышает 5 %. Карбонатный горизонт оформлен слабо. Палеопочва сильно засолена. Прожилки легкорастворимых солей встречаются уже с глубины 25 см. Отмечаются две зоны их аккумуляции, приуроченные к гор. B2ca,s,g и верхней половине гор. Cs,g, где величина плотного остатка водной вытяжки достигает 1,5–1,7 %. Профильное распределение гипса аналогично солевому. Его содержание в аккумулятивных горизонтах превышает 3 %, среднее в толще 0–180 см – 2,1 %. Новообразования представлены прожилками, пятнами, налетом и морфологически обнаруживаются с 25 см. Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что палеопочва позднекатакомбного времени (рубеж III–II тыс. до н.э.) коренным образом отличается от более древних. Столь существенная трансформация ее свойств могла произойти лишь в случае резкого изменения условий почвообразования, прежде всего климата, в сторону аридизации. Усиление засушливости обусловило активизацию ветровой эрозии, денудацию верхних почвенных горизонтов, интенсификацию процесса соленакопления.

Таким образом, на рубеже IV–III тыс. до н.э. (майкопская, ямная культуры) в южной части Ергенинской возвышенности доминировали светло-каштановые слабосолонцеватые солончаковатые (или глубоко солончаковатые) почвы. Они характеризовались значительной мощностью гумусового горизонта A1+B1, текстурной дифференцированностью, равномерным профильным распределением легкорастворимых солей и гипса при сравнительно небольшом их содержании и отсутствии аккумуляций до глубины 150–200 см, хлоридно-натриевым типом химизма, хорошо развитым карбонатным горизонтом. Палеопочвы катакомбного времени (третья четверть III тыс. до н.э.) еще сохранили прежние подтиповую таксономическую принадлежность и морфолого-стратиграфическую организацию профиля. Вместе с тем, некоторые свойства и признаки заметно изменились. Несколько уменьшилась мощность гумусового горизонта. Резко возросли запасы легкорастворимых солей (в три раза) и гипса (в пять раз). В нижней половине профиля появились их мощные аккумуляции. Существенные эволюционные изменения светло-каштановых палеопочв пришлись на последнюю четверть III тыс. до н.э. (позднекатакомбная

культура), что в итоге привело к формированию каштановидных карбонатных несолонцеватых солончаковых почв, не имеющих аналогов в современном почвенном покрове водораздельных участков исследуемого региона. Коренным образом трансформировалась верхняя часть профиля: изменилась окраска; в полтора раза уменьшилась мощность гумусового горизонта; исчезли текстурная дифференциация, признаки солонцеватости. Произошла перестройка карбонатного профиля, вскипание отмечается с поверхности. При сохранении прежних запасов в слое 0–200 см в верхней полуметровой толще имело место перераспределение карбонатов, обусловленное интенсификацией их восходящей миграции. По сравнению с предшествующим временем запасы легкорастворимых солей и гипса в двухметровой почвенно-грунтовой толще также не изменились. Однако отмечено их перераспределение с формированием еще одной зоны аккумуляции в гор. В2. Содержание солей здесь возросло почти в три раза, гипса – в семь раз.

Полученные **микробиологические данные** (таблица) дают основания считать, что климатические условия сухостепной зоны юга Приволжской возвышенности на рубеже IV–III и в 1-й четверти III тыс. до н.э. были близкими с незначительным нарастанием засушливости во времени. Это отразилось в снижении доли микроорганизмов, разлагающих растительные остатки с 29 до 27 % и увеличении индекса олиготрофности с 205 до 221.

Погребенные в середине III тыс. до н.э. (могильник «Перекопка-2» раннекатакомбная культура, курганы 2, 3) каштановые палеопочвы Среднерусской возвышенности (Донская гряда) по некоторым параметрам имели между собой сходство, по другим – существенно различались. Так, суммарная численность микроорганизмов всех трофических групп, как и доля микробов, использующих растительные остатки, были одинаковы. Некоторые различия зафиксированы в долях микроорганизмов, использующих гумусовые вещества и элементы питания из рассеянного состояния. Это отразилось на соотношении микроорганизмов, использующих легко- и труднодоступные органические вещества (БС/НА) и индексе олиготрофности. Наибольшие отличия установлены по биомассе активных микроорганизмов (более чем в 2 раза) и доле С-СИД/Сорг (почти в 4 раза), причем большие величины этих параметров зафиксированы в каштановой палеопочве, погребенной под курганом 2. Таким образом, можно предположить, что климатические условия на момент сооружения кургана 2 были более влажными, чем во время сооружения кургана 3. Следовательно, эти курганы сооружались с некоторым временным интервалом, вероятно, не более 100 лет. В каштановидной палеопочве, погребенной в XVI–XV вв. до н.э. (срубная культура), зафиксировано увеличение биомассы активных микроорганизмов (в 1,6 раза) и их доли от Сорг почвы (в 1,5 раза) по сравнению с каштановой почвой, погребенной в середине III тыс. до н.э. под курганом 3. Суммарная численность микроорганизмов исследованных трофических групп оставалась примерно на том же уровне. В каштановидной палеопочве отмечается наибольшая доля

микроорганизмов, использующих растительные остатки (32 %), и наименьшее значение индекса олиготрофности (196). Это свидетельствует о том, что время сооружения срубного кургана пришлось на период активного поступления растительных остатков в почву, скорее всего, обусловленного начавшимся повышением увлажненности климата 3600–3500 лет назад. Современная темно-каштановая почва по усредненной характеристике гор. А1+В1+В2 отличается от каштановидной палеопочвы большей биомассой активных микроорганизмов, незначительным снижением доли микроорганизмов, использующих растительные остатки, и некоторым увеличением индекса олиготрофности.

Таблица

Характеристика микробных сообществ (средневзвешенные значения величин в слое А1+В1+В2) подкурганых палеопочв эпохи бронзы и современных фоновых почв Волго-Донских степей

Время, почва	С-СИД, мкг С/г почвы	СЧ микроорганизмов, млн КОЕ/г почвы	ЭТС, % ПА:НА:БС	БС/НА	Индекс олиготрофности	С-СИД/С орг, %
Приволжская возвышенность («Авиловский»)						
Рубеж IV–III тыс. до н.э. К2	0,4	18,1	60 : 11 : 29	2,8	205	0,02
1-я четверть III тыс. до н.э. К2	0,4	17,5	60 : 13 : 27	2,2	221	0,02
Современность К2	124,3	44,9	64 : 9 : 27	2,9	239	1,3
Среднерусская возвышенность («Перекопка»)						
Середина III тыс. до н.э. К2 (к. № 2)	33,4	7,1	65 : 5 : 30	5,8	213	1,5
Середина III тыс. до н.э. К2 (к. № 3)	15,3	7,0	67 : 3 : 30	9,2	223	0,4
XVI–XV вв. до н.э. Кв	24,7	6,6	63 : 5 : 32	6,2	196	0,6
Современность К3	37,7	7,4	66 : 4 : 30	6,7	222	0,6
Ергенинская возвышенность («Манджикины» и «Му-Шарет»)						
Конец IV тыс. до н.э. К1	14,5	16,8	44 : 4 : 52	13,9	85	0,8
3-я четверть III тыс. до н.э. К1	4,9	16,8	49 : 5 : 46	9,1	105	0,2
Конец III тыс. до н.э. Кв	0,4	17,1	51 : 4 : 45	11,8	114	0,02
Современность К1	141,6	20,3	47 : 4 : 49	13,0	95	1,6

Примечание к таблице. СЧ – суммарная численность микроорганизмов, выросших на почвенном агаре, нитритном агаре и богатой органической среде; ЭТС – эколого-трофическая структура микробного сообщества, представленная соотношением долей микроорганизмов, выросших на разных средах: ПА : НА : БС.

Микробиологические исследования разновозрастных подкуранных палеопочв пустынно-степной зоны Южных Ергеней показали, что на протяжении III тыс. до н.э. (5000–4000 лет назад) в процессе эволюции светло-каштановых палеопочв в каштановидные биомасса активных микроорганизмов (способных к реактивации глюкозой) в них снизилась в 35 раз, а ее доля от содержания Сорг почвы – в 40 раз. В эколого-трофической структуре микробных сообществ за этот период отмечен сдвиг в сторону увеличения олиготрофности: доля микроорганизмов, использующих элементы питания из рассеянного состояния (ПА), увеличилась с 44 % до 51 % за счет снижения доли микроорганизмов, использующих легкодоступное органическое вещество (БС) с 52 % до 45 %. Доля микроорганизмов, использующих труднодоступные органические вещества – гумус (НА), не изменилась. Величина индекса олиготрофности повысилась с 85 до 114. Выявленные изменения микробиологических параметров исследованного педохроноряда в первую очередь были обусловлены нарастанием аридизации климата в течение III тыс. до н.э.

Следовательно, особенности изменчивости микробиологических параметров в исследованных палеопочвах оказались синхронными и однонаправленными, хотя объекты были приурочены к различным почвенно-географическим зонам (сухо- и пустынно-степная), природным районам (Приволжская, Среднерусская и Ергенинская возвышенности), элементам рельефа (водораздел, надпойменная речная терраса). Крайне важной представляется согласованность палеоэкологических выводов, полученных на основе микробиологических данных, с природными реконструкциями, проведенными путем традиционного морфолого-химического анализа свойств палеопочв. Более того, микробиологические данные заметно детализировали и уточнили эти реконструкции. Причем по сравнению с параметрами солевого, гумусового, карбонатного профилей микробиологические показатели оказались заметно более чувствительными к изменениям атмосферной увлажненности.

С использованием методов электронного микроскопирования нами установлено (Каширская и др., 2010), что в подкуранных (рубеж IV–III тыс. до н.э., ямная КИО) и современных каштановых почвах Приволжской возвышенности и Южных Ергеней морфология микробных клеток была сходной, тогда как их объемы значительно различались. Средний объем клеток в палеопочвах составлял 0,28, а в современных почвах – 0,37 мкм³. В современных почвах доля более крупных клеток (объем >1 мкм³) составляла 11 % от общей их численности, а в палеопочвах – 9 %, а доля клеток объемом <0,1 мкм³ – 65 % и 76 % соответственно. Преобладание мелких клеток микроорганизмов в почвах является следствием адаптации микробных сообществ к условиям дефицита почвенной влаги и питательных веществ. Установлено, что клетки микроорганизмов имеют внешний органоминеральный слой, увеличивающий их объем в среднем почти в 5 раз. Расчетный средний объем клеток без учета органоминерального слоя в современных и подкуранных почвах составил 0,08 и 0,06 мкм³,

что позволило уточнить значения суммарной микробной биомассы (СМБ), полученные методом прямого счета клеток. СМБ в каштановой и светло-каштановой палеопочвах составила 1500 и 230 мкг С / г почвы, что в 1,5 и 2 раза меньше, чем в современных почвах. Таким образом, наряду с методом определения органического углерода в выделенных микробных фракциях, позволяющим быстро оценить биомассу по содержанию микробного углерода (Каширская и др., 2009), можно использовать и метод прямого счета клеток, обязательно учитывая при этом наличие поверхностного органоминерального слоя.

Волго-Донские степи относятся к числу засушливых регионов, что обусловило переход значительной части микробных сообществ в покоящееся состояние. Поэтому их разнообразие было оценено с помощью генетических методов. Эксперименты были проведены в Центре микробной экологии Мичиганского университета. Исследованы микробные сообщества трех палеопочв (гор. А1, В1, В2), погребенных под разновозрастными курганными насыпями, и современной светло-каштановой почвы в пустынно-степной зоне Южных Ергеней. Выделена суммарная микробная ДНК, амплифицированы участки гена 16S РНК и проанализирован полиморфизм фрагментов этого гена (метод T-RFLP). Разнообразие микробного сообщества оценивалось в условных единицах разнообразия («риботип» микроорганизма, то есть определенная последовательность анализируемого участка гена). Вследствие высокого разнообразия сообществ, анализировали число и характер риботипов (общие и специфические бактериальные риботипы). Общее число риботипов в современной почве достигало 118, в палеопочвах их число варьировало от 70 до 108. Из каждой палеопочвы до современности сохранилось от 36 до 68 риботипов, что составляет от 46 до 63 % разнообразия палеомикробных сообществ. В микробном сообществе современной почвы доля таких, условно говоря, «древних» бактериальных риботипов, относящихся к соответствующему времени погребения, колеблется от 33 до 57 %. Можно полагать, что изменение палеоэкологических условий в прошлые эпохи вызывало определенную перестройку структуры почвенных микробных сообществ, но при этом сохранялась определенная часть исходного разнообразия, которая дополнялась новыми группами микроорганизмов. На рубеже III–II тыс. до н.э. вследствие палеоэкологического кризиса произошла перестройка генетического разнообразия (риботипов) микробных сообществ каштановидных палеопочв.

Проведена идентификация бактериальных риботипов в гор. А1 современной светло-каштановой и подкурганной (рубеж IV–III тыс. до н.э., эпоха ранней бронзы) почв Южных Ергеней на основании базы данных известных микроорганизмов (База Данных Мичиганского университета, RDB). Несмотря на то, что большая часть полученных фрагментов отличается от таковых, имеющих в базе данных, был выявлен ряд микроорганизмов, генетически близких зарегистрированным в современной и подкурганной почвах (различия не более двух пар нуклеотидов). Они не

обязательно являлись спорообразующими и, как правило, галофильными или галотолерантными. Общими для обеих почв зарегистрированы бактерии, генетически близкие родам *Rhodobacter*, *Erythrobacter*, *Leptotrix*, *Arthrobacter* и *Bacillus*. Специфическими в современной почве были бактерии, генетически близкие родам *Aurantiaca*, *Paenobacillus* и *Acholeplasma*, а в палеопочве – родам *Azoarcus*, *Xanthomonas* и *Serratia Ficaria*.

Полученные данные свидетельствуют, что смена аридных и гумидных климатических периодов в Волго-Донских степях в эпоху бронзы (III–II тыс. до н.э.) отражалась в структуре микробных сообществ подкурганных палеопочв на эколого-трофическом, метаболическом и генетическом уровнях.

Таким образом, палеопочвы разновозрастных археологических памятников степной зоны представляют собой уникальный объект, своего рода природный архив, сохранивший информацию о состоянии почвенных микробных сообществ прошлых исторических эпох, об их вековой динамике в связи с изменчивостью факторов почвообразования.

Литература

Бухарин О.В. и др., 2005 – Гинцбург А.Л., Романова Ю.М., Эль-Регистан Г.И. Механизмы выживания бактерий // М.

Вайнштейн М.Б., Кудряшова Е.Б., 2000 – О нанобактериях // Микробиология, т. 69, № 2.

Демкина Т.С. и др., 2000 – Борисов А.В., Демкин В.А. – Микробные сообщества палеопочв археологических памятников пустынно-степной зоны // Почвоведение, № 9.

Демкина Т.С. и др., 2004 – Борисов А.В., Демкин В.А. – Микробиологические исследования подкурганых палеопочв пустынно-степной зоны Волго-Донского междуречья // Почвоведение, № 7.

Демкина Т.С. и др., 2007 – Борисов А.В., Ельцов М.В., Демкин В.А. – Сравнительная характеристика микробных сообществ курганых насыпей, подкурганых и современных почв степной зоны Нижнего Поволжья // Почвоведение, № 6.

Демкина Т.С. и др., 2010 – Хомутова Т.Э., Каширская Н.Н., Стретович И.В., Демкин В.А. – Микробиологические исследования палеопочв археологических памятников степной зоны // Почвоведение, № 2.

Звягинцев Д.Г. и др., 1985 – Гиличинский Д.А., Благодатский С.А. и др. – Длительность сохранения микроорганизмов в постоянно мерзлых осадочных породах и погребенных почвах // Микробиология, т. 54, вып. 1.

Каширская Н.Н., 2006 – Микробная биомасса подкурганых палеопочв степной зоны Нижнего Поволжья // Автореф. дисс. ... канд. биол. наук, Воронеж

Каширская Н.Н. и др., 2009 – Хомутова Т.Э., Демкина Т.С., Демкин В.А. – Микробная биомасса подкурганых и современных почв степной зоны Нижнего Поволжья // Почвоведение, № 5.

Каширская Н.Н. и др., 2010 – Хомутова Т.Э., Дмитриев В.В., Дуда В.И., Сузина Н.Е., Демкин В.А. – Морфология и биомасса микробных клеток подкурганых и современных степных почв Нижнего Поволжья // Почвоведение, № 10 (в печати).

Никитин Д.И., Никитина Э.С., 1978 – Процессы самоочистки окружающей среды и паразиты бактерий (род *Vdellovibrio*) // М.

Хлебникова Г.М. и др., 1990 – Гиличинский Д.А., Федоров-Давыдов Д.Г., Воробьева Е.А. – Количественная оценка микроорганизмов в многолетнемерзлых отложениях и погребенных почвах // Микробиология, т. 59, вып. 1.

Хомутова Т.Э. и др., 2004 – Демкина Т.С., Демкин В.А. – Оценка суммарной и активной микробной биомассы разновозрастных подкурганых палеопочв // Микробиология, т. 73, № 2.

Anderson J.P.E., Domsch K.H., 1978 – A physiological method for the quantitative measurement of microbial biomass in soils // Soil Biol. Biochem. V, 10, № 3.

Demkina T.S. et al., 2008 – Khomutova T.E., Kashirskaya N.N. and et al. Age and activation of microbial communities in soils under burial mounds and in recent surface soils of steppe zone // Eurasian Soil Science, vol. 41, № 13.

Friedmann E.I., 1993 – Antarctic microbiology // Willey-Liss

Tiedje J.M. et al., 1999 – Tiedje J.M., Asuming-Brempong S., Nueslein K., et al. Opening the black box of microbial diversity // Applied Soil Ecology, vol. 13.

Древнее террасное земледелие в Кисловодской котловине

Борисов А.В. (Пушино), Коробов Д.С. (Москва)

(Работа выполнена при поддержке РФФИ.

Гранты № 09–06–00018, 09–04–00233,

и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 4)

Введение

Характерным элементом ландшафтов Кисловодской котловины являются крупные террасоподобные образования, практически повсеместно покрывающие склоны на высотах от 900 до 1500 м. В отдельных местах террасы хорошо сохранили свою форму, в других – представлены в виде слабо заметных в рельефе валов и уступов без явных закономерностей в расположении и ориентировке по склону.

Впервые на следы террасирования в Кисловодской котловине обратили внимание в 1958 г. археологи А.П. Рунич, Н.Н. Михайлов и Г.Е. Афанасьев (Афанасьев и др., 2004). Г.Е. Афанасьев начал работу по изучению с помощью методов ГИС приуроченности террасных участков к древним поселениям по данным дешифровки аэрофотосъемки (Афанасьев и др., 2004). Позже эти исследования были продолжены Д.С. Коробовым (Коробов, 2004).

Первые почвенно-археологические исследования участков террасного земледелия в регионе с середины 1990-х гг. осуществлялись в рамках экспедиции МГУ (позднее ИЭА РАН) под руководством И.А. Аржанцевой почвоведом М.И. Скрипниковой, М.А. Бронниковой, И.В. Туровой (Турова, 2001). До этого времени специальные полевые исследования террас не проводились, а региональные геологи рассматривали их как задернованные выходы плотных пород (Цит. по: Скрипникова и др., 1998, с. 118–120). В результате первых целенаправленных почвенно-археологических исследований террасы были включены в систему горного земледелия аланских племен конца I – начала II тыс. н.э. (Аржанцева и др., 1998, с. 12–13). В определенной мере этому выводу способствовало широко распространенное мнение о значительных масштабах и высоком уровне земледелия у средневековых алан (Кузнецов, 1971, с. 71–72).

В своих более поздних работах, основываясь на результатах радиуглеродного датирования гумусового горизонта палеопочв склоновых

участков, погребенных под террасами, М.И. Скрипникова определяет время возникновения террасных полей в районе 6400–5500 лет назад (время существования майкопской культуры раннего бронзового века). В организации террасных комплексов автором отмечается приуроченность террас к выходам на поверхность бронирующих пластов плотных горных пород, использование искусственного грунта при формировании террасовых полотен, а также увеличение ширины полотна террасы по направлению к подножью склона (Скрипникова, 2004, с. 181–183).

Авторский коллектив настоящей статьи начал систематические исследования террас Кисловодской котловины в 2005 году. За период с 2005 по 2009 гг. нами изучено 120 полнопрофильных почвенных разрезов и выполнено 35 зондажей (рис. 1). Полученный фактический материал позволяет уточнить отдельные положения существующей системы взглядов на террасы Кисловодской котловины и предложить ответы на ряд вопросов, которые до настоящего времени оставались нерешенными.

Объекты и методы исследований

Территорию Кисловодской котловины с севера ограничивает Боргустанский хребет (высота до 1200 м), с востока – Джинальский хребет (высота до 1500 м), сложенные мелоподобными известняками поздне-мелового периода и представляющие собой отроги Пастбищного хребта Большого Кавказа. С юга и юго-востока территория котловины ограничена куэстами Скалистого хребта – Кабардинским хребтом с максимальными высотами до 1600 м, и Бермамытским плато, сложенными известковистыми песчаниками раннего мела (Милановский, 1968) и изрезанными ущельями рек Аликоновки, Березовой и Ольховки (рис. 1).

Горы, окружающие Кисловодскую котловину, защищают территорию от холодных ветров, обеспечивая особые климатические условия. Климат региона умеренно-континентальный, количество солнечных дней около 300. Среднегодовая температура составляет около +8°C, среднегодовое количество осадков – 600 мм, из них большая часть выпадает весной и в начало лета. Давление воздуха в Кисловодске относительно низкое – 692 мм рт. ст. Относительная влажность составляет 56–65 %. Зима умеренно мягкая (средняя температура января –4°C), сухая, с неустойчивым снежным покровом. Лето продолжительное (около 5 месяцев), средняя температура июля–августа 19°C, дожди кратковременные (Агроклиматический..., 1958).

Почвенный покров представлен мало- и среднемощными дерново-карбонатными выщелоченными и типичными почвами на элювии известняков и мало- и среднемощными горными черноземами на элюво-делювии глин и песчаников нижнего мела.

В данной работе речь пойдет о террасных комплексах в районе междуречья Кабардинки и Березовой (тестовый участок Левый берег реки Кабардинки (ЛБК)).

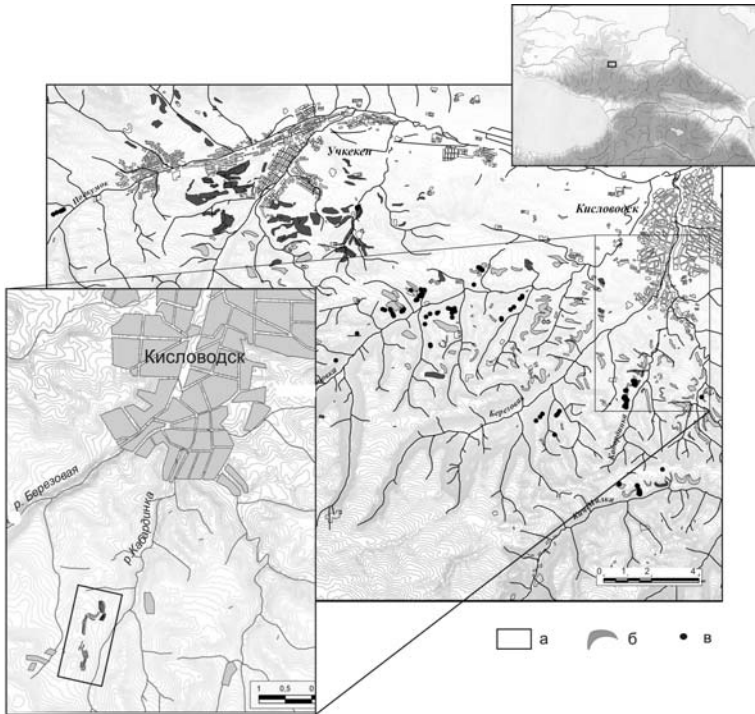

Рис. 1. Расположение объектов исследования: а – тестовый участок ЛБК, б – контуры террас по результатам дешифровки аэрофотоснимков, в – почвенные разрезы.

В пределах тестового района ЛБК было выбрано 3 ключевых участка с наиболее характерными и наилучшим образом сохранившимися террасными комплексами: ЛБК-1 (рис. 2 (а)), ЛБК-2 (рис. 2 (б)) и ЛБК-3 (рис. 2 (в)).

С помощью GPS проводилось картирование видимых контуров террасного полотна, после чего полученные контуры совмещались с топографической основой масштаба 1:25000. Одновременно выбирались трансекты, по которым закладывались полнопрофильные почвенные разрезы, проводилась инструментальная топосъемка современной поверхности по линиям трансект, а также нивелировка границ почвенных горизонтов в разрезах в единой системе. Полнопрофильные почвенные разрезы закладывались в наиболее информативных участках. Здесь проводилось морфолого-генетическое описание почвенных профилей и отбор образцов почв на химические анализы (рН, гумус, карбонаты, сумма солей, гранулометрический состав по стандартным методикам). В тех случаях, когда для уточнения почвенно-ландшафтной ситуации заложение полнопрофильных разрезов не требовалось, проводилось бурение с помощью почвенного бура и отбор кернов из каждых 10 см профиля.

а

б

в

Рис. 2. Тестовый район «Левый берег реки Кабардинка». Условные обозначения:
а – Ключевой участок ЛБК-1, б – Ключевой участок ЛБК-2,
в – Ключевой участок ЛБК-3.

Результаты и обсуждение

Масштабы террасирования склонов. На тестовом участке нами проведена работа по определению площади террасных полей с помощью GPS при визуальном осмотре территории. Двигаясь вверх по течению реки от первых террас, расположенных на самой малой высоте, по верхней границе видимых в рельефе террасных образований с включенным навигатором, был получен трек, соответствующий верхней границе зоны террасирования. С помощью пакета программ ГИС ArcGIS 8.3 была рассчитана площадь древних земледельческих угодий на левом берегу реки Кабардинки (210 га), что составляет около 60 % площади водосбора левого берега реки (360 га). Аналогичная ситуация наблюдается по другую сторону водораздела на правом берегу р. Березовая. В целом, на всей площади котловины на высотах от 900 до 1500 м и на склонах до 30° практически повсеместно заметны следы террасирования.

Морфологическое строение террас и химические свойства почв

Участок ЛБК-1. В качестве примера, наиболее полно отражающего морфологические и химические характеристики террас, рассмотрим крупную террасу шириной до 30 м и длиной более 200 м. Данная терраса, в силу литологической неоднородности погребенной почвы и перекрывающего ее делювиального наноса, представляет собой наиболее яркий пример, иллюстрирующий процесс создания и функционирования террас, а также протекание эрозионных процессов. На уровне поверхности террасы расположена зона контакта разнородных отложений, формирующего склон – в этом месте щебнистый элювий известковистых песчаников и глин перекрывается супесчано-суглинистыми отложениями.

На этой террасе была заложена серия почвенных разрезов (рис. 3).

Разрез Б-88. Разрез расположен в верхней точке террасы на расстоянии 1–1,5 м от нижней границ откоса следующей террасы. Почва – чернозем горный эродированный на элюво-делювии глинистых и известковистых песчаников. В данной почве выделяется два слоя с различными литологическими характеристиками: до глубины 40 см залегает слой, сложенный, преимущественно, песчаными фракциями без камней и щебня, а с глубины 40 см залегает скелетный материал элюво-делювия известковистого песчаника с высоким содержанием физической глины. Естественно, эта ситуация не может объясняться исходной литологической неоднородностью. В данном случае верхние 40 см представляют собой делювиальный нанос, на котором сформировалась современная почва, а с глубины 40 см залегает подстилающая порода, генетически не связанная с современной почвой. Аналогичная ситуация наблюдается и в разрезе Б-89.

Иные характеристики профиля в разрезе Б-90, заложенном в 4 м от разреза Б-89 ниже по склону террасы. В данном разрезе под профилем горного чернозема, развитого на супесчаном однородном делювии, залегает гумусовый горизонт погребенной почвы, верхняя часть которой, возможно, эродирована. Характерно отсутствие горизонтов В и ВС в погребенной почве и резкий переход в почвообразующую породу.

Следующий разрез Б-91 заложен в полутора метрах от разреза Б-90 ниже по склону террасы. До глубины 50 см залегает супесчано-легко-суглинистый хорошо отсортированный делювиальный нанос, на поверхности которого сформирована современная почва. Начиная с глубины 50 см, увеличивается доля серых тонов в окраске почвенной массы, резко возрастает скелетность. Горизонт [А1] (75–115 см) погребенной почвы представлен серовато-бурым однородным легким суглинком, структура комковатая, непрочная. В отличие от разреза Б-90 образует хорошо выраженный сплошной слой с резким переходом в почвообразующую породу.

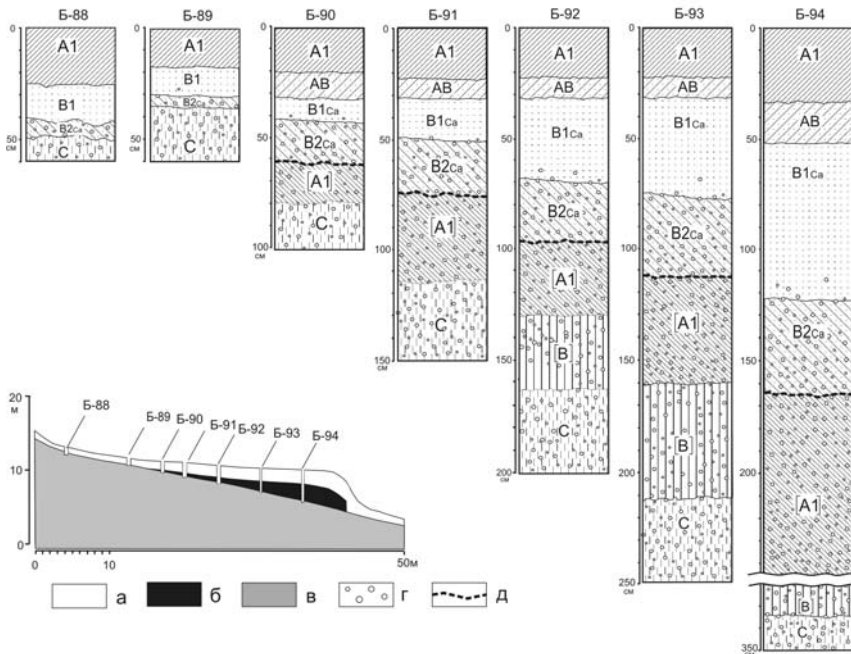

Рис. 3. Морфологическое строение террасы ЛБК-1. Условные обозначения: а – делювиальные нанос, б – погребенная почва, в – почвообразующая порода, г – камни и щебень, д – верхняя граница погребенной почвы.

Разрез Б-92 заложен в 4 м от разреза Б-91 ниже по полотну террасы. Профиль почвы имеет следующее строение: до глубины 67 см залегает не скелетный легкосуглинистый делювиальный нанос, в котором выделяются горизонты А1 (0–24 см), АВ (24–33 см). Ниже по профилю залегает слой практически не затронутого почвообразованием делювия с весьма незначительной гумусированностью. Этот слой, в соответствии с терминологией, принятой в археологической практике, условно назван нами **«материковым делювием»**.

С глубины 67 см в горизонте В2_{Ca} резко возрастает встречаемость мелких камней и щебня и наблюдается постепенное возрастание серых тонов в окраске (аналогично горизонту В2_{Ca} разрезов Б-90 и Б-91).

В погребенной почве выделяется горизонт [А1] (94–130 см) со значительным включением камней и гравия. Вскипание слабое. Нижняя горизонта часть вскипает фрагментарно. Горизонт [В] (130–160 см) от вышележащего горизонта отличается постепенным увеличением доли желтоватых тонов в окраске почвенной массы и возрастанием влажности. Не вскипает. Переход в почвообразующую породу резкий.

В данном разрезе наиболее информативно представлен горизонт В2_{Ca}. Материал этого слоя генетически связан с погребенной почвой и содержит большое количество камней и гравия. В то же время, для него характерно изменение цвета от серовато-бурого в нижней части до буровато-желтого – вверху. Очевидно, происхождение этого слоя связано с первым этапом активизации склоновых процессов, когда в результате эрозии смывался верхний слой почвы на участках, прилегающих к откосу расположенной выше террасы, а на средней и нижней части полотна террасы перемешанный материал откладывался, перекрывая сохранившийся гумусовый горизонт погребенной почвы. В качестве рабочего определения этого слоя предлагается термин **«гумусированный делювий»**.

Во многом близкая ситуация наблюдалась в разрезе Б-93, заложенном в 5 м от разреза Б-92 ниже по склону террасы. Здесь мощность «материкового делювия» достигает 75 см; глубже залегает слой «гумусированного делювия» мощностью до 40 см и погребенная почва, резко переходящая в почвообразующую породу. Вскипание наблюдается в слое 35–113 см, погребенная почвы вскипает слабо до глубины 160 см. Горизонт [В] выщелочен от карбонатов. Бурное вскипание начинается с глубины 235 см (почвообразующая порода).

Разрез Б-94 заложен в нижней части полотна террасы наиболее близко к откосу. Мощность гумусового горизонта А1+АВ составляет здесь 50 см. С глубины 50 см до 120 см залегает «материковый делювий», слабо переработанный почвообразованием. Материал слоя довольно однородный, без камней. Скелетность повышается с глубины 120 см в слое «гумусированного делювия», в этом же слое в окраске почвы появляются серые тона, доля которых возрастает с глубиной. Гумусовый горизонт погребенной почвы начинается с глубины 160 см. Разрез выкопан до глубины

250 см, но в слое 160–250 см дифференциации на генетические горизонты не обнаружено. С глубины 250 см проводилось бурение. В кернах отмечено постепенное уменьшение серых тонов в окраске, а глубже 300 см цвет почвенной массы становится серовато-желтым. Почвообразующая порода залегает на глубине 345 см. Свойства почвообразующей породы аналогичны описанным выше.

Таким образом, морфологическое строение террасы в целом можно представить в следующем виде. Почвообразующая порода, представленная элюво-делювием известковистого песчаника и глин, залегает под углом, соответствующим естественному углу наклона поверхности. На почвообразующей породе залегает погребенная окультуренная почва, достаточно однородная, с многочисленными фрагментами керамики.

Погребенную почву перекрывает слой «гумусированного делювия», представляющий собой перемещенный с вышележащих участков гумусовый горизонт в смеси с материалом подстилающей породы и делювиальным наносом. В слое «гумусированного делювия» по мере его формирования отмечается постепенное увеличение доли желтых тонов в окраске и уменьшение скелетности.

Выше залегает слой «материкового делювия», практически не переработанного почвообразованием и представленного генетически не связанным с погребенной почвой материалом вышележащих участков склона (супесчаный гранулометрический состав и отсутствие камней). На поверхности этого слоя сформировалась современная почва.

Время создания террас. За пять лет работы по изучению следов террасного земледелия в Кисловодской котловине нами было заложено 120 полнопрофильных почвенных разрезов. Во всех разрезах в погребенной почве было обнаружено 2325 фрагментов керамики. Весь керамический материал анализировался и подвергался статистической обработке. Установлено, что 67 % керамики относится к кобанской культуре, 27 % – к аланской культуре, и 6 % керамики не поддается идентификации. На основании анализа керамических комплексов мы относим время создания основной массы террас к концу II-го – началу I-го тысячелетий до н.э. (около трех тысяч лет назад, время существования кобанской культуры) (Борисов, Коробов, 2009).

Функционирование и деградация террасных комплексов. При освоении склонов древними земледельцами в первую очередь, вероятно, проводилось террасирование нижних пологих участков склонов, наиболее благоприятных для земледелия, где потенциальное плодородие почв наиболее высокое. Затем, по мере необходимости, проводилось террасирование более крутых склонов.

Процесс создания террас можно реконструировать следующим образом. На первом этапе часть грунта из верхних горизонтов древней почвы до глубины залегания почвообразующей породы срезалась и перемещалась таким образом, что образовывалась своего рода горизонтальная ступенька поперек склона. В дальнейшем происходил ежегодный

искусственный перенос материала верхних гумусовых горизонтов с вышележащей территории и естественный привнос материала обнажившейся почвообразующей породы в результате эрозионных процессов. Иными словами, земледельцы кобанской эпохи как бы активизировали процесс контролируемой «позитивной» эрозии. В результате именно этого процесса и происходил рост террасы вверх и расширение террасного полотна. Однако использование террас на верхних крутых участках склонов требовало известных трудозатрат на поддержание плодородия почвы, так как в результате эрозионных процессов на поверхности террасы ежегодно откладывался слой неплодородного делювия, который необходимо было окультуривать. Однако ежегодное поступление делювия было, вероятнее всего, невелико, так как в период массового террасирования склонов климатические условия в регионе были более сухими, чем в настоящее время. На это указывает доминирование пыльцы трав в палинологическом спектре погребенных окультуренных почв террас. А сами почвы морфологически ближе к каштановому типу, и заметно отличаются от современных горных черноземов.

Поддержание плодородия почв террас осуществлялось путем регулярного внесения навоза и бытовых отходов с поселений. Именно объясняется необычайно высокая встречаемость керамики кобанского времени в погребенных почвах всех террасах. Возможность попадания керамики в древние пахотные горизонты почв с органическими удобрениями обсуждается в литературе (Gaffney, Tingle, 1989) (цит. по: Gosden, Lock, 2003, pp. 65–80). Нами установлено высокое содержание кутикулярных слепков в биоморфном спектре погребенных почв, что также говорит в пользу факта внесения органических удобрений, так как в растениях, естественным образом закончивших свой жизненный цикл, кутикулярные слепки распадаются на отдельные фитолиты. Следует отметить, что аналогии такого рода организации почвенных профилей с включением погребенных агрикультурных насыщенных керамикой горизонтов описаны в работе А.И. Ромашкевич (Ромашкевич, 1988) для надпойменных террас рек Теберды и Кубани.

В итоге постепенного освоения все более крутых склоновых позиций, в финале существования кобанской культуры в Кисловодской котловине (ориентировочно это могло происходить в середине I тыс. до н.э.) антропогенное изменение ландшафтов в связи с земледельческой активностью достигло критического уровня. Террасами были покрыты практически все склоны на высотах от 900 до 1500 м. В наиболее благоприятных для сельскохозяйственной деятельности участках террасные поля изначально покрывали до 70–80 % площади склонов.

В определенный момент террасы перестали использоваться как пахотные угодья. Здесь могли иметь место как социальные причины (уход, гибель населения, изменения хозяйственного уклада), так и экологические. Возможно, дальнейшие исследования помогут ответить на этот вопрос.

В пользу палеоэкологических причин деградации террас свидетельствуют имеющиеся литературные данные. Так, в частности, А.Л. Александровским установлен период понижения температур и увеличения осадков в последней трети суббореального периода в лесных и лесостепных регионах Северного Кавказа (Александровский, 2002, с. 109–119; Александровский, Бирина, 1987, с. 28–39), активизации аллювиальных процессов в интервале 2700–2400 лет назад (Александровский, Александровская, 2005). В соседних регионах в конце суббореального – начале субатлантического периодов наблюдалось наступление леса на степь (Герасименко, 1997, с. 3–64) и увеличение увлажненности в степной зоне (Кременецкий, 1997, с. 30–47).

В этих условиях, значительно возрастал объем поступавшего на террасы неплодородного делювиального наноса; окультуривание его требовало все возрастающих усилий; и в определенный момент процесс эрозии стал неконтролируемым. Водные потоки, несущие делювиальный материал, попадая на террасу, частично размывали плодородный слой в ее верхней части. В средней и нижней части террасного полотна материал откладывался, формируя слой «гумусированного делювия», перекрывающий погребенную почву. В этом слое еще встречается керамика кобанского времени, что можно рассматривать как попытки древних земледельцев поддерживать плодородие почв и в условиях резкой активизации поступления делювиального материала. В верхнем слое гумусированного делювия керамики уже нет. С этого момента начинается процесс глубокого эрозионного размыва экспонированной почвообразующей породы и формирование слоя материкового делювия. Интенсивность накопления делювия была настолько высока, что поступающий материал не успевал перерабатываться почвообразованием.

В результате к середине первого тысячелетия до н.э. практически вся площадь Кисловодской котловины на высотах от 900 до 1500 м оказалась покрытой мощным чехлом делювиальных отложений. Этот период можно считать «нуль-моментом» современного этапа почвообразования в регионе. Мы предполагаем, что этап стабилизации эрозионных процессов пришелся на вторую половину первого тысячелетия до н.э., так как именно в этот период имел место очередной этап аридизации климата (Александровский, Александровская, 2005).

В период, последовавший за описываемыми событиями наблюдается резкое сокращение количества поселений; памятники периода V в. до н.э. – IV в. н.э. единичны. Следующий этап заселения активного заселения территории Кисловодской котловины раннеаланским населением имел место лишь в IV–VI вв. н.э. Характерно, что все земледельческие угодья этого времени сосредоточены на нижних пологих участках склонов, где к этому времени успело восстановиться естественное плодородие почв (Борисов, Коробов, 2009, с. 22–34).

Заключение

Территория Кисловодской котловины представляет собой уникальный памятник истории развития антропогенно-преобразованных ландшафтов. Около 70–80 % площади склонов котловины на высотах от 900 до 1500 м подверглись террасированию в эпохи поздней бронзы – раннего железа (1200–600 лет до н.э.) носителями кобанской культуры. К середине первого тысячелетия до н.э. в силу ряда факторов (среди которых наиболее вероятным представляется резкое изменение палеоэкологических условий в сторону увеличения нормы осадков) обширные земледельческие угодья перестали использоваться. Начались мощные эрозионные процессы, в результате которых террасы оказались перекрыты чехлом делювиальных отложений, мощность которого достигала двух и более метров. В середине I тыс. до н.э. – начале второй половины I тыс. до н.э. в результате очередного этапа аридизации климата на поверхности слоя делювия начался современный этап почвообразования.

Литература

- Александровский А.Л., Бирин А.Г., 1987* – Эволюция серых лесных почв предгорий Северного Кавказа // Почвоведение, № 8.
- Александровский А.Л., 2002* – Изменение почв и природной среды на юге России в голоцене // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии, вып. 1–2, М.
- Александровский А.Л., Александровская Е.И., 2005* – Эволюция почв и географическая среда // М.
- Агроклиматический..., 1958* – Агроклиматический справочник по Ставропольскому краю // Ставрополь
- Аржанцева И.А. и др., 1998* – Седов С.Н., Скрипникова М.И. Аланские поселения I-го тыс. до н. э. Кисловодской котловины: палеоландшафтные реконструкции систем жизнеобеспечения // XX Юбилейные Международные «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов) // Ставрополь
- Афанасьев Г.Е. и др., 2004* – Савенко С.Н., Коробов Д.С. Древности Кисловодской котловины // М.
- Борисов А.В., Коробов Д.С., 2009* – Террасное земледелие в Кисловодской котловине // Российская археология, № 3.
- Герасименко Н.П., 1997* – Природная среда обитания человека на юго-востоке Украины в позднеледниковье и голоцене (по материалам палеогеографического изучения археологических памятников) // Археологический альманах, № 6, Донецк
- Коробов Д.С., 2004* – Применение ГИС и аэрофотосъемки при картографировании следов древнего земледелия в Кисловодской котловине // Круглый стол «Геоинформационные технологии в археологических исследованиях» (Москва, 2 апреля 2003 года). [Электронный ресурс]. Сборник докладов. М. CD-ROM.
- Кременецкий К.В., 1997* – Природная обстановка голоцена на Нижнем Дону и в Калмыкии // Степь и Кавказ: Труды ГИМ, М.
- Кузнецов В.А., 1971* – Алания в X–XIII вв. // Орджоникидзе
- Милановский Е.Е., 1968* – Новейшая тектоника Кавказа // М.

Ромашкевич А.И., 1988 – Горное почвообразование и геоморфологические процессы // М.

Скрипникова М.И. и др., 1998 – Седов Р.Н., Турова И.А., Магомедов К.М. – Реконструкция систем горного земледелия аланских поселений Северного Кавказа в конце I-го – начале II-го тыс. до н.э. // XX Юбилейные Международные «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов), Ставрополь

Скрипникова М.И., 2004 – Изучение древнего земледелия в горах Кавказа // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова (XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа), М.

Gaffney V., Tingle M., 1989 – The Maddle Farm Project // British Archaeological Reports, Oxford

Gosden C., Lock G. 2003 – Becoming Roman on the Berkshire Downs: The Evidence from Alfred's Casle // Britannia, vol. 34.

Turova I. et al., 2001 – Bronnikova V., Chichagova O. Slope terracing as an example of early medieval landscape exploitation and transformation in piedmonts of the North Caucasus // Proceedings of the 1st International Conference on Soils and Archaeology, Szazhalombatta

Периодизация памятников ранней и средней бронзы степного Ставрополя (по материалам раскопок 70–80-х гг.)

Державин В.Л. (Москва)

Памятники бронзового века на Северном Кавказе пристально исследовались еще со второй половины XIX в., однако их изучение в географическом отношении проводилось неравномерно, так как в силу ряда причин работы дореволюционных археологов были сосредоточены в основном в тех местах, откуда происходил наиболее эффектный материал (Прикубанье, Кавминводы и другие районы). Да и в целом предкавказские степи привлекали к себе меньше внимания, чем предгорья. Именно поэтому степное Ставрополье долгое время оставалось белым пятном на археологической карте Северного Кавказа. Исключение, пожалуй, составляли лишь несколько курганов, раскопанных в 1909–1910 гг. Н.И. Веселовским у сел Старомарьевка, Ореховка-Высоцкое и Александрия, которые в настоящее время расположены в Грачевском районе Ставропольского края. Эти материалы были в свое время использованы в работах ряда исследователей Предкавказья (Иерусалимская, 1957; Фисенко, 1967), которые и сейчас представляют не только историографический интерес. Однако определенным районом Ставрополя в советское время повезло больше. Безусловный научный интерес представляют находки из раскопок курганов на Западном Маныче, производившиеся в 30-годы XX столетия М.И. Артамоновым. Позже в 60-е годы широкомасштабные работы в бассейне Восточного Маныча велись И.В. Сеницыным и У.Э. Эрдниевым, материалы которых легли в основу подробной периодизации бронзового века Калмыкии, разработанную В.А. Сафроновым (1974).

Существенный вклад в деле изучения бронзы Ставрополя был внесен А.Л. Нечитайло, исследовавшей курганы предгорий. Среди них в первую очередь следует выделить катакомбные комплексы Суворовского могильника, которые, несмотря на ряд объединяющих со степью черт, все же представляют собой особую группу древнего населения Северного Кавказа (Нечитайло, 1978).

В 70-е годы XX века в степных районах Ставропольского края разворачиваются крупномасштабные раскопки курганов в связи со строительством Большого Ставропольского канала, но в начале 80-х годов интенсивность работ в степи заметно снижается.

При составлении периодизации памятников бронзового века степного Ставрополя было учтено несколько сот курганных погребений бассейна реки Томузловки – правого притока Кумы. Первые в этом регионе памятники были обследованы в 1972 г. у с. Волчи Ворота, но основной массив погребений происходил из курганов у хутора Веселая Роща на границе Александровского и Новоселицкого районов. Первый курган этого могильника раскопан в 1974 г., а с 1976 г. здесь велась уже планомерные раскопки. В сопредельных районах в то время также осуществлялись раскопки древних курганов, но они были менее масштабными. Параллельно на Чограйском водохранилище в Арзгирском районе Ставропольского края работали экспедиции под руководством В.А. Кореняко, а затем М.В. Андреевой. Однако в силу своего географического положения они входят в круг памятников, исследованных И.В. Синицыным и У.Х. Эрдниевым, а еще позже В.П. Шиловым, В.А. Сафроновым и Н.А. Николаевой, и должны рассматриваться в системе калмыцких древностей, периодизацию которых, как отмечалось выше, разработал В.А. Сафронов.

Следует также подчеркнуть, что материалы раскопок 70–80-х годов существенно дополняют наши знания в области изучения бронзового века степей Ставрополя, но следует, однако, при этом иметь в виду, что эта территория исследована все же неравномерно. Поэтому предложенная ниже периодизация памятников, безусловно, не является окончательной и может быть со временем подвергнута корректировке по мере накопления нового материала.

Анализ погребальных памятников бассейна р. Томузловки, откуда происходит большая их часть, позволяет говорить о существовании здесь нескольких характерных обрядовых групп, которым соответствуют и определенные группы древнего населения.

Первая обрядовая группа, характеризующаяся скорченными на спине захоронениями в обычных ямах, неоднородна. В нее можно включить пока немногочисленные погребения хвалынского времени, сопоставимые с ранними погребениями Нальчикского могильника, которые на Ставрополье могут считаться наиболее ранними подкурганными захоронениями. В Калмыкии им соответствуют комплексы с находками каменных скипетров. Основная часть погребений первой обрядовой группы традиционно относится к древнеямному населению, хотя, не исключено, что некоторые безинвентарные погребения, особенно с высоким содержанием красной краски, могут считаться и ранними энеолитическими. Эти погребения на Северном Кавказе выделялись в домайкопский горизонт, а в степи – в доямный степной горизонт (Сафронов, 1989, рис. 52). Ямные погребения датируются, скорее всего, серединой III тыс. до н.э. и рубежом III–II тыс. до н.э. Следует обратить внимание на сравнительно малое число этих погребений в курганах Томузловки в отличие, например, от курганных могильников Восточного Маньча. Последние, видимо, являлись основным районом сосредоточения этих памятников в Предкавказье, откуда и распространились к югу на Ставропольское плато. Интересно отметить

то обстоятельство, что на Ставрополье ямные погребения в основном известны в курганах томзуловской группы и в небольшом числе обнаружены неподалеку под Светлогородом и Грушевкой, т.е. к северу от могильника Веселая Роща. В остальных погребальных комплексах степного Ставрополя они неизвестны.

Принимая во внимание факт неравномерного археологического изучения территории Ставропольского края, все же можно предположить, что путь продвижения или расселения ямных племен со стороны Кумо-Манычской впадины мог проходить в бассейне реки Калаус – района мало исследованного в археологическом плане.

Время существования ямных погребений занимает довольно продолжительный период, а отголоски ямных традиций этого погребального обряда доживают в отдельных случаях даже до периода распространения скорченных на боку захоронениях в катакомбах. В первую обрядовую группу включены и немногие погребения майкопского круга, совершенные в ямах в скорченном положении на спине. Они, безусловно, испытали на себе сильное влияние ямного населения, о чем свидетельствует столь необычное для них положение костяков. В одном из курганов у хутора Жуковского майкопское захоронение являлось впускным, где основным было ямное погребение. Следовательно, в степи ямные погребения фиксируются раньше майкопских. Сюда можно отнести и майкопское захоронение у с. Воронсколеское, но там погребенный лежал в скорченном положении на левом боку, головой на запад, с кистями рук, положенными перед лицом. В целом такая позиция встречается в майкопских комплексах, но в курганах степного Ставрополя получила распространение лишь в позднебронзовом веке. На Северном Кавказе подобные захоронения известны в Нальчикском могильнике и в памятниках куро-аракской культуры, где этот обряд имеет давние корни. Однако в степи он пока неизвестен в этот период.

Вторая обрядовая группа представлена погребениями с вытянутыми на спине костяками в ямах, часто оборудуемых заплечиками. Последние сравнительно в большом количестве встречаются в районе Пятигорья и Верхнего Прикубанья. Одни исследователи считают погребения этой группы предшествующими вытянутым захоронениям в катакомбах (Сафронов, 1974, с. 90), другие – сосуществующими с ними (Шилов, 1985, с. 31) и относящимися к одному культурному образованию. Материалы степного Ставрополя указывают, безусловно, на более раннее появление вытянутых захоронений в ямах по отношению к аналогичным в катакомбах. Это подтверждает точку зрения В.А. Сафронова, высказанную им на основе анализа калмыцких материалов. В ее пользу также свидетельствуют как стратиграфические наблюдения, так и сопутствующий погребальный инвентарь. Восточная ориентировка костяков в погребениях второй обрядовой группы является, как и в первой группе, преобладающей и древнейшей. С этими погребениями она связана на протяжении всего периода их существования. Наряду с восточной ориентировкой несколько позже

появляется и западная, составляющая достаточно весомый процент (около одной пятой от общего числа), появление которой можно объяснить контактами с северокавказским населением Верхнего Прикубанья. Количество вытянутых погребений в ямах на Ставрополье значительно больше, чем в бассейне Восточного Маныча и Калмыкии. Как известно, вытянутые захоронения на спине в ямах и каменных ящиках относятся к северокавказскому населению предгорьев. Поэтому заметное увеличение их числа свидетельствует о продвижении носителей этого обряда вглубь степей и вхождении их в контакт с позднеямыми племенами.

Третья обрядовая группа на Ставрополье выделена достаточно условно. В Калмыкии она представлена относительно многочисленными погребениями в катакомбах со скорченными на спине костяками, но в погребениях томuzловской группы они единичны. Правда, сюда можно отнести немногие захоронения со слегка согнутыми в коленях ногами, которые могут говорить о контактах трех групп древнего населения: ямного, северокавказского и катакомбного. Погребения со слегка скорченными в коленях ногами встречаются как в ямах, так и в катакомбах.

Четвертая обрядовая группа включает в себя вытянутые на спине захоронения в катакомбах. Стратиграфически они располагаются выше вытянутых захоронений в ямах. Если В.А. Сафронов эти обрядовые группы отнес к разным хронологическим горизонтам (Сафронов, 1974, с. 90), то В.П. Шилов их объединил, отнеся к раннему архаринскому этапу предкавказской катакомбной культуры, характеризующимся вытянутыми на спине погребениями в ямах и катакомбах (Шилов, 1985, с. 31). Еще раз следует отметить, что материалы Центрального Ставрополья, представленные в большинстве своем томuzловскими курганами, не позволяют нам объединять обе группы в один горизонт, и, таким образом, более убедительной представляется точка зрения В.А. Сафронова. Можно говорить лишь о сосуществовании ряда поздних погребений второй и четвертой групп. Существенным доводом в пользу этого положения могут считаться находки основной массы металлических посоховидных булавок в катакомбах, в то время как они представляют редкое исключение для второй группы, откуда преимущественно происходят роговые и бронзовые молоточковидные булавки. В курганах у хутора Веселая Роща и на сопредельных территориях посоховидные булавки ни разу не встречены в основных погребениях второй группы. В то же время там же в погребениях четвертой группы неизвестны роговые молоточковидные булавки. Это еще раз подтверждает более поздний характер появления посоховидных относительно бронзовых молоточковидных булавок. Так же, как и отдельные погребения первой и второй обрядовой групп «доживают» до распространения в степи левобочных катакомбных погребений, так и некоторые захоронения четвертой группы могли сосуществовать с последними.

Погребения пятой группы представлены скорченными захоронениями в ямах и катакомбах, руки у которых, как правило, протянуты в сторону бедер. В.А. Сафроновым на калмыцких материалах в шестую обрядовую

группу были включены погребения в катакомбах с костяками скорченными на боку и кистями рук, положенными перед лицом или грудью (Сафронов, 1974, с. 103). Однако в томузловских курганах такие захоронения практически не встречаются. Пятая группа традиционно относится исследователями к периоду «развитой» предкавказской катакомбной или маньчской культуры. Но как исключение комплексы пятой группы встречаются в степи и в каменных ящиках, что, скорее всего, обусловлено специфическими местными почвенными условиями (с. Грушевское). Кроме левобочных погребений, относительно часто встречаются расчлененные костяки и кенотафы, однако стратиграфически и по инвентарю они соответствуют пятой группе. Но не везде на степном Ставрополье мы сталкиваемся с положением костяков только на левом боку. Например, у с. Воровсколесское обнаружены вытянутые на спине погребения в ямах и катакомбах, которые, скорее всего, следует отнести к верхнекубанской группе, известной по Усть-Джегутинскому и Суворовскому курганным могильникам, захоронения в которых хронологически сопоставимы с маньчскими, а вот погребальная конструкция в ямах, как оказалось, там неизвестна. Не исключено, что в дальнейшем из погребений северокавказских предгорий, и первую очередь второй группы, удастся выделить захоронения в ямах, относимых к предкавказским погребениям верхнекубанского типа.

Имеющиеся данные показывают, что катакомбная конструкция могильного сооружения не была единственной среди других форм, поэтому также могут быть выделены и вытянутые на спине погребения в ямах из общего массива второй обрядовой группы, относимые к раннекатакомбным. Но об этом пока говорить преждевременно. К востоку от томузловской группы в курганах под Буденновском и Зеленокумском катакомбы ни разу не встречены. Все погребения маньчского типа, совершенные в скорченном положении на левом боку, обнаружены там только в ямах, что, вероятно, можно объяснить преобладанием чрезмерно сыпучего грунта, препятствовавшего возведению катакомб.

Памятники пятой группы соотносятся с аналогичными погребениями Калмыкии и Восточного Маньча, между которыми много общих черт как в погребальном обряде, так и в инвентаре, а особенно в керамике. Все они, по мнению ряда исследователей, относятся к маньчскому варианту предкавказской культуры или собственно маньчской культуре.

Правда, само название «предкавказская» катакомбная культура, хотя и традиционное, но достаточно расплывчатое. Во-первых, оно механически объединяет в одно культурное образование разновременные катакомбные памятники четвертой и пятой групп, между которыми трудно проследить преемственность в развитии (иная конструкция катакомб, положение костяка, отсутствие в четвертой группе керамических форм, получивших распространение в левобочных захоронениях и т.д.). Во-вторых, на огромной территории Северного Кавказа и степного Предкавказья в ранне- и среднебронзовом веке проживали различные группы катакомбного населения со своими специфическими чертами в материальной культуре

и традициями. К примеру, катакомбы в Дагестане у станции Манас вряд ли могут считаться локальным вариантом предкавказской катакомбной культуры (Мунчаев, Смирнов, 1956), поскольку сама форма погребальной конструкции еще не является определяющей для археологической культуры. Да и в целом инвентарь дагестанских катакомб никак нельзя соотносить с кругом восточноевропейских культур со шнуровой керамикой.

С другой стороны, верхнекубанские комплексы, несмотря на отдельные черты сходства с маньчскими, что вполне объясняется контактами обеих групп древнего населения, существенно отличаются от последних. Между ними куда больше различий, чем сходства, поэтому объединение обеих в одну культуру представляется проблематичным. На формирование верхнекубанских катакомб предгорий оказало сильное влияние северокавказское население, что и обусловило специфику этой культурной группы. В степи в отдельных случаях также можно проследить элементы более ранних традиций в памятниках катакомбного времени, но там они не столь четко выражены как в Верхнем Прикубанье. Материалы из курганов Среднего и Верхнего Прикубанья, а также Северной Осетии показывают, что и там памятники катакомбного времени составляют весьма специфические группы, существенно отличающиеся от одновременных комплексов соседних территорий.

Скорее всего, термин «предкавказская» культура несет в себе содержание территориального порядка, нежели культурно-хронологическое. К тому же исследователи обычно под ним подразумевают памятники маньчского типа, соответствующего горизонту «Д» по периодизации В.А. Сафронова.

Таким образом, раннекатакомбные комплексы в степном Предкавказье представлены вытянутыми погребениями (четвертая группа), которые на рубеже первой-второй четверти II тыс. до н.э. сменяются скорченными погребениями в ямах и катакомбах и датируются XVII–XIV вв. до н.э. (Братченко, 1976, с. 148). Конец существования позднекатакомбных памятников в Предкавказье некоторыми исследователями относится к XVI–XV вв. до н.э. (Дервиз, 1989, с. 262), что отличается от ранее предложенных В.А. Сафроновым дат – XIV–XIII вв. до н.э. (Сафронов, 1974, с. 103)

Одно время в Прикубанье, Приазовье, на Украине исследователи выделили так называемый «преддонецкий» катакомбный горизонт. Но в степном Ставрополье на основании имеющегося материала выделить подобные катакомбные погребения, предшествующие четвертой обрядовой группе, пока не удается, поскольку последней непосредственно предшествуют вытянутые погребения в ямах, которые катакомбными назвать нельзя. Можно отметить немногие сидячие погребения, в том числе и в катакомбах (Веселая Роща, Чограй), которые, возможно, и предшествуют четвертой группе, но этих данных недостаточно. В.Я. Кияшко, например, датировал такие необычные для степи захоронения третьей четвертью III тыс. до н.э. и связывал их появление в Подонье с южным влиянием, находя аналогии в куро-аракской культуре.

За пределами Предкавказья в других регионах катакомбной культурно-исторической общности ранний этап катакомбных памятников обычно относят к рубежу III–II тыс. до н.э. Это касается донецкой, ингульской, днепро-азовской, харьковско-воронежской (или среднедонской) культур. Полтавкинская также синхронизируется с донецкой и датируется, как правило, первой четвертью II тыс. до н.э. Однако верхняя дата катакомбных памятников на территории Украины ограничивается XVII–XVI вв. до н.э. (Братченко, 1976, с. 105). Появление катакомбных комплексов в степном Прикубанье относят к началу II тыс. до н.э., а их исчезновение – XV–XIV вв. до н.э. Получается, что погребения манычского типа, соответствующие пятой обрядовой группе (наряду с верхнекубанскими катакомбами Суворовского и Усть-Джегутинского могильников), являются наиболее поздними в кругу катакомбных памятников.

Если донецкие комплексы можно синхронизировать с погребениями четвертой группы степного Предкавказья, то в таком случае появление вытянутых на спине захоронений в ямах следует отнести к более раннему времени, т.е. последней четверти III тыс. до н.э. А к этому периоду исследователи относят пласт «преддонецких» катакомбных погребений. Но такое удревнение второй группы противоречит общепринятой датировке ранних северокавказских памятников, относимых к первой четверти II тыс. до н.э. Вероятно, второй половиной первой четверти II тыс. до н.э. можно датировать погребения четвертой группы, которые сосуществуют с поздними погребениями второй группы, а ранние погребения второй относятся к рубежу начала первой четверти II тыс. до н.э. Часть донецких погребений, в свою очередь, сосуществует с погребениями пятой группы. Таким образом, полная синхронизация донецких погребений с ранними северокавказскими не представляется безусловной. Время бытования пятой группы датируется второй четвертью-серединой II тыс. до н.э., после чего они сменяются погребениями срубного облика, которые в степном Ставрополье представляют немногочисленную шестую группу, характеризующуюся скорченными захоронениями в ямах на боку с кистями рук, уложенных перед лицом или грудью.

Вышеперечисленные обрядовые группы, выделенные на материалах курганов степного Ставрополья, в целом подтверждают обоснованность периодизации В.А. Сафронова, разработанную им для древних погребальных комплексов Калмыкии. Хотя, конечно же, если у древнего населения, обитавшего в каждом из этих районов, и наблюдаются свои специфические черты, что вполне естественно, тем не менее, у них все же больше общего, чем различий.

Литература

- Братченко С.Н., 1976* – Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы // Киев
- Дервиз П.Г., 1989* – Группа погребений финального этапа среднебронзового века курганов Ставропольской возвышенности // Древности Ставрополя. М.
- Иерусалимская А.А., 1957* – Курильницы бронзового века из предкавказских степей // Археологический сборник Государственного Эрмитажа, № 2
- Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956* – Памятники эпохи бронзы в Дагестане // СА, № XXVI
- Нечитайло А.Л., 1978* - Верхнее Прикубанье в бронзовом веке // Киев
- Сафронов В.А., 1974* – Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. Сообщения Научно-Методического Совета по охране памятников Министерства культуры СССР, вып. 7, М.
- Фисенко В.А., 1967* – Племена катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия // Автореферат дисс... канд. ист. наук, Л.
- Шилов В.П., 1985* – Курган 6 урочища Бичкин-Бурук и проблема хронологии начала средней бронзы Калмыки // СА, № 2

Сведения об авторах

Агульников Сергей Михайлович – научный сотрудник Центра Археологии Института Культурного Наследия Академии наук Молдовы. E-mail: agulnikov-budjak@mail.ru.

Авилова Людмила Ивановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела бронзового века Института археологии РАН.

Борисов Александр Владимирович – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (ИФХиБПП РАН). E-mail: a.v.borisov@rambler.ru.

Григорьев Станислав Аркадиевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Южноуральского филиала Института истории и археологии УрО РАН. E-mail: stgrig@mail.ru.

Демкин Виталий Александрович – доктор биологических наук, профессор, зам. директора Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (ИФХиБПП РАН), зав. лабораторией археологического почвоведения. E-mail: demkin@issp.serpukhov.su.

Демкина Татьяна Сергеевна – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории археологического почвоведения ИФХиБПП РАН.

Зданович Геннадий Борисович – доктор исторических наук, профессор, зам. директора по науке Историко-культурного заповедника «Ар-каим», заведующий кафедрой археологии, этнологии и социоестественной истории Челябинского государственного университета.

Иванов Игорь Васильевич – доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, г. Пущино. E-mail: ivanov-v-28@mail.ru.

Иванова Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии НАН Украины. E-mail: svi1956@gmail.com.

Каширская Наталья Николаевна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории археологического почвоведения ИФХиБПП РАН.

Ковалева Ирина Федоровна – доктор исторических наук, профессор Днепропетровского национального университета им. Олеся Гончара.

Кожин Павел Михайлович – доктор исторических наук, профессор, Институт Дальнего Востока РАН (Москва).

Коробов Дмитрий Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН. E-mail: dkorobov@mail.ru.

Коровчинский Иван Николаевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории древнего мира и средних веков МГОУ. E-mail: korin3@yandex.ru.

Красильников Константин Иванович – кандидат исторических наук, доцент Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, зав. Луганского отделения Восточнoукраинского филиала Института археологии НАН Украины.

Красильникова Людмила Ивановна – кандидат исторических наук, доцент, зав. Центром археологии и этнографии Луганского национального университета имени Тараса Шевченко.

Кузнецов Павел Федорович – кандидат исторических наук, доцент, директор Музея археологии Поволжья Поволжской государственной социально-гуманитарной Академии (ПГСГА). Самара. E-mail: kpf58@sama.ru.

Mallory James Patrick – professor of Prehistoric Archaeology, Queen's University Belfast, Northern Ireland, UK.

Малюкевич Александр Евгеньевич – научный сотрудник Одесского Археологического музея НАНУ. E-mail: malyukevich@mail.ru.

Малютина Татьяна Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент Челябинского государственного университета, старший научный сотрудник.

Моргунова Нина Леонидовна – доктор исторических наук, профессор Оренбургского государственного педагогического университета.

Мочалов Олег Дмитриевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Поволжской государственной социально-гуманитарной Академии (ПГСГА), Самара. E-mail: oleg-mochalov00@rambler.ru.

Напольских Владимир Владимирович – доктор исторических наук, профессор Удмуртского государственного университета, Ижевск. E-mail: vovia@udm.ru.

Немировский Александр Аркадьевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. E-mail: sidelts@inbox.ru.

Николаева Надежда Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков МГОУ.

Отрощенко Виталий Васильевич – доктор исторических наук, профессор, зав. отделом археологии энеолита – бронзового века Института археологии Национальной академии наук Украины. E-mail: otrok@i.com.ua.

Песочина Людмила Сергеевна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН. E-mail: LSPesch@rambler.ru.

Попович Сергей Сергеевич – младший научный сотрудник Центра Археологии Института Культурного Наследия АН РМ.

Пробейголова Алексей Сергеевич – научный сотрудник Луганского отделения Восточноукраинского филиала ИА НАН Украины.

Roman Petre – doctor-hab., professor-universitar, Universitatea «Ovidius» Constanta, București, Romania.

Савинов Дмитрий Глебович – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Саламахин Антон Юрьевич – магистрант Пушчинского госуниверситета.

Сарианиди Виктор Иванович – доктор исторических наук, академик Академии наук Таджикистана, Афины.

Сафронов Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков МГОУ.

Сморчков Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира Института восточных культур и античности (ИБКА) Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). E-mail: smorchkovtuber@yandex.ru.

Удальцов Сергей Николаевич – кандидат биологических наук, зав. ЦКП Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН.

Хомутова Татьяна Эдуардовна – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории археологического почвоведения ИФХиБПП РАН.

Чередниченко Андрей Геннадьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры теологии Белгородского государственного университета. E-mail: cherednichenko@bsu.edu.ru.

Шапошников Александр Константинович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела этимологии и ономастики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Dr. Shephard Henry – member signature of Archaeological Institute of America, Philadelphia. E-mail: drhenryshephard@yahoo.com.

Яровой Евгений Васильевич – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков МГОУ. E-mail: jar.evgenijj@rambler.ru.

Список сокращений

- ВДИ – Вестник древней истории, М.
- КСИА АН СССР – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР, М.
- РА – Российская археология
- СА – Советская археология
- AnOr – *Analecta Orientalis*, Roma
- SCIV – *Studii si cercetari de Istoria Veche*, București
- SCIVA – *Studii si cercetari de Istoria Veche si Arheologie*, București
- PZ – *Praehistorische Zite*, Berlin
- RGTC – *Répertoire géographique des textes cunéiformes*, Wiesbaden

1979 г. Элиста. Калгосуниверситет.
IX Крупновские чтения.

Московский государственный областной университет
Факультет истории, политологии и права
Кафедра истории древнего мира и средних веков

**Индоевропейская история
в свете новых исследований
(сборник научных статей)**

Редакционная коллегия:

Е.В. Яровой – ответственный редактор,
Сморчков А.М.,
Николаева Н.А.,
Клемешов А.С. – ответственный секретарь,
Сафронов А.В. – зам. ответственного редактора.

Издательство МГОУ.
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А

Изготовлено с готового оригинал-макета
Подписано в печать 2.12.2010 г.
Бумага офсетная. Гарнитура Pragmatica.
Печать офсетная. Формат бумаги 60×84 1/16. Усл. п.л. 24,75.
Тираж 1000 экз. Заказ № 175.